Проверено 1964 г.
МАЙ 2008
ПРОВЕРЕНО
2000 г.

~~2467~~

ВРЕМЕННИКЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО

ЛИЦЕЯ.

Книга семьдесятъ девятая.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-лит. Э. Г. Фалькъ, Духовская ул., соб. д.
1900.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

семьдесятъ девятой книги Временника Лицея.

Журналы Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея . . . . 1—36

Приложеніе къ Лѣтописи Лицея за 1896—97 учебный годъ . . . . 1—LXVI

Опытъ системы административнаго права. Ордин. проф. *Э. Берендтса*, окончаніе . . . . . . 113—246

Къ вопросу объ источникѣ и времени происхожденія ямской гоньбы въ древней Руси. Рѣчь, произнесенная 30 августа 1899 г. на актѣ Демидовскаго Юридическаго Лицея. Прив. доцента *И. Я. Гурлянда* . . . . 1—25

Мотивъ преступной дѣятельности и его значеніе въ уголовномъ правѣ. Прив. доцента *М. П. Чубинскаго* . . . . XX+1—136

Руководящія начала къ преподаванію русскаго гражданскаго права. И. д. Экстра-ординарнаго проф. *В. А. Юшкевича* . . . . 1—22

Юридическая библіографія № 53 . . . . . . 1—48

ЖУРНАЛЫ

Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

1897 года сентября 3 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: Ординарный профессоръ В. Г. *Щегловъ*, профессоръ Богословія Н. А. *Тихвинскій*, и. д. экстраординарнаго профессора А. А. *Піонтковскій*, и. д. доцента М. А. *Липинскій*, приватъ-доценты: А. Р. *Свирщевскій* и С. П. *Никоновъ*.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ: на 1-й курсъ: Болотовъ Михаилъ изъ Московскаго Университета (Костромской гимназіи), Кроллау Александръ Смоленской гимназіи, Харзѣевъ Александръ Ярославской гимназіи, Янкелевичъ Яковъ Томскаго Университета (Иркутской гимназіи), Ярославцевъ Александръ Томскаго Университета (Томской гимназіи); на 2-й курсъ: Вишневскій Владиміръ изъ Мос-

ковскаго Университета (Гродненской гимназіи), Зенкевичъ Викторъ Московскаго Университета (Тобольской гимназіи), Колянковскій Сергѣй Московскаго Университета (Орловской гимназіи), Курилъвъ Леонидъ Московскаго Университета (1-й Московской гимназіи), Павловскій Николай Московскаго Университета (Елатомской гимназіи), Поповъ Сергѣй Московскаго Университета (Калужской гимназіи), Родіоновъ Василій Московскаго Университета (Бердянской гимназіи), Скабаллановичъ Родіонъ Московскаго Университета (Бѣльской гимназіи), Соколовъ Владиміръ Юрьевскаго Университета (Ярославской Симинаріи), Унковскій Георгій Московскаго Университета (1-й Московской гимназіи), Чешковъ Петръ Казанскаго Университета (1-й Казанской гимназіи); на 3-й курсъ: Губаржевскій Викторъ Московскаго Университета (Житомірской гимназіи), Давыдовскій Петръ Московскаго Университета (Лицея Цесаревича Николая), Назаревскій Александръ Московскаго Университета (Елецкой гимназіи), Новицкій Дмитрій Новороссійскаго Университета (Ришельевской гимназіи), Панченко Владиміръ Варшавскаго Университета (Радомской гимназіи), Подорога Дмитрій Новороссійскаго Университета (Николаевской гимназіи); на 4-й курсъ: фонъ-Дервизъ Петръ Петербургскаго Университета (Рязанской гимназіи), Кабекъ Петръ Петербургскаго Университета (Либавской гимназіи), Патушинскій Григорій Московскаго Университета (Красноярской гимназіи), Чистяковъ Иннокентій Московскаго Университета (Красноярской гимназіи) **Опредѣлили**: Принять къ свѣдѣнію.

3. Составлено прилагаемое при семъ росписаніе лекцій на наступившій учебный годъ. **Опредѣлили**: Росписаніе утвердить.

4. На основаніи § 2 правилъ библіотеки Лицея, утвержденныхъ г. Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа 8-го Іюня 1896, г. въ настоящемъ засѣданіи произведено было избраніе въ члены библіотечной коммиссіи; причемъ избранными оказались: ординарные профессоры Э. Н. Берендтсъ, В. Г. Щегловъ и приватъ-доцентъ А. Р. Свирщевскій. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

5. На основаніи § 1 тѣхъ же правилъ происходило избраніе въ члены коммиссіи для ревизіи лицейской библіотеки; кромѣ членовъ Превленія, избранными оказались: и. д. экстраординарнаго профессора А. А. Піонтковскій и приватъ-доцентъ А. Р. Свирщевскій. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

1897 года октября 13 дня въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго* присутствовали: ординарные профессоры: Н. С. *Суворовъ,* В. Г. *Щегловъ,* профессоръ Богословія, Протоіерей Н. А. *Тихвинскій,* и. д. экстраординарнаго профессора А. А. *Піонтковскій,* и. д. доцента М. А. *Липинскій,* М. М. *Катковъ,* приватъ-доценты: А. Р. *Свирщевскій,* А. В. *Шмидтъ,* И. Я. *Гурляндъ* и Д. Н. *Стефановскій.* Не присутствовали: ординарный профессоръ Э. Н. *Берендтсъ* по нахожденію въ отпуску, и. д. доцента А. Е. *Минервинъ* по болѣзни.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **опредѣлили:** представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Управляющаго Учебнымъ Окру-

гомъ отъ 15 минувшаго сентября за № 19528, коимъ разрѣшаетъ напечатать во Временникѣ Лицея протоколы засѣданія Совѣта 25 августа, 7 октября, 25 ноября и 18 декабря 1895 года. **Опредѣлили**: Принять къ исполненію.

3. Предложеніе г. Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ 13, 20 и 30 минувшаго сентября за №№ 19419, 19420, 20015, 21006, коими разрѣшаетъ оставить на соотвѣтствующихъ курсахъ на третій годъ студентовъ: 3-го курса Сергѣя Алексѣева, 1-го курса Владиміра Каменскаго, 2-го курса Владиміра Виѳанскаго и Алексѣя Нестерова. **Опредѣлили**: Принять къ свѣдѣнію.

4. Отношеніе Ярославскаго Городскаго Головы отъ 9 минувшаго сентября за № 151, коимъ увѣдомляетъ о назначеніи студенту Лицея Ивану Березину стипендіи имени Императора Александра I. **Опредѣлили**: Принять къ свѣдѣнію и для исполненія передать въ Правленіе Лицея копію съ заслушаннаго отношенія.

5. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи отзывовъ приватъ-доцентовъ А. Р. Свирщевскаго и И. Я. Гурлянда о кандидатскихъ разсужденіяхъ окончившихъ курсъ наукъ въ Лицеѣ Ивана Сопелкина „Промысловый налогъ въ Россіи“ и Михаила Старухина „Передача векселя по русскому праву“, **Опредѣлили**: Утвердить Сопелкина и Старухина въ степени кандидата юридическихъ наукъ, о чемъ и выдать имъ надлежащіе аттестаты, а отзывы о сочиненіяхъ названныхъ лицъ напечатать во Временникѣ Лицея.

6. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ на первый курсъ: Барковъ Николай Московскаго Университета (среднее образованіе получилъ въ Коллегіи Галагана), Бѣлосельскій Константинъ

(Ярославской Симинаріи), Володкевичъ Сергѣй Смоленской гимназіи, Московскаго Университета, Каратыгинъ Владиміръ гимназіи Гуревича, Коссовской Исай Слуцкой гимназіи, Петербургскаго Университета, Лопатинскій Станиславъ Ставропольской гимназіи, Харьковскаго Университета, Полетаевъ Дмитрій Ярославской Семинаріи, Поповъ Веніаминъ Усть-Медвѣдинской гимназіи, Московскаго Университета, Поповъ Григорій Воронежской гимназіи, Томскаго Университета, Юрьевъ Николай Вологодской гимназіи; на 2-й курсъ: Андреевскій Василій Черниговской гимназіи, Кіевскаго Университета, Соколовъ Александръ Рыбинской гимназіи, Московскаго Университета, Шпигановичъ Александръ Елатомской гимназіи, Варшавскаго Университета; на 3-й курсъ: Липинскій Нарцизъ Черниговской гимназіи, Кіевскаго Университета, Страховъ Петръ Московской 1-й гимназіи, Московскаго Университета; на 4-й курсъ: Маевскій Станиславъ изъ Казанскаго Университата, Мельгуновъ Николай Елатомской гимназіи, Московскаго Университета, Шмидтъ Анатолій Кіевской 4 й гимназіи, Кіевскаго Университета, Штейнбергъ Николай Кіевской 3-й гимназіи, Кіевскаго Университета, Юшковъ Николай Кутаисской гимназіи, Московскаго Университета. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

7. Разсматривали прошенія студентовъ Лицея о назначеніи имъ стипендій. Сообразивъ относительное достоинство ихъ по оказаннымъ на испытаніяхъ успѣхамъ, поведенію и бѣдности и данную Бухгалтеромъ справку о числѣ стипендій и состояніи стипендіальныхъ суммъ, **Опредѣлили:** А) изъ 20-и демидовскихъ а) оставить пять за получавшими въ истекшемъ году: Виноградовымъ Константиномъ, Клочковскимъ Вячеславомъ, Севастьяновымъ Вячеславомъ, Чиковымъ Акепсимомъ и Шкляромъ Ива-

номъ и б) вновь назначить съ 16 августа степендіи студентамъ 4 го курса: Болотову Петру, Воротынскому Владиславу, Демидову Владиміру, Константинову Петру, Осипову Павлу, Рождественскому Николаю и 3-го курса: Огородникову Евгенію, Смирнову Николаю, Тарнавичу Георгію, Тихановскому Николаю и Чернышу Діонисію, изъ нихъ Тарнавича помѣстить въ интернатъ. Б) На счетъ тѣхъ же суммъ оставить за прежде жившими въ интернатѣ студентами Канаевымъ Леонидомъ, Сосновскимъ Николаемъ и Юшкевичемъ Борисомъ и, согласно заявленію г. Директора, вновь помѣстить въ интернатъ Любимова Ивана. В) Изъ благотворительныхъ стипендій назначить съ 1-го сентября: Болдырева Кленовскому Борису, Топленинова Юрине Тенису, Архіепископа Леонида Лебедеву Александру, Соколова Геллеру Владиміру и Макиной Заіончковскому Мечиславу. Г) На счетъ % съ капитала Н. Н. Демидова оставить прежде жившихъ въ интернатѣ Искржицкаго Петра и Ткаченко Дмитрія. Д) На сумму, внесеную Почетнымъ Попечителемъ П. А. Демидовымъ, оставить въ интернатѣ Троицкаго Николая. Е) Изъ образовавшихся отъ стипендій остатковъ (§ 12 ст. 3) 374 руб. 85 коп. назначить къ единовременной выдачѣ по 40 рублей: Аристову Александру, Власьевскому Николаю, Волкову Сергѣю, Надеждину Михаилу, Першачеву Александру, Скрипицину Владиміру и 40 рублей внести за слушеніе лекцій въ текущемъ учебномъ году за студента 4-го курса Николаева Петра. Ж) Копію съ настоящаго постановленія передать въ Правленіе Лицея для удовлетворенія прописанныхъ выше студентовъ стипендіями помѣсячно. З) Списокъ стипендіатовъ сообщить Инспектору и Библіотекарю.

8. Гг. профессорами и преподавателями Лицея, на

основаніи § 3 инструкціи преподавателямъ, представлены слѣдующіе учебные планы для чтенія лекцій въ 1897—98 году: *ординарнымъ профессоромъ Н. С. Суворовымъ* „Въ 189⁷|₈ академическомъ году церковное право будетъ читаться студентамъ III курса по 6 часовъ въ недѣлю по программѣ, напечатанной мною во Временникѣ Лицея; тѣмъ же студентамъ III курса будетъ читаться по 4 часа въ недѣлю римское право въ слѣдующихъ отдѣлахъ: обязательственное право, семейственное право и наслѣдственное право, по университетской программѣ"; *ординарнымъ профессоромъ В. Г. Щегловымъ*: „Честь имѣю заявить Совѣту Лицея, что въ 189⁷|₈ академическомъ году въ курсъ энциклопедіи права, который я буду читать студентамъ Лицея, войдутъ: краткій очеркъ исторіи философіи права (древней—Платона и Аристотеля и особенно новой) и общая теорія права, причемъ въ послѣдней первое мѣсто займетъ вопросъ объ общемъ ученіи о правѣ и будетъ обращено вниманіе на общее ученіе объ юридическихъ нормахъ. Кромѣ того, по примѣру прошлаго года, два часа въ недѣлю (изъ 6) будетъ посвящено мною на совмѣстное со студентами чтеніе и комментированіе Политики Аристотеля. Что же касается курса всеобщей исторіи права, чтеніе которой поручено мнѣ Совѣтомъ Лицея, то въ этотъ курсъ, обнимающій собою исторію права въ древнемъ мірѣ, средніе вѣка и новое время, будетъ включенъ мною очеркъ исторіи права въ 1-ой половинѣ XIX столѣтія, до котораго въ прошломъ году была доведена мною исторія права". Всѣ остальные наличные преподаватели Лицея, какъ то: заслуженный ординарный профессоръ С. М. Шпилевскій—по исторіи русскаго права, протоіерей Н. А. Тихвинскій—по Богословію, ординарный про-

фессоръ Э. Н. Beредтсъ—по государственному и административному праву, и. д. экстраординарнаго профессора А. А. Піонтковскій—по уголовному праву, и. д. доцента М. А. Липинскій—по исторіи русскаго права и гражданскому процессу, А. Е. Минервинъ—по институціямъ римскаго права и исторіи римскаго права, М. М. Катковъ по римскому праву, приватъ-доценты: А. Р. Свирщевскій—по финансовому праву и политической экономіи, А. В. Шмидтъ—по международному праву, И. Я. Гурляндъ—по торговому праву, В. А. Юшкевичъ—по гражданскому праву, Д. Н. Стефановскій по уголовному процессу и С. П. Никоновъ—по гражданскому праву, заявили, что предметы свои въ наступившемъ 1897/8 учебномъ году они будутъ читать по планамъ, утвержденнымъ въ прошломъ учебномъ году примѣнительно къ программамъ, установленнымъ для испытательныхъ коммиссій. **Опредѣлили:** Съ прописаніемъ изложеннаго представить чрезъ г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа въ Министерство Народнаго Просвѣщенія.

9) На основаніи § 25 правилъ, представлены въ Совѣтъ Лицея гг. профессорами и преподавателями слѣдующія темы для сочиненія студентамъ на преміи въ 1897/8 учебномъ году: 1) ординарнымъ профессоромъ Н. С. Суворовымъ по римскому праву: a) „Понятіе объ обязательствѣ“, b) „Юридическія отношенія, порождаемыя договоромъ товарищества“, c) „О субституціи“, d) „Стипуляція“. Затѣмъ заявили, что къ прошлогоднимъ темамъ прибавляютъ новыя: и. д. экстраординарнаго профессора А. А. Піонтковскій по уголовному праву: a) „Объ условномъ осужденіи“, b) „Законъ 7 іюля 1897 года о преслѣдованіи и наказаніи несовершеннолѣтнихъ преступниковъ“, c) „О штрафахъ“ и

d) „Объ уголовной давности"; приватъ-доценты: И. Я. Гурляндъ по торговому праву „Роль обычая въ русскомъ торговомъ правообразованіи" и С. П. Никоновъ по гражданскому праву „Наемъ фабричныхъ рабочихъ", по остальнымъ предметамъ какъ то: по исторіи русскаго права, церковному праву, государственному и административному праву, энциклопедіи права, всеобщей исторіи права, гражданскому судопроизводству, институціямъ римскаго права, исторіи римскаго права, политической экономіи, финансовому праву, международному праву и уголовному процессу темы остаются данныя на истекшій 189⁶|₇ учебный годъ. **Опредѣлили**: Темы утвердить и объявить оныя студентамъ.

10. На основаніи § 10 инструкціи преподавателямъ Лицея очередь для произнесенія рѣчи на имѣющемъ быть 30 августа 1898 года актѣ Лицея падаетъ на приватъ-доцента А. В. Шмидта, какъ старшаго по назначенію на службу изъ всѣхъ другихъ преподавателей, не читавшихъ еще рѣчи на актѣ, а потому **опредѣлили**: Просить А. В. Шмидта приготовить рѣчь для произнесенія на торжественномъ актѣ Лицея 30 августа 1898 года.

11. На основаніи § 50 правилъ, утвержденныхъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 12 іюля 1897 года для экзаменовъ въ декабрѣ мѣсяцѣ вновь поступившимъ въ нынѣшнемъ году студентамъ, желающимъ освободиться на 2-е полугодіе отъ взноса платы за слушаніе лекцій, **опредѣлили**: Назначить предметы: энциклопедію права, исторію русскаго права и всеобщую исторію права.

12. Представленное студентомъ Лицея Діонисіемъ Чернышъ сочиненіе на соисканіе денежной преміи подъ заглавіемъ „О союзахъ предпринимателей" **опредѣлили**:

Передать для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ привать-доценту А. Р. Свирщевскому.

(*Приложеніе къ ст. 5-й*).

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Приватъ-доцента А. Р. *Свирщевскаго.*

ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ разсужденіи Ивана Сопелкина „Промысловый налогъ въ Россіи".

Кандидатское разсужденіе г. Сопелкина представляетъ собою изложеніе промысловаго налога, описаніе типическихъ формъ этого налога въ западно-европейскихъ государствахъ, краткій историческій очеркъ промысловаго обложенія въ Россіи и обозрѣніе дѣйствующаго русскаго законодательства въ этой области. Не высказывая нигдѣ попытокъ самостоятельнаго развитія теоріи или самостоятельнаго критическаго отношенія къ положительному законодательсту, авторъ даетъ въ своей работѣ безпритязательное изложеніе добросовѣстно изученнаго имъ матеріала по избранному для него вопросу.

Такъ какъ результаты этого изложенія, потребовавшаго значительнаго труда, изложены въ довольно стройной системѣ, хорошимъ литературнымъ языкомъ, причемъ не обнаруживается какихъ либо важныхъ погрѣшностей въ пониманіи существеннѣйшихъ сторонъ изучаемаго вопроса, то я полагаю, что сочиненіе Сопелкина удовлетворяетъ условіямъ, предъявляемымъ къ кандидатскому разсужденію.

Приватъ-доцентъ А. *Свирщевскій.*

ОТЗЫВЪ

приватъ-доцента *И. Я. Гурлянда*

о кандидатской диссертаціи М. Старухина подъ заглавіемъ: „Передача векселя по русскому праву“.

Задачей разбираемой работы было систематическое изложеніе тезисовъ кассаціонной практики, касающихся передачи векселя, въ связи съ оцѣнкой ихъ, указаніемъ вопросовъ, по которымъ Сенатъ не имѣлъ еще случаевъ высказаться, и посильнымъ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ.

Тема разработана въ четырехъ слѣдующихъ главахъ: 1) форма индоссамента, объектъ и субъекты его; 2) отношеніе между индоссантомъ и плательщикомъ и между индоссантомъ—векседержателемъ и плательщикомъ; 3) отвѣтственность родителей предъ векселедержателемъ и 4) права надписателя, заплатившаго по векселю. Первая и третья главы составлены весьма тщательно, такъ что, если бы и остальныя двѣ главы были разработаны съ такимъ же стараніемъ, я имѣлъ бы возможность вчинить ходатайство предъ Совѣтомъ Лицея о разрѣшеніи напечатать означенное сочиненіе. Но во второй главѣ авторъ обсуждаетъ кассаціонныя рѣшенія, часть которыхъ должна бы быть согласована съ теоретическимъ обсужденіемъ вопросовъ, входящихъ въ главу, такъ какъ иначе выходитъ, что кассаціонная практика, которую авторъ пытается оправдать теоретическими соображеніями, идетъ въ разрѣзъ съ основными взглядами автора на означенный вопросъ; хотя, съ другой стороны, авторъ категорически заявляетъ, что кассаціонная практика идетъ не только въ соот-

вѣтствіи съ истинными запросами жизни, но какъ то даже, по словамъ, автора предупреждаетъ ее. Принимая во вниманіе всѣ указанныя соображенія, имѣю честь покорнѣйше ходатайствовать предъ Совѣтомъ Лицея и предоставленіи г. Старухину искомой степени. Причемъ имѣю честь присовокупить, что работа г. Старухина могла бы, по моему мнѣнію, быть напечатана во Временникѣ Лицея, если бы авторъ согласился исправить указанный недостатокъ и развить тѣ части его работы, о которыхъ упомянуто выше.

Приватъ-доцентъ И. *Гурляндъ.*

1897 года ноября 1-го дня въ экстраординарномъ засѣданіи Совѣта Демидовскаго Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго,* присутствовали: ординарные профессоры: Н. С. *Суворовъ,* Э. Н. *Берендтсъ,* В. Г. *Щегловъ,* профессоръ Богословія Протоіерей Н. А. *Тихвинскій,* и. д. экстраординарнаго профессора А. А. *Піонтковскій,* и. д. доцента М. М. *Катковъ,* приватъ-доценты: А. Р. *Свирщевскій,* А. В. *Шмидтъ,* И. Я. *Гурляндъ* и Д. Н. *Стефановскій.* Не присутствовалъ и. д. доцента А. Е. *Минервинъ* по болѣзни.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Прилагаемое при семъ отношеніе ординарнаго профессора Лицея Э. Н. Берендтса, коимъ онъ хода-

тайствуетъ объ оставленіи при Лицеѣ въ качествѣ стипендіата для приготовленія къ профессорскому званію по государственному и административному праву окончившаго въ текущемъ 1897 году курсъ наукъ въ Лицеѣ съ степенью кандидата Гагена Владиміра. Принимая во вниманіе отличное поведеніе кандидата Гагена и оказанные имъ во время пребыванія въ Лицеѣ также отличные успѣхи, **опредѣлили**: Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ Его Сіятельствомъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ оставленіи Гагена при Лицеѣ для приготовленія къ каѳедрѣ Государственнаго и Административнаго права, срокомъ на два года, съ ассигнованіемъ ему содержанія изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ размѣрѣ по 600 руб. годъ.

3. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ на 1-й курсъ: Баторовскій Сергѣй изъ Московскаго Университета (3-й Московской гимназіи), Гаевскій Виталій Кіевскаго Университета (Кіевской 3-й гимназіи). Кармалѣй Петръ Коллегіи Павла Галагана, Красотинъ Петръ Московскаго Университета (Ярославской гимназіи), Маслениковъ Николай Ярославской гимназіи, Михалевичъ Ѳедоръ Ярославской гимназіи; Розаліонъ-Сошальскій Московскаго Университета (Воронежской гимназіи); на 2-й курсъ: Гавриловъ Петръ Петербургскаго Университета (Воронежской гимназіи), Редеръ Обдонъ Петербургскаго Университета (Ларинской гимназіи); на 3-й курсъ: Александровъ Петръ Кіевскаго Университета (Прилукской гимназіи), Бобинскій Михаилъ Кіевскаго Университета (Ченстоховской гимназіи), Золотиловъ Иванъ Кіевскаго Университета (Нижегородской гимназіи), Пѣтуховъ Иванъ Варшавскаго Университета (Смоленской гимназіи), Унтиловъ

Василій Одесскаго Университета (Одесской 2-й гимназіи), Ушинскій Григорій Кіевскаго Университета (Каменецъ-Подольской гимназій), Четвериковъ Николай Московскаго Университета (Лицея Цесаревича Николая); на 4-й курсъ: Антоновичъ Иванъ Петербургскаго Университета (6-й Петербургской гимназіи), Атовмянцъ Геворкъ Московскаго Университета (Лазаревскаго Института), Сегаль Александръ Харьковскаго Университета (3-й Харьковской гимназіи). **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

4. Получено извѣстіе о смерти студентовъ 2-го курса Жданова Николая и 4-го курса Шійко Василія. **Опредѣлили:** Исключить Жданова и Шійко изъ списковъ студентовъ.

(*Приложеніе къ ст. 2-й*),

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея

Ординарнаго профессора Э. *Берендтса.*

Представленіе:

Кандидатъ Владиміръ Гагенъ, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ въ маѣ 1897 года, проситъ меня ходатайствовать предъ Совѣтомъ Лицея объ оставленіи его при Лицеѣ по каѳедрѣ Государственнаго и Административнаго права для приготовленія къ профессорскому званію, по возможности въ качествѣ стипендіата. Избранная имъ спеціальность—административное и полицейское право. Я исполняю его просьбу съ полною готовностью, ибо знаю Гагена какъ человѣка, не только способнаго, но и горячо преданнаго научнымъ занятіямъ. Гагенъ, православнаго исповѣданія, сынъ товарища прокурора

Костромскаго Окружнаго Суда, въ 1892 году окончилъ Костромскую гимназію вполнѣ успѣшно. (Баллы его по латинскому и греческому языкамъ 5 и 5, по русской словесности и исторіи 5 и 5.) Не менѣе успѣшно онъ прошелъ курсъ лицейскій. Состоя на третьемъ курсѣ, онъ получилъ полную премію за сочиненіе: „Эльберфельдская система призрѣнія бѣдныхъ". Изъ личнаго коллоквіума съ нимъ я убѣдился, что эта работа была результатомъ дѣйствительнаго близкаго знакомства съ цитированной литературой и статистическими матеріалами. Кандидатская работа г. Гагена на тему: „Организація указанія работы" вполнѣ одобрена Совѣтомъ и предназначена къ печатанію во Временникѣ Лицея. Лѣтомъ текущаго года Гагенъ напечаталъ небольшую работу на ту же тему въ одномъ изъ столичныхъ журналовъ и готовитъ къ напечатанію другую работу изъ сферы вопросовъ о борьбѣ съ безработицей. Кандидатъ Гагенъ владѣетъ французскимъ и нѣмецкимъ языками, что безусловно необходимо для успѣшнаго занятія избранною имъ наукою. Въ виду всего вышеизложеннаго и принимая во вниманіе, что количество спеціалистовъ по административному или полицейскому праву въ Россіи столь незначительно, что только двѣ изъ университетскихъ каѳедры полицейскаго права заняты спеціалистами, я ходатайствую предъ Совѣтомъ Лицея объ оставленіи кандидата Гагена при Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію по избранной имъ спеціальности въ качествѣ стипендіата.

Ординарный профессоръ Э. *Берендтсъ.*

Экстраординарное засѣданіе Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея 10 ноября 1897 года.

Въ настоящемъ засѣданіи прочтенъ проэктъ адреса

составленнаго для поднесенія профессору Моммсену по случаю исполнившагося восьмидесятилѣтія со дня его рожденія. Одобривъ этотъ адресъ, **опредѣлили**: Отослать его профессору Моммсену.

Засѣданіе 1 декабря 1897 года.

СЛУШАЛИ:

Постановленіемъ Правленія Лицея, состоявшимся 29 минувшаго ноября, студенты Лицея IV курса Ѳедоръ Невскій и II курса Алексѣй Нестеровъ за произведенныя имп 26 ноября въ ярославскомъ городскомъ театрѣ нарушенія порядка и дисциплинарныхъ правилъ, какъ донесъ о томъ рапортомъ Инспекторъ студентовъ, уволены изъ Лицея на годъ съ правомъ поступить въ другое высшее учебное заведеніе. Совѣтъ, соглашаясь съ этимъ постановленіемъ Правленія, **опредѣлилъ**: Утвердить это постановленіе.

1897 года декабря 13 дня въ засѣданіи Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: ординарные профессоры: Н. С. *Суворовъ*, Э. Н. *Берендтсъ*, В. Г. *Щегловъ*, профессоръ Богословія Протоіерей Н. А. *Тихвинскій*, и. д. экстраординарнаго профессора А. А. *Піонтковскій*, и. д. доцента М. А. *Липинскій*, А. Е. *Минервинъ* и М. М. *Катковъ*, приватъ-доценты: А. Р. *Свирщевскій*, И. Я. *Гурляндъ*, В. А. *Юшкевичъ*, Д. Н. *Стефановскій* и С. П. *Никоновъ*. Не присутствовалъ: приватъ-доценты А. В. Шмидтъ по нахожденію въ отпуску.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 14 октября за № 22538, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшаетъ студентамъ Лицея 3 курса Александру Воробьеву и 4 курса Марцелію Щепановскому-Домбровичу остаться на тѣхъ же курсахъ на третій годъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 29 октября за № 23493, коимъ увѣдомляетъ, что г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія призналъ возможнымъ разрѣшить Черниговской Земской Управѣ содержать при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія стипендіатовъ имени Якова Ивановича Дунинъ-Барковскаго. Утвержденное 10 октября 1897 года г. Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія положеніе о стипендіи прилагается при семъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и положеніе напечатать.

5. По выслушаніи прилагаемыхъ при семъ отзывовъ, доставленныхъ и. д. экстаординарнаго профессора А. А. Піонтковскимъ и приватъ-доцентами А. Р. Свирщевскимъ и С. П. Никоновымъ о сочиненіяхъ, представленныхъ студентами Лицея на соисканіе денежныхъ премій: 1) Протасьева Александра подъ заглавіемъ „Система испытанія“, 2) Черныша Діонисія на тему „Союзы предпринимателей“ и 3) Чикова Акипсима „Юридическое положеніе добросовѣстнаго владѣльца по русско-

му праву“, **опредѣлили**: Удостоить студентовъ Протасьева и Черныша большой преміи въ размѣрѣ по 50 руб. каждаго, а Чикова—малой въ 25 руб.; для удовлетворенія же прописанныхъ выше студентовъ деньгами копію съ настоящаго опредѣленія передать въ Правленіе Лицея.

5. По выслушаніи прилагаемыхъ при семъ отзывовъ о кандидатскихъ сочиненіяхъ окончившихъ въ 1896 году курсъ наукъ въ Лицеѣ: Владиміра Васильева „Свобода воли и ея отношенія къ праву“ (ординар. проф. В. Г. Щеглова) и Петра Спасскаго на тему „Законныя ограниченія права собственности по русскому гражданскому праву, или такъ называемое право участія“, разсмотрѣнное приватъ-доцентомъ В. А. Юшкевичемъ, **опредѣлили**: Удостоить Васильева и Спасскаго искомой степени кандидата, въ чемъ и выдать имъ надлежащіе аттестаты, отзывы же о ихъ сочиненіяхъ напечатать во Временникѣ Лицея.

6. Прошеніе окончившихъ курсъ въ Лицеѣ съ правомъ на полученіе степени кандидата юридическихъ наукъ по представленіи въ Совѣтъ кандидатскихъ разсужденій въ узаконенный срокъ: Апостолова Нила, Березовскаго Іосифа, Вергелесова Николая, Губскаго Ивана, Жаба Михаила, Жданова Геннадія, Зевальда Карла, Кедрова Бориса, Козмодемьянскаго Александра, Копылова Леонида, Куцева Θедора, Преображенскаго Николая, Рыжикова Виктора и Чукашева Андрея объ отсрочкѣ имъ представленія кандидатскихъ сочиненій, такъ какъ по разнымъ причинамъ просители не имѣли возможности представить таковыя. Признавъ изложенныя просителями причины уважительными, Совѣтъ **опредѣлилъ**: Отсрочить всѣмъ вышепоименованнымъ лицамъ подачу кандидатскихъ работъ, но не далѣе какъ до перваго іюня 1898 года, о чемъ ихъ и извѣстить.

7) Прошеніе студента Лицея 2-го курса Михаила Ястребова о выдачѣ ему, какъ достигшему 27 лѣтняго возраста, удостовѣренія для представленія въ воинское присутствіе при исходатайствованіи дополнительной отсрочки по отбыванію воинской повинности до окончанія образованія въ Лицеѣ. **Опредѣлили:** Выдать студенту Ястребову просимое удостовѣреніе, указавъ въ немъ, что проситель можетъ окончить полный курсъ наукъ въ Лицеѣ къ 1-му іюня 1900 года.

8. Прошенія студентовъ Лицея: IV курса Борисенко Алексѣя, II курса Заіончковскаго Мечислава и I курса Володкевича Сергѣя, коими ходатайствуютъ о выдачѣ имъ пособія. Принимая во вниманіе матеріальную недостаточность просителей и отличное ихъ поведеніе, **опредѣлили:** Назначить къ единовременной выдачѣ въ пособіе: Борисенко сорокъ рублей, Заіончковскому тридцать рублей и Володкевичу двадцать четыре рубля восемдесять пять копѣекъ; расходъ этотъ произвести изъ остатковъ отъ стипендій истекшаго учебнаго года по § 12, статьѣ 3-й, смѣты 1897 года, для исполненія же настоящаго постановленія сообщить Правленію Лицея.

9. Окончившій въ 1897 году курсъ наукъ въ Лицеѣ Хлѣбниковъ Максиміліанъ своевременно представилъ кандидатскую работу „Святѣйшій Правительствующій Синодъ при Петрѣ Великомъ, его организація и дѣятельность“. **Опредѣлили:** Передать эту работу для разсмотрѣнія и доставленія отзыва о ней ординарному профессору Н. С. Суворову.

10. По разсмотрѣніи въ настоящемъ засѣданіи Совѣта доставленнаго въ оный библіотекаремъ списка русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ, **опредѣлили:** Выписать на предстоящій 1898 годъ журналы и газеты по составленному библіотекаремъ списку.

11. Для сочиненій на золотую медаль текущаго учебнаго года **опредѣлили:** Оставить данную въ 189⁶|₇ учебномъ году по институціямъ римскаго права „Исторія порядка наслѣдованія безъ завѣщанія“ и вновь одобрить тему, предложенную ординарнымъ профессоромъ В. Г. Щегловымъ „Античное право по сравненію съ восточнымъ“.

12. По заявленію ординарнаго профессора Э. Н. Берендтса **опредѣлили:** Напечатать во Временникѣ Лицея изданіе его „Система административнаго права“.

13. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ на 1 курсъ: Ренигеръ Константинъ изъ Московскаго Университета (Рижской гимназіи), Чистяковъ Ѳедоръ Московскаго Университета; на 2-й курсъ: Лашкевичъ Сергѣй изъ Кіевскаго Университета (Житомірской гимназіи); на 4-й курсъ: Быковъ Александръ Московскаго Университета (Красноярской гимназіи), Герцъ Гвидонъ и Скибневскій Леонидъ—бывшіе студенты Лицея. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

14. По выслушаніи прилагаемаго при семъ прошенія ординарнано профессора Н. С. Суворова (подъ № 1) Совѣтъ, соглашаясь съ изложеннымъ въ прошеніи **опредѣлилъ:** Ходатайствовать предъ г. Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа о зачисленіи г. Суворову въ дѣйствительную службу какъ времени, проведеннаго имъ до поступленія въ Университетъ студентомъ въ должности учителя Солигаличскаго духовнаго училища, такъ и времени, употребленнаго на пріобрѣтеніе ученой степени по окончаніи курса въ Университетѣ до назначенія и. д. экстраординарнаго профессора Лицея.

15. По выслушаніи прилагаемаго при семъ (за № 2) предложенія ординарнаго профессора Н. С. Суворова, г. Директоромъ поставленъ былъ вопросъ: вправѣ ли

Совѣтъ отмѣнить вошедшее въ силу свое постановленіе? Совѣтъ рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно и тогда профессоръ Суворовъ заявилъ протестъ противъ того, что до подачи голосовъ не было г. Директоромъ предложено никакихъ обсужденій по существу, а что въ практикѣ Лицея бывали примѣры отмѣны Совѣтомъ своихъ постановленій. **Опредѣлили**: Записать объ этомъ въ журналъ.

16. По выслушаніи прилагаемаго при семъ (за № 3) предложенія того же профессора Н. С. Суворова, г. Директоръ поставилъ вопросъ касательно прописки студентами въ прошеніяхъ, подаваемыхъ предъ экзаменами, числа пропущенныхъ ими въ теченіи года лекцій. Совѣтъ отвергъ предложеніе г. Суворова, послѣ чего онъ просилъ записать объ этомъ въ журналъ, какъ равно и о томъ, что вообще никакихъ разсужденій по другимъ пунктамъ этого его заявленія не было допущено. **Опредѣлили**: Записать объ этомъ въ журналъ.

Копія съ копіи.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. *Утверждаю* 10 го октября 1897 г. За Министра Народнаго Просвѣщенія, Товарищъ Министра Н. Аничковъ.

ПОЛОЖЕНІЕ

о стипендіи имени Якова Ивановича Дунинъ-Барковскаго при одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

1. При одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго просвѣщенія учреждается стипендія имени Якова Ивановича Дунинъ-Бар-

ковскаго на счетъ процентовъ съ капитала въ 7500 р., пожертвованнаго съ этою цѣлью дво
рянином Яковомъ Ивановичемъ Дунинъ-Барковскимъ.

2. Стипендіальный капиталъ хранится въ Черниговскомъ Губернскомъ Казначействѣ и проценты съ этого капитала должны, по мѣрѣ надобности, быть переводимы въ то высшее учебное заведеніе, въ которомъ стипендіатъ будетъ обучаться, въ сроки установленные для казенныхъ стипендій.

3. Размѣръ стипендіи опредѣляется, за вычетомъ 5% государственнаго сбора, въ 285 рублей въ годъ.

4. Назначеніе стипендіатовъ производится Черниговскимъ Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ по соглашенію: а) съ начальствомъ того учебнаго заведенія, въ которомъ окончило курсъ избранное въ стипендіаты лицо, если стипендія предоставляется ему по окончаніи предварительнаго образованія до вступленія въ высшее учебное заведеніе, или б) съ начальствомъ подлежащаго высшаго учебнаго заведенія, если назначеніе стипендіи касается лицъ, состоящихъ уже студентами.

5. Стипендіатами могутъ быть только лица изъ русскихъ подданныхъ, православнаго исповѣданія, уроженцы Черниговской губерніи. Черниговская Губернская Земская Управа распоряжается переводомъ или высылкою процентовъ съ капитала впредь за полгода или за годъ, съ зачисленіемъ ихъ на общемъ основаніи въ депозитъ того учебнаго заведенія, въ которомъ состоитъ стипендіатъ. На подлинной копіи написано: Директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія В. Латышевъ, Дѣлопроизводитель Ковалевскій. Вѣрно: Правитель канцеляріи Рахмановъ; свѣрялъ Столоначальникъ Е. Ивановъ.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи „Система испытанія,“ представленномъ студентомъ IV курса Александромъ Протасьевымъ для полученія преміи

и. д. экстаординарнаго профессора
А. А. *Піонтковскаго.*

Сочиненіе Протасьева посвящено системѣ испытанія (уголовному осужденію)—одному изъ карательныхъ средствъ, ставшихъ въ послѣднее время проникать въ современныя карательныя системы. Оно распадается на двѣ части: первая часть занимается обозрѣніемъ разнообразныхъ карательныхъ средствъ, предлагаемыхъ въ качествѣ замѣны краткосрочнаго лишенія свободы, и всестороннимъ изученіемъ жизнепригодности системы испытанія. Вторая обрисовываетъ историческій процессъ развитія системы испытанія и современное положеніе этого института. Это сочиненіе представляется вполнѣ удачно. Несмотря на нѣкоторые присущіе ему недостатки (растянутость изложенія и нѣсколько неудачное построеніе плана), оно является свидѣтельствомъ умѣнья мастерски разобраться въ цѣлой серіи контроверзъ, служитъ доказательствомъ всесторонняго знакомства съ литературой (не только русской, но и западно - европейской), въ высшей степени добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу и поразительнаго трудолюбія, вслѣдствіе чего я рѣшаюсь ходатайствовать предъ Совѣтомъ Демидовскаго Юридическаго Лицея о предоставленіи г. Протасьеву полной преміи.

И. д. экстраординарнаго профессора
А. *Піонтковскій.*

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи на премію студента III курса Діонисія Черныша на тему „Союзы предпринимателей".

Въ четырехъ главахъ своего сочиненія г. Черныш разсматриваетъ: 1) причины возникновенія союзовъ предпринимателей и ихъ классификаціи; 2) исторію картелей; 3) отношеніе къ картелямъ законодательства различныхъ странъ и 4) экономическое значеніе картелей. При разработкѣ своей темы авторъ пользуется не только русской литературой, но и иностранной, хотя послѣдней и не вполнѣ въ достаточномъ размѣрѣ. Сочиненіе обнаруживаетъ значительное трудолюбіе автора и, несмотря на нѣкоторые промахи и шероховатость изложенія, заслуживаетъ награжденія большою преміею.

Приватъ-доцентъ Демидовскаго Юридическаго Лицея
А. *Свирщевскій.*

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи, представленномъ для соисканія преміи студентомъ IV курса А. Чиковымъ на тему: „Юридическое положеніе добросовѣстнаго владѣльца по русскому праву".

Тема сочиненія изложена авторомъ въ шести главахъ. Установивъ понятіе добросовѣстнаго владѣнія (гл. I), авторъ въ двухъ слѣдующихъ главахъ разсматриваетъ случаи ограниченія права собственника вин-

дицировать недвижимыя и движимыя вещи отъ ихъ добросовѣстнаго пріобрѣтателя, сравнительно долѣе всего останавливаясь на этихъ спорныхъ вопросахъ права. Въ остальныхъ главахъ, въ сжатомъ, но достаточно удовлетворительномъ видѣ, изложены имъ положенія нашего законодательства, въ ихъ освѣщеніи сенатской практикой, относительно отвѣтственности добросовѣстнаго владѣльца за вредъ и убытки, причиненные имуществу (гл. IV), относительно обязанности возвращенія доходовъ (гл. V) и, наконецъ, о правѣ его на возмѣщеніе издержекъ (гл. VI). Въ общемъ разсматриваемое сочиненіе написано хорошо, если не считать немногихъ находящихся въ немъ ошибокъ и неточностей. Такъ, неточнымъ является опредѣленіе, данное авторомъ понятію добросовѣстнаго владѣльца, какъ такого владѣльца, который, „не зная, что имущество, находящееся въ его владѣніи, принадлежитъ другому, считаетъ себя *собственникомъ* его", хотя самъ же авторъ вполнѣ вѣрно признаетъ возможными случаи добросовѣстнаго владѣнія за закладопринимателемъ и другими *вещноуполномоченными* лицами. Совершенно ошибочнымъ также является опредѣленіе момента превращенія владѣнія добросовѣстнаго въ недобросовѣстное въ случаѣ предъявленія противъ владѣльца вещи иска его хозяиномъ, когда авторъ полагаетъ, что владѣніе отвѣтчика обращается въ недобросовѣстное „лишь тогда, когда судебное рѣшеніе вошло въ законную силу, а владѣлецъ продолжаетъ удерживать имущество". Одинаково неосновательнымъ должно считать и то общее положеніе г. Чикова, что „незаконнымъ владѣльцемъ будетъ всякій владѣющій чужимъ имуществомъ", согласно которому пришлось бы, напримѣръ, считать незаконнымъ владѣніе пожизненнаго пользователя, арен-

датора, чиншевика и т. д. Объясненіе авторомъ мотива изданія ст. 1301 т. X ч. I св. зак. тѣмъ, что установленное здѣсь ограниченіе права собственника виндицировать имущество свое отъ добросовѣстнаго пріобрѣтателя оправдывается его же виной, зачѣмъ онъ пропустилъ срокъ, назначенный для явки наслѣдниковъ, и тѣмъ далъ возможность законнымъ наслѣдникамъ ввестись во владѣніе наслѣдственнымъ имуществомъ, также мало удовлетворительно, такъ какъ нельзя вмѣнять лицу въ вину его *извинительное* незнаніе о томъ, что онъ завѣщательный наслѣдникъ.

Въ общемъ, однако, нельзя не признать за авторомъ начитанности въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ и сенатскихъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ, равно какъ умѣнія пользоваться послѣдними для объясненія спорныхъ случаевъ права. Равнымъ образомъ г. Чиковъ нерѣдко довольно удачно пытается объяснять мотивы изданія тѣхъ или иныхъ законодательныхъ нормъ по поводу изслѣдуемаго имъ вопроса, показывая тѣмъ свое хорошее общее юридическое образованіе. Въ виду сказаннаго, я полагалъ бы возможнымъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ о награжденіи автора разсматриваемаго мною сочиненія малой денежной преміей. *С. Никоновъ.*

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи окончившаго курсъ въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ В. Васильева („Свобода воли и ея отношеніе къ праву"), представленномъ для полученія степени кандидата юридическихъ наукъ.

Окончившій курсъ въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ г. Васильевъ взялъ предметомъ своей кандидат-

ской диссертаціи вопросъ объ отношеніи свободы воли къ праву—одну изъ важныхъ, но въ тоже время и трудныхъ задачъ въ наукѣ права. Авторъ самъ сознаетъ всю эту трудность избраннаго имъ вопроса, разсмотрѣніе и разрѣшеніе котораго онъ совершенно правильно ставитъ въ связь съ общимъ міровоззрѣніемъ эпохи, теоріей познанія, которая существуетъ въ наукѣ въ тотъ или другой моментъ умственнаго развитія общества. Поэтому Васильевъ сначала обращаетъ вниманіе на различныя теоріи познанія (теоретическую философію), начиная съ раціоналистической, доказываетъ несостоятельность метафизическихъ, абсолютныхъ системъ познанія міра у различныхъ представителей раціоналистическаго направленія въ наукѣ. Изученіе взглядовъ Декарта, особенно же пантеистической философіи Спинозы, провозгласившаго господство начала необходимости во всемъ мірѣ, какъ и воззрѣній Гоббса, Лейбница и Локка, приводитъ автора къ заключенію о полной невозможности разрѣшить вопросъ на почвѣ ихъ взглядовъ, вполнѣ отвлеченныхъ, лишенныхъ всякаго жизненнаго характера. Вниманіе автора обращаетъ на себя только взглядъ Юма, обосновавшаго законъ причинности, и воззрѣніе Канта, который отнесъ свободу воли къ области практическаго разума. Васильевъ отмѣчаетъ коренную ошибку метафизическихъ построеній въ наукѣ, ихъ совершенную субъективность, и поэтому переноситъ вопросъ о свободѣ воли въ область практической философіи и дѣятельности человѣка, которая является также критеріемъ истинности и высшей теоріей познанія. Воля человѣка—не отвлеченный фактъ, не имѣющій никакого отношенія къ дѣйствительности, а продуктъ законченнаго развитія въ стремленіи людей къ самосохраненію и сохраненіюрода. Необходимость наблю-

даемая нами въ человѣческой дѣятельности, не тождественна съ роковой зависимостью физическихъ явленій другъ отъ друга: необходимость и свобода не противорѣчивыя другъ другу понятія. Дѣятельность человѣка обусловливается уровнемъ его умственнаго развитія, высотой нравственныхъ идеаловъ и степенью энергическаго стремленія къ ихъ осуществленію въ жизни. Свобода воли—возможность для человѣка образованія его идеаловъ и ихъ осуществленія въ жизни, внѣшняго воздѣйствія человѣка на окружающую его природу и весь ходъ исторической жизни общества. Только при такомъ предположеніи свободы воли у человѣка возможна мораль, логика, познаніе нормальнаго человѣка въ отличіе отъ ненормальнаго, отличіе истиннаго познанія отъ ложнаго, законосообразной зависимости въ жизни человѣка отъ роковой зависимости въ мірѣ физическихъ явленій. Наконецъ, лишь при увѣренности, что человѣкъ обладаетъ способностью свободнаго выбора между различными родами дѣятельности, допустима идея долга, практическаго, жизненнаго идеала совершенствованія.

Установивши эти вѣрныя положенія о свободѣ воли при помощи цѣлаго ряда доказательствъ, Васильевъ обращается къ историческому разсмотрѣнію вопроса въ наукѣ права, сначала въ средніе вѣка (у теологовъ), потомъ въ школѣ естественнаго права у Г. Гроція, Гоббса, Пуффендорфа, Лейбница, Томазія и др. Вся эта вторая часть труда Васильева—подробный и обстоятельный разборъ юридическихъ и политическихъ теорій главныхъ представителей школы естественнаго права, оканчивая Ж. Ж. Руссо и Кантомъ. Въ концѣ работы авторъ приходитъ къ общему заключенію о непригодности раціоналистическаго метода въ правовѣ-

дѣніи, гдѣ, благодаря его долгому господству, вопросъ о свободѣ воли не получилъ настоящаго рѣшенія, не было указано на жизненное его значеніе для личной общественной дѣятельности человѣка. Въ этикѣ же отъ этого метода осталось стремленіе найти одинъ общій принципъ въ нравственной жизни человѣка, которая на самомъ дѣлѣ состоитъ въ разнообразномъ проявленіи всѣхъ сторонъ его природы и гармоническомъ ихъ развитіи. Все содержаніе сочиненія Васильева показываетъ, что авторъ много и съ любовью къ дѣлу потрудился надъ выясненіемъ всѣхъ сторонъ избранной имъ темы и выказалъ при систематическомъ изученіи предмета далеко незаурядную способность къ точному анализу различныхъ научныхъ системъ и понятій, хотя и не могъ всегда избѣжать нѣкоторой неясности въ ихъ изложеніи. Свои взгляды Васильевъ основываетъ на изученіи какъ источниковъ, такъ и важныхъ пособій (сочиненій Декарта, Спинозы, Канта, Бекона, Шопенгауэра, Милля, Вундта, Фуллье, Геффдинга, Чичерина, Блюнчли, Кавелина и др.). Чтеніе работы Васильева убѣждаетъ въ томъ, что онъ вполнѣ добросовѣстно отнесся къ своему дѣлу, занимался имъ съ увлеченіемъ. Въ виду всѣхъ этихъ выдающихся достоинствъ сочиненія г. Васильева, которыя дозволяютъ поставить его выше обычныхъ кандидатскихъ работъ, я нахожу присужденіе автору степени кандидата юридическихъ наукъ вполнѣ справедливымъ вознагражденіемъ за потраченныя имъ съ такой очевидной пользой время и силы.

Ординарный профессоръ *В. Щегловъ.*

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ОТЗЫВЪ

о диссертацiи дѣйствительнаго студента Димитрія Спасскаго, представленной имъ для полученiи степени кандидата.

Диссертація дѣйствительнаго студента Димитрія Спасскаго на тему: „Законныя ограниченія права собственности по русскому гражданскому праву или такъ называемыя права участія“ представляетъ рукопись объемомъ въ 30 листовъ канцелярскаго формата. Сочиненіе свое авторъ раздѣлилъ на три части: 1) понятіе законныхъ ограниченій права собственности; 2) право участія общаго и 3) право участія частнаго. Для развитія своей темы г. Спасскій воспользовался достаточнымъ матеріаломъ: онъ ознакомился съ учебниками Анненкова, Побѣдоносцева, Мейера и Шершеневича, съ рядомъ статей, посвященныхъ вопросамъ, входящимъ въ область его изслѣдованія, а равно со всѣми узаконеніями изъ разныхъ томовъ Свода, относящимися къ дѣлу, и многими рѣшеніями Правительствующаго Сената. Не ограничиваясь однимъ компилированіемъ чужихъ мнѣній, авторъ вездѣ стремится отнестись къ нимъ крически и обнаруживаетъ хорошія способности къ аналитическому и догматическому юридическому мышленію. Здѣсь и тамъ въ его работѣ можно встрѣтить весьма мѣткія и тонкія замѣчанія. Изложеніе его ясно и непринужденно укладывается въ логическую систему. Сравнительно лучше г. Спасскій справился съ догматикою права участія общаго и частнаго. Гораздо сла-

бѣе является первая часть его труда, въ которой онъ не съумѣлъ разобраться въ весьма запутанномъ и въ литературѣ и въ судебной практикѣ понятіи правъ участія. Но отдѣльные, затрогиваемые разбираемой диссертаціей вопросы недостаточно зрѣло продуманы и взвѣшены; развитіе авторомъ своихъ взглядовъ и мнѣній не всегда достаточно закончено, стиль нѣсколько небреженъ. Не замѣчая, такимъ образомъ въ работѣ г. Спасскаго литературныхъ достоинствъ, я считалъ бы ее вполнѣ удовлетворяющею требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ кандидатской диссертаціи, и ходатайствую посему предъ Совѣтомъ Демидовскаго Юридическаго Лицея объ удостоеніи ея автора званія кандидата.

В. Юшкевичъ.

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея

ординарнаго профессора *Н. Суворова.*

Прошеніе.

Въ виду того, во-первыхъ, что, до поступленія въ С.-Петербургскій Университетъ для полученія высшаго образованія, я состоялъ вь должности учителя по латинскому языку въ Солигаличскомъ духовномъ училищѣ Костромской губерніи отъ 12 сентября 1868 года до 15 сентября 1869 года и, во-вторыхъ, что, по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, я состоялъ при этомъ университетѣ, приготовляясь къ ученой степени отъ 15 октября 1873 г. до 1 іюня 1877 г., покорнѣйше прошу Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о зачисленіи мнѣ въ дѣйствительную службу какъ вре-

мени, проведеннаго мною въ должности учителя латинскаго языка до поступленія въ университетъ, такъ и времени, употребленнаго мною на пріобрѣтеніе ученой степени по окончаніи курса въ университетѣ до назначенія меня въ 1877 г. исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ. При семъ честь имѣю присовокупить, что копія съ моего формулярнаго списка о службѣ въ Солигаличскомъ духовномъ училищѣ, выданнаго мнѣ изъ правленія означеннаго училища іюня 6 1886 г. за № 74, и удостовѣреніе Ректора С.-Петербургскаго Университета отъ 17 октября 1886 г. за № 2054, свидѣтельствующее о томъ, что я оставленъ былъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію съ 15 октября 1873 г. и состоялъ приономъ до 1 іюня 1877 г., находится при дѣлахъ въ канцеляріи Лицея. 15 ноября 1897 года.

Ординарный профессоръ *Н. Суворовъ.*

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея

ординарнаго профессора *Н. Суворова.*

Предложеніе.

Случайно узнавъ, что изъ числа двухъ уволенныхъ изъ Лицея постановленіемъ, состоявшимся на послѣднемъ чрезвычайномъ засѣданіи Совѣта 1 декабря, одинъ, именно Нестроевъ, былъ уже ранѣе уволенъ за невзносъ платы за слушаніе лекцій и что, такимъ образомъ, суду Правленія и Совѣта подвергался человѣкъ посторонній для Лицея, честь имѣю заявить Совѣту, что я лично подавалъ въ качествѣ члена Совѣта свой голосъ за увольненіе обоихъ, судившихся за проступки,

въ совершенномъ невѣдѣніи объ указанномъ обстоятельствѣ, такъ какъ въ засѣданіи Правленія мнѣ не пришлось присутствовать по болѣзни, а при передачѣ дѣла изъ Правленія въ Совѣтъ, послѣднему ничего не было доложено объ этомъ обстоятельствѣ, и что нахожу вообще неправильнымъ самое постановленіе Совѣта въ отношеніи лица ему неподсуднаго, вслѣдствіе чего позволяю себѣ войдти съ предложеніемъ въ Совѣтъ объ отмѣнѣ его постановленія, какъ ошибочнаго, въ той его части, которая касается лица, не подлежащаго дисциплинарнымъ лицейскимъ мѣрамъ, хотя, по непонятнымъ для меня причинамъ, и признавшаго себя подсуднымъ Правленію Лицея. 11 декабря 1897 года.

Ординарный профессоръ *Н. Суворовъ.*

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея

ординарнаго профессора *Н. Суворова.*

Предложеніе.

Въ теченіи оканчивающагося полугодія 1897—1898 академическаго года, студенты иногда совсѣмъ не являлись ко мнѣ на лекціи, или являлись въ ничтожномъ количествѣ двухъ—трехъ человѣкъ. Если бы это зависѣло только отъ неудовлетворительныхъ качествъ моихъ, какъ преподавателя, то мнѣ оставалось бы лишь признать свою неспособность къ преподаванію и выйдти въ отставку. Прежде чѣмъ, однако, я ли, или другой преподаватель на моемъ мѣстѣ, пришелъ бы къ такому рѣшенію, не излишне бы было, какъ мнѣ кажется, Совѣту войдти въ обсужденіе причинъ нехожденія студентовъ на лекціи. Къ сожалѣнію, я прежде всего дол-

женъ констатировать фактъ, что Совѣтъ лишенъ возможности обсуждать подобные вопросы. Уже въ прошломъ учебномъ году вышло не мало случаевъ непосѣщенія лекцій студентами, но Совѣту не приходилось обсуждать эти случаи, по той простой причинѣ, что Совѣту уже второй годъ не представляется требуемая правилами ежемѣсячная вѣдомость о прочитанныхъ и пропущенныхъ лекціяхъ (§ 4 инструкціи Директору Демидовскаго Юридическаго Лицея и § 11 инструкціи преподавателямъ Демидовскаго Юридическаго Лицея). Повидимому, даже самая запись въ особую книгу читаемыхъ преподавателями лекцій, требуемая § 11 инструкціи преподавателямъ, перестала считаться необходимой, такъ какъ записи лекцій, читаемыхъ г. Директоромъ, я уже второй годъ не вижу въ этой книгѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, если бы ежемѣсячная вѣдомость о прочитанныхъ и пропущенныхъ лекціяхъ читалась въ Совѣтѣ аккуратно, какъ это требуется правилами, и если бы въ вѣдомости оказалось извѣстное число лекцій, не состоявшихся по отсутствію слушателей, Совѣтъ необходимо долженъ бы былъ войдти въ обсужденіе причинъ этого ненормальнаго явленія и принять какія либо мѣры противъ него, такъ какъ на основаніи п. 4 ст. 813 т. XI ч. 1, Св. Зак. Рос. Имп. изд. 1893 г. Уст. Демидовскаго Юридическаго Лицея, Совѣту принадлежитъ „обсужденіе всѣхъ мѣръ, касающихся усиленія учебной дѣятельности студентовъ“. Итакъ первое, что по моему мнѣнію, необходимо, это возстановить раньше существовавшій у насъ и требуемый правилами порядокъ, по которому вѣдомость о прочитанныхъ и пропущенныхъ лекціяхъ должна ежемѣсячно вноситься въ Совѣтъ. Затѣмъ, въ данномъ случаѣ по поводу сдѣланнаго мною въ настоящій разъ заявленія о нехожде-

ніи студентовъ на лекціи я полагалъ бы, что Совѣтъ долженъ бороться съ сложившимся въ массѣ студентовъ убѣжденіемъ въ возможности приготовленія къ экзамену по печатному руководству или по литографированнымъ запискамъ, и не только въ возможности сдачи экзамена и перехода на слѣдующій курсъ или окончанія лицейскаго куса, но и въ возможности полученія стипендіи. Если напримѣръ у насъ случаются такіе факты, что студентъ, не жившій въ Ярославлѣ и поручающій другимъ получать свою стипендію по довѣренности, является къ экзаменамъ, успѣшно выдерживаетъ ихъ, удерживая за собою и стипендію, затѣмъ въ слѣдующемъ году является въ Ярославль на мѣсяцъ и снова выбываетъ изъ Ярославля, можетъ быть съ намѣреніемъ не возвращаться раньше наступленія срока экзаменовъ, то подобными фактами можетъ лишь поддерживаться въ студентахъ то ложное убѣжденіе, о которомъ было сейчасъ упомянуто, и такихъ фактовъ, по моему мнѣнію, Совѣтъ допускать не долженъ, а напротивъ, долженъ на живомъ примѣрѣ показать, что пренебреженіе къ исполненію студенческихъ обязанностей не проходитъ безнаказанно. Кромѣ того, я позволилъ бы себѣ предложить Совѣту возвести въ правило, чтобы студенты, при подачѣ прошеній о допущеніи къ экзамену, заявляли сами въ своихъ прошеніяхъ, сколько было ими опущено лекцій въ минувшемъ году и по какимъ причинамъ. Мѣра эта, какъ мнѣ кажется, будетъ имѣть то послѣдствіе, что студентъ, не ходившій на лекціи, не рѣшится сдѣлать завѣдомо ложное заявленіе о числѣ пропущенныхъ имъ лекцій, тѣмъ болѣе, что у инспекціи могутъ оказаться средства провѣрки правильности заявленія и, слѣдовательно, самъ же онъ воздержится отъ подачи прошенія о томъ, чего

не заслуживаетъ, или же, для того чтобы не поставить себя въ это нежелательное положеніе, будетъ съ большимъ усердіемъ исполнять свои обязанности въ теченіе учебнаго года. 11 декабря 1897 года.

Ординарный профессоръ *Н. Суворовъ.*

Приложенія къ лѣтописи Лицея за 1896—97 учебный годъ.

I.

СПИСОКЪ СТУДЕНТОВЪ

Демидовскаго Юридическаго Лицея,

окончившихъ въономъ полный курсъ.

Первый выпускъ 1874 года [1]).

*1. Архангельскій Николай Дмитріевичъ, родомъ Ярославской губерніи. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей по назначенію отъ правительства въ Юрьевѣ, Лифляндской губ.

2. Боевской Михаилъ Александровичъ, Ярославской губерн. Уѣздный членъ суда въ Изюмѣ, Харьковской губ.

*3. Виноградовъ Александръ Николаевичъ, Тверской губерн. Іеромонахъ (Алексѣй) Кіево-Печерской Лавры, въ Китайской миссіи.

*4. Грузинцевъ Константинъ Николаевичъ, Ярославской губ. Инспекторъ народныхъ училищъ въ Костромѣ.

*5. Знаменскій Алексѣй Ивановичъ, Ярославской губ. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Брестъ-Литовскѣ.

6. Ивановскій Алексѣй Михайловичъ, Ярославской губерн. Членъ окружнаго суда въ Изюмѣ.

7. Князевскій Александръ Андреевичъ. Саратовской губерн. Городской судья въ Верхнеуральскѣ.

---

1) Противъ которыхъ поставлена звѣздочка, тѣ окончили курсъ съ степенью кандидата юридическихъ наукъ; остальные—съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

**8. Князевскій Степанъ Андреевичъ, Саратовской губерніи. Присяжный повѣренный въ Иваново-Вознесенскѣ [1]).

*9. Колокольцевъ Лавръ Флегонтовичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь въ Вологдѣ.

*10. Лебедевъ Василій Федоровичъ, Рязанской губерніи. Мировой судья въ Варшавѣ.

11. Межаковъ Иванъ Николаевичъ, Костромской губ. Городской судья въ Царевскомъ уѣздѣ, Астраханской губ.

*12. Минервинъ Александръ Евграфовичъ, Ярославской губ. Испр. должн. доцента въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ.

13. Моревъ Николай Николаевичъ, Ярославской губерніи. Дѣлопроизводит. VIII-го кл. въ Департам. Народ. Просвѣщенія.

*14. Назимовъ Андрей Владиміровичъ, Ярославской губерніи. Членъ окружнаго суда въ Кишиневѣ.

*15. Орловъ Дмитрій Ивановичъ, Калужской губерн. Членъ окружнаго суда въ Ригѣ.

*16. Островскій Николай Потровичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Ярославлѣ.

*17. Покровскій Иванъ Өедоровичъ, Владимірской губерніи. Прокуроръ окружнаго суда въ Петрозаводскѣ.

*18. Розовъ Павелъ Гавриловичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Ярославлѣ.

19. Свидерскій Іосифъ Михайловичъ, Могилевской губерн. Членъ окружнаго суда въ Каменецъ-Подольскѣ.

20. Слѣповъ Николай Филипповичъ, Яросл. губ. Канцелярскій чиновникъ контрольной палаты въ Ярославлѣ.

*21. Талантовъ Александръ Порфирьевичъ, Ярославской губ. Дѣлопроизводитель V кл. въ Департаментѣ Народн. Просвѣщенія.

22. Толстовъ Викторъ Дмитріевичъ, Владимірской губерніи. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Казани.

---

1) Противъ которыхъ поставлено двѣ звѣздочки, тѣ, не бывъ въ Лицеѣ студентами, сдавали только экзамены на степень кандидата, экстернами.

23. Успенскій Николай Петровичъ, Костромской губерніи. Помощникъ исправника въ Костромѣ.

*24. Чистяковъ Петръ Лаврентьевичъ, Калужской губерніи. Присяжный повѣренный въ Орлѣ.

Свѣдѣній не доставили: 25. *Васильевъ* Николай Васильевичъ, род. Калужской губ.; 26. *Веригинъ* Александръ Константиновичъ, Тверской; 27. *Драбовскій* Петръ Тимофеевичъ, Новгородской; 28. *Крутикъ-Горетубанскій* Иванъ Григорьевичъ, Харьковской.

Находятся въ отставкѣ: 29. *Бѣляевъ* Александръ Матвѣевичъ, Костромской, съ 1892 г., былъ товариш. прокурора въ Казани; *30. *Введенскій* Николай Николаевичъ, Ярослав., съ 1888 г., изъ старшихъ помощн. оберъ-секретаря Сената; 31. *Дьяковъ* Викторъ Михайловичъ, Вологодской, съ 1891 г., изъ судебн. слѣдов. Тотемскаго уѣзда; *32. *Лебедевъ* Александръ Максимовичъ, Тульской, съ 1892 г., изъ товар. прокурора Кутаисскаго окружнаго суда; *33. *Лыткинъ* Николай Константиновичъ, Владим., съ 1895 г., былъ тов. прокурора въ Сарапулѣ; *34. *Протопоповъ* Петръ Владиміровичъ, Московской, съ 1889 г., изъ Мировыхъ судей гор. Углича.

Умерли: *35. *Бенедиктовъ* Алексѣй Ивановичъ, Ярославск., 1893 г., былъ судебн. слѣдовател. Заславскаго уѣзда; 36. *Головачевскій* Иванъ Николаевичъ, Черниго., 1875 г., кандид. па судебн. должн. при окруж. судѣ въ Кишиневѣ; *37. *Добротинъ* Арсеній Андреевичъ, Ярославской, 1891 г., секретаремъ Думы въ Рыбинскѣ; *38. *Казанскій* Александръ Ивановичъ, Ярославской, 1891 г., городскимъ судьей въ Бронницахъ; 39. *Мерцаловъ* Николай Ѳедоровичъ, Тульской, 1888 года, судебнымъ слѣдователемъ въ Усть-Медвѣдицкѣ; 40. *Орловъ* Александръ Тимофеевичъ, Тамбовской, 1880 г., судебн. слѣдователемъ въ Оренбургѣ; *41. *Польскій* Михаилъ Ивановичъ, Яросл., 1895 г., членомъ окр. суда въ Вологдѣ; 42. *Розовъ* Николай Николаевичъ, Ярославск., 1875 г., помощн. ревизора Контрольн. Палаты въ Ташкентѣ; *43. *Розовъ* Сергѣй Александровичъ, Ярославск.,

1888 г., товарищемъ губернскаго прокурора въ Мензелинскѣ; 44. *Смарагдовъ* Владиміръ Васильев., Яросл., 1897 г., членомъ окр. суда въ Ярославлѣ; *45. *Соколовъ* Сергѣй Александровичъ, Московской, 1890 г., судебн. слѣдоват. въ Бронницахъ.

Второй выпускъ—1875 года.

1. Богородскій Иванъ Флегонтовичъ, Ярославской губерніи. Членъ окружнаго суда въ Вяткѣ.

2. Бѣляевъ Арсеній Васильевичъ, Ярославской губ. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

*3. Волковичъ Дмитрій Львовичъ, Черниговской губ. Преподаватель техническаго училища въ Калугѣ.

4. Воскресенскій Николай Алексѣевичъ, Яросл. губ. Священникъ въ с. Рождество въ Вокшарахъ Ром.-Борисоглѣбск. уѣзда.

5. Гейцыгъ Александръ Николаевичъ, Владимірской губ. Мировой судья въ Лодзи.

*6. Глаголевъ Иванъ Матвѣевичъ, Тульской губ. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

*7. Дмитревскій Федоръ Семеновичъ, Тульской губ. Присяжный повѣренный въ Тулѣ.

*8. Елпидинскій Алексѣй Петровичъ, Владимірской губерн. Мировой судья въ Ломжѣ.

9. Капацинскій Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь въ Нижнемъ-Новгородѣ.

*10. Мартыновъ Николай Антоновичъ, Ярославской губерн. Старшій Нотаріусъ въ Ярославлѣ.

*11. Матвѣевскій Митрофанъ Евдокимовичъ, Черниговской губерніи. Членъ окружнаго суда въ Вяткѣ.

*12. Минервинъ Василій Семеновичъ, Владимірской губерніи. Присяжный повѣренный въ Ельцѣ, Орловской губ.

13. Надѣинскій Павелъ Ѳедоровичъ, Ярославской губерніи. Городской судья въ Екатеринбургѣ.

*14. Орловъ Михаилъ Ивановичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Калугѣ.

15. Песоченскій Иванъ Андреевичъ, Калужской губ. Присяжный повѣренный въ Пензѣ.

16. Розановъ Владиміръ Яковлевичъ, Владимірской губерніи. Исправникъ въ г. Меленкахъ.

17. Смирновъ Андрей Павловичъ, Костромской губ. Судебный слѣдователь Ветлужскаго уѣзда, Костромской губ.

*18. Соловьевъ Иванъ Павловичъ, Владимірской губ. Членъ окружнаго суда въ Варшавѣ.

19. Сперанскій Иванъ Васильевичъ, Владимірской губерніи. Членъ окружнаго суда въ Уфѣ.

20. Стратилатовъ Александръ Константиновичъ, Яросл. губ. Судебный слѣдователь въ Макарьевѣ, Нижегородской губ.

21. Стратилатовъ Иванъ Константиновичъ, Ярославской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Кадниковѣ.

*22. Стремоуховъ Андрей Михайловичъ, Ярославской губерніи. Тов. Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассац. Департ. Сената.

23. Уткинъ Петръ Петровичъ, Ярослав. губ. Предсѣдатель мироваго съѣзда въ Пеневежѣ.

24. Чанцовъ Сергѣй Александровичъ, Смоленской губерніи. Мировой судья Витебскаго уѣзда.

*25. Якиманскій Александръ Михайловичъ, Владимірск. губ. Мировой судья въ Ревелѣ.

Свѣдѣній не доставили: 26. *Баталинъ* Сергѣй Михайловичъ, Калужской; 27. *Любимовъ* Митрофанъ Андреевичъ, Калужской; 28. *Павловъ* Константинъ Николаевичъ, Рязанской; *29. *Фортунатовъ* Павелъ Дмитріевичъ, Тульской; 30. *Эдемовъ* Николай Дмитріевичъ, Саратовской; 31. *Яхонтовъ* Николай Алексѣевичъ, Костромской.

Находятся въ отставкѣ: 32. *Климовъ* Иванъ Васильевичъ, Рязанской, съ 1890 года, изъ товарищ. прокурора Пермскаго окружнаго суда; 83. *Сперанскій* Петръ Ивановичъ, Ярославской, былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Корчевѣ; 34. *Улья-*

шенко Сергѣй Ивановичъ, съ 1894 года, изъ судебн. слѣдоват. Шуйскаго уѣзда.

Умерли: 35. *Беллертъ* Николай Николаевичъ, Ярославской, 1897 г.; 36. *Валединскій* Григорій Ивановичъ, Владимірской, 1880 г., кандид. на судебной должности при Нижегородскомъ окружномъ судѣ; 37. *Капустинъ* Константинъ Ивановичъ, Ярославской, 1882 г., судебнымъ слѣдователемъ въ Слуцкѣ; *38. *Люминарскій* Николай Михайловичъ, Костромской, 1885 г., секретаремъ въ Св. Синодѣ; 39. *Минервинъ* Андрей Семеновичъ, Владимірской, 1885 г., судебнымъ слѣдователемъ въ Челябинскѣ; 40. *Преображенскій* Александръ Михайловичъ, Костромской, 1887 г., помощникъ оберъ секретаря Сената; 41. *Смирновъ* Иванъ Михайловичъ, Псковской, 1884 г., судебнымъ слѣдователемъ въ Онегѣ; *42. *Соколовъ* Степанъ Васильевичъ, Смоленской, 1883 г., судебнымъ слѣдователемъ Сѣннинскаго уѣзда; 43. *Шиповъ* Павелъ Александровичъ, Ярославской, 1883 года, судебн. слѣдоват. въ Оренбургѣ.

Третій выпускъ—1876 года.

*1. Архангельскій Николай Ивановичъ, Рязанской губерн. Присяжный повѣренный во Новочеркаскѣ.

*2. Богдановъ Яковъ Ивановичъ, Владимірской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Шуѣ.

3. Волочковъ Иванъ Петровичъ, Смоленской губ. Судебный слѣдователь въ Кашинѣ.

*4. Звонниковъ Павелъ Ивановичъ, Кіевской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

*5. Зерновъ Сергѣй Степановичъ, Московской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

6. Лапчинскій Федоръ Алексѣевичъ, Черниговской губерн. Членъ окружнаго суда въ Архангельскѣ.

*7. Лебедевъ Николай Максимовичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Ставрополѣ-Кавказскомъ.

8. Маляровъ Александръ Яковлевичъ, Оренбургской губерн. Судебный слѣдователь 6 го уч. Екатеринбургскаго уѣзда.

9. Маслаковъ Иліодоръ Васильевичъ, Черниговской губерн. Товарищъ прокурора въ Екатеринбургѣ.

10. Мелодіевъ Евлогій Евгеньевичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Тулѣ.

11. Остроумовъ Николай Ивановичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь Козельскаго уѣзда.

12. Оферьевъ Федоръ Арсеньевичъ, Владимірской губерніи. Уѣздный членъ окружн. суда въ Ельнѣ, Смоленской губ.

13. Парнасовъ Петръ Петровичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора при окружномъ судѣ въ Екатеринодарѣ.

14. Пригаровскій Михаилъ Петровичъ, Черниговской губерн. Мировой судья въ Юрьевѣ, Лифляндской губ.

*15. Писаревскій Николай Григорьевичъ, Ярославской губерн. Членъ окружнаго суда въ Гродно.

16. Разумовскій Аполлонъ Николаевичъ, Ярославской губ. Прокуроръ окружнаго суда въ Витебскѣ.

17. Спасскій Владиміръ Евфимовичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ г. Крапивнѣ.

18. Стратилатовъ Михаилъ Константиновичъ, Ярослав. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Нерехтѣ.

19. Субботинъ Василій Философовичъ, Ярослав. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Перемышлѣ.

20. Троицкій Василій Александровичъ, Тверской губерніи. Судебный приставъ въ Весьегонскѣ.

Въ отставкѣ: 21. *Вознесенскій* Александръ Ивановичъ, Костромск., съ 1873 года, былъ суд. слѣдоват. въ Кинешмѣ.

Свѣдѣній не доставилъ: 22. *Кирилловъ* Михаилъ Васильевичъ, Московской.

Умерли: 23. *Александровскій* Иванъ Михайловичъ, Тульской, 1883 г., судебн. слѣдоват. въ Вильно; 24. *Лилеевъ*

Михаилъ Николаевичъ, Ярославской, 1894 г., судебн. слѣд. въ Чембарахъ, *25. *Нечаевъ* Лука Ивановичъ, Тульской, 1883 г., судебн. слѣдоват. въ Богородицкѣ; 26. *Прозоровскій* Михаилъ Григорьевичъ, Калужской, 1875 г. дѣлопроизвод. Калужск. губ. Правленія; *27. *Поповъ* Степанъ Дмитріевичъ, Архангельской, 1893 года, Мировымъ судьей въ Тотьмѣ.

Четвертый выпускъ—1877 года.

1. Веселовскій Василій Аркадьевичъ, Владимірской губерн. Товарищъ прокурора въ Минскѣ.

2. Глѣбовъ Никаноръ Васильевичъ, Рязанской губ. Окружный акцизный надзиратель въ Умани.

3. Горбатовскій Матвѣй Степановичъ, Черниговской губерн. Товарищъ Предсѣдателя окружнаго суда въ Красноярскѣ.

*4. Крюковъ Сергѣй Ильичъ, Тверской губерніи. Учитель реальнаго училища въ Курскѣ.

5. Литденбратенъ Яковъ Рафаиловичъ, Виленской губерніи. Прис. повѣр. въ Могилевѣ.

6. Меморскій Александръ Михайловичъ, Владимірской губ. Прис. повѣренный и городской голова въ Нижнемъ-Новгородѣ.

7. Невскій Иванъ Александровичъ, Тверской губ. Учитель реальнаго училища въ Екатеринославѣ.

8. Никольскій Александръ Григорьевичъ, Владимірск. губ. Судебный слѣдователь въ Себежѣ, Витебской губ.

9. Никольскій Александръ Яковлевичъ, Черниговской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Опочкѣ, Псковской губ.

10. Пагава, князь, Мельхиседекъ Григорьевичъ, Кутаиской губ. Директоръ Михайлов. дворян. земельн. банка въ Кутаисѣ.

11. Парвицкій Николай Ивановичъ, Владимірской губерніи. Правитель канцеляріи градоначальника въ Керчь-Еникалѣ.

12. Поповъ Михаилъ Ивановичъ, Тамбовской губ. Судебный слѣдователь Карачевскаго уѣзда, Орловской губерніи.

*13. Потѣхинъ Павелъ Борисовичъ, Костромской губ. Дѣлопроизводитель VI кл. въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія.

14. Радугинъ Константинъ Павловичъ, Владимірской губерн. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Суздалѣ.

15. Розовъ Николай Александровичъ, Костромской губерніи. Судебный приставъ въ Малоархангельскѣ, Орловской губерніи.

16. Святославскій Алексѣй Петровичъ, Московской губерніи. Судебный слѣдователь въ Карачевѣ.

*17. Севастьяновъ Владиміръ Константиновичъ, Тамбовской губ. Мировой судья пг выбору въ гор. Шацкѣ.

*18. Славновскій Алексѣй Александровичъ, Тверской губерн. Податной инспекторъ въ Судожѣ, Курской губерніи.

19. Успенскій Иванъ Ивановичъ. Тверской губ. Помощникъ старшаго нотаріуса окружнаго суда въ С.-Петербургѣ.

20. Хохловъ Иванъ Александровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь 3-го уч. Гродненскаго уѣзда.

21. Хохловъ Сергѣй Александровичъ, Тверской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Холмѣ, Псковской губерніи.

Свѣдѣній не доставили; 22. *Алякринскій* Митрофанъ Александровичъ, Владимірской; 23. *Михайловскій* Арсеній Николаевичъ, Тверской; 24. *Остряковъ* Николай Яковлевичъ, Тамбовской; 25. *Сахаровъ* Владиміръ Ивановичъ, Калужской губерніи.

Находятся въ отставкѣ: 26. *Казанскій* Павелъ Андреевичъ, Тульской, съ 1896 г., изъ судебн. слѣд. Мологи; 27. *Никольскій* Петръ Павловичъ, Тверской, съ 1893 г., изъ товар. прокурора Владикавказскаго суда; 28. *Утѣхинъ* Филаретъ Владиміровичъ, Тульской, съ 1895 года, изъ суд. слѣд. въ Сѣдлецахъ.

Умерли: 29. *Бенедиктовъ* Геннадій Петровичъ, Ярославск., 1896 г., былъ суд. слѣд. въ Инсарѣ; *30. *Валединскій* Илья Іеронимовичъ, Владимірской, 1892 г., былъ чиновникомъ особ. поруч. при губернаторѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ; 31. *Галаховъ* Алексѣй Михайловичъ, Тверской, 1878 года, при министерствѣ Юстиціи; 32. *Гродзицкій* Василій Ивановичъ, Минской, 1880 г.,

судебн. слѣд. въ Каменецъ-Подольскѣ; 33. *Духовской* Евгеній Васильевичъ, Нижегородской, 1879 года, присяжный повѣрен. въ Москвѣ; 34. *Журавченко* Михаилъ Ивановичъ, Черниговской, 1881 года, кандидатомъ при Ярослав. окружн. судѣ; *35. *Казанцевъ* Леонидъ Николаевичъ, Ярославской, 1896 года, былъ ординарн. профессоромъ Кіевскаго Университета; *36. *Моригеровскій* Сергѣй Ивановичъ, Тульской, 1893 года, товарищ. прокурора въ Екатеринодарѣ; *37. *Пѣтунинъ* Алексѣй Яковлевичъ, Ярославской, 1894 г., присяжн. повѣрен. въ Москвѣ; 38. *Соловьевъ* Иванъ Николаевичъ, Владимірской, 1885 года, секретаремъ Таврической консисторіи; 39. *Страховъ* Александръ Семеновичъ, Московской, 1880 года, былъ присяжнымъ стряпчимъ въ Москвѣ; 40. *Успенскій* Алексѣй Ивановичъ, Московской, 1881 года, помощн. присяжн. повѣреннаго въ Ярославлѣ.

Пятый выпускъ—1878 года.

1. Алякринскій Григорій Артамоновичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь 1-го участка Ковровскаго уѣзда.

*2. Андроссовъ Николай Ивановичъ, Московской губ. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

3. Бабіевскій Иванъ Григорьевичъ, Черниговской губерніи. Управляющій контрольной палатой въ Ташкентѣ.

4. Балутинъ Флорентій Петровичъ, Черниговской губерніи. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Валуйкахъ, Воронежской губ.

*5. Есиповъ Алексѣй Николаевичъ, Ярославской губерніи. Непременный членъ губернскаго по город. и земск. дѣламъ присутствія въ Ярославлѣ.

6. Ивановскій Александръ Ивановичъ, Вологодской губерн. Членъ окружнаго суда въ Вологдѣ.

7. Казанскій Василій Алексѣевичъ, Ярославской губерніи. Дѣлопроизводитель губернскаго правленія въ Перми.

8. Лебедевъ Дмитрій Алексѣевичъ, Московской губерніи. Мировой судья въ Москвѣ.

9. Литовъ Сергѣй Ивановичъ, Ярославской губерніи. Занимается торговыми дѣлами.

10. Малиновскій Николай Григорьевичъ, Орловской губерніи. Судебнымъ слѣдователемъ Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

11. Миловидовъ Александръ Ивановичъ, Владимірской губерн. Судебнымъ слѣдователемъ 2-го участка Васильсурскаго уѣзда.

12. Молчановъ Владиміръ Алексѣевичъ, Тульской губерніи. Присяжный повѣренный въ Тулѣ.

13. Несмѣловъ Николай Алексѣевичъ, Пензенской губерніи. Нотаріусъ въ Уфѣ.

14. Орельскій Иванъ Александровичъ, Нижегородской губерніи. Судебный слѣдователь въ Петрозаводскѣ.

15. Орловъ Алексѣй Алексѣевичъ, Воронежской губерн. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Новочеркаскѣ.

*16. Петровскій Павелъ Лавровичъ, Яросл. губ., Чиновникъ особыхъ поруч. при управленіи государств. имущ. въ Новгородѣ.

17. Погожевъ Дмитрій Андреевичъ, Московской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

18. Путилинъ Александръ Ивановичъ, Воронежской губерн. Судебный слѣдователь Острогожскаго уѣзда, Воронежской губ.

19. Реутскій Митрофанъ Ивановичъ, Черниговской губерніи. Въ управленіи волжско-камскаго банка въ Петербургѣ.

20. Серафимовъ Николай Констановичъ, Костромской губерн. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Котельничѣ.

21. Соколовъ Илья Васильевичъ, Смоленской губ. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Поневѣжѣ, Ковенской губерніи.

22. Срѣтенскій Евгеній Аврамьевичъ, Ярославской губерніи. Секретарь духовной консисторіи въ Житомірѣ.

23. Стратилатовъ Николай Петровичъ, Ярославской губерніи. Преподаватель реальнаго училища въ Иркутскѣ.

24. Ундольскій Сергѣй Александровичъ, Владимірской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Керчи.

25. Шумилинъ Николай Петровичъ, Ярославской губерніи. Членъ окружнаго суда въ Варшавѣ.

Свѣдѣній не доставили: 26. *Афанасьевъ* Маркъ Ивановичъ, Тамбовской губ.; 27. *Виноградовъ* Дмитрій Алексѣевичъ, Владимірской; 28. *Краснопѣвцевъ* Алексѣй Ивановичъ, Тульской; 29. *Лавровъ* Алексѣй Андреевичъ, Орловской; 30. *Поспѣловъ* Николай Азексѣевичъ, Московской.

Умерли: 31. *Вознесенскій* Николай Алексѣевичъ, Тверской, 1893 г., судебн. слѣд. въ Оренбургской губерніи; 32. *Воскресенскій* Николай Дмитріевичъ, Тульской, 1894 г., былъ судебн. слѣдов. въ Ковенской губерніи; 33. *Гладковъ* Владиміръ Григорьевичъ, Ярославской, 1888 г., присяжн. повѣрев. во Владимірѣ; *34. *Доброхотовъ* Александръ Алексѣевичъ, Ярославской, 1883 г., судебн. слѣдоват. въ Устюгѣ; 35. *Моревъ* Николай Николаевичъ, Ярославской, 1891 г., былъ въ Оренбургѣ членомъ соединенной палаты. 36. *Сергѣевъ* Петръ Степановичъ, Воронежской, 1893 года, судебнымъ слѣдовател. въ Задонскѣ; 37. *Страховъ* Иванъ Игнатьевичъ, Тверской, 1882 года.

Шестой выпускъ—1879 года.

1. Алякринскій Иванъ Артамоновичъ, Владимірской губерн. Мировой судья Николаевскаго уѣзда, Тургайской области.

*2. Артыновъ Евгеній Дмитріевичъ, Владимірской губерніи. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

3. Бѣлоровскій Михаилъ Петровичъ, Черниговской губерніи. Совѣтникъ губернскаго суда въ Томскѣ.

4. Лебедевъ Василій Григорьевичъ, Владимірской губерніи. Членъ окружн. суда во Владимірѣ.

5. Никольскій Николай Яковлевичъ, Черниговской губерніи. Судебный слѣдоват. 3-го уч. Винницкаго уѣзда, Подольской губ.

*6. Образцовъ Семенъ Флегонтовичъ, Вологодской губ. Учит. 2-го реальнаго училища въ Петербургѣ.

*7. Орлинскій Евсевій Ивановичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Пензѣ.

8. Смирновъ Андрей Константиновичъ, Рязанской губерніи. Судебный слѣдователь въ Белебеѣ.

*9. Соколовъ Никалай Өедоровичъ, Тверской губ. Присяжный повѣренный въ Нижнемъ-Новгородѣ.

10. Стефановскій Александръ Трофимовичъ, Черниговск. губ. Членъ окружнаго суда въ Гродно.

*11. Успенскій Алексѣй Өедоровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Двинскѣ, Витебской губерніи.

*12. Флорентинскій Владиміръ Николаевичъ, Нижегородской губерніи. Товарищъ прокурора въ Гродно.

*13. Фортунатовъ Константинъ Александровичъ, Тверской губерніи. Членъ окружнаго суда въ Смоленскѣ.

Свѣдѣній не доставили: 14. *Романовскій* Алексѣй Константиновичъ, Московской губ.; 15. *Ураковъ* Павелъ Петровичъ, Костромской губ.

Находится въ отставкѣ: 16. *Алексѣевскій* Александръ Васильевичъ, Тверск., съ 1892 г., изъ суд. слѣдов. Воронежа.

Умерли: 17. *Виноградовъ* Иванъ Сергѣевичъ, Костромской, 1896 года, былъ помошник. дѣлопроизводителя въ кабинетѣ Его Императорскаго Величества; 18. *Знаменскій* Николай Павловичъ Владимірской, 1897 г., былъ судебн. слѣдовател. въ Нижнемъ-Новгородѣ; 19. *Козловскій* Иванъ Гавриловичъ, Могилевской, 1890 г., былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Трокахъ; 20. *Мировъ* Алексѣй Алексѣевичъ, Ярославской, 1880 г., помощникомъ попечителя Калмыковъ въ Астрахани; 21. *Платоновъ* Иванъ Ивановичъ, 1895 г., судебн. слѣд. въ Елатьмѣ; *22. *Титовъ* Сергѣй Георгіевичъ, Костромской, 1896 г., городскимъ судьей въ Тотьмѣ.

Седьмой выпускъ—1880 года.

1. Бѣляевъ Иванъ Ивановичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Покровѣ, Владимірской губ.

2. Валединскій Викторъ Іеронимовичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора во Владикавказѣ.

*3. Граціановъ Александръ Яковлевичъ, Нижегородской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Романово-Борисоглѣбскѣ.

4. Дубенскій Никокай Николаевичъ, Петербургской губерн. Товарищъ прокурора при Костромскомъ окружномъ судѣ.

*5. Красовскій Александръ Антоновичъ, Ярославской губерн. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Тифлисѣ.

6. Любимовъ Павелъ Ѳомичъ, Рязанской губерніи. Членъ окружнаго суда въ Ковно.

7. Орловъ Иванъ Николаевичъ, Московской губ. Городской судья въ Ардатовѣ, Симбирской губ.

**8. Раппопортъ Алексѣй Львовичъ, Кіевской губ. Присяжный повѣренный въ Кіевѣ.

9. Розановъ Гавріилъ Петровичъ, Рязанской губ. Частный повѣренный въ Скопинѣ.

10. Розовъ Александръ Васильевичъ, Ярославской губерніи. Мировой судья Мезенскаго уѣзда, Аргангельской губ.

11. Язвицкій Константинъ Павловичъ, Владимірской губерн. Частный повѣренный въ Суздалѣ.

*12. Яковлевъ Иванъ Георгіевичъ, Петербургской губ. Городской судья въ Ковровѣ, Владимірской губ.

Свѣденій не доставили: 13. *Горлицынъ* Владиміръ Авксентьевичъ, Ярославской; *14. *Гусевъ* Николай Николаевичъ, Московской; 15. *Ждановъ* Андрей Андреевичъ, Полтавской; 16. *Фортунатовъ* Гавріилъ Дмитріевичъ, Тульской губерніи.

Находятся въ отставкѣ: 17. *Колосовскій* Иванъ Владиміровичъ, Черниговской, съ 1894 г., былъ членомъ соединенной палаты въ Уфѣ; *18. *Пятницкій* Михаилъ Петровичъ, Ярославской, изъ судебныхъ слѣдователей Кологрива; 19. *Чернобровцевъ* Василій Дмитріевичъ, Владимірской, съ 1895 г., былъ судебнымъ слѣдователемъ Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губ; *20. *Шубинъ* Никаноръ Александровичъ, съ 1895 года, былъ членомъ окружнаго суда въ Баку.

Умерли: *21. *Безсоновъ* Александръ Михайловичъ. Московской, 1888 года, былъ присяжн. повѣрен. въ Москвѣ; 22. *Муравьевъ* Сергѣй Ивановичъ, Московской, 1894 года, былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Болховѣ; 23. *Пьнскій* Алексѣй Николаевичъ, Тверской, 1891 года, секретаремъ акцизнаго Управленія въ Ковно.

Восьмой выпускъ—1881 года.

1. Аменицкій Иванъ Александровичъ, Владимірской губерн. Членъ окружнаго суда въ Уфѣ.

2. Богородскій Леонидъ Алексѣевичъ, Ярославской губерн. Почетный мировой судья въ Ярославлѣ.

3. Вишняковъ Михаилъ Семеновичъ, Московской губерніи. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

4. Истоминъ Александръ Ивановичъ, Тверской губ. Товарищъ прокурора въ Астрахани.

5. Коржавинъ Николай Николаевичъ, Московской губерніи. Судебный слѣдователь въ Звенигородѣ.

*6. Критскій Иванъ Александровичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Череповцѣ.

7. Любомудровъ Михаилъ Александровичъ, Тульской губ. Судебн. слѣдоват. 4-го участка Ставропольск. уѣзда на Кавказѣ.

8. Лялинъ Михаилъ Николаевичъ, Владимірской губ. Земскій начальникъ въ Переяславскомъ уѣздѣ, Владимірской губ.

9. Малевскій-Малевичъ Александръ Юльевичъ, Московской губерніи. Присяжный повѣренный въ Твери.

10. Поповъ Лавръ Андреевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь 8-го участка Екатеринбургскаго уѣзда.

11. Предтеченскій Николай Андреевичъ, Ярославской губерн. Городской судья въ Галичѣ.

12. Приселковъ Владиміръ Захаровъ, Тверской губерніи. Членъ окружнаго суда въ Ригѣ.

*13. Раевскій Евгеній Александровичъ, Ярославской губерніи. Старшій нотаріусъ при окр. судѣ въ Череповцѣ.

14. Смирновъ Василій Семеновичъ, Владимірской губерніи. Уѣздный членъ суда въ Сосницахъ, Черниговской губерніи.

15. Смирновъ Михаилъ Михайловичъ, Владимірской губерніи. Судебный слѣдователь въ Шуѣ.

*16. Смоленскій Милаилъ Ѳедоровичъ, Тверской губерн. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Кишиневѣ.

*17. Телегинъ Сергѣй Александровичъ, Московской губерніи. Судебный слѣдователь въ Муромѣ.

*18. Шахъ-Азизъ Семенъ Іоакимовичъ, Эриванской губерніи. Помощникъ мироваго судьи въ Баку.

Свѣдѣній не доставили: *19. *Ильинъ* Порфирій Николаевичъ, Петербургской губ.; 20. *Крыловъ* Павелъ Александровичъ, Ярославской; 21. *Соколовъ* Александръ Глѣбовичъ, Ярославской.

Находится въ отставкѣ: 22. *Гоффманъ* Антонъ Эдуардовичъ, Могилевской, изъ судебн. слѣд. Духовщины.

Умерли: 23. *Милославовъ* Павелъ Афанасьевичъ, Ярославской, 1889 года; 24. *Поповъ* Дмитрій Васильевичъ, Вологодской, 1886 года. былъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ; 25. *Раевскій* Ѳедоръ Константиновичъ, Костромской, 1883 года, кандидатомъ при окружномъ судѣ въ Костромѣ; 26. *Рождественскій* Ѳедоръ Дмитріевичъ, Московской, 1892 года, помощникомъ секретаря судебной палаты въ Москвѣ; 27. *Троицкій* Василій Михайловичъ, Тульской, 1891 г. судебн. слѣдователемъ въ Уфимской губ.; 28. *Троицкій* Василій Ѳедоровичъ, Рязанской, 1891 года, судебнымъ слѣдователемъ въ Бессарабской губерніи.

Девятый выпускъ 1882 года.

1. Александровскій Владиміръ Андреевичъ, Владимірской губерніи. Секретарь духовной консисторіи въ Оренбургѣ.

2. Алексѣевъ Михаилъ Петровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь 4-го уч. гор. Варшавы.

3. Введенскій Иванъ Ивановичъ, Тверской губерн. Мировой судья въ Юрьевѣ, Лифляндской губерніи.

4. Дагаевъ Аркадій Өедоровичъ, Воронежской губ. Членъ окружнаго суда въ Тамбовѣ.

5. Дмитровскій Дмитрій Ивановичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Кирилловѣ, Новгородской губерніи.

*6. Ивановъ Николай Аполлоновичъ, Тульской губ. Земскій начальникъ Епифанскаго уѣзда.

7. Лебедевъ Сергѣй Антоновичъ, Владимірской губ. Городской судья въ Камышинѣ, Саратовской губ.

*8. Полетаевъ Павелъ Арсеньевичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Солигаличѣ.

9. Полянскій Өедоръ Ивановичъ, Воронежской губ. Присяжный повѣренный въ Воронежѣ.

10. Свѣтловъ Константинъ Петровичъ, Рязанской губ. Товарищъ прокурора въ Тамбовѣ.

11. Соколовъ Иванъ Іассоновичъ, Ярославской губерн. Городской судья въ Романовъ-Борисоглѣбскѣ.

*12. Твериткій Павелъ Өедоровичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ въ Ярославлѣ.

13. Троицкій Александръ Ивановичъ, Московской губ. Помощникъ акциз. надзирателя въ Сапожкѣ, Рязанской губ.

Находятся въ отставкѣ: 14. *Кондратьевъ* Михаилъ Петровичъ, Московской, съ 1894 года, изъ судебныхъ слѣдователей г. Мурома; 15. *Платоновъ* Василій Александровичъ, Тамбовской, съ 1896 г., былъ членомъ соединенной палаты въ Архангельскѣ.

Умерли: — 16. *Надеждинъ* Сергѣй Александровичъ, Владимірской губ., 1894 г., былъ податнымъ инспекторомъ въ Покровѣ; 17. *Ораевскій* Өедоръ Александровичъ, Ярослаской, 1896 г., былъ мировымъ судьей въ Павлоградѣ.

Десятый выпускъ—1883 года.

1. Агриковъ Василій Дмитріевичъ, Владимірской губерніи. Податной инспекторъ въ Александровѣ, Владимірской губ.

2. Андруцкій Гавріилъ Дмитріевичъ, Могилевской губерніи. Судебный слѣдователь 3-го уч. Вилейскаго уѣзда, Виленской губ.

*3. Благовѣщенскій Иванъ Дмитріевичъ, Орловской губерніи. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Весьегонскѣ.

4. Богородскій Василій Николаевичъ. Ярославской губерніи. Городской судья въ Раненбургѣ.

*5. Бѣлопольскій Петръ Васильевичъ. Воронежской губерніи. Присяжный повѣренный въ Астрахани.

6. Вѣлявскій Александръ Алексѣевичъ. Смоленской губерніи. Товарищъ прокурора въ Симферополѣ.

*7. Введенскій Константинъ Евгеньевичъ, Вологодской губ. Мировой судья по назначенію въ Пружанахъ, Гродненской губ.

*8. Введенскій Николай Дмитріевичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Кадниковѣ.

*9. Вишневскій Алексѣй Дмитріевичъ, Рязанской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Смоленскѣ.

10. Воздвиженскій Петръ Петровичъ, Московской губерніи. Секретарь окружнаго суда въ Москвѣ.

*11. Голубцевъ Алфей Александровичъ, Вологодской губерніи. Членъ окружнаго суда въ Аргангельскѣ.

*12. Григоревскій Петръ Семеновичъ, Курской губерн. Членъ окружнаго суда въ Архангельскѣ.

13. Добрянскій Феодосій Николаевичъ, Черниговской губерн. Мировой судья въ Фридрихсштадтѣ, Курляндской губерніи.

14. Земблиновъ Александръ Ивановичъ, Пензенской губерн. Судебный слѣдователь Мокшанскаго уѣзда.

15. Зубовскій Іосифъ Федотовичъ, Могилевской губ. Мировой судья въ Летичевѣ.

16. Ивановъ Петръ Дмитріевичъ, Воронежской губ. Судебный приставъ въ Рузѣ, Московской губ.

17. Ивинскій Өедоръ Петровичъ, Тамбовской губерніи. Присяжныя повѣренный въ Тамбовѣ.

18. Казанскій Сергѣй Алексѣевичъ, Нижегородской губерніи. Помощникъ мироваго судьи въ Сыръ-Дарьинской области.

19. Калинниковъ Евгеній Дмитріевичъ, Архангельской губ. Учитель реальнаго училища въ Митавѣ.

20. Козловскій Сергѣй Александровичъ, Черниговской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

21. Лебедевъ Василій Федоровичъ, Уфимской губ. Мировой судья Могилевскаго округа.

*22. Невскій Дмитрій Александровичъ, Ярославской губерніи. Библіотекарь Демидовскаго Юридическаго Лицея.

23. Плавтовъ Иванъ Васильевичъ, Рязанской губ. Помощн. надзир. V окр. акцизн. управленія Черниговской губ.

24. Погожевъ Игнатій Дмитріевичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Семеновѣ, Нижегородской губ.

25. Процвѣталовъ Иванъ Ивановичъ, Тамбовской губерніи. Товарищъ прокурора въ Ломжѣ.

*26. Розановъ Константинъ Александровичъ, Вологодской губ. Присяжный повѣренный въ Вологдѣ.

27. Сацердотовъ Степанъ Степановичъ, Вологодской губерніи. Судебный слѣдователь въ Тотьмѣ.

28. Сербскій Василій Матвѣевичъ, Московской губ. Мировой судья въ Тельшевѣ.

29. Степановъ Сергѣй Никитичъ, Московской губерн. Членъ окружнаго суда въ Кутаисѣ.

*30. Троицкій Веніаминъ Виссаріоновичъ, Черниговской губ. Уѣздный членъ суда въ Городнѣ, Черниговск. губ.

31. Троцкій Гурій Аристарховичъ, Черниговской губерніи. Товарищъ прокурора въ Каменецъ-Подольскѣ.

32. Успенскій Алексѣй Петровичъ, Тульской губ. Присяжный повѣренный въ Тулѣ.

33. Чернобровцевъ Константинъ Ивановичъ, Владимірск. губ. Помощникъ бухгалтера въ Юрьевскомъ уѣздномъ Казначействѣ.

34. Шмигельскій Константинъ Григорьевичъ, Кіевской губ. Мировой судья въ Замостьѣ.

35. Язвицкій Александръ Павловичъ, Владимірской губерн. Присяжный повѣренный во Владимірѣ.

*36. Өедоровъ Владиміръ Васильевичъ, Ставропольской губ. Суд. слѣд. Отрадненскаго уч. Екатеринодарскаго окружнаго суда.

37. Өоминъ Василій Яковлевичъ, Олонецкой губ. Помощникъ дѣлопроизвод. канцеляріи Государствен. Контроля VII класса.

Свѣдѣній не доставили: *38. *Соловьевъ* Николай Васильевичъ, Олонецкой; *39. *Тихонравовъ* Александръ Өедоровичъ. Симбирской; 40. *Юрьевъ* Алексѣй Николаевичъ, Курской.

Умерли: 41. *Бѣлогостицкій* Петръ Ивановичъ, Ярославской губ., 1891 года, былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Любимѣ; *42. *Воскресенскій* Дмитрій Андреевъ, Тверской, 1891 г., судебнымъ слѣдователемъ въ Великихъ Лукахъ; *43. *Невскій* Александръ Ивановичъ, Тверской, 1893 года, судебнымъ слѣдователемъ въ Каменецъ-Подольскѣ; 44. *Образцовъ* Сергѣй Флегонтовичъ, Вологодской, 1890 года, судебнымъ слѣдователемъ въ Архангельскѣ; 45. *Поповъ* Александръ Ивановичъ, Харьковской, 1888 г., секрет. окружнаго суда въ Гродно; 46. *Шмаковъ* Семенъ Васильевичъ, Архангельской, 1888 года, секретаремъ окружнаго суда въ Вологдѣ.

Одиннадцатый выпускъ—1884 года.

1. Авдіевъ Николай Ивановичъ, Курской губерн. Судебный слѣдователь въ Ферганской области.

2. Альбовъ Иванъ Павловичъ, Костромской губ. Кандидатъ на судебн. долж. при военномъ прокурорѣ въ Казани.

3. Благонадеждинъ Иванъ Васильевичъ, Владимірской губ. Членъ окружнаго суда въ Уфѣ.

4. Бруевичъ Иванъ Ивановичъ, Могилевской губ. Старшій Нотаріусъ въ Могилевѣ.

5. Введенскій Иванъ Григорьевичъ, Владим. губ. Секретарь окружнаго суда въ Н.-Новгородѣ.

6. Виноградовъ Николай Александровичъ, Ярославской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда во Владимірѣ.

7. Голосовъ Александръ Александровичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Устьсысольскѣ.

8. Голубцовъ Павелъ Александровичъ, Вологодской губерн. Судебный слѣдователь въ Никольскѣ, Вологодской губ.

9. Дмитріевъ Михаилъ Александровичъ, Архангельской губ. Начальникъ отдѣленія казенной палаты въ Саратовѣ.

*10. Звѣревъ Александръ Михайловичъ, Московской губерніи. Членъ окружнаго суда въ Либавѣ.

*11. Зыковъ Тимофей Яковлевичъ, Ярославской губ. Окружный акцизный надзиратель въ Бѣжецкѣ.

*12. Казанскій Алексѣй Васильевичъ, Московской губ. Товарищъ прокурора въ Ригѣ.

*13. Лебедевъ Иванъ Александровичъ [1]), Олонецкой губерніи. Мировой судья въ Онегѣ.

14. Лебедевъ Павелъ Васильевичъ, Московской губ. Судебный приставъ при окружномъ судѣ въ Москвѣ.

15. Леоновъ Евфимій Петровичъ, Воронежской губ. Судебный слѣдователь въ Воронежѣ.

*16. Любимовъ Павелъ Николаевичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь въ Борисовѣ, Минской губ.

*17. Миславскій Николай Ѳедоровичъ, Черниговской губерніи. Судебный слѣдователь въ Кременцѣ.

18. Михайловъ Михаилъ Николаевичъ, Орловской губерніи. Частный повѣренный въ Харьковѣ.

19. Моисеевъ Ѳедоръ Иванавичъ, Харьковской губ. Присяжный повѣреенный въ Саратовѣ.

*20. Невзоровъ Александръ Серафимовичъ, Оренбургской губ. Испр. должн. экстраорд проф. въ Юрьевскомъ Университетѣ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

*21. Нехорошевъ Тимоѳей Васильевичъ, Томской губерніи. Начальникъ отдѣленія въ Лѣсномъ Департаментѣ.

22. Никифоровскій Андрей Васильевичъ, Костромской губ. Податной инспекторъ въ Рыбинскѣ.

23. Павловскій Сергѣй Александррвичъ, Орловской губерніи. Членъ окружнаго суда въ Оренбургѣ.

24. Плетеневъ Андрей Алексѣевичъ, Курской губ. Уѣздный членъ суда въ Царевѣ, Астраханской губ.

25. Покровскій Сергѣй Алексѣевичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Нолинскѣ, Вятской губерніи.

*26. Поповскій Иванъ Ивановичъ, Воронежской губер. Товарищъ прокурора въ Варшавѣ.

27. Поповъ Николай Александровичъ, Костромской губерн. Мировой судья Венденъ-Варскаго округа, Лифляндской губерніи.

28. Поповъ Ѳедоръ Львовичъ, Вятской губерн. Начальникъ отдѣл. казенной палаты въ Вологдѣ.

29. Приступа Георгій Игнатьевичъ, Волынской губ. Присяжный повѣренный въ Уфѣ.

30. Протопоповъ Алексѣй Андреевичъ, Владимірской губерніи. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Овручѣ.

31. Раевскій Сергѣй Михайловичъ, Нижегородской губерніи. Управляющій казенной палатой въ Читѣ.

32. Робустовъ Василій Ивановичъ, Владимірской губ. Присяжный повѣренный въ Самарѣ.

33. Рождественскій Константинъ Николаевичъ, Тамбовской губерніи. Земскій начальникъ Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губ.

34. Рязанцевъ Дмитрій Ивановичъ, Тверской губ. Дѣлопроизводитель въ департаментѣ Министерства Юстиціи.

35. Самаринъ Сергѣй Николаевичъ, Вологодской губерн. Товарищъ прокурора въ Кѣльцахъ.

36. Самойловичъ Владиміръ Александровичъ, Полтавской губерніи. Судебный слѣдователь въ Астраханской губерніи.

**37. Сангалло Николай Карловичъ, Владимірской губерніи. Предсѣдатель земской управы въ Камышловѣ.

38. Сахаровъ Александръ Лукичъ, Рязанской губ. Городской судья въ Полтавѣ.

39. Сементовскій Иванъ Петровичъ, Оренбургской губ, Тюремный инспекторъ въ Саратовѣ.

*40. Серповскій Николай Григорьевичъ [1]), Тамбовской губерн. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Калугѣ.

41. Спасскій Василій Павловичъ, Владимірской губерніи. Товарищъ прокурора въ Оренбургѣ.

42. Сперанскій Николай Ивановичъ, Владимірской губерніи. Кандидатъ на судебныя должн. при окр судѣ во Владимірѣ.

43. Струменскій Евгеній Евгеньевичъ, Подольской губ. Пом. мироваго судьи въ Ахалцихѣ.

44. Сущинскій Германъ Васильевичъ, Могилевской губерніи. Судебный слѣдователь въ Чаусахъ.

*45. Третлѣтовъ Александръ Матвѣевичъ, Ярославской губерн. Городской судья въ Ярославлѣ.

46. Троицкій Николай Петровичъ, Тверской губ. Городской судья въ Ржевѣ.

47. Труфановъ Василій Константиновичъ, Харьковской губ. Мировой судья въ Велюни, Калишской губерніи

48. Флоринскій Константинъ Ивановичъ, Владимірской губ. Городской судья въ Пирятинѣ.

49. Фортунатовъ Петръ Степановичъ, Казанской губ Пом. мироваго судьи въ Ставрополѣ — Кавказскомъ.

50. Хохловъ Александръ Васильевичъ, Черниговской губерн. Присяжный повѣренный въ Кашинѣ.

*51. Часовниковъ Ѳедоръ Михайловичъ, Воронежской губерн. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

52. Чулановскій Михаилъ Ильичъ, Екатеринославской губерн. Товарищъ прокурора въ Екатеринодарѣ.

53. Шеленинъ Василій Іустиновичъ, Могилевской губерніи. Мировой судья въ Умани.

---

1) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

Находится въ отставкѣ: 54. *Высотскій* Иванъ Константиновичъ, Орловской, до 1892 г. былъ суд. слѣд. въ Вѣрномъ; 55. *Городецкій* Александръ Степановичъ, Пензенской, до 1393 г. былъ суд. слѣд. въ Челябинскѣ; *56. *Семидаловъ* Владиміръ Ивановичъ, Енисейской, до 1897 года былъ окружн. судьей въ Красноярскѣ; 57. *Страховъ* Михаилъ Васильевичъ, Калужской, до 1894 г. былъ суд. слѣд. въ Боровскѣ.

Свѣдѣній не доставили: 58. *Купріановъ* Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губерн.; 59. *Петровскій* Митрофанъ Іоакимовичъ, Воронежской; 60. *Скворцовъ* Павелъ Космичъ, Московской; 61. *Стефановъ* Николай Григорьевичъ, Смоленскій; 62. *Троицкій* Алексѣй Арсеньевъ, Тверской; 63. *Цвѣтаевъ* Павелъ Васильевичъ, Московской губ.

Умерли: 64. *Аргентовскій* Евграфъ Васильевичъ, Тобольской губ.; 1892 гоъа, былъ засѣдателемъ окружнаго суда въ Каинскѣ; *65. *Бесѣдкинъ* Павелъ Ѳедоровичъ, Московской, 1892 года, приватъ-доцентъ Лицея; 66. *Грацинскій* Павелъ Павловичъ, Воронежской, 1893 года, городскимъ судьей въ Стародубѣ; 67. *Громковскій* Иванъ Кодратовичъ, 1896 года, судебн. слѣдоват. въ Ананьевѣ; 68. *Заваринъ* Владиміръ Павловичъ, Вологодской, 1893 года, судебн. слѣдоват. въ Бугульмѣ; 69. *Никольскій* Дмитрій Герасимовичъ, 1896 г., товарищемъ прокурора въ Читѣ; *70. *Сулковскій* Василій Константиновичъ, Минской, 1890 года; 71. *Флеровъ* Сергѣй Александровичъ, Тверской, 1896 г., уѣзднымъ членомъ суда въ Белебеѣ; 72. *Хохловъ* Алексѣй Александровичъ, Тверской, 1890 года, судебн. слѣдователемъ въ Минскѣ; 73. *Ѳедосѣевъ* Александръ Петровичъ, Владимірской, 1894 года, судебнымъ слѣдователемъ въ Сызрани.

Двѣнадцатый выпускъ—1885 года.

1. Агеевъ Иванъ Васильевичъ, Полтавской губ. Судебный слѣдователь 2-го уч. Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

2. Бакулевскій Иванъ Гавриловичъ, Казанской губерн. Судебный слѣдователь въ Шадринскѣ.

3. Богородицкій Всеволодъ Сергѣевичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь Иллукстскаго уѣзда, Курляндской губ.

4. Богословскій Сергѣй Дмитріевичъ, Орловской губерніи. Присяжный повѣренный въ Орлѣ.

*5. Будзиловичъ Николай Николаевичъ, Минской губерніи. Судебный слѣдоват. 3-го уч. Новогрудскаго уѣзда, Минской губ.

6. Быстрицкій Всеволодъ Владиміровичъ, Владимірской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Муромѣ.

7. Бѣляевъ Иванъ Васильевичъ, Харьковской губ. Членъ областнаго суда въ Самаркандѣ.

*8. Введенскій Федоръ Викторовичъ, Орловской губ. Городской судья въ Воронежѣ.

9. Виноградскій Николай Степановичъ, Черниговской губ. Товарищъ прокурора въ Калишѣ.

10. Вознесенскій Василій Константиновичъ, Владимірской губерніи. Судебный слѣдователь въ Нижнемъ-Новгородѣ.

11. Вознесенскій Николай Аркадьевичъ, Костромской губерн. Судебный слѣдователь въ Кологривѣ.

12. Гунбинъ Василій Алексѣевичъ, Тверской губерніи. Товарищъ прокурора въ Уфѣ.

13. Драгомирецкій Дмитрія Ѳеофановичъ, Подольской губер. Старшій контролеръ винокур. заводовъ 4 окр. Подольской губ.

14. Зыковъ Арсеній Павловичъ, Тверской губерніи. Судебный слѣдователь въ Митавѣ.

15. Казанскій Петръ Ивановичъ, Владимірской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Вязникахъ.

16. Картвеловъ Михаилъ Лаврентьевичъ, Тифлисской губерн. Помощникъ мироваго судьи по Тифлисскому уѣзду.

17. Коротკевичъ Николай Дмитріовичъ, Черниговской губер. Мировой судья въ Ковелѣ, Волынской губерніи.

18. Лавровъ Веніаминъ Тихоновичъ, Орловской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Сѣвскѣ.

19. Лисицынъ Николай Васильевичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Новоторжскѣ.

20. Лубнинъ Алексѣй Дмитріевичъ, Вятской губ. Городской судья въ Слободскомъ, Вятской губерніи.

21. Медвѣдевъ Александръ Семеновичъ, Тверской губерніи. Инспекторъ С.-Петербургскаго страховаго отъ огня общества.

22. Нечаевъ Сергѣй Петровичъ, Черниговской губ, Мировой судья въ Шавли.

23. Никольскій Владиміръ Ильичъ, Тульской губ. Секретарь окружнаго суда въ Тулѣ.

24. Новицкій Григорій Ивановичъ, Минской губ. Предсѣдатель мироваго съѣзда въ Новогрудкѣ, Минской губерніи.

25. Поповъ Иванъ Алексѣевичъ, Вологодской губ. Мировой судья въ Горкахъ, Могилевской губерніи.

26. Поповъ Николай Степановичъ, Воронежской губ. Уѣздный членъ суда въ Белебеѣ.

27. Рклицкій Николай Васильевичъ, Черниговской губерніи. Городской судья въ Бронницахъ, Московской губ.

28. Соколовъ Александръ Васильевичъ, Костромской губерн. Мировой судья въ Игумнѣ.

29. Соловьевъ Иванъ Петровичъ, Владимірской губ. Присяжный повѣренный въ Иваново-Вознесенскѣ.

30. Спасскій Павелъ Александровичъ, Ярославской губерніи. Мировой судья въ Архангельскѣ.

31. Троицкій Николай Александровичъ, Костромской губерн. Товарищъ прокурора въ Енисейскѣ.

32. Туношенскій Василій Васильевичъ, Ярославской губерніи. Помощникъ ревизора контрольной палаты въ Ярославлѣ.

33. Тюльпановъ Өедоръ Степановичъ, Владимірской губерніи. Судебный слѣдователь въ Яранскѣ, Вятской губ.

34. Феликсовъ Евгеній Андреевичъ, Симбирской губерніи. Судебный слѣдователь въ Бирскѣ, Уфимской губ.

35. Хабурзанія Антонъ Степановичъ Тифлисской губ. Мировой судья въ Сваитскѣ, Кутаисской губерніи.

36. Цѣлицо Владиміръ Леонтьевичъ, Могилевской губерніи. Контролеръ акцизнаго управленія въ Витебскѣ.

37. Чарнецкій Григорій Ивановичъ, Минской губ. Судебный слѣдователь по важнымъ дѣламъ въ Луцкѣ.

38. Ѳедотовъ Арсеній Петровичъ, Воронежской губ. Судебный слѣдователь 2-го участка Новохоперскаго уѣзда.

Свѣдѣній не доставили: 39. *Виноградовъ* Николай Николаевичъ, Орловской; *40. *Гродзицкій* Митрофанъ Іосифовичъ, Минской; 41. *Никольскій* Павелъ Ивановичъ, Тверской, до 1893 года былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Ейскѣ; *42. *Проценко* Николай Николаевичъ, Петербургскій, до 1895 г. служилъ въ Мин. Финансовъ; 43. *Третьяковъ* Иванъ Антоновичъ, Смоленской.

Находятся въ отставкѣ: 44. *Ломакинъ* Константинъ Павловичъ, Курской, до 1897 года былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Либавѣ; 45. *Преображенскій* Василій Ивановичъ, Московской, до 1893 года былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Кологривѣ; 46. *Соколовъ* Дмитрій Ивановичъ, Ярославской, до 1892 г. былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Бирскѣ; *47. *Четыркинъ* Павелъ Васильевичъ, Смоленской, до 1891 года былъ судебнымъ слѣдователемъ Лидскаго уѣзда.

Умерли: *48. *Архангельскій* Иванъ Космичъ, Ярославской, 1895 года, былъ членомъ окружнаго суда въ Бѣльцахъ; 49. *Ерасси* Владиміръ Ивановичъ, Владимірской, 1887 г., помощникомъ присяжнаго повѣреннаго во Владимірѣ; 50. *Никольскій* Ѳедоръ Петровичъ Калужскій, 1892 г., судебнымъ слѣдователемъ въ Белебеѣ; *51. *Смирновъ* Дмитрій Васильевичъ, Яросл. 1894 г., присяжнымъ повѣреннымъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; *52. *Сперанскій* Петръ Ивановичъ, Калужской, 1886 г., кандидатомъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Калугѣ; 53. *Шугаевскій* Иванъ Николаевичъ, Черниговской, 1888 года, кандидатомъ на судебныя должн. при окружномъ судѣ въ Каменецъ-Подольскѣ.

Тринадцатый выпускъ—1886 года.

1. Антоновъ Митрофанъ Давыдовичъ, Харьковской губерніи. Мировой судья въ Бакинской губерніи.

*2. Архангельскій Владиміръ Хрисанфовичъ, Симбирск. губ. Судебный слѣдователь въ Романовъ-Борисоглѣбскѣ.

3. Боевской Николай Александровичъ, Ярославской губерн. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

4. Бочаговъ Александръ Ивановичъ, Ярославской губерніи. Помощникъ контролера акцизнаго управленія въ Петербургѣ.

5. Воротниковъ Василій Сергѣевичъ, Томской губ. Судебный слѣдователь Каширскаго уѣзда.

6 Воскресенскій Александръ Андреевичъ, Тверской губерн. Секретарь Казенной палаты въ Твери.

*7. Иваншинъ Евгеній Матвѣевичъ, Воронежской губ. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

8. Илличъ Александръ Александръ, Подольской губерніи. Судебный слѣдователь въ Ямполѣ.

9. Киріевъ Андрей Семеновичъ, Полтавской губерніи. Судебный слѣдователь въ Грязовцѣ.

10. Леоновъ Алексѣй Георгіевичъ, Уфимской губ. Земскій начальникъ въ Белебеѣ, Уфимской губерніи.

11. Малининъ Иванъ Никитичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь въ Бобруйскѣ.

12. Марковъ Александръ Николаевичъ, Воронежской губерн. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

13. Мирмиковъ Сергѣй Алексѣевичъ, Смоленской губерніи. Судебный слѣдователь 4-го уч. Уфимскаго уѣзда.

14. Михайловскій Константинъ Николаевичъ, Нижегородской губ. Пом. мироваго судьи въ Калмыковѣ, Уральской области.

15. Модестовъ Сергѣй Сергѣевичъ, Московской губер. Товарищъ прокурора въ Оренбургѣ.

*16. Нагинъ Андрей Павловичъ, Псковской губ. Городской судья въ Порховѣ.

17. Поповъ Михаилъ Алексѣевичъ, Харьковской губерніи. Судебный слѣдователь въ Богучарахъ.

18. Роговъ Василій Дмитріевичъ, Петербургской губерніи. Судебный слѣдователь въ Аккерманѣ.

*19. Розовъ Константинъ Ивановичъ, Ярославской губерніи. Податной инспекторъ въ Любимѣ.

*20. Сергѣевскій Владиміръ Васильевичъ, Самарской губерніи. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Алатыри.

21. Синебрюховъ Александръ Ивановичъ, Уфимской губерніи. Судебный слѣдователь въ Бобруйскѣ.

*22. Скопинскій Александръ Васильевичъ, Рязанской губерн. Товарищъ прокурора окружнаго суда во Владимірѣ.

23. Скульскій Петръ Николаевичъ, Ярославской губ. Журналистъ контрольной палаты въ Ярославлѣ.

*24. Срѣтенскій Семенъ Александровичъ, Петербургской губ. Столоначальникъ Комерческаго суда въ Петербургѣ.

25. Удинцовъ Николай Васильевичъ, Пермской губ. Судебный слѣдователь 3-го участка Соликамскаго уѣзда.

26. Успенскій Николай Алексѣевичъ, Орловской губ. Судебный слѣдователь въ Проскуровѣ, Подольской губерніи.

*27. Чоловской Михаилъ Ѳедоровичъ, Могилевской губ. Непремѣнный членъ уѣздн. по крестьянск. дѣламъ присут. въ Слуцкѣ.

*28. Чулановскій Гавріилъ Ильичъ, Екатеринославской губ. Судебн. слѣдователь въ Ставрополѣ на Кавказѣ.

29. Шипивъ Александръ Павловичъ, Ярославской губерніи. Городской судья въ Устюжнѣ.

*30. Щербина Матвѣй Петровичъ, Харьковской губ. Окружный судья въ Хабаровскѣ.

Находится въ отставкѣ: 31. *Ѳеденковъ* Григорій Игнатьевичъ, 1896 г., былъ судебн. слѣдов. въ Таганрогѣ.

Свѣдѣній не доставили: 32. *Каменцовъ* Петръ Николаевичъ, Ярославской губ.; 33. *Мясниковъ* Александръ Александровичъ, Тверской; 34. *Невскій* Александръ Арсеньевичъ, Тверской; *35. *Отрошкевичъ* Николай Саввичъ, Витебской; *36.

Петровъ Митрофанъ Петровичъ, Харьковскій; 37. *Пятницкій* Александръ Константиновичъ, Тульской; 38. *Чумаевскій* Алексѣй Сергѣевичъ, Саратовской.

Умерли: 39. *Богоявленскій* Филадельфъ Васильевичъ, Казанской губ., 1887 года, былъ кандидатомъ при окружномъ судѣ въ Ярославлѣ; 40. *Демидовичъ* Александръ Ѳедоровичъ, Екатеринославской, 1892 года. помощникомъ исправника въ Курскѣ.

Четырнадцатый выпускъ—1887 года.

*1. Агафоновъ Николай Ѳедоровичъ, Уфимской губ. Товарищъ прокурора въ Ирбити.

2. Боголюбскій Иларіонъ Алексѣевичъ, Воронежской губерн. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Закаспійской области.

*3. Бѣляевъ Николай Семеновичъ, Воронежской губ. Контролеръ по табачной части въ Симферополѣ.

4. Виноградскій Василій Степановичъ, Черниговской губерн. Судебный слѣдователь по важнымъ дѣламъ въ Петраковѣ.

*5. Дмитревскій Иванъ Петровичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Волковыйскѣ, Гродненской губ.

6. Звѣздинъ Александръ Ивановичъ, Нижегородской губерн. Судебный слѣдователь въ Слуцкѣ, Минской губерніи.

7. Истоминъ Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Участковый мировой судья въ Архангельскѣ.

8. Калашниковъ Николай Петровичъ, Рязанской губ. Мировой судья въ Тельшахъ, Ковенской губерніи.

9. Котовичъ Василій Васильевичъ, Могилевской губ. Товарищъ прокурора въ Плоцкѣ.

10. Лебедевъ Николай Васильевичъ, Калужской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Калугѣ.

*11. Люцедарскій Леонтій Евдоксіевичъ, Каменецъ-Подольской губерніи. Мировой судья Атбасарскаго уѣзда, Акмолинской обл.

*12. Ляхницкій Клавдій Васильевичъ, Черниговской губерн. Членъ окружнаго суда въ Кѣльцахъ.

13. Милославовъ Игнатій Алексѣевичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь въ Уфѣ.

14. Моревъ Николай Ивановичъ, Ярославской губерн. Городской судья въ Кременчугѣ.

15. Никольскій Петръ Мироновичъ, Владимірской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при прокурорѣ судебной палаты въ Москвѣ.

*16. Поповъ Константинъ Федоровичъ, Ярославской губерніи. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Ярославлѣ.

17. Проскурниковъ Константинъ Васильевичъ, Харьковской губерніи. Судебный слѣдователь въ Зміевѣ.

18. Райскій Василій Дмитріевичъ, Кіевской губ. Окружный судья въ Тюмени.

19. Соколовъ Леонидъ Андреевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Вельскѣ.

*20. Сперанскій Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губерніи. Судебный слѣдователь въ Рыбинскѣ.

21. Томашевичъ Андроникъ Семеневичъ, Волынской губерніи. Судебный слѣдователь въ Любимѣ.

22. Успенскій Николай Флегонтовичъ, Костромской губерніи. Судебный слѣдователь въ Ветлугѣ.

23. Чичинадзе Сергѣй Константиновичъ, Кутаиской губерніи. Помощникъ мироваго судьи въ Зугдиди.

Свѣдѣній не доставили: 24. *Георгіевскій* Александръ Васильевичъ, Ярославской, **25. *Гурвичъ* Айзикъ Ароновичъ, Ковенской; 26. *Клементьевъ* Григорій Игнатьевичъ, Харьковской; **27. *Окновскій* Шлема Лейзеровичъ, Сувалкской; 28. *Солнцевъ* Александръ Лаврентьевичъ, Тульской губ.

Находятся въ отставкѣ: 29. *Асотскій* Павелъ Михайловичъ, Курской губ., съ 1893 г., изъ судебн. слѣдователей Кѣлецкой губ.; 30. *Левиткій* Григорій Романовичъ, Саратовской губ., съ 1894 года, былъ старшимъ нотаріусомъ въ Троицкѣ.

Умерли; 31. *Виноградовъ* Моисей Петровичъ, Витебской,

1896 года, былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Соколкѣ; 32. *Замахаевъ* Сергѣй Андреевичъ, Воронежской, 1896 г., присяжный повѣренный въ Харьковѣ; 33. *Любимовъ* Александръ Ивановичъ, Владимірской, 1889 года; 34. *Никольскій* Александръ Герасимовичъ, Орловской, 1895 года, Товарищ. губ. прокурора Забайкальской области; *35. *Покровскій* Иванъ Александровичъ, Нижегородской, 1893 года, былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Княгининѣ; 36. *Слюсаревъ* Викентій Ивановичъ, Харьковской, 1890 г., кандидатомъ при окружномъ судѣ въ Лубнахъ; *37. *Смирновъ* Александръ Андреевичъ, 1894 года, судебнымъ слѣдователемъ въ Бѣльскѣ; 38. *Соловьевъ* Константинъ Адріановичъ, 1887 года; 39. *Софоновъ* Сергѣй Ивановичъ, Томской, 1892 г., судебнымъ слѣдователемъ въ Ишимѣ, Тобольской губ.

Пятнадцатый выпускъ 1888 года.

1. Архангельскій Василій Павловичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Екатеринбургѣ.

2. Добрянскій Андрей Николаевичъ, Черниговской губерніи. Кандидатъ на судебныя должности при окружн. судѣ въ Гродно.

*3. Карауловъ Дмитрій Николаевичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Сергачѣ, Нижегородской губ.

4. Кацауровъ Сергѣй Николаевичъ, Московской губ. Товарищъ прокурора въ Петраковѣ.

*5. Надѣжскій Александръ Павловичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь въ Таурогенѣ, Ковенской губерніи.

6. Нечаевъ Иванъ Ивановичъ, Тульской губерніи. Судебный слѣдователь въ Епифани.

7. Никольскій Сергѣй Степановичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Ардатовѣ, Нижегородской губерніи.

8. Поповъ Павелъ Николаевичъ, Пермской губ. Товарищъ прокурора въ Перми.

9. Пьянковъ Павелъ Алексѣевичъ, Пермской губ. Судебн. слѣдователь въ Чердыни.

*10. Тартаковскій Александръ Сергѣевичъ, Херсонской губерн. Мировой судья въ Холмогорахъ.

11. Шапиро Николай Сергѣевичъ, Московской губ. Контролеръ акцизнаго управленія въ Перми.

Свѣдѣній не доставили: 12. *Рудинскій* Леонидъ Семеновичъ, Ярославской; 13. *Тутолминъ* Петръ Дмитріевичъ, Курской губерніи.

Находится въ отставкѣ: 14. *Коровинъ* Иванъ Аристарховичъ, Пермской губ., съ 1897 года, былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Екатеринбургѣ.

Умеръ: 15. *Невскій* Сергѣй Александровичъ, Владимірской губерніи, 1888 года, не поступивъ на службу.

Шестнадцатый выпускъ—1889 года.

*1. Абдуловъ Николай Николаевичъ, Орловской губ. Судебный слѣдователь въ Ливнахъ.

2. Базыкинъ Александръ Константиновичъ, Тверской губерн. Счетный чиновникъ Либаво-Роменской желѣзной дер. въ Минскѣ.

3. Балашевъ Владиміръ Андреевичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Ефремовѣ.

*4. Даниловъ Иванъ Сергѣевичъ, Орловской губерн. Земскій начальникъ въ Московскомъ уѣздѣ.

5. Жариковъ-Красовскій Дмитрій Ѳомичъ, Кіевской губерн. Товарищъ прокурора въ Тобольскѣ.

6. Затурскій Александръ Францовичъ, Полтавской губерніи. Мировой судья Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губ.

*7. Киринъ Алексѣй Даниловичъ, Тамбовской губ. Присяжный повѣренный въ Тамбовѣ.

8. Кормилицынъ Дмитрій Александровичъ, Московской губ. Земскій начальникъ въ Ряжскѣ.

9. Крѣпкогорскій Андрей Васильевичъ, Саратовской губерн. Судебный слѣдователь въ Юрьевѣ, Лифляндской губ.

*10. Ледницкій Александръ Робертовичъ, Минской губерніи. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

*11. Лейвангендлеръ Товія Израилевичъ, Варшавской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

**12. Мамивъ Владиміръ Наркиссовичъ, Пермской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ирбити.

*13. Марчевскій Михаилъ Семеновичъ, Иркутской губ. Судебный слѣдователь въ Рославлѣ.

14. Олторжевскій Иванъ Степановичъ, Черниговской губерніи. Кандидатъ на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Нѣжинѣ.

15. Первухинъ Владиміръ Петровичъ, Тверской губ. Столоначальникъ казенной палаты въ Твери.

16. Розовъ Николай Флегонтовичъ. Костромской губ. Городской судья въ Семеновѣ, Нижегородской губ.

17. Семеновъ Яковъ Ивановичъ, Черниговской губ. Товарищъ прокурора въ Томскѣ.

*18. Серебрениковъ Венедиктъ Николаевичъ, Тобольской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Самарѣ.

19. Совѣткинъ Афанасій Митрофановичъ, Пермской губерніи. Присяжный повѣренный въ Сарапулѣ.

*20. Удинцовъ Всеволодъ Аристарховичъ, Пермской губерніи. Экстраординарный профессоръ въ Университетѣ св. Владиміра.

*21. Фалькъ Эдуардъ Германовичъ, Ярославской губер. Владѣлецъ типографіи въ Ярославлѣ.

*22. Шаланинъ Валентинъ Михайловичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора въ Смоленскѣ.

*23. Шереметевъ Николай Борисовичъ, Московской губерніи. Въ департаментѣ Удѣловъ столоначальникомъ.

24. Шубинъ Александръ Яковлевичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Тифлисской губ.

25. Ѳедоровъ Николай Яковлевичъ, Рязанской губ. Секретарь окружнаго суда въ Устьмедвѣдицкѣ.

Свѣдѣній не доставили: 26. *Бычковъ* Василій Игнатьевичъ, Владимірской; 27. *Гутманъ* Лейба Михелевичъ, Волын-

ской; 28. *Доренговскій* Николай Касперовичъ, Витебской; **29. *Коганъ* Илья Григорьевичъ, Екатеринославской; 30. *Курловъ* Борисъ Григорьевичъ, Орловской; 31. *Олейниковъ* Антонъ Максимовичъ, Минской; 32. *Ружицкій* Тадеушъ Франциевичъ, Петраковской.

Находятся въ отставкѣ: 33. *Дмитріевъ* Иванъ Ивановичъ, Самарской губ., съ 1894 г., былъ дѣлопроизводителемъ областнаго правленія въ Уральскѣ.

Умерли: 34. *Матвѣевъ* Венедиктъ Аристарховичъ, Донской области, 1893 года; 35. *Михайловъ* Александръ Ѳомичъ, Могилевской, 1892 года, былъ столоначальникомъ казенной палаты въ Люблинѣ.

Семнадцатый выпускъ—1890 года.

1. Аксаковъ Василій Сергѣевичъ, Московской губ. Товар. прокурора въ Кашинѣ.

2. Алякринскій Сергѣй Артамоновичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь 3-го участка, Шуйскаго уѣзда.

3. Ачкасовъ Викторъ Павловичъ, Ярославской губерніи. Городской судья въ Аккерманѣ.

4. Бурменскій Іосифъ Александровичъ, Донской области. Мировой судья въ Маріуполѣ.

5. Вахрамѣевъ Михаилъ Гермогеновичъ, Ярославской губер. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

6. Воронцовъ-Вельяминовъ Николай Андреевичъ, Тамбовской губ. Инспекторъ народныхъ училищъ въ Тамбовской губ.

7. Воскресенскій Василій Алексѣевичъ, Полтавской губерн. Судебный слѣдователь въ Томской губ.

8. Городцовъ Петръ Алексѣевичъ, Рязанской губ. Мировой судья въ Тюмени.

*9. Ивановъ Алексѣй Прокофьевичъ, Костромской губерніи. Судебный слѣдователь въ Мологѣ.

*10. Колесовъ Константинъ Александровичъ, Московской губ. Помощн. оберъ-секретаря угол. кассаціоннаго Департамента Сената.

11. Кратировъ Александръ Григорьевичъ, Вологодской губ. Судебный слѣдователь въ Мологѣ.

12. Легейда Николай Павловичъ, Полтавской губерніи. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

*13. Листратовъ Николай Андреевичъ, Владимірской губерніи. Городской судья въ Рыбинскѣ.

14. Марковъ Константинъ Петровичъ, Амурской области. Мировой посредникъ Каменскаго уѣзда, Подольской губ.

15. Мебесъ Августъ Павловичъ, Минской губерн. Городской судья въ Порховѣ.

16. Мейеръ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Пензѣ.

17. Осинскій Левъ Граціановичъ, Херсонской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Херсони.

18. Осинскій Михаилъ Граціановичъ, Херсонской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Саратовѣ.

19. Павловъ Михаилъ Константиновичъ, Лифляндской губер. Судебный слѣдователь въ Астрахани.

*20. Перошковъ Василій Васильевичъ, Кіевской губерніи. Судебный слѣдователь въ Сосницахъ.

*21. Половцовъ Левъ Викторовичъ, Новгородской губерніи. Инспекторъ студентовъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

22. Прусовъ Николай Александровичъ, Оренбургской губерн. Частный повѣренный въ Уральскѣ.

23. Ржевскій Николай Николаевичъ, Ярославской губ. Контролеръ табачной фабрики въ Нижнемъ-Новгородѣ.

24. Соболевъ Дмитрій Константиновичъ, Ярославской губерніи. Податной инспекторъ въ Пошехоньѣ.

25. Томашевскій Александръ Евфимовичъ, Черниговской губ. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Петербургѣ.

26. Троицкій Николай Ѳедоровичъ, Псковской губ. Судебный слѣдователь въ Порховѣ.

27. Ушаковъ Леонидъ Петровичъ, Ярославской губерніи. Въ Московской конторѣ Государственнаго Банка.

28. Фирсовъ Андрей Ивановичъ, Тульской губер. Городской судья въ Бѣлевѣ.

29. Шуманскій Василій Клементьевичъ, Бессарабской области. Канд. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Кишиневѣ.

Свѣдѣній не доставили: 30. *Введенскій* Яковъ Григорьевичъ, Владимірской губ.; 31. *Вишняковъ* Александръ Андреевичъ, Московской; 32. *Камерницкій* Владиміръ Даниловичъ, Московской; 33. *Кожевниковъ* Петръ Михайловичъ, Тамбовской; 34. *Козновъ* Петръ Сергѣевичъ, Московской; 35. *Милицынъ* Петръ Алексѣевичъ, Оренбургской; 36. *Монвижъ-Монтвидъ* Аполлонъ Станиславовичъ, Харьковской, 37. *Поваренныхъ* Иванъ Авксентьевичъ, Тобольской; 38. *Хлѣбниковъ* Александръ Васильевичъ, Могилевской.

Въ отставкѣ: *39. *Стригалевъ* Геннадій Владиміровичъ, Костромской, съ 1895 года, былъ судебнымъ слѣдов. въ Троицкѣ.

Умерли: *40. *Крыловъ* Николай Дмитріевичъ, Ярославской, въ 1896 году, былъ городскимъ судьей въ Васильсурскѣ; *41. *Невскій* Александръ Александровичъ, Ярославской, 1897 года, былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Пошехоньѣ.

Восемнадцатый выпускъ—1891 года.

*1. Антикъ Павелъ Самуиловичъ, Ковенской губ. Помощн. присяжнаго повѣреннаго въ Астрахани.

2. Ассъ Абрамъ Моисеевичъ, Виленской губерн. Засѣдатель окружнаго суда въ Хабаровскѣ.

*3. Астровъ Павелъ Ивановичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Подольскѣ, Московской губ.

*4. Бартеневъ Геннадій Алексѣевичъ, Костромской губерніи. Судебный слѣдователь въ Макарьевѣ, Костромской губ.

*5. Березниковъ Алексѣй Александровичъ, Московской губ. Помощ. начальн. отдѣленія въ канцеляріи комитета Министровъ.

6. Борейша Болеславъ Болеславовичъ, Воронежской губерн. Судебный слѣдователь Александровскаго уѣзда, Екатер. губ.

*7. Бочкаревъ Вячеславъ Александровичъ, Псковской губерн. Столоначальникъ казенной палаты въ Смоленскѣ.

*8. Валькевичъ Іосифъ Антоновичъ, Минской губ. Кандидатъ на судебныя должн. при судебн. палатѣ въ Одессѣ.

*9. Вереденко Өедоръ Өедоровичъ, Кіевской губ. Податной инспекторъ въ Павлодарѣ, Семипалатинской области.

*10. Вобликовъ Владиміръ Васильевичъ, Кутаисской губерніи. Присяжный повѣренный въ Владикавказѣ.

*11. Войтенковъ Владиміръ Николаевичъ [1]), Харьковской губ. Товарищъ прокурора въ Кутаисѣ.

12. Гарскій Сергѣй Ивановичъ, Ярославской губ. Секретарь Статистическаго комитета въ Витебскѣ.

*13. Гурляндъ Илья Яковлевичъ [2]), Кіевской губерніи. Приватъ-доцентъ Лицея.

*14. Дворковичъ Аронъ Мовшевичъ, Ковенской губ. Кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Ревелѣ.

*15. Донченко Петръ Дмитріевичъ, Харьковской губерніи. Судебный слѣдователь въ Феллинѣ.

16. Дубяга Михаилъ Михайловичъ, Полтавской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Якобштадтѣ.

*17. Еропкинъ Рафаилъ Дмитріевичъ, Тульской губ. Инспекторъ народныхъ училищъ въ Харьковѣ.

18. Зислакъ Германъ Іогановичъ, Курляндской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Якобштадтѣ.

19. Ивановъ Иванъ Авимовичъ, Симбирской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при судебной палатѣ въ Казани.

20. Колотиловъ Михаилъ Николаевичъ, Енисейской губерніи. Кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Сарапулѣ.

*21. Кочоровскій Станиславъ Адольфовичъ, Кіевской губерн. Помощ. мироваго судьи Тіопетскаго отдѣла Тифлисской губ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ серебряной медалью.

[2]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

*22. Кошлаковъ Василій Петровичъ, Ярославской губ. Помощникъ дѣлопроизводителя въ Государственномъ Банкѣ.

23. Лыжинъ Николай Александровичъ, Петербургской губер. Судебный слѣдователь въ Рѣжицѣ, Витебской губ.

24. Милашевскій Алексѣй Владиміровичъ, Саратовской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда во Владикавказѣ.

25. Миничъ Антонъ Даниловичъ, Минской губ. Журналистъ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи при Мин. Финансовъ.

*26. Можевитиновъ Леонидъ Александровичъ, Оренбургской губерніи. Судебный слѣдователь въ Оренбургѣ.

27. Московенковъ Николай Матвѣевичъ, Саратовской губерн. Поручикъ Перновскаго полка въ Москвѣ.

28. Никоровичъ Өедоръ Өеофиловичъ, изъ Буковины. Податной инспекторъ въ Иркутскѣ.

29. Островскій Павелъ Алексѣевичъ, Ярославской губерніи. Секретарь окружнаго суда во Владикавказѣ.

*30. Пескинъ Михаилъ Анисимовичъ, Иркутской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Иркутскѣ.

31. Петропавловскій Леонидъ Өеодосіевичъ, Костромской губ. Суд. слѣдователь въ Златоустовѣ, Уфимской губ.

*32. Подпаловъ Иванъ Прокофьевичъ, Полтавской губерніи. Товарищъ прокурора въ Томскѣ.

33. Пузикъ Вячеславъ Викторовичъ, Самарской губерніи. Въ Акцизномъ управленіи въ Оренбургѣ.

*34. Путята Всеволодъ Владиміровичъ, Смоленской губерніи. Поручикъ Преображенскаго полка гвардіи.

35. Раденъ, баронъ, Александръ Эдмундовичъ, Харьковской губерніи. Земскій начальникъ въ Тамбовской губерніи.

36. Рогалевичъ Юзефъ-Янъ, Тифлисской губерніи. Секретарь окружнаго суда во Владикавказѣ.

*37, Рубинштейнъ Гилель Лейбовичъ, Минской губ. Частный повѣренный въ Ригѣ.

38. Рѣпниковъ Александръ Александровичъ, Саратовской губерніи. Почетный мировой судья въ Царицынѣ.

*39. Сабининъ Леонидъ Христофоровичъ, Воронежской губерн. Судебный слѣдователь въ Томскѣ.

40. Силецкій Иванъ Владиміровичъ, Самарской губ. Судебный слѣдователь въ Николаевскѣ, Самарской губерніи.

41. Смоленскій Владиміръ Ивановичъ, Ярославской губерніи. Секретарь отдѣленія Государственнаго Банка въ Орлѣ.

*42. Сорокинъ Иванъ Геннадіевичъ, Ярославской губерніи. Городской судья въ Ростовѣ, Ярославской губ.

43. Файвишевичъ Наумъ Осиповичъ, Терской области. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго во Владикавказѣ.

*44. Фрадкинъ Соломонъ Соломоновичъ, Витебской губерніи. Въ отдѣленіи международнаго банка въ Ярославлѣ.

*45. Штейнбергъ Іоакимъ Исааковичъ, Минской губ. Помощникъ присяжняго повѣреннаго въ Рыбинскѣ.

*46. Щуровъ Сергѣй Николаевичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь въ Варнавинѣ.

*47. Яровицкій Александръ Іоасафовичъ, Ярославской губерн. Мировой судья въ Двинскѣ.

Свѣдѣній не доставили: *48. *Айзенштейнъ* Зеликъ Ароновичъ, Гродненской губ.; 49. *Анненковъ* Өедоръ Ивановичъ, Пензенской; *50. *Бейленсонъ* Гилель Мовшевичъ, Могилевской; 51. *Браиловскій* Николай Николаевичъ, Екатеринославской; *52. *Бреславъ* Гирша Герцовичъ, Витебской; **53. *Вармундъ* Николай Карловичъ, Петербургской; 54. *Васильевъ* Петръ Ахиллівичъ, Воронежской; 55. *Вейклевичъ* Фридрихъ Яковлевичъ, Курляндской; 56. *Домерниковъ* Павелъ Васильевичъ, Костромской; 57. *Зайковскій* Людвигъ Іосифовичъ, Витебской; 58. *Израельсонъ* Максъ Беньяминовичъ, Курляндской; *59. *Канель* Савелій Васильевичъ, Ковенской; 60 *Каннъ* Яковъ Файбишевичъ, Витебской; *61. *Канторъ* Бейнашъ Янкелевичъ, Ковенской; *62. *Канторъ* Маркусъ Якубовичъ, Ковенской, *63, *Кинеловскеръ* Лейзеръ Абрамовичъ, Виленской; *64. *Коганъ* Владиміръ Моисѣевичъ [1]), Херсонской; 65. *Кофманъ* Іегошія Зель-

[1]) Окончилъ курсъ съ серебряной медалью.

мановичъ, Херсонской, *66. *Кренгаузъ* Лейба Еселевичъ, Могилевской; **67. *Купферъ-фонъ-Эрцдорфъ* Иванъ Александровичъ, Петербургской; *68. *Майзельсъ* Веніаминъ Ааронович, Минской; **69. *Мейлаховскій* Михаилъ Владиміровичъ, Петербургской; 70. *Можаровскій* Мееръ Владиміровичъ, Екатеринославской; 71. *Мулинъ* Иванъ Космичъ, Тифлисской; 72. *Нюренбергъ* Аркадій Григорьевичъ, Московской; 73. *Ордуханьянцъ* Семенъ Микиртичъ, Эриванскій; *74. *Орѣховъ* Сергѣй Александровичъ, Нижегородской; *75. *Прусаковъ* Хаимъ Мовшевичъ, Витебской; 76. *Разумовъ* Михаилъ Степановичъ, Нижегородской; 77. *Розенкранцъ* Соломонъ Нахмановичъ, Минской; *78. *Розовскій* Исай Боруховичъ [1]), Виленской; *79. *Талалай* Абрамъ Янкелевичъ, Могилевской; 80. *Тульчинскій* Лейба Ицковичъ, Херсонской; *81. *Фейдманъ* Михель Абрамовичъ, Таврической; *82. *Юровскій* Іосифъ Наумовичъ, Херсонской.

Умерли; 83. *Колесовъ* Николай Александровичъ, Московской губ., 1892 года; *84. *Максимовскій* Александръ Ксенофонтовичъ, Костромской, 1892 года, кандидатомъ при Ярославскомъ прокурорѣ; *85. *Шейнфайнъ* Ааронъ Лейбовичъ, Волынской, 1892 года.

Девятнадцатый выпускъ—1892 года.

*1. Абдуловъ Арсеній Николаевичъ, Московской губерніи. Судебный слѣдователь въ Яроскавлѣ.

2. Агаповъ Василій Васильевичъ, Смоленской губ. Помощникъ юрисконсульта при управл. государ. имущ. въ Самарѣ.

3. Бабіевскій Евгеній Николаевичъ, Тифлисской губерніи. Акцизный ковтролеръ въ Майкопѣ, Кубанской области.

*4. Боголюбскій Ѳедоръ Николаевичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Мологѣ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

5. Буткисъ Адольфъ Венедиктовичъ, Ковенской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Бѣлостокѣ.

*6. Быховскій Владиміръ Владиміровичъ, Каменецъ-Подольской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

7. Ветчининъ Виталій Георгіевичъ, Орловской губ. Земскій начальникъ въ Елецкомъ уѣздѣ.

*8. Виркау Карлъ Карловичъ, Ярославской губ. Въ Министерствѣ Финансовъ.

9. Войшицкій Михаилъ Антоновичъ, Кіевской губ. Податной инспекторъ въ Копалѣ, Семирѣченской области.

10. Вольферцъ Александръ Юльевичъ, Казанской губерніи. Земскій начальникъ въ Ставропольской губ.

11. Воробьевъ Сергѣй Николаевичъ, Новгородской губерніи. Судебный слѣдователь въ Россіенахъ.

12. Ершовъ Сергѣй Константиновичъ, Полтавской губерніи. Помощникъ столонач. Лѣснаго Департ. мин. государ. имуществъ.

13. Золотаревъ Александръ Сергѣевичъ, Донской. Присяжный повѣренный въ Таганрогѣ.

*14. Ивановъ Николай Ивановичъ, Архангельской губерніи. Мировой судья въ Шенкурскѣ Архангельской губ.

*15. Ивановъ Петръ Ивановичъ, Архангельской губерніи. Въ архивѣ Министерства Юстиціи.

16. Караваевъ Николай Васильевичъ, Пермской губ. Городской судья на Кислинскомъ заводѣ.

17. Костылевъ Николай Васильевичъ, Тифлисской губерніи. Судебный слѣдователь въ Самаркандѣ.

18. Макарычевъ Василій Петровичъ, Оренбургской губерніи. Столоначальникъ областнаго правленія въ Уральскѣ.

19. Меценатовъ Николай Клавдіевичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Пошехоньѣ.

*20. Михалевичъ Хрисанфъ Львовичъ, Калужской губерніи. Судебный слѣдователь въ Феллинѣ, Лифляндской губерніи.

21. Овсецовскій Константинъ Ивановичъ, Ярославской губер. Помощникъ юрисконсульта Полѣсской желѣзной дор. въ Вильнѣ.

22. Песковъ Владиміръ Ивановичъ, Тамбовской губерніи. Судебный слѣдователь въ Шацкѣ.

*23. Прялухинъ Михаилъ Васильевичъ, Архангельской губер. Чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ въ Архангельскѣ.

*24. Романовъ Иванъ Степановичъ, Владимірской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Шуѣ.

*25. Сергѣевъ Иванъ Степановичъ, Воронежской губ. Кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Воронежѣ.

26. Сидоровъ Анатолій Петровичъ, Воронежской губерніи. Секретарь казенной палаты въ Воронежѣ.

27. Соболевъ Николай Ксенофонтовичъ, Ярославской губерніи. Помощникъ бухгалтера казенной палаты въ Ярославлѣ.

*28. Сущевъ Николай Константиновичъ, Ярославской губерн. Мировой судья въ Россіенахъ.

29. Троцкій Владиміръ Павловичъ, Кіевской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Рени Бессарабской губ.

*30. Фоссъ Евгеній Николаевичъ, Уфимской губер. Младшій контролеръ акцизнаго управленія въ Уфѣ.

31. Цвилинскій Петръ Евстафьевичъ, Тверской губ. Секретарь окружнаго суда въ Минскѣ.

*32. Шевелевъ Евгеній Николаевичъ, Люблинской губер. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

*33. Эмдинъ Яковъ Абрамовичъ, Могилевской губ. Инспекторъ коммерческаго страховаго общества въ Москвѣ.

Умеръ *34. *Куклинъ* Михаилъ Михайловичъ, Забайкальской области, 1896 года, былъ суд. слѣд. въ Верхнеудинскѣ.

Находится въ отставкѣ: 35. *Херцъ* Владиміръ Константиновичъ, съ 1896 г., былъ чиновникомъ особыхъ порученій при Бессарабскомъ губернаторѣ.

Свѣдѣній не доставили: *36. *Аракельянцъ* Гавріилъ Даниловичъ, Ставропольской губ.; *37. *Горбенко* Леонидъ Моисеевичъ, Донской; **38. *Зацъпинъ* Сергѣй Васильевичъ, Московской; *39. *Золотаревъ* Александръ Павловичъ [1]), Московской;

[2]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

40. *Контовтъ* Казиміръ Матеушевичъ, Ковенской; 41. *Кочоровскій* Феликсъ Адольфовичъ, Кіевской; 42. *Кюнъ* Карлъ Фридриховичъ, Курляндской; **43. *Рыбинъ* Алексѣй Павловичъ, Тобольской; 44. *Чекмаревъ* Николай Дмитріевичъ, Воронежской; 45. *Чистяковъ* Константинъ Михайловичъ, Ярославской; 46. *Шукшта* Казиміръ Константиновичъ, Ковенской.

Двадцатый выпускъ—1893 года.

1. Ажисантовъ Михаилъ Павловичъ, Вологодской губерніи. Кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Вологдѣ.

2. Балавинскій Сергѣй Александровичъ, Тверской губерніи. Секретарь губернской земской управы въ Твери.

3. Балашевъ Леонидъ Андреевичъ, Тульской губерніи. Кандидатъ на судебныя должности при судебной палатѣ въ Москвѣ.

4. Боголюбовъ Алексѣй Михайловичъ, Московской губерніи. Земскій начальникъ въ Можайскомъ уѣздѣ.

5. Васильевъ Александръ Трофимовичъ, Сѣдлецкой губерніи. Кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Гродно.

6. Васильевъ Николай Александровичъ, Вологодской губер. Чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ въ Вологдѣ.

7. Горвицъ Александръ Мартыновичъ, Петербургской губерн. Кандидатъ на судебн. долж. при судебной палатѣ въ Петербургѣ.

8. Давыдовъ Василій Васильевичъ, Московской губер. Земскій начальникъ въ Тамбовской губерніи.

9. Добротинъ Александръ Васильевичъ, Ярославской губерн. Въ Департаментѣ общихъ дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

10. Егоровъ Дмитрій Павловичъ, Сыръ-дарьинской области. Кандидатъ на судебныя должности при областн. судѣ въ Ташкентѣ.

11. Зиссерманъ Юрій Генриховичъ, Эриванской губ. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Екатеринодарѣ.

12. Костенецкій Яковъ Александровичъ, Черниговской губерн. Въ Портовой конторѣ въ Севастополѣ.

13. Лопаковъ Николай Николаевичъ, Ярославской губерніи. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Н.-Новгородѣ.

**14. Миклашевскій Иванъ Николаевичъ, Черниговской губер. Экстраординарный профессоръ Университета въ Харьковѣ.

15. Сестренцевичъ Михаилъ Андреевичъ, Ярославской губерн. Столоначальникъ Тифлисской казенной палаты.

*16. Стеблинъ-Каменскій Константинъ Евгеньевичъ, Петербургской губерніи. Мировой судья въ Курганѣ.

17. Успенскій Николай Андреевичъ, Ярославской губ. Секретарь окружнаго суда въ Ярославлѣ.

18. Чихачевъ Николай Павловичъ, Тамбовской губ. Земскій начальникъ Кирсановскаго уѣзда.

19. Шипинъ Владиміръ Павловичъ, Ярославской губ. Земскій начальникъ въ Угличскомъ уѣздѣ.

*20. Щукинъ Василій Михайловичъ, Владимірской губерніи. Помошникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

Свѣдѣній не доставили: 21. *Байздренно* Владиміръ Георгіевичъ, Тифлисской губ.; 22. *Вялыхъ* Виталій Андреевичъ, Пермской губ.; 23. *Карасевъ* Борисъ Петровичъ, Смоленской; *24. *Майковъ* Николай Александровичъ, Уфимской; 25. *Никитенко* Яковъ Николаевичъ, Кіевской; 26. *Страддинъ* Гансъ Іоганновичъ, Курляндской.

Двадцат первый выпускъ—1894 года.

*1. Абрамовъ Петръ Петровичъ, родомъ изъ Ярослав. губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Нижнемъ-Новгородѣ.

2. Адамсъ Бернгардъ Ричардовичъ, Пермской губерн. Помощникъ правителя канцеляріи губернатора въ Витебскѣ.

3. Алферовъ Владиміръ Васильевичъ, Ярославской губерн. Старшій кандид. на суд. должн. при окружн. судѣ въ Череповцѣ.

4. Балинскій Іосифъ Людвиговичъ, Волынской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Кишиневѣ.

*5 Бестужевъ-Рюминъ Николай Васильевичъ, Петербургской губ. Старшій чиновн. особ. поруч. при губернаторѣ въ Митавѣ.

*6. Боголюбскій Александръ Николаевичъ, Ярославской губ. Старшій кандид. на суд. должн. при окружн. судѣ въ Ярославлѣ.

7. Босовъ Петръ Ивановичъ, Оренбургской губерн. Старшій кандид. на судебныя должн. при окружномъ судѣ въ Ярославлѣ.

*8 Бугонъ Андрей Эдмундовичъ, Московск. губ. Инспекторъ Коммерческаго страховаго Общества.

*9. Будаковъ Михаилъ Флоровичъ, Пермской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Перми.

*10 Владиміровъ Николай Васильевичъ, Ярославской губерн. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Ярославлѣ.

11. Воскобойниковъ Александръ Александровичъ, Сѣдлецкой губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

*12. Гощинскій Константинъ Эдуардовичъ, Волынской губерн. Секретарь при прокурорѣ въ Архангельскѣ.

13. Жемчуговъ Николай Александровичъ, Костромской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Н.-Новгородѣ,

14. Збороміирскій Оттонъ Петровичъ, Херсонской губ. Пом. контролера въ Оренбургскомъ отдѣленіи государственнаго Банка.

*15. Калининъ Владиміръ Николаевичъ, Ярославской губерн. Канд. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Н.-Новгородѣ.

16. Ковалевскій Николай Викторовичъ, Екатеринославской губерніи. Въ распоряженіи Варшавскаго генералъ-губернатора.

*17. Константиновичъ Константинъ Александровичъ, Лифляндской губ. Земскій начальникъ въ Бессарабской области.

18. Краснянскій Николай Гавриловичъ, Новгородской губерн. Секретарь окружнаго суда въ Ригѣ.

19. Кротковъ Викторъ Викторовичъ, Уфимской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

*20. Кутайсовъ, графъ, Владиміръ Павловичъ, Петербургской губ. Въ Департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностран. исповѣданій.

21. Мендельбаумъ Иванъ Николаевичъ, Ставропольской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Елисаветполѣ.

22. Малиновскій Владиміръ Васильевичъ, Самарской губерн. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Самарѣ.

23. Милевъ Василій Велевичъ, изъ Болгаріи. Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ Софіи.

24. Николаевъ Евгеній Васильевичъ, Воронежской губ. Пом. столоначальника казен. палаты въ Орлѣ.

25. Носовъ Павелъ Семеновичъ, Тверской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Твери.

*26. Огородниковъ Николай Александровичъ, Ярославской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Костромѣ.

27. Опперманъ Георгій Гугоновичъ, Эстляндской губерн. Въ таможнѣ въ Александровѣ, Варшавской губ.

*28. Петровскій Григорій Алексѣевичъ, Ярославской губерн. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Кашинѣ.

29. Полетика Михаилъ Петровичъ, Саратовской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

**30. Соколовъ Владиміръ Гавриловичъ, Дѣлопроизводитель казенной палаты въ Костромѣ.

*31. Стеблинъ-Каменскій Борисъ Евгеньевичъ, Енисейской губ. Пом. мироваго судьи Кончетавск. уѣзда, Акмолинской области.

32. Страшковъ Георгій Өеодоровичъ, Полтавской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

33. Тиме Георгій Германовичъ, Пермской губ. Въ контролѣ Уральской желѣзной дороги, въ Перми.

34. Толченовъ Алексѣй Павловичъ, Калужской губ. Въ Калужской казенной палатѣ.

35. Шкатовъ Николай Васильевичъ, Самарской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

36. Эпштейнъ Василій Николаевичъ, Ярославской губ. Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

37. Өоминъ Алексѣй Алексѣевичъ, Ярославской губерніи. Засѣдатель окружнаго суда въ Ишимѣ.

Свѣдѣній не доставили: 38. *Аноповъ* Александръ Васильевичъ, Таврической губ.; 39. *Барковскій* Евгеній Өеодоровичъ,

Курляндской; 40. *Безбородовъ* Өедоръ Степановичъ, Вятской; 41. *Бранце* Эвальдъ Михайловичъ, Курляндской; 42. *Ветчининъ* Владиміръ Ивановичъ, Орловской; 43. *Девлетъ-Кильдѣевъ* князь Петръ Николаевичъ, Пензенской; 44. *Дочевскій* Викторъ Ивановичъ, Черниговской; 45. *Ивановъ* Михаилъ Михайловичъ, Ярославской; 46. *Картавцевъ* Михаилъ Николаевичъ, Тульской; 47. *Катрановскій* Валентинъ Өедоровичъ, Полтавской; 48. *Котельниковъ* Митрофанъ Николаевичъ, Воронежской; 49. *Мигининъ* Сергѣй Михайловичъ, Казанской; 50. *Павловъ* Алексѣй Алексѣевичъ, Петербургской; 51. *Подладчиковъ* Борисъ Васильевичъ, Пензенской; 52. *Преображенскій* Алексѣй Васильевичъ, Владимірской; 53. *Преображенскій* Алексѣй Васильевичъ, Костромской; *54. *Радченко* Дмитрій Николаевичъ, Черниговской; 55. *Рацишевскій* Петръ Карловичъ, Сувалкской; 56. *Соколовъ* Алексѣй Петровичъ, Ярославской; 57. *Стеблинъ* Арсеній Андреевичъ, Черниговской; 58. *Хитровъ* Сергѣй Александровичъ, Тамбовской; 59. *Черняховскій* Леонтій Ивановичъ, Кіевской.

Умерли: 60. *Гензеловичъ* Иванъ Васильевичъ, Тульской губерніи, 1894 года, былъ земскимъ начальникомъ въ Тульской губерніи; 61. *Кочергинъ* Александръ Кирилловичъ, Херсонской губерніи, 1894 года.

Двадцать второй выпускъ—1895 года.

*1. Бошнякъ Константинъ Александровичъ, Костромской губ. Земскій начальникъ въ Нерехтѣ.

2. Букуновскій Александръ Николаевичъ, Бессарабской губ. Въ конторѣ Государственнаго Банка въ Москвѣ.

3. Бѣльченко Александръ Александровичъ, Калужской губ. Старшій контролеръ табачной фабрики въ Костромѣ.

4. Владиміровъ Михаилъ Алексѣевичъ, Тамбовской губерніи. Въ Губернскомъ Акцизномъ Управленіи въ Тамбовѣ.

5. Желябужскій Илья Владиміровичъ, Тульской губер. Въ отдѣленіи Государственнаго Банка въ Батумѣ.

6. Ивановъ Николай Ивановичъ, Курской губ. Кандидатъ на суд. должн. при окружномъ судѣ въ Сумахъ.

7. Ивановъ Павелъ Алексѣевичъ, Владимірской губерніи. Кандидатъ на суд. должн. при окружномъ судѣ во Владимірѣ.

*8. Иловайскій Владиміръ Сергѣевичъ, Тамбовской губ. Въ конторѣ Государственнаго Банка въ Москвѣ.

9. Иносовъ Григорій Григорьевичъ, Херсонской губ. Канд. на суд. должн. при окружномъ судѣ въ Ковно.

*10. Казанцевъ Василій Александровичъ, Ярославской губерн. Пом. юрисконсульта при русскомъ консульствѣ въ Константинополѣ.

*11. Карасовъ Андрей Ивановичъ, Вологодской губер. Дѣлопроизводитель Казенной Палаты въ Вологдѣ.

12. Кобылинскій Владиславъ Матвѣевичъ, Могилевской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

13. Королевъ Леонидъ Николаевичъ, Калужской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

*14. Кошлаковъ Константинъ Петровичъ, Ярославской губерн. Въ Государственномъ Банкѣ въ Петербургѣ.

15. Красткалнъ Андрей Ивановичъ, Курляндской губ. Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Ригѣ.

16. Крыловъ Николай Николаевичъ, (Ростовскій), Ярослав. губ. Канд. на суд. должн. при окружномъ судѣ въ Новгородѣ.

*17. Курдюмовъ Викторъ Ивановичъ, Ставропольской губерн. Кандидатъ на судебн. должн. при окр. судѣ въ Екатеринодарѣ.

*18. Масленниковъ Константинъ Романовичъ, Ярославской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Ярославлѣ.

19. Ненароковъ Александръ Васильевичъ, Владимірской губ. Земскій начальникъ въ Вязникахъ.

*20. Озерецкій Иванъ Петровичъ, Владимірской губ. Въ государственномъ контролѣ.

21. Пеняковъ Михаилъ Ильичъ, Екатеринославской губ. Начальникъ газетнаго стола губернскаго правленія въ Тулѣ.

22. Петерсонъ Германъ Александровичъ, Курляндской губер. Кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Ригѣ.

*23. Петинъ Сергѣй Николаевичъ, Ярославской губ. Въ главномъ казначействѣ въ Петербургѣ.

*24. Позняковъ Александръ Александровичъ [1]), Рязанской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

25. Полидоровъ Анатолій Никаноровичъ, Оренбургской губерн. Помощн. присяжнаго повѣреннаго въ Н.-Новгородѣ.

26. Рейнгаузенъ Алексѣй Александровичъ, Витебской губерн. Помощ. секретаря окружнаго суда въ Ригѣ.

27. Россъ Анатолій Михайловичъ, изъ Ташкента. Дѣлопроизводитель губ. правленія въ Ярославлѣ.

28. Самоловъ Константинъ Андреевичъ, Саратовской губерніи. Канд. на суд. должн. при судебной палатѣ въ Саратовѣ.

*29. Сидоровскій Александръ Николаевичъ, Костромской губ. Помощникъ секретаря окр. суда въ Н.-Новгородѣ.

*30. Трегубовъ Сергѣй Сергѣевичъ, Владимірской губерн. Пом. дѣлопроизводителя губернскаго правленія во Владимірѣ.

31. Ульрихъ Николай Николаевичъ, Орловской губ. Канд. на суд. должности при окружномъ судѣ въ Воронежѣ.

32. Ускатъ Григорій Яковлевичъ, Бессарабской губ. Канд. на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Кишиневѣ.

33. Черняховскій Петръ Ивановичъ, Кіевской губ. Канд. на судебныя должн. при окр. судѣ въ Кіевѣ.

*34. Ширяевъ Валеріанъ Николаевичъ [2]), Ярославской губер. Въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія.

35. Щелковъ Иванъ Сергѣевичъ, Ярославской губерн. Пом. секретаря окружнаго суда въ Н.-Новгородѣ.

36. Щербина Гавріилъ Михайловичъ, Черниговской губерніи. Бухгалтеръ казенной палаты въ Ярославлѣ.

Свѣдѣній не доставили; 37. *Батуринъ* Владиміръ Петровичъ, Ярославской губ.; 38. *Богдановъ* Григорій Павловичъ, Тамбовской; 39. *Борисовъ* Михаилъ Николаевичъ, Самарской;

---

[1]) Окончилъ курсъ съ серебряной медалью.
[2]) Окончилъ курсъ съ серебряной медалью.

40. *Брянчаниновъ* Орестъ Павловичъ, Казанской; 41. *Буркевичъ* Фридрихъ Ивановичъ, Курляндской; 42. *Быковскій* Николай Ивановичъ, Московской; 43. *Бѣляевъ* Валеріанъ Алексѣевичъ, Тульской; 44. *Воробьевъ* Павелъ Алексѣевичъ, Виленской; 45. *Гирчичъ* Георгій Петровичъ, Харьковской; 46. *Діомидовъ* Владиміръ Яковлевичъ, Орловской; *47. *Добровольскій* Григорій Николаевичъ, Орловской; 48. *Желябужскій* Владиміръ Владиміровичъ, Тульской; 49. *Замятинъ* Николай Николаевичъ, Харьковской; 50. *Зиссерманъ* Левъ Генриховичъ, Ставропольской; 51. *Иваницкій* Михаилъ Константиновичъ, Полтавской; 52, *Ивановъ* Дмитрій Васильевичъ, Тамбовской; 53. *Ивановъ* Михаилъ Владиміровичъ, Томской; 54. *Ивановъ* Сергѣй Ивановичъ, Курской; 55. *Капустинъ* Арсеній Евдокимовичъ, Тверской; 56. *Колгановъ* Іона Николаевичъ, Московской; 57. *Кондратьевъ* Иванъ Михайловичъ, Уфимской; 58. *Коровкинъ* Сергѣй Евфимовичъ, Казанской; *59. *Крживокольскій* Болеславъ Ивановичъ, Кіевской; 60. *Кролау* Евгеній Ивановичъ, Смоленской; *61. *Крыловъ* Николай Николаевичъ (Рыбинскій), Ярославской; 62. *Курлинъ* Дмитрій Алексѣевичъ, Тамбовской губ.; 63. *Курносовъ* Петръ Дмитріевичъ, Калужской; *64. *Леультъ* Валентинъ Александровичъ, Московской; 65. *Макалинскій* Петръ Константиновичъ, Ставропольской; 66. *Мануйловъ* Константинъ Александровичъ, Тифлисской; *67. *Михинъ* Дмитрій Андреевичъ, Тамбовской; 68. *Мойгисъ* Иванъ Ѳаддѣевичъ, Ковенской; *69. *Мясниковъ* Петръ Петровичъ, Казанской; 70. *Надеждинъ* Григорій Ивановичъ, Рязанской; 71. *Насиловъ* Александръ Ивановичъ, Петербургской; *72. *Новицкій* Викторъ Викторовичъ, Московской; 73. *Пархомовичъ* Сергѣй Николаевичъ, Бессарабской обл.; 74. *Пастуховъ* Сергѣй Николаевичъ, Ярославской; 75. *Петрушевскій* Павелъ Петровичъ, Варшавской; 76. *Положенцевъ* Григорій Дмитріевичъ, Орловской; 77. *Пономаревъ* Владиміръ Степановичъ, Пермской; *78. *Рабиновичъ* Евна Шендеровичъ, Магилевской; 79. *Ркліцкій* Леонидъ Васильевичъ, Черниговской; 80. *Розановъ* Николай Евгеньевичъ, Костромской; 81.

Рыбниковъ Дмитрій Николаевичъ, Московской; 82. *Рѣпниковъ* Василій Александровичъ, Саратовской; 83. *Севастьяновъ* Даніилъ Николаевичъ, Пермской, 84. *Смагинъ* Михаилъ Николаевичъ, Московской; 85. *Сотниковъ* Василій Николаевичъ, Иркутской; 86. *Стати* Евгеній Александровичъ, Подольской; 87. *Таргонскій* Болеславъ Болеславовичъ, Могилевской; 88. *Тарковскій* Владиславъ Викентьевичъ, Могилевской; 89. *Филончикъ* Θеофилъ Демьяновичъ, Минской; 90. *Хаританскій* Александръ Леонидовичъ, Ставропольской; 91. *Чентуковъ* Θедоръ Митрофановичъ, Харьковской; 92. *Чукашевъ* Петръ Андреевичъ, Ярославской; 93. *Щиловскій* Михаилъ Константиновичъ, Московской; 94. *Энгельгардтъ*, баронъ, Иванъ Владиміровичъ, Ярославской; 95. *Θедоровскій* Василій Иліодоровичъ, Саратовской.

Двадцать третій выпускъ—1896 года.

1. Азовкинъ Сергѣй Ивановичъ, Тамбовской губ. Канд. на судебн. должн. при окр. судѣ въ Курскѣ.

2. Байеръ Анатолій Маврикіевичъ, Волынской губ. Кандид. на судебн. должн. при судебной палатѣ въ Москвѣ.

3. Бѣлецкій Николай Ивановичъ, Орловской губ. Судебный слѣдователь въ Сольвычегодскѣ.

4. Варламовъ Александръ Никаевичъ, Донской области. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

5. Васильевъ Николай Петровичъ, Томской губ. Засѣдатель окружнаго суда въ Томскѣ.

6. Вейднеръ Александръ Гавриловичъ, Курляндской губ. Въ губерн. Акцизномъ управленіи въ Смоленскѣ.

7. Виллертъ Іоакимъ Іоакимовичъ, Петербургской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Ригѣ.

8. Виноградовъ Дмитрій Александровичъ, Костромской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Костромѣ.

*9. Виноградовъ Евгеній Васильевичъ, Ярославской губерніи. Младшій контролеръ при Акцизномъ управленіи въ Ревелѣ.

10. Вологодскій Леонидъ Павловичъ, Ярославской губ. Канд. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Люблинѣ.

11. Горяиновъ Евгеній Гавриловичъ, Курской губ. Кандид. на судебныя должн. при окружн. судѣ въ Витебскѣ.

12. Добротинъ Николай Васильевичъ, Ярославской губ. Пом. секретаря окружнаго суда въ Ярославлѣ.

13. Домбровскій Владиміръ Владиміровичъ, Кіевской губерн. Младшій контролеръ Акцизнаго управленія въ Крыжополѣ.

14. Ильницкой Матвѣй Лукичъ, Волынской губ. Канд. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Ярославлѣ.

15. Кузьминъ Николай Михайловичъ, Семирѣченской области. Кандид. на судебн. должн. при Самаркандскомъ судѣ.

16. Любомудровъ Ѳедоръ Михайловичъ, Ярославской губерн. Счетный чиновникъ контрольной палаты въ Москвѣ.

17. Манусовичъ Александръ Максимовичъ, Тобольской губ. Въ губ. Акцизномъ Управленіи въ Пензѣ.

*18. Матвѣевъ Александръ Александровичъ, Ярославской губ. Секретарь при прокурорѣ суда въ Витебскѣ.

19. Миницкій Павелъ Васильевичъ, Полтавской губ. Пом. секретаря окружнаго суда въ Архангельскѣ.

20. Парадѣевъ Николай Алексѣевичъ, Нижегородской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Самарѣ.

21. Писаренко Константинъ Васильевичъ, Курской губ. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Витебскѣ.

22. Поляковъ Илья Лазаревичъ, Московской губ. Директоръ отдѣленія Международнаго Банка въ Марсели.

23. Поспѣловъ Евгеній Николаевичъ, Владимірской губерніи. Пом. ревизора контрольной палаты въ Ярославлѣ.

24. Рахинскій Ѳедоръ Прокофьевичъ, Черниговской губ. Канд. на судебн. должности при окружномъ судѣ въ Тулѣ.

25. Соболевскій Климентъ Коэтановичъ, Костромской губерн. Кандидатъ на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Костромѣ.

*26. Спасскій Петръ Васильевичъ, Казанской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Казани.

27. Сухининъ Леонтій Васильевичъ, Смоленской губерн. Въ Акцизномъ управленіи въ Слуцкѣ, Минской губ.

28. Холодовичъ Константинъ Николаевичъ, Воронежской губ. Пом. столонач. каз. палаты въ Воронежѣ.

29. Чинновъ Митрофанъ Ивановичъ, Херсонской губ. Пом. столонач. главнагв военно-суднаго управленія въ Петербургѣ.

*30. Ѳедосѣевъ Дмитрій Борисовичъ, Ярославской губ. Пом. секретаря при прокурорѣ суд. палаты въ Саратовѣ.

Свѣдѣній не доставили: 31. *Барковскій* Оскаръ Фридриховичъ, Курляндской; 32. *Благонравовъ* Василій Петровичъ, Владимірской; 33. *Блюмбергъ* Александръ Карловичъ, Лифляндской; 34. *Блюммеръ* Иванъ Августовичъ, Петербургской; 35. *Боянусъ* Александръ Карловичъ, Московской; 36. *Бугельскій* Александръ Владиславовичъ, Владамірской; 37. *Вальденбергъ* Дмитрій Владиміровичъ, Петербургской; 38. *Варваринъ* Николай Владиміровичъ, Рязанской; 39. *Васильевъ* Владиміръ Александровичъ, Рязанской, 40. *Ветчининъ* Николай Георгіевичъ, Орловской; 41. *Боробьевъ* Николай Александровичъ, Виленской; 42. *Воскрвсенскій* Владиміръ Константиновичъ, Тверской; 43. *Головня* Петръ Мячеславичъ, Казанской; 44. *Гранденбергъ* Адольфъ Вальдемаровичъ, Курляндскій; 45. *Декаполитовъ* Петръ Ивановичъ, Владимірской; 46. *Дмитріевъ* Николай Ивановичъ, Костромской; 47. *Дмитровъ* Иванъ Петровичъ, Екатеринославской; 48. *Дорнбушъ* Александръ Владиміровичъ, Пермской; 49. *Зиминъ* Александръ Григорьевичъ, Тамбовской; 50. *Ивановъ* Василій Михайловичъ, Тамбовской; 51. *Ивановъ* Иванъ Яковлевичъ, Харьковской; 52. *Ивановъ* Николай Павловичъ, Черниговской; 53. *Кишкинъ* Алексѣй Владиміровичъ, Владимірской; 54. *Ковалевскій* Сергѣй Викторовичъ, Екатеринославской; 55. *Корніенко* Ѳедоръ Евсѣевичъ, Кіевской; 56. *Карякинъ* Григорій Петровичъ, Смоленской; 57. *Красильниковъ* Константинъ Николаевичъ, Казанской; 58. *Лапотниковъ* Василій Александровичъ, Владимірской; *59. *Лигскій* Дмитрій Алексѣевичъ, Ярославской; 60. *Лопатинъ* Леонидъ Георгіевичъ, Ярославской; 61. *Лузановъ* Андрей Семено-

новичъ, Самарской; 62. *Макаровъ* Глѣбъ Владиміровичъ, Ярославской; 63. *Македонскій* Григорій Ивановичъ, Тамбовской; 64. *Маковскій* Ѳедоръ Ивановичъ, Тамбовской; 65. *Марковъ* Евсей Евсеевичъ, Уральской области; 66. *Нелидовъ* Сергѣй Павловичъ Владимірской; 67. *Нечаевъ* Вячеславъ Ивановичъ, Томской; 68. *Оппоковъ* Иванъ Константиновичъ, Кіевской; 69. *Осинскій* Павелъ Граціановичъ, Херсонской; 70. *Пынинъ* Петръ Ивановичъ, Самарской; 71. *Рязановскій* Иванъ Александровичъ, Костромской; *72. *Свадковскій* Николай Прокофьевичъ, Могилевской; 73. *Синевъ* Петръ Матвѣевичъ, Томской; 74. *Скреге* Иванъ Андреевичъ, Курляндской, 75. *Смирновъ* Николай Дмитріевичъ, Ярославской; 76. *Снѣжковъ* Ѳеоктистъ Сергѣевичъ, Ставропольской; 77. *Старвѣрнинъ* Иванъ Ивановичъ, Донской области; 78. *Старухинъ* Махаилъ Михайловичъ, Виленской; 79. *Стопани* Александръ Митрофановичъ, Иркутской; 80. *Тельпуговъ* Антоній Петровичъ, Казанской; 81. *Тоддесъ* Менашель Мортхелевичъ, Лифляндской; 82. *Хорановъ* Валентинъ Джонхотовичъ, Терской области; 83. *Цвѣтаевъ* Николай Васильевчъ, Петербургской; 84. *Чукаловскій* Ивакъ Михайловичъ, Владимірской; 85. *Шуббе* Августъ Эрнестовичъ, Курляндской; 86. *Юдичевъ* Аркадій Васильевичъ, Тамбовской губерніи.

Всего въ теченіи 23 лѣтъ окончило курсъ въ Лицеѣ 1021, изъ нихъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ 285, остальные 736 съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

Изъ окончившихъ курсъ находятся нынѣ на службѣ:

По Канцеляріи Комитета Министровъ: Помощникомъ начальника отдѣленія Канцеляріи — 1.

По Министерству Юстиціи: Судебными слѣдователями 122, кандидатами на судебныя должности при сенатѣ, палатахъ и судахъ 52, мировыми судьями 41, товарищами прокуроровъ 37, членами окружныхъ судовъ 26, городскими судьями 26, уѣздными членами судовъ 18, секретарями окружныхъ судовъ и при

прокурорахъ 11, помощниками секретаря въ палатахъ и судахъ 10, помощниками мироваго судьи 9, предсѣдателями мироваго съѣзда 6, старшими нотаріусами 3, прокурорами судовъ 2, окружными судьями 2, засѣдателями окружныхъ судовъ 3, товарищемъ предсѣдателя губернскаго суда 1, товарищемъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго Департамента Сената 1, помощникомъ оберъ-секретаря уголовнаго кассаціоннаго Департамента Сената 1, совѣтникомъ губернскаго суда 1, дѣлопроизводителемъ въ департаментѣ Министерства Юстиціи 1, помощникомъ старшаго нотаріуса 1, членомъ областнаго суда 1, столоначальникомъ коммерческаго суда 1, въ Архивѣ Министерства Юстиціи 1, нотаріусъ 1, судебныхъ приставовъ 4, итого 382. Кромѣ того состоятъ присяжными повѣренными 43, помощниками присяжныхъ повѣренныхъ 31 и частными повѣренными 5.

По Министерству Финансовъ: Податными инспекторами 8, помощниками акцизнаго надзирателя 9, помощниками столоначальника казенной палаты 1, контролерами акцизныхъ управленій 8, въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ 1, окружными акцизными надзирателями 2, начальниками отдѣленій казенной палаты 2, секретарями казенныхъ палатъ 2, управляющимъ казенной палаты 1, директоромъ дворянскаго земельнаго Банка 1, помощникомъ контролера акцизнаго управленія 8, дѣлопроизводителями казенной палаты 6, чиновникомъ особыхъ порученій казенной палаты 1, журналистомъ въ корпусѣ пограничной стражи 1, помощникомъ дѣлопроизводителя государственнаго Банка 1, въ конторѣ государственнаго Банка 3, секретаремъ отдѣленія государственнаго Банка 1, въ портовой конторѣ 1, помощникомъ бухгалтера въ казначействѣ 1, въ главномъ казначействѣ 1, въ отдѣленіяхъ государственаго Банка и конторахъ 4, въ отдѣленіяхъ международнаго Банка 2, въ Управленіи Волжско-Камскаго Банка 1, въ Таможнѣ 1, итого 67.

По Министерству Внутреннихъ Дѣлъ: Земскими начальниками 16, дѣлопроизводителями губернскаго правленія 4, чиновниками особыхъ порученій губернаторовъ 4, городскимъ головой 1.

новичъ, Самарской; 62. *Макаровъ* Глѣбъ Владиміровичъ, Ярославской; 63. *Македонскій* Григорій Ивановичъ, Тамбовской; 64. *Маковскій* Өедоръ Ивановичъ, Тамбовской; 65. *Марковъ* Евсей Евсеевичъ, Уральской области; 66. *Нелидовъ* Сергѣй Павловичъ Владимірской; 67. *Нечаевъ* Вячеславъ Ивановичъ, Томской; 68, *Оппоковъ* Иванъ Константиновичъ, Кіевской; 69. *Осинскій* Павелъ Граціановичъ, Херсонской; 70. *Пынинъ* Петръ Ивановичъ, Самарской; 71. *Рязановскій* Иванъ Александровичъ, Костромской; *72. *Свадковскій* Николай Прокофьевичъ. Могилевской; 73. *Синевъ* Петръ Матвѣевичъ, Томской; 74. *Скреге* Иванъ Андреевичъ, Курляндской; 75. *Смирновъ* Николай Дмитріевичъ, Ярославской; 76. *Снѣжковъ* Өеоктистъ Сергѣевичъ, Ставропольской; 77. *Старовѣркинъ* Иванъ Ивановичъ, Донской области; *78. *Старухинъ* Михаилъ Михайловичъ, Виленской; 79. *Стопани* Александръ Митрофановичъ, Иркутской; 80. *Тельпуговъ* Антоній Петровичъ, Казанской; 81. *Тоддесъ* Менашель Мортхелевичъ, Лифляндской; 82. *Хорановъ* Валентинъ Джонхотовичъ, Терской области; 83. *Цвѣтаевъ* Николай Васильевичъ, Петербургской; 84. *Чукаловскій* Иванъ Михайловичъ, Владимірской; 85. *Шуббе* Августъ Эрнестовичъ, Курляндской; 86. *Юдичевъ* Аркадій Васильевичъ, Тамбовской губерніи.

Всего въ теченіи 23 лѣтъ лѣтъ окончило курсъ въ Лицеѣ 1021, изъ нихъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ 285; остальные 736 съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

Изъ окончившихъ курсъ находятся нынѣ на службѣ:

Въ Канцеляріи Комитета Министровъ: Помощникомъ начальника отдѣленія Канцеляріи—1.

По Министерству Юстиціи: Судебными слѣдователями 122, кандидатами на судебныя должности при сенатѣ, палатахъ и судахъ 52, мировыми судьями 41, товарищами прокуроровъ 37, членами окружныхъ судовъ 26, городскими судьями 26, уѣздными членами судовъ 18, секретарями окружныхъ судовъ и при

прокурорахъ 11, помощниками секретаря въ палатахъ и судахъ 10, помощниками мирового судьи 9, предсѣдателями мироваго съѣзда 6, старшими нотаріусами 3, прокурорами судовъ 2, окружными судьями 2, засѣдателями окружныхъ судовъ 3, товарищемъ предсѣдателя губернскаго суда 1, товарищемъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго Департамента Сената 1, помощникомъ оберъ-секретаря уголовнаго кассаціоннаго Департамента Сената 1, совѣтникомъ губернскаго суда 1, дѣлопроизводителемъ въ департаментѣ Министерства Юстиціи 1, помощникомъ старшаго нотаріуса 1, членомъ областнаго суда 1, столоначальникомъ коммерческаго суда 1, въ Архивѣ Министерства Юстиціи 1, нотаріусъ 1, судебныхъ приставовъ 4, итого 382. Кромѣ того состоятъ присяжными повѣренными 43, помощниками присяжныхъ повѣренныхъ 31 и частными повѣренными 5.

По Министерству Финансовъ: Помощниками акцизнаго надзирателя 9, податными инспекторами 8, помощникомъ контролера акцизныхъ управленій 8, контролерами акцизныхъ управленій 8, въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ 1, окружными акцизными надзирателями 2, начальниками отдѣленій казенной палаты 2, секретарями казенныхъ палатъ 2, управляющимъ казенной палаты 1, директоромъ дворянскаго земельнаго Банка 1, дѣлопроизводителями казенной палаты 6, чиновникомъ особыхъ порученій казенной палаты 1, журналистомъ въ корпусѣ пограничной стражи 1, помощникомъ дѣлопроизводителя государственнаго Банка 1, въ конторахъ государственнаго Банка 3, секретаремъ отдѣленія государственнаго Банка 1, въ портовой конторѣ 1, помощникомъ бухгалтера въ казначействѣ 1, въ главномъ казначействѣ 1, въ отдѣленіяхъ государственнаго Банка и конторахъ 4, въ отдѣленіяхъ международнаго Банка 2, въ Управленіи Волжско-Камскаго Банка 1, въ Таможнѣ 1, помощникомъ столоначальника казенной палаты 1, итого 67.

По Министерству Внутреннихъ Дѣлъ: Земскими начальниками 16, дѣлопроизводителями губернскаго правленія 4, чиновниками особыхъ порученій губернаторовъ 4, городскимъ головой 1.

тюремнымъ инспекторомъ 1, правителями канцеляріи губернатора 1, помощниками правителя концеляріи губернатора 1, непремѣннымъ членомъ уѣзднаго крестьянскаго присутствія 1, непремѣннымъ членомъ губернскаго по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія 1, секретаремъ статистическаго комитета 1, исправникомъ 1, помощникомъ исправника 1, секретаремъ губернской земской управы 1, предсѣдателемъ уѣздной земско управы 1, мировымъ посредникомъ 1, въ Департаментѣ общихъ дѣлъ 1, въ Департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій 1, помощникомъ дѣлопроизводителя губернскаго правленія 1, итого 39.

По Министерству Народнаго Просвѣщенія: Учителями реальныхъ училищъ 5, экстраординарными профессорами 3, дѣлопроизводителями (V, VI и VII кл.) въ Департ. Народн. Просв. 3, инспекторами народныхъ училищъ 3, доцентами и приватъ-доцентами 2, инспекторомъ студентовъ Лицея 1, библіотекаремъ Лицея 1, преподавателемъ техническаго училища 1, въ Департам. Народнаго Просвѣщенія 1, итого 17.

По Государственному Контролю: Управляющимъ контрольной палаты 1, дѣлопроизводителемъ VII кл. въ государственномъ контролѣ 1, помощникомъ ревизора контрольной палаты 2, журналистомъ палаты 1, въ государственномъ контролѣ 2, канцелярскимъ чиновн. палаты 1, итого 8.

По вѣдомству Православнаго исповѣданія: Секретарями духовныхъ консисторій 3, іеромонахъ 1, священникъ 1, итого 5.

По Военному Министерству: Поручиками 2, кандидатомъ на судебныя должности при военномъ прокурорѣ 1, помощникомъ столоначальника въ военно-судномъ управленіи 1, итого 4.

По Министерству земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ: Начальникомъ отдѣленія лѣснаго департамента 1, помощникомъ столоначальника того же департамента 1, чиновникомъ особыхъ порученій при управленіи государственныхъ имуществъ 1, помощникомъ юрисконсульта при такомъ же управленіи 1, итого 4.

По Министерству путей сообщенія: Помощникомъ юрискон-

сульта желѣзной дороги 1, счетный чиновникъ желѣзной дороги 1, въ конторѣ желѣзной дороги 1, итого 3.

По Министерству Удѣловъ; Столоначальникомъ въ Министерствѣ 1.

По Министерству Иностранныхъ Дѣлъ: Помощникомъ юрисконсульта при посольствѣ 1.

Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ Болгаріи 1.

Наконецъ занимаются частными дѣлами 5, въ остаткѣ 37, умерло 105 и о 262 лицахъ свѣдѣній не имѣется.

Списокъ

окончившихъ курсъ въ 1897 году:

Со степенью кандидата:

1. Гагенъ Владиміръ Александровичъ, род. въ Костромской губ.
2. Сопелкинъ Иванъ Павловичъ, Смоленской губ.

Съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій:

3. Апостоловъ Нилъ Алексѣевичъ, Тверской губ.
4. Березовскій Іосифъ Леопольдовичъ, Кіевской губ.
5. Бородавкинъ Михаилъ Александровичъ, Херсонской губ.
6. Вергелесовъ Николай Евгеньевичъ, Херсонской губ.
7. Губскій Иванъ Ивановичъ, Черниговской губ.
8. Жабо Михаилъ Ивановичъ, Херсонской губ.
9. Ждановъ Геннадій Александровичъ, Ярославской губ.
10. Зевальдъ Карлъ Ивановичъ, Рязанской губ.
11. Кедровъ Борисъ Николаевичъ, Саратовской губ.
12. Козьмодемьянскій Александръ Николаевичъ, Яросл. губ.
13. Копыловъ Леонидъ Николаевачъ, Ярославской губ.
14. Куцовъ Өедоръ Андреевичъ, Курской губ.

15. Петровъ Леонидъ Ивановичъ, Псковской губ.
16. Пинесъ Ицко Гиршевичъ, Тверской губ.
17. Покровскій Глѣбъ Дмитріевичъ, Нижегородской губ.
18. Преображенскій Николай Флегонтовичъ, Ярославской губ.
19. Рыжиковъ Викторъ Прокофьевичъ, Ставропольской губ.
20. Хлѣбниковъ Максиміліанъ Николаевичъ, Ярославской губ.
21. Чукашевъ Андрей Андреевичъ, Ярославской губ.

Нижеслѣдующіе удостоены званія дѣйствительнаго студента:

22. Алексѣевъ Александръ Павловичъ, Томской губ.
23. Багатуровъ Леонъ Ивановичъ, Эриванской губ.
24. Бао Сергѣй Георгіевичъ, Херсонской губ.
25. Баржили Александръ Анатоліевичъ, Смоленской губ.
26. Богдановъ Георгій Тимофеевичъ, Витебской губ.
27. Булгаровскій Станиславъ Вацлавовичъ, Виленской губ.
28. Буnaковъ Николай Николаевичъ, Смоленской губ.
29. Вальковъ Сергѣй Петровичъ, Московской губ.
30. Васильевскій Константинъ Александровичъ, Яросл. губ.
31. Вдовиченко Михаилъ Романовичъ, Кіевской губ.
32. Вышеславцевъ Евгеній Васильевичъ, Тамбовской губ.
33. Габіу Николай Алексѣевичъ, Тульской губ.
34. Галецкій Тадеушъ Владиславичъ. Витебской губ.
35. Достоваловъ Николай Исааковичъ, Томской губ.
36. Ежевъ Михаилъ Ивановичъ, Донской обл.
37. Елкинъ Иванъ Петровичъ, Донской обл.
38. Емельяновъ Викторъ Михайловичъ, Оренбургской губ.
39. Закхеевъ Петръ Михайловичъ, Терской обл.
40. Клоковъ Александръ Капитоновичъ, Тамбовской губ.
41. Ковако Владиміръ Дмитріевичъ, Радомской губ.
42. Кожинъ Константинъ Николаевичъ, Орловской губ.
43. Козинъ Павелъ Гавриловичъ, Донской области.
44. Коломейцевъ Степанъ Николаевичъ, Полтавской губ.
45. Кондаковъ Леонидъ Михайловичъ, Рязанской губ.
46. Королевъ Николай Өедоровичъ, Тобольской губ.

47. Коршуновъ Василій Тихоновичъ, Херсонской губ.
48. Кракатица Алексѣй Викторовичъ, Кіевской губ.
49. Лавровъ Николай Алексѣевичъ, Ярославской губ.
50. Ловцовъ Василій Васильевичъ, Екатеринбургской губ.
51. Мантулинъ Семенъ Васильевичъ, Харьковской губ.
52. Николаевъ Василій Васильевичъ, Петербургской губ.
53. Остроглазовъ Андрей Ивановичъ, Московской губ.
54. Паленъ, графъ, Иванъ Константиновичъ, С.-Петербург. губ.
55. Панютинъ Семенъ Дмитріевичъ, Калужской губ.
56. Пасситъ Леонидъ Григорьевичъ, Лифляндской губ.
57. Пашинскій Здиславъ Станиславовичъ, Сѣдлецкой губ.
58. Переломовъ Александръ Николаевичъ, Забайкальской обл.
59. Подкопаевъ Николай Алексѣевичъ, Воронежской губ.
60. Покровскій Николай Николаевичъ, Новгородской губ.
61. Поповъ Александръ Александровичъ, Орловской губ.
62. Русинъ Александръ Ефремовичъ, Костромской губ.
63. Сербинъ Вячеславъ Васильевичъ, Кубанской обл.
64. Симонъ Викторъ Александровичъ, Черниговской губ.
65. Срединскій Александръ Алексѣевичъ, Калишской губ.
66. Стокетъ Иванъ Яновичъ, Эстляндской губ.
67. Филипповъ Борисъ Николаевичъ, Донской области.
68. Фогель Вернеръ Гуговичъ, Курляндской губ.
69. Фрейбергъ Константинъ Эрнстовичъ, Саратовской губ.
70. Хватовъ Николай Петровичъ, Владимірской губ.
71. Чепикъ Александръ Алексѣевичъ, Томской губ.
72. Шиловскій Николай Константиновичъ, Рязанской губ.
73. Шмигельскій Платонъ Петровичъ, Кіевской губ.
74. Щекинъ Василій Васильевичъ, Пермской губ.
75. Яковлевъ Евгеній Николаевичъ, Московской губ,

Въ день лицейскаго акта—30-го августа получено было 47 телеграммъ:

Изъ Кіева—Искренно привѣтствую родной Лицей съ традиціонной годовщиной. Почетный попечитель Лицея *Демидовъ.*

Изъ Одессы—Поздравляю Ваше Превосходительство, профессоровъ и студентовъ съ праздникомъ Лицея. Приватъ-доцентъ *Гурляндъ*

Изъ села Великаго—Приношу сердечное поздравленіе съ торжествомъ; глубоко сожалѣю, что отсутствую. Ярославскій фабричный инспекторъ *Дейша*.

Изъ Архангельска—Шлемъ сердечное поздравленіе и лучшія пожеланія дорогому Лицею. Члены суда *Голубцовъ* и *Григоревскій*.

Изъ Балнодена—Шлю искренній привѣтъ и поздравленіе Лицею. *Богородскій*.

Изъ Бреславля—Привѣтствуемъ Ваше Превосходительство, профессоровъ и студентовъ съ новой годовщиной дорогаго лицея, которому желаемъ процвѣтанія на многія лѣта. Судебный слѣдователь *Успенскій* и мировой судья *Новицкій*.

Изъ Бугульмы—Да здравствуетъ Лицей многія лѣта. Ура! Благодарный *Фрейбергъ*.

Изъ Бѣлева—Поздравляемъ дорогой Лицей съ новой годовщиной славнаго существованія, пьемъ за здоровье глубокоуважаемаго Сергѣя Михайловича, профессоровъ и студентовъ. *Добровольскій* и *Фирсовъ*.

Изъ Варшавы—Привѣтствую гордость Ярославля, родной Лицей со вступленіемъ въ 27-е лѣто существованія, желая ему неизмѣнно оставаться источникомъ надежныхъ блюстителей закона и вѣрныхъ слугъ престолу и отечеству. Сожалѣя, что не нахожусь на нашемъ праздникѣ, почтительнѣйше прошу васъ, высокочтимый Сергѣй Михайловичъ, принять лично и передать всѣмъ сослуживцамъ вашимъ и студентамъ усердное поздравленіе признательнаго питомца 21 выпуска. Состоящій въ распоряженіи генералъ-губернатора Николай *Ковалевскій*.

Изъ Варшавы—Сердечно привѣтствуетъ родной Лицей Георгій *Опперманъ*.

Изъ Вологды—Шлемъ искренній привѣтъ и лучшія пожеланія Лицею въ день его годовщины. Бывшіе студенты Ѳедоръ *Поповъ*, Андрей *Карасовъ* и *Стефановъ*.

Изъ Городка Подольскаго—Поздравляю дорогой Лицей съ праздникомъ. Съ благодарностью вспоминаю годы проведенные въ интернатѣ. Мировой посредникъ *Марковъ*.

Изъ Иркутска—Сердечно привѣтствую дорогой Лицей. Податной инспекторъ *Никоровичъ*.

Изъ Кадникова—При трудѣ, данномъ наукой на сѣверѣ, мысли уносятъ въ разсадникъ науки торжествующей свою годовщину. Полный дорогихъ воспоминаній шлю моей Alma-Mater сердечный привѣтъ. Пусть сѣмя науки несетъ плоды добра и возрастаетъ величіе училища на славу родины. Уѣздный членъ суда Иванъ *Стратилатовъ*

Изъ Калуги—Шлемъ сердечный привѣтъ незабвенному Лицею. Студентъ втораго выпуска *Орловъ*, одиннадцатаго—*Серповскій*.

Изъ Камышлова—Привѣтствую Лицей съ новою годиной и оканчивающихъ курсъ, какъ то дѣлали уже окончившіе; приглашаю стать подъ тотъ стягъ, на которомъ вѣрный сынъ Россіи написалъ: сѣйте разумное, доброе, вѣчное, сѣйте; спасибо вамъ скажетъ сердечное русскій народъ. Предсѣдатель Камышловской земской управы Николай *Сонгайлло*.

Изъ Кіева—Привѣтствуемъ незабвенный Лицей съ новой годовщиной *Ивакинъ* и *Черняховскій*.

Изъ Кіева—Лицей мой дорогой, тебя я поздравляю, заздравный кубокъ поднимаю и пью за всѣхъ коллегъ друзей *Поповъ*.

Изъ Кіева—Шлю мои лучшія пожеланія дорогому Лицею. Окружный акцизный надзиратель изъ Умани *Глѣбовъ*.

Изъ Ковны—Да здравствуетъ Лицей. Студентъ втораго выпуска *Уткинъ*.

Изъ Кретингена—Родному Лицею сердечный привѣтъ отъ *Калашникова*

Изъ Крыжополя · Wiwant Lyceume et professores. Dombrouski.

Изъ Лебяжья—Въ день годовщины шлю привѣтъ дорогому Лицею, желая ему процвѣтать на многія лѣта. Поздравляю и профессоровъ. Мировой судья Константинъ *Стеблинъ-Каменскій*.

Изъ Люблина—Поздравляю директора, профессоровъ и студентовъ съ праздникомъ. *Тельпуговъ*.

Изъ Milano—Acceptez monsieur le général mes felicitations les plus sincéres du jour de l' anniversaire du Lycee. Leonide Balachow.

Изъ Митавы—Привѣтствую родной Лицей, его директора, профессоровъ, друзей, желая счастья имъ и славы. *Бестужевъ-Рюминъ* изъ Митавы.

Изъ Минска—Сердечно поздравляю родной Лицей съ годовымъ праздникомъ, поднимаю бокалъ за осуществленіе лучшихъ его идеаловъ. Пассажиръ Константинъ *Введенскій*.

Изъ Мологи—Привѣтствуемъ Лицей и его начальство съ праздникомъ, желаемъ Лицею многіе годы служить разсадникомъ права и правды. Мологскіе судебные слѣдователи *Ивановъ* и *Кратировъ* и городской судья *Боголюбскій*.

Изъ Москвы—Привѣтствую дорогой Лицей съ праздникомъ. *Кожинъ*.

Изъ Москвы—Съ 27 годовщиной поздравляю Лицей и желаю ему плодотворной дѣятельности на пользу дорогой родины. Присяжный повѣренный Иванъ *Глаголевъ*.

Изъ Озябликова (Муромскаго уѣзда)—Сердечно привѣтствую дорогой Лицей съ новой годовщиной, мысленно присутствуя на ея празднованіи. Судебный слѣдователь *Телегинъ*.

Изъ Оренбурга—Поздравляю дорогой Лицей съ годовщиной. Благодарный питомецъ девятаго выпуска *Александровскій*.

Изъ Перми—Привѣтствуемъ Лицей съ его годовщиной и желаемъ ему многолѣтняго процвѣтанія. *Безбородовъ*, *Бутаковъ*, *Вялыхъ* и *Тиме*.

Изъ Петергофа—Шлю сердечныя пожеланія всякаго благополучія дорогому Лицею. Василій *Николаевъ*.

Изъ Петергофа—Поздравляю съ новой годовщиной дорогой Лицей, шлю лучшія пожеланія. Константинъ *Колесовъ*.

Изъ Петровскаго-Разумовскаго—Сердечно привѣтствую родной Лицей, чрезъ любимаго директора, въ день нашего праздника; особенно горячо желаю, чтобы дорогой Лицей вѣчно оставался питомникомъ и разсадникомъ чести, добра и милости на землѣ. Кандидатъ *Новицкій*.

Изъ Рени — Изъ дальнего юга, съ береговъ Дуная шлю сердечный привѣтъ директору, профессорамъ, студентамъ и присутствующимъ на празднествѣ дорогой Almae Matris; съ благодарностью вспоминаю студенческіе годы. Помощникъ окружнаго акцизнаго надзирателя Владиміръ Павловичъ *Троцкій*.

Изъ Риги — Поздравляя дорогой Лицей съ новой годовщиной, искренно желаемъ ему процвѣтанія на многіе годы. Сердечный привѣтъ директору, профессорамъ и студентамъ. Члены суда *Орловъ* и *Приселковъ, Блюмбергъ, Красткалнъ, Пассить, Петерсонъ, Рейнгаузенъ* и *Рубинштейнъ*.

Изъ Самарканда — Шлю привѣтъ дорогому Лицею. Николай *Кузьминъ*.

Изъ Сарапуля — Въ торжествѣ душою участвуютъ и сердечно привѣтствуютъ Судебный слѣдователь *Феликсовъ* и присяжный повѣренный *Совѣткинъ*.

Изъ Саратова — Поздравляю дорогой Лицей съ новой годовщиной, шлю наилучшія пожеланія директору, профессорамъ и товарищамъ. Борисъ *Кедровъ*.

Изъ Саткинскаго завода — Виватъ Лицеумъ. *Петропавловскій*.

Изъ Соломбалы — Поздравляемъ съ праздникомъ, желаемъ дальнѣйшаго процвѣтанія дорогому Лицею. *Ивановъ, Истоминъ* и *Лебедевъ*.

Изъ Уѣзднаго — Служа на сѣверномъ Кавказѣ и вспоминая милый Лицей, мы поспѣшили безъ отказа на праздникъ матери своей, и столь большое разстояніе не въ силахъ съ нею разлучить. Пьемъ за успѣхъ и процвѣтаніе Лицея. Богъ его хранитъ. Товарищъ прокурора *Валединскій* и судебный слѣдователь *Шубинъ*.

Изъ Феллина — Изъ отдаленной прибалтики шлемъ сердечный привѣтъ дорогому Лицею. Да процвѣтаетъ Alma-Mater многіе, многіе годы, пусть всегда будетъ разсадникомъ права и правды на пользу дорогой отчизны. Судебные слѣдователи *Михалевичъ* и *Донченко*.

Изъ Царицына — Nunc est bibendum, nunc pede libero pulsanda tellus: сегодня годовщина дорогого Лицея; привѣтствую и поз-

дравляю незабвеннаго Сергѣя Михайловича, профессоровъ и студентовъ. Василій *Репниковъ.*

Изъ Ченстохова. Въ день годовщины родного Лицея шлю сердечный привѣтъ директору, профессорамъ и студентамъ. Товарищъ прокурора Сергѣй *Кацауровъ.*

Въ 1897—98 учебномъ году будутъ читать въ Лицеѣ.

1. Директоръ, заслуженный ординарный профессоръ, докторъ Государственнаго права, Тайный Совѣтникъ *С. М. Шпилевскій*— Исторію Русскаго права на 1-мъ курсѣ 6 часовъ въ недѣлю.

2. Ординарный профессоръ, докторъ Каноническаго права, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Н. С. Суворовъ*—на 3-мъ курсѣ Церковное Законовѣдѣніе 6 часовъ; Римское право на 3-мъ курсѣ 4 часа.

3. Ординарный профессоръ, докторъ Финансоваго права, Статскій Совѣтникъ *Э. Н. Берендтсъ*—Государственное и Административное право на 2-мъ курсѣ 6 часовъ.

4. Ординарный профессоръ, докторъ Государственнаго права, Статскій Совѣтникъ *В. Г. Щегловъ*—на 1-мъ курсѣ Энциклопедію права 6 часовъ и Всеобщую исторію права 3 часа.

5. Профессоръ Богословія, Магистръ Богословія, протоіерей *Н. А. Тихвинскій*—Богословіе на 1-мъ курсѣ 3 часа.

6. И. д. Экстраординарнаго профессора, магистръ Уголовнаго права *А. А. Піонтковскій*—Уголовное право на 3-мъ курсѣ 4 ч.

7. И. д. доцента, кандидатъ юридическихъ наукъ, Статскій Совѣтникъ *М. А. Липинскій*—на 2-мъ курсѣ Исторію Русскаго права 3 часа и Гражданское судопроизводство на 4-мъ курсѣ 4 часа.

8. И. д. доцента, кандидатъ юридическихъ наукъ, *А. Е. Минервинъ*—на 1-мъ курсѣ Исторію Римскаго права и Институціи Римскаго права по 3 часа.

9. И. д. доцента, кандидатъ юридическихъ наукъ, *М. М. Катковъ*—Римское право на 2-мъ курсѣ 6 час. и на 4-мъ курсѣ практическія занятія 2 часа.

10. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, *А. Р. Свирщевскій*—на 2-мъ курсѣ Финансовое право и Политическую Экономію по 3 часа.

11. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ *А. В. Шмидтъ*—Международное право па 3-мъ и 4-мъ курсахъ вмѣстѣ 3 часа.

12. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, *И. Я. Гурляндъ*—на 4-мъ курсѣ Торговое право 3 часа.

13. Приватъ-доцентъ *В. А. Юшкевичъ*—Гражданское право на 3-мъ курсѣ 5 часовъ.

14. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, *Д. Н. Стефановскій*—на 4-мъ курсѣ Уголовное судопроизводство 3 часа.

15. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ *С. П. Никоновъ*—на 4-мъ курсѣ Гражданское право по 5 часовъ въ недѣлю.

политики; черезъ каждые четыре года король созываетъ риксдагъ и предлагаетъ ему на утвержденіе составленную совѣтомъ государственную роспись.

Карлъ XII не обратилъ вниманія на желаніе отца; его завѣщаніе осталось неисполненнымъ. Молодой король не желалъ никакихъ совѣщаній ни съ совѣтомъ, ни съ риксдагомъ. Но благодаря тому, что великая сѣверная война принудила его на 14 лѣтъ покинуть отечество, совѣтъ, противъ воли короля, долженъ былъ получить рѣшающее значеніе и громадное вліяніе. Въ Швеціи издавна укоренилось воззрѣніе, что въ отсутствіе короля управлять государствомъ надлежитъ совѣту. Чрезмѣрное усиленіе вліянія совѣта король думалъ предупредить раздѣленіемъ его на нѣсколько частей, отдѣленій; но и раздробленный совѣтъ то и дѣло сталкивается съ отдаленнымъ, но тѣмъ не менѣе ревниво оберегающимъ свою неограниченную власть, королемъ. Такимъ образомъ, не коллегію лицъ, пользующихся довѣріемъ государя, сильную этимъ довѣріемъ, видѣлъ Петръ въ Швеціи; а напротивъ, въ Европѣ было извѣстно, что между королемъ, живущимъ въ Турціи, и совѣтомъ въ Швеціи идетъ упорная вражда, что совѣтъ государственный есть органъ той партіи, которая стремится къ возстановленію побѣжденной Карломъ XI олигархіи. Неужели этотъ раздробленный, разъединенный, враждующій съ королемъ совѣтъ—былъ образцомъ, по которому учрежденъ Сенатъ?

Въ то же время пошатнулся и строй коллегій Карла XI. Коллегіи эмансипировались отъ вліянія совѣта; получили право самостоятельнаго рѣшенія, нѣкоторыя даже прямо посылали доклады къ королю въ Бендеры и Адріанополь. Но король вдали, заграницей или въ походѣ, или въ плѣну, члены совѣта во враждѣ и между собою и съ королемъ; согласія нѣтъ! Нѣкоторыя изъ коллегій встали въ совершенно независимое положеніе, какъ напр. Статсъ-конторъ коллегія и канцеля-

рія-коллегія (Иностр. дѣлъ); другія, какъ напримѣръ Военная коллегія, подпали всецѣло подъ вліяніе такъ назыв. дефензіонной коммиссіи. „Во всѣхъ отношеніяхъ царствуетъ полнѣйшій безпорядокъ, пишетъ Кампредонъ, бывшій впослѣдствіи посланникомъ въ Петербургѣ (17 мая 1703 г.).

№ 32. Таково было положеніе шведской высшей администраціи въ ту эпоху, когда, по словамъ столь многихъ историковъ и публицистовъ, Петръ рабски началъ снимать копію съ Швеціи. Но въ томъ то и дѣло, что онъ не списывалъ безъ критики. Онъ обратился къ изученію всѣхъ коллегіальныхъ учрежденій въ государствахъ Западной Европы, славившихся своей администраціей. Въ нашихъ архивахъ, въ особенности въ морскомъ архивѣ, гдѣ сохраняется корреспонденція Апраксина, Толстого, Шафирова, Макарова и др., мы то и дѣло наталкиваемся на доказательства, что Петръ требовалъ доставленія свѣдѣній объ административныхъ учрежденіяхъ отъ всѣхъ иностранцевъ, состоявшихъ у него на службѣ, отъ Брюса, Крюйса, Бреверна, Дугласа, Вейде, младшаго Люბераса. Онъ назначилъ 6 дьяковъ для перевода иностранныхъ узаконеній, приказывалъ составлять сравнительныя таблицы (любопытный образчикъ такого предписанія о сравнительномъ изученіи иностранныхъ узаконеній сохранился въ морскомъ архивѣ: это собственноручное предписаніе Петра о составленіи проекта адмиралтейскаго устава по изученіи уставовъ—датскаго, англійскаго, французскаго, шведскаго и голландскаго*).

Въ 1710 году Петръ беретъ на службу особаго корреспондента, Барона Гейссена, на котораго возложены двоякаго

*) Въ высшей степени цѣннымъ матеріаломъ для выясненія постепенной подготовки административныхъ реформъ Петра подъ вліяніемъ различныхъ проектовъ, стекавшихся въ его рукахъ,—служатъ данныя, собранныя въ прекрасномъ изслѣдованіи Н. П. Павлова-Сильванскаго: „Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго“ 1897 г.

рода обязанности: 1) опровергать ложныя извѣстія о Россіи, печатаемыя въ западно-европейскихъ журналахъ, 2) собирать свѣдѣнія по различнымъ вопросамъ, по составленной для него программѣ. Въ этой программѣ 1711 г. предписано собрать данныя о коллегіальныхъ учрежденіяхъ, о фискалахъ, о рангахъ гражданской и военной службы.

Съ 1710 года начинаютъ появляться оффиціозныя извѣстія о преобразованіяхъ Петра въ издаваемомъ извѣстнымъ библіографомъ того времени Рабенеромъ журналѣ „Die europäische Fama“.

Я привелъ всѣ эти данныя, чтобы доказать, что подготовительныя для устройства коллегій работы начались до 1711 года, до бесѣды съ Лейбницомъ, и прибавимъ къ этому, что въ началѣ 1711 года, служащій въ горномъ вѣдомствѣ, Блюеръ представилъ Петру проектъ организаціи бергъколлегій, впрочемъ отвергнутый сенатомъ. Свѣдѣній, точныхъ свѣдѣній о шведскихъ коллегіяхъ къ тому времени Петръ еще не имѣлъ; извѣстно, что онъ ихъ получилъ впервые въ 1717 году изъ рукъ Генриха Фика. А между тѣмъ не только въ бумагахъ Петра встрѣчаются замѣтки о проектируемыхъ коллегіяхъ, но въ 1712 г. 12 февраля изданъ указъ объ учрежденіи коммерцъ-коллегіи, составленной вовсе не по шведскому образцу, а похожей по организаціи своей больше на торговыя палаты въ Германіи нашего времени.

Изученіе административной организаціи западно-европейскихъ государствъ не прекращается, при чемъ Петръ во время своихъ путешествій лично ознакомляется съ дѣятельностью и дѣлопроизводствомъ присутственныхъ мѣстъ.

Датскій исторіографъ Понтопиданусъ сообщаетъ, что въ 1716 году Петръ, во время пребыванія въ Копенгагенѣ, лично осматривалъ датскія коллегіи и самъ списывалъ правила ихъ дѣлопроизводства, предписавъ за годъ передъ тѣмъ своимъ посланникамъ въ Даніи, Ягужинскому и Долгорокову

собрать и доставить точныя свѣдѣнія объ организаціи датскихъ коллегій и, если возможно, то завербовать знающихъ свое дѣло датскихъ чиновниковъ, такъ какъ недостаточно знать иностранныя инструкціи, нужно имѣть людей, способныхъ истолковать ихъ смыслъ „понеже, прибавилъ царь, всѣхъ циркумстанцій въ книгахъ не пишутъ“.

Подобныя же приказанія получаютъ и другіе уполномоченные министры царя, между прочимъ Весселовскій въ Вѣнѣ, которому поручается пригласить на службу австрійскихъ славянъ, да достать учебникъ юриспруденціи. Въ кабинетныхъ бумагахъ Петра находится собственноручная записка отъ 23 марта 1715 года. Это первое начертаніе строя коллегій. Царь предполагаетъ организовать 6 коллегій: коллегію иностранныхъ дѣлъ, юстицъ-коллегію, адмиралтействъ коллегію, военную коллегію, камеръ-коллегію и коммерцъ-коллегію. Милюковъ полагаетъ, что этотъ проектъ—сколокъ съ шведскихъ коллегій. Не могу согласиться съ почтеннымъ изслѣдователемъ. Если бы шведскія коллегіи уже въ 1715 г. послужили образцами для петровскаго проекта, то мы встрѣтили бы среди перечисленныхъ учрежденій и статсъ-конторъ коллегію, игравшую столь важную роль въ Швеціи, въ особенности въ концѣ 17 и въ началѣ 18 столѣтій. По моему мнѣнію при составленіи этого перваго проекта Петръ имѣлъ въ виду организаціи французскаго высшаго управленія того времени. Того же мнѣнія, что первый проектъ коллежской организаціи составленъ по французскому образцу, высказали уже въ 18 столѣтіи, въ запискахъ своихъ, упомянутый выше Нестерзураной и младшій Гордонъ.

Однако этотъ проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Петръ, котораго упрекаютъ въ безусловномъ преклоненіи передъ первымъ встрѣчнымъ иностраннымъ образцомъ, продолжаетъ изученіе иностранныхъ коллегіальныхъ учрежденій еще 3 года и теперь только, ознакомившись съ колле-

гіями въ Пруссіи, Даніи и Франціи и находя административный строй этихъ государствъ неудовлетворительнымъ или ихъ учрежденія не соотвѣтствующими „ситуаціи Россіи", онъ рѣшается принять всѣ мѣры для полученія точныхъ данныхъ о столь прославленныхъ въ то время коллегіяхъ эпохи Карла XI и о нововведеніяхъ его преемника. Эти данныя были доставлены ему съ двухъ сторонъ: принятымъ въ русскую службу изъ голштинской—Генрихомъ Фикомъ и Барономъ Люберасомъ, состоявшимъ долгое время на шведской службѣ и согласившимся принять должность вице-президента Бергъ-коллегіи.

Работы Фика хранятся до-нынѣ въ Московскихъ архивахъ Министерства Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ и Морского Министерства въ Петербургѣ; труды же Любераса въ Московскомъ архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ и въ архивѣ бывшаго кодификаціоннаго Отдѣла при Государственномъ Совѣтѣ. Я не считаю возможнымъ распространяться о содержаніи этихъ трудовъ; это потребовало бы слишкомъ много времени. Что же касается личной судьбы этихъ двухъ сотрудниковъ Петра, побудившихъ его дать предпочтеніе шведскимъ образцамъ, то замѣчу только, что маститый баронъ Люберасъ, едва успѣвъ представиться Петру, заболѣлъ въ Петербургѣ и, передавъ всѣ бумаги свои Татищеву, скончался, годъ спустя послѣ вступленія въ должность. Фикъ, напротивъ, долго пользовался милостью Петра, сумѣлъ пріобрѣсти расположеніе князя Меньшикова и Екатерины I, вовремя перешелъ на сторону Долгорукихъ, наконецъ при смерти Петра II сблизился съ членами верховнаго тайнаго совѣта, особенно съ Д. М. Голицынымъ, составилъ по его порученію проектъ ограниченія самодержавной власти по образцу такъ назыв. королевской присяги Фридриха I (1720 г.), громко ликовалъ, когда узналъ, что Анна Ивановна подписала извѣстные „пункты", замѣтивъ: „Вотъ и имперія Всероссій-

ская сдѣлалась сестрицей Польши и Швеціи", и позволилъ себѣ громко глумиться надъ Бирономъ. Послѣдствія не заставили себя ждать. Фикъ сосланъ въ Тобольскъ, имѣнія его конфискованы. Елизавета Петровна возвратила его изъ ссылки, но не къ должности.

Кромѣ записокъ о коллегіяхъ, составленныхъ Фикомъ и Люберасомъ, мы еще имѣемъ тотъ извѣстный проектъ коллегіальнаго устройства, который хранится въ архивѣ Академіи Наукъ и долго приписывался Лейбницу, проектъ учрежденія семи коллегій и одновременнаго преобразованія сената въ высшее судилище; далѣе проектъ, найденный въ бумагахъ кабинета Петра Великаго. Наконецъ, въ бумагахъ гр. Апраксина, хранящихся въ Морскомъ Архивѣ, имѣются слѣды, что въ періодъ 1715—1718 гг. былъ представленъ еще цѣлый рядъ проектовъ, между прочимъ проектъ Бар. Бреверна.

§ 33. Сравнительное изученіе западно-европейскихъ административныхъ учрежденій убѣдило Петра, что лучшими по единству мысли, цѣлесообразности раздѣленія труда и систематичности сочетанія дѣйствій были именно столь прославленныя шведскія коллегіи, конечно не въ томъ полуразрушенномъ видѣ, въ какомъ засталъ ихъ Фикъ въ бытность свою въ Швеціи, когда Карлъ XII-ый изъ Тимурташа уже успѣлъ ввести въ стройную систему коллегій личное начало въ лицѣ чрезвычайныхъ коммиссаровъ, а въ томъ именно видѣ, въ какомъ оставилъ ихъ Карлъ XI.

Но и другія причины побудили царя предпочесть шведскія учрежденія въ качествѣ образцовъ всѣмъ другимъ. При отъѣздѣ русскаго полномочнаго министра Бестужева (послѣ заключенія Ништадскаго мира) Петръ объяснилъ ему, что Швеція, по своимъ природнымъ и бытовымъ условіямъ такъ близка къ Россіи, что многое изъ того, что принесло пользу Швеціи, можетъ привиться и въ Россіи. Однако и это убѣжде-

ніе не побудило Петра рабски скопировать все шведское. Это признано уже Карамзинымъ въ знаменитой запискѣ „О древней и о новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніи“: „Петръ В., говоритъ онъ, любилъ иностранцевъ, однакоже не велѣлъ безъ всякихъ дальнихъ околичностей взять, напримѣръ, шведскіе законы и назвать ихъ русскими, ибо видѣлъ, что законы народа должны быть извлечены изъ его собственныхъ понятій, нравовъ, обыкновеній, мѣстныхъ обстоятельствъ“.

Дѣйствительно, за исключеніемъ одной отрасли администраціи, а именно организаціи финансоваго управленія, въ особенности кассоваго строя, подражаніе коснулось только внѣшней стороны. Прекрасный примѣръ тому, какъ Петръ относился къ иностраннымъ законамъ и учрежденіямъ, мы видимъ въ нашихъ петровскихъ воинскихъ артикулахъ. По приказанію Петра были собраны и переведены на русскій языкъ: военные законы Леопольда I, датскій кодексъ Христіана V, бранденбургскій великаго Курфюрста, французскіе ордонансы и регламенты; но предпочтеніе дано военнымъ артикуламъ Густава Адольфа, представляющимъ собою тщательно и спокойно составленный кодексъ, имѣющій всѣ признаки самобытнаго положительнаго законодательства для народной постоянной арміи.

Какъ при иностранныхъ кодексахъ, такъ и при нашихъ артикулахъ имѣются толкованія. Но между толкованіями нашихъ артикуловъ и этими комментаріями разница по существу. Сіи послѣдніе расплываются въ пространныхъ теоретическихъ разсужденіяхъ, переполненныхъ латинскими цитатами и ссылками; толкованіе же нашихъ артикуловъ представляетъ простое безыскусственное поясненіе текста закона самимъ законодателемъ (Бобровскій). Совершено таково же отношеніе русскихъ регламентовъ коллегій къ шведскимъ. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторые регламенты, какъ напр.

регламентъ духовной коллегіи, регламентъ адмиралтейской коллегій, главному магистрату, не имѣютъ ничего общаго съ шведскими законами, и въ другихъ регламентахъ—названія, титулы, внѣшній порядокъ дѣлопроизводства заимствованы изъ Швеціи, но компетенція отдѣльныхъ коллегій, за исключеніемъ статсъ-конторъ коллегіи, далеко не совпадаетъ съ компетенціей шведскихъ коллегій, а выборное начало, введенное въ жизнь новыхъ учрежденій,—черта неизвѣстная шведскому центральному административному строю.

§ 34. Въ декабрѣ 1717 г. Петръ набросалъ собственноручно проектъ коллегіальной организаціи съ явнымъ отступленіемъ отъ шведскаго образца, съ которымъ онъ теперь успѣлъ ознакомиться благодаря работамъ Фика:

„Выбирать президентамъ подручныхъ или товарищей своихъ такимъ образомъ:

1) чтобы не было отнюдь свойственниковъ или собственныхъ креатуръ.

2) Выбрать по 2 или по 3 чел. во всякое мѣсто, а изъ нихъ всѣхъ коллегіи выбирать баллотиромъ.

Президентъ, Вице-президентъ, 4 коллегіи совѣтника, 4 ассесора, секретарь или дьякъ, нотаріусъ—протоколъ держитъ и напоминаетъ о дѣлахъ, актуарій дѣла вершеныя на рукахъ и всякія крѣпости; регистраторъ—росписи имѣетъ всему и ставитъ памяти, подъячіе трехъ статей. Иноземцевъ по 1 секретарю, совѣтнику или ассесору во всякую коллегію неотмѣнно и по одному шриверу“.

Вотъ какія коллегіи царь предполагалъ учредить:

„1) каммеръ-коллегіумъ содержитъ учрежденіе и расположеніе и надсмотръ всѣмъ доходамъ въ государствѣ (кромѣ расходовъ) и отчетъ, также мундиръ и всѣ подряды.

2) Статсъ-конторъ—сборъ денежный по расположенію камеръ-коллегіи и расходъ по указу вышнему.

3) Коммерцъ-коллегіумъ—всѣхъ торговъ, всякой попли-

ны распоряжается, торговыхъ судитъ; а деньги черезъ рентмейстера отсылать въ статсъ-контору.

4) Камеръ-ревизіонъ—всѣ счеты всего государства, Воинская, Бергъ-коллегія, Политическая коллегія; отколѣ всѣ указы и патенты и наряды людямъ".

Развѣ это копія съ шведскихъ коллегій? Въ Швеціи не было никакой политической коллегіи, это во-первыхъ; далѣе: Шведская камеръ-коллегія вѣдала не только всѣ доходы, но на нее были возложены тоже всѣ заботы о развитіи сельскаго хозяйства и промышленности, что, по понятіямъ того времени, входило въ такъ назыв. камеральное дѣло. Шведская коммерцъ-коллегія вѣдала не только торговлю, но и мануфактуры; въ Швеціи не было Юстицъ-коллегіи, а существовали 3 надворныхъ суда, откуда аппеляція шла непосредственно къ королю; такъ назыв. каммеръ-ревизіонъ-коллегія была только отдѣленіемъ такъ назыв. камеральнаго суда, наконецъ въ планѣ Петра не упомянуто ни о канцеляръ-коллегіи, вѣдавшей дѣла внѣшней политики, ни объ адмиралтейской коллегіи. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о безразборчивомъ списываніи съ шведскихъ учрежденій.

Начертанія Петра, какъ вы видите, немногосложны, кратки; подробная выработка проекта поручена Сенату, которому слѣдуетъ взять всѣ собранные матеріалы у Брюса, Вейде и Фика. Но вотъ у Петра возникаетъ опасеніе, что Сенатъ неохотно возьмется за самостоятельную работу, что вотъ сенаторы станутъ списывать дословно то, что найдутъ въ запискахъ лицъ, собравшихъ свѣдѣнія.

9-го мая 1718 года сенатъ получаетъ слѣдующій указъ Петра:

„Изъ уложенія и уставовъ шведскихъ, что касается до Юстицъ-коллегіи, то дѣла исправить въ коллегіи, а которые государственные распорядки, а именно: сколько ландсъ-гев-

динговъ и надъ сколькими уѣздами одинъ и подъ нимъ сколько какихъ чиновъ и какъ оныя связаны послушаніемъ и должностью, то выписывать и приносить въ Сенатъ, гдѣ надлежитъ спускать съ русскими обычаи, что можетъ быть по старому и что перемѣнить, то все оставить по мѣрѣ въ Сенатъ и изготовить къ будущей осени въ докладъ". Но Сенатъ повидимому не могъ справиться съ возложеннымъ на него дѣломъ; разногласіе между его членами было такъ сильно, что уже мѣсяцъ спустя царь приказалъ разсмотрѣть всѣ работы въ Высочайшемъ присутствіи, чтобы рѣшить какія уклоненія основательны, какія нѣтъ (указъ 11 іюня 1718 г.).

§ 35. Составленіе регламентовъ подвигалось впередъ очень медленно. Быстрѣе всѣхъ работали адмиралъ Апраксинъ и его товарищи, составивъ регламентъ адмиралтействъ-коллегіи послѣ тщательнаго изученія регламентовъ — англійскаго, голландскаго, французскаго, датскаго и шведскаго. Но желаніе Петра, съ 1719 г. управлять съ помощью реорганизованныхъ учрежденій не могло осуществиться. Повидимому самыя большія затрудненія встрѣчались при организаціи каммеръ-коллегіи, статсъ-конторы и юстицъ коллегіи, что и понятно, такъ какъ наиболѣе больными мѣстами московской администраціи были —финансы и судъ, неулучшившіяся, а, напротивъ, ухудшившіяся въ теченіе первыхъ 25 лѣтъ царствованія Петра. А здѣсь то именно шведская стройность и систематичность были болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, у мѣста. Петръ упрекалъ сенаторовъ и вновь назначенныхъ президентовъ будущихъ коллегій въ лѣни и намѣренной волокитѣ. Грозный указъ 2 іюня 1718 г. напомнилъ имъ о необходимости покончить, какъ можно скорѣе, дѣла. Ягужинскому поручено наблюденіе за тѣмъ, чтобы гг. составители регламентовъ не бездѣйствовали!

Царь желалъ, чтобы по крайней мѣрѣ три важнѣйшія коллегіи: военная, адмиралтейская и каммеръ-коллегія от-

крыли свои дѣйствія съ 1719 г.. Къ тому времени онъ уже нѣсколько измѣнилъ свой первоначальный планъ. Рѣшено учредить 9 коллегій: коллегію иностранныхъ дѣлъ, Каммеръ, Юстицъ, Ревизіонъ, Военную, Адмиралтейскую, Коммерціи, Штатсъ-контору и Бергъ и Мануфактуръ-коллегію. Предположеніе учредить политическую коллегію или забыто, или эта коллегія казалась лишнею, въ виду существованія Сената. Однако, нѣсколько времени спустя, по всей вѣроятности въ 1719 г., Петръ опятъ возвращается къ этой идеѣ. Въ кабинетныхъ дѣлахъ (II книга, № 34), въ памятныхъ книжкахъ, находится слѣдующая замѣтка: „о такой коллегіи, которая бы смотрѣла, что исправить, перемѣнить, оставить, вновь сдѣлать, начиная отъ порядковъ прибыли даже, до чистоты и украшенія во всемъ государствѣ, плантаціи въ безлѣсныхъ мѣстахъ и виноградъ, всякія строенія, работы и прочія такія дѣла, когда указъ объ иныхъ будетъ прежде не начинать не распорядясь кѣмъ и чѣмъ оныя содержать сдѣлавъ*).

Въ другомъ мѣстѣ встрѣчается замѣтка объ учрежденіи особаго органа для завѣдыванія дѣлами сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности, а именно: экономіи генеральнаго съ канцеляріей.

Были ли эти планы результатамъ ознакомленія Петра съ работами Люберaса, который предлагалъ учредить дирекціонсъ-коллегію и коллегію экономіи,—это неизвѣстно. Нѣтъ также объясненій тому, что побудило Петра отказаться отъ осуществленія этихъ плановъ.

Весь 1718 г. прошелъ въ спѣшной работѣ надъ организаціей коллегій, но вотъ эта поспѣшность и повредила дѣлу! Уступая настоятельнымъ требованіямъ царя кончить работы

---

*) По объясненію г. Павлова-Сильванскаго, второй отдѣлъ этой фразы Петра Великаго, начиная со словъ: „плантаціи....“, не имѣетъ никакой связи съ первымъ и только случайно написанъ царемъ на одномъ лоскуткѣ бумаги(?)

къ 1719 г. и весь строй коллегій ввести въ дѣйствіе, составители регламентовъ поддались искушенію просто дословно переводить шведскіе уставы, не справляясь съ тѣмъ, соотвѣтствуетъ ли все ихъ содержимое „ситуаціи сего государства“. Этимъ объясняются тѣ упреки въ неосторожномъ и неумѣломъ составленіи регламентовъ, которые мы встрѣчаемъ въ запискахъ Любераса, Кохіуса, въ запискѣ, приписываемой Лейбницу, въ то время уже умершему. Петръ самъ часто сознавалъ, и признавалъ, что много „зря учинено“. Учрежденіе коллегій обратило на себя вниманіе всѣхъ иностранныхъ дипломатовъ, акредитованныхъ при русскомъ дворѣ, и о немъ поговаривали не мало въ газетахъ того времени. Въ журналѣ „Europäische Fama“ появилась оффиціозная статья о новыхъ учрежденіяхъ; посланники: датскій, голштинскій, прусскій, саксонскій въ своихъ депешахъ комментируютъ на различный ладъ эту реформу Петра. Кто говоритъ, что никакихъ основательныхъ причинъ къ этой реформѣ не было, что она результатъ простой подражательности, кто пишетъ удивляясь мудрости царя, надѣясь на установленіе порядка въ русской администраціи, неустройства въ которой давали себя тяжело чувствовать и во внѣшнихъ сношеніяхъ, кто наконецъ, наприм. французскій посланникъ де-Лави, подозрѣвалъ глубокую политическую подкладку и замыслы, стремленіе предупредить грозившій будто бы государственный переворотъ, волненіе высшаго сословія, якобы нашедшаго оплотъ въ сенатѣ!

Де-Лави сообщаетъ слѣдующее:

„Его Ц. В. осуществилъ наконецъ свое давнишнее намѣреніе уничтожить сенатъ и учредить на мѣсто его нѣсколько коллегій, а именно: коллегію Юстиціи, Финансовую, Военную, Торговую, Контрольную и проч. Коллегіи эти соберутся 7-го текущаго мѣсяца (января 1719 г.) стар. стиля въ томъ же зданіи, гдѣ прежде происходили засѣданія се-

ната, и царь, возсѣдая на тронѣ, произнесетъ имъ рѣчь, которая, вѣроятно, будетъ касаться взаимныхъ обязанностей членовъ коллегій"…. „Эта перемѣна можетъ быть лишь выгодна для общества, потому что вслѣдствіе вводимыхъ ею разумныхъ постановленій, правосудіе будетъ отправляемо по справедливости, тогда какъ прежде оно было, такъ сказать, изгнано изъ судовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ установится на лучшихъ основаніяхъ безопасность общественная и иностранцевъ, такъ какъ половина членовъ коллегій будетъ состоять изъ этихъ послѣднихъ. Правда, это учрежденіе, какъ я слышалъ, обойдется Е. В. почти въ 200000 р. с. въ годъ, но это увеличеніе расходовъ ничего въ сравненіи съ благомъ, которое оно принесетъ государству, гдѣ знатные сановники не будутъ болѣе имѣть случаевъ обогащаться, какъ прежде, на счетъ своего государя и его подданныхъ".

По сообщеніямъ французскаго посланника де-Лави коллегіи должны были открыть свои дѣйствія 7 янв. 1719 г. Неизвѣстно какія коллегіи открыли свою дѣятельность 7 января 1719 г., (камеръ-коллегія открыта только въ 1720 году), но то достовѣрно, что ожиданіе немедленнаго улучшенія русской администраціи не осуществилось. Напротивъ, 1719 годъ, какъ иначе и быть не могло, былъ самымъ тяжелымъ годомъ; не скоро же распредѣлены были дѣла старыхъ приказовъ между новыми коллегіями; не такъ легко и быстро шло дѣло установленія правильныхъ сношеній коллегій съ мѣстными органами съ одной, съ сенатомъ съ другой стороны. Новое дѣлопроизводство не сразу привилось, да и регламенты еще не были готовы. Хранимые въ сенатскомъ архивѣ оригиналы проектированныхъ коллежскихъ регламентовъ исправлены и переисправлены рукою Петра и испещрены его крестиками, нулями и краткими замѣтками. Окончательная ихъ редакція относится къ 1720 г., а регламенты нѣкоторыхъ коллегій, а именно: Мануфактуръ-коллегіи, Коммерцъ-коллегіи, появились въ 1722—1724 гг..

Не всѣ коллегіи появились сразу; компетенція не всѣхъ коллегій опредѣлена точно и неизмѣнно, хотя бы и на короткое время. Извѣстно, что Ревизіонъ-коллегія вскорѣ упразднена, вотчинныя дѣла отдѣлены отъ Юстицъ-коллегіи и поручаются вѣдѣнію особой Вотчинной коллегіи; образуется особая малороссійская коллегія, Главный Магистратъ, Статсъ-контора подчиняется Каммеръ-коллегіи; появляется Духовная коллегія съ своимъ знаменитымъ регламентомъ*); въ 1723 году (февраля 8) издается указъ объ учрежденіи особой коллегіи для розыскныхъ дѣлъ по духовному вѣдомству съ апелляціей въ Синодъ. Однимъ словомъ, новыя учрежденія находились какъ бы въ состояніи безпрерывнаго броженія; они не удовлетворяли требованіямъ великаго реформатора; его рука не уставала мѣнять ихъ внѣшній обликъ, измѣнять правила ихъ дѣлопроизводства.

§ 36. Съ 1719—1725 г. не прошло ни одного года, въ которомъ бы коллегіямъ данъ былъ покой, возможность установить свою дѣятельность въ опредѣленныхъ постоянныхъ рамкахъ. Понятно, что эта подвижность не могла содѣйствовать упроченію центральной администраціи. Результаты реформы должны были явиться послѣ смерти реформатора, и если мы вспомнимъ о той энергичной защитѣ коллегій въ началѣ царствованія Александра I со стороны дѣятелей Екатерининской эпохи, напр. Трощинскаго, или публицистовъ того времени, напр. Карамзина, то придется признать, что петровскія коллегіи сослужили свою службу въ 18 столѣтіи съ пользою и честью.

Но Петръ не дожилъ до жатвы посѣяннаго! Первыя шесть лѣтъ дѣятельности коллегій принесли только огорченія и разочарованія. Но это онъ предвидѣлъ. Въ разговорѣ

---

*) Онъ составленъ, какъ извѣстно Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Главнымъ источникомъ изложенной въ немъ теоріи коллегіальнаго управленія, служила книга аббата Де Санъ-Піера: „Discours sur la polysynodie. 1718 г.

съ голландскимъ посланникомъ Деби онъ замѣтилъ: „приложеніе принциповъ всегда трудно, но въ теченіе времени всѣ интересы примирятся". Суть коллежскаго устройства: совмѣстное рѣшеніе на основаніи общаго совѣщанія при общей отвѣтственности, вотъ что всего труднѣе прививалось. Коллегіи, по словамъ Петра, не должны были такъ поступать, какъ поступали старые приказы, гдѣ главный, наиболѣе вліятельный бояринъ „что хотѣлъ, то и дѣлалъ", а другіе рабски молчали и соглашались. Компетенція коллегій шире, но и отвѣтственности болѣе; нужны трудъ, вниманіе, обдуманность рѣшенія. „Дѣла новыя, важныя, высшаго царскаго указа часто нѣтъ или потому что царь нарочно заставляетъ своихъ слугъ рѣшать самостоятельно, или потому что царь въ отсутствіи, надобно, слѣдовательно, рѣшить, тяжело, а царь строгъ, взыскателенъ и вотъ первая мысль, какъ бы уклониться отъ участія въ рѣшеніи и вмѣстѣ уклониться отъ отвѣтственности; пусть, кто побойчѣе, подастъ свое мнѣніе, такъ и рѣшить; всѣ рѣшили, на комъ спрашивать? Царь не допускаетъ такого рода дѣйствій, онъ для того и вводитъ коллегіальное устройство, чтобы пріучить къ дѣятельности сообща съ равнымъ участіемъ; пріучить къ самостоятельности, онъ требуетъ, чтобы каждый подавалъ свое мнѣніе и отвѣчалъ за него, чтобы никто не смѣлъ своего сужденія не имѣть. Рѣшили, слава Богу, можно и отдохнуть. Нѣтъ, внушаетъ строгій воспитатель, отдыхать нельзя; рѣшеніе не можетъ оставаться только на бумагѣ, надобно немедленно привести въ его исполненіе, не успокоиваться прежде, пока дѣло будетъ сдѣлано. Нельзя терять времени и потому, что „потеря времени смерти невозвратной подобна" (Соловьевъ). Воспитатель долженъ былъ вызвать уваженіе къ мѣсту присутствія коллегіи, пріучить къ серьезному взгляду на веденіе государственнаго дѣла. Стремленіе пріучить, заставить служащихъ относиться къ дѣлу добросовѣстно,

безкорыстно, обдуманно съ подчиненіемъ закону, проходитъ красною нитью черезъ всѣ указы Петра въ столь богатое законодательными актами время 1716—1725 гг.; всѣ органы, учреждаемые Петромъ въ теченіе этого періода, должны были быть представителями этой идеи: ревизоръ*), оберъ-фискалъ, генералъ-прокуроръ. Это стремленіе руководило Петромъ при исключеніи большинства президентовъ изъ Сената; оно побудило его строжайшимъ образомъ слѣдить за тѣмъ, чтобы все дѣлопроизводство Сената и коллегій было письменное, дабы дѣятельность каждаго члена присутственнаго мѣста оставляло по себѣ слѣды въ журналахъ и протоколахъ.

Стремленіе предсѣдателей коллегій взять верхъ надъ своими сочленами встрѣчено гнѣвомъ царя; желаніе сократить время засѣданія въ присутствіи, заниматься дѣломъ на дому, рѣшать дѣло съ глазу на глазъ съ заинтересованными лицами, вызываетъ грозные указы. „Господа Сенатъ, объявляю Вамъ, пишетъ царь 9 мая 1719 г., понеже коллегіи нынѣ устроены для того, дабы каждая съ совѣту и приговору всѣхъ своей коллегіи дѣлала, того ради подтверждается симъ указомъ, дабы президенты никакихъ дѣлъ ни указовъ одни не дѣлали и не подписывали, но всѣ въ коллегіи будучи, развѣ кого за болѣзнью не будетъ, то дѣлать и безъ того, кто боленъ, а въ важныхъ дѣлахъ для подписки посылать къ нимъ на дворъ“.

§ 37. Да, дѣлопроизводство петровскихъ коллегій было бумажное дѣлопроизводство! Но не ради накопленія груды исписанной бумаги—перо и чернила получили такое значеніе и пользовались такою милостью; протоколы должны были играть роль неподкупныхъ свидѣтелей дѣятельности каждаго слуги

---

*) См. объ учрежденіи должности ревизора интересныя объясненія въ цитир. нами сочиненіи Павлова-Сильванскаго, стр. 55.

государства, гарантіи исполненія законовъ. Самъ царь, Сенатъ, собиравшійся вмѣсто Его Величества персоны, подчинялись этому правилу.

„Понеже, сказано во II-ой главѣ Генеральнаго Регламента, всѣ государственныя коллегіи только подъ Е. Ц. В. особливымъ, такожъ и Правит. Сената, указами обрѣтаются“,... но всѣ указы Е. В. и Сената, т. е. всѣ тѣ, которые, какъ сказано въ толкованіи къ главѣ IV, „въ дѣйство производить“, надлежатъ быть письменные и заручениые, а не словесные. Въ предѣлахъ своей компетенціи, указанной и ограниченной регламентами, коллегіи могли рѣшать текущія дѣла, принимать мѣры для исполненія указовъ, но какъ скоро слѣдовало издать указъ, „который генерально и всѣмъ безъ исключенія предложенъ“, то ни коллегія, ни даже Сенатъ и Синодъ не были властны, за исключеніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, какъ сказано въ резолюціи 19 ноября 1722 г., на докладные пункты Синода.

Всѣ регламенты коллегіямъ начинаются съ вмѣненія имъ въ твердую, главную, святѣйшую обязанность строго держаться своихъ регламентовъ, въ точности исполнять всѣ указы и учрежденія и всякія дѣла, которыя входятъ въ ихъ кругъ вѣдомства, рѣшать безъ промедленія, безъ богоненавистной корысти и пристрастія. Именной указъ 22 декабря 1718 г. возвѣщалъ народу о коренныхъ началахъ реформы слѣдующими словами: „нынѣ управя войско, милосердуя Е. В. о народѣ и о земскомъ*) справедливомъ правленіи не изволилъ пренебречь, но трудится и сіе въ такой же добрый порядокъ привесть, какъ и воинское дѣло, чего ради учинены коллегіи, т. е. собраніе многихъ персонъ (вмѣсто приказовъ), въ которыхъ президентъ или предсѣдатель, не

---

*) Здѣсь слово „земское“ имѣть опять новый смыслъ, означая „гражданское“.

такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали что хотѣли. Въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ своихъ ничего учинить. Также и прочія обязательства великія суть, что отнимаютъ старыя поползновенія дѣлать, какъ о томъ вскорѣ Регламенты или Уставы будутъ публикованы и всѣхъ коллегій должности для веденія сего полезнаго дѣла народу".

Намъ всѣ эти обѣщанія кажутся малосодержательными, неопредѣленными; неужели начала провозглашенныя Петромъ, были новы для Руси? Повидимому, да! Стоитъ припомнить столь наивное, столь характеристичное для того времени, письмо Меньшикова, въ которомъ онъ извиняется въ малыхъ грабежахъ, или отношеніе Сената къ дѣлу Шафирова. Петру пришлось объяснить Меньшикову: „Что Ваша милость пишетъ о сихъ грабежахъ, что эта бездѣлица, а то не есть бездѣлица, ибо интересъ тѣмъ теряется въ озлобленіи жителей"... и въ указѣ по дѣлу Шафирова царь опять долженъ напомнить высшимъ сановникамъ имперіи, что неисполненіе закона хуже измѣны, потому что ведетъ къ уничтоженію всякой дисциплины въ подчиненныхъ, къ разоренію людей, къ паденію государства!

§ 38. Но могло ли учрежденіе коллегій, на которое Петръ смотрѣлъ, какъ на средство къ установленію закономѣрнаго управленія — быть дѣйствительно факторомъ законности въ то время, когда неясно было даже понятіе „законъ", когда существовало только смутное предположеніе о томъ, что не всякое велѣніе власти есть законъ? Должно признать, что и этотъ недостатокъ государственнаго строя того времени чувствовался и сознавался великимъ реформаторомъ. Конечно, той ясности относительно понятій „законъ" и „административное распоряженіе", до котораго дошла современная наука, мы отъ него ожидать не можемъ, *но первые шаги къ созданію прочнаго административнаго права* сдѣланы при немъ, отчасти предше-

ствуя учрежденію коллегій, отчасти они стоятъ въ связи съ этой реформой. Уже и то много, что прекратилось полное смѣшеніе понятій частно-правовыхъ и публично-правовыхъ, смѣшеніе органовъ вотчиннаго управленія и управленія государственнаго, безъ чего невозможно развиться понятіямъ „законъ и административное распоряженіе"; уже и то много, что Петръ рѣшился основать реформированную администрацію не на временныхъ наказахъ, или спеціальныхъ указахъ, случайныхъ приговорахъ боярской думы, какъ было въ московское время, а на постоянныхъ организаціонныхъ законахъ, каковыми являются „Генеральный регламентъ", отдѣльные регламенты и инструкціи органамъ мѣстнаго управленія, которые именно какъ законы постоянные, рѣзко отличаются отъ указовъ простыхъ, содержащихъ въ себѣ разрѣшеніе спеціальнаго вопроса, или предписаніе спеціальной мѣры. Одинъ изъ новѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ русскихъ публицистовъ, проф. Коркуновъ, говоритъ въ извѣстномъ соч. „Указъ и Законъ" (стр. 309): „петровская реформа не изгладила въ сознаніи общества и самого правительства представленіе о законѣ, объ уложеніи, какъ о чемъ то существенно отличающемся отъ простого указа.

Все управленіе государствомъ опредѣляется указами, но въ такомъ порядкѣ само правительство видитъ нѣчто временное, переходное; правительство не разъ заявляетъ о своемъ намѣреніи издать современемъ новое уложеніе взамѣнъ стараго соборнаго уложенія и новоуказныхъ статей. Для изданія уложенія считался необходимымъ особый порядокъ, существенно отличный отъ порядка изданія указовъ". Съ этимъ мнѣніемъ, согласно которому уложенію, какъ чему то постоянному, противопоставляется масса указовъ безъ всякаго разбора, какъ нѣчто временное, переходное, нельзя согласиться безусловно. Внимательно изучая Полное Собраніе Законовъ, а также и обращая вниманіе на тѣ указы, кото-

рые не вошли въ Полное Собраніе Законовъ, мы видимъ, что различались три вида велѣній власти: Уложеніе, съ относящимися къ нему въ качествѣ дополненія новоуказными статьями, регламенты или уставы и Учрежденія, какъ совокупность нормъ, опредѣляющихъ административную организацію государства и, наконецъ, указы, которые опять различались какъ по содержанію, такъ и по источнику своего происхожденія, и по власти, ихъ издающей.

Именной указъ 29 апрѣля 1721 года „о раздѣленіи указовъ на временные и къ всегдашнему наблюденію издаваемые и о напечатаніи послѣднихъ"—гласитъ:

„Указы всѣ за Нашею подписью разбирать на двое: которые временные въ особливую книгу, а которые въ постановленіе какого дѣла то припечатывать, а именно что подлежитъ до коллегіи, то въ регламентъ коллегіи, а что къ Уставу или къ артикуламъ и прочимъ дѣламъ въ регламентъ, и не на время, то оное припечатывать на всѣ годы къ онымъ книгамъ".

Можно привести еще цѣлый рядъ указовъ петровскаго времени, въ которыхъ царь предписываетъ различать указы по дѣламъ генеральнымъ, или вѣчные, отъ указовъ временныхъ, сепаратныхъ, подтвердительныхъ и партикулярныхъ. Наконецъ и форма изданія указовъ далеко не одна и та же.

Почти всѣ указы по „дѣламъ генеральнымъ" или такъ назыв. вѣчные издаются государемъ изъ Сената или изъ коллегіи, или въ исключительныхъ случаяхъ за подписью всѣхъ членовъ Сената или Синода; временные, сепаратные, или партикулярные напротивъ, издаются или царемъ однимъ безъ выслушанія Сената и Коллегій, или однимъ Сенатомъ, или одной коллегіей. Но за коллегіями не признавалось неограниченнаго права издавать временные или партикулярные указы. Разъ такъ назыв. временный указъ касался денежныхъ сборовъ, повинностей, или въ силу его налагались на поддан-

ныхъ какія-либо обязанности, или ограниченіе ихъ правъ и свободы, то, какъ видно изъ Высочайшей резолюціи 12-го января 1720 г. и изъ гл. X Регламента Главнаго Магистрата, требовалась аппробація государя или всего Сената въ полномъ составѣ......

§ 39. Итакъ, вся вторая половина эпохи реформъ, эпохи, центромъ которой является реорганизація центральныхъ административныхъ учрежденій, была проникнута идеей водворенія закономѣрности въ управленіи, идеей лежавшей въ основѣ учрежденій коллегіальныхъ.

Современники Петра свидѣтельствуютъ, что они учились у него „благородному безстрашію и правдѣ". Благородное безстрашное служеніе правдѣ въ политически организованномъ обществѣ, въ государствѣ, должно выражаться и въ непоколебимомъ уваженіи передъ закономъ, въ служеніи идеѣ законности. Петръ сознавалъ, что въ особенности самодержавное государство должно жить на основѣ законовъ, что самодержавіе только тогда истина, а не призракъ, не пустая вывѣска надъ зданіемъ олигархіи, если воля самодержца, выраженная въ законѣ есть безусловно обязательная норма для вельможъ равно, какъ и для послѣдняго нищаго на большой дорогѣ!

Петръ посѣялъ идею законности, но жатвы не видѣлъ! Сила повседневныхъ привычекъ лишила генія большей части результатовъ его труда. Онъ зналъ и предвидѣлъ это. „Нѣкоторый дворянинъ, говорилъ царь своимъ приближеннымъ, желалъ въ деревнѣ у себя мельницу построить, а не имѣлъ воды. И видя у сосѣдей озера и болота, имѣющія воды довольство, немедленно началъ по согласію оныхъ каналъ копать и на мельницу припасъ доставлять, котораго хотя при себѣ въ совершенство привести не могъ, но дѣти, сожалѣя иждевенія родителя ихъ, по нуждѣ принялись и совершили".

Но стремясь обосновать реформированную администрацію

на началѣ закономѣрности, Петръ понималъ закономѣрность сообразно съ духомъ своего времени—весьма узко. Онъ не признавалъ ограниченія государственной власти какими-либо правами подданныхъ. Дѣйствовать закономѣрно, значило исполнять въ точности, безъ оглядки, регламенты, инструкціи указы, не обращая вниманія ни на какія родственныя связи, интересы частные, сословные. Самостоятельной сферы частной самодѣятельности, независимой отъ государственнаго вмѣшательства, Петръ не зналъ и знать не хотѣлъ. Холопство московскаго времени онъ презиралъ, но холоповъ онъ превратилъ не въ гражданъ, а въ школьниковъ и подмастерьевъ, все государство въ школу и мастерскую, гдѣ всѣ—отъ перваго до послѣдняго—должны были дѣйствовать по точному указанію правилъ, въ изобиліи данныхъ великимъ, неутомимымъ учителемъ и мастеромъ на всякое дѣло, начиная съ сочиненія регламентовъ, постройки городовъ и кораблей и кончая выдѣлкою гвоздей и стрижкой овецъ. Вся политика внутренняго управленія Петра Великаго охарактеризована въ трехъ изъ его изреченій, оправдывающихъ жестокость его мѣръ, доказывающихъ необходимость опеки надъ всѣмъ и всѣми и возводящихъ полицейское всемогущество въ полную теорію.

Первое изреченіе Петра гласитъ: „Съ другими европейскими народами можно достигать цѣли человѣколюбивыми способами, а съ русскими не такъ: если бъ я не употреблялъ строгости, то бы уже давно не владѣлъ русскимъ государствомъ и никогда не сдѣлалъ бы его таковымъ, каково оно теперь. Я имѣю дѣло не съ людьми, а съ животными, которыхъ хочу передѣлать въ людей“.

Второе изреченіе гласитъ: „Нашъ народъ, яко дѣти, не ученія рады, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не принуждены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но, когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ“.

Третье изреченіе—слѣдующее знаменитое мѣсто въ регламентѣ Главному Магистрату 1721 года: „Полиція добрые порядки рождаетъ, всѣмъ безопасность подаетъ, непорядочное и непотребное житіе отгоняетъ, предостерегаетъ болѣзни, призираетъ нищихъ и увѣчныхъ, воспитываетъ юныхъ;.... *полиція—душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ, фундаментальный подпоръ человѣческой удобности и безопасности*" (П. С. З. № 3708, X).

Управленіе, основанное на принципѣ точнаго и безпрекословнаго, пассивнаго исполненія законовъ, на безпощадной жестокости по отношенію ко всякому сопротивленію, будь его источникъ тупоуміе, невѣжество, суевѣріе, или сознательная вражда, на вездѣсущемъ вмѣшательствѣ и на беззавѣтной вѣрѣ въ благодѣянія этого вмѣшательства—должно было видѣть средство къ достиженію цѣли неукоснительнаго служенія исключительно государственнымъ задачамъ не въ судебной отвѣтственности должностныхъ лицъ, и самозащитѣ частными лицами ихъ интересовъ въ случаѣ предъявленія къ нимъ незаконныхъ требованій, а въ сложной системѣ явнаго и тайнаго надзора надъ всѣми и надъ всѣмъ—надъ „господами Сенатъ", надъ коллегіями, надъ захудалымъ помѣщикомъ, надъ его бѣднѣйшимъ мужикомъ, надъ переводомъ книгъ, писаніемъ писемъ, равно какъ надъ тканіемъ полотна.

§ 40. Удѣльно-вѣчевая Русь основывалась на двоевластіи, Москва долго сохраняла дуализмъ государева и земскаго дѣла; Петровская Русь знала только государственное дѣло. Все, что дѣлалъ народъ, все, что совершалось въ государствѣ,—было частью государственнаго „домостроительства". Надзоръ за домочадцами всѣхъ сословій былъ порученъ командѣ надзирателей: духовныхъ—съ Синодомъ во главѣ, явныхъ свѣтскихъ — генералъ-прокурору и подчиненнымъ ему прокурорамъ, свѣтскихъ негласныхъ—оберъ фискалу и всей плеядѣ фискаловъ; наконецъ, за ними всѣми стоялъ страшный приказъ

Преображенскій, преемникъ приказа тайныхъ дѣлъ и достойное звено въ цѣпи тайно дѣйствовавшихъ, дневного свѣта боявшихся, органовъ негласной государственной полиціи, которымъ положенъ конецъ въ 1880 г.

Самой рельефной, характерной чертой этого идеальнаго, съ извѣстной точки зрѣнія, полицейскаго государства Петра Великаго,—была организація фискалата и прокуратуры. Фискалы появились вмѣстѣ съ учрежденіемъ Сената*).

Болѣе свѣтлый, симпатичный характеръ носитъ учрежденіе прокуратуры, съ генералъ-прокуроромъ во главѣ (предшественникъ этого должностного лица были—генеральный ревизоръ и штабъ-офицеръ, посаженные въ Сенатъ для охраны законностя)**).

---

*) Уже изъ этого хронологическаго факта слѣдуетъ, что это учрежденіе не заимствовано изъ Швеціи. Въ 1711 г., какъ замѣчено выше, Петръ не имѣлъ данныхъ о шведскихъ учрежденіяхъ. Притомъ нужно замѣтить, что шведскій государственный фискалъ и подчиненные ему фискалы были органами явнаго надзора за служащими и защитниками казеннаго интереса передъ судомъ, а не тайными надзирателями. Институтъ фискаловъ введенъ Петромъ не по совѣту Лейбница, какъ разсказываютъ, а по всей вѣроятности подъ вліяніемъ организованной въ Пруссіи системы фискальнаго надзора. Организація этого института въ Пруссіи совершена въ царствованіе короля Фридриха I-го, союзника Петра. Свѣдѣнія о должности фискаловъ были доставлены Петру барономъ Гейсеномъ, который, конечно, не могъ посѣтить Швеціи. Главный фискалъ на все государство назывался оберъ-фискаломъ. На немъ лежала обязанность тайно надсматривать и провѣрять, нѣтъ ли упущеній и злоупотребленій въ сборѣ казны, не дѣлается ли гдѣ неправый судъ, и за кѣмъ замѣтитъ неправду, хотя бы и за знатнымъ лицамъ, долженъ объявить передъ Сенатомъ: если доносъ окажется справедливымъ, то одна половина штрафа, взыскиваемаго съ виновнаго, шла въ казну, а другая поступала въ пользу оберъ-фискала за открытіе злоупотребленія. Оберъ-фискалу были подчинены провинціалъ-фискалы. Весь этотъ сонмъ фискаловъ долженъ былъ надъ всѣмъ надсматривать, и всѣ жители должны были всячески имъ содѣйствовать,—всѣ, ради собственной пользы, приглашались къ доносничеству.

**) Мысль объ учрежденіи должности ревизора при Сенатѣ для контроля надъ администраціей заимствована была Петромъ, говоритъ г. Павловъ-Сильванскій, стр. 55, какъ кажется, изъ „пзъявленій прибыточныхъ государству“ (соч. Салтыкова). Въ этомъ насъ убѣждаетъ особенно то, что указъ о генеральномъ ревизорѣ объявленъ былъ въ концѣ 1715 г., въ то время, когда

Собственноручный указъ, данный этимъ воинственнымъ прокурорамъ, гласитъ: „смотрите, дабы указы не только что на письмѣ были сдѣланы, но чтобы экзекуція на всѣ указы, какъ возможность допуститъ, чинена была“.

§ 41. Учрежденіе должности генералъ-прокурора—этого вѣнца административной системы Петра Великаго, должности, которой было суждено сыграть такую важную роль въ русскомъ управленіи 18-го столѣтія и подъ конецъ стать орудіемъ замѣны коллегіальной системы,—министерской,—какъ и вся система коллегій, не была копіей съ какого-либо иностраннаго учрежденія, а результатомъ продолжительнаго, сравнительнаго изученія подходящихъ по характеру иноземныхъ учрежденій и долгаго размышленія надъ ними Петра.

Главнымъ матеріаломъ для Петра служили, повидимому, работы Зотова о должности генералъ прокурора во Франціи и донесенія Фика о должности, учрежденной въ Швеціи Карломъ XII-ымъ подъ именемъ: „Высшаго уполномоченнаго короля“ (högste ombudsman).

Генералъ-прокуроръ и всѣ прокуроры въ коллегіяхъ и въ мѣстности должны быть стражами закона, ихъ глава—генералъ прокуроръ—„яко око государя и стряпчій о дѣлахъ государевыхъ“ *).

Петръ сдѣлалъ нѣсколько распоряженій по проектамъ Салтыкова. Два пункта указа прямо совпадаютъ съ нѣкоторыми пунктами проекта Салтыкова объ „учиненіи чина регента государственнаго“. Подобно генералъ-ревизору, регентъ долженъ „имѣть сидѣніе въ Сенатѣ“ и смотрѣть, какіе указы во всемъ государствѣ сдѣланы и какіе не исполнены и почему; о неисполненныхъ указахъ регентъ доноситъ Сенату. Главная обязанность генеральнаго ревизора состояла также, по мысли законодателя, въ надзорѣ не за Сенатомъ (къ чему эта должность свелась на практикѣ), но за управленіемъ вообще, онъ есть надзиратель указовъ, дабы все исполнено было“.

*) „По бумагамъ, хранящимся въ дѣлахъ кабинета Петра Великаго, говоритъ Павловъ-Сильванскій стр. 76, можно прослѣдить всю его личную работу въ дѣлѣ выработки закона о генералѣ-прокурорѣ; четыре раза проектъ закона переписывался канцеляристами кабинета и каждый разъ испещрялся новыми собственноручными поправками Петра. 17 января 1722 г. Петръ въ Преображенскомъ подписалъ инструкцію и вручилъ ее генералъ-прокурору Ягу-

Организованное такимъ образомъ Петромъ, управленіе имѣло почти необъятную компетенцію. Всѣ стороны общественной и частной жизни были подвергнуты строжайшей регламентаціи. Съ бритья бородъ и обрѣзыванія кафтановъ Петръ началъ, занялся организаціей школъ (хотя неуспѣшно), организаціей промышленности и торговли по принципамъ меркантильной политики, вмѣшивался въ мельчайшія подробности сельскаго хозяйства, и дошелъ до обязательнаго установленія ассамблей и прогулокъ на лодкахъ по Невѣ и по Финскому заливу. Даже общественныя удовольствія сдѣлались „государевымъ дѣломъ“.... Но, подчиняясь предразсудкамъ своего времени, подражая западнымъ государямъ въ крайностяхъ полицейской регламентаціи, онъ въ одномъ отношеніи стоялъ неизмѣримо выше ихъ,—и выше своихъ преемниковъ и преемницъ вплоть до Екатерины II. Все, что онъ дѣлалъ—онъ совершалъ не ради династическихъ цѣлей, не ради славы своей или ради собственной забавы, а во имя идеала, до котораго желалъ онъ довести свой народъ. Никогда еще государственное начало не проявлялось съ такою силой, съ такой ясностью, какъ въ этомъ неограниченномъ монархѣ, для котораго самодержавіе не было самостоятельнымъ понятіемъ, а только великимъ орудіемъ службы,—неутомимой, безпрерывной. Нельзя лучше выразить громадный шагъ

жинскому; черезъ три мѣсяца онъ беретъ назадъ эту инструкцію для новыхъ поправокъ; статья 11-я существеннымъ образомъ передѣлывается, въ другія вносятся незначительныя поправки; прежде чѣмъ инструкція была вновь утверждена государемъ 27 апрѣля 1722 г., она снова три раза переписывалась въ кабинетѣ вслѣдствіе все новыхъ и новыхъ собственноручныхъ поправокъ Петра Великаго. Изъ проэкта, составленнаго К. Зотовымъ, или кѣмъ другимъ пользовавшимся письмомъ Зотова, Петръ взялъ одну только первую статью закона, которая возлагала на генералъ-прокурора обязанность „смотрѣть накрѣпко, дабы Сенатъ свою должность хранилъ—всѣ дѣла по регламентамъ и указамъ, безъ потерянія времени, отправлялъ“, указывать Сенату на допущенныя имъ нарушенія законовъ, требовать исправленія незаконныхъ рѣшеній и, въ случаѣ непослушанія сенаторовъ, протестовать и доносить государю, а также записывать въ книги всѣ указы Сената и исполненія по указамъ“.

впередъ, сдѣланный въ развитіи понятія государственной власти въ эпоху Петра, сравнительно со временемъ царей такъ называемой „самобытной“ Москвы, какъ сопоставить одно мѣсто въ письмѣ Іоанна Грознаго къ Курбскому съ приказомъ Петра передъ Полтавскимъ сраженіемъ. Иванъ Грозный, вспоминая о самомъ славномъ дѣлѣ своего царствованія, о взятіи Казани, упрекаетъ Курбскаго въ томъ, что онъ и его товарищи принудили царя къ участію въ походѣ, и пишетъ „Вы меня, какъ плѣнника, посадивши на судно, повезли сквозь безбожную и невѣрную землю. Если бы не всемогущая десница Божія защитила мое смиреніе, то я бы непремѣнно лишился жизни“. Приказъ же Петра гласитъ:.... „вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное.... а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія, слава, честь и благосостояніе ея“...*).

§ 42. Послѣ смерти Петра, при его преемникахъ и преемницахъ—до Екатерины Великой, это государственное начало въ управленіи совершенно угасло. Самодержавіе существовало только ради самого себя; его органы сдѣлались слугами придворныхъ партій, государственныя должности, высшихъ и низшихъ степеней, мѣстами кормленія, замѣщаемыми—формально по табели о рангахъ Петра, фактически подъ диктовку фаворитовъ и фаворитокъ, ихъ приближенныхъ и друзей. Судьба Петровскихъ учрежденій изложена въ каждомъ курсѣ исторіи Русскаго права. Извѣстно, что Сенатъ былъ униженъ при Екатеринѣ І-ой и Петрѣ II,—благодаря учрежденію Верховнаго Тайнаго Совѣта, высшаго и фактически единственнаго руководителя управленіемъ; что коллегіи, особенно тѣ, въ которыхъ засѣдали близкіе къ вре-

---

*) Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одну черту Петровской организаціи управленія, сравнительно съ Московской. Въ Москвѣ чуть не половина приказовъ служила цѣлямъ дворцоваго управленія. Петръ не учредилъ ни одной коллегіи дворцоваго управленія!...

меньщикамъ люди,—эмансипировались отъ сенатскаго контроля; что упразднена была, хотя временно, должность генералъ-прокурора; что мѣстныя учрежденія петровскаго времени измѣнили свой характеръ—воевода и воеводскія канцеляріи сдѣлались опять всесильными вершителями судебъ мѣстности; что то немногое, что сдѣлано въ пользу отдѣленія суда отъ администраціи опять уничтожено, что незначительныя попытки къ установленію самостоятельности городскихъ сословныхъ учрежденій парализованы подчиненіемъ магистратовъ—воеводамъ и упраздненіемъ главнаго магистрата,- что, наконецъ,—отчасти благодаря мѣрамъ Петра Великаго (ревизія 1719 и установленіе подушной подати), но вопреки его намѣреніямъ,—узелъ крѣпостного права стягивался все туже и туже. Часто было высказано воззрѣніе, что установленіе почти безграничной помѣщичьей власти обезпечивало государству десятки тысячъ даровыхъ полицейскихъ органовъ. Вѣрнѣе, что крѣпостное право сузило сферу государственной администраціи въ узкія рамки управленія финансами, войскомъ, иностранными сношеніями и заботою о нуждахъ только 1/30 населенія, привиллегированныхъ сословій, въ крайнемъ случаѣ попеченіемъ о потребностяхъ мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ, не бывшихъ крѣпостными, но оставшихся „подлыми". О мужикѣ крѣпостномъ, о земледѣльцѣ, государство заботилось только тогда, когда онъ попадалъ въ рекруты, или въ застѣнокъ тайной канцеляріи. Опять, слѣдовательно, появился дуализмъ; но не земщина противополагалась государеву дѣлу, а совокупность помѣщичьихъ вотчинъ и ихъ крѣпостное населеніе.

Зачатки законности и административнаго права, внесенные въ государственный строй Россіи Петромъ Великимъ, изчезли; имъ не было мѣста въ государствѣ, въ которомъ властвовали Меньшиковы, Долгорукіе, Ушаковы и Биронъ*).

*) Бернгарди въ своей Исторіи Россіи и европейской политики (Geschich-

Отсутствіе въ государственной жизни всякаго уваженія къ закону *), безчисленные случаи нарушенія закона, безнаказаннаго разъ оно совершалось сильнымъ человѣкомъ или его слугами,—уничтожили всякую увѣренность въ возможность мирной, безопасной жизни, и ясно, что всѣ мѣры, принимавшіяся правительствомъ для поднятія народнаго благосостоянія, или для борьбы съ особенно опасными обществу элементами, встрѣчались или недовѣріемъ или тупымъ бездѣйствіемъ коснаго населенія. Масса указовъ, изданныхъ въ эпоху 1725—1741 гг. для регулированія торговли и промышленности (въ

---

te Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814—1831, II, 2 стр. 126). указываетъ на роковое значеніе попытки верховниковъ ограничить самодержавную власть извѣстными „кондиціями".

„Von ihrem (Annas) Regierungs Antritt an wurde dis Selbstherrschaft in Russland ihr eigener Zweck, die Erhaltung ihrer selbst die eigentliche Anfgabe der unbeschränkten Macht. Alles Andere wurde Nebensache. Und das ist der Character der Regierung Russlands geblieben bis auf die Zeit Alexanders 1 herab. Die Regierung Katharinas II macht keineswegs eine Ausnahme; auch für sie war sich selbst in ungeschmälerter Macht auf dem Throne zu behaupten die eigentliche Aufgabe. Was sie nebenher that Gesittung oder den Schein der Gesittung in Russland zu fördern—das geschah nicht der Sache wegen; es geschah zur Verherrlichung ihrer eigenen Person und war am Ende auch ein klugberechnetes Mittel der Selbserhaltung".

Въ отношеніи Екатерины II здѣсь, конечно, только доля правды. Шаткость ея правъ на престолъ обусловливала только недостатокъ энергіи въ проведеніи задуманныхъ ею реформъ. Во всякомъ случаѣ, грустныя, кровавыя событія русской исторіи 18 вѣка доказываютъ неизмѣримую важность для государственнаго управленія—твердаго порядка престолонаслѣдія и укоренившейся династіи, другими словами—служатъ лучшей иллюстраціей громаднаго значенія великаго акта 5 апрѣля 1797 г. не только для государственнаго устройства, но и для государственнаго управленія.

*) Въ дѣлопроизводствѣ была страшная путаница: приказные позволяли себѣ дѣлать подчистки, прибавки и убавленія въ приходо-расходныхъ и крѣпостныхъ книгахъ, въ народѣ ходили даже фальшивые высочайшіе указы, при повальной безграмотности во всѣхъ слояхъ общества не трудно было грамотнымъ плутамъ обманывать темный народъ.

Въ видахъ охраненія общества отъ такихъ обмановъ, въ 1735 году указано было считать подлинными высочайшими указами только такіе, на которыхъ окажется подпись императрицы и трехъ ея кабинетъ—министровъ.—(Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ I, 168).

особенности горной и лѣсной), въ большинствѣ случаевъ оставались неисполненными; организація городской полиціи, предпринятая по почину принца Гессенъ-Гомбургскаго, какихъ-либо благопріятныхъ послѣдствій не имѣла, за недостаткомъ подходящаго личнаго матеріала для замѣщенія должностей. Изслѣдованія Соловьева, Костомарова, Дитятина доказали, что русскій городъ въ первую половину 18-го столѣтія не зналъ элементарнѣйшихъ условій благоустройства! А въ селахъ было, можетъ быть, меньше смраду, но столь же много беззаконія.

§ 43. При Елизаветѣ Петровнѣ замѣчаются въ управленіи проблески къ лучшему. Возстановлены петровскія учрежденія въ центрѣ и отчасти въ мѣстности. Сенатъ съ генералъ-прокуроромъ становится верховнымъ и почти неограниченнымъ руководителемъ всей администраціи. Сама верховная власть возложила на Сенатъ обязанность возстановить порядокъ во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія. Въ манифестѣ 1761 года Императрица Елизавета Петровна говоритъ: „Сенату нашему, какъ первому государственному мѣсту, по своей должности и по данной власти давно бы надлежало истребить многіе по подчиненнымъ ему мѣстамъ безпорядки.... Повелѣваемъ симъ нашему Сенату, какъ истиннымъ дѣтямъ отечества, воображая долгъ Богу, государству и законамъ Государя Императора, нашего любезнѣйшаго родителя, которые мы во всемъ свято почитаемъ, всѣ свои силы и старанія употребить къ возстановленію народнаго благосостоянія". Вычисляя предметы, на которые Сенатъ долженъ обратить свое вниманіе, Императрица не пропускаетъ ни одного изъ важныхъ государственныхъ вопросовъ. Судъ, казенные интересы, вообще финансы, народное благосостояніе, рекрутскіе наборы, соляное и винное управленіе, мѣстное управленіе, монетное дѣло, все входитъ въ эту программу. Съ новыми усиліями долженъ былъ приняться онъ за дѣ-

ло, которое онъ велъ уже слишкомъ двадцать лѣтъ (ср. Градовскій. Высшая администрація Россіи XVIII в. и генералъ-прокуроры, стр. 194). Но этотъ манифестъ, признающій столь ясно всеобъемлющую компетенцію Сената, не есть ли онъ вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельство неуспѣшности его дѣйствій? Сенатъ при всемъ своемъ желаніи не могъ исполнить удовлетворительно ни одной изъ возложенныхъ на него задачъ, ибо не имѣлъ въ своемъ распоряженіи надежныхъ органовъ. Все одна и таже причина препятствовала установленію правильнаго, дѣйствительнаго, не на бумагѣ только, управленія: беззаконіе, полное отсутствіе правового чувства въ обществѣ, а благодаря этому и въ служащихъ, которые вышли изъ его среды. Надъ управленіемъ царствованія Елизаветы Петровны, которое впослѣдствіи представлялось потомкамъ почему-то въ розовомъ свѣтѣ,—современники произнесли суровый приговоръ. Голландскій посланникъ Де-Свартъ пишетъ въ 1757 году: „Распущенность, безпорядокъ и произволъ въ Россіи достигли страшныхъ размѣровъ.... Никогда еще Россія не была въ столь запутанномъ, опасномъ, жалкомъ положеніи. Не осталось и тѣни отъ честности, чести, довѣрія, стыда, справедливости, замѣчается только неописываемое тщеславіе и расточительность, грозящія гибелью“....

Екатерина II-ая въ свою очередь, въ знаменитомъ „наставленіи генералъ-прокурору кн. Вяземскому даетъ слѣдующую характеристику сенатскаго управленія: „Всѣ мѣста и Сенатъ вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при немъ людей пристрастіями. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто издавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни,—однимъ словомъ—почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законныхъ преимуществахъ... Черезъ такія великія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли

въ столь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается: противъ сенатскихъ указовъ, есть ли оные не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а на послѣдокъ и къ намъ. Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное и добра увидѣть не можно, пока сей вредъ не пресѣчется; одна лишь форма канцелярская исполняется, а обдумать еще и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ часто интересъ государственный страждетъ.... Можетъ быть, что и для любочестія инымъ чинамъ прежніе порядки прелестны, однако же покамѣстъ я жива, то останется какъ долгъ велитъ.... Россійская имперія столь обширна, что кромѣ Самодержавнаго Государя, всякая другая форма правленія ей вредна". (П. С. З. № 12118).

§ 43. Екатерина, приступая къ обновленію государственнаго строя, въ особенности къ переустройству управленія съ помощью ряда широко задуманныхъ реформъ, какъ видно изъ только что цитированныхъ словъ ея, относилась безусловно отрицательно къ дѣламъ предшествовавшихъ ей царствованій и это отрицаніе доходило до того, что она не только рѣшилась ввести новыя учрежденія, но подготовить, какъ она выразилась, „новую породу" людей, новыхъ дѣятелей для преобразованнаго на гуманныхъ началахъ государства (ср. Генеральное Учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества. 1764 г.). Образовавшая свои политическія воззрѣнія при помощи сочиненій Монтескье, Беккаріа и энциклопедистовъ, Екатерина надѣялась ввести начало законности въ строй русской жизни, какъ начало, вытекающее изъ требованія разума *) и изъ природы неограниченной монархіи.

---

*) Дирекціонная коммиссія (въ составѣ Большой коммиссіи для составленія новаго уложенія) очень хорошо иллюстрировала эту исходную точку зрѣнія императрицы словами: „при сочиненіи хотя многое изъ старыхъ законовъ почерпаемо быть можетъ, но они правиломъ не служатъ. Нынѣ все по премудрымъ и никогда неопровергаемымъ правиламъ большого Наказа расположено

О законѣ и законности, какъ объ основныхъ принципахъ и стимулахъ государственной жизни, Екатерина говоритъ почти во всѣхъ крупныхъ законодательныхъ и правительственныхъ актахъ своего царствованія: въ особенности въ наставленіи губернаторамъ 1764 г., въ знаменитомъ Большомъ Наказѣ (ст. 38 и 39 въ особенности), въ манифестѣ 1766 г. о выборѣ депутатовъ, въ учрежденіи о губерніяхъ 1775 г., въ Уставѣ Благочинія 1782 г.. Основная мысль императрицы, повторяемая ею часто, заключается въ томъ, что всѣ учрежденія вообще суть хранилища законовъ. Осуществить великую мысль законности въ управленіи Екатерина думала приведеніемъ въ исполненіе, насколько это было возможно, идей Монтескье о раздѣленіи властей (въ Наказѣ Екатерина различаетъ власть законодательную, защитительную и совершительную). Предоставляя законодательную власть исключительно Самодержцу, Екатерина хотѣла поручить защитительную власть Сенату, какъ высшему контрольному мѣсту и суду, совершительная же власть должна находиться въ рукахъ подчиненныхъ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій, тѣхъ „малыхъ протоковъ“, благодаря которымъ власть Самодержца получаетъ свое осуществленіе, согласно съ основными законами и въ предѣлахъ полномочій имъ данныхъ (§ 28 Наказа).

Это раздѣленіе властей, конечно, не осуществилось, да и не могло осуществиться, пока государство управлялось не на основаніи какихъ-либо постоянныхъ законовъ (регламенты Петра Великаго, по словамъ Екатерины, были забыты, да и успѣли устарѣть), а на основаніи необозримой массы указовъ, письменныхъ и устныхъ, объявляемыхъ*).

быть должно. Почему и нѣтъ другого зерцала, какъ, во-первыхъ, Наказъ, а потомъ здравый разсудокъ, любовь къ отечеству и должная благодарность къ строительницѣ блаженства нашего“.

*) Какъ видно изъ наставленія Екатерины II, даннаго частной коммиссіи

§ 44. Императрица не только оставила за собой законодательство и верховное руководство управленіемъ, но фактически, подобно Петру (хотя и безъ его желѣзной энергіи) управляла сама, непосредственно или при посредствѣ своихъ довѣренныхъ лицъ, игравшихъ роль министровъ, общегосударственныхъ (какъ генералъ-прокуроръ) или мѣстныхъ (намѣстники вродѣ Мельгунова, Сиверса, Рѣпнина и др.). Принято говорить, что Екатерина, даровавшая Россіи въ 1775 г. знаменитое учрежденіе о губерніяхъ, ввела въ Россіи децентрализацію, закрывъ часть коллегій и перенесши ихъ въ губерніи подъ видомъ намѣстническихъ или губернскихъ правленій и казенныхъ палатъ, поднявъ значеніе губернаторовъ, призвавъ къ дѣятельному участію въ управленіи дворянство, и наконецъ, учредивъ должность намѣстниковъ.—Но этотъ взглядъ крайне ошибоченъ. Фактически, царствованіе Екатерины, наравнѣ съ царствованіемъ Петра Великаго и Николая I, было верхомъ централизаціи, было личнымъ управленіемъ въ полномъ смыслѣ.

Въ 1767 году Екатерина учредила Совѣтъ при Высочайшемъ дворѣ, учрежденіе не только законодательное, но и высшее административное. Въ его составъ вошли: вице-канцлеръ, всѣ ближайшіе совѣтники императрицы, фактически игравшіе роль настоящихъ министровъ; генералъ-прокуроръ, петербургскій генералъ-губернаторъ. Здѣсь обсуждались и рѣшались всѣ важные вопросы государственнаго управленія;

„о порядкѣ государства въ силѣ общаго права“, 1768 г., законодательница считала крайне необходимымъ при кодификаціонныхъ работахъ выдѣлить въ особую группу учрежденіе правительствъ, учрежденныхъ ради „уравненія государственнаго строительства съ частями онаго“, т. е. такъ называемое камерное управленіе и правительства, цѣль которыхъ состоитъ въ „устроеніи полезнаго“, или „въ полиціи благосостоянія“, ср. Лаппо-Данилевскій—„Собраніе и Сводъ законовъ Россійской имперіи, составленные въ царствованіе императрицы Екатерины II“. Глава вторая. Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ. 1897 г. Мартъ стр. 158.

мнѣнія Сената относительно вопросовъ государственнаго управленія и законодательства никто не спрашивалъ. Въ важнѣйшихъ случаяхъ дѣла не передавались на его обсужденіе и подачу мнѣнія, но просто рѣшались именными высочайшими указами. На долю Сената выпадалъ только трудъ изданія указовъ подчиненнымъ мѣстамъ объ исполненіи рѣшеній императрицы. Конечно, этотъ новый центральный органъ (Совѣтъ) незамедлилъ вступить въ непосредственныя сношенія съ сохранившимися коллегіями и съ намѣстниками (послѣ 1775 г.). Сенатъ превратился фактически въ высшее судебное мѣсто (если не считать его значенія какъ хранителя закона, остававшагося на бумагѣ). Всѣ нити управленія стекались въ Совѣтъ, гдѣ предсѣдательствовала Екатерина. Совѣтъ былъ орудіемъ послѣдовательно проведенной централизаціи.

Это положеніе дѣль нисколько не измѣнилось въ 1775 году, когда Екатерина издала учрежденіе о губерніяхъ, единственный практическій результатъ дѣятельности Большой коммиссіи 1767 года или вѣрнѣе, плодъ ознакомленія съ нуждами мѣстности, обрисованными въ наказахъ депутатовъ.

Выше мы говорили о томъ, что Петру Великому не удалось организовать удовлетворительно мѣстное управленіе. Преемники и преемницы его это дѣло нисколько не подвинули; напротивъ, они разрушили и то немногое, что было имъ сдѣлано. Мѣстное Управленіе въ эпоху 1725—1775 представляло собою полный хаосъ. Петръ возложилъ заботу о безопасности и благоустройствѣ въ городахъ на магистраты, подъ общимъ руководствомъ главнаго магистрата; въ селахъ единственнымъ органомъ полиціи были de facto помѣщики.

Въ эпоху полновластія Меньшикова главный магистратъ былъ упраздненъ; города со всѣмъ городскимъ сословіемъ подчинены произволу воеводъ, которые подчинили себѣ и все

мѣстное финансовое управленіе. Благодаря этому, конечно, все мѣстное управленіе упростилось, но это упрощеніе привело къ тому, что въ мѣстности фактически не было ни законовъ, ни какихъ другихъ правилъ, кромѣ произвола губернаторовъ и воеводъ, рѣшавшихъ все по своему усмотрѣнію и не допускавшихъ никакихъ жалобъ на себя. Власть этихъ господъ, въ большинствѣ случаевъ отставныхъ офицеровъ и генераловъ, не получившихъ почти никакого образованія, обнимала и земскую и городскую полицію, и финансы, и судъ,—гражданскій и уголовный,—и торговое судопроизводство; какого-либо контроля надъ ихъ дѣятельностью не существовало.

Губерніи и провинціи были почти всѣ громадныхъ размѣровъ и повсюду находились районы, куда никакой начальническій глазъ не заглядывалъ и гдѣ все общежитіе покоилось на самыхъ рудиментарныхъ основахъ, если хотите—счастливые уголки въ великомъ государствѣ,—пока общій миръ не нарушался. Но когда надъ Россіей стряслась страшная бѣда, когда разразилось пугачевское возстаніе, то правительство со страхомъ убѣдилось, что хаотическое внутреннее мѣстное управленіе превратило Россію въ административную tabula rasa и все населеніе въ массу беззащитныхъ людей, тщетно искавшихъ охраны въ немногочисленныхъ малодушныхъ представителяхъ правительства. Послѣ усмиренія мятежа Екатерина энергично принялась за реорганизацію мѣстнаго управленія, на основаніи выработаннаго ею при содѣйствіи Сиверса учрежденія о губерніяхъ. Мотивы изданія этого знаменитаго акта*) указаны въ веденіи (П. С.

*) Объ учрежденіи 1775 года Градовскій въ своей диссертаціи „Высшая администрація 18 в. и т. д. стр. 225, говоритъ: „оно надолго останется памятникомъ широкихъ теоретическихъ взглядовъ, превосходной подготовки и глубокаго пониманія практической стороны дѣла и средствъ къ совершенію задуманнаго намѣренія“.

3. № 14392 „....что по великой обширности нѣкоторыхъ губерній, оныя не достаточно снабдены, какъ правительствами такъ и надобными для управленія людьми, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи, и казенные доходы и счеты, обще съ благочиніемъ или полиціей, сверхъ того еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются, а таковымъ же неудобствамъ тѣхъ же губерній въ провинціяхъ и уѣздахъ правленія не меньше подвержены, ибо въ одной Воеводской Канцеляріи совокуплены находятся дѣла всякаго рода и званія.

....Сіе Наше постановленіе, какъ всякъ усмотрѣть можетъ, Судебныя мѣста отдѣляетъ отъ губернскихъ правленій, предписываетъ каждому мѣсту должности и правила, доставляетъ онымъ возможность исполнять предписанное").

§ 45. Слѣдовательно, Учрежденіе 1775 года имѣло въ виду: 1) учредить органы мѣстнаго управленія съ строго отграниченной территоріальной и матеріальной компетенціей, объемъ которой соотвѣтствовалъ бы силамъ каждаго учрежденія; 2) отдѣлить судъ отъ администраціи. То и другое должно было привести къ заведенію лучшаго порядка, къ безпрепятственному теченію правосудія и облегчить „лучшее и точнѣйшее исполненіе полезнѣйшихъ, впредъ издаваемыхъ узаконеній".

Вся имперія была раздѣлена на болѣе мелкія по объему, сравнительно съ прежнимъ, губерніи (каждая губернія должна была обнимать не болѣе 400000 душъ населенія и распадаться на 8—10 уѣздовъ съ населеніемъ въ 30—40000 душъ). Судъ, финансовое управленіе и полиція были отдѣлены другъ отъ друга. Компетенція губернатора, поставленнаго въ рамки особаго наставленія, простиралась строго говоря только на управленіе. (Надзоръ за вниманіемъ податей порученъ Казенной Палатѣ, подъ управленіемъ вице-губернатора, такъ что губернаторъ могъ имѣть косвенное вліяніе). Въ каждой

губерніи учреждены палаты уголовнаго и гражданскаго суда, въ уѣздахъ уѣздные суды. Эти судебные органы были поставлены въ полную независимость отъ главъ администраціи; аппелляція на ихъ рѣшенія шла въ Сенатъ. Параллельно съ уѣздными судами для городскаго населенія установлены особые суды—магистраты, а для рѣшенія тяжбъ между государственными крестьянами—верхнія и нижнія расправы*). Полиція внѣ городовъ ввѣрена нижнему земскому

*) Весьма важную роль, по мысли законодательницы, долженъ былъ играть т. н. „совѣстный судъ".

На совѣстный судъ возлагалась обязанность охраны личной свободы противъ произвольныхъ арестовъ.

Ст. 407 Учрежденія о губерніяхъ гласитъ:

„Буде кто пришлетъ прошеніе въ совѣстный судъ, что онъ содержится въ тюрьмѣ болѣе 3 дней и въ тѣ 3 дни ему не объявлено, за что содержится въ тюрьмѣ, или что онъ въ тѣ 3 дни не допрашиванъ, тогда совѣстный судъ, не выходя изъ присутствія, долженствуетъ послать повелѣніе, чтобы таковой содержащійся въ тюрьмѣ, буде таковой содержится не въ оскорбленіи Особы Императорскаго Величества, не по измѣнѣ, не по смертоубійству, не по воровству или разбою, былъ присланъ и представленъ въ совѣстный судъ обще съ прописаніемъ причинъ, для которыхъ содержится подъ стражею, или не допрашиванъ. Повелѣнія совѣстнаго суда въ семъ случаѣ должны быть исполняемы, не мѣшкавъ ни часа, гдѣ получены будутъ, подъ взысканіемъ или 300 рублей съ предсѣдателя, да по 100 рублей съ засѣдателей, буде въ судебномъ мѣстѣ болѣе сутокъ оставятъ оныя безъ исполненія, на дорогу кладется срокъ по 25 верстъ на день. По представленіи къ лицу совѣстнаго суда въ тюрьмѣ содержащаго, буде совѣстный судъ усмотритъ, что проситель содержится не въ оскорбленіи Величества, не по измѣнѣ, не по смертоубійству, не по воровству или разбою, совѣстный судъ не выходя изъ присутствія, прикажетъ содержащагося въ тюрьмѣ освободить на поруки, какъ о его поведеніи, такъ и о представленіи его къ тому суду въ той губерніи, которой онъ самъ изберетъ, куда и дѣло его совѣстный судъ отошлетъ, и таковаго правомъ совѣстнаго суда изъ тюрьмы освобожденнаго, по тому же дѣлу въ другой разъ въ тюрьму посадить никто уже да не дерзнетъ прежде рѣшенія его дѣла, дѣло же его кончить, какъ законами повелѣно. Буде же совѣстный судъ усмотритъ, что проситель содержится въ вышеписанныхъ винахъ, по которымъ и присылать не должно, или же проситель ложно написалъ, что 3 дни содержится, и ему не объявлено, за что, и онъ не допрашиванъ, или порукъ по себѣ не дастъ и не представитъ, тогда совѣстному суду подлежитъ возвратить просителя въ тюрьму пуще прежней".

Жалобы на рѣшенія совѣстныхъ судовъ передавались на разсмотрѣніе одного „Высшаго Совѣстнаго Суда".

суду съ капитанъ—исправникомъ во главѣ, въ городахъ, сообразно съ ихъ населенностью, полиціймейстерамъ или городничимъ, (и подчиненнымъ имъ частнымъ приставамъ и квартальнымъ надзирателямъ). Уставъ благочинія 1783 года учредилъ еще коллегіальный органъ—управу благочинія, которая, впрочемъ, и въ 19 столѣтіи существовала далеко не во всѣхъ городахъ. Всѣ дѣла по благотворительности—призрѣнію бѣдныхъ, больныхъ, умалишенныхъ, убогихъ,—поручены приказамъ общественнаго призрѣнія (а также организація народныхъ школъ).

Двѣ или три губерніи (строго говоря, не согласно съ съ буквою учрежденія 1775 года, которое установило намѣстниковъ для всякой губерніи), подчинены государеву намѣстнику или генералъ-губернатору*).

§ 46. Стремленіе водворить законность въ управленіи очень рельефно выступаетъ почти во всѣхъ отдѣлахъ Учрежденія 1775 года. Стражемъ закона является прежде всего Намѣстникъ, получившій широкую функцію охранителя всѣхъ (ст. 84: „какъ Государеву Намѣстнику благочиніе или полиція градская и сельская подчинены, то онъ имѣетъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишества, безпутство, мотовство, тиранство и жестокость). Намѣстникъ по словамъ учреж-

---

Эта статья конечно осталась мертвой буквой! Про дѣятельносгь „Высшаго Совѣстнаго Суда“ никто ничего не слыхалъ!

*) Выше уже замѣчено, что многіе видятъ въ учрежденіи о губерніяхъ, въ организаціи губернскихъ правленій и казенныхъ палатъ, палатъ уголовнаго и гражданскаго суда—децентрализацію. Но это мнѣніе ошибочно. Въ Гл. XXIX, ст. 414, прямо сказано: палаты ничто иное суть, какъ Департаменты коллегій и для того, кромѣ Императорскаго Величества и Сената, ни отъ кого не принимаютъ законовъ и указовъ и ни къ кому иному не подаютъ и не присылаютъ рапортовъ и доношеній“. При тогдашнихъ порядкахъ это значило усилить централизацію и, дѣйствительно, все управлялось изъ центра—самой императрицей, при содѣйствіи не Сената, а его генералъ-прокурора и совѣта при Высочайшемъ Дворѣ.

денія 1775 года (ст. 82)—„не есть судья, но оберегатель Императорскаго Величества изданнаго узаконенія, ходатай за пользу общую и Государеву, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ. Словомъ сказать, нося имя Государева Намѣстника, долженъ онъ показать въ поступкахъ своихъ доброходство, любовь и соболѣзнованіе народу"....

Но вся эта широкая дѣятельность должна оставаться на законной почвѣ. „Благоустройство въ Намѣстничествѣ, споспѣшествованіе въ исполненіи законовъ и способы къ удовлетворенію каждаго законнымъ образомъ отъ попеченія генералъ-губернатора зависитъ".

Хранителями закона въ мѣстности, кромѣ Намѣстника (или въ его отсутствіе губернатора), были, по учрежденію 1775 г., еще такъ наз. Правленіе Намѣстническое (т. е. теперешнее губернское правленіе), губернскіе прокуроры и подчиненные имъ губернскіе стряпчіе*).

Очень важное постановленіе содержится въ ст. 101 Учрежденія 1775 г., устанавливающее хотя и не вполнѣ ясно и опредѣленно принципъ закономѣрности повиновенія.

„Въ случаѣ дѣлъ важныхъ или чрезвычайныхъ, читаемъ мы здѣсь, при полученіи новаго общенароднаго узаконенія, (Главнокомандующій) Государевъ Намѣстникъ призывать можетъ палату уголовнаго суда, палату гражданскаго суда и Казенную Палату, для уваженія дѣлъ обще съ губернскимъ правленіемъ.

---

*) Ст. 95. „Правленіе Намѣстническое есть то мѣсто, которое управляетъ въ силу законовъ Именемъ Императорскаго Величества всею губерніей, обнародываетъ и объявляетъ повсюду въ подчиненныхъ оному областяхъ законы, указы, учрежденія, повелѣнія и приказанія Императорскаго Величества и выходящія изъ Сената и изъ протчихъ государственныхъ мѣстъ, на то власть имѣющихъ". При этомъ нужно замѣтить, что кругъ лицъ, имѣющихъ право объявлять такъ наз. именные Высочайшіе указы, значительно расширился. Это право было предоставлено вновь учрежденнымъ должностямъ: статсъ-секретарямъ и генералъ-адъютантамъ.

При случаѣ же новаго общаго узаконенія, буде законъ въ чемъ неудобенъ усмотрится, то дозволяется имъ вообще единогласно дѣлать свое представленіе въ Сенатъ, а въ случаѣ подтвержденія отъ Верховной власти непремѣнное и безмолвное исполненіе послѣдовать имѣетъ".

Это постановленіе ограничиваетъ въ значительной степени власть какъ намѣстника, такъ и губернскаго правленія. Намѣстникъ обязанъ въ точности исполнять всѣ законы; дополнять ихъ, даже толковать распространительно ихъ онъ не можетъ; въ случаѣ недомолвки, неясности или противорѣчія закона онъ долженъ пріостановить свои дѣйствія и ждать разъясненія сверху. О томъ, могъ ли онъ дѣйствовать свободно въ области вопросовъ, не рѣшенныхъ закономъ, учрежденіе не говоритъ (фактически намѣстники пользовались очень широко этой своей дискреціонной властью).

Наконецъ, Екатерина создала спеціальную должность законоохранителвную; не фискаловъ, этихъ ненавистныхъ народу тайныхъ надзирателей, олицетворявшихъ въ себѣ глубокое недовѣріе правительства къ органамъ администраціи, а—губернскую прокуратуру. Учрежденіе должности губернскихъ прокуроровъ—одна изъ свѣтлыхъ страницъ административныхъ реформъ Екатерины. Если губернскіе прокуроры, благодаря общимъ условіямъ жизни служебнаго сословія, и не оправдали всѣхъ ожиданій и надеждъ императрицы,— то идея сама по себѣ въ высшей степени симпатична и заключала въ себѣ зерно, изъ котораго могъ бы, при надлежащей поддержкѣ, развиться благодѣтельный для мѣстной жизни и для всей администраціи—институтъ. Законохранительныя обязанности губернскаго прокурора опредѣлены преимущественно въ гл. XXVIII Учрежденія 1775 г., въ ст. ст. 404—405.

„Вообще губернскій прокуроръ и губернскіе стряпчіе смотрятъ и наблюденіе имѣютъ о сохраненіи вездѣ всякаго поряд-

ка, законами опредѣленнаго, и въ производствѣ и отправленіи самыхъ дѣлъ. Они сохраняютъ цѣлость власти, установленій и интереса Императорскаго Величества, наблюдаютъ, чтобы запрещенныхъ сборовъ съ народа никто не собиралъ и долгъ имѣютъ истреблять повсюду зловредныя взятки„.

Особенно плодотворны могли бы быть слѣдующія постановленія, при хорошемъ составѣ губернской прокуратуры и при должной поддержкѣ ихъ со стороны правительства.

„Когда присланы будутъ новыя общія узаконенія, или учрежденія, или указы въ губернію или Намѣстничество, тогда, до записыванія въ книгу законовъ, учрежденій и уставовъ, губернское правленіе и палата выслушиваютъ напередъ заключенія губернскаго прокурора; сей долженъ предложить имъ тогда новоизданный законъ, учрежденіе или указъ, съ какимъ узаконеніемъ сходенъ или какимъ узаконеніямъ противенъ, или въ дополненіе которыхъ изданъ.

Буде губернскій прокуроръ гдѣ усмотритъ злоупотребленія, противныя законамъ, учрежденіямъ или указамъ, то долженствуетъ о томъ (прилично по тому случаю) напамятовать и увѣдомить (губернское) Намѣстническое правленіе и генералъ-прокурора, дабы злоупотребленіе исправлено было.

При начатіи срочнаго засѣданія губернскій прокуроръ велитъ прочесть тѣ статьи изъ законовъ, учрежденій или указовъ, о коихъ мнитъ, что нужно возобновить въ памяти для наивящаго соблюденія въ силу присяги, порядка и правосудія, въ присутственныхъ мѣстахъ; но чтеніе таковыхъ да не продолжится далѣе получаса (!)".

Эта должность была выраженіемъ великой и прекрасной идеи, но—осуществленіе ея въ томъ направленіи, и въ той полнотѣ, какъ того желала великая законодательница—не удалось. Тому препятствовало прежде всего отсутствіе консолидированнаго въ какомъ бы то ни было сводѣ законодательства. Стражъ закона не имѣлъ возможности обозрѣть всю

массу нагроможденныхъ другъ на друга указовъ. Вторымъ препятствіемъ было не вполнѣ обезпеченное и самостоятельное положеніе прокурора и стряпчихъ. Третьимъ—сословная связь между прокуроромъ и должностными лицами, за законностью дѣйствій которыхъ онъ долженъ былъ наблюдать.

Какъ бы то ни было, на бумагѣ, въ теоріи былъ созданъ стройный организмъ администраціи.

§ 47 Въ этотъ организмъ долженъ былъ войти, какъ дѣятельный, живой членъ, новый элементъ некоронныхъ чиновниковъ. Петръ III, какъ извѣстно, манифестомъ 1762 года освободилъ дворянство отъ тягла обязательной службы. Этотъ актъ имѣлъ громадное значеніе не только для этого сословія, но и для всего административнаго строя. Дворянство, доставлявшее большинство царскихъ слугъ, превратилось изъ класса привиллегированныхъ слугъ,—въ самостоятельное сословіе въ настоящемъ смыслѣ слова.

Екатерина, подъ вліяніемъ и по совѣту Лифляндца Сиверса, хотѣла привлечь дворянство къ участію въ мѣстномъ управленіи. Въ отчизнѣ Сиверса, въ прибалтійскихъ губерніяхъ, Эстляндіи и Лифляндіи,—какъ судъ, такъ и администрація, подъ общимъ надзоромъ губернатора, были почти всецѣло переданы сословно—земскому элементу (только финансовое управленіе осталось въ рукахъ коронныхъ должностныхъ лицъ). Древніе Ганзейскіе города (Рига, Ревель), богатые, благоустроенные, управлялись своими магистратами, члены которыхъ вышли изъ среды гордаго, властолюбиваго патриціатата. Рига и Ревель были какъ-бы „средневѣковые города—республики подъ русскимъ верховенствомъ“ (Бернгарди).

Дворянство въ каждой провинціи (Эстляндіи и Лифляндіи) представляло собою замкнутую корпорацію (Ritterschaft) и соединенное въ ландтаги, подъ предсѣдательствомъ ландъмаршала, осуществляло не только административныя, но и

законодательныя функціи. Дворянству было предоставлено регулировать отношенія между господами и крестьянами, дворянство могло собственною властью учреждать общеполезныя учрежденія: школы, кредитные институты. Какъ административныя должностныя лица внѣ стѣнъ городовъ, такъ и президенты и члены различныхъ судовъ (негородскихъ) назначались самимъ дворянствомъ и всѣ эти должности были почетными должностями: вознагражденія служащимъ не было положено.

Установить нѣчто подобное и въ Россіи, вотъ что совѣтовалъ Сиверсъ императрицѣ, указывая на то, что это сократитъ и расходы, которые грозили сильно возрости при замѣщеніи всѣхъ новыхъ должностей коронными чиновниками.

Участіе дворянства въ мѣстномъ управленіи внутреннихъ губерній Россіи было организовано отчасти учрежденіемъ 1775 г., отчасти жалованной дворянству грамотой 1785 года.

Появились органы дворянскаго сословнаго самоуправленія съ весьма, впрочемъ, ограниченной компетенціей (дворянская опека, дворянское депутатское собраніе, дворянскія періодическія собранія—губернскія и уѣздные). Дворянство замѣщало часть новыхъ учрежденныхъ, административныхъ, а также судебныхъ должностей выборными изъ своей среды. (Засѣдатели въ палатахъ, капитанъ-исправникъ и т. д.). Вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерина въ 1775 и 1785 г.г. (учрежденіе о губерніяхъ и жалованная грамота городамъ) стремилась организовать въ городахъ городское сословное самоуправленіе всѣхъ классовъ городскихъ обывателей и каждаго класса въ особенности (купеческаго, мѣщанскаго, цеховаго). Но эти стремленія Екатерины не были увѣнчаны успѣхомъ. Городское сословное самоуправленіе или влачило жалкую жизнь или просто осталось на бумагѣ (хотя нужно признать, что

благоустройство городовъ улучшилось въ царствованіе Екатерины въ значительной степени, но не благодаря самодѣятельности гражданъ, а благодаря энергичной дѣятельности удачно избранныхъ администраторовъ: Сиверса, Мельгунова, Еропкина, Рѣпнина).

Не болѣе успѣшнымъ оказалось стремленіе Екатерины поднять уровень нравственный и умственный мѣстнаго дворянства и привлечь его къ общеполезному участію въ мѣстномъ управленіи. Да, пришлось прибѣгнуть къ новымъ принудительнымъ мѣрамъ для того, чтобы заставить дворянство поступить на государственную службу. Стремленіе отклониться отъ службы, предпочтеніе спокойной помѣщичьей жизни службѣ проявлялось все съ большею и большею силою. Извѣстно, что въ жалованную дворянству грамоту введено постановленіе, что никто не имѣетъ активныхъ правъ дворянской корпораціи, кто на службѣ государственной не дослужилъ до чина оберъ-офицерскаго; нѣсколько позже вышло постановленіе, въ силу котораго семейство, которое въ теченіе трехъ поколѣній сряду оставалось внѣ службы, теряло права дворянства.

§ 48 Не смотря на примѣсь сословнаго элемента въ управленіи, государственная власть и ея органы въ администраціи фактически остались всесильными. Но и власть и ея органы проявляютъ свою силу въ болѣе мягкой формѣ, чѣмъ въ предыдущія эпохи. Теоріи Монтескье и Беккаріа прошли не беслѣдно въ умѣ императрицы; совѣтъ и поученія начинаютъ замѣнять принужденіе, нравоучительной элементъ замѣняетъ юридическій въ законодательныхъ актахъ императрицы. Самымъ яркимъ примѣромъ служитъ Уставъ благочинія, данный новому полицейскому органу въ городахъ, состоявшему изъ городничаго (въ столицахъ—полицеймейстера) двухъ приставовъ, двухъ ратмановъ и стряпчаго. Компетенція Управы, опредѣленная многословнымъ Уставомъ и Наказомъ, была и обширна и неопредѣленна.

Города раздѣлены на части, въ каждую часть назначенъ частный приставъ и нѣсколько словесныхъ судей (послѣдніе избирались горожанами; право это скоро превратилось въ тяжелую повинность). Нѣсколько позже въ каждую часть назначенъ слѣдственный приставъ для производства слѣдствій. Части подраздѣлялись на кварталы; въ каждой части назначенъ квартальный надзиратель, при немъ квартальный поручикъ, который также избирался горожанами.

Компетенція Управы, согласно Наказу 1782 г., слѣдующая: она была обязана охранять благочиніе, добронравіе и принуждать къ исполненію законовъ, приводить въ исполненіе повелѣнія правленія и рѣшенія судовъ, вѣдать городское благоустройство, предупреждать и пресѣкать преступленія и проступки, производить слѣдствія, во многихъ случаяхъ судить и, наконецъ, въ извѣстной степени она пользовалась правомъ полицейской расправы въ формахъ, закономъ указанныхъ. Она была, слѣдовательно, не только полицейскимъ, но и полицейско-судебнымъ органомъ. (Заботы свои о благоустройствѣ города она должна была раздѣлять съ шестигласной думой, учрежденной въ 1775 году, но почти бездѣйствовавшей). Фактически Екатерининскія городскія общественныя учрежденія, какъ сказано выше, благодаря цѣлому ряду условій государственной и общественной жизни, волочили плачевную жизнь и играли чисто пассивную роль; члены общей думы превратились даже въ разсыльныхъ или сторожей, служившихъ у органовъ государственной полиціи.

§ 49 Съ матеріальной точки зрѣнія администрація Екатерининской эпохи вполнѣ сохранила характеръ, присущій такъ наз. просвѣщенному абсолютизму, хотя формы дѣйствія и вмѣшательство въ частную жизнь стали мягче и эта мягкость, даже слабость, часто отражалась весьма пагубно на важныхъ государственныхъ интересахъ.

Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ государственнаго управленія

Екатерина II даже открыто отрекается отъ принциповъ полицейскаго государства, объявляя во всеуслышаніе, что не слѣдуетъ ограничивать частной самодѣятельности и свободы. Таковъ смыслъ указа 1782 года, упразднившаго государственный контроль надъ частно-владѣльческими лѣсами, и манифеста 1782 г. 18-го іюня, измѣнившаго основы горнаго законодательства, устанавливая свободу въ горной промышленности*).

Освободительныя и просвѣтительныя начала Екатерининскаго царствованія проявлялись, хотя и непослѣдовательно и въ теченіе краткаго времени, въ области организаціи народнаго просвѣщенія, въ мѣрахъ къ оживленію умственной дѣятельности (указъ 1783 г. о частныхъ типографіяхъ), но съ момента начала „великой" французской революціи совершается крутой поворотъ къ боязливому полицейскому вмѣшательству и надзору за частной жизнью и мыслью. „Золотой вѣкъ Сѣверной Семирамиды" окончился полной расшатанностью преобразованной ею администраціи, вызвавшей суровую репрессію ея сына и преемника Павла I*).

---

*) Вотъ что сказано въ этомъ манифестѣ: „Съ первыхъ дней царствованія нашего постановили мы себѣ непреложнымъ правиломъ, чтобы во всѣхъ промыслахъ и упражненіяхъ, свойственныхъ государству нашему и кои къ пропитанію вѣрныхъ нашихъ подданныху служатъ, изъять изъ среды ихъ всякое принужденіе и, напротивъ того, оживотворить и умножить оныя свободою и разными ободреніями".

*) Значеніе Екатерины II-ой въ исторіи русскаго государства прекрасно опредѣлено С. М. Шпилевскимъ въ краткой рѣчи, сказанной 6 ноября 1896 г. въ столѣтнюю годовщину дня ея кончины: „Екатерина живетъ не только въ благодарственной памяти народа, но и въ данныхъ ею законахъ и государственныхъ учрежденіяхъ, существующихъ доселѣ, а главное—Она живетъ въ тѣхъ высоко-гуманныхъ идеяхъ, которыя были догматами Ея политическаго исповѣданія. Важнѣйшія изъ этихъ идей не получили практическаго осуществленія въ царствованіе Екатерины, и историческая правда не дозволяетъ умолчать, что сама Екатерина въ своей правительственной практикѣ становилась въ противорѣчіе съ этими идеями, что Екатерина въ дѣлахъ своихъ навсегда похожа на Екатерину въ исповѣдуемыхъ Ею политическихъ принципахъ... ......Но многія идеи Екатерины долго не осуществлялись въ законодательствѣ и въ государственныхъ учрежденіяхъ, только озаряли умы болѣе просвѣщен-

§ 50 Краткое царствованіе этого монарха, рѣшившагося мѣрами безпощадной строгости искоренить давнишнія недостатки русской администраціи, о которыя разбилась даже желѣзная воля Петра I-го, —волокиту, взяточничество, —произвело только безпорядокъ, и не довершило того, что началось при Екатеринѣ. Административный строй Россіи превращенъ въ полный хаосъ. О законности не было болѣе рѣчи, да она и не могло существовать въ государствѣ, которое управлялось въ сущности только приказали на вахтъ-парадахъ, отмѣнявшихъ сегодня то, что вчера было приказано. Павелъ занялся ломкою всѣхъ учрежденій Екатерины, думалъ возстановить коллегіи, но окончательно погубилъ коллегіальное начало, подчинивъ коллегіи главнымъ директорамъ; создалъ новыя министерства (коммерціи и Удѣловъ, подчиненныя, впрочемъ генералъ-прокурору, управлявшему Россіей сообща съ генералъ-губернаторомъ Петербурга); наконецъ, задумалъ дорогостоющую организацію полиціи, которой осчастливлены, впрочемъ, къ счастью только Петербургъ и Москва.

ныхъ русскихъ людей и иногда выражались въ литературѣ; многимъ идеи эти представлялись желанными, но по разнымъ условіямъ дѣйствительности недостижимыми идеалами государственнаго быта, а по убѣжденію другихъ—эти идеи были великимъ зломъ, къ нашему несчастью занесеннымъ изъ западной Европы и угрожавшимъ подорвать основы исторически сложившагося русскаго устройства".

*) Въ качествѣ главнаго городскаго начальства для Петербурга учреждается вмѣсто думы—Коммиссія о снабженіи резиденціи припасами, распорядкомъ квартиръ и прочихъ частей до полиціи принадлежащихъ". 12 сентября 1798 г. издается Уставъ столичнаго города Петербурга, изгонявшій изъ городской жизни всѣ элементы самоуправленія и создавшій рядъ чисто правительственныхъ полицейскихъ учрежденій съ странными названіями: „городское правленіе или ратгаузъ, комитетъ городскихъ строеній, фейеръ-катастръ, на конецъ торш-рейберы у воротъ и шлагбаумахъ и т. д.. Почти тоже устроен въ Москвѣ. Все дѣлается по прусскому обрѣзцу,—не было только прусскаго порядка и прусской законности.

ГЛАВА VII-я.

Русская администрація въ теченіе первой половины XIX в.

§ 51. Итоги царствованія Павла I-го подведены его сыномъ, Императоромъ Александромъ I-ымъ съ бесѣдѣ съ братомъ, Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ: „дѣла были тогда крайне запутаны по отсутствію всякихъ основныхъ началъ въ управленіи. Ибо, хотя въ послѣдніе годы жизни Императрицы Екатерины порядку было мало, но все нѣсколько держалось еще прежнимъ; со вступленіемъ же на престолъ родителя, вслѣдствіе принятаго правила—совершенно уничтожать все дотолѣ существовавшее, и остальной порядокъ былъ разрушенъ безъ замѣны другимъ".

Съ воцаренія Александра I-го, обѣщавшаго въ манифестѣ о восшествіи на престолъ, управлять народомъ „по законамъ и по сердцу августѣйшей бабки", начинается послѣдняя, заключительная эпоха полицейскаго государства въ Россіи, переходъ къ правомѣрному управленію, для котораго настала возможность въ великій день 19 февраля 1861 года.

Опять, какъ въ дни Петра Великаго, самодержавіе перестаетъ быть само себѣ цѣлью и превращается въ великую службу, неутомимую, поглощающую всѣ силы правителя до послѣдняго вздоха, и медленно, но неуклонно, развитіе государственной жизни ведетъ къ обоснованію управленія на началѣ законности. И это великое начало законности осуществилось въ Россіи, не какъ результатъ борьбы съ отдѣльными сословіями, мѣстностями, гражданами, не какъ

выраженіе ограниченія высшей власти субъективными правами другихъ элементовъ государственной жизни, какъ на западѣ Европы, а какъ требованіе порядка, сознанное самодержцами: „Законность является въ нашей государственной жизни не ограниченіемъ, извнѣ навязаннымъ власти, а собственнымъ ея созданіемъ. Поэтому развитіе законности не обусловливалось у насъ развитіемъ политическихъ правъ. Мы имѣемъ полную обезпеченность собственности, независимый судъ, самоуправленіе,—и вовсе лишены политическихъ правъ. Между тѣмъ на западѣ именно развитіе политическихъ правъ, ограничивающихъ власть, являлось основой и обезпеченіемъ частной собственности и независимости суда и развитія мѣстнаго самоуправленія. (ср. Коркуновъ. Русское государственное право. Т. I. 1892 г. стр. 160).

Александръ I-й, опечаленый грустнымъ зрѣлищемъ, которое представляла оффиціальная и неоффиціальная Русь начала 19 стол., въ теченіе первой реформаторской или такъ назыв. либеральной эпохи своего царствованія, старался водворить законность въ управленіи. Средствами къ достиженію этой цѣли должны были быть: 1) сведеніе въ одно цѣлое всей пестрой массы постоянныхъ законовъ и отдѣленіе отъ законовъ такъ назыв. временныхъ установленій, т. е. проведеніе различія между закономъ и указомъ, 2) установленіе твердаго, опредѣленнаго порядка обсужденія, изданія и отмѣны законовъ; 3) установленіе бдительнаго контроля надъ управленіемъ, который долженъ былъ быть ввѣренъ Сенату, предъ которымъ высшіе начальники отдѣльныхъ частей управленія должны были быть отвѣтственны *).

---

*) Сенату пожаловано было даже право опротестовать новый законъ, разъ онъ считалъ его противорѣчащимъ старымъ или неудобнымъ къ исполненію. Но эта смѣлая идея, позаимствованная изъ исторіи старыхъ французскихъ парламентовъ, не осуществилась. Выше указанное право было скоро съужено въ весьма тѣсныя рамки.

4) Учрежденіе новыхъ центральныхъ органовъ управленія съ ясно и точно опредѣленной компетенціей, имѣющихъ во главѣ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ императора, но и отвѣтственныхъ лично за благоустройство ввѣренной имъ части.

Эти идеи нашли себѣ выраженіе въ учрежденіи коммиссіи для кодификаціи законовъ, въ учрежденіи государственнаго совѣта, министерствъ и въ реорганизаціи Сената *).

Кодификація законовъ и проведеніе правового различія между закономъ и указомъ не удались и не осуществились, не смотря па долголѣтнія работы коммиссій и на нетерпѣливыя требованія Императора **).

Въ манифестѣ 1810 года, изданнымъ по случаю образованія государственнаго совѣта, Императоръ заявлялъ, „что законы гражданскіе, сколь бы они не были совершенны, безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды, что истинный разумъ всѣхъ усовершеній русскихъ государственныхъ установленій состоитъ въ томъ, чтобы учреждать постепенно образъ правленія на твердыхъ и неперемѣняемыхъ основаніяхъ закона“.

Наконецъ, въ рѣчи, которой Александръ I-ый открылъ

*) Извѣстно, что Александръ I-ый и его геніальный сотрудникъ Сперанскій задумали еще болѣе смѣлыя, едва осуществимыя въ то время, реформы: организацію сословнаго представительства въ образѣ государевой земской думы. Установленіе конституціоннаго режима въ Польшѣ и Финляндіи было проявленіемъ этихъ высокогуманныхъ мечтаній, осуществленіе которыхъ, при существованіи крѣпостного права, превратило бы Россію не въ конституціонное государство по западно-европейскому образцу, а въ олигархію.

*) Въ манифестахъ, рескриптахъ и законодательныхъ актахъ Александра I-го неоднократно съ полною ясностью высказываются его уваженіе передъ закономъ и стремленіе къ установленію законности Александръ часто высказывалъ, что законъ выше его воли, что онъ, самодержецъ, только исполнитель закона. Въ рескриптѣ графу Завадовскому по поводу устройства коммиссіи составленія законовъ сказано: „единый законъ—начало и источникъ народнаго благоденствія, одинъ законъ можетъ утвердить въ государствѣ на вѣки счастливыя времена“. Далѣе заявляется: „что случайное и безпорядочное изданіе законовъ съ самаго изданія Уложенія и до дней Нашихъ было причиной „всеобщаго смѣшенія“ правъ и обязанностей каждаго, мрака, вредившаго ровно *судьѣ и подсудимому*, безсилія *законовъ въ ихъ* исполненіи и удобности перемѣнять ихъ по первому движенію прихоти или самовластія“.

первое засѣданіе государственнаго совѣта, онъ заявилъ, что „онъ всегда желалъ, чтобы благосостояніе Имперіи утвердилось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ и чтобы установить *порядокъ и оградить* имперію добрыми законами.

§ 52. Сенатъ, реорганизованный указомъ 8 сентября 1802 г. „о правахъ и обязанностяхъ Сената" хотя и названъ былъ верховнымъ мѣстомъ имперіи и хранителемъ законовъ, имѣющимъ обязанность „имѣть попеченіе о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, соблюденіи общаго спокойствія и тишины и прекращеніи всякихъ противозаконныхъ дѣяній во всѣхъ ему подчиненныхъ мѣстахъ", фактически оттѣсненъ былъ отъ участія въ управленіи, и право его контролировать и объединять министерское управленіе оказалось призрачнымъ. Министры, имѣвшіе непосредственный докладъ у Государя, испрашивали для каждаго мало-мальски важнаго дѣла санкцію монарха и предоставили Сенату скромную роль публикатора Высочайшихъ указовъ и хранителя не законовъ, а ихъ списковъ, что, конечно, не одно и тоже. Отстраненіе Сената отъ всякаго дѣятельнаго участія въ управленіи совершилось окончательно съ момента упроченія органа, который появился первоначально въ качествѣ временнаго учрежденія—Комитета Министровъ.

Вопреки указу о правахъ и обязанностяхъ Сената, не въ Сенатъ, а въ Комитетъ Министровъ вносились всѣ дѣла, которыя выходили за предѣлы компетенціи министровъ или требовали общаго соображенія. Высочайше утвержденныя Положенія Комитета Министровъ наравнѣ съ Высочайше утвержденными Мнѣніями Государственнаго Совѣта сдѣлались главными административными законами Имперіи, надъ которыми хранитель закона,—Сенатъ,—конечно, не имѣлъ ни малѣйшаго права контроля *)!

*) Только Александръ I-ый и Сперанскій ясно сознавали, какое важное значеніе могло бы получить учрежденіе Сената какъ органа контроля надъ

Не только Сенатъ какъ цѣлое, какъ учрежденіе получилъ въ силу указа 1802 г. громадное значеніе (на словахъ!) въ управленіи, но и отдѣльные его члены, сенаторы. Члены Сената получили право объявлять именные указы, представлять Государю о происходящемъ вредѣ въ государствѣ и о нарушителяхъ закона, имъ извѣстныхъ, и замѣчать всему Сенату объ упущеніяхъ законнаго порядка въ теченіи дѣлъ. Пользовались ли сенаторы этимъ правомъ—намъ неизвѣстно. Вѣроятнѣе, что нѣтъ, Яковы Долгорукіе не всегда въ Сенатѣ имѣлись. Но другая функція сенаторовъ, не указанная въ указѣ 1802 г. и ввѣренная имъ во вторую половину царствованія Александра I-го, оказалась въ высшей степени важною и для нашего административнаго права и для всего административнаго строя въ высшей степени плодот-

---

законностью дѣйствій администраціи. Но Сперанскій палъ, не оградивъ Сената отъ униженія, а самъ Императоръ еще раньше встрѣтилъ энергичное противодѣйствіе стремленію поручить Сенату охранительную функцію и не рѣшился настоять на своей волѣ. „Комитетъ, собиравшійся подъ предсѣдательствомъ самого Государя для разсмотрѣнія различныхъ проектовъ организаціи управленія твердо рѣшился предоставить Сенату одну судебную власть. Между всѣми членами комитета былъ лишь одинъ человѣкъ, сознавшій все значеніе Сената для Россіи. Это былъ самъ Государь. На всѣ доводы своихъ совѣтниковъ онъ отвѣчалъ, что истинный характеръ власти Сената состоялъ въ томъ, что онъ могъ имѣть свѣдѣнія о всемъ происходящемъ и слѣдить за администраціей, чтобы имѣть на нее вліяніе сверху. Онъ видѣлъ, слѣдовательно, что Сенатъ, дурно или хорошо, осуществилъ задачу, необходимую во всякомъ благоустроенномъ правительствѣ, задачу учрежденія, гдѣ законъ находилъ защиту, произволъ преграду, гдѣ препятствовали превращенію отдѣльныхъ вѣдомствъ въ самостоятельныя почти государства, гдѣ государственныя преданія страны находили охранителей и истолкователей, словомъ,—что онъ былъ охранительнымъ учрежденіемъ въ лучшемъ и широкомъ смыслѣ этого слова. Но совѣтники были неуступчивы; самое слово—охранительная власть не имѣло для нихъ опредѣленнаго значенія. На всѣ замѣчанія Императора они отвѣчали самыми новыми теоріями. Охранительная власть въ рукахъ Сената, говорили они, будетъ призрачна, ибо истинное охраненіе заключается въ организаціи политическаго строя и въ общественномъ мнѣніи. Политическій строй и организація общественнаго мнѣнія въ странѣ, гдѣ образованнѣйшіе ея представители не выдерживали даже такого скромнаго контроля, каковъ былъ контроль Сената"!—(Градовскій. Высшая администрація. 374).

ворною. Эта функція сенаторовъ въ учрежденіи Сената, вошедшаго въ сводъ законовъ (т. I, часть 2), получила слѣдующее опредѣленіе (ст. 245): „на сенаторовъ, сверхъ непремѣнной ихъ обязанности по присутствію въ Сенатѣ, возлагаемы быть могутъ: 1) временныя обозрѣнія губерній во всѣхъ отношеніяхъ государственнаго управленія; 2) порученія по взысканію недоимокъ въ случаѣ чрезмѣрнаго ихъ гдѣ-либо накопленія. Назначеніе времени для таковыхъ обозрѣній и порученій, равно какъ и губерній, на кои оныя простираться могутъ, зависитъ отъ Императорскаго Величества, а обязанности и пространство власти сенаторамъ при семъ ввѣренной, опредѣляются особою инструкціей".

Сенаторскія ревизіи, введенныя въ царствованіе Александра I-го и все чаще и чаще повторенныя въ послѣдующія царствованія, доставили верховной власти обильный и въ большинствѣ случаевъ достовѣрный матеріалъ для сужденія о нуждахъ мѣстностей и о характерѣ дѣятельности мѣстной администраціи. Онѣ сдѣлались важнымъ коррективомъ, пополняющимъ недостатокъ контроля надъ дѣятельностью мѣстныхъ властей, и если Сенатъ какъ цѣлое не въ состояніи былъ контролировать дѣятельность министровъ, то ревизующій сенаторъ косвенно могъ подвергнуть своему контролю распоряженія министра въ ввѣренной ему части управленія *).

§ 53. Изъ всѣхъ реформъ этого столь богатаго благими начинаніями, высоко-гуманными идеями, и столь многими разочарованіями,—царствованія, осуществились въ области административнаго строя только двѣ и учрежденія, ими вызванныя, пустили корни.

---

*) Въ учрежденіи Министерствъ предусмотрѣнъ случай возбужденія отвѣтственности министровъ временными обозрѣніями губерній, уполномоченными на то лицами, когда откроется превышеніе министрами ихъ власти или бездѣйствія ихъ (ср. п. 4 ст. 259 У. Мин. изд. 1876 г.).

Образованъ государственный совѣтъ и учреждены министерства. Первый развился изъ учрежденнаго, въ первый же годъ царствованія Александра I-го, непремѣннаго совѣта, вторыя появились въ 1802 г. какъ новые центры административной жизни и поглотили Петровскія коллегіи, насколько послѣднія пережили такъ называемую децентрализацію Екатерины II-ой и ломку ея учрежденій Павломъ I.

Непремѣнный Совѣтъ былъ послѣднимъ звеномъ въ цѣпи безформенныхъ совѣтовъ, окружавшихъ особы Самодержцевъ 18-то столѣтія. Хотя и онъ отчасти вызванъ желаніемъ осуществить идею раздѣленія властей (эта идея проглядываетъ во всѣхъ административныхъ реформахъ Александра, но не проведена послѣдовательно, не смотря на сильное увлеченіе французской либеральной доктриной), тѣмъ не менѣе онъ сдѣлался органомъ и законосовѣщательнымъ и органомъ совѣщанія по дѣламъ верховнаго управленія; наконецъ, органомъ суда (съ 1804—1810 года судебнаа функція заслонила всѣ другія функціи) *).

§ 54. Въ 1802 г. появились и министерства (имѣвшія какъ

*) Согласно наказу, данному совѣту 5 апрѣля 1801 г., онъ „не входитъ ни въ какія распоряженія по части исполнительной и силы другой въ государственномъ управленіи не имѣетъ, кромѣ силы соображенія. Изъ сего слѣдуетъ, что никакихъ указовъ и повелѣній отъ себя и имени своего онъ не издаетъ. Поручаемое ему отъ насъ дѣло относится только къ части законодательной, исполнительная же предоставляется сенату и мѣстамъ, ему подвластнымъ". Однако согласно наказу предметомъ вѣдѣнія Совѣта является не только то, что принадлежитъ до государственныхъ постановленій—коренныхъ и непреложныхъ, то есть законовъ, но и до временныхъ. А подъ „временными" наказъ понимаетъ тѣ, „кои опредѣляютъ какое-либо обстоятельство, по существу своему перемѣнѣ подлежащее". Таковыми являются, напримѣръ, воспрещенія и запрещенія извѣстнаго рода торговли, наложеніе пошлины, установленіе тарифа, разныя учрежденія по строительной части и проч. Слѣдовательно, совѣтъ занимался обсужденіемъ не только законопроектовъ, но и мѣръ внутренняго управленія. Фактически роль его, какъ органа совѣщанія по дѣламъ административнымъ, превышала его значеніе, какъ органа законосовѣщательнаго. Ср. перечень его занятій въ сочиненіи Щеглова: Государственный совѣтъ въ Россіи, въ особенности въ царствованіе Императора Александра I, томъ I, 1892 г. стр. 739.

извѣстно своихъ предтечей при Павлѣ I), т. е. установленія центральнаго управленія, вѣдающія опредѣленную отрасль администраціи на пространствѣ всей имперіи. Манифестъ 8-го сентября 1802 г, въ качествѣ мотивовъ къ учрежденію министерствъ выставляетъ желаніе: „раздѣлить государственныя дѣла на разныя части, сообразно естественной ихъ связи между собою и для успѣшнѣйшаго теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ министровъ". Строго говоря, были учреждены не министерства, а министры, между которыми подѣлено руководство сохранившимися еще коллегіями и замѣнившими нѣкоторыя изъ нихъ канцеляріями и департаментами. Всѣхъ министровъ появилось восемь; изъ нихъ дѣлами внутренняго гражданскаго управленія въ широкомъ смыслѣ слова руководили четыре: министръ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, коммерціи и народнаго просвѣщенія. Важнѣйшимъ изъ нихъ, съ точки зрѣнія внутренняго управленія, былъ, конечно, министръ внутреннихъ дѣлъ. Онъ долженъ былъ имѣть попеченіе о благосостояніи народа, спокойствіи, тишинѣ, безопасности, о промышленности (кромѣ горной и соляной), строительной и санитарной части, о почтахъ, иностранныхъ колонистахъ (попеченіе о сельскомъ хозяйствѣ государственныхъ крестьянъ имѣлъ министръ финансовъ). Ему были подчинены въ губерніи—губернскія правленія и приказы общественнаго призрѣнія, отчасти и казенныя палаты (по дѣламъ о публичныхъ зданіяхъ и ревизскихъ сказкахъ). Къ нему обращались, съ представленіями о нуждахъ и пользахъ дворянскаго сословія—и губернскіе предводители дворянства. Черезъ него фактически назначались и губернаторы. Министръ Финансовъ вѣдалъ, кромѣ финансоваго управленія,—горное дѣло, монетную регалію, дѣла по такъ называемой экспедиціи государственнаго хозяйства, банки, и, наконецъ, лѣса (казенныя; о частныхъ лѣсахъ со времени 1782 г. правительство перестало заботиться).

Торговля, внѣшняя и внутренняя, поручена попеченію министра коммерціи; забота о народномъ образованіи— министру народнаго просвѣщенія.

§ 55. Непосредственное завѣдываніе этими различными частями внутренняго управленія осталось въ рукахъ коллегій, канцелярій и экспедицій. Отношенія между руководящими министрами и этими составными частями ихъ вѣдомства не были регулированы никакими регламентами или инструкціями.

Результатомъ явилась полная неясность, сложность и запутанность дѣлопроизводства, на что не преминули указать всѣ противники новшествъ съ Державинымъ во главѣ. Маститый поэтъ и государственный дѣятель, занявшій постъ министра юстиціи и генералъ прокурора, доказывалъ, что „всѣ коллегіи только именемъ однимъ существуютъ, а не дѣломъ, ибо безъ всякаго разсужденія должны исполнять министерскія предложенія или повелѣнія, даже такъ, что ежели бы что явно отъ министра предложено противъ законовъ и пользъ государственныхъ, то коллегіи и никто изъ членовъ никуда не могутъ протестовать“ *).

---

*) На эту организацію министерствъ, имѣвшую цѣль примирить коллегіальную систему съ единоличной бюрократической, въ чемъ, по мнѣнію многихъ государственныхъ людей того времени, состояло ея преимущество и достоинство, по всей вѣроятности, имѣли не малое вліяніе планы Павла I-го, изложенные имъ въ особой запискѣ „объ устройствѣ разныхъ частей государственнаго управленія“ (эта записка напечатана въ Сборникѣ Имп. Рос. Ист. Общ., т. XC). Вотъ что Императоръ Павелъ I-ый говоритъ: государство имѣетъ семь главныхъ департаментовъ, кромѣ Сената, яко главнаго трибунала, которые составляютъ правленіе: 1) юстиціи 2) финанціи, 3) военный, 4) иностранный, 5) морской, 6) коммерціи, 7) казна (или казначество: вѣдомства внутреннихъ дѣлъ!) Каждое изъ оныхъ имѣетъ своего министра. Министръ Юстиціи имѣетъ подъ собою Юстицъ и вотчинную коллегію. Финансъ-министръ имѣетъ камеръ-бергъ,—экономіи для государственныхъ вообче владѣній и ревизіонъ-коллегію. Коммерцъ министръ имѣетъ коммерцъ,—мануфактуръ-коллегію и таможни. Прочіе остаются каждый при своемъ департаментѣ. Министры имѣютъ по своимъ частямъ начальство департаментовъ каждаго рода дѣлъ, о которомъ имѣли бы сношеніе безпосредственное съ Государемъ. Каждый министръ имѣетъ день и часъ для переговоровъ съ Государемъ.

§ 56. Крупные недостатки организаціи Непремѣннаго Совѣта и Министерствъ привели къ скорой реорганизаціи, произведенной благодаря энергіи Сперанскаго.

Безформенный Непремѣнный Совѣтъ преобразованъ (1810 г.) въ стройный Государственный Совѣтъ съ 4-мя департаментами (Законовъ, Военныхъ и Морскихъ Дѣлъ, Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ и Государственной экономіи) и канцеляріей, государственнымъ секретаремъ и статсъ-секретарями. Этотъ высшій государственный органъ, это „сословіе" (коллегія), сдѣлались тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ быть Сенатъ по мысли Петра Великаго—учрежденіемъ, въ которомъ стекались всѣ нити управленія. Въ немъ засѣдали по назначенію Государя высшіе сановники имперіи и всѣ министры ex officio. Фактически по отраслямъ финансовъ, внутренняго управленія и военнаго управленія создано какъ бы двухъ-этажное министерское управленіе, ибо всѣ важныя начинанія министровъ восходили на разсмотрѣніе департаментовъ Государственнаго Совѣта, во главѣ которыхъ стоялъ особый предсѣдатель, могущій имѣть громадное вліяніе и имѣвшій возможность заслонить собой министровъ (что и случилось по отношенію къ министрамъ военному и финансовъ, когда во главѣ департаментовъ Военныхъ дѣлъ и экономіи стояли Аракчеевъ и Мордвиновъ).

Департаменты Государственнаго Совѣта сдѣлались контролирующими органами по отношенію къ министрамъ. Надъ департаментами стояла Общее Собраніе Совѣта, предсѣдательство въ которомъ предоставилъ себѣ Императоръ, хотя обыкновенно предсѣдательствовалъ особо—назначенный предсѣдатель. Наконецъ и государственный секретарь, черезъ руки котораго проходили всѣ доклады канцеляріи и всѣ представленія и проекты министровъ, который редактировалъ мнѣнія госуд. совѣта—долженъ былъ занять вліятельное положеніе въ госуд. управленіи. Въ „коренныхъ законахъ" го-

сударственнаго совѣта (составившихъ первую главу его „образованія") его задачи и функціи опредѣлены слѣдующимъ образомъ:

„Въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ составляетъ сословіе, въ которомъ всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству соображаются и черезъ него восходятъ къ Верховной Императорской Власти.... Посему всѣ законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію.... Никакой новой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ совѣта и не можетъ имѣть совершенія безъ утвержденія верховной власти".

Въ § 29 точнѣе перечисляется все, что входитъ въ компетенцію Госуд. Совѣта. „Въ порядкѣ госуд. дѣлъ, отъ разрѣшенія и утвержденія верховной Императорской власти зависящихъ, поступаютъ предварительно на уваженіе совѣта: 1) всѣ предметы внутренняго управленія, требующіе отмѣны, ограниченія или дополненія прежнихъ положеній 2) дѣла, требующія въ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ изъясненія истиннаго ихъ смысла, 3) мѣры и распоряженія общія, пріемлемыя къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ, учрежденій, 4) общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя, 5) объявленіе войны, заключеніе мира и другія важныя внѣшнія мѣры, когда по усмотрѣнію обстоятельствъ могутъ онѣ подлежать предварительному общему соображенію, 6) ежегодныя смѣты общихъ госуд. доходовъ и расходовъ, способы ихъ уравненія, назначеніе новыхъ издержекъ въ теченіе года встрѣтиться могущихъ и чрезвычайныя финансовыя мѣры, 7) всѣ дѣла по коимъ отчуждается какая либо часть государственныхъ доходовъ или имуществъ въ частное вла-

дѣніе; 8) дѣла о вознагражденіи частныхъ людей за имущества на государственныя нужды взимаемыя, 9) отчеты всѣхъ министровъ въ управленіи, принадлежащихъ къ нимъ частей. (Въ этой статьѣ осуществилась мысль Сперанскаго о томъ, что „исполнительная власть должна быть поставлена въ отвѣтственность предъ властью законодательной)“.

Если бы эти статьи получили буквальное примѣненіе, то Государственной Совѣтъ былъ бы не только великимъ оплотомъ законности въ управленіи, но и могучимъ объединителемъ всей адмистраціи и былъ бы въ состояніи предотвратить ту безпрестанную войну между различными вѣдомствами, которая наполняла къ сожалѣнію значительнѣйшую часть жизни нашей высшей администраціи, въ особенности въ эпоху 1810—1861 гг.. Однако бокъ о бокъ съ выше указанными статьями стояли (и стоятъ) двѣ статьи, которыя пробили брешъ въ это зданіе законности и объединенія.

А именно въ § 30 сказано: Государственному Совѣту не подлежатъ только: 1) тѣ дѣла, кои особенно представлены будутъ непосредственному докладу министровъ и 2) дѣла, кои по общему министерскому наказу подлежать будутъ соображеніямъ министерскаго комитета“.

Возможность путемъ непосредственнаго доклада государю, помимо Госуд. Совѣта и помимо какого либо общаго совѣщанія съ другими министрами, испросить Высочайшее соизволеніе на предположенную административную мѣру или „учрежденіе“ (говоря словами Сперанскаго) и тѣмъ парализовать всякое постановленіе объ отвѣтственности, и во вторыхъ образованіе и усиленіе Комитета Министровъ отстранили Госуд. Совѣтъ постепенно но неуклонно отъ всякаго дѣятельнаго участія въ управленіи*). (Что касается мнѣнія,

*) Напримѣръ одно изъ самыхъ важныхъ правительственныхъ мѣропріятій эпохи Александра I, организація военныхъ поселеній, совершено безъ предварительнаго обсужденія въ Госуд. Совѣтѣ.

будто Госуд. Совѣтъ преобразованъ Сперанскимъ съ цѣлью ограниченія Самодержавной Власти (на что будто указываетъ знаменитое начало формулы санкціи: „внявъ мнѣнію Госуд. Совѣта“....), мнѣнія очень распространеннаго въ эпоху Александра I и часто повтореннаго даже въ наши дни, то оно не выдерживаетъ критики, какъ то блестяще доказалъ Коркуновъ въ послѣднемъ изданіи своего Русскаго Госуд. права т. II. § 8).

§ 57. И такъ Госуд. Совѣтъ долженъ былъ быть органомъ совѣщательнымъ по дѣламъ законодательнымъ и высшимъ административнымъ; онъ же долженъ былъ быть органомъ контроля надъ дѣятельностью министровъ, но не контроля чисто юридическаго (такова была функція Сената), но органа контроля цѣлесообразности и успѣшности дѣйствій министровъ во ввѣренномъ каждому изъ нихъ кругу вѣдомства. Министры поставленные во главѣ реорганизованныхъ министерствъ должны были быть высшими органами исполненія, т. е. органами управленія подчиненнаго, подзаконнаго.

Этотъ основной характеръ министерской должности точно и ясно выраженъ въ первой главѣ Общаго Наказа Министерствамъ въ ст. 189—196.

Ст. 189. „Въ порядкѣ государственныхъ силъ министерства представляютъ установленіе, посредствомъ коего Верховная Исполнительная Власть дѣйствуетъ на всѣ части управленія“. Выраженіе: „Верховная Исполнительная Власть вовсе не согласное съ характеромъ отношенія въ которомъ абсолютный монархъ стоитъ къ управленію, есть отраженіе того сильнаго вліянія, которое имѣла либеральная доктрина о раздѣленіи властей на составителей Наказа.

Ст. 192. гласящая: „Всѣ министры въ дѣйствіяхъ своихъ подчинены непосредственно Верховной Власти“, какъ бы категорически отвергаетъ возможность образованія одного единаго „Министерства“, въ которомъ бы отдѣльные ми-

нистры были бы солидарно связаны общей отвѣтственностью передъ Государемъ, подчиняясь высшему руководству одного главнаго или перваго министра. А между тѣмъ существовало предположеніе создать „Министерство“ въ такомъ именно смыслѣ и слѣдомъ этого стремленія повидимому является выраженіе, употребленное въ только что цитированной статьѣ (189), „Министерства представляютъ *установленіе*“, (а не установленія).

Ст. 190. 191 устанавливаютъ чисто пассивное отношеніе министровъ къ закону, лишая ихъ всякой распорядительной власти. „Министерства установлены на тотъ конецъ, чтобы непрерывнымъ дѣйствіемъ и надзоромъ доставить законамъ и учрежденіямъ скорое и точное исполненіе.

Ст. 191. Существо власти, ввѣренной Министрамъ принадлежитъ единственно къ *порядку исполнительному*: „никакой новый законъ, никакое новое учрежденіе или отмѣна прежняго, немогутъ быть установляемы властью министра“. При этомъ нужно замѣтить что параллельное употребленіе словъ „законъ“ и „учрежденіе“ не представляетъ собой тавтологіи. По терминологіи Сперанскаго (составится Наказа) —„учрежденіе“—есть актъ власти исполнительной, это—постановленіе, которое „не вводя никакой существенной перемѣны, учреждаетъ только образъ исполненія“—законовъ. Слѣдовательно по строгому толкованію смысла этихъ статей наказа, власть министровъ—есть чисто исполнительная, ихъ роль чисто пассивная. Это еще яснѣе выражено въ ст. 193. „Власть министровъ состоитъ въ томъ, что они могутъ понуждать всѣ подчиненныя имъ мѣста и лица къ исполненію законовъ и учрежденій“. Но дополнятъ законъ, тѣмъ менѣе замѣнять законы своими распоряженіями они не могутъ. Имъ только предоставлено „Разрѣшеніе силою существующихъ законовъ и учрежденій, всѣхъ затрудненій, встрѣчающихся при исполненіи и принятіи всѣхъ мѣръ, нужныхъ къ дѣй-

ствію законовъ или учрежденій, когда они утверждены и обращены къ исполненію министра". Даже сдѣлать общее циркулярное предписаніе въ поясненіе или подтвержденіе существующихъ правилъ и учрежденій—не было въ ихъ власти. На то требовалось разрѣшеніе Сената. Припомнимъ далѣе, что и свобода толкованія законовъ органами исполнительной власти была до крайности ограничена. Еще Наказъ Екатерины II осудилъ: обманчивое непостоянство самопроизвольныхъ толкованій". Лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ эта пассивная роль министровъ уступала мѣсто болѣе активной ср. ст. 195 и 196. Но потребности жизни была сильнѣе даже самодержавной воли. Министры никогда не были пассивными исполнителями закона.

Съ другой стороны чтобы развязать министрамъ руки *въ предѣлахъ* ихъ вѣдомствъ, всѣ министерства устроены на принципахъ бюрократическихъ, коллегіи упразднены (впрочемъ ихъ упраздненіе началось уже ранѣе, въ 1803 г.), и замѣнены департаментами и канцеляріями. Коллегіальное начало сохранилось только въ совѣтахъ при министрахъ, учрежденныхъ не во всѣхъ министерствахъ, и игравшихъ съ самаго начала весьма скромную роль. Члены совѣта министровъ быстро превратились въ чиновниковъ особыхъ порученій высшаго порядка. (На подробностяхъ организаціи Министерствъ теперь же не остановимся; это относится къ догматической части, такъ какъ учрежденія 1811 г. дѣйствуютъ до нынѣ).

Самымъ слабымъ мѣстомъ новаго учрежденія Министерствъ было недостаточно опредѣленная организація министерской отвѣтственности. Сперанскій это ясно сознавалъ. Но условія нашей государственной жизни были сильнѣе не только его воли, но и воли самого Александра I.

Только Сенатъ, облеченный правомъ непризрачнаго, а дѣйствительнаго которыя, могъ бы превратить министерства

въ дѣйствительно отвѣтственныхъ за свою дѣятельность органовъ исполнительной власти*),—но ни личный составъ Сената, ни его организація не представляли надежной для этого почвы.

§ 58. Учрежденія министерствъ 1811 г. сохранили Министерства: Иностранныхъ дѣлъ, Военное, Морское, Финансовъ, съ которымъ слилось Госуд. Казначейство, Юстиціи, Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ. Они упразднило Министерство Коммерціи (почему? въ точности неизвѣстно), и создали особое Министерство Полиціи, на которое возложена забота о внутренней безопасности; (это Министерство упразднено въ 1819 г.), наконецъ учреждено „Главное управленіе ревизіи государственныхъ счетовъ" (получившее впослѣдствіи названіе Госуд. Контроля). Въ 1809 г. уже появилось „Главное управленіе путей сообщеній**).

---

*) Сперанскій высказываетъ по этому вопросу слѣдующія мысли. „Отвѣтственность министровъ не должна состоять только въ словахъ; она должна быть существенною, а чтобы быть таковою, она должна предполагать особенный порядокъ составленія закона и его храненія, слѣдовательно установивъ государственную отвѣтственность надлежало установить и государственное сословіе, передъ коимъ она должна быть изъявляема. Предполагаемо было, что Сенатъ можетъ занять мѣсто сего сословія. На сей конецъ весьма основательно признано было нужнымъ дать или возвратить ему нѣкоторыя права и нѣкоторый видъ бытія политическаго. Но бытіе политическое образуется не словами, а внутреннимъ началомъ, изъ коего составъ его слагается. Никогда мѣсто по существу своему исполнительное и во всѣхъ отношеніяхъ отъ произволенія державной власти зависящее, не можетъ на себя принять характеръ политическаго, не можетъ замѣнить сословіе государственное, составленное посредствомъ народнаго представленія. Можетъ быть въ другихъ обстоятельствахъ въ высшей степени просвѣщенія, люди права сіи получившіе, пользуясь ихъ ружностью и мало по малу ихъ совершая, преуспѣли бы дать имъ современемъ истинное бытіе; но у насъ не могло сіе совершиться и впрочемъ жалѣть нельзя: ибо изъ сего образовалось бы сословіе аристократическое, истиннымъ пользамъ Россіи, самому духу правительства нашего совершенно противное".

**) Почти всѣ эти министерства сохранились до нынѣ, но въ ихъ внутреннемъ составѣ произошло не мало перемѣнъ, на которыхъ мы здѣсь не считаемъ необходимымъ остановится. Отмѣтимъ только что временно при Александрѣ I Министерство Народнаго Просвѣщенія было преобразовано въ Ми-

Министерства были такимъ образомъ реорганизованы, имъ дано общее „учрежденіе", опредѣляющее ихъ внутреннюю организацію, общій наказъ, опредѣляющій ихъ отношенія къ верховной власти, къ законодательному органу (Госуд. Совѣту), къ Сенату, къ суду, другъ къ другу. Но и этого было недостаточно. Каждому министерству предполагалось дать спеціальный наказъ, vademecum,—цѣлью котораго было опредѣлить „духъ" его дѣятельности.

Въ царствованіе Александра I появились впрочемъ только два наказа: министру финансовъ и министру полиціи (Наказъ министру полиціи переработанъ впослѣдствіи въ „Наказъ министру внутреннихъ дѣлъ"); при Николаѣ I изданъ наказъ министру госуд. имуществъ. Другіе министры наказовъ не получили.

Наказы Александровскаго времени носятъ яркій отпечатокъ экономическихъ и политическихъ теорій и воззрѣній той эпохи.

Наказы эти почти не содержатъ въ себѣ юридическихъ нормъ; за то они полны указаній политическихъ принциповъ, которыми должны руководствоваться министры; они содержатъ въ себѣ какъ бы послѣднее слово политической науки того времени, насколько оно было понято и усвоено государственными людьми Александровскаго царствованія. Они проникнуты вѣрою, что добытыя теоріею начала финансоваго и внутренняго управленія—незыблемы, абсолютны, что они поэтому спокойно могутъ быть включены въ наказы, долженъ-

———

нистерство Нар. Просвѣщенія и Исповѣданій, что при Николаѣ I появилось Министерство Императорскаго Двора (1826 г.), Министерство Государ. Имуществъ (въ 1837 г.).—что въ это царствованіе права министра предоставлены оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода и что появились какъ самостоятельныя учрежденія, поставленныя на равнѣ съ министерствами: отдѣленія Канцеляріи Его Величества: II (по дѣламъ кодификаціоннымъ), III (для завѣдыванія высшей государственной полиціей), IV (по дѣламъ учрежденій Императрицы Маріи Өеодоровны.

ствующіе навсегда опредѣлить характеръ и направленіе дѣятельности министра финансовъ и полиціи.

Разборъ наказа министру финансовъ не относится спеціально къ нашей задачѣ, но для характеристики доктринерскаго тона, въ которомъ составлены наказы Сперанскимъ и его сотрудниками, приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ него*).

Вотъ напр. статьи 844, 845 и 846:

„Въ предположеніи государственныхъ доходовъ министръ финансовъ наблюдаетъ, чтобы новые способы 1) не осушали источниковъ внутренняго государственнаго богатства, 2) чтобы распредѣлялись уравнительно на всѣ состоянія и промыслы, по мѣрѣ выгодъ каждаго, 3) чтобы не прикасались къ капиталамъ, нужнымъ для произведеній доходовъ по казеннымъ и частнымъ заведеніямъ, промысламъ, оборотамъ и дѣламъ, но отдѣлялись отъ чистыхъ ихъ прибытковъ, и 4) чтобы образъ взиманія ихъ былъ для правительства сопряженъ съ наименьшими издержками, а для частныхъ людей не былъ притѣснителенъ. (Кто не припомнитъ знаменитые принципы податной политики въ 5 книгѣ Wealth of nations А. Смита!)

Ст. 845. „Отъ частнаго лица или общества, или одного какого либо сословія, ни въ какихъ случаяхъ не можно требовать болѣе, нежели отъ другаго. Всѣ классы народа должны соразмѣрно состоянію ихъ и выгодамъ участвовать въ удовлетвореніи государственныхъ потребностей.

§ 846. При изысканіи источниковъ къ удовлетворенію необходимыхъ расходовъ, министръ финансовъ сохраняетъ

---

*) Этотъ Наказъ, написанный подъ вліяніемъ финансовыхъ и экономическихъ теорій Смита и его нѣмецкихъ послѣдователей, въ особенности Якоба, страннымъ образомъ до нынѣ фигурируетъ въ Сводѣ Законовъ въ I томѣ II части.—Съ точки зрѣнія этого Наказа вся финансовая политика нашихъ министровъ финансовъ есть цѣпь закононарушеній, начиная съ Канкрина и кончая Вышнеградскимъ! Пора бы сдать этотъ наказъ въ архивъ.

то правило, что лучше сдѣлать временный налогъ, нежели такой заемъ, коего скорый и благовременной платежъ не основанъ ни на какомъ вѣрномъ источникѣ доходовъ и который чрезъ то разрушаетъ государственный кредитъ".

Оказывается, что законъ уже въ 1811 г. осудилъ подушную подать, и что заключеніе займовъ вмѣсто реорганизаціи податной системы было не только ошибкой, но и законо нарушеніемъ!.

И въ другихъ отдѣлахъ Наказа господствуетъ эта доктринерская тенденція, это стремленіе втиснуть финансовую политику, а также политику торговую и индустріальную, въ рамки незаблемаго закона и замѣнить юридическія нормы положеніями науки того времени, признанными неизмѣнными, абсолютными.

Таковъ характеръ напр. статей: 858, 859, 867, 868 869, 873, 874 *).

---

*) Временное преумноженіе таможенныхъ доходовъ, если оно сопряжено съ стѣсненіемъ народной промышленности, приводитъ самые источники государственнаго богатства въ оскудѣніе.

Пошлинный сборъ не что иное есть, какъ налогъ на потребителей товаровъ. При учрежденіи сего налога должно имѣть въ виду пользу производящихъ отпускные товары, не отягощая чрезмѣрно и потребляющихъ привозимые.

Все, что служитъ къ поощренію вывоза, естественнымъ образомъ обращается къ умноженію и усиленію произведенія, а черезъ то самое и къ обогащенію государства.

Ничто столь не вредно для внутренней промышленности и трудолюбія, какъ стѣсненіе въ свободѣ вывоза домашнихъ произведеній и непостоянство въ системѣ заграничнаго торга. Одно непостоянство въ сей системѣ часто бываетъ причиною того вреда, который несправедливо иногда приписываютъ дѣйствію дозволеннаго вывоза.

Пошлина на привозимые товары, обращаясь въ налогъ на потребителей, должна быть располагаема по достатку ихъ и силамъ.

Но бокъ о бокъ съ этимъ теоріями просвѣщенной науки начала 19 столѣтія встрѣчается статья, доказывающая, что законодатель не отказывается отъ вѣры во всемогущество полицейскаго вмѣшательства.

„Роскошь на предметы иностранной торговли не можетъ быть ограничена посредствомъ одного тарифа. Запрещеніе ввоза будетъ тщетно, когда мѣрами внутренняго полицейскаго надзора не присѣчется употребленіе сихъ предметовъ внутри государства".

§ 59. Доктринерство и преклоненіе передъ французскими образцами вызвало и учрежденіе особаго Министерства Полиціи.

Этому министерству поручена полиція предохранительная, т. е. вѣдѣніе всѣхъ учрежденій общаго государственнаго благоустройства, (по хозяйственной и медицинской части) и полиція исполнительная и политическая. Къ вѣдѣнію первой относилось: исполненіе судебныхъ приговоровъ, сборъ недоимокъ, устройство смирительныхъ, работныхъ домовъ, тюремъ, производство слѣдствій, наконецъ полицейскій судъ съ довольно широкой компетенціей. Въ вѣдѣніи этого министерства состояла и только что учрежденная жандармерія (отошедшая въ 1826 г. уже послѣ упраздненія министерства полиціи въ вѣдѣніе особаго учрежденія „высшей полиціи" знаменитаго III отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи).

И министерство полиціи получило наказъ. Онъ не испещренъ теоретическими разсужденіями подобно наказу министру финансовъ, но страдаетъ шаткостью, неясностью и неопредѣленностью положеній, въ особенности въ отдѣлѣ II, (Сношенія съ Министерствомъ Юстиціи), гдѣ законодатель старается опредѣлить компетенцію полицейскаго суда. Къ сожалѣнію эти столь неудовлетворительно редактированныя статьи 74, 75, 76 и 77 почти безъ измѣненія перешли въ Наказъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, ст. 1358, 1359, 1360, 1361, дѣйствующія до нынѣ*).

Не смотря на указанные выше принципы гуманной финансовой политики, ст. 882 постановляетъ: министръ финансовъ наблюдаетъ, чтобы сборы и доходы, остающіеся въ недоимкѣ, непремѣнно взыскиваемы были безъ послабленія. Для сего онъ сносится съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и требуетъ въ нужныхъ случаяхъ полнаго его содѣйствія".

*) Вотъ эти статьи: § 74. Одни маловажныя полицейскія вины и способы воздержанія отъ нихъ (sic), на точномъ основаніи Полицейскаго Устава, принадлежатъ непосредственному дѣйствію полиціи.

§ 75. Во всѣхъ прочихъ винахъ какъ въ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, какъ въ правѣ личномъ, такъ и въ правѣ на имущества, производство слѣдствія и всѣ мѣры, къ тому относящіяся, принадлежатъ полиціи.

Министры, поставленные во главѣ учрежденныхъ въ 1811 г. министерствъ, должны были быть непосредственными исполнителями воли Самодержца и его непосредственными, другъ отъ друга независимыми и другъ другу равными совѣтниками. Но въ эпоху Александра I объ этомъ не было рѣчи. Могущественный временщикъ Аракчеевъ, предсѣдательствовавшій въ т. н. Комитетѣ Министровъ, органѣ, появившемся какъ бы нечаянно, вопреки принципамъ, положеннымъ въ основу реформъ 1810—1811 годовъ, образовавшемся изъ еженедѣльныхъ совмѣстныхъ докладовъ министровъ—государю—подчинилъ себѣ всѣхъ министровъ, играя роль перваго министра, посредника между Самодержцемъ и начальниками отдѣльныхъ вѣдомствъ. Только съ воцаренія Николая I прекращается это фактическое „Министерство" Аракчеева. Комитетъ министровъ превращается въ коллегію, задача которой—обсужденіе опредѣленныхъ въ изданномъ для Комитета, спеціальномъ положеніи дѣлъ, и центръ тяжести высшей администраціи переходитъ къ непосредственнымъ докладамъ министровъ въ кабинетѣ Государя. Министерства рѣзко обособляются другъ отъ друга и каждое изъ нихъ превращается по выраженію одного современнаго публициста въ „государство въ государствѣ", независимое и ведущее съ другими безпрестанную борьбу. (Современную организацію министерствъ мы разсмотримъ въ догматической части).

Реформы Сперанскаго должны были коснуться и мѣстнаго управленія;—но реорганизаторская дѣятельность геніальнаго друга Александра I какъ извѣстно прекратилась внезапно, благодаря проискамъ такихъ сомнительныхъ дѣльцовъ какъ Армфельтъ, Балашовъ и Розенкампфъ. Мѣстное управ-

---

§ 76. Но какъ скоро слѣдствіе будетъ окончено, то дѣйствіе полиціи пресѣкается и дѣло поступаетъ въ судъ постановленнымъ порядкомъ.

§ 77. По окончаніи суда, приговоръ его или опредѣленіе полиція исполняетъ съ точностію и безпрекословно".

леніе сохранилось неизмѣннымъ на Екатерининскихъ началахъ *).

„Положеніе дѣлъ въ губерніяхъ, говоритъ Градовскій въ замѣчательной статьѣ „Проектъ Губернской реформы" (Политика, Исторія и Администрація стр. 510) было не особенно утѣшительно. Должность губернатора оставалась въ неопредѣленномъ положеніи; поэтому она не вполнѣ и удовлетворяла своему назначенію. Слабость средствъ мѣстнаго надзора, хотя здѣсь, кромѣ губернатора, былъ еще и прокуроръ, сознавалась всѣми. Но правительство, вмѣсто того, чтобы преобразовать должность губернатора, обратилось къ мысли возстановленія генаралъ-губернаторовъ. Екатеринѣ II такая ошибка была бы простительна: но правительству Александра I это было непростительно. Оно имѣло уже министерства; оно могло сообразить, что, возстановляя должность генералъ-губернаторовъ, оно ставитъ между губерніей и высшимъ правительствомъ сильную власть, которая можетъ парализовать оба рода учрежденій и препятствовать правильному ходу администраціи. Мысль объ учрежденіи генаралъ-губернаторствъ была особенно любезна извѣстному Балашову, бывшему министру полиціи, который въ это время былъ безъ мѣста. Онъ взялся быть первымъ генералъ-губернаторомъ, составитъ образцовое намѣстничество и сочинитъ проектъ этого учрежденія для всей имперіи. Ему ввѣрены были пять губерній, изъ которыхъ составлено рязанское генералъ-губернаторство. Какъ онъ управлялъ имъ — объ этомъ свидѣтельствуютъ мѣстные старожилы, которые и теперь еще помнятъ о такъ называемой ими „балашовщинѣ". Проектъ Балашова былъ разсмотрѣнъ въ Комитетѣ Министровъ и от-

*) Сперанскій самъ, благодаря своей почетной ссылкѣ, имѣлъ возможность организовать мѣстное управленіе Сибири, и при этомъ ознакомиться съ неутѣшительными фактами нашей мѣстной административной жизни начала 19 столѣтія.

вергнутъ, рязанское генералъ-губернаторство было упразднено, и въ большинствѣ русскихъ губерній остались одни губернаторы. Должность генералъ-губернаторская превратилась въ чрезвычайную политическую должность, которая имѣла своихъ представителей только на окраинахъ".

Единственнымъ нововведеніемъ въ организаціи мѣстнаго управленія, которое могло бы приносить хорошіе плоды,— при условіи дѣйствительнаго, а не на бумагѣ только, исполненія, была организація въ 1805 г. особыхъ губернскихъ комитетовъ для устраненія безпорядковъ, господствовавшихъ при раскладкѣ т. н. земскихъ повинностей. Въ составъ этихъ комитетовъ входили губернаторъ, вице-губернаторъ и губернскій предводитель дворянства. Комитеты составляли смѣты всѣхъ потребныхъ издержекъ на устройство дорогъ, почтовыхъ станцій и т. д., раскладку же по этимъ смѣтамъ земскихъ повинностей на каждое трехлѣтіе предоставлено дѣлать депутатамъ отъ дворянства и городовъ. Черезъ каждое трехлѣтіе представлялся отчетъ дворянскому собранію объ употребленіи суммъ. Слѣдовательно, мѣстное общество получило какъ бы право контролировать дѣйствія администраціи. Къ сожалѣнію общество того времени не сумѣло оцѣнить всю важность этого права и воспользоваться имъ.

§ 61. 30-лѣтнее царствованіе Николая I не внесло въ строй русскаго управленія и его „права" никакихъ важныхъ перемѣнъ и не измѣнило характера администраціи. „Полицейское государство" держалось твердо на принципахъ просвѣщеннаго абсолютизма, получившаго яркое воплощеніе въ неутомимо трудящемся, рыцарскомъ, энергичномъ царѣ-богатырѣ, „служившемъ" Россіи и державшемъ команду въ своихъ рукахъ съ твердою вѣрою въ возможность и необходимость управлять громаднымъ государствомъ безъ всякаго дѣятельнаго участія общества, лишь при посредствѣ сложнаго механизма коронныхъ должностей и учрежденій, безпрекослов-

но и точно (какъ онъ думалъ) исполнявшихъ его державныя предначертанія для блага горячо любимаго народа. И Николай I ставилъ высоко законъ и законность въ управленіи; потому онъ и настоялъ на исполненіи великаго дѣла составленія свода законовъ, котораго не успѣли совершить его предшественники. Но подобно Петру онъ понималъ законность въ управленіи не какъ гарантію правъ подданныхъ, а какъ механизмъ регулирующій дѣятельность должностныхъ лицъ, какъ залогъ точнаго и неукоснительнаго исполненія ими всѣхъ служебныхъ обязанностей и какъ рамки, въ которыя должна вмѣститься правильная, мирная, добропорядочная жизнь всего населенія, руководимая во всѣхъ отношеніяхъ отечески заботившимся обо всемъ правительствомъ.

Въ Сводѣ Законовъ было кодифицировано не только гражданское право (въ X томѣ), уголовное право (XV т.), основное государственное право (I томъ, I часть, отчасти вторая часть I тома и IX томъ, законы о состояніяхъ),—но и административное право (вторая часть I тома, II и III, и всѣ остальные томы, за исключеніемъ IX, и XV). Ни одно изъ западно-европейскихъ государствъ, кромѣ Швеціи, не имѣло ни кодекса, ни свода административнаго права, и поэтому консолидація административныхъ законовъ въ Россіи должна быть признана выдающимся явленіемъ, и императоръ Николай I ставилъ это дѣло себѣ въ великую заслугу. Въ то время никто въ Россіи не задавалъ себѣ вопроса, можетъ ли вообще административное право быть сведено въ одно прочное, постоянное цѣлое?, почему юристы Наполеона I создали кодексы гражданскій и уголовный, но даже не пытались составить кодексъ административный? И къ сожалѣнію это великое дѣло страдало великими недостатками. Слабыя стороны нашего свода особенно сильно проявились въ томахъ, содержащихъ въ себѣ административные законы. Смѣшеніе въ одно пестрое цѣлое юридическихъ нормъ съ нормами эти-

ческими и техническими, смѣшеніе законовъ съ совѣтами, научными положеніями, постановленій изданныхъ явно на время съ постановленіями постоянными (образчики чему приведены выше въ наказахъ министрамъ финансовъ и полиціи), неполнота, неясность, неточность выраженій (которыми отличаются въ особенности наши полицейскіе уставы, напр. „Уставы о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“)—все это сдѣлало изъ нашего свода очень шаткое и непрочное руководство для администраціи. И эти многорѣчивые, открывающіе широкую возможность произвольнаго, пристрастнаго толкованія, законы, имѣли своимъ исполнителемъ не сословіе научно образованыхъ юристовъ, а административный персоналъ пополняющійся лицами, оставившими (часто только на время!) фронтовыя военныя занатія или вышедшими изъ низшихъ разрядовъ канцелярскихъ служителей. Небольшое количество юристовъ и камералистовъ, которыхъ готовили Университеты, Училище Правовѣдѣнія и Лицеи (Царскосельскій и Демидовскій) терялись въ массѣ подъячихъ съ образованіемъ, полученнымъ въ семинаріяхъ, уѣздныхъ училищахъ и школахъ военныхъ кантонистовъ.

Уставъ о службѣ гражданской (III томъ) установилъ только испытаніе для полученія званія канцелярскаго служителя и правительство, послѣ неудачи, постигшей извѣстную мѣру, принятую въ царствованіе Александра I (когда установлены были государственные экзамены для производства въ VIII классъ), не рѣшилось установить образовательный цензъ для поступающихъ на службу въ административныя учрежденія. Результаты такого порядка вещей были ясны: дилетантизмъ и рутина продолжали царствовать въ администраціи, не только мѣстной, но и въ высшей центральной, а законность проявлась во внѣшней, обрядовой формалистикѣ. Поставленное на столъ каждаго присутственнаго мѣста зерцало законовъ съ вставленными въ рамки знаменитыми указами Петра В. „о

храненіи правъ гражданскихъ", о закономѣрности повиновенія, было красивымъ украшеніемъ—и только!

Организація высшей администраціи, какъ мы замѣтили выше въ царствованіе Николая I мало измѣнилась. Самымъ выдающимся фактомъ было: учрежденіе „III отдѣленія" Собств. Е. И. В. Канцеляріи; органа высшей государственной полиціи*), Министерства Госуд. Имуществъ, развившагося изъ

*) „Съ 1839 г., говоритъ профессоръ Тарасовъ (Очеркъ науки полицейскаго права, 1897 г. стр. 25) это III отдѣленіе окончательно пріобрѣтаетъ значеніе вполнѣ самостоятельнаго полицейскаго учрежденія, не только независимаго отъ администраціи и слѣдовательно, оторваннаго отъ всей остальной полиціи, но даже какъ бы стоящаго выше ея, причемъ управляющему этимъ отдѣленіемъ поручено было начальство надъ корпусомъ жандармовъ, въ качествѣ шефа. Основная мысль этого учрежденія, предметы вѣдомства котораго быстро наростали, заключалась въ томъ, чтобы независимо отъ дѣятельности органовъ юстиціи и примѣненія общихъ полицейскихъ мѣръ, предупреждать и пресѣкать всякаго рода зло широкою „наблюдательною" дѣятельностью и расправой, т. е. внѣ судебными мѣрами опредѣленной формы, примѣнявшимися органами этой высшей полиціи". Въ сущности учрежденіе такого органа архиполицейскаго надзора было не что иное какъ testimonium paupertatis выданное всей администраціи и проявленіе неоднократно указанной нами отличительной черты полицейскаго государства: недовѣрія къ своимъ собственнымъ органамъ.

Въ „Русскомъ Архивѣ" (1889, II, 396) напечатана инструкція графа Бенкендорфа (перваго шефа жандармовъ) чиновнику „третьяго отдѣленія. Эта инструкція прекрасно характеризируетъ взгляды правительства на задачи государственной полиціи, но и содержитъ въ себѣ невольное рѣзкое осужденіе всей „нормальной администраціи" того времени.

„Стремясь выполнить въ точности Высочайше возложенную на меня обязанность и тѣмъ самымъ способствовать благотворительной цѣли Государя Императора и отеческому Его желанію *утвердить благосостояніе и спокойствіе всѣхъ въ Россіи сословій, видѣть ихъ охраняемыми законами и возстановить во всѣхъ мѣстахъ и властяхъ совершенное правосудіе*, я поставлю вамъ въ непремѣнную обязанность, не щадя трудовъ и заботливости свойственныхъ вѣрноподданному, наблюдать по должности вашей слѣдующее:

1) Обратить особенное ваше вниманіе на могущія произойти безъ изъятія во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ злоупотребленія, безпорядки и закону противные поступки.

2) Наблюдать, чтобъ спокойствіе и права гражданъ не могли быть нарушены чьей либо личною властью или преобладаніемъ сильныхъ лицъ, или пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ.

учрежденнаго въ 1835 г. V отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, центральнаго органа для завѣдыванія государственными лѣсами, оброчными статьями, государственными крестьянами, и имѣвшаго еще задачей подготовить путемъ образцоваго устройства государственныхъ крестьянъ—реформу быта крестьянъ всей Россіи. (Этотъ фактъ извѣстенъ и особенно рельефно это намѣреніе Николая I высказывается въ разговорахъ съ графомъ Киселевымъ, записанныхъ послѣднимъ и напечатанныхъ въ „Очеркѣ пятидесятилѣтней дѣятельности Министерства государственныхъ имуществъ 1837—1887 г.,

---

3) Прежде нежели приступать къ обнаруживанію встрѣтившихся безпорядковъ, вы можетъ лично сноситься и даже предъвѣрять начальниковъ и членовъ тѣхъ властей или судовъ или тѣ лица, между коихъ замѣчены вами будутъ незаконные поступки, и тогда уже доносить мнѣ, когда ваши домогательства будутъ тщетны, ибо цѣль вашей должности должна быть прежде всего предупрежденіе и отстраненіе всякаго зла. Напримѣръ, дойдутъ ли до вашего свѣдѣнія слухи о худой нравственности и дурныхъ поступкахъ молодыхъ людей, предварите о томъ родителей или тѣхъ, отъ коихъ участь ихъ зависитъ, или добрыми вашими внушеніями старайтесь поселить въ заблудшихъ стремленіе къ добру и возвести ихъ на путь истинный прежде, нежели обнаружить гласно ихъ худые поступки предъ правительствомъ.

4) Свойственныя вамъ благородныя чувства и правила несомнѣнно должны вамъ пріобрѣсти уваженіе всѣхъ сословій и тогда званіе ваше, подкрѣпленное общимъ довѣріемъ, достигнетъ истинной своей цѣли и принесетъ очевидную пользу Государству. Въ васъ всякой увидитъ чиновника, который черезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго и беззащитнаго и безгласнаго гражданина немедленно поставить подъ Высочайшую защиту Государя Императора.

Сколько дѣлъ, сколько безаконныхъ и безконечныхъ тяжбъ посредничествомъ вашимъ прекратиться могутъ, сколько злоумышленныхъ людей, жаждущихъ воспользоваться собственностью ближняго, устрашатся приводить въ дѣйствіе пагубныя свои намѣренія, когда они будутъ удостовѣрены, что невиннымъ жертвамъ ихъ алчности проложенъ прямой и кратчайшій путь къ покровительству Его Императорскаго Величества.

На таковомъ основаніи вы въ скоромъ времени пріобрѣтете себѣ многочисленныхъ сотрудниковъ и помощниковъ; ибо всякой гражданинъ, любящій свое отечество, любящій правду и желающій зрѣть повсюду царствующую тишину и спокойствіе, потщится на каждомъ шагу васъ охранять и вамъ содѣйствовать полезными своими совѣтами и такъ быть сотрудникомъ благихъ намѣреній своего Государя".

стр. 13—15. Императоръ назвалъ Киселева своимъ „начальникомъ штаба по крестьянской части").

Вмѣстѣ съ министромъ государственныхъ имуществъ появились и новыя мѣстныя учрежденія: палаты государственныхъ имуществъ и окружные начальники просуществовавшіе до реформы 1865 г., (органы бдительной опеки надъ госуд. крестьянами).

§ 62. Въ организаціи мѣстнаго управленія проявилось стремленіе точнѣе опредѣлить и отграничить кругъ вѣдомства каждаго органа и въ особенности точнѣе опредѣлить компетенцію губернатора и губернскаго правленія. Въ 1837 г. появляется наказъ губернаторамъ. Организуя губернаторскую должность правительство имѣло въ виду слѣдующія цѣли:

1) Чтобы всѣ мѣста и лица губернскаго управленія дѣйствовали по возможности самостоятельно, въ предѣлахъ своихъ уставовъ, каждое по своей части, подчиняясь мѣстному надзору губернатора и высшему своего центральнаго вѣдомства. (казенная палата стояла въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ; палата государственныхъ имуществъ—въ вѣдѣніи Министерства Госуд. Имуществъ).

2) Чтобы надзоръ губернатора, приводя мѣстную администрацію къ должному единству, не нарушалъ однако, особенностей каждаго вѣдомства.

3) Чтобы права сословныхъ и общественныхъ учрежденій оставались неприкосновенными.

Должнвсть губернатора по наказу 1837 г. имѣла двойственный характеръ: рядомъ съ правами надзора, губернаторъ соединялъ во своемъ лицѣ право непосредственнаго управленія различными частями. Здѣсь онъ дѣйствовалъ черезъ множество коммиссій и комитетовъ, состоявшихъ подъ его предсѣдательствомъ. Таковы: приказъ общественнаго призрѣнія, строительная и дорожная коммиссіи, коммиссія народнаго продовольствія и т. д. Наказъ назвалъ губернатора

„хозяиномъ губерніи“, и дѣйствительно губернаторъ, могъ быть, разъ онъ умѣлъ пользоваться всѣми своими привиллегіями,—настоящимъ хозяиномъ въ ввѣренномъ ему краѣ. Нѣкоторою, и то ограниченною независимостью отъ него пользовались лишь: предводитель дворянства, предсѣдатели судебныхъ палатъ (гражданской и уголовной) и губернскіе прокуроры, наконецъ вполнѣ независимо отъ него стояли мѣстные органы III отдѣленія, жандармскіе штабъ-офицеры *).

Весь же остальной служилый людъ губерніи стоялъ въ полномъ подчиненіи у губернатора, наравнѣ съ выборными представителями мѣстныхъ городскихъ обществъ городскими головами и членами шестигласной думы. О мѣстномъ общественнымъ „самоуправленіи“ рѣчи не могло быть **). Организація городской полиціи въ царствованіе Императора Николая I никакимъ существеннымъ перемѣнамъ не подверглась, не то слѣдуетъ сказать про уѣздную полицію.

§ 63. Въ 1837 г. издано „положеніе о земской полиціи“. Оно

*) Въ сферѣ администраціи единственнымъ ограниченіемъ власти губернаторовъ было учрежденіе комитета земскихъ повинностей и право дворянства на повѣрку отчетовъ по земскимъ сборамъ. О томъ что это право оставалось на бумагѣ мы говорили выше.

**) Городъ вѣдаетъ никакъ не дума въ теченіе цѣлыхъ почти 3 четвертей столѣтія; онъ въ исключительномъ вѣдѣніи во всѣхъ отношеніяхъ начальника губерніи и подчиненныхъ ему органовъ. Значеніе въ этомъ отншеніи думъ, какъ органовъ городскаго самоуправленія, сводилось къ выдачѣ денегъ на извѣстныя потребности, нужды и пользы, удовлетворяемыя правительственными административными учрежденіями. Думы не пользовались даже инициативой по отношенію къ усиленію городскихъ доходовъ. Этимъ занимались уже знакомые намъ комитеты (дорожные, строительные, врачебные), или за отсутствіемъ ихъ, сами начальники губерній; тѣ или другіе составляли примѣрныя росписи городскихъ доходовъ, потребныхъ на удовлетвореніе „пользъ и нуждъ“ города, представляли ихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ они превращались въ проекты, шедшіе на утвержденіе Государственнаго Совѣта. Такимъ образомъ, городскія учрежденія, а. стало быть, и городское овщество, совершенно устранялись отъ всякаго участія въ изысканіи городскихъ доходовъ“. (Дитятинъ).

ввело новое специально полицейское дѣленіе уѣзда на станы, завѣдываніе которыми отдано новому же полицейскому органу: становому приставу, имѣвшему особую становую квартиру въ станѣ, какъ мѣсто своего постояннаго жительства. Изданы и особые наказы для регулированія дѣятельности органовъ земской (а также) городской полиціи. Высшій въ мѣстности надзоръ за тѣмъ, чтобы полиція не допускала медленности, безпорядка и неправильныхъ дѣйствій былъ порученъ губернскому правленію, которое получило право преслѣдовать, останавливать и отмѣнять всякое дѣйствіе полиціи. Въ эту же эпоху существеннымъ образомъ измѣнился хаvактеръ полицейскихъ должностей. При учрежденіи становыхъ приставовъ, право назначенія ихъ предоставлено губернатору; дворянскимъ собраніямъ предоставлено только право предлагать кандидатовъ на этотъ постъ.

Въ руки же губернатора фактически перешло право назначать исправниковъ, причемъ имъ рекомендовано по возможности назначать на эту должность лицъ изъ мѣстнаго дворянства; избраніе исправниковъ дворянствомъ уже въ царствованіе Николая I сдѣлалось фикціей. Мѣстные органы земской полиціи такимъ образомъ потеряли характеръ органовъ сословнаго самоуправленія, который имъ былъ присвоенъ законодательствомъ Екатераны II. Какъ въ центрѣ, такъ и въ мѣстности бюрократическій элементъ получилъ полный перевѣсъ *).

---

*) Мѣстные органы полиціи, начиная съ главы губернской полиціи, губернатора и кончая нижнимъ земскимъ судомъ и подчиненными имъ органами— становятся органами административной статистики. На всѣхъ нихъ возложена обязанность собиранія и доставленія въ учрежденное въ 1834 г. въ составѣ Мин. Внутрен. Дѣлъ статистическое отдѣленіе, статистическихъ данныхъ. Въ качествѣ спеціальнаго мѣстнаго органа административной статистики въ 1837, учреждаются въ губерніяхъ статистическіе комитеты, первые по времени представители т. н. смѣшанныхъ присутствій, т. е. органовъ коллегіальныхъ, въ составъ которыхъ входятъ и коронныя должностныя лица и представители сословнаго общества.

Царствованіе Николая I было апогеемъ военно-полицейскаго государства. Съ помощью безпощадной строгости, безпрестаннаго, неусыпнаго контроля, проведенія военной дисциплины во всѣ отрасли жизни общественной,—Императоръ думалъ втиснуть громадный государственный организмъ въ рамки механическаго порядка и правильности. Своей властной рукой онъ думалъ указать направленіе, по которому должна была развиться промышленность, двигаться торговля, оживиться обмѣнъ, цѣнностей, по которому должно было идти умственное развитіе, мысль ученыхъ, литераторовъ, развитіе художествъ и техники. При помощи всесильной администраціи все многомилліонное разноплеменное населеніе должно было слиться въ одно національное единство, жить подъ однимъ закономъ, говорить однимъ языкомъ, повозможности объединенное и вѣрою.

На смертномъ одрѣ, въ разгаръ крымской войны, умирающій Царь богатырь обратился къ наслѣднику, будущему Царю освободителю, съ такими словами: „Всѣ мои заботы, всѣ усилія были направлены на благо Россіи, я хотѣлъ продолжать трудиться такъ, чтобы передать тебѣ имперію въ твердомъ порядкѣ, безопасную извнѣ, вполнѣ счастливую и спокойную. Но ты видишь, въ какое время, при какихъ обстоятельствахъ я умираю. Такъ угодно Богу, тебѣ трудно будетъ".

Крымская кампанія доказала что военно-полицейское управленіе на основѣ крѣпостничества, устранившее всякую общественную самодѣятельность, не успѣло обезпечить безопасности и благосостоянія государства, не осчастливило народъ, не водворило порядка*).

---

*) Самый суровый приговоръ надъ дореформенной государственно-общественной жизнью Россіи произнесенъ самымъ ревностнымъ защитникомъ основы русскаго государственнаго строя, самодержавія, М. Н. Катковымъ (Московскія Вѣдомости 1866 г. № 154):

§ 64. Основною причиною, о которую разбивались всѣ усилія

„Наука? Науки не было—была бюрократія. Право собственности? Его не было—была бюрократія. Законъ и судъ? Суда не было—была бюрократія. Церковнаго управленія не было—была бюрократія. Администрація?—Администраціи не было—было постоянно организованное превышеніе власти, а съ симъ вмѣстѣ и ея бездѣйствіе въ ущербъ интересамъ казеннымъ и частнымъ“.

Audiatur et altera pars! Приведемъ слова Дмитріева въ защиту нашей бюрократіи. (Сперанскій и его государственная дѣятельность. Русскій Архивъ. 1868 г.).

„Господство бюрократіи было плодомъ неразвитости общественныхъ элементовъ, которая долго дѣлала ихъ неспособными къ государственной роли. Въ обществѣ, сознающемъ интересы народнаго единства и умѣющемъ жертвовать имъ частною выгодой, бюрократія не усилится. Мѣсто его займутъ сословія, общины, корпораціи, которыя въ административныя дѣла внесутъ начала самоуправленія, а въ государственныя—разумное содѣйствіе верховной власти. Бюрократія останется въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она необходима. Но если общество держится только матеріальными интересами, или безсознательною связью племеннаго единства; если, нуждаясь въ государственной власти, оно не умѣетъ содѣйствовать ей и руководится только частною пользою, то государству нѣтъ другаго средства, какъ усилить собственныя орудія. Чиновники являются здѣсь не однимъ изъ органовъ политической жизни, но исключительными ея представителями, добровольное содѣйствіе общественныхъ силъ замѣняется слѣпою покорностью людей, безусловно зависящихъ отъ власти и связанныхъ съ него личной выгодой. Государство набираетъ для внутренняго управленія армію чиновниковъ точно также, какъ для внѣшней защиты оно набираетъ армію солдатъ. Стоитъ только вспомнить исторію западной Европы, чтобы убѣдиться въ справедливости этого. Бюрократія не развилась только тамъ, гдѣ какъ въ Англіи или Нидерландахъ, сословія не стояли враждебно другъ къ другу и были рано вынуждены содѣйствовать общему дѣлу. Гдѣ же, напротивъ, они были разъединены и не умѣли проникнуться государственными цѣлями, тамъ, въ интересахъ самаго народа, должна была создаться централизація, и побѣда государственной власти оставила за собою легіоны чиновниковъ. У насъ если и не было борьбы сословій, то была за то другая, не менѣе сильная причина. Государство нигдѣ не встрѣчало ни поддержки, ни препятствій. На немъ лежала тяжелая обязанность созидать учрежденія, не выработанныя народною жизнью, но необходимыя Россіи для ея безопасности и развитія. Отъ того бюрократія появилась у насъ съ первыми началами государственнаго порядка. Она была вызвана несостоятельностью московскаго боярства, не умѣвшаго перемѣнить старыя понятія дружины на другія, болѣе государственныя. Великому князю всея Руси трудно было расчитывать на людей, которые не дѣлали различія между Литвою и Русью. Отъ того князья привыкали дѣлать дѣла, запершись въ своей опочевальнѣ, окруженные незнатными дьяками. Бюрократія развилась и усилилась вслѣдствіе слабости общиннаго быта, не удовлетворявшаго главнымъ потребностямъ государства.

русскихъ самодержцевъ ввести закономѣрность въ административный строй и создать административное право, было существованіе крѣпостнаго права, перешедшаго изъ рукъ Николая I въ руки преемника его престола, непоколебленнымъ въ своихъ основахъ, хотя ослабленнымъ въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ. Крѣпостное право держало половину всего населенія Россіи внѣ сферы права. Говорили часто, что помѣщики составляли даровую полицейскую власть въ государствѣ. Можетъ быть это такъ и было; но эта полицейская власть была безконтрольна, осуществлялась нестолько въ интересахъ государства, сколько въ интересахъ помѣщичьяго домашняго обихода, а что главное—она не была органомъ управленія надъ людьми, а органомъ господства надъ вещами въ людскомъ образѣ. Въ большинствѣ помѣстій господствовала тишина и порядокъ; но это была тишина и порядокъ кладбища, могильный гной котораго проникалъ во всѣ слои окружавшей его земли. Немалое количество помѣстій

Передъ реформою Петра Великаго она стояла, готовая и могучая, проникая всѣ отрасли управленія и всюду принося духъ такого формализма, какому и позже немного было примѣровъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи она подверглась только той перемѣнѣ, что сдѣлалась гораздо образованнѣе и принимала участіе въ лучшихъ законодательныхъ мѣрахъ. На эту то благопріятную перемѣну, вызванную впрочемъ самимъ временемъ, Сперанскій имѣлъ вліяніе. Ему принадлежитъ честь тѣхъ косвенныхъ мѣръ, которыя въ государственной службѣ упрочили первое мѣсто за образованіемъ и дали ему перевѣсъ надъ посѣдѣлою рутиной. Если дѣятельность русскаго чиновничества и была замѣтнѣе въ наше время, то причина этого въ томъ, что на долю его выпадало болѣе серьезныхъ вопросовъ, и что, по мѣрѣ развитія управленія, оно естественно принимало большіе размѣры; но въ характерѣ этого явленія не было ничего новаго. Говоря объ администраціи XIX вѣка, этого не надобно упускать изъ виду. Справедливая жалоба на недостатки настоящаго порядка не должны переноситься въ прошедшее. Какъ ни законно требованіе большей самостоятельности для общества, оно не даетъ намъ права бросать камень въ людей, которые дѣйствовали при другихъ условіяхъ! Осуждая недостатки бюрократическаго порядка, не забудемъ, что бюрократіи нынѣшняго столѣтія мы обязаны лучшими реформами, бывшими у насъ до сихъ поръ, и которыхъ прежде кромѣ ея, некому было ни задумать, ни исполнить. Въ этомъ отношеніи исторія обязана отдать ей справедливость“.

съ селами и деревнями отличалось благоустройствомъ, не рѣдки были примѣры зажиточныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, имѣвшихъ хорошій рабочій скотъ, хорошіе посѣвные сѣмена, неразвалившуюся хижину, не мало оброчныхъ крестьянъ торговало въ городахъ, занималось доходными промыслами—но все это благосостояніе, весь этотъ стройный хозяйственный порядокъ не имѣли прочной основы. Усмотрѣніе помѣщика было закономъ крѣпостной жизни и воля господская была вполнѣ неопредѣленной границей крестьянской самодѣятельности.

Вѣчный „precarium" не можетъ быть прочной основой государственнаго строя. Только добродушный характеръ долготерпца, русскаго народа, предохранилъ государство отъ погибели въ минуты, когда оно подвергалось колебанію всѣхъ своихъ устоевъ, въ эпоху Стеньки Разина, и Пугачева, но столь часто возобновлявшіяся возмущенія крестьянъ напоминали всякому, что эта громадная масса можетъ поддаться и искушенію испробовать свои дремавшія силы. Царь Освободитель Александръ II сознавалъ это—и высказалъ эту мысль въ своей извѣстной рѣчи къ московскому дворянству въ 1856 г., сказавъ, что нужно уничтожить крѣпостное право сверху, прежде чѣмъ оно начнетъ уничтожаться снизу.

§ 65. 19 февраля 1861 г. крѣпостное право пало. Здѣсь не мѣсто входить въ изложеніе хода великой реформы, въ условія ея осуществленія.—Извѣстно, что крестьяне стали не только свободными личностями, но и сословіемъ свободныхъ землевладѣльцевъ ограниченнымъ въ свободѣ распоряженія землею общинными порядками. Общинное землевладѣніе, въ которомъ почему то большинство литераторовъ этого времени и наиболѣе вліятельные и дѣятельные сподвижники великаго дѣла реформы, видѣли національносамобытный славянскій институтъ, легло въ основу жизни крестьянскаго сословія. Основою всего государственно-общественнаго строя

обновленной Россіи, вмѣсто помѣщичьей власти долженъ быть „міръ“, деревенская община, пользующаяся широкимъ, почти неограниченнымъ самоуправленіемъ, регулирующая свою жизнь только положеніемъ 19 февраля 1861 года и обычнымъ правомъ,—связаная передъ правительствомъ круговою порукою въ отношеніи своихъ фискальныхъ повинностей. Только совокупность фискальныхъ повинностей и налогъ на кровь (рекрутская повинность и замѣнившая ее всеобщая воинская повинность) были точками соприкосновенія этого своеобразнаго крестьянскаго міра съ міромъ общегражданскимъ, въ которомъ жили другія сословія: дворяне, купцы, мѣщане. Только выходя изъ сферы „міра“, вступая въ сферу фабричныхъ рабочихъ, мелкихъ торговцевъ, промышленниковъ и ремесленниковъ, въ городахъ, т. е. переставая быть фактически крестьяниномъ—крестьянинъ вступалъ въ сферу дѣйствія общаго гражданскаго и административнаго права.

Оптимистическія ожиданія, которыми сопровождалась великая крестьянская реформа, убѣжденіе, что дарованная свобода улучшитъ хозяйственный бытъ крестьянскаго сословія, подыметъ уровень ихъ нравственнаго и ихъ умственнаго развитія, и что свободное крестьянство бокъ о бокъ съ освобожденнымъ отъ опеки надъ крестьянами дворянствомъ заживетъ полною счастливою жизнью, не оправдались. Никакихъ подготовительныхъ мѣръ, которыя облегчили бы поземельному дворянству переходъ отъ незатѣйливыхъ, патріархальныхъ формъ хозяйничанія къ новымъ условіямъ экономическаго быта—не было принято. Поземельнаго кадастра ни было, генеральное межеваніе далеко не вездѣ совершилось, ипотечной системы не было, не было опредѣленнаго способа оцѣнки земель, не было прочно и раціонально организованныхъ учрежденій поземельнаго кредита, не было наконецъ пользующихся общимъ довѣріемъ сильныхъ полицейскихъ

властей на мѣстѣ, могущихъ предотвратить неизбѣжныя столкновенія терявшихъ свою власть помѣщиковъ съ опасными элементами въ крестьянской средѣ. А безъ этихъ институтовъ нельзя было ожидать, что лишенные своего авторитета, своего экономическаго преобладанія—помѣщики спокойно останутся въ своихъ усадьбахъ, увѣренные въ счастливомъ будущемъ, готовые, не только на видъ, но и по убѣжденію помириться съ реформою и спокойно начать новую жизнь. Помѣстья опустѣли, пошли въ продажу, поземельное дворянство потекло въ коронную службу, въ городъ—а во многихъ случаяхъ заграницу. По словамъ поэта: великая цѣпь крѣпостничества, разорвавшись, ударила однимъ концомъ по барину, другимъ по-мужику.

§ 66. Крестьянская реформа 1861 г. была проникнута идеей о неразрывной связи между крестьяниномъ—земледѣльцемъ и тороватой кормилицей землей; она дышала надеждой, что освобожденный земледѣлецъ перестанетъ уклоняться отъ земледѣлія и не будетъ предпочитать деморализующіе отхожіе промыслы свободному земледѣльческому труду. Однако экономическія обстоятельства, сопровождавшія великую реформу, были таковы, что напротивъ, образовавшаяся и развившаяся въ эпоху крѣпостничества склонность русскаго крестьянина къ кочевому образу жизни должна была усилиться. Правительство приступило (послѣ окончанія крымской кампаніи) къ сооруженію громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ, шоссейныхъ и водяныхъ путей сообщеній; право торговли и промысловъ съ 1865 г. сдѣлалось достояніемъ всѣхъ русскихъ подданныхъ. Пути сообщенія улучшились; крупные центры промышленности и торговли какъ бы приблизились къ деревнѣ. И вотъ земледѣльческое населеніе потекло на фабрики, рынки, въ отхожія промыслы, питая своимъ приплывомъ преимущественно столицы и фабричные центры. Правительство задумало осуществить обширную систему народнаго

просвѣщенія, но добрые сѣмена, посѣянныя народными школами, могли взойти лишь въ будущемъ.

Власть тьмы, успѣвшая упрочить свое господство въ теченіе почти 3 вѣковъ крѣпостничества, дала себя почувствовать съ особенной силой именно въ переходное время, послѣдовавшее за уничтоженіемъ старыхъ крѣпостныхъ порядковъ, до укорененія новыхъ условій жизни.

Всѣ эти обстоятельства, имѣвшія отчасти корень въ самомъ крѣпостномъ правѣ, отчасти сопровождавшія его отмѣну, какъ результатъ другихъ экономическихъ и политическихъ условій, ставили правительству громадныя затрудненія на пути реформъ и отчасти неблагопріятно повліяли на другія преобразованія великой освободительной эры.

Признавая крестьянскую реформу поворотнымъ пунктомъ въ исторіи развитія русскаго управленія отъ военно-полицейскихъ порядковъ къ порядкамъ правовымъ, нельзя не замѣтить, что она имѣла преимущественно отрицательное значеніе: она уничтожила источникъ крѣпостническихъ, антиправовыхъ элементовъ и нравовъ въ жизни русскаго государства и общества. Великая реформа очистила путь для другихъ реформъ, имѣвшихъ болѣе близкое отношеніе къ административной системѣ, и стоявшихъ съ ней и съ другъ съ другомъ въ органической связи, не смотря на внѣшнюю ихъ разъединенность и на то, что онѣ вводились не систематически и что внутренняя разработка, и содержаніе законодательныхъ памятниковъ царствованія Александра II далеко не всегда проникнуты единствомъ мысли.

Эти реформы слѣдующія: реорганизація судоустройства, судопроизводства, и полиціи, введеніе земскихъ учрежденій и реформа городскаго общественнаго самоуправленія, цензурныя правила 1865 г., реформа контроля и введеніе единства кассы, наконецъ замѣна рекрутской повинности всеобщей воинской повинностью. Послѣднимъ фазисомъ рефор-

маторскаго движенія, хотя отдѣленнымъ двумя десятилѣтіями, нужно признать отмѣну подушной подати и введеніе налоговъ, падающихъ на зажиточные классы и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожающихъ различіе между податными съ неподатными классами *).

§ 67. Важнѣйшія измѣненія, введенныя этими реформами въ строй административныхъ учрежденій—слѣдующія: 1) Появилась постепенно цѣлая система спеціальныхъ судебно-административныхъ учрежденій (по крестьянскимъ дѣламъ, мировые посредники и присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, послѣ 1870 г.: губернскія по городскимъ дѣламъ присутствія, послѣ военной реформы 1874 г.—присутствія по воинскимъ дѣламъ, училищные совѣты; къ нимъ въ царствованіе Александра III присоединились: присутствія по питейнымъ дѣламъ, фабричнымъ дѣламъ, т. н. губернское присутствіе и уѣздные съѣзды, а губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе превращено въ губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе).

Всѣ эти т. н. смѣшанныя присутствія являются зачаточными органами развивающейся административной юстиціи; въ составъ ихъ входятъ какъ коронныя должностныя лица, такъ и представители сословнаго и всесословнаго самоуправленія. Неоднократно предложенные проекты слить всѣ эти смѣшанныя присутствія въ единое учрежденіе, въ которое вошло бы и потерявшее почти всякое значеніе губернское правленіе, не осуществились. Дѣятельность этихъ учрежденій, рѣшающихъ спорные вопросы въ мѣстной административной жизни, совокупно съ дѣятельностью I и II Депар-

---

*) Слѣдуетъ упомянуть еще объ одной реформѣ, которая не воплотилась ни въ какомъ законодательномъ актѣ, а тѣмъ не менѣе сыграла громадную роль въ оживленіи администраціи. Это—опубликованіе проектовъ судебной и административной реформы и разрѣшеніе всему обществу высказаться по поводу этихъ проектовъ.

таментовъ Правительствующаго Сената, имѣетъ для нашего административно-правоваго развитія громадное значеніе. Совокупность рѣшеній этихъ органовъ административно судебныхъ создаетъ медленно, почти незамѣтно, новое административное право, въ дополненіе и выясненіе многорѣчиваго и неяснаго quasi права,—заключающагося въ многотомномъ сводѣ законовъ, подобно тому, какъ дѣятельность контенціознаго (т. е. административно-судебнаго) отдѣленія французскаго государственнаго совѣта создала—административное право Франціи*).

§ 68. II) Преобразована полиція исполнительная. Первый шагъ былъ сдѣланъ указомъ 8 іюня 1860 г., когда отъ полиціи отдѣлена была слѣдственная часть, порученная новому судебному органу: судебнымъ слѣдователямъ. За полиціей осталась (послѣ введенія мировой юстиціи) только обязанность производить дознаніе.

25 декабря 1862 г. послѣдовалъ указъ объ устройствѣ полиціи исполнительной на началахъ, сохранившихся почти неизмѣнно до нынѣ (крестьянская реформа 1861 г. создала уже двѣ новыя должности крестьянской общественной полиціи: сельскихъ старостъ и волостныхъ стааршинъ, сохранивъ уже существовавшія въ селахъ должности сотскихъ и десятскихъ).

Законъ 1862 г. окончательно уничтожилъ превратившееся уже раньше въ пустую фикцію право дворянства на выборъ исправниковъ, и соединило городскую и земскую полицію уѣздовъ, за исключеніемъ полиціи въ столицахъ и губернскихъ городахъ и въ т. н. градоначальствахъ, въ одно полицейское управленіе, во главѣ котораго поставленъ уѣздный исправникъ, назначаемый губернаторомъ. (Особую ор-

---

*) О компетенціи и организаціи каждаго изъ этихъ учрежденій рѣчь будетъ ниже, въ догматической части системы.

ганизацію получила полиція въ столицахъ). Къ существовавшимъ органамъ коронной уѣздной полиціи, исправнику, его помощнику, становымъ приставамъ,—въ 1878 г. прибавлена должность полицейскихъ урядниковъ, (обязанности которыхъ точно опредѣлены въ инструкціи, изданной въ 1887 г.); учреждена наконецъ рѣчная полиція. Въ 1867 г. издается Положеніе о корпусѣ жандармовъ, компетенція котораго значительно расширена въ особенности въ 1871 г., когда, въ грустную и страшную эпоху политическихъ заговоровъ, органы обыкновенной полиціи не оказалось на высотѣ своихъ задачъ, и жандармскимъ чинамъ отведено широкое участіе въ производствѣ дознаній и слѣдствій по политическимъ преступленіямъ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что реорганизація полиціи законами 60 г. устранила много слабыхъ сторонъ нашихъ дореформенныхъ полицейскихъ учрежденій, что она если и не уничтожила, то по крайней мѣрѣ ограничила излишній формализмъ въ полицейской дѣятельности,—но къ сожалѣнію реформа не дала достаточно гарантій частнымъ лицамъ противъ злоупотребленій полицейской власти. По прежнему жалобы на незаконныя или пристрастныя дѣйствія полицейскихъ органовъ подавались и подаются губернскому правленію и губернатору. Великій принципъ судебной отвѣтственности должностныхъ лицъ полиціи за превышеніе и злоупотребленіе властью не былъ введенъ въ дѣйствіе.

§ 69. Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ изданія указа о реформѣ полиціи, положеніе 1 января 1864 г. возвѣщаетъ Россіи о введеніи земскихъ учрежденій, къ которымъ переходитъ не малая доля хозяйственныхъ и полицейскихъ задачъ, лежавшихъ прежде на плечахъ коронной администраціи.

Земское положеніе построено всецѣло на общественной теоріи самоуправленія, которая къ сожалѣнію господствовала и въ иностранной и въ нашей литературѣ въ эпоху вели-

кихъ реформъ. Эта теорія видитъ сущность самоуправленія въ предоставленіи мѣстному обществу самому вѣдать свои общественные интересы и въ сохраненіи за правительственными органами завѣдыванія одними только государственными дѣлами. Эта теорія такимъ образомъ исходитъ изъ противоположенія мѣстнаго общества государству, общественныхъ интересовъ политическимъ, общегосударственнымъ.

„Господство такого воззрѣнія на самоуправленіе отразилось весьма опредѣленно на постановкѣ, какую Положеніе 1864 г. давало земскимъ учрежденіямъ. Такъ какъ въ нихъ видѣли не государственныя, а лишь общественныя учрежденія, то и не признавалось возможнымъ надѣлять ихъ функціями власти. Поэтому наши земскія учрежденія оказались прежде всего совершенно лишенными полицейской власти. Затѣмъ имъ не было предоставлено и вообще самостоятельной исполнительной власти. Въ случаяхъ необходимости принудительнаго осуществленія своихъ распоряженій земство не можетъ само это выполнить, а должно, какъ и частныя лица, обращаться къ содѣйствію правительственныхъ органовъ. Первоначально земскія учрежденія не были надѣлены и правомъ издавать указы или т. н. обязательныя для мѣстныхъ жителей постановленія.

Признаніе земскихъ учрежденій чисто общественными, лишенными вовсе государственнаго характера, отразилось и на опредѣленіи ихъ отношенія къ правительвеннымъ учрежденіямъ, и къ частнымъ лицамъ. Разъ земскія учрежденія не считались призванными къ осуществленію функцій государственнаго управленія, не могло быть и надобности соединять ихъ въ одно органическое цѣлое съ правительственными учрежденіями. Земскія учрежденія были образованы наряду съ правительственными, не будучи съ ними внутреннимъ образомъ связаны въ одну общую систему мѣстнаго управленія. Все мѣстное управленіе оказалось поэтому про-

никнутымъ дуализмомъ, основаннымъ на противоположенiи правительственнаго и земскаго начала.

Отношенiя земствъ къ частнымъ лицамъ регулировались тѣми же общими началами, какъ отношенiя частныхъ лицъ между собою. Положенiе 1864 г. считаетъ вполнѣ достаточнымъ для охраны правъ частныхъ лицъ противъ возможныхъ незаконныхъ распоряженiй земства предоставленiе права гражданскаго иска на общемъ основанiи. При этомъ вовсе не допускалась возможность нарушенiя земскими распоряженiями публичныхъ правъ, не подлежащихъ вѣдѣнiю гражданскихъ судовъ". (Коркуновъ. Русское госуд. право. II, 393. изд. 1897)*).

Эта неправильная постановка земскихъ учрежденiй на принципахъ т. п. общественной теорiи привела къ печальнымъ результатамъ; скоро проявился антагонизмъ между земскими и правительственными учрежденiями, обострившiйся уже въ концѣ 60 г., приведшiй къ ограниченiю самостоятельности дѣйствiй земскихъ учрежденiй и въ концѣ концовъ къ положенiю 1890 г.. Какъ будто возродился дуализмъ государева и земскаго дѣла 15 и 16 ст.!

Городовое положенiе 1870 г. было построено на нача-

---

*) Однако въ первоначальномъ проектѣ Положенiя о земскихъ учрежденiяхъ мы встрѣчаемся съ совершенно другой постановкой вопроса. Тамъ сказано: „Если начало децентрализацiи можетъ прилагаться гдѣ либо съ пользой, то конечно всего болѣе въ сферѣ мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ; но и здѣсь интересы государственные съ одной стороны, интересы частныхъ лицъ и обществъ съ другой, кладутъ извѣстные предѣлы, которые должны быть строго и положительно указаны закономъ. Единство государственнаго управленiя, сила и цѣлость государственной власти не могутъ уступать потребностямъ мѣстнаго интереса, какъ бы важны и законны онѣ не были. Земское управленiе есть только особой органъ одной и той-же государственной власти и отъ нея получаетъ свои права и полномочiе; земскiя учрежденiя имѣя свое мѣсто въ государственномъ организмѣ, не могутъ существовать, внѣ его, и наравнѣ съ прочими учрежденiями подчиняются тѣмъ общимъ условiямъ, и тому общему направленiю, которыя установляются центральною государственною властью".

лахъ сходныхъ съ принципами земскаго положенія 1864 г. и оно подверглось одинаковой участи. Положеніе 1892 г. ограничило въ значительной степени самостоятельность органовъ городскаго самоуправленія *).

Введеніе въ дѣйствіе земскихъ учрежденій, какъ уже замѣчено выше, имѣло непосредственнымъ своимъ послѣдствіемъ—съуженіе сферы дѣйствій правительственныхъ органовъ мѣстнаго управленія. Нѣкоторые органы упразднены, (напр. приказы общественнаго призрѣнія, коммиссіи народнаго продовольствія), другіе измѣнили свой характеръ. Къ послѣднимъ преимущественно относится должность губернатора, переставшаго быть хозяиномъ губерніи и получившаго болѣе характеръ прокурора, высшаго органа правительственнаго надзора за дѣятельностью органовъ самоуправленія. Положенія 1890—1892 г. усилили опять непосредственно распорядительныя функціи губернаторской должности.

§ 70. И такъ земскія учрежденія были построены на т. н. общественной теоріи самоуправленія; земское представительство было основано на принципѣ всесословности или даже несословности. Между тѣмъ мѣстное населеніе не имѣло общей объединяющей организаціи. Оно давно уже, въ эпоху сложенія Московскаго царства—раздробилось на сословныя группы. Реформа 1864 г. исходила изъ мысли о необходимости и цѣлесообразности если не уничтоженія, то ослабленія сословной обособленности, она стремилась къ сліянію всѣхъ сословій въ одно нераздѣльное цѣлое. Дѣятели 60 гг. утверждали, что сословія—явленіе чуждое Россіи. Не отрицая, что Удѣльновѣчевая Русь незнала сословій, можно все таки спросить, можно ли назвать сословную организацію, укоренившуюся въ теченіе 3 столѣтій,—чуждымъ элементомъ?

*) Хозяйственныя дѣла, порученныя земству—преимущественно слѣдующія: Обезпеченіе народнаго продовольствія, устройство врачебной части, развитіе народнаго образованія, или вѣрнѣе обезпеченіе матеріальныхъ условій его развитія и устройство внутреннихъ въ губерніи путей сообщенія.

Стремясь къ „несословности“, законодатель однако не дѣйствовалъ рѣшительно и послѣдовательно. Помѣстное служилое сословіе, дворянство, сохранило значительное вліяніе, ибо предсѣдателями земскихъ собраній сдѣланы—предводители дворянства. Но выборы гласныхъ производились не по сословіямъ, а по tремъ главнымъ группамъ, на которыя было раздѣлено населеніе сообразно съ различіемъ имуществъ (образованы 3 группы избирателей: классъ землевладѣльцевъ, частныхъ, не входящихъ въ крестьянскія общества, группа городскихъ торговцевъ и промышленниковъ и общества сельскія). Впрочемъ сословное начало проникло и въ это дѣленіе. Въ первомъ классѣ (частныхъ землевладѣльцевъ) фактическое преобладаніе получило сословіе дворянъ, третій классъ всецѣло построенъ на сословномъ началѣ. Сословная обособленность крестьянъ осталась нетронута! Дворянство и городское сословіе были лишены этой привиллегіи обособленности. Эта непослѣдовательность была данью уплоченной идеализаціи мужицкаго міра.

Въ концѣ концовъ получилось то, что мѣстное общество нисколько не объединилось; вмѣсто дѣленія на сословія, явилось дѣленіе на классы, съ различными экономическими интересами, непреминувшими войти въ ожесточенную борьбу. (Она проявилась съ особенной рѣзкостью въ дѣлѣ организаціи земскаго обложенія). Полезна ли была эта замѣна сословій, развившихся, несомнѣнно, первоначально подъ давленіемъ государственной власти, но затѣмъ пустившихъ корни и зажившихъ каждое своеобразной жизнью и донынѣ сохранившихъ отличительныя черты своего быта, свои нравы и обычаи *),—агломератомъ классовъ общественныхъ?

Да позволено будетъ сомнѣваться въ этомъ. Цѣли обща-

*) Кто знакомъ съ жизнью нашего дворянства, купечества и крестьянства въ провинціи, тотъ никогда не согласится съ положеніемъ, что сословность чужда Россіи.

го государственнаго управленія достигаются только тогда, когда государство признаетъ за мѣстностью значеніе не механическаго административнаго подраздѣленія, а значеніе живаго организма. Мѣстное самоуправленіе этого живаго организма достигнетъ всѣхъ своихъ цѣлей только тогда, когда оно будетъ основано на участіи въ управленіи не искусственно созданныхъ группъ мѣстнаго населенія, а жизненныхъ организмовъ, члены которыхъ связаны прочно общностью духовныхъ, нравственныхъ, а не только экономическихъ интересовъ. Къ тому же выводу мы придемъ, если мы поставимъ вопросъ: исполненіе какихъ задачъ должно быть возложено на мѣстные организмы самоуправленія? Самоуправленіе основанное не на ложныхъ принципахъ т. н. общественной теоріи, а на началахъ теоріи государственной (ср. выше примѣчаніе) должно заключаться въ участіи представителей мѣстнаго общества въ мѣстной администраціи въ полномъ ея объемѣ. Разъ это признано, то мы вправѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: если бы задача самоуправленія ограничивалась или должна была бы ограничиться сферою завѣдыванія хозяйственными интересами, то организація его несомнѣнно спокойно могла бы быть основана на общественныхъ группахъ, члены которыхъ связаны только общностью экономическихъ интересовъ. Но разъ задачи самоуправленія поставлены болѣе широко, то строй мѣстнаго самоуправленія долженъ вмѣщать въ себѣ элементы болѣе прочные, чѣмъ группы экономическихъ интересовъ. Онъ долженъ быть основанъ на самодѣятельности союзовъ, члены которыхъ не связаны только тѣмъ случайнымъ фактомъ, что они имѣютъ одинъ общій источникъ доходовъ,—а общностью воззрѣній на задачи общежитія, общностью духовно-нравственныхъ стремленій и идеаловъ. Таковыми союзами являются исторически развившіяся сословія: дворянство, гражданство (у насъ въ Россіи—купечество) и крестьянство.

Несомнѣнно, что организація самоуправленія на основѣ сословной возможна только тамъ, гдѣ сословія не являются исключительно искусственнымъ результатомъ правительственной политики, расчлененіями общества, не успѣвшими укорениться и оставшимися на бумагѣ (что правительственная политика можетъ быть источникомъ сословнаго строя, не мѣшая дальнѣйшему жизненному его развитію, доказано Англіей, сословный строй которой 800 лѣтъ покоился на политическихъ мѣропріятіяхъ Вильгельма Завоевателя) а плодомъ вѣковаго постепеннаго соціально-политическаго развитія. Исторія доказываетъ, что жизнеспособное самоуправленіе развилось только въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ сословія сохранили значеніе въ общественной жизни (Англія, Швеція, Пруссія и Норвегія)*). Французская же система мѣстнаго управленія, основанная на нивеллировкѣ всѣхъ сословныхъ различій и на однообразномъ подчиненіи всего безсословнаго мѣстнаго общества органамъ госуд. власти, приводитъ къ обезличенію и полной несамостоятельности мѣстности.

Мое мнѣніе рѣзко противоположно мнѣнію большинства современныхъ представителей государственныхъ наукъ. Наше время враждебно всякимъ сословнымъ различіямъ; оно враждебно вліянію всякихъ корпорацій, построенныхъ на началѣ наслѣдственной преемственности правъ, которыми пользуются ихъ члены,—но признаетъ вполнѣ наслѣдственную преемственность матеріальныхъ выгодъ. Эта враждебность по отношенію къ сословіямъ происходитъ отъ того, что на сословія смотрятъ какъ на нѣчто неподвижное, неизмѣнное. Но этотъ взглядъ ошибоченъ. Далѣе, наше время

---

*) Въ Норвегіи всѣ сословныя привиллегіи уничтожены, но фактически не только мѣстное самоуправленіе, но и все управленіе стоитъ подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ норвежскаго крестьянства, сохранившаго свои своеобразные обычаи, нравы, воззрѣнія.

исходитъ изъ того соображенія, что разъ уничтожены, ликвидированы старыя сословія—то новыя не появятся вмѣсто ихъ, и что вмѣсто несвободной жизни сословій, разовьется якобы свободная жизнь классовъ.

И этотъ взглядъ ошибоченъ; сословія исторически развились изъ классовъ; они теперь уступили опять мѣсто классамъ, но нѣтъ никакой силы, которая могла бы противиться сплоченію этихъ классовъ въ новыя сословія. Зачатки ихъ уже образовались; образуются и исключительныя привиллегіи, передаваемыя по наслѣдству, даже въ качествѣ приданаго, но эти привеллегіи не освящены правомъ,—онѣ существуютъ вопреки праву*).

Сословія не неподвижны, не неизмѣнны въ своемъ характерѣ: они являются органическимъ расчлененіемъ различныхъ частей народа, они подчинены историческому движенію и подлежатъ развитію параллельно съ развитіемъ государства. Исторія сословій, какъ извѣстно, чрезвычайно тѣсно связана съ исторіей отдѣльныхъ государствъ. Измѣненія и перевороты въ государственномъ устройствѣ составляютъ часто ничто иное, какъ слѣдствіе или выраженіе внутренняго преобразованія сословныхъ отношеній и понятій. Сообразно съ измѣненіемъ характера государственнаго устройства измѣняется характеръ государственныхъ сословій. Сословія сохраняютъ элементъ наслѣдственности, но подчиняются вмѣ-

*) Кто изучилъ нашъ современный соціальный строй, тотъ знаетъ, что я не преувеличиваю. Развѣ не существуетъ тѣсно сплоченное сословіе: „желѣзнодорожниковъ“, инженеровъ, employésъ банкахъ, сословіе ученыхъ, чиновниковъ, военныхъ, и т. д.. Развѣ лица, рожденныя въ этихъ кружкахъ не вступаютъ въ жизнь, въ борьбу за существованіе съ запасомъ привиллегій, которыхъ право не признаетъ, но которыя сильнѣе права? Развѣ въ этихъ „классахъ“ не замѣтно то, чему дали жизнь старыя сословія: предразсудки, обычаи, своеобразный корпоративный духъ, понятіе о корпоративной чести, отличной отъ чести другихъ „классовъ“? Не существуетъ только правовой охраны этой исключительности, но въ началѣ жизни старыхъ сословій ея тоже не было! Однако она появилась.

стѣ съ тѣмъ вліянію элемента экономическаго, группирующаго людей по занятіямъ.

Нужно уяснить себѣ, что такое сословіе. Подъ сословіемъ (stand, ordo civilis), въ тѣсномъ юридическомъ смыслѣ, мы понимаемъ опредѣленную группу лицъ, которыя на основаніи факта рожденія пользуются извѣстными политическими и правовыми привиллегіями (или же лишены какихъ либо политическихъ правъ) и наконецъ несутъ опредѣленныя обязанности. Затѣмъ нужно проводить различіе между принадлежностью къ сословію по рожденію и благодаря пріобрѣтенію какихъ либо правъ, или благодаря выбору занятій. Такъ напр. кто либо по рожденію можетъ быть дворяниномъ, благодаря же роду своихъ занятій онъ можетъ быть или духовнымъ лицомъ или купцомъ, т. е. можетъ пользоваться правами званія, пріобрѣтеннаго особымъ занятіемъ. Одно и тоже лицо можетъ соединять въ себѣ характеръ т. ск. прирожденной сословностя и характеръ пріобрѣтенной сословности. Наконецъ, въ обыденной жизни мы подъ словомъ „сословіе“ понимаемъ часто опредѣленный кругъ лицъ, которыя благодаря своей особой профессіи, преслѣдуютъ своеобразные интересы или занимаютъ особое почетное мѣсто, но не пользуются, благодаря этому обстоятельству особыми политическими правами. Правомѣрное государство 19 ст. вполнѣ справедливо уничтожило юридическую замкнутость сословій, давъ каждому возможность пріобрѣсти право высшихъ сословій, но едва ли можно признать благими—тѣ мѣропріятія правительствъ второй половины 19 столѣтія, благодаря которымъ общество атомизировалось, послѣ уничтоженія всѣхъ сословныхъ привиллегій.

Общность права и обязанностей, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, имѣетъ послѣдствія двоякаго рода: 1) послѣдствія духовно-нравственныя,—создаются извѣстныя сословныя традиціи, т. е. своеобразный взглядъ на назна-

ченіе человѣка въ обществѣ, особые обычаи, мнѣнія, воззрѣнія; 2) послѣдствія матеріальныя. Своеобразный прирожденный или по крайней мѣрѣ, пріобщенный воспитаніемъ взглядъ индивида, члена сословія на среду, въ которую онъ поставленъ, побуждаетъ его предпочитать особаго рода занятія, особаго рода способы пріобрѣтенія состоянія.

Въ каждомъ сословіи существуетъ общность духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ, которая даетъ своеобразный оттѣнокъ стремленіямъ дѣятельности и всей жизни членовъ сословія. Несомнѣнно, что общественныя группы или классы, которые образуются благодаря различію въ качествѣ и количествѣ собственности, основываются на постоянныхъ интересахъ отдѣльныхъ лицъ, которые не имѣютъ преходящаго характера. Но все таки эта общность интересовъ не охватываетъ всей личности, а только одну сторону ея жизни; она основана по преимуществу на хозяйственномъ стремленіи личности. Поэтому, въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ самоуправленіе мѣстности ограничивается исключительно экономическою сферою, оно можетъ быть безъ вреда основано на началахъ несословныхъ; но разъ самоуправленію мѣстности ввѣрены заботы объ удовлетвореніи интересовъ не только экономическихъ, но и духовно-нравственныхъ, оно должно быть поставлено въ связь съ общеніями, охватывающими всю жизнь личности.

§ 71. Вѣнцомъ реформъ царствованія Александра II, (не по времени, а по своему значенію) была реформа судебная, которая имѣла неизмѣримое и до нынѣ вліяніе на весь государственный строй, въ особенности на характеръ нашего управленія. Если и не признанъ принципъ судебнаго контроля надъ администраціей, если и не признано право каждаго подданнаго преслѣдовать всякое должностное лицо за нарушеніе его правъ, дарованныхъ самодержавною властью, судебнымъ порядкомъ (начало, которое не только не противорѣчитъ

сущности самодержавной монархіи, а наоборотъ есть логическій выводъ изъ начала самодержавія)*) то, всетаки, отдѣленіе суда отъ администраціи поставило послѣднюю въ болѣе опредѣленныя рамки, а во вторыхъ, судъ гласный является школой, благодаря которой въ народѣ развивается и укрѣпляется правовое чувство и правосознаніе. И только по мѣрѣ укорененія въ обществѣ правосознанія и правоваго чувства можно ожидать установленія правомѣрности въ администраціи, ибо, какъ уже замѣчено нами, должностныя лица плоть отъ плоти общества и кровь отъ его крови. Каково общества такова и администрація. Здоровое дерево всегда дастъ здоровые плоды*).

---

*) Въ самодержавной монархіи—единственный источникъ всѣхъ законовъ, всѣхъ правъ и обязанностей, самодержавная власть. Единство источника обусловливаетъ собою одинаковую незыблемость всѣхъ правъ, дарованныхъ самодержцемъ. Права администраціи не священнѣе правъ подданныхъ. Всякое нарушеніе права подданнаго, дарованнаго ему самодержцемъ—есть нарушеніе воли самодержца. Обусловливать преслѣдованіе должностнаго лица за нарушеніе законныхъ правъ—разрѣшеніемъ отъ начальства виновнаго,—значитъ ставить признаніе права, имѣющаго источникомъ самодержавную власть, въ зависимость отъ вторичнаго признанія ихъ слугою самодержца, администраціей. Мнѣніе, будто признаніе безусловнаго права гражданъ преслѣдовать должностныхъ лицъ судебнымъ порядкомъ, колеблетъ авторитетъ верховной власти—ложно. Такое поколебаніе авторитета возможно въ конституціонномъ государствѣ, гдѣ министерство, назначившее должностныхъ лицъ должно бояться критики народнаго представительства, для котораго всякій процессъ противъ должностнаго лица можетъ служить обильной пищей для нападокъ, но оно невозможно въ самодержавной монархіи, въ которой монархъ не есть только глава исполнительной власти, нуждающійся въ постоянно возобновляемомъ компромиссѣ съ законодательной властью, а источникъ законовъ, регулирующихъ судъ и администрацію.

*) Знаменитый публицистъ, Катковъ, прекрасно опредѣлилъ значеніе независимаго, гласнаго суда, въ исторіи развитія административнаго строя. Въ 1870 г. онъ писалъ: (Москов. Вѣд. 1870 г. № 70). „Только судъ, основанный на твердомъ законѣ и вполнѣ независимый можетъ обезпечить права и законные интересы отъ произвольныхъ нарушеній; только такой судъ можетъ, съ другой стороны, обезпечить правительство отъ неправильныхъ распоряженій его агентовъ“.

ГЛАВА VIII-я.

Развитіе французской администраціи и французскаго административнаго права послѣ революціи.

§ 72. Наканунѣ Французской Революціи такъ называемое полицейское государство достигло вершины своего развитія.

Развившіяся въ теченіе среднихъ вѣковъ и такъ называемаго новаго времени общественныя группы (сословія) были объединены внѣшнимъ образомъ абсолютною монархическою властью въ одно цѣлое, которое поддерживалось дѣятельностью строго дисциплинированнаго чиновничества, всесильнаго и повсюду вмѣшивающагося Столь живое нѣкогда сословное самоуправленіе было почти во всѣхъ государствахъ устранено и низведено до призрака.

Во Франціи, какъ сказано въ главѣ IV-й, королевскій абсолютизмъ, послѣ смерти Кольбера, переставъ служить общегосударственнымъ цѣлямъ и превратившись въ орудіе тщеславія, поколебалъ благосостояніе народа, и тѣмъ подточилъ силы государства. Регентство Филиппа Орлеанскаго и позорное царствованіе Людовика XV превратили королевское всемогущество въ орудіе забавы королевскихъ фаворитокъ. Нерѣшительныя попытки Людовика XVI и его совѣтниковъ (Тюрго и Мальзербъ) возстановить самоуправленіе областей (законъ 12 іюля 1788 г. объ организаціи общиннаго управленія въ провинціи Берри), упразднить цеховыя привиллегіи, торговыя монополія и уничтожить наиболѣе вредные административные безпорядки, — оказались палліативными мѣрами, безсильными въ борьбѣ со зломъ, которое проникло во всѣ суставы государственнаго организма.

Весь французскій государственно-административный порядокъ былъ проникнутъ непримиримымъ противорѣчіемъ.

Королевская власть абсолютная, неограниченная, на видъ всемогущая, не признававшая никакихъ другихъ самостоятельныхъ властей, не признававшая никакихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя своимъ источникомъ имѣли милость короля,— и тѣмъ не менѣе принужденная сложа руки смотрѣть, какъ органы ея, интенданты, безнаказанно нарушали законы, королемъ изданные, и ставили свою волю на мѣсто воли королевской.

Съ внѣшней стороны полная административная централизація: перемѣна фасада зданія въ отдаленной общинѣ, перестройка моста въ самомъ маленькомъ мѣстечкѣ совершались не иначе, какъ по указу центральнаго правительства; и тѣмъ не менѣе необузданный произволъ мельчайшаго чиновника и управленіе мѣстностью не по закону королевскому, или по его ордонансамъ, а по усмотрѣнію интенданта! *).

Столь же призраченъ былъ королевскій абсолютизмъ и въ другихъ романскихъ государствахъ и во многихъ мелкихъ владѣніяхъ въ составѣ „Священной Римской Имперіи германской націи". Абсолютное полицейское государство на правовыхъ основахъ существовало только въ крупныхъ германскихъ государствахъ—Пруссіи, Австріи, Саксоніи, Баваріи, Ганноверѣ. Гнейстъ вполнѣ справедливо называетъ эти государства въ XVIII ст.—правомѣрными государствами, не смотря на полное устраненіе народа, расчлененнаго на сословія, отъ участія въ управленіи.

---

*) Извѣстный корреспондентъ императрицы Екатерины II, Гриммъ въ одномъ изъ своихъ писемъ („Correspondance littéraire, philisofique, critique") говоритъ слѣдующее о „духѣ" политической жизни Франціи въ 18 столѣтіи.

„Le véritable esprit des lois en France est cette bureaucratie. Ici les commis ne sont pas etablis en faveur de la chose publique; mais la chose publique parait etablie pour qu'il y ait des bureaux".

§ 73. Мы видѣли (глава IV), что порядокъ удовлетворенія военныхъ, финансовыхъ и полицейскихъ потребностей новаго абсолютно-полицейскаго государства установленъ благодаря неусыпной борьбѣ государственной власти съ вольностями сословій. Но это уничтоженіе „вольностей" было единственнымъ путемъ для установленія правомѣрности въ управленіи. Только поборовъ „вольности" государственная власть могла развить и расширить свою законодательную дѣятельность. Правда, эта законодательная дѣятельность выражалась исключительно въ изданіяхъ единовластныхъ указовъ государей. Но разъ „указъ" призналъ право подданнаго или корпораціи, то это право находило себѣ охрану у коллегіальныхъ органовъ управленія на столько же, насколько и въ судахъ. (Въ Пруссіи, напримѣръ, приговоръ генеральной директоріи и Каммеръ-герихта защищалъ подданныхъ даже противъ короля).

Безъ устраненія различныхъ привиллегій, личныхъ и вещныхъ правъ, унаслѣдованныхъ отъ среднихъ вѣковъ, силою правительственныхъ указовъ, государство не могло бы освободиться отъ цѣпей феодальнаго быта.

Неизмѣнное преклоненіе администраціи передъ установленными частными и корпоративными правами было бы тождественно съ присужденіемъ государства къ вѣчному застою.

„Что, спрашиваетъ Гнейстъ (Der Rechtstaat, стр. 72), что стало бы съ современнымъ государствомъ, если бы подданный имѣлъ право привлекать государство къ судебной отвѣтственности за каждое новое требованіе, которое оно (государство) принуждено было шагъ за шагомъ противопоставлять эгоизму общества? Примѣръ французскихъ парламентовъ доказываетъ, что низведеніе борьбы администраціи съ частными протестами на степень частно-правовыхъ споровъ превращаетъ судъ въ оплотъ сословныхъ привиллегій и вольностей, и препятствуетъ государственной власти

въ уравненіи публично-правовыхъ обязанностей и доводитъ ее до крайностей революціи".

Слабая сторона абсолютно-полицейскаго государства заключалась не въ подчиненіи всѣхъ частныхъ правъ, частной свободы государству, не въ недостаткѣ правовой охраны частныхъ правъ и интересовъ, а въ недостаточномъ развитіи правосознанія въ средѣ народа, благодаря преобладающему вліянію класса чиновниковъ, превратившихся въ особую касту, съ своеобразнымъ духомъ классной чиновничьей солидарности, благодаря чему устранена была возможность безпристрастнаго сужденія въ случаѣ коллизіи частныхъ и административныхъ интересовъ.

Второй недостатокъ абсолютно-полицейскаго государства заключался въ отсутствіи твердой, прочной границы между закономъ у указомъ, а этотъ недостатокъ заключалъ въ себѣ опасность непостоянства и непрочности всей административной жизни, которая регулировалась не постоянными законами, а легко измѣняемыми, необозримыми въ своей массѣ административными распоряженіями. Третій недостатокъ заключался въ сложности и формализмѣ дѣлопроизводства старыхъ коллегіальныхъ учрежденій, обезпечивавшихъ безпристрастность и обдуманность рѣшеній, но оказавшихся неспособными слѣдовать за быстро возникавшими потребностями все болѣе оживляющейся и усложняющейся общественной жизни. Когда новые элементы общественнаго строя, развитіе которыхъ въ XVIII столѣтіи остались какъ бы незамѣченнымъ государственною властью, предъявили свои требованія о защитѣ ихъ интересовъ, то административная машина, принаровленная къ сравнительно патріархальному быту XVII столѣтія, когда промышленность была замкнута въ жизнь цеховъ, когда торговля жила почти исключительно періодическими ярмарками, когда каждое имѣніе, каждое село въ хозяйственномъ отношеніи представляло собою островокъ съ самодолѣющей жизнью,—отказалась служить.

§ 74. Новая „индустріальная“ Европа, быстро опередившая свои государственныя и административныя формы, забывъ услуги, оказанныя государствомъ и его администраціей, признала государство помѣхою, администрацію назойливымъ опекуномъ, и, освободившись отъ средневѣковыхъ „вольностей“, потребовала „естественной“, прирожденной человѣку, неотъемлемой „свободы“.

Это отрицательное отношеніе передовыхъ классовъ общества, дѣятелей въ области духовной и промышленной жизни, не только къ современнымъ имъ государственнымъ порядкомъ, но и ко всему историческому прошлому своего отечества, выразилось въ стремленіи не ограничиться устраненіемъ главнѣйшихъ недостатковъ исторически сложившагося прошлаго, а въ замѣнѣ его совершенно новыми порядками, признанными „разумными“ со стороны представителей школы естественнаго права и естественнаго хозяйства. Задача заключалась въ учрежденіи разумнаго государства и разумнаго управленія. Это „разумное“ государство, по мнѣнію многихъ, уже существовало въ одной части Европы — въ Англіи, которая сумѣла оградить частныя права и интересы отъ посягательствъ администраціи.

На долгое время англійскіе государственные порядки сдѣлались идеаломъ для континентальной Европы. Перенесеніе ихъ на континентальную почву было задачей всѣхъ государственно-административныхъ реформъ въ теченіе болѣе чѣмъ полустолѣтія, пока ученіе „классическаго конституціонализма“ не уступило мѣсто новымъ идеямъ, развившимся подъ вліяніемъ выступившихъ на первый планъ вопросовъ—соціальнаго и національнаго *).

Движеніе въ пользу усвоенія англійскихъ формъ полити-

---

*) Слѣдующій очеркъ пересозданія французскихъ—государственнаго устройства и управленія по якобы англійскому образцу составленъ преимущественно по сочиненію Гнейста: Der Rechtstaat стр. 76 и слѣд.).

ческой жизни и административной дѣятельности, исходило отъ „третьяго" сословія, то есть совокупности гражданъ, достигшихъ значительной степени образованія и такой ступени матеріальнаго достатка, которая давала имъ возможность интересоваться вопросами умственными и стремиться къ политической дѣятельности. Такъ называемое третье сословіе въ сущности стремится прежде всего къ мирной жизни, такъ какъ только миръ даетъ ему возможность развить всѣ свои силы, и оно же ненавидитъ всякое вмѣшательство въ свою хозяйственную и умственную жизнь. Не закрывая доступа въ свою среду низшимъ классамъ, оно съ ненавистью смотритъ на всякія исключительныя, нарушающія юридическое равенство, привиллегіи сословій. Оно, по словамъ Тьера, стремится все, что стоитъ выше, низвести на одинъ уровень съ собою, но не одинаково энергично думаетъ о возвышеніи низшихъ. Съ точки зрѣнія третьяго сословія, главная задача государства заключается въ устраненіи всего, что нарушаетъ внутренній и внѣшній миръ и порядокъ. Жертвовать собою для цѣлей государственныхъ оно несогласно; но готово дать государству средства для охраненія интересовъ „общества", то есть того же третьяго сословія, съ условіемъ, чтобы вся государственная администрація вѣрно служила интересамъ общества, но отнюдь не навязывала бы обществу задачъ и цѣлей лишнихъ и побочныхъ и не проявляла бы дѣятельности, могущей нарушить спокойное и плавное теченіе хозяйственной и умственной жизни.

Въ средѣ этого третьяго сословія, къ которому примкнули небольшія группы либеральныхъ дворянъ и свободомыслящихъ духовныхъ, во второй половинѣ XVIII столѣтія, благодаря знаменитому сочиненію Монтескье—„Духъ законовъ", быстро распространилось и пустило глубокіе корни преклоненіе передъ принципами англійскаго конституціонализма, сущность котораго Монтескье вовсе не понялъ. Для

указанныхъ выше слоевъ общества французское государство сдѣлалось предметомъ ненависти; они чувствовали себя чужими въ этой странѣ, силы которой расточались въ угоду безнравственнаго двора. Гдѣ общество теряетъ сознаніе связи съ правительствомъ, тамъ сейчасъ же развивается ученіе о противоположности интересовъ народа и государства. Скоро это враждебное отношеніе къ государству проникло во всѣ классы населенія, несмотря на сословную вражду. Во имя интересовъ общества требовалась замѣна суверенитета королевскаго—суверенитетомъ народнымъ. Идеи Руссо присоединились къ ученію Монтескье. Когда государственное банкротство принудило Людвика XVI созвать государственные чины (etats generaux), тогда всѣ сословія предстали передъ престоломъ съ требованіями реформъ, имѣвшими въ виду не интересы государства, а лишь выгоды и интересы среднихъ имущихъ классовъ. Реформа управленія должна была совершиться въ угоду этимъ интересамъ; объ обязанностяхъ общественныхъ группъ въ пользу государства никто не думалъ!

Но всѣ эти классные и сословные интересы были настолько противорѣчивы, что никакая реформа не въ состояніи была бы ихъ удовлетворить. Направленіе реформъ зависѣло отъ того, который изъ общественныхъ классовъ возьметъ верхъ въ борьбѣ за власть и за господство надъ государствомъ. Одолѣлъ прежде всего третій классъ, отождествивъ себя съ государствомъ. На первыхъ порахъ его побѣда маскирована провозглашеніемъ незыблемыхъ правъ человѣка и гражданина, которыми пользоваться могутъ всѣ сословія. Отвлеченныя начала, выведенныя нѣкогда Блакстономъ изъ ученія англійскаго административнаго права, выставляются въ деклараціи 1789 года въ качествѣ прирожденныхъ, неотчуждаемыхъ, естественныхъ правъ каждаго индивида. Достаточно одной деклараціи, чтобы они вступили въ силу.

Мысль о томъ, что такія основныя права могутъ быть осуществлены только въ силу законовъ и охраняемы только подзаконными, постоянными органами суда и управленія, была чужда обществу того времени. Оно думало, что достаточно воли и власти народа для ихъ огражденія. Вся задача заключается только въ допущеніи общества къ участію въ законодательствѣ и въ подчиненіи ему управленія. Такъ какъ народъ самъ непосредственно не въ состояніи быть законодателемъ, судьей и администраторомъ, то эта функція, по якобы англійскому образцу, должна быть ввѣрена должностнымъ органамъ народной воли, обязаннымъ осуществлять эти функціи сообразно съ интересами народа. Органы народа по возможности должны быть всѣ выборные: выбирать законодателей, администраторовъ и судей, и жить подъ управленіемъ отвѣтственныхъ избранныхъ умолномоченныхъ—есть также прирожденное, естественное право человѣка, принадлежащее, впрочемъ, только совершеннолѣтнимъ мужчинамъ (citoyen). Совокупность избранныхъ „гражданами“ (citoyens) уполномоченныхъ народа, т. е. парламентъ, народное представительство, опредѣляетъ „общую волю“ (la volonté génerale), формулируетъ ее въ законахъ,—пассивное исполненіе которыхъ есть задача исполнительной власти. Высшіе органы исполнительной власти — король и его министры— обязаны управлять страной въ полной гармоніи съ законодательной властью и отнюдь не вторгаясь въ дѣятельность власти судебной. Полное обособленіе властей, столь краснорѣчиво описанное Монтескье въ 6-ой главѣ II-ой книги „Духа законовъ“, есть требованіе разума и гарантія свободы, якобы осуществленныя въ счастливой Англіи*).

---

*) Впрочемъ и англійское государство скоро признано отсталымъ, недостойнымъ подражанія. Въ письмѣ знаменитаго французскаго публициста Малэ де Панъ отъ 17 сентября 1789 г. (цитировано у Ковалевскаго —Происхожденіе современной демократіи, томъ III, стр. 9). характеристично слѣдующее

Но такъ какъ общій интересъ и общая воля слагаются изъ массы борющихся другъ съ другомъ единичныхъ интересовъ и воль, то задача исполнительной власти сводится къ осуществленію воли большинства въ парламентѣ, то есть къ служенію результату побѣды болѣе сильныхъ интересовъ и устраненію воли меньшинства, которое ошиблось въ пониманіи общей воли и общихъ интересовъ.

§ 75. Далѣе, въ виду того, что исполнительная власть обязана точно исполнять волю „народа“, т. е. большинства народныхъ представителей („народъ“ съ точки зрѣнія классическаго конституціонализма не то, что народъ въ обыденномъ смыслѣ слова; онъ не все населеніе государства, а лишь совокупность приверженцевъ парламентскаго большинства), то естественно слѣдуетъ передать въ ея руки руководство всѣми подчиненными органами управленія. Эти подчиненные органы управленія должны быть отвѣтственными лишь передъ исполнительной властью; отъ ея согласія должно зависѣть привлеченіе органовъ администраціи къ су-

---

мѣсто: „когда при установленіи этихъ реформъ не имѣешь другого руководителя, кромѣ метафизики, не избѣжать необходимости понятнаго движенія. Но сколько зла приходится сдѣлать въ промежутокъ! Ваши демократы не только не имѣютъ опыта народныхъ учрежденій, но они не хотятъ даже допустить ссылокъ на этотъ опытъ. Съ равнымъ пренебреженіемъ относятся они и къ примѣрамъ и къ авторитетамъ. Они смотрятъ на политическіе вопросы такъ какъ смотрѣли на нихъ въ эпоху перваго зарожденія политики. Люди для нихъ —булыжники, они опредѣляютъ ихъ размѣры и устанавливаютъ между ними геометрическій порядокъ; они изгнали изъ общества страсти и пороки, для нихъ люди—подобія небесныхъ духовъ, готовыхъ повиноваться одному разуму, т. е. слову учителя. Посмотрите, съ какимъ презрѣніемъ относятся они къ англійской конституціи, не вѣдая ни ея пропорцій, ни ея пружинъ, ни ея дѣйствительныхъ недостатковъ. *Они обнаруживаютъ полное незнаніе* тѣхъ второстепенныхъ учрежденій, которыя опредѣляютъ въ Англіи—свободный и правильный ходъ всей политической машины, не смотря на нѣкоторыя несовершенства общаго плана. Они съ ужасамъ относятся ко всякому равновѣсію властей и думаютъ, что свобода требуетъ насильственнаго переноса власти, а не ея регулированія. Дѣло для нихъ сводится къ уничтоженію всѣхъ преградъ народнаго самодержавія“.

дебной отвѣтственности. Такъ какъ политическая отвѣтственность министровъ обезпечиваетъ точное служенie интересамъ большинства, то самостоятельный судебный контроль надъ администрацiей—лишняя помѣха управленiя и нарушенie великаго принципа обособленiя властей. Гражданская юстицiя должна ограничиться исключительной охраной частныхъ правъ. Но коль скоро какое-либо частное право вступаетъ въ коллизiю съ публичнымъ правомъ, то споръ рѣшается не судомъ, а администрацiей. Учредительное собранie (la constituante) даже установило строгое запрещенie судамъ вмѣшиваться въ акты полицiи, предписывать что-либо администрацiи, разсматривать жалобы, возникающiя изъ нарушенiя договоровъ съ органами управленiя (такъ наз. во Францiи административныхъ контрактовъ), подвергать судебному толкованiю распоряженiя администрацiи или продолжать судебное разсмотрѣнie дѣла, послѣ того какъ органъ администрацiи потребовалъ дѣло на свое разсмотрѣнie (Декреты 1790 г. 17—22 августа)*). Это строгое раздѣленie или вѣрнѣе обособленie властей было центральнымъ пунктомъ всѣхъ государственно-административныхъ реформъ во Францiи. Оно имѣло цѣлью обезпечить гражданскую свободу отъ вмѣшательства со стороны администрацiи. Фактически оно привело къ установленiю полной независимости администрацiи, превратило принципъ закономѣрности управленiя въ фикцiю и устранило общество отъ всякаго дѣятельнаго участiя въ управленiи.

Всѣ древнie административные суды —„ancien regime'a" были упразднены, старые парламенты уничтожены, всѣ привиллегiи, которыми пользовались отдѣльные области (благодаря такимъ привиллегiямъ, напримѣръ, въ Лангедокѣ со-

---

*) Les juges ne pourront a peine de forfaiture troubler de quelque maniere que ce soit les operations des corps administratifs, ni citer devant eux les administrations pour raison deleurs fonctions.

хранились слѣды самоуправленія) пали во имя равенства. Для предотвращенія всякихъ поползновеній на самостоятельное развитіе мѣстности*) было уничтожено древнее историческое дѣленіе территоріи Франціи, и замѣнено механическимъ дѣленіемъ на департаменты, округа, кантоны и общины. На пространствѣ всей Франціи долженъ былъ господствовать одинъ законъ и властвовать одна и таже, однообразно организованная, вѣрная исполнительница закона, администрація. Идея о выборной администраціи, которую хотѣлъ осуществить „конвентъ“, послѣ неистовствъ террористовъ и избранниковъ народной воли, была отброшена. Даже въ совѣщательныхъ органахъ мѣстнаго, до крайности стѣсненнаго, самоуправленія, выборное начало скоро устранено и возстановлено лишь во второй половинѣ XIX-го столѣтія. Исполнительная власть получила въ свои руки безконтрольно право назначенія должностныхъ лицъ и право ихъ увольненія. Третье сословіе, начавшее революцію съ намѣреніемъ превратить Францію изъ абсолютной монархіи въ государство парламентарное, переживши терроръ и управленіе путемъ гильотины, создало государство административное, чиновническое.

§ 76. Изъ всѣхъ великихъ началъ, провозглашенныхъ въ 1789 году, осуществилось только одно равенство, облегчившее установленіе господства полновластія администраціи.

Главная причина этого неудачнаго исхода реформаторскихъ стремленій заключалась въ томъ, что французское общество, начавшее революцію, не имѣло никакого яснаго понятія о необходимости обосновать государственную жизнь и управленіе на законѣ, а не на мѣняющихся желаніяхъ парламентскаго большинства. То, чему французы научились у

---

*) Жирондисты сложили свои головы на плахѣ вслѣдствіе обвиненія въ федерализмѣ, то есть въ стремленіи установить самоуправленіе мѣстности.

Монтескьс, столь глубоко постигшаго понятія—законъ и законность, то было заслонено плѣнительными, но антигосударственными ученіями Руссо объ общей воли, объ общественномъ договорѣ, о народномъ суверенитетѣ. Подчиняясь идеѣ о томъ, что воля большинства, какъ общая воля, всегда разумна, стремится всегда къ доброму и къ истинѣ, къ полезному, легко дойти до обманчиваго и опаснаго мнѣнія, что суверенъ-законодатель ежеминутно снова создаетъ весь правовой строй и что его слуга, исполнительная власть, столь же мало связанъ правами и нормами, неудобными для законодателя данной минуты. Законъ при такихъ условіяхъ является не практической силой, а какимъ то отвлеченнымъ теоретическимъ началомъ. Преклоненіе предъ нимъ сводится къ повторенію звонкихъ фразъ безъ серьезнаго содержанія. Всѣ министры и должностныя лица становятся отвѣтственными не за исполненіе законовъ, какъ постоянныхъ и не измѣнно обязательныхъ нормъ, а за точное исполненіе воли временнаго большинства народнаго представительства или единоличнаго избранника народа, цезаря, воплощенія народа—суверена (l'homme-peuple, самое послѣдовательное осуществленіе теоріи народнаго суверинитета). Воля народа—суверена вовсе не нуждается для своего осуществленія въ сложной процедурѣ законодательства. Императоръ можетъ принудить министра къ исполненію его воли простымъ декретомъ, а народное представительство покоряетъ себѣ администрацію, осуществляя свое бюджетное право. Народное представительство, дѣйствующее отъ имени народа-суверена, стоящее выше всякихъ правъ, подвергаетъ своей критикѣ и рѣшенію всѣ статьи дохода и расхода и вотированіе кредита тому или другому министерству есть полномочіе на продолженіе имъ своей дѣятельности.

Такое обширное бюджетное право есть самая простая организація контроля надъ администраціей. Народное пред-

ставительство, вынуждая у администраціи исполненіе своихъ постановленій путемъ свободнаго, ничѣмъ не ограниченнаго, вотированія кредитовъ, предоставляетъ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ право самостоятельнаго толкованія и рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ въ управленіи. Независимый судебный контроль надъ администраціей, помимо народнаго представительства, былъ бы противорѣчіемъ принципу народнаго суверенитета. Управленіе, такимъ образомъ, освобождается отъ оковъ неизмѣнныхъ законовъ, оно становится свободнымъ, въ смыслѣ ничѣмъ не связаннаго служенія интересамъ общаго блага, какъ оно истолковывается народнымъ представительствомъ. Общее благо въ субъективной окраскѣ парламентскаго большинства подчиняетъ себѣ законы и даетъ имъ характеръ измѣнчивыхъ и растяжимыхъ орудій служенія общественнымъ интересамъ. Въ крайнемъ случаѣ, если интересамъ господствующихъ классовъ грозитъ исключительная опасность, исполнительная власть получаетъ право издавать указы съ силою закона, отвѣчая передъ парламентомъ за цѣлесообразность дѣйствій (единичный представитель народа-суверена имѣетъ это право въ постоянномъ своемъ распоряженіи). Съ точки зрѣнія теоріи народнаго суверенитета, закономѣрность управленія ничто иное, какъ неограниченное пользованіе государственнымъ могуществомъ въ интересахъ правящихъ классовъ. Управленіе—свободная дѣятельность государственной власти, направленная на постоянное примиреніе общаго блага и блага индивидуальнаго. Правовыми границами этого „свободнаго" управленія признаются только торжественно провозглашенныя основныя права человѣка и гражданина. Такъ какъ каждый членъ просвѣщеннаго общества считаетъ себя способнымъ вѣрно и правильно понимать смыслъ этихъ правъ, то они не нуждаются въ техническо-юридическомъ толкованіи; для ихъ огражденія достаточно установить полическую отвѣтственность министровъ.

О справедливомъ, равномѣрномъ примѣненіи государственной власти, по отношенію ко всѣмъ членамъ общества, общество не думаетъ. Ему недостаетъ того нравственнаго самообладанія, которое уважаетъ права меньшинства. Господство интересовъ большинства есть общее благо; подчиненіе меньшинства есть патріотическая обязанность. Общество, которое не желаетъ подчиниться высшей власти государства, но разсматриваетъ государство лишь какъ органъ своихъ интересовъ, вовсе не заинтересовано въ томъ, чтобы оградить индивидуальную правовую сферу отъ вторженія административнаго произвола, а лишь въ обезпеченіи точности и постоянства дѣйствія административнаго механизма. Оно поэтому и не стремится создать административное право, его интересуетъ только административная политика. На почвѣ этихъ „общественныхъ" воззрѣній на государство, его организацію и его задачи, и выростаетъ то понятіе „исполнительной власти", котораго мы коснулись уже выше.

Эта „исполнительная власть" l'executive) только исполнительный служебный органъ законодательной власти (la legislative), средство для выполненія воли парламентскаго большинства. Съ точки зрѣнія этого понятія „исполнительной власти" вполнѣ безразлично, кто субъектъ исполнительной власти—король, или президентъ, или императоръ; важно лишь то, чтобы онъ не имѣлъ возможности и силы противоставить свою волю волѣ парламентскаго большинства, т. е. законодательной власти, чтобы онъ могъ только заниматься представительствомъ, царствовать, но не управлять (le roi régne, mais il ne gouverne pas). Исполнительная власть и всѣ ея органы, вся администрація, должна быть „добросовѣстной исполнительницей высокочтимыхъ, священныхъ, постоянныхъ законовъ". Но это господство законовъ какъ выше замѣчено лишь призракъ. Фактически, исполнительная власть ничто иное какъ орудіе временной, преходящей воли общества,

то есть большинства наиболѣе сильныхъ интересовъ, одержавшихъ верхъ въ народномъ представительствѣ.

Парламентъ съ большимъ почтеніемъ относится къ законамъ, но это уваженіе законовъ продолжается только такъ долго, пока большинство народныхъ представителей не получило настолько силы, чтобы играть роль абсолютнаго господина въ государствѣ. Съ этого момента исчезаетъ всякая склонность признавать святость законовъ.

При господствѣ парламентскаго большинства, не сдержаннаго независимою отъ него королевскою властью, административная жизнь не регулируется постоянными, общими юридическими нормами (органическими административными законами). Если же существуютъ такіе законы, то они толкуются и приводятся въ исполненіе такъ, какъ того требуютъ интересы парламентскаго большинства.

Получивъ красивую кличку исполнительницы законовъ, „исполнительная власть" становится органомъ свободнаго управленія, слугою суверенныхъ постановленій народнаго представительства, точное исполненіе которыхъ обезпечено ежегоднымъ вотированіемъ всѣхъ бюджетныхъ статей и политической отвѣтственностію министровъ.

Если „народный суверенитетъ" есть высшій принципъ господства общества надъ государствомъ въ цѣломъ составѣ, то понятіе „исполнительная власть" выражаетъ собою господство общества надъ дѣятельностью государства въ частностяхъ" (Гнейстъ) *).

Вотъ основные принципы классическаго конституціоннаго

---

*) Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV опредѣлилъ т. н. классическій конституціонализмъ слѣдующими словами: „erlogene Unfehlbarkeit des Königs, unwahre Budgets, Lüge des Angriffs und der Vertheidigung, Lüge des Lobes und des Tadels, Comödie vor und hinter den Coulissen wie solches zum Schaden und zum Ekel in den constitutionellen Staaten zu sehen ist, wo nur eine Wahrheit waltet: die dass eine Partei sich an die Stelle der anderen setzen will".

государства, по якобы англійскому образцу, назначенные, по мнѣнію дѣятелей первыхъ трехъ лѣтъ французской Революціи и ихъ учениковъ въ другихъ государствахъ Европы, замѣнить несвободное полицейское абсолютное государство осуществленіемъ свободнаго правоваго государства. Гнейстъ называетъ такое государственное устройство и управленіе „правомѣрнымъ государствомъ на изнанку“ и говоритъ, что эти принципы, борьба за которые въ сущности составляетъ исторію государственнаго и административнаго права доброй половины европейскихъ государствъ въ 19 столѣтіи,—фальсификація всѣхъ здоровыхъ государственныхъ правовыхъ началъ, фальсификація, не имѣющая себѣ равной со времени появленія знаменитыхъ декреталій Лже-Исидора. И дѣйствительно, истина словъ Гнейста доказана исторіей Франціи послѣ изданія конституціи 1791 года и установленія созданныхъ ею административныхъ учрежденій, а также исторіей государственнаго и административнаго развитія тѣхъ государствъ, которыя подражали Франціи на этомъ поприщѣ (Неаполь, Испанія, Португалія, Бельгія, Норвегія, Греція). Великія идеи 1789 года—равенство, братство, свобода—въ сущности привели къ всемогуществу государственной власти, обоснованной на волѣ суверённаго народа (то есть, вѣрнѣе сказать, одной энергичной клики), къ безусловному единству и централизаціи, къ уничтоженію всякой самостоятельной жизни въ мѣстности. Свобода не была установлена и администрація сдѣлалась еще болѣе могучею и произвольною. Государственное право свелось къ немногимъ громкимъ фразамъ, а административное право создано не представителями идей 1789 года, а, какъ мы сейчасъ увидимъ, противникомъ всякой идеологіи, укротителемъ революціи, Наполеономъ!...

Что реформы 1789 и 1791 годовъ должны были привести не къ установленію и упроченію политической свобо-

ды, къ независимости гражданъ отъ администраціи и правомѣрности управленія, а, наоборотъ, къ административному абсолютизму, это ясно сознавалъ и предвидѣлъ геніальнѣйшій изъ революціонныхъ дѣятелей — Мирабо. Въ 1790 году онъ писалъ королю Людовику XVI: „сравните новый порядокъ съ старымъ, здѣсь для Васъ рождается утѣшеніе и надежда. Часть дѣятелей Національнаго Собранія и, притомъ, самая значительная, явно благопріятствуетъ монархическому правленію. Развѣ ничего не значитъ уничтоженіе парламента, провинціальныхъ штатовъ, корпорацій духовенства, привиллегированныхъ лицъ и дворянства? Мысль составить одинъ классъ гражданъ понравилась бы Ришелье. Нѣсколько абсолютныхъ царствованій не сдѣлали бы столько для королевской власти, сколько этотъ единый годъ революціи".

Терроръ довершилъ процессъ уравненія всего, что росло на почвѣ Франціи, и процесс конфискаціи всякой мѣстной самостоятельности. Гильотина упрочила равенство („ce rêve d'envieux, qu'on nomme egalité", какъ выражается одинъ французскій поэтъ); коммиссары комитета общественнаго спасенія разстрѣляли или утопили всѣхъ, кто еще мечталъ о федерализмѣ, то есть, говоря не на революціонномъ жаргонѣ, — о самоуправленіи общинъ и округовъ. Французская соціально-политическая равнина, tabula rasa, была готова.

Наполеонъ подвелъ итогъ этимъ „реформамъ", освободившимъ Францію отъ старыхъ правъ, законовъ и обычаевъ. Все общество было пульверизовано, какъ выразился когда-то Наполеонъ III, говоря о дѣятельности великаго дяди (la société etait en poussière). Наполеонъ приступилъ къ организаціи общества, рѣшилъ указать каждому элементу свое мѣсто и ввести порядокъ въ жизнь народа, на мѣсто старыхъ сословій поставить іерархію заслугъ, признанныхъ государствомъ (слова Наполеона III).

Осуществленіе указанныхъ выше принциповъ классиче-

скаго конституціонализма ему и въ голову не приходило. Такую идеологію онъ презиралъ, онъ ясно понималъ всю ложь этого ученія. Онъ никогда не рѣшился бы играть роль главы „исполнительной власти“, конституціоннаго короля, который только царствуетъ, а не управляетъ (Конституціонный король, это, по его словамъ,—un cochon d'engrais). Свобода, равенство, это—все идеологическое фразерство. „Это—неправда, говорилъ онъ своему государственному совѣту, что французы любятъ свободу и равенство. Народъ ко всему относится безразлично, ему нужно указать направленіе для его дѣятельности. Людей руководятъ игрушками“ (сравни также Taine Les origines de la France contemporaine. Le regime moderne I, стр. 69).

Благо государства заключается не въ свободной самостоятельности гражданъ, а въ властномъ сосредоточеніи и руководствѣ всѣхъ государственно-народныхъ силъ, въ нанесеніи могучихъ ударовъ враждебнымъ сосѣдямъ и въ организаціи великихъ національныхъ предпріятій въ предѣлахъ государства. Не англійское парламентарное управленіе есть образецъ для организаціи административнаго строя, а управленіе Ришелье и Кольбера. Для достиженія великихъ національныхъ цѣлей необходимо не общественное самоуправленіе, не говорильни центральнаго парламента и мѣстныхъ собраній, а послѣдовательно проведенная административная централизація и энергичная полиція—„провидѣніе мирнаго гражданина и страшилище всѣхъ опасныхъ элементовъ въ обществѣ“. Только одна преграда поставлена администраціи и государственному всемогуществу: собственность. Только одно пріобрѣтеніе великой ночи 4 августа 1789 Наполеонъ призналъ безусловно: исключеніе изъ сферы государственнаго и административнаго права почти всѣхъ институтовъ владѣнія и собственности.

Конституція имперіи основана на „священныхъ правахъ

собственности, равенства и свободы". Все, что выходитъ за предѣлы частно-хозяйственнаго распоряженія собственностью, есть сфера дѣятельности творческой государственной власти. Только въ отсталыхъ государствахъ государственная администрація ограничивается предупрежденіемъ зла, въ государствахъ свѣжихъ, сильныхъ, прогрессирующихъ, администрація преслѣдуетъ болѣе высокія цѣли; она стремится создать все великое, доброе. Все, что способно содѣйствовать славѣ государства, есть предметъ заботъ управленія. На этихъ принципахъ и воззрѣніяхъ Наполеонъ организовалъ систему французской администраціи, сохранившуюся до-нынѣ почти въ неизмѣнномъ видѣ. Воспользовавшись утомленіемъ общества, испуганнаго террористами, страстно желавшаго мира, порядка, обезпеченнаго спокойнаго пользованія своимъ достаткомъ, великій организаторъ Франціи превратилъ народный суверенитетъ въ суверенитетъ административный. Императорскіе юристы говорили, что народъ, въ силу lex regia, перенесъ всѣ свои суверенныя права на императора, и этотъ олицетворенный народъ (l'homme peuple) создалъ то строго централизованное, административное государство, которое, не смотря на всѣ конституціи, изданныя въ 19 столѣтіи, покоится на началахъ *равенства* и *несвободы*.

Идеалъ наполеоновскаго, или вѣрнѣе—новофранцузскаго режима, выраженъ въ слѣдующихъ словахъ знаменитаго французскаго публициста—Корменэна,—защитника централизаціи (Cormenin—Droit administratif, 1840, стр. 8): „въ одинъ и тотъ же моментъ—правительство высказываетъ свою волю, министръ приказываетъ, префектъ поручаетъ, мэръ исполняетъ, полки выступаютъ въ походъ, флотъ выходитъ изъ гавани, звонятъ колокола, гремятъ пушки,—вся Франція подымается на ноги".

„Шесть краеугольныхъ камней, говоритъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи новой Франціи—Гиллебрандъ (Ge-

schichte Frankreichs. 1886, стр. 64), великій зодчій новой Франціи положилъ въ основу воздвигнутаго имъ зданія демократическаго цезаризма, и 3 революціи, 3 династіи, двѣ республики и 3 непріятельскихъ вторженія, подвергли все зданіе опасности, но не поколебали ни одной изъ частей его фундамента". Эти шесть краеугольныхъ камней: университетъ (т. е. система народнаго образованія), юстиція, администрація, организація арміи, финансовъ и конкордатъ.

Центральнымъ пунктомъ этого фундамента является административная система. Ея же основные принципы: централизація, независимость отъ судебнаго контроля, обусловливающая своеобразную французскую систему административной юстиціи, и крайне стѣсненное участіе общества въ управленіи. Административная централизація не есть всецѣло „чудесное дѣло великаго человѣка", какъ выразился Корменэнъ. Великій человѣкъ, Наполеонъ, только довершилъ дѣло, начатое еще Ришелье въ 17 столѣтіи и обезпеченное террористами 1792 и 1793 годовъ. „Въ старой монархіи, говоритъ Токвилль (Демократія въ Америкѣ, I), издавалъ законы самъ король. Ниже королевской власти находились, въ половину разрушенныя, провинціальныя учрежденія. Эти провинціальныя учрежденія были безсвязны, худо управляемы; въ рукахъ аристократіи они служили иногда орудіемъ угнетенія.

Революція объявила себя въ одно и тоже время и противъ королевской власти и противъ провинціальныхъ учрежденій. Она равно ненавидѣла все то, что ей предшествовало: и абсолютную власть, и то, что могло умѣрять ея суровость.

Революція въ одно и тоже время стремилась къ республикѣ и къ централизаціи".

Республика пала, централизація осталась, послѣ уничтоженія всѣхъ преградъ къ ея полному осуществленію. Пра-

вовымъ условіемъ, при которомъ можетъ развиться самостоятельное мѣстное управленіе, является наличность твердо установленныхъ, постоянныхъ, по возможности сведенныхъ въ систему административныхъ законовъ или же пустившаго корни обычнаго права (какъ въ Англіи) и судебный контроль надъ администраціей. Воспоминанія о борьбѣ съ старыми парламентами и увлеченіе теоріей раздѣленія властей напередъ исключали возможность судебнаго контроля.

Гражданское право и право уголовное были кодифицированы, но не административное. Древніе французскія coutumes объявлены революціей потерявшими силу; ихъ сохраненіе противорѣчило бы единству права.

Гдѣ управленіе не осуществляется на основаніи законовъ и черезъ законы, а въ силу указовъ, тамъ нѣтъ почвы ни для децентрализаціи, ни для самоуправленія; законъ допускаетъ самостоятельное управленіе мѣстными дѣлами, ибо создаетъ *постоянныя права,* указъ требуетъ пассивнаго исполненія и признаетъ только временныя правомочія.

Источниками новаго французскаго административнаго права, со времени Наполеона, являются декреты, ордонансы, сенатусъ-консульты (senatusconsultes) и рѣшенія государственнаго совѣта (въ особенности отдѣленія такъ наз. контенціознаго—section de contentieux).

Административное право, имѣющее такіе источники, обусловлено централизаціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ свою очередь, есть могущественный факторъ ея развитія.

Въ эпоху дореволюціонную воля высшей власти и ея интендантовъ приводилась въ исполненіе путемъ безпрерывно повторявшихся узурнацій, путемъ игнорированія и упраздненія правъ помѣщиковъ, городскихъ общинъ, наслѣдственныхъ и продажныхъ должностей и коллегій. Конвентъ управлялъ страной съ помощью грубаго насилія, черезъ посредство чрезвычайныхъ коммиссаровъ и съ помощью деспотиз-

ма фанатизированныхъ массъ. И Наполеонъ на первыхъ порахъ шелъ по этому пути. Революціонное правительство оставило ему въ качествѣ наслѣдства массу драконическихъ чрезвычайныхъ законовъ и чрезвычайные суды; вся страна была въ осадномъ положеніи. Онъ воспользовался этимъ аппаратомъ деспотизма какъ нельзя лучше и быстро возстановилъ порядокъ. Немедленно послѣ учрежденія консулата, Первый консулъ отправилъ во всѣ департаменты военныхъ коммиссаровъ съ неограниченными полномочіями для удаленія изъ администраціи всѣхъ нежелательныхъ элементовъ. На этой очищенной почвѣ законъ 28 плювіоза VIII года (т. е. 1800 г.) создалъ іерархію новаго французскаго чиновничества, новую административную и полицейскую систему. Во главѣ всѣхъ административно-территоріальныхъ единицъ Франціи (департаменты, округа, общины) поставлены единоличныя должности. Каждое должностное лицо, по словамъ Наполеона, есть маленькій консулъ въ своемъ округѣ. Всѣ эти должностныя лица — префекты, супрефекты, мэры, — назначаются главою государства или его непосредственными органами (министрами). Мѣстныя общины, городскія и сельскія, уничтоженныя конвентомъ, возстановлены, но подчинены безусловно правительственнымъ чиновникамъ. Въ центрѣ этой громадной сѣти, обнимавшей всю Францію, подобно большому пауку, сидитъ государственный совѣтъ, высшій административно-совѣщательный и административно-судебный органъ, вмѣщающій въ себѣ лучшія силы администраціи и дающій ей одинъ общій тонъ. Члены совѣта, все довѣренныя лица главы государства, безповоротно ему преданные, заинтересованные въ поддержаніи его власти. Къ нимъ присоединена коллегія 350 аудиторовъ, изучающихъ на практикѣ совѣта административную политику и участвующихъ въ выясненіи спорныхъ административныхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ медленно создаетъ административное право

Франціи*). Вся эта система представляетъ собой идеалъ стройности, обезпечиваетъ быстроту дѣйствія, единство административныхъ силъ. Эта административная система содержала въ себѣ тотъ „капиталъ авторитета", который Наполеономъ былъ завѣщанъ всѣмъ будущимъ правительствамъ Франціи (слова Наполеона III). Императоръ былъ правъ, когда сказалъ: „съ помощью моихъ префектовъ, жандармовъ и священниковъ, я всегда смогу сдѣлать все, что мнѣ угодно" (ср. Трейчке, l. c. 53).

Эта Наполеоновская система довершила процессъ развитія государственной организаціи Франціи, процессъ, начатый Филиппомъ Прекраснымъ и его легистами, указанный Боденомъ въ его ученіи о суверенитетѣ и окончательно опредѣлившійся въ 17 столѣтіи. Обокъ всесильныхъ единоличныхъ органовъ государственной власти,—префектовъ, супрефектовъ и мэровъ, стоятъ, какъ блѣдный призракъ органовъ самоуправленія,—совѣты, члены которыхъ не коронныя должностныя лица, а представители мѣстнаго общества (первоначально, при Наполеонѣ I и до Юльской монархіи, они даже не избирались жителями, а назначались правительствомъ изъ среды мѣстныхъ жителей, платившихъ наибольшій окладъ прямыхъ налоговъ). Таковы: совѣты—генеральный (въ департаментѣ), окружный (въ округѣ—arrondissement), муниципальный (въ общинѣ). Они имѣли и имѣютъ только совѣщательный голосъ; власть рѣшенія принадлежитъ исключительно правительственнымъ органамъ. Наполеонъ при ихъ

*) Cormenin, талантливый защитникъ бонапартизма и его централизаціи, говоритъ: „благодаря централизаціи, чудному произведенію великаго человѣка, общинные бюджеты отъ одного края государства до другаго, какъ большихъ городовъ, такъ и самыхъ бѣдныхъ общинъ, всѣ подчинены однообразной формѣ"... Токвилль по этому поводу замѣчаетъ: „вотъ заключеніе, которое удивляетъ меня чрезвычайно, но я вижу, большую часть изъ этихъ общинъ которыхъ отчетность такъ хороша, погруженныхъ въ совершенное невѣдѣніе своихъ собственныхъ интересовъ и преданныхъ до того непобѣдимой апатіи, что въ нихъ общество скорѣе прозябаетъ, чѣмъ живетъ".

учрежденіи исходилъ изъ принципа, что „совѣщаться и разсуждать есть дѣло многихъ; дѣйствовать — дѣло одного“ Всякое дѣйствіе исходитъ отъ префекта, супрефекта, мэра. Даже общинный бюджетъ только обсуждается общиной, а не устанавливается ею.

Третьей отличительной чертой административной системы Франціи, какъ мы сказали выше, является ея административная юстиція.

Въ главѣ IV мы говорили, что и дореформенная Франція знала административную юстицію. Отличительной чертой ея администравно-судебнаго порядка было то, что на рѣшенія административныхъ мѣстъ можно было жаловаться парламенту въ томъ случаѣ, если высшія административныя учрежденія отказали въ принятіи жалобы. Но французская революція уничтожила эту связь высшихъ органовъ суда и администраціи. Старые парламенты, которые до революціи, въ теченіе 14—17 столѣтій, и даже въ эпохуТюрго, считались защитниками народныхъ правъ, послѣ паденія феодальнаго режима были объявлены врагами народа,—представителями ненавистныхъ привилегій.

Національное собраніе поэтому рѣшило обезпечить осуществленіе новыхъ революціонныхъ законовъ противъ вторженія со стороны враждебной имъ судебной власти. Законъ $^{16}/_{24}$ августа 1790 года установилъ то начало, которое уже указано выше: судъ не долженъ вмѣшиваться въ дѣятельность администраціи. Революція достигла того, чего неограниченные короли не могли достигнуть—ни во имя права ревокаціи, ни во имя justice retenue! Наполеонъ не замедлилъ воспользоваться этимъ революціоннымъ пріобрѣтеніемъ. На основѣ закона 1790 года построена статья 75 консульской конституціи. Она установила слѣдующее фундаментальное правило: „кто считаетъ свои права нарушенными дѣйствіями административной власти (даже если эти права при-

надлежатъ къ числу гражданскихъ правъ, обезпеченныхъ гражданскимъ кодексомъ), можетъ принести жалобу въ іерархическомъ порядкѣ администраціи—префекту, министру, государственному совѣту. Судебное преслѣдованіе правительственныхъ должностныхъ лицъ за ихъ служебныя дѣйствія допускается только съ условіемъ предварительнаго согласія государственнаго совѣта (autorisation préalable). Государственный Совѣтъ даетъ это разрѣшеніе, когда дѣло касается преступленія чиновниковъ, но во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ отказываетъ въ разрѣшеніи. Ни одинъ судъ не имѣетъ права вступать съ какимъ-либо органомъ администраціи въ пререканія о компетенціи. Не судъ, а управленіе должно быть защищено противъ вторженія чужого элемента. Должностное лицо администраціи ничто иное какъ органъ воли начальства, собственной воли оно не должно имѣть. Торжественно провозглашенный принципъ, что каждый служащій обязанъ отвѣчать за свои должностныя дѣйствія, благодаря толкованію государственнаго совѣта, мало по малу замѣненъ принципомъ, что приказъ начальника освобождаетъ подчиненнаго отъ отвѣтственности за нарушеніе законовъ. Полная зависимость подчиненныхъ отъ начальства обезпечивалась еще неудовлетворительнымъ матеріальнымъ положеніемъ служащихъ. Содержаніе было (да и теперь еще положеніе дѣлъ не измѣнилось) небольшое, а увеличеніе оклада дѣло милости начальства! Наполеоновское чиновничество представляло собою страшное орудіе въ рукахъ каждаго правительства, будь то республиканское, королевское, имперіалистическое. Но это орудіе было орудіемъ надежнымъ только, пока правительство было сильно. Несамостоятельность должностныхъ лицъ, пассивная ихъ подчиненность, оружіе—обоюдострое. На чиновничество, которое не можетъ противиться незаконному распоряженію, нельзя положиться, если наступаютъ минуты опасности для всего государствен-

наго строя. Императоръ палъ,—его чиновничество сдѣлалось фанатическимъ слугой бурбонской линіи; бурбоны были изгнаны,—воцарился король буржуа, чиновничество превратилось въ послушное орудіе буржуазной политики „золотой середины“,—Людовикъ Филиппъ свергнутъ съ престола, республика провозглашена,—и тѣ же префекты, супрефекты, мэры (убѣжденные роялисты и конституціоналисты быстро изгонялись изъ департаментовъ) присягали въ вѣрности республикѣ; Наполеонъ III, опрокинувъ республику 2 го декабря 1851 г., возстановилъ имперію,—и префекты, и весь мелкій служилый людъ съ восторгомъ привѣтствовали возстановителя порядка и „спасителя общества“.

Различныя конституціонныя теоріи, различныя перемѣны въ организаціи народнаго представительства, - все это скользило по поверхности государственнаго тѣла Франціи; часы администраціи были заведены Наполеономъ на 100 лѣтъ и ни на минуту не остановились. Все равно кто сидѣлъ на престолѣ, кто возсѣдалъ на креслѣ перваго министра, кто командовалъ большинствомъ въ палатахъ, Виллель или Перье, Полиньякъ или Тьеръ, Гизо или Ледрю-Роллэнъ,—изъ префектуръ неизмѣнно вылетали сотни, тысячи указовъ, всѣ начинавшіеся тѣми же величественными словами: „Nous le préfet“....

И тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы Франціей управлялъ деспотическій произволъ. Величественная коллегія Государственнаго Совѣта рѣшила и рѣшаетъ спорные вопросы администраціи почти всегда безпристрастно и справедливо. Рѣшенія Государственнаго Совѣта создали изумительно точное, логическое, полное административное право. Но управленіе въ силу этого все еще не становится закономѣрнымъ. Администрація сама создала и создаетъ свой правовой строй, во имя своего суверенитета она толкуетъ законы и дополняетъ ихъ *).

---

*) Нормы административнаго обычнаго права, выработанныя постепенно

Господство законовъ, стоящихъ выше администраціи, ограничено въ сущности сферою гражданскаго права.

Матеріальной, физической силой администраціи, какъ всегда, является полиція. Новая полицейская организація Франціи основана на законѣ III года республики (1795 г.), выработанномъ аббатамъ Сіесомъ.

Этотъ законъ отвергнулъ идею передачи всей полиціи исполнительной въ руки общинныхъ органовъ, идею, которую старались провести террористы. Муниципальная полиція конвента потерпѣла полное фіаско. Вся полиція перешла исключительно въ руки государства; создано особое министерство полиціи. Законъ IV года (1796 г.) отдѣляетъ полицію отъ юстиціи. Полиція признана органомъ государственной власти и дѣлится на двѣ отрасли: административную и судебную полицію; первая имѣетъ задачей охранять и поддерживать общественный порядокъ, свободу и частную собственность, и служить помощницей всѣмъ органамъ администраціи; вторая (la police judiciaire) преслѣдуетъ пре-

---

государственнымъ совѣтомъ и мѣстными органами административной юстиціи, совѣтами префектуръ, медленно, но неуклонно создаютъ предѣлы для произвола администраціи и твердыя гарантіи частной свободы. Оріу (Hauriu, Précis du Droit administratif etc, 3 изданіе, 1897 г., стр. 57) замѣчаетъ: „on peut dire que grâce à l'institution de la juridiction du conseil d'état, le Droit publicfrancais a resolu de la facon la plus heureuse le probléme de la puissance publique; celle—ci est posée energiquement en principe, mais elle abdique progressivement ses prerogatives exorbitantes; cela se fait en quelque sorte spontanément, parce que le conseil d'état est suffisament partie intégrante de l'administration pour qu'il semble que ce soit la puissance publique elle mème qui abdique, et cependant cela se fait juridiquement parce que le conseil d'état est un tribuanl".

Разработку административнаго права государственнымъ совѣтомъ сравниваютъ не безъ основанія съ медленнымъ неуклоннымъ развитіемъ римскаго преторскаго права ср. Laferriére. Traité de la juridiction administrative etc. I, 17 2-me edition.

(....lente elaboration de la jurisprudence administrative, qu'ón a quelquefois comparée a l'oeuvre ingenieuse et patiente accomplie dans le droit romain par la jurisprudence du preteur").

ступниковъ, собираетъ и сохраняетъ доказательства о совершенномъ преступленіи и передаетъ преступника въ руки правосудія.

Административная полиція дѣлится на двѣ отрасли: общую полицію и полицію мѣстную. Наполеонъ развилъ всѣ эти начала, сохранилъ дѣленіе полиціи на общую и мѣстную, въ принципѣ призналъ обособленіе полиціи отъ юстиціи, провозгласилъ даже принципъ, что основою всей полицейской дѣятельности долженъ быть *законъ*. Но de facto онъ скоро отклонился отъ этихъ „великихъ началъ". Полиція получила не малую долю юрисдикціи (la police correctionelle), полицейскій судъ получилъ довольно широкую компетенцію, префекты присвоили себѣ также судебную власть и вѣрный слуга Императора—Порталисъ,—предлагая законъ IX года (1801 г.) на обсужденіе законодательнаго корпуса, такъ опредѣлилъ сущность полиціи: „административная полиція преслѣдуетъ небрежности и ошибки, судебная полиція преслѣдуетъ преступленія и проступки, но она не судитъ; она только посредница между судомъ и гражданиномъ. Первая, то есть административная полиція, есть власть; вторая, судебная полиція, есть должность (un ministére).

Наполеоновская полиція дѣйствовала не на основаніи закона и не черезъ законы, а въ силу указовъ (ordonnances и arrêts).

Великій принципъ раздѣленія властей нарушенъ, въ ущербъ властей — законодательной и судебной, въ пользу власти исполнительной. Итакъ, реформаціонное движеніе, начавшееся въ царствованіи Людовика XVI, подготовленное всѣмъ умственнымъ и соціальнымъ развитіемъ французскаго народа въ 18 столѣтіи, разрѣшившееся въ такъ наз. великой революціи,—въ концѣ концовъ привело къ образованію странной политической организаціи. Подъ внѣшнимъ покровомъ конституціонныхъ формъ скрывался административный

абсолютизмъ, который былъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ плотнѣе онъ окутывался мантіей конституціонныхъ фразъ.

„И нужно признать, замѣчаетъ Трейчке (l. c. стр. 187), наполеоновскій административный режимъ былъ націоналенъ. Въ немъ, въ кодексахъ, въ наполеоновской реорганизаціи финансовъ и арміи, выразился естественный результатъ вѣковаго политическаго развитія, между тѣмъ какъ новый парламентарный строй на первыхъ порахъ былъ лишь экспериментомъ, вызваннымъ теоріями естественнаго права, и неудачнымъ подражаніемъ англійской государственной организаціи. Вѣдь это не случайное совпаденіе, что тотъ языкъ, который образовалъ слово суверенитетъ, не имѣетъ слова для передачи понятія „самоуправленіе".

Нѣкогда оба, ненавистные народу, неумолимые кардиналы (Ришелье и Мазарини) нашли въ борьбѣ съ провинціальнымъ дворянствомъ союзниковъ въ наиболѣе дѣятельныхъ элементахъ націи; теперь (въ 19 столѣтіи, послѣ паденія великаго императора), ни одна изъ политическихъ партій (кромѣ партіи такъ наз. „ультра") не рѣшилась дѣйствительно поколебать строй новаго чиновничества, такъ какъ онъ покоился на самомъ жизненномъ законѣ Франціи, на равенствѣ.

Начиная съ Корменэна, этого положительнаго и національнаго ученаго, по характернымъ словамъ Наполеона III, кончая Лаферрьеромъ, всѣ французскіе теоретики административнаго права согласны въ восхваленіи національной чиновничьей іерархіи. Изъ года въ годъ честолюбіе и ограниченность матеріальныхъ средствъ, столь обычная въ родинѣ равныхъ наслѣдствъ и жизнерадостнаго расточительства, побуждаетъ массу молодыхъ, свѣжихъ людей изъ средняго класса зачисляться въ кандидаты на чиновничьи мѣста. Поземельному дворянству всегда не доставало какъ популярности, такъ и доброй воли для того, чтобы принять на себя

обязанность вести мѣстное управленіе во имя закона. Благодаря равномѣрному распредѣленію поземельной собственности, количество людей, которые могли бы взять на себя исправленіе мѣстныхъ почетныхъ должностей, было очень незначительно.

Бордо и Ліонъ все еще жили въ воспоминаніяхъ о своемъ славномъ прошломъ. Тулузъ носилъ названіе короля—города (ville reine) всего юга, житель Марсельи трунилъ: если бы Парижъ имѣлъ свою „rue de cannabiére", то онъ былъ бы маленькимъ Марсельемъ. Но отъ этихъ чувствъ общиннаго высокомѣрія и чванства,—еще далекій путь до серьезнаго рѣшенія взять управленіе общиной въ свои руки. Какъ въ XVIII столѣтіи, такъ и теперь мелкія прозаическія дѣла общинной жизни считались и считаются недостойными вниманія образованнаго человѣка; его вниманіе должно быть обращено исключительно на важные вопросы великой политики. Какъ повсюду въ Европѣ, такъ и во Франціи новая промышленность содѣйствовала развитію матеріалистическаго духа среди индустріальныхъ дѣятелей; беззастѣнчивое состязаніе на промышленномъ поприщѣ поглотило всѣ силы и сдѣлало промышленный классъ чуждымъ общинной жизни. Парижане съ подозрѣніемъ смотрѣли на каждую тѣнь самостоятельной жизни въ областяхъ, въ которыхъ живы были роялистическія традиціи; всѣ еще легко, очень легко раздражались призракомъ федерализма, противъ котораго нѣкогда велъ кровавую войну Конвентъ, и который на фантастическихъ празднествахъ якобинцевъ изображался въ уличныхъ процессіяхъ въ видѣ аллегорической страшной женщины, извергающей кровь, съ змѣями въ волосахъ. Къ крестьянамъ все еще примѣнимо было грустное изреченіе Тюрго: „село есть куча хижинъ и жителей столь же безцвѣтныхъ, какъ и ихъ жилища".

Какъ сказано выше, этотъ строго централизованный ад-

министративный строй сохранился почти непоколебимо до нашего времени. По словамъ Трейчке (Gesellschafts—wissenschaft стр. 100) каждое сильное правительство стремится къ централизаціи. Это замѣчаніе вполнѣ подтверждается исторіей Франціи въ 19 столѣтіи. Всѣ государственные перевороты (1830 г., 1848 г., 1851 г., 1870 г.) въ концѣ концовъ имѣли своимъ результатомъ усиленіе правительственной власти; измѣнялись только элементы, входящіе въ составъ правительства. Стремленія къ административной децентрализаціи, къ установленію мѣстнаго самоуправленія, превращенію представительныхъ совѣтовъ, въ департаментѣ, округѣ и общинѣ, изъ органовъ „совѣщательной системы" (le systeme consultatif, по словамъ Персиньи, клеврета Наполеона III) въ органы съ распорядительной функціей,—встрѣчали всегда энергичный отпоръ, благодаря тому трагическому совпаденію, что защита самоуправленія исходила всегда отъ противниковъ даннаго государственнаго режима (партія ултрароялистовъ во время реставраціи 1815—1830 г.г., партія роялистовъ и республиканцевъ въ эпоху второй имперіи, партіи бонапартистовъ, орлеанистовъ и бурбонистовъ въ эпоху 1871—1885 г.г.). Централизація изъ административно-правовой системы превратилось въ политическое боевое средство.

Вредъ административной централизаціи для всей жизни націи ясно сознавался всѣми передовыми людьми Франціи. Такіе выдающіеся администраторы, какъ Виллель*) и Мар-

---

*) Еще въ 1815 г. 13 декабря Виллель произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: „Nous savons et devons le dire, parce que c' est un de nos devoirs de dire les verités utiles, nous savons qu'enrompant ainsi les liens qui nous unissent à notre commune, à notre ville, à notre departement, en tuant l'intérét que nous prenons à nos administrations secondaires, à nos édifices, à nos chemins, à nos promenades, à nos monuments, on achève d' anéantir parmi nous l'amour, si fortement ébranlé, de la patrie, on dêtruit l' esprit public, on achéve de désunir et de démoraliser la nation, on eloigne les Francais les uns

тиньякъ, такіе публицисты и историки, какъ Барантъ, Дювергіе де Оранъ,—наконецъ, вся великая школа французскихъ публицистовъ 40 годовъ, съ Токвиллемъ во главѣ,—предвѣщали Франціи постоянное колебаніе между деспотизмомъ и анархіей, пока мѣстность будетъ пассивнымъ колесомъ въ механизмѣ управленія.

Реформа мѣстной администраціи, предложенная палатамъ въ 1828 году министерствомъ Мартиньякъ, не была принята. Юльская монархія ограничилась допущеніемъ выборовъ членовъ совѣтовъ—генеральнаго, окружнаго и муниципальнаго—мѣстными жителями, но эта реформа измѣнила характеръ администраціи въ столь незначительной степени, что принцъ Людовикъ Наполеонъ (впослѣдствіи Императоръ Наполеонъ III) былъ правъ, когда онъ упрекнулъ правительство Людовика Филиппа: „наша соціальная жизнь столь же несвободна, какъ и въ Россіи и въ Австріи (въ 1838 г.), а вы говорите про парламентарную монархію по англійскому образцу“.

Централизація не переставала быть идеаломъ для большинства французовъ. Историкъ-поэтъ Ламартинъ даже рѣшился объявить, что централизація должна расти по мѣрѣ роста свободы.

Соціально-политическія условія содѣйствовали все большему и большему росту гувернаментализма и централизаціи; раздробленіе поземельной собственности, уничтожившее поземельную аристократію, тяготѣніе промышленности и торговли къ Парижу; стремленіе туда же всей умственно развитой молодежи, презиравшей провинцію, предпочитавшей

---

des autres, on laisse le champ libre aux novateurs et aux turbulents en ne fixant les idees des citoyens sur rien, qui les rassure et les interesse, on n'établit entre eux et le gouvernement aucun de ces liens qui sont partout la force et la stabilité des institutions; on prépare le retour inévitable et prochain de l'anarchie si le gouvernement est faible, du despotisme, s'il derive fort“.

играть въ Парижѣ роль „безпочвенниковъ", знавшихъ только службу и карьеру или журналистическую славу,—вотъ главные факторы централизаціи; Франція продолжала быть отечествомъ бюрократіи и чиновничества.

Уже въ 1848 году во Франціи насчитывали болѣе 500000 служащихъ, не считая арміи и флота. Всякое проявленіе общественной самодѣятельности оставалось подъ контролемъ правительства; и общества сельскаго хозяйства, и сберегательныя кассы, и торговыя палаты, и ученыя общества,—все было подчинено опекѣ центра.

Вторая имперія не принесла Франціи блага самоуправленія, не смотря на то, что Наполеонъ III, будучи претендентомъ, въ своихъ сочиненіяхъ превозносилъ принципы англійскаго самоуправленія.

Знаменитые декреты 1852 года о централизаціи усилили только власть префектовъ, но благодаря этому же усугубили несамостоятельность мѣстности.

Съ другой стороны нельзя не признать, что строго централизованное управленіе, отрицавшее общественную самостоятельность, многое сдѣлало для поднятія народнаго благосостоянія. О матеріальномъ благѣ заботилось и правительство Юльской монархіи, равно какъ и Вторая имперія. Постройка сѣти желѣзныхъ дорогъ, системы общественныхъ и мѣстныхъ департаментскихъ шоссе, содѣйствіе развитію сельскаго хозяйства, культивированіе пустыхъ, безплодныхъ пространствъ („landes" около Бордо), постройка гаваней, сооруженіе каналовъ, организація кассъ страхованія рабочихъ, улучшеніе быта рабочаго населенія (въ особенности въ Ліонѣ, Мюльгаузенѣ, Руанѣ, Лиллѣ)—вотъ главнѣйшіе признаки правительственныхъ заботъ о матеріальномъ благѣ страны. Но преобладаніе городскаго класса, въ особенности абсолютизмъ Парижа и его торгово-промышленной буржуазіи, сказалось въ томъ, что интересы оплота соціальнаго строя

Франціи—крестьянскаго сословія—оставались слишкомъ часто въ пренебреженіи.

Неограниченное право дробленія земель по наслѣдству грозитъ обѣдненіемъ поселянъ и чрезмѣрнымъ приростомъ городскаго населенія, но до этого „священнаго" права законодатель не рѣшался и не рѣшается дотронуться.

Организація ипотечнаго кредита была вполнѣ неудовлетворительна, но до 80 годовъ ничего не сдѣлано для ея улучшенія; не упрощена была даже сложная процедура при продажѣ земель. Разверстаніе общинныхъ земель повредило интересамъ бѣднѣйшихъ членовъ сельскаго населенія.

Устарѣлый сельскій кодексъ и лѣсной (code rural и code forestier 1827 г.) пересматривались различными коммиссіями въ теченіе 50 лѣтъ, однако не замѣнены новыми.

Если Франція развивалась и процвѣтала, несмотря на чрезмѣрную опеку бюрократіи*), подрывавшую всякій общественный починъ, не смотря на рядъ революцій, плодъ абсолютизма парижской черни, и подстрекательствъ парламентскихъ краснобаевъ, не смотря на торговые и промышленные кризисы, результатъ увлеченій биржи, господствующей во Франціи со времени золотыхъ дней Людовика Филиппа, —то Франція этимъ обязана великому капиталу хозяйствен-

---

*) Эту опеку Таквилль въ своемъ классическомъ сочиненіи „Ja Democratie en Amérieqne", т. III, характеризуетъ въ слѣдующихъ ироническихъ словахъ: „c' est un pouvoir immense et tutelaire, qui se charge seul d'assurer les jouissances des citoyens et de veiller sur leur sort, il est absolu, detaillé, régulier, prevoyant et doux. Il ressemblerait á la puissance paternelle si, comme elle, il avait pour objet de préparer leshommes á l'âge viril, mais il ne cherche, au contraire, qu'á les fixer irrevocablement dans l'enfance: Il aime qüe les citoyens se rejouissent, pourvu qu', ils ne songent qu'á se rejouir Il travaille volontiér à leur bonheur, mais il veut en être l'unique agent et le seul arbitre; il pourvoit á leur securité prevoit et assure leurs besoins, facilite leurs plaisirs, conduit leurs principales affaires, dirige leur industrie, régle leur succesion, divise leur heritage, que ne peut-il leur ôter eutiêrement le trouble de penser et la peine de vivre"?

ной разсчетливости и скопидомства своихъ крестьянъ и мелкихъ буржуа. Впрочемъ, это матеріальное благосостояніе Франціи не шло рука объ руку съ развитіемъ ея духовно-нравственныхъ силъ, этихъ важнѣйшихъ факторовъ публично-правового строя. На духовно-нравственный упадокъ Франціи давно жалуются многіе французскіе патріоты: напр. Родо, Прево-Парадоль и Токвилль въ эпоху Юльской монархіи, Ренанъ во времена второй имперіи, Тэнъ и Жюль-Симонъ послѣ 1870 г.

Въ оживленіи мѣстности путемъ ослабленія административныхъ путъ централизаціи и нынѣ, какъ и 50 лѣтъ тому назадъ, видятъ лучшее средство къ поднятію уровня политическаго быта государства, къ освобожденію его отъ господства честолюбивыхъ адвокатовъ и профессіональныхъ политиковъ, отъ убивающаго всякую частную инціативу безмѣрнаго гувернаментализма и отъ абсолютизма различныхъ партійныхъ правительствъ *). Одинъ изъ лучшихъ государственныхъ людей новой Франціи—Жюль Ферри,—столь ненавистный клерикаламъ и шовинистамъ, въ одной изъ своихъ рѣчей въ 1884 году указалъ на неотложную необходимость ограниченія государственнаго всемогущества и расширенія сферы индивидуальной и общественной свободы. Благодаря его энергіи прошелъ новый муниципальный законъ 5-го ап-

*) Каждая парламентская партія стояла и стоитъ во Франціи за расширенія самоуправленія, пока она не успѣла взять бразды правленія въ свои руки, и сожалѣетъ о всякомъ успѣхѣ въ этомъ дѣлѣ, коль скоро въ ея рукѣ кормило правленія. Въ силу закона 1876 г. въ 33000 общинъ мэры избирались муниципальными совѣтами. Какъ сожалѣло объ этомъ законѣ реакціонно-клерикальное министерство Броля въ 1877 г., когда ему пришлось бороться съ республиканцами-мэрами, а лишь три года тому назадъ клерикальная партія съ большимъ паѳосомъ требовала широкаго общиннаго самоуправленія. Это же самое министерство не постыдилось разсылать открыто по всѣмъ вѣдомствамъ циркуляры, въ которыхъ оно утверждало, что разъ чиновникъ получаетъ жалованіе отъ того или другаго министерства, онъ уже теряетъ свою независимость и обязуется служить интересамъ своего начальства!

рѣля 1884 г.—первый шагъ къ установленію мѣстнаго самоуправленія. Одинъ изъ параграфовъ этого закона разрѣшаетъ общинамъ одного и того же кантона соединяться для предпріятій общеполезныхъ, непосильныхъ для одной общины! Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ такой законъ былъ бы признанъ посягательствомъ на цѣлость государства*). Со времени реформы муниципальнаго управленія, на которой реформаторская дѣятельность, вѣроятно, не остановится,—Франція можетъ надѣяться, что и для нея наступитъ время, когда она будетъ управляться на основаніи законовъ, а не на „основаніи точныхъ республиканскихъ принциповъ" (какъ того желалъ Гамбетта; ср. его рѣчь въ палатѣ депутатовъ 17 октября 1877 года). До нынѣ же весь столь могучій административный строй Франціи играетъ роль орудія для упроченія парламентскаго режима*), который можетъ быть признанъ правовымъ только съ натяжкой!

---

*) Въ рѣчи, защищавшей проектъ этого закона, Ферри высказалъ слѣдующее: „Nous estimons qu' il n'ya de reformes sociales, plus profondes que celles qui commencent par la réforme des idées et des moeurs et qui ont leur source daus l' activité, l' initiative et la prévoyance individuelles. Alors, quel est le rôle de l.etat? Est ce de se substituer à l' initiative, à la prévoyance, individuelles? Non, c' est d'encourager, d'aider, de subventionner, s'il le faut leur développement, jamais de se substituer à elles".

*) Характеристичнымъ признакомъ быстро укоренившагося во Франціи съ 1870 г. парламентскаго партійнаго режима служитъ все чаще и чащд повторяющаяся „чистка чиновниковъ", въ особенности префектовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1877—78 годахъ, въ эпоху извѣстнаго кризиса, вызваннаго дѣйствіями Макъ Магона, совершилась такая чистка—три раза въ теченіе 9 мѣсяцевъ. Когда восторжоствовала республиканская партія, то изъ 87 префектовъ были смѣщены—82! (18 декабря 1877 г.). Такія условія конечно, должны уничтожить въ средѣ служащихъ всякое сознаніе самостоятельной отвѣтственности всякое правовое чувство!

Важнѣйшія опечатки и недосмотры.

Стр.	*Строка сверху.*		*Напечатано:*	*Читай:*
9	32	„	coercitus	coercitu
16	22	„	Огита	Отто
22	27	„	политическихъ	политическихъ, такъ и
45	30	„	19	14
77	25	„	Landocht	Landrecht
91	17	„	Новоуказанныя	Новоуказныя
96	6	„	новоуказанными	новоуказными

149 пропущено примѣчаніе:

ст. 85 учр. о губ· гласитъ:..... ибо онъ (государевъ намѣстникъ) есть яко хозяинъ своей губерніи, *а не судья.*

ср. также: ст. 82.

Къ сожалѣнію эти рѣшительныя постановленія парализованы неопредѣленными указаніями статей 86 и 113.

160	10	„	отмѣнявшихъ	отмѣнявшими
„	примѣчаніе 3	снизу	и шлагбаумъ	и при шлагбаумахъ
198	4	сверху	съ неподатными	и неподатными

И. Я. ГУРЛЯНДЪ.
Приватъ-доцентъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

КЪ ВОПРОСУ
ОБЪ
ИСТОЧНИКѢ И ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНІЯ
ЯМСКОЙ ГОНЬБЫ
ВЪ
древней Руси.

Рѣчь, произнесенная 30 августа 1899 г. на актѣ Демидовскаго Юридическаго лицея.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1900.

Печатано по опредѣленію совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея. Директоръ *С. Шпилевскій.*

Предлагаемое разсужденіе, послужившее основаніемъ для рѣчи, произнесенной мной на годичномъ актѣ Демидовскаго Юридическаго Лицея 30-го августа 1899 г., является вмѣстѣ съ тѣмъ первой главой подготовляемаго мной къ печати изслѣдованія о „Ямской гоньбѣ до конца 17 вѣка". Я рѣшаюсь выпустить въ свѣтъ эту главу отдѣльнымъ изданіемъ не только потому, что желаю слѣдовать академическому обычаю, по которому актовыя рѣчи, обыкновенно излагающія лишь выводы, находятъ свое оправданіе въ указаніи всѣхъ данныхъ, приведшихъ къ извѣстнымъ выводамъ, но и потому еще, что вопросъ объ источникѣ и времени происхожденія у насъ ямской гоньбы, этого удивительнаго свидѣтельства административной дѣятельности Московскаго государства, можетъ считаться во многихъ отношеніяхъ самостоятельнымъ вопросомъ. Правда, онъ еще не служилъ предметомъ оживленнаго научнаго спора, но до сихъ поръ его нельзя считать не только рѣшеннымъ, но даже разъясненнымъ.

Не скрою, окончательное выясненіе этого вопроса можетъ быть сдѣлано только ученымъ—оріенталистомъ. Меня поддерживаетъ, однако, убѣжденіе, что едва-ли мною упущено изъ виду что-либо, что доступно изслѣдователю, разбирающемуся въ подлинныхъ памятникахъ Востока лишь ощупью, но изучившему ихъ съ доступной полнотой въ переводахъ.

И. Г.

Всѣ вопросы, связанные съ вопросомъ о ямахъ, объ ихъ устройствѣ, о ямской гоньбѣ, о повинностяхъ, вытекавшихъ изъ ямской организаціи и т. д. только со времени великаго князя Іоанна III могутъ быть обоснованы болѣе или менѣе точными данными. О времени предшествовавшемъ мы можемъ судить въ гораздо большей степени на основаніи аналогій и предположеній.

Трудно думать, чтобы домонгольская Русь не знала извѣстныхъ способовъ, которыми пользовались для неизбѣжныхъ сношеній. Слагается государство, устанавливаются отношенія, ведется борьба за силу, власть, во имя расширенія однѣхъ областей на счетъ другихъ, по неволѣ сносятся посольствами, мѣняются вѣстями, пересылаются гонцами. Въ предѣлахъ каждаго владѣнія выдѣлившійся центръ нуждается въ установленіи связи съ остальной территоріей; ратное дѣло, съ одной стороны, сборъ податей, съ другой, придавали этой потребности особое значеніе. Но мы, пользуясь тѣми свѣдѣніями, которыя сохранились до насъ, имѣемъ право лишь въ общихъ чертахъ намѣчать разрѣшеніе возникающихъ здѣсь вопросовъ.

Долго повторялось мнѣніе, что въ старыя времена, когда за государевымъ дѣломъ кто куда посыланъ былъ, онъ или на своихъ лошадяхъ, или на свой счетъ ѣздилъ, а иногда съ позволенія для такой поѣздки получалъ лошадей, которыхъ по окончаніи поѣздки отдавалъ въ государеву казну. [1]) Но, какъ ни скудны свѣдѣнія, дошедшія до насъ о „старыхъ временахъ“, если понимать подъ ними времена до великаго князя Іоанна III, все-же слѣдуетъ опредѣленно сказать, что сношенія на собственныя средства

---

[1]) Это мнѣніе впервые было высказано въ извѣстной статьѣ о „Ямскомъ приказѣ“ въ т. XX, изд. 2. Вивліоѳики, стр. 412. Какъ намъ удалось установить изъ рукописи Миллера (Арх. М. И. Д., библ. № 388, тетр. 4) эта статья написана была для Новиковскаго изданія Миллеромъ. Мнѣніе Миллера повторено и въ „Выпискѣ о первоначальномъ заведеніи и дальнѣйшемъ образованіи почтъ въ Россіи“, сдѣланной по

князей, если и велись, то развѣ въ видѣ исключенія. Какъ правило, сносились на средства населенія, которое несло для удовлетворенія этой потребности извѣстную повинность часто весьма для него тяжелую. Въ землѣ Новгородской эта повинность уже въ началѣ 13 вѣка называлась *повозомъ*, въ другихъ земляхъ *подводой*. Какъ увидимъ дальше, объ условіяхъ такой подводной повинности въ актахъ конца 13 вѣка (А. А. Э., I, 1) говорится, какъ о чемъ-то установившемся изстари—можно думать, что подводная повинность была извѣстна населенію много раньше 13 вѣка.

Правда, еще подъ 984 г. лѣтописецъ говоритъ о Радимичахъ, что они „прешедъше ту ся вселиша и платятъ дань, Руси повозъ везуть и до сего дне" (П. С. Р. Л., I, стр. 36) но Соловьевъ, какъ извѣстно, уже объяснилъ, что подъ повозомъ здѣсь правильнѣе понимать тотъ способъ собирать дань, при которомъ племена сами привозили ее въ опредѣленное княземъ мѣсто, въ отличіе отъ ѣзды князя на полюдье. [2]) Для 1209 г., однако, мы встрѣчаемъ въ лѣтописи уже довольно опредѣленное указаніе, что въ новгородской землѣ подъ повозомъ понималась обязанность давать подводы. Это именно то мѣсто лѣтописи гдѣ разсказывается, какъ новгородцы, сотворивъ вѣче на посадника Дмитра и на братью его, вспоминаютъ при перечисленіи винъ посадника: „повелѣша.... по купцемъ виру дикую и повозы возити и все зло". [3]) Данное мѣсто становится опредѣленнѣе, если сопоставить его съ обычной формулой договоровъ новгородцевъ съ князьями: „а дворянамъ твоимъ по селомъ у купцовъ повозовъ не имати разве ратной вѣсти". [4]) Можно, слѣдовательно, думать, что обязанность давать подводы, распространявшаяся въ принципѣ въ мирное время не на все населеніе, въ дѣйствительности вела къ злоупотребле-

---

предписанію Мин. Ин. Д. А. Я. Будберга, въ 1807 г. (Рук. въ Арх. М. И. Д., № 226—396). Это-же мнѣніе повторено Успенскимъ, Опытъ повѣствованія о древн. рус., ч. 2, стр. 182—183, изд. 1812 г., Сергѣевымъ, Истор. взглядъ на почтовое управленіе въ Россіи, изд. 1840 г., § 5. То-же мнѣніе повторилъ еще и Бржозовскій въ его статьѣ „Историческое развитіе законодательства по почтовой части", въ Юридич. Сборн. Мейера, стр. 345.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. I, стр. 216, изд. Товарищ. „Общ. Польза".

[3]) П. С. Р. Л., т. III, стр. 30.

[4]) Г. Г. и Д., т. I, 1, 3, 6, 7, 9, 15, 20.

ніямъ со стороны князей и ихъ слугъ, въ общемъ была въ тягость населенію, въ военное же время не знала ограниченій.

Дальнѣйшихъ разъясняющихъ извѣстій о повозѣ намъ не удалось найти, объ аналогичной-же *подводѣ* мы знаемъ нѣсколько больше. Если судить по указаніямъ значительно позднѣйшаго времени (а на это въ данномъ случаѣ мы имѣемъ право, такъ какъ, если бы время что-либо измѣнило тутъ, то именно подобныхъ указаній мы не имѣли бы), подъ подводой понимались только лошади, а не лошади вмѣстѣ съ санями или телѣгой. [5]) Кто обязанъ былъ давать лошадей, тотъ могъ быть обязанъ давать и кормъ. Обыкновенно о кормѣ говорится рядомъ съ подводой. Изъ подводной повинности вытекала и обязанность давать проводниковъ, хотя и эта повинность могла являться самостоятельной.

Издревле кормъ, проводники и подводы являлись повинностями, которыми тянули къ городу, которыя отбывались съ погостовъ. „Оть даютъ съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ" (А. А. Э., I, 1). „Не надобѣ имъ потягнути къ городу ни въ которую дань, ни въ подвода, ни въ станъ, ни въ который проторъ"—читаемъ въ жалованныхъ грамотахъ еще 14 вѣка (А. А. Э, I, 4 и др.). Распорядкомъ по исполненію этихъ повинностей завѣдывали мірскія власти; напримѣръ, на Двинѣ—посадники, старосты и скотники (А. Э., I, 1; Соловьевъ [6]) объяснилъ, что скотники здѣсь—сотники).

Изъ цѣлаго ряда данныхъ мы узнаемъ, что повинности эти всегда тяготили населеніе, которое смотрѣло поэтому на освобожденіе отъ нихъ не только въ цѣломъ, а хотя бы и въ части, какъ на дѣйствительную льготу. Соотвѣтственно съ этимъ, освобожденіе давалось только въ виду уважительныхъ причинъ и каждый разъ, т. е. для каждой данной мѣстности, опредѣлялось точно въ жалованной грамотѣ.

---

[5]) Такъ, обыкновенно подорожныя 17 в. опредѣляютъ точно: подводы съ телѣги или съ сани (Ар. М. И. Д. И. Д. С. Л., 1606 г, св. 3, № 1, начка подорожныхъ; А. Ю., 364, III; Рум. Муз., Гарелин. Собр. и др.). Для 1504 мы встрѣчаемъ такое-же объясненіе въ подорожной толмачу Селѣ, Пам. Дипл. Снош. I, стр. 112. Такое обозначеніе для сѣвера встрѣчаемъ еще у Корнилія де Брунна: „ямщики доставляютъ однѣхъ только лошадей" Чт. О. И. и Д. 72 г., 1, стр. 31. Встрѣчается указаніе: подводы верхи (А. Ю. 364, IV и др.).

[6]) Ист. Рос., т. I, стр. 1165, прим. 2.

Освобожденіе давалось людямъ, поселеннымъ и селившимся на монастырскихъ земляхъ, послѣднимъ охотнѣе, чѣмъ первымъ, обыкновенно, однако, и тѣмъ, и другимъ на срокъ, но для инокняженцевъ срокъ большей частью удлинялся. Встрѣчаемъ также случаи освобожденія людей, заселявшихъ пустынныя дотолѣ мѣста, погорѣльцевъ и т. д. [7]) Обязанностью населенія давать кормъ, подводы и проводниковъ пользовались во зло княжескіе слуги и гонцы: брали лишнія подводы, брали силою, нерѣдко при этомъ пренебрегая и тѣмъ, что данная мѣстность пользовалась льготой. Князья пытались поэтому ввести въ отправленіе подводной повинности и въ пользованіе ею нѣкоторый порядокъ: заказывалось ѣздить новыми, не пошлыми дорогами (А. Э. I, 61, 65 и др.); для наблюденія надъ этимъ иногда (со второй половины 15 вѣка это дѣлается, видимо, постоянной практикой) въ данныхъ селахъ ставились особые пристава (А. Э. I, 82, 113 и др.); указывалось опредѣленно, что ратная вѣсть (почти общая оговорка въ жалованныхъ грамотахъ Іоанна III) пріостанавливаетъ значеніе льготъ (А. Э. I, 121, 150, А. И. I, 75, 83, 86, Д. А. И., I, 48 и др.); что такое-же значеніе имѣетъ и княжеская подорожная (А. Э. I, 86, 123 и др.); дѣлалось различіе между княжескими гонцами и прочими

[7]) Льготы давались князьями по разнымъ соображеніямъ, но преимущественно изъ желанія привлечь въ княжество путемъ монастырской колонизаціи новое населеніе. Это видно изъ преимуществъ, которыя обыкновенно предоставлялись инокняженцамъ (а кого къ себѣ игуменъ призоветъ людей изъ иного княженья, а не изъ моее отчини). Иногда и старожильцы, и инокняженцы уравнены (напр. А. Э. т. I, 38, 374 и др.). Иногда и старожильцы и инокняженцы освобождаются безсрочно (А. Э. т. I, 52, 60 и др.). Но по большей части льгота дается на срокъ (отъ 20—2 лѣтъ), причемъ съ преимуществами для инокняженцевъ. Напримѣръ, старожильцы не освобождаются, а инокняженцамъ дается десятилѣтняя льгота—А. Э., 17, 18, 20 и др.; 20-лѣтняя льгота—А. Э. I, 36; 15 лѣтняя льгота—А. Ю. К., I, 31, № VI; тутошніе на 5 лѣтъ, инокняженцы на 15 лѣтъ—А. Э., т. I, 23, старожильцы на 3 г., инокняженцы на 10 л.—А. Э. т. I, 21; старожильцы на 5 л., инокняженцы на 10 л.—А. Э., т. I, 44; старожильцы на 10 лѣтъ, инокняженцы на 15 л.—А. Э. т. I, 51; старожильцы на 2 г., инокняженцы на 10 лѣтъ - А. И., т. I, 25, 36. Встрѣчаются и такія выраженія: и то деи село и деревня опустѣло и люди деи разошлися... и кого архимандритъ тѣхъ людей и т. д. (П. Б., т. II, 20). Ср. Горбуновъ, Льготн. грам., жалов. мон. въ 13—15 в.в., Арх., Ист. и Практ. Св. Калачова, 60—61 г.г., кн. 5, стр. 28 и сл. Можно отмѣтить также мотивъ желаніе поднять пашню въ доселѣ глухихъ мѣстахъ. А. Э., т. I, 44, 46, 135 и др. Встрѣчаются льготы и по случаю пожаровъ А. Э., I, 63; по случаю какого-нибудь спеціальнаго обстоятельства, напр. постройка монастырск. ограды—А. Э. I, 190.

слугами, при чемъ послѣднимъ запрещалось требовать подводы, когда они ѣздятъ на его, князя, службу или которыми иными дѣлами своими-жъ (наприм. – А. Э. I, 81), а иногда и вообще: „никоторыми дѣлами“, „всякіе ѣздоки не емлютъ, также и гонцы мои Великаго Князя безъ грамоты не емлютъ“.

Населеніе, какъ уже сказано выше, само вело раскладку повинности, но уравнительность достигалась съ трудомъ, и потому, вѣроятно, нерѣдки были случаи вмѣшательства князей въ мірскіе распорядки: считавшіе себя обочтенными, обращались съ жалобами, результатомъ которыхъ являлись различныя мѣропріятія. Главными поводами для этихъ жалобъ были злоупотребленія мірскихъ властей при нарядѣ подводъ въ предѣлахъ стана, посада, погоста, злоупотребленія со стороны подмогавшихъ сосѣдей, также пропуски, т. е. нежеланіе смѣнять сосѣдскія своими, чѣмъ, конечно, наносился ущербъ интересамъ сосѣдей, наконецъ—отказы въ счетѣ, т. е. нежеланіе однихъ платить другимъ по спеціальному ранѣе установленному разсчету слѣдуемыя за лишнія отпуски или вообще по подмогѣ въ отпускахъ деньги. Подлинныхъ дѣлъ этого рода мы не знаемъ для времени до послѣдней четверти 16 вѣка. Но если уравнительность не достигалась и при болѣе развитой административной системѣ, нѣтъ основаній думать, что она достигалась тогда, когда вообще объ административной системѣ не было и рѣчи. Поэтому едва-ли будетъ ошибкой по дѣламъ болѣе поздняго времени судить о времени предшествовавшемъ. Къ тому же и изъ самихъ извѣстныхъ намъ дѣлъ видно, что обыкновенно жалобы одной волости на другую по поводу подводной повинности носили хроническій характеръ: это были старинные споры, которымъ къ-тому же не предвидѣлось и конца. Такъ, напримѣръ, Еренчане и Усольцы стояли на Москвѣ для суда въ 1582 г., но изъ дѣла видно, что они судились уже и въ 1578 г. (Арх. Мин И. Дѣлъ П. Д. С. Л., Св. 1, № 1); можно сказать утвердительно, что они судились и до того; съ ними-же мы не разъ встрѣчаемся и въ теченіи 17 вѣка. То-же можно сказать про судьбище между людьми Ковской, Кондалацкой и Керетецкой волостей и людьми Соловецкаго монастыря: по ихъ дѣлу имѣется указъ отъ 1597 г., но изъ указа видно, что счетъ между

волостями старинный (Д. А. И., I, 140); съ тѣмъ-же счетомъ встрѣчаемся, напримѣръ, и въ 1667 г. (Д. А. И., V, 43). Мѣняются формы суда, но сущность отношеній все та-же, все тѣ-же и нормы, являющіяся результатомъ этихъ судьбищъ.

Изъ этихъ данныхъ можно также заключить, что подводы и кормъ, и проводники выставлялись лишь по мѣрѣ надобности, при чемъ, какъ общее правило, лишь для дѣлъ князя и управленія. Организація правильныхъ и постоянныхъ сношеній еще не имѣла мѣста. Сношенія частныхъ лицъ производились каждымъ за его счетъ и страхъ. [8])

Первыя упоминанія о *ямѣ* мы находимъ не раньше нашествія татаръ. Насколько извѣстно, впервые этотъ терминъ отыскивается въ ярлыкѣ хана Монгутимира, [9]) который, освобождая митрополита и церковныхъ людей отъ разныхъ сборовъ и повинностей, упоминаетъ и объ освобожденіи отъ яма (1270—1276 г.г.). Существуетъ рядъ предположеній [10]) о

[8]) Гагемейстеръ, Розысканія о финансахъ древней Россіи стр. 23. Ср. также Погодинъ, Древн. русск. исторія т. II, стр. 419, 527.

[9]) Г. Г. и Д., II, 2. Ср. ibid 7.

[10]) Въ пользу мнѣнія о происхожденіи ямской гоньбы подъ непосредственнымъ вліяніемъ татаръ высказались: Соловьевъ, т. I, стр 1544; Леонтовичъ, Ойратскій уставъ, стр. 271; Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія, стр. 14—15; Милюковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи московск. госуд., стр. 21—22; Хрущевъ, Очеркъ ямск. и почтов. учрежд., стр. 3. Лаппо-Данилевскій не просто считаетъ татарскіе порядки образцомъ для русскихъ, а полагаетъ, что первоначально повинность эта и отправлялась въ пользу хана и его посланныхъ. Милюковъ возражаетъ противъ такого утвержденія. Мысль Лаппо-Данилевскаго является лишь развитіемъ словъ Соловьева: „ямы возникли сначала безъ сомнѣнія вслѣдствіе татарскихъ отношеній". Бржозовскій. ц. с., стр. 347 рѣшается сказать только, что та форма, въ которой ямская повинность существовала въ продолженіи 14 и частью 15 в. не была, можетъ быть, безъ всякаго соотношенія съ подобными учрежденіями орды. Такая осторожность со стороны автора объясняется, конечно, дѣлаемой имъ далѣе попыткой найти доказательства византійскаго вліянія на формы нашихъ ямскихъ учрежденій (стр. 355—358). Впрочемъ, эту мысль авторъ самъ называетъ недоказанной. Владимірскій-Будановъ ограничиваетъ вліяніе татаръ лишь тѣмъ, что они сдѣлали тяжелую повинность снабженія подводами и проводниками княжескихъ гонцовъ, самихъ князей и ихъ дружинниковъ особо памятной (Обзоръ ист. рус. пр., стр. 193). Остальные писатели или вовсе не касаются даннаго вопроса, или склонны считать ямскія учрежденія самобытно развившимися изъ подводной повинности. Такъ, въ особенности, думалъ Лешковъ, въ его статьѣ „О путяхъ сообщенія", Москвит. 1852 г., кн. 1, стр. 23, также въ его „Русск. нар и госуд.", стр. 317 и сл. Отмѣтимъ оригинальную попытку Берендса „Госуд. хоз. Швеціи", т. I, стр. 179—181. Авторъ думаетъ, что замѣчаемое имъ сходство между шведскими skjutsbönderne и нашими ямщиками заставляетъ

происхожденіи слова „ямъ“, но, принимая во вниманіе недоказанность этихъ предположеній и имѣя въ виду заявленія оріенталистовъ, слѣдуетъ принять, что слово „ямъ“ было занесено къ намъ татарами. [11]) У татаръ этимъ словомъ

считать ямы учрежденіемъ, предшествовавшимъ эпохѣ монгольскаго ига, и занесеннымъ къ намъ варягами. Татары, по словамъ автора, только воспользовались ямами для своихъ цѣлей. Попытка эта, очевидно, противорѣчитъ всему тому, что мы знаемъ о ямахъ у монголовъ и китайцевъ; кромѣ того, не можетъ быть согласована съ тѣмъ фактомъ, что въ новгородской землѣ, т. е. тамъ, гдѣ прежде всего слѣдовало бы искать слѣдовъ указываемаго вліянія, еще въ первой половинѣ XV вѣка (1437 или 1456—1462 г.), какъ видно изъ извѣстной новгородской грамоты о черномъ борѣ (А. Ар. Эксп., т. I, 32) ѣзда производилась на мірскихъ подводахъ отъ стану до стану (съ десяти сохъ по двѣ подводы отъ стану до стану). Своеобразна также попытка Конивеца, „Русск. госуд. почта“, Вѣст. Евр. 1869, 11 стр. 281, гдѣ авторъ считаетъ, что ямомъ называлась вообще всякая повинность, какъ данью вообще всякая подать. Эта попытка находится въ связи съ производствомъ слова ямъ отъ славянскаго глагола яти, имати, брать. Послѣдняя мысль была высказана еще Соловьевымъ, т. I, стр. 1697. Соловьевъ, однако, говоритъ такъ: „названіе ямовъ произошло или отъ русскаго слова емлю, или, что еще вѣроятнѣе, отъ татарскаго ямъ, дорога“. Можно думать, что производство ямовъ отъ иманья основывается на показаніи Даніила Принца изъ Бухова, который (русск. перев. въ Чт. О. И. Д., 1876 г., 4, стр. 72) говоритъ: „эти деревни (ямскія слободы) обыкновенно называются ямами отъ иманья (ab apprehensione)“. Опроверженіе мысли Канивеца сдѣлано подробно Хрущовымъ, ц. с., стр. 3, примѣч. Есть еще объясненіе слова ямъ отъ ямы или межи. Такъ говоритъ гр. Толстой, Ист. финанс. учрежд. Россіи, стр. 50. Соловьевъ, стр. 1697 опровергаетъ эту гипотезу. Ср. Хрущовъ, ц. м. Совершенно несообразную гипотезу находимъ въ рукописи Каразина, „Историч. запис. о почтахъ“, хранящейся въ Ар. Ин. Д. Ссылаясь на Ростовскую лѣтопись, авторъ производитъ слово ямъ отъ имени народа Яма или Еми, обитавшаго отъ сѣверной стороны Ладожскаго озера до Двины и вверхъ до Бѣла озера, иначе называвшагося Заволочью. Этотъ народъ издревле былъ конницей новгородской. Ссылаясь на Двинскаго лѣтописца, авторъ говоритъ, что лошади у Заволочанъ не только были легкія, но и въ такомъ количествѣ, что они снабжали ими сосѣдственныя стороны. Новгородцы брали съ Заволочанъ дань не только деньгами, но и лошадьми. Когда въ 1464 г. Іоаннъ III покорилъ это племя, онъ разселилъ Емь, учредивъ за одно и ямы. Послѣ изслѣдованій о племени Емь или Ямъ Лерберга, Шегрена и Барсова едва-ли можно придавать гипотезѣ, допускающей у новгородцевъ финскую конницу, какое-либо значеніе.

[11]) По словамъ оріенталистовъ „дзямъ“ по монгольски—дорога, дзямчи—гонецъ, проводникъ, путеводитель. „Дз“ при переходѣ монгольскихъ словъ въ татарскій языкъ мѣняется на „я“. Это было указано еще въ работѣ Бржозовскаго, ц. с., стр. 346, прим. 1. На основаніи изученія Тимуръ-Кутхукова ярлыка проф. Березинъ (Ханск. ярл., вып. 2, стр. 31) говоритъ: ямчи-шусунчи-ларъ означаетъ почтмейстеръ. Слово ямъ принято и въ русскомъ языкѣ, гдѣ производное „ямщикъ“ сходно и по звуку съ тюркскимъ „ямчи“, а еще болѣе съ персидскимъ „ямджикъ“—гонецъ. Первоначально „ямчи“ означалъ смотрителя почтоваго, а уже впослѣдствіи слово это перешло въ унизительное значеніе. Ср. Ж. М. Нар. Просв. 1850 г., т. 68, статья Березина, Внутр.

обозначалась налагавшаяся на подвластные народы дань, собиравшаяся для поддержанія почтовой организаціи въ ордѣ. [12])

Въ виду сравнительной скудости доступныхъ не оріенталисту памятниковъ, рисующихъ внутренній бытъ орды, мы не могли и думать о попыткѣ возстановить картину этой почтовой организаціи татаръ. Мы знаемъ только, что такая организація была, что она перешла къ татарамъ изъ Китая и что татары занесли ее съ собой и въ Золотую орду.

О китайскихъ ямахъ мы узнаемъ нѣкоторыя подробности изъ описанія Марко-Поло (начало 13 в.). По его словамъ,

---

устр. Золотой Орды, стр. 11 и 20. Въ китайскомъ языкѣ для однороднаго понятія—слова iamb. ianli, какъ это видно изъ описанія путешествія Марко-Поло, изд. Мюллера 1671 г., кн. 2. гл. 23. Въ переводѣ г. Шемякина (Чт. Об. Ист. и Др., 62 г., 2, стр. 275)—кн. 2, гл. 20. Вмѣсто Iamb въ изданіи Мюллера—Ianli По словамъ Бюрка, въ рукописи Марко-Поло Iamb. См. примѣч. къ перев. г. Шемякина, l. с. Ср. также примѣч. Неймана—Ч. О. И. Д., 62 г., 4, стр. 510—511. Интересно, что iamb, ianli, дзямъ, дзямчи, ямчи, ямджикъ и, наконецъ, русское ямъ—слова столь разныхъ языковъ, но одного значенія. Это наводитъ на мысль объ одномъ и томъ-же проводникѣ какъ слова, такъ и заключеннаго въ немъ понятія. Легко предположить, что роль проводника въ данномъ случаѣ сыграли татары.

[12]) Березинъ, Ханскіе ярлыки, 2 вып. стр. 31. Гаммеръ-Пургсталль, «Geschichte der goldenen Hord» изд. 1840 г., стр. 242 (Отзывы объ этой работѣ см. въ той-же книгѣ, стр. 543—642, а также въ Ж. М. Н. Пр., 1836 г., т. XI, стр. 158—159), ссылаясь на Рубруквиста (Замѣчательное путешествіе въ Тартарію и Китай), указываетъ, что ямами (у Рубруквиста—Iani) назывались лица, которымъ была поручаема забота о доставленіи къ мѣсту пословъ и объ ихъ содержаніи въ дорогѣ. Обращаясь, однако, къ подлиннику, мы не видимъ твердыхъ основаній къ такому выводу. Рубруквистъ (Гаагское изд., въ сборникѣ Бержерона, 1735 г.) въ гл. 17, стр. 31, говоритъ: „нашъ проводникъ обратился къ одному несторіанцу, по имени Коятъ, который былъ однимъ изъ главныхъ при этомъ дворѣ (Сартака). Онъ заставилъ насъ пройти довольно далеко къ одному важному господину, по имени Яна. Такъ называютъ того, кто обязанъ принимать пословъ“. Въ гл. 29, стр. 62 читаемъ: „мы не нашли на дорогѣ (отъ озера Байкалъ до стоянки Менгу-Хана) никакихъ другихъ людей, кромѣ янп, т. е. людей спеціально назначенныхъ для того, чтобы изо дня въ день встрѣчать и сопровождать пословъ“. Въ первомъ случаѣ рѣчь очевидно, идетъ о главномъ начальникѣ почтъ, (это видно, между прочимъ, изъ описанія важности и великолѣпія, среди котораго принялъ онъ Рубруквиста) во второмъ—о людяхъ, живущихъ при почтовыхъ домикахъ. (См. дальше въ описаніи Марко-Поло). Въ гл. 17, на стр. 31, послѣ слова „Яна“ сдѣлана выноска на поляхъ, въ которой сказано: „Московиты называютъ теперь ямами тѣхъ, кто обязанъ готовить подводы ѣдущимъ ко двору ихъ князя“. Но эта выноска принадлежитъ не Рубруквисту, какъ, видимо, думалъ Гаммеръ-Пургсталль, а Бержерону; относится, слѣдовательно, не ко второй половинѣ 13 вѣка, а ко второй половинѣ 17 в.

на каждомъ большомъ пути изъ Камбалу онъ встрѣчалъ станціи съ домами для пристанища, называемыя Iamb—почтовые дома. На каждой станціи содержалось всегда наготовѣ 400 сильныхъ лошадей. Для жизни въ этихъ мѣстахъ, обработыванія земли и содержанія на готовѣ лошадей для почтовой службы назначались особые люди. Марко-Поло считалъ, что такихъ станцій въ царствѣ великаго хана десять тысячъ. [13]) Нельзя сомнѣваться, что описанныя Марко-Поло станціи существовали за долго до Марко-Пало. Такъ, о курьерскихъ лошадяхъ говорится еще въ одномъ изъ эпизодовъ войны отца Чингизъ-хана съ китайцами. [14]) Мы не знаемъ, когда появилась почтовая организація у татаръ, но извѣстно, что Чингизъ-ханъ предписалъ султану учреждать постоянныя почты, дабы знать скоро о всѣхъ событіяхъ въ государствѣ. Это извѣстіе находится у арабскаго писателя Макризи, изложившаго общее содержаніе такъ называемой ясы Чингизъ хана. [15]) D'Ohsson. [16]) основываясь на показаніяхъ персидскаго историка Алаи-ед-дина, приводитъ, что Чингизъ-ханъ, по примѣру того, что существовало въ Китаѣ, устроилъ станціи для подставы лошадей (stations de relais) на большихъ дорогахъ, чтобы облегчить путь государственнымъ чиновникамъ, гонцамъ и вѣстникамъ. Почтовыя лошади подставлялись жителями, обязанными давать курьерамъ и кормъ, и подводы для провоза дани. Спеціальныя правила опредѣляли, кто и при какихъ условіяхъ имѣлъ право пользоваться этими лошадьми. Къ концу 13 вѣка эта обязанность населенія выставлять на станціи почтовыхъ лошадей, какъ видно изъ разсказа Рашидъ-Эддина, повела къ столь серьезнымъ злоупотребленіямъ со стороны ханскихъ чиновниковъ и курьеровъ, что явилась необходимость произвести въ этомъ отношеніи рядъ существенныхъ реформъ—по всѣмъ видимостямъ, частью пополнить, частью видоизмѣнить пра-

---

[13]) Marco Polo, l. c.

[14]) Разсказъ объ убіеніи Гемикай-Кааца, см. Эрдманъ, Предки Чингизъ-хана, Ж. М. Н. Пр., 1843 г., ч. 38, стр. 88 и примѣч.

[15]) Березинъ, Очеркъ внутр. устройства Улуса Джучіева, Труды, Вост. Отд Арх. Общ., 1864 г., ч. VIII, стр. 406 и 413. Леонтовичъ, Древній монголо-калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій, стр. 193.

[16]) D'Ohsson, Histoire des mongols, изд. 1834 г., т. I, стр. 307, Объ Алаи-ед-динѣ—ibid, стр. XVII—XXVII.

вила, установленныя Чингизъ ханомъ. Каждый,—разсказываетъ Рашидъ,[17])—ѣздилъ съ многочисленной свитой и жилъ на счетъ тѣхъ мѣстъ, которыя проѣзжалъ. Сдѣлалось обыкновеннымъ посылать курьеровъ по самымъ пустымъ поводамъ, и это практиковали всѣ, начиная отъ хатуній и принцевъ крови, кончая оруженосцами и ловчими. Злоупотребленія дошли до того, что на большихъ дорогахъ можно было встрѣтить больше гонцовъ, чѣмъ другихъ путешественниковъ, и что тысячи лошадей на каждой станціи не хватало подъ нихъ. Тогда брались лошади изъ стадъ, пасшихся въ окрестностяхъ. Хватали лошадей чужестранцевъ, мирныхъ гражданъ, ѣхавшихъ по своимъ дѣламъ. Гонцы были немилосердны въ своихъ требованіяхъ корма, денегъ и обирали часто платья, тюрбаны, все, что видѣли. Брали всего обыкновенно болѣе, чѣмъ это полагалось по предписаніямъ, и то, что имъ было уже не нужно, продавали. Это повело къ тому, что жившіе у большихъ дорогъ уходили въ горы, а на станціяхъ трудно было найти и двухъ лошадей въ хорошемъ состояніи. Историкъ описываетъ далѣе, какъ гонцы воевали другъ съ другомъ изъ-за очереди, изъ-за самой возможности двинуться далѣе, осложнявшейся уже однимъ тѣмъ, что каждый гонецъ, зная, какъ тяжело ему будутъ доставаться лошади и кормъ, бралъ съ собой цѣлые отряды. Газанъ, бывшій тогда ханомъ, задумавъ произвесть реформы, не могъ уничтожить зло сразу: зло, освященное обычаемъ, слишкомъ укоренилось. Въ концѣ концовъ, однако, онъ установилъ число лошадей для своихъ гонцовъ, велѣлъ снабжать ихъ особыми удостовѣреніями, запретилъ давать почтовыхъ лошадей всѣмъ гонцамъ, кромѣ ханскихъ, наконецъ, ввелъ прогонную плату, запретилъ брать кормы.

Съ тѣми-же началами перешла почтовая организація и въ Золотую орду. По крайней мѣрѣ, это можно заключить изъ разсказа Плано-Карпини, описавшаго состояніе орды при внукѣ Чингизъ-хана, Бату, въ первой половинѣ 13 вѣка.

---

[17]) Это описаніе мы приводимъ въ краткомъ изложеніи, пользуясь переводомъ D'Ohsson, ц. с., т. IV, стр. 397—404 и сличая съ переводомъ Березина. Полный переводъ исторіи Рашидъ-Эддина напечатанъ Березинымъ въ Труд. Восточ. Отд. Археол. Общ., 1858—1888 г.г.

По словамъ Плано-Карпини, [18]) отправляемымъ гонцамъ, сколько бы ихъ не было и куда бы ни было, обязаны были давать немедленно лошадей (equos subdititios, т. е. подводимыхъ, подставляемыхъ) и содержаніе. Откуда бы не приходили (къ императору татарскому) къ нему съ данью или посольствомъ, обязаны также давать подъ нихъ лошадей, подводы (currus) и содержаніе. Подробнѣе объ этихъ equos subdititios [19]) мы узнаемъ изъ описанія пути Плано-Карпини изъ Кіева къ татарамъ и обратно. Въ 120 верстахъ отъ Кіева въ Каневѣ (Canova), зависѣвшемъ, по словамъ Карпини, непосредственно отъ татаръ, начальникъ селенія далъ послу и его спутникамъ лошадей съ проводникомъ до другого селенія. (Кн. I, гл. 1, стр. 11). На первой татарской заставѣ (сторожевомъ пунктѣ—custodia) татары сказали, что дадутъ послу лошадей и проводника до Корензы. Получивъ отъ нихъ лошадей, съ которыхъ татары сошли, отправилось посольство съ татарскимъ проводникомъ до Корензы (такъ звали одного изъ темниковъ ханскихъ). (Кн. I, гл. 2, стр. 15). Отъ Корензы до Батыя они получили новыхъ лошадей. Выѣхавъ во вторникъ на второй недѣлѣ великаго поста, они ѣхали съ утра до ночи, а часто даже и ночью, такъ скоро, какъ только могли скакать лошади, которыхъ мѣняли (equos recentes) раза по три и по четыре въ день. (Кн. I, гл. 3, стр. 17). И черезъ Команію отъ Батыя ѣхали очень скоро, потому что мѣняли лошадей разъ по пяти и болѣе въ день (equos recentes), выключая, когда проѣзжали степью. (Кн. I, гл. 5, стр. 25). Мѣнять часто лошадей приходилось и далѣе, когда ѣхали землей Монголовъ, которыхъ послы называли татарами (quos Tartaros appellamus) кн. I, гл. 7, стр. 32). Говоря о налогахъ, какими отягчаютъ татары своихъ данниковъ, Плано-Карпини упоминаетъ и объ обязанности давать проѣзжающимъ гонцамъ лошадей и содержаніе. [20]) Описывая нравы татаръ, Плано-Карпини разсказываетъ, что самые низшіе служители татаръ (minime garconnes eorum) и гонцы,

---

18) Собраніе путешествій къ татарамъ, пер. Языкова, изд. 1825 г., Плано-Карпини, кн. II, гл. 5, стр. 149.

19) Еще equos subductitios. Гаклюйтъ переводитъ—poste horses, Языковъ - подводы; см. ц. с., стр. 266, объясн. 6,

20) Кн. II, гл. 4, стр. 109, Ср. замѣчанія у Березина, Внутр. устр. Золотой Орды, стр. 21—22.

если не имѣютъ лошадей, то, кого бы тамъ ни встрѣтили на лошади, заставляютъ его слѣзть долой и лошадь уводятъ, куда хотятъ. [21]) Изъ разсказа Плано-Карпини мы узнаемъ также, что полученіе лошадей по пути обезпечивалось особой грамотой (Батыя) за печатью: грамота угрожала смертной казнью за ослушаніе (кн. II, гл. 9, стр. 217; о видѣ на свободный проѣздъ—de conductu см. также кн. I, гл. 17, стр. 61).

Кромѣ отдѣльныхъ намековъ, встрѣчающихся въ сказаніяхъ различныхъ восточныхъ авторовъ, [22]) о характерѣ почтовой организаціи въ ордѣ свидѣтельствуетъ до извѣстной степени и такъ называемый Ойратскій уставъ. [23]) Хотя уставъ былъ изданъ только въ 1640 г., но можно считать достаточно выясненнымъ, что въ главнѣйшихъ чертахъ онъ представляетъ собой кодификацію обще-монгольскаго племенного обычнаго права, нормы котораго сложились много ранѣе времени изданія устава и вѣроятнѣе всего были весьма родственны тѣмъ большею частью обычно-правовымъ нормамъ, которыя нашли выраженіе въ извѣстной намъ лишь въ отрывкахъ ясѣ Чингизъ-хана. [24]) Изъ этого устава видно, что почтовыя лошади (Postpferde, по тексту Палласа) безъ всякихъ отговорокъ давались каждымъ, кто бы онъ не былъ, если посланный ѣдетъ для нужнѣйшихъ дѣлъ, то есть, для всенародной пользы, буде заболѣетъ главный владѣтель или его супруга и во время приближенія великаго непріятеля. [25])

---

[21]) Кн. II, гл. 4, стр. 109—110. Ср. также стр. 151, гдѣ сказано: „гонцамъ воеводскимъ, куда бы они не были посланы, обязаны, какъ императорскіе, такъ и другіе люди, давать безпрекословно лошадей и содержаніе, и погонщиковъ, и служителей“. Въ общемъ,—картина, весьма напоминающая то, что мы уже знаемъ изъ разсказа Рашидъ-Эддина.

[22]) Напримѣръ, у Эльмуффадаля, гдѣ почтовыя лошади названы „юлакъ“. Сборн. матерьяловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, В. Тизенгаузена, т. I. стр. 192. Юлакъ назывались курьеры и ихъ подручныя лошади—Гаммеръ-Пургсталль, ц. с., стр. 242. Почтовые домики были черезъ каждые три парассанга—Тамъ-же стр. 243. Также и въ описаніи путешествія Ибнбатуты; у Тизенгаузена, ц. с. стр. 302 и сл.

[23]) Пользуемся текстами, приведенными въ соч. Леонтовича „Древній Монголо-Калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій, стр. 65—151. Этимъ сочиненіемъ мы пользовались, принявъ во вниманіе и критическія указанія Н. Попова, Ж. М. Н Пр., 1879 г., 205, стр. 302 318.

[24]) Леонтовичъ, ц. с. стр. 13—18 и 188—212.

[25]) Ст. 20, по тексту Палласа - ст. 17.

(По тексту Палласа: 1) по дѣламъ духовенства и религіи, 2) по дѣламъ князя и 3) съ извѣстіями къ князю о войнѣ или вражескомъ нападеніи). Но лошади духовныхъ лицъ, видимо, ни въ какомъ случаѣ не брались подъ посланныхъ. [26]) Ѣдущимъ по нужнѣйшимъ дѣламъ, если они далеко ѣдутъ, полагалось на мѣстѣ ночевки по барану. Если они брали лишнее, подлежали наказанію. [27]) Подлежали наказанію и тѣ, кто ложно выдавалъ себя за посланца. [28]) Посланцы, въ свою очередь, оберегались уставомъ отъ обидъ. Эти постановленія—несомнѣнный отголосокъ тѣхъ реформъ Газана, о которыхъ, какъ мы уже знаемъ, разсказываетъ Рашидъ-Эддинъ. [29])

Если всѣхъ этихъ данныхъ недостаточно, чтобы возстановить картину почтовой организаціи въ ордѣ, то достаточно, съ другой стороны, чтобы утверждать, что организація несомнѣнно существовала. Ознакомившись съ удобствами почтовой системы Китая, монголы разносятъ основы этой организаціи повсюду, куда толкали ихъ завоевательныя ихъ стремленія. Устанавливая по опредѣленнымъ, постоянно однимъ путямъ, сакмамъ или шлягамъ, [30]) почтовыя станціи (точнѣе—пункты, гдѣ всегда должны были быть на готовѣ свѣжія лошади), они тѣмъ самымъ связывали разбросанное по громадному степному пространству населеніе въ одно цѣлое, приближали его къ мѣсту стоянки хана, облегчая вмѣстѣ съ тѣмъ и подвозъ дани съ подвластныхъ народовъ. Насколько серьезное значеніе придавали они такому порядку, видно изъ того что въ золотой ордѣ существовала особая должность почтмейстера—ямчи-шусунчи ларъ. [31]) Какъ мы уже видѣли, такая организація нисколько не уменьшала значеніе требованія, по которому каждый долженъ былъ при извѣстныхъ условіяхъ облегчать путь посланному и вообще ѣдущему къ хану или отъ хана. Это можетъ служить еще

---

[26]) Ст. 24, по тексту Палласа—ст. 21.

[27]) Ст. 35, по тексту Палласа 29.

[28]) Ст. 34, по тексту Палласа 28. Уставъ говоритъ о посланцахъ еще въ ст. 31, 32, 36, 124.

[29]) Указъ Газана о почтовой реформѣ приведенъ цѣликомъ въ **Zeitschrift für Geschichte und Staatskunde** 1835 г., 45.

[30]) Березинъ, Очеркъ внутр. устр. улуса Джучіева, стр. 456, пр. 7.

[31]) Березинъ, Ханск. ярлык., 2 вып., стр. 31,

однимъ доказательствомъ того, какую важность придавали въ ордѣ правильности и быстротѣ сношеній.

Съ самыхъ первыхъ извѣстій о регулярной ямской гоньбѣ въ Московской Руси она представляется во многихъ отношеніяхъ устроенной по образцу татарскихъ почтъ. Какъ и въ золотой ордѣ, гнали отъ перегона до перегона; какъ и тамъ, на каждомъ перегонѣ специальныя лица должны были заботиться о доставленіи ѣдущимъ лошадей, кормъ (хотя и не всегда), проводниковъ; какъ и тамъ, порядокъ ѣзды опредѣлялся особыми грамотами, которыя назывались у насъ подорожными грамотами; наконецъ, какъ и тамъ, устанавливалось правило, что лицо, пользующееся подорожной, почитается ѣдущимъ по приказанію государя, а, слѣдовательно, не должно быть ни задерживаемо, ни вообще подвергаемо какимъ-либо затрудненіямъ. Послѣднее опредѣлялось отчетливо указаніемъ, что не только ямщики по ямамъ, т. е. специально назначенныя для данной цѣли лица, но и „всѣ люди безъ омѣны, кто чей ни буди" должны давать ѣдущимъ средства и способы для дальнѣйшей поѣздки. [32]) Тутъ, слѣдовательно, выступаетъ на первый планъ тождественный обѣимъ системамъ основной принципъ: ѣдущій съ подорожной служитъ правительственную службу; всѣ, кто способствуетъ этой службѣ, также служатъ правительственную

---

[32]) Всѣ эти данныя ясно усматриваются изъ слѣдующей подорожной великаго князя Іоанна III, одной изъ наиболѣе раннихъ изъ числа извѣстныхъ намъ. Подорожная была выдана въ 1504 г. толмачу Селѣ, везшему изъ Москвы посла Максимиліанова Юстуса Кантингера. (П. Д. Сн., I, стр. 124). Въ ней читаемъ: „чтобы есте давали (по дорозѣ отъ Москвы до Волочка по ямомъ ямощикамъ) Селѣ толмачю. на Максиміанова на королева человѣка на Юдока на Кантингеря двѣ подводы простыхъ да третью подводу съ телѣгою и съ проводникомъ да на Осифа бы есте на жидовина давали подводу простую да подводу съ телѣгою и съ проводникомъ, да трема бы есте сокольникомъ: Сенкѣ, да Ивашку, да Гридѣ давали три-же подводы простыхъ, а, Селѣ бы есте толмачю давали двѣ подводы простыхъ да третью подводу подъ кормъ съ телѣгою и съ проводникомъ. А отъ Волочка Мстою рѣкою до Нова города по ямамъ ямощикомъ и всѣмъ людемъ безъ омѣны чей кто нибуди, чтобы есте давали Селѣ толмачю суды и гребцовъ подъ нихъ и кормника, и подъ кречаты, и подъ ихъ рухлядь, и подъ кормъ. А изъ Новагорода до Иванягорода по ямомъ ямощикомъ, чтобы есте давали Селѣ толмачю на Юдока, и на жида, и соколникомъ, и самому Селѣ подводы простые и съ телѣгами и съ проводники подъ рухлядь и подъ кормъ по тому-жъ. А какъ поѣдетъ Селя и соколники съ Иваногорода къ Москвѣ назадъ, и вы бы ямощики Селѣ и сокольникомъ и до Москвы давали пять подводъ отъ яму до яму, не издержавъ ни часу, по сей моей грамотѣ".

службу. Одинаковость основного принципа и одинаковость цѣлаго ряда формъ его выраженія одно это заставляло бы признать русскую ямскую гоньбу устроенной по татарскому образцу.

Но разнося съ собой начала такой организаціи, едва-ли татары навязывали ее подвластнымъ народамъ. Во первыхъ, этому противорѣчатъ, какъ подмѣчено уже давно, тѣ типическія особенности вторженія кочевниковъ въ осѣдлыя страны, и ихъ тамъ господства, которыя удается уловить, не смотря на несомнѣнную скудость памятниковъ. Кочевники обыкновенно устраняли себя отъ всякой заботы о покоренной странѣ, отъ всякаго управленія ею и даже отъ труда собирать подати съ покоренныхъ. Это достигалось посредствомъ оставленія страны въ рукахъ туземныхъ владѣльцевъ, съ обращеніемъ ихъ въ данниковъ, т. е. въ орудія для выжиманія изъ покоренныхъ въ пользу побѣдителей всего, что первые могли доставить послѣднимъ. Такъ властвовали и монголы надъ Русью. [33]) Во вторыхъ, нельзя сомнѣваться, что первоначально на Руси татарскимъ словомъ „ямъ" обозначали не гоньбу по ямамъ, а особый сборъ, платимый въ орду. Березинъ, какъ уже сказано выше, прямо называетъ ямъ видомъ татарскаго налога, собираемаго съ подвластныхъ народовъ. Къ тому-же приводитъ насъ и разсмотрѣніе княжескихъ договоровъ и завѣщаній: „а коли придетъ дань или ямъ,—читаемъ мы тутъ [34]), — и княгиня моя дастъ съ тѣхъ волостей и селъ по розчету, што ся иметъ". Дань и ямъ, слѣдовательно, одинаково приходятъ и одинаково даются съ волостей по разсчету. Ямъ, какъ и дань, черезъ великихъ князей шелъ въ орду: „а переменетъ Богъ орду, не иму давати татарамъ и тобѣ имати дань и ямъ собѣ". [35]) Для сбора яма посылались особые сборщики—ямщики, ямники, упоминаемые рядомъ съ другими видами сборщиковъ: „въ околицу его не въѣзжаютъ ни ямщикъ, ни боровщикъ, ни бобровникъ", или: „ни поѣздове, ни ключницы, ни ямникъ, ни боровникъ". [36]) Этотъ сборъ, видимо,

---

[33]) В. Григорьевъ, „Объ отнош. между кочев. народ. и осѣдл. госуд." Ж. М. Н. Пр., т. 178, стр. 4.

[34]) Г. Г. Д., I, 39, 40 - 42.

[35]) Г. Г. Д, I, 43 44, 49 - 50.

[36]) А. И., I, 2, 13, 14, 36.

имѣлъ значеніе какъ бы откупа въ пользу татаръ отъ ямской повинности, не отбывавшейся въ натурѣ. Точнѣе — такой сборъ являлся примѣромъ распространенія на подвластный народъ понятій, привычныхъ для побѣдителей и очень удобныхъ, чтобы служить предлогомъ для новыхъ поборовъ. Понятіе оставалось безъ содержанія, но это не мѣшало пользоваться имъ для финансовыхъ цѣлей. Такъ какъ обязанность давать подводы была извѣстна у насъ много раньше татарскаго нашествія, то и нужды татаръ въ средствахъ сообщенія должны были найти достаточное удовлетвореніе въ этой уже извѣстной повинности. Татарамъ не было къ тому-же никакой выгоды настаивать на введеніи въ русской землѣ регулярной гоньбы по образцу татарской, такъ какъ откупъ отъ нея могъ охватывать все населеніе, въ то время, какъ исполненіе повинности въ натурѣ, осуществлявшееся и безъ того въ видѣ подводной повинности, главнымъ образомъ, падало бы на придорожное населеніе.

Если бы татары, разгромивъ землю русскую, ввели въ ней свои ямы, то естественнѣе всего было бы найти какіе-либо слѣды этихъ ямовъ въ великомъ княжествѣ рязанскомъ, этой всегда первой жертвѣ татарскаго погрома. Такихъ слѣдовъ, однако, нѣтъ. [37]) Если бы татарскій ямъ понимался какъ учрежденіе для облегченія гоньбы, то слѣдовало бы ожидать, что найдутся какія-либо указанія на особыхъ татарскихъ чиновниковъ, которые завѣдывали бы такой гоньбой. Такихъ указаній также нѣтъ. Предположивъ даже, что татары, поручая сборъ дани князьямъ, поручали имъ и заботу о татарскихъ ямахъ, мы не имѣемъ основанія думать, чтобы князья стали отягощать и безъ того отягощенное татарскими поборами населеніе новой повинностью въ дополненіе къ повинности давать кормъ и подводы существовавшей издревле, вполнѣ пригодной и для татарскаго проѣзда. Первыя-же упоминанія о ямѣ, какъ сказано выше, встрѣчаются уже въ послѣдней четверти XIII вѣка, т. е. въ самый разгаръ татарскаго гнета. Наконецъ, если бы ямъ съ

[37]) Въ Приб. къ общ. цирк. по главн. упр. почтъ и тел. 1843 г., № 2, стр. 2, авторъ видитъ въ грамотахъ Олега Рязанскаго важныя свѣдѣнія о началѣ ямской гоньбы. Но такое мнѣніе основано, очевидно, на пониманіи „ямщика“ и „ямника“, какъ ямского стройщика. Иловайскій, Ист. Ряз. Кн. въ Сочин., изд. 1884 г., стр. 193, считаетъ дань и ямъ въ Рязанскомъ княжествѣ податьми.

самаго начала означалъ повинность держать на извѣстныхъ пунктахъ лошадей для проѣзда, то въ чемъ-же тогда слѣдуетъ искать различіе между ямомъ и подводой, этими двумя терминами, упоминаемыми въ томъ-же ханскомъ ярлыкѣ другъ за другомъ? Подвода есть повинность давать лошадей проѣзжающимъ гонцамъ, княжескимъ слугамъ и т. д.; ямъ является тутъ сборомъ на устроеніе гоньбы татарами у себя въ ордѣ, точнѣе откупомъ за неотбывавшуюся въ натурѣ повинность, видомъ татарскаго налога. [38]) Сказанному нѣсколько противорѣчитъ, повидимому, извѣстная уставная грамота великаго князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріана, гдѣ, между прочимъ, находимъ слѣдующее указаніе: „а ямъ по старинѣ шестый день, а коли мои села князя великаго дадутъ тогда и митрополичьи дадутъ“. [39]) Здѣсь ямъ ни въ какомъ случаѣ не обозначаетъ сбора, указывая, что уже не только къ этому времени (1389 - 1404 г.г.), но и раньше (въ грамотѣ сказано: по старинѣ) ямъ иногда понимался въ смыслѣ повинности. Но понималась-ли здѣсь повинность собственно ямская, т. е. регулярная гоньба отъ яма до яма? Едва-ли. Гораздо вѣрнѣе предположить, что „ямъ“ употребленъ въ грамотѣ вмѣсто „подвода“, что не разъ встрѣчается въ актахъ и значительно позднѣйшаго времени, и именно тамъ, гдѣ, вмѣсто ямскихъ учрежденій, ямскую гоньбу гоняли міромъ. Подробнѣе объ этомъ мы здѣсь говорить не будемъ, но прибавимъ, что ни въ костромскомъ городѣ Лухѣ, ни въ владимірской Сенегской волости, о которыхъ говорится въ уставной грамотѣ, мы не встрѣчаемъ ямскихъ учрежденій еще и пятьдесятъ лѣтъ спустя. [40]) Князья русскіе, во многихъ отношеніяхъ, какъ извѣстно, и довольно быстро усвоившіе финансовую систему

---

[38]) Горбуновъ, Льготн. грам., жалован. мон. въ 13 15 в.в., Арх. ист. и практ. свѣд. Калачова, 60 61 г., кн. 5, стр. 77, говоритъ: „кажется, ямомъ назывался уже существовавшій въ это время денежный сборъ съ тѣхъ селъ и деревень, которые по отдаленности отъ линіи сообщеній, тѣмъ самымъ исключались отъ обязанности отправлять ямскую повинность въ натурѣ“. Милюковъ, ц. с., стр. 22, соглашаясь съ этимъ, думаетъ, однако, что въ общемъ, вѣроятно, ямъ древнѣйшихъ документовъ означаетъ повинность, а не налогъ.

[39]) А. Э., I, 9.

[40]) Любопытно сравнить: еще до нашихъ почти дней тамъ, гдѣ отбываютъ гоньбу міромъ, берется понедѣльно тройка съ пая или по лошади на недѣлю, А. Харузинъ, Свѣдѣн. о казацк. общ. на Дону, стр. 276.

орды, постепенно стали, сверхъ ямского сбора въ орду собирать ямской сборъ и въ свою пользу. По крайней мѣрѣ, уже въ грамотахъ конца 14 вѣка мы встрѣчаемъ указанія на ямъ и на татарскій ямъ, какъ на два различныхъ сбора. Такъ, нерѣдко при освобожденіи отъ подводъ и яма, въ грамотахъ дѣлается оговорка: „опричь татарскаго яму". [41]) Однако, и съ возникновенія этого особаго ямского сбора въ пользу князей нѣтъ еще достаточныхъ основаній предполагать начало регулярной гоньбы. Собирая ямъ въ свою пользу, князья только сохраняли тутъ терминологію, къ которой населеніе успѣло привыкнуть, но обозначеніе налога могло не соотвѣтствовать его назначенію [42]); если случайно и соотвѣтствовало, хотя, повторяемъ, доказательствъ въ пользу такого соотвѣтствія мы не могли найти, то все таки было бы безполезно искать здѣсь слѣдовъ какой-либо системы.

Къ этимъ-же выводамъ приводитъ насъ еще и слѣдующее. Въ чьихъ интересахъ было въ описываемое время стремиться къ учрежденію регулярной гоньбы? О томъ, что татары были достаточно обезпечены подводной повинностью, мы уже говорили, какъ говорили и о томъ, что откупъ отъ устройства ямовъ, который могъ взиматься со всего населенія, былъ для нихъ гораздо выгоднѣе. Населеніе не имѣло цѣли стремиться къ устройству регулярной гоньбы, потому что послѣдняя явилась бы лишь новой тяжестью, придаткомъ къ повинности подводной. Кромѣ того, она не освобождала бы и отъ яма, какъ сбора, такъ какъ не въ обычаяхъ финансовой системы того времени было уничтожать сборы, разъ заведенные. Регулярная гоньба не представляла тогда серьезныхъ выгодъ и для князей, такъ какъ, если бы существовала, дѣлала бы владѣнія каждаго болѣе доступными, подвергая, слѣдовательно, новымъ опасностямъ въ эпоху и безъ того смутную и тяжелую. Кромѣ того, регулярная гоньба потребовала бы довольно сложной системы управленія, для каковой не было ни силъ, ни средствъ въ порабощенной татарами и раззоренной удѣльной системой странѣ. Для непосредственныхъ-же надобностей каждаго князя и его

[41]) А. И., т. I, 74, А. Юр. б. (Кал.), т. I, 31, XI, XIV, XVII.

[42]) Курц, „О прям. налог. въ древн. Руси", Юрид. Сб. Мейера, стр. 142, со словъ Карамзина, считаетъ конецъ 14 вѣка временемъ, когда дань взималась и представлялась въ орду самими князьями.

чиновников съ успѣхомъ могла служить все та-же исконная повинность населенія давать подводы, кормъ и проводниковъ.

Такимъ образомъ, можно думать, что, несмотря на существованіе у завоевателей-татаръ регулярной ямской гоньбы, какъ болѣе или менѣе организованной системы, татарское вліяніе на Русь въ этомъ отношеніи первоначально и довольно долгое время выражалось лишь въ томъ, что въ число налоговъ былъ включенъ новый видъ, ранѣе неизвѣстный, называвшійся ямомъ и опредѣлявшійся, какъ сборъ татарамъ на гоньбу, по существу-же имѣвшій значеніе откупа отъ гонебной повинности. Постепенно, едва-ли позднѣе конца 14 вѣка, ямъ, какъ сборъ, вошелъ и въ княжескую финансовую систему. Это-же повело мѣстами къ смѣшенію двухъ понятій—яма и подводы, гдѣ ямъ могъ означать или обязанность выставлять подводы, или откупъ отъ подводной повинности. Но образецъ ямской регулярной гоньбы былъ уже извѣстенъ, почва для учрежденія ея была достаточно подготовлена издавна существовавшей подводной повинностью, названіе, въ виду уже происшедшаго отождествленія сбора и его цѣли, твердо укоренилось, самый сборъ для устройства гоньбы уже существовалъ, хотя и не поступалъ сообразно назначенію—оставалось сложиться обстоятельствамъ, которыя обострили бы потребность въ правильномъ и возможно быстромъ сообщеніи, чтобы на почвѣ подводной повинности, по образцу, видѣнному у татаръ, подъ названіемъ у нихъ заимствованнымъ, возникла регулярная ямская гоньба. Такими обстоятельствами явилось какъ общее—постепенное объединеніе русской земли Москвой, какъ частное начало централизаціи внутренняго управленія.

Соотвѣтственно сказанному разрѣшается и вопросъ о времени появленія у насъ первыхъ ямовъ, т. е. опредѣленныхъ пунктовъ, спеціальныхъ станцій для перемѣны лошадей. Вопросъ этотъ, не вызывая въ литературѣ большихъ споровъ, рѣшается, однако, весьма разнообразно. [43]) Точно

---

[43]) Вотъ главнѣйшія мнѣнія: Гр. Толстой, ц. с. стр. 50, думаетъ, что ямы существовали уже въ половинѣ 14 вѣка; то-же утверждаетъ и Бржозовскій, ц. с., стр. 346. Бѣляевъ, Лекціи по ист. рус. закон., стр. 198, относитъ первые ямы ко второй половинѣ 13 вѣка; Домбровскій, О ямахъ до конца XVII вѣка, Ж. М. Н. Пр., 1841 г., XXI, стр. 123—къ 13 вѣку. Анонимный авторъ „Ист. обозр. почтъ въ Россіи“, въ Приб. къ общ. цирк. по главн. управл. почтъ, 1843 г., № 5, стр. 2 къ началу 15

мы знаемъ лишь, то, что регулярная ямская гоньба велась по различнымъ дорогамъ при Іоаннѣ III. Во первыхъ, до насъ дошли нѣсколько подорожныхъ его времени [44]); во вторыхъ, великій князь въ духовной грамотѣ своей завѣщалъ дѣтямъ: „а сынъ мой Василей въ своемъ великомъ княженьe дръжытъ ямы и подводы на дорогахъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были ямы и подводы при мнѣ. А дѣти мои Юріи зъ братьею по своимъ отчинамъ дърҗатъ ямы и подводы на дорогахъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были ямы и подводы по дорогамъ при мнѣ“. [45]) Извѣстно также, что во времена Іоанна была особая должность ямского дьяка [46]); можно прослѣдить, когда именно были учреждены Іоанномъ новые ямы. [47])

Но если мы устанавливаемъ, что едва-ли ямская регулярная гоньба существовала еще въ началѣ 15 вѣка и, съ другой стороны, точно знаемъ, что она существовала при Іоаннѣ III, то не этотъ-ли великій князь и быъ ея учредителемъ? Мы знаемъ, что Іоаннъ III ставилъ учрежденіе ямовъ въ свою личную заслугу. Это явствуетъ изъ разсмотрѣнія его духовнаго завѣщанія: гдѣ говорится о чемъ либо изстари существовавшемъ, употребляется выраженіе „по старинѣ“ или „по старинѣ и какъ было при мнѣ“, а гдѣ говорится о чемъ-либо вновь заведенномъ, употребляется выраженіе „какъ было при мнѣ“. О ямахъ говорится, какъ уже сказано выше, именно въ этихъ

вѣка; тоже думаетъ и Соловьевъ. Ист. Р., т. I, стр. 1543. Карамзинъ. Ист. госуд. Росс., изд. Эйнерлинга, 1843 г. т. VI, стр. 132, приписываетъ учрежденіе ямовъ Іоанну III; то-же говоритъ и Гагемейстеръ, Розыск. о фин. древн. Россіи. стр. 69. Лешковъ, ц. с., стр. 24 и „Рус. нар. и госуд.“, стр. 318, считаетъ, что ямская гоньба у насъ такъ-же древня, какъ и повинность давать подводы. Лихачевъ, „Разрядн. дьяки“, стр. 49, относя ямскую повинность и ямскую гоньбу къ глубокой древности, видимо, того-же мнѣнія.

44) Памятн. дипломат. снош., I, стр 23, 112 и др,

45) Г. Г. и Д., I. 144.

46) Этотъ вопросъ поставленъ Лихачевымъ, „Разрядные дьяки“, стр. 49—51. О ямскомъ дьякѣ упоминается въ духовн. завѣщ. Іоанна III, еще раньше (въ 1492 г.)— въ А. Юр. (Кал.), I, 118, IV-

47) Такъ между 1490 г. и 1492 гг. были учреждены ямы отъ Новгорода до Нѣмецкаго рубежа, что видно изъ сравненія подорожныхъ Юрію Греку и Василію Кулешину (П. Дипл. Сн., I. стр. 48) съ подорожной Зезевитову (ibid., стр. 112).

послѣднихъ выраженіяхъ. [48]) Мы знаемъ также, что еще въ 1476 г. ямы, если и были, то, вѣроятно, по очень немногимъ дорогамъ; ихъ не было и по тѣмъ, которыя имѣли государственное значеніе. Такъ, по одной изъ важнѣйшихъ до-

[48]) Этотъ оттѣнокъ можно прослѣдить по всему тексту завѣщанія. „Какъ было при мнѣ" упоминается въ завѣщаніи 15 разъ. 1) „Да сыну-жъ своему Василею даю городъ Дорогобужъ... со всѣмъ тѣмъ, что къ Дорогобужу и къ тѣмъ волостямъ и селамъ потягло, какъ было при мнѣ". Здѣсь идетъ рѣчь о Дорогобужѣ литовскомъ, что ясно изъ перечня дорогобужскихъ волостей. Дорогобужъ былъ взятъ у Литовцевъ воеводой Іоанна Юріемъ Захарьичемъ въ 1500 г. П. С. Р. Л., VIII, стр. 239. 2) „Да сыну-жъ своему Василею даю городъ Белоозеро... со всѣмъ съ тѣмъ, какъ было при мнѣ". Бѣлоозеро Іоаннъ III получилъ по духовной грамотѣ отъ кн. Михаила Андреевича Верейскаго, Г. Г. и Д., I, 121. 3) „Да сыну-жъ своему Василею даю Вяцкую землю всю... и съ Арскими князьями, какъ было при мнѣ". Арскіе князья были впервые покорены Іоанномъ III, какъ и Вятская земля окончательно присоединена имъ. П. С. Р. Л., VI, 239. 4) Говоря о князѣ Ѳеодорѣ Бѣльскомъ, которому онъ далъ въ вотчину городъ Лухъ, Іоаннъ III добавляетъ: „а ту свою вотчину дръжатъ по тому, какъ было при мнѣ". 5) „А которые князи служебные въ Московской землѣ и въ Тверской землѣ: и тѣ князи всѣ служатъ сыну моему Василею, а вотчины свои дръжатъ по тому, какъ было при мнѣ". Мы не будемъ здѣсь разбирать вопроса о служебныхъ князьяхъ—вопроса, который еще во многихъ отношеніяхъ ждетъ разслѣдованія,—но это не препятствуетъ утверждать, что при Іоаннѣ III положеніе служебныхъ князей съ вотчинами и безъ вотчинъ во многомъ было измѣнено великимъ княземъ. Такъ, онъ переводитъ князя Михаила Мезецкаго изъ Мезечевска (передаетъ сыну Дмитрію) въ Алексинъ, отнявъ при этомъ у него право суда, предоставленное сыну Василію. Принимая къ себѣ князей, онъ даетъ имъ города (напримѣръ, Осипу Дорогобужскому—Ярославль, Андрею Микулинскому—Дмитровъ, П. С. Р. Л. VI, 237), но въ завѣщаніи своемъ отказываетъ эти города сыну Василію вмѣстѣ съ князьями. Такимъ образомъ, отношенія, слагавшіяся до Іоанна III при немъ получили несомнѣнно новый поворотъ. Это и выражается великимъ княземъ въ его завѣщаніи. Ср. Соловьевъ, Ист. Рос., I, стр. 1512 и сл., Сергѣевичъ, Историч. древн., т. II, вып. I, кн. 4, стр. 302—319. 6) „Со всѣмъ съ тѣмъ, что къ Торопцу и къ Острею и къ тѣмъ волостямъ потягло, какъ было при мнѣ". Торопецъ былъ взятъ послѣ битвы при Лопати (П. С. Р. Л., II, 262). 7) „Да сыну-жъ своему Юрію даю городъ Брянескъ... и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ Брянску и къ Серпѣйску и къ тѣмъ волостямъ потягло, какъ было при мнѣ". Брянскъ былъ взятъ въ 1500 г. (П. С. Р. Л., VIII, 239), а Серпѣйскъ въ 1493 г. (П. С. Р. Л., VIII, 225). 8) „А что есми свелъ торгъ съ Холопья городка на Мологу и тотъ торгъ торгуютъ на Молозе съѣзжаяся, какъ было при мнѣ". Тутъ прямое указаніе, что новшество заведено Іоанномъ III. 9) „Да сыну-жъ своему Дмитрею... городъ Опаковъ со всѣмъ... съ тѣмъ, что къ Опакову и къ темъ волостемъ потягло, какъ было при мнѣ". Опаковъ былъ взятъ одновременно съ Серпѣйскомъ и Мѣзеческомъ. (П. С. Р. Л., VIII, 225). 10) „Да благословляю сына своего Андрѣя, даю ему... городъ Любутескъ съ волостями и со всѣми пошлинами, и со всѣмъ, что къ нему потягло, какъ было при мнѣ". Мы знаемъ, что великій князь воевалъ Любутскъ въ 1492 г., знаемъ, что по договору 1494 г. Любутскъ опять перешелъ къ Литовцамъ, если судить по прим. 395, къ т. V Ист. Карамзина. По словамъ лѣтописи, однако, Любутскъ остался за Москвой (П. С.

рогъ – дорогѣ изъ Москвы на Вязьму и Смоленскъ къ границѣ Литовской, ямовъ еще не было. Это видно изъ описанія поѣздки Контарини изъ Москвы на Троки черезъ Вязьму и

Р. Л., VIII, стр. 227). 11) „А сынъ мой Юрьи зъ братьею по своимъ удѣламъ въ Московской землѣ и въ Тверской денегъ дѣлати не велятъ; а деньги велитъ дѣлати сынъ мой Василей на Москвѣ и во Твѣри, какъ было при мнѣ". Чичеринъ, въ Опыт. по истор. русскаго права, въ ст. Дух. и догов. грам., изд. 1858 г., стр. 323—324, видитъ здѣсь новшество уже въ томъ, что, запрещая удѣльнымъ князьямъ чеканить монету, Іоаннъ III постановилъ ограниченія власти удѣльныхъ князей. Тоже говоритъ и Соловьевъ, Ист. Россіи, I, стр. 1500. Для насъ важно установить, что въ завѣщаніяхъ, предшествовавшихъ данному, мы такого ограниченія не находимъ. 12) „А что есми подавалъ дѣтемъ своимъ селца у Москвы зъ дворы зъ городцкими на посадахъ: и дѣти мои въ тѣхъ дворехъ торговъ не дръжатъ, ни житомъ не велятъ торговати, ни лавокъ не ставятъ, ни гостей съ товаромъ иноземцовъ, и изъ Московскіе земли и изъ своихъ удѣловъ въ своихъ дворахъ не велятъ ставити; а ставятся гости съ товаромъ иноземци, и изъ Московскіе земли и изъ ихъ удѣловъ на гостиныхъ дворехъ, какъ было при мнѣ". Соловьевъ, ц. м., видитъ и въ этомъ ограниченіе правъ удѣльныхъ князей въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Такъ оно и было въ дѣйствительности, потому что, складываясь въ гостиныхъ дворахъ, пріѣзжіе гости платили пошлины на великаго князя, а не на удѣльнаго. Для 1586 г. читаемъ: „а ставятца иныхъ земель части съ товары своими и торгуютъ на гостиныхъ дворехъ, какъ ведется въ нашихъ государствахъ издавна, и пошлины съ дворовъ и съ онбаровъ даютъ". Сб. Ист. Общ., т. 38, стр. 165. До Іоанна III на такой порядокъ указаній нѣтъ. 13) „А кто учнетъ въ детей моихъ сельцехъ и во дворехъ въ городныхъ торговати сьестнымъ товаромъ: и сынъ мой Василей тѣхъ торговъ не велитъ сводити, а пошлину полавочную съ нихъ беретъ сына моего приказщикъ, какъ было при мнѣ". Этотъ пунктъ завѣщанія находится въ прямой связи съ предъидущимъ. Сама по себѣ тщательность и подробность въ изложеніи требованій, опять таки клонящихся къ возвеличенію великаго князя надъ удѣльными, показываетъ, что это былъ новый порядокъ. Такое утвержденіе можетъ быть доказано еще тѣмъ, что, говоря далѣе о распредѣленіи судебныхъ пошлинъ съ селъ въ московскихъ станахъ Іоаннъ III прямо опредѣляетъ, что душегубствомъ и поличнымъ тѣ села тянутъ къ городу къ Москвѣ по старинѣ. Ср. А. Э. I, 115. 14) „А грамоты полные и докладные на Москвѣ пишетъ дьякъ ямъской сына моего Васильевъ, какъ было при мнѣ". Какимъ образомъ и почему ямской дьякъ долженъ былъ писать докладныя и полныя грамоты—этимъ вопросомъ очень заинтересовался уже Лихачевъ, Разрядн. дьяки, стр. 50–52. Онъ рѣшаетъ его такъ: приказъ тутъ былъ личный, добавочный къ основному; причину такого соединенія авторъ видитъ въ старомъ обычаѣ—„какъ было при мнѣ". Но правъ-ли г. Лихачевъ, когда придаетъ словамъ „какъ было при мнѣ" значеніе стараго обычая? Рѣшить этотъ вопросъ можно только при условіи, что будетъ найдена докладная, относящаяся ко времени до Іоанна III. (Послѣ Іоанна III докладныя писались ямскими дьяками еще въ 1553 г., какъ это видно изъ А. Э., I, 237). Если бы, однако, порядокъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, существовалъ до Іоанна III, представлялось бы трудно объяснимымъ, зачѣмъ великій князь нашелъ нужнымъ указать его такъ точно и подробно въ духовной. Наконецъ, 15) указанное въ текстѣ настоящей работы мѣсто о ямахъ. Въ литературѣ, кажется, только Чичеринъ, ц. с. стр. 315, имѣлъ въ виду придать словамъ „какъ было при мнѣ" значеніе указанія на новые порядки.

Смоленскъ. „Нужно замѣтить, говоритъ Контарини, [49]) что съ отъѣзда нашего изъ Москвы, т. е. съ 21 января, по самый день прибытія въ Троки, т. е. по 12 февраля, мы постоянно ѣхали по ровному лѣсистому мѣсту и лишь изрѣдка встрѣчали небольшіе холмы. Иногда попадались намъ по дорогѣ маленькія деревушки, въ которыя мы заѣзжали для отдыха; чаще-же проводили ночи въ лѣсу. Въ полдень останавливались мы для обѣда и почти всегда находили на снѣгу остатки разведеннаго огня, забытаго, вѣроятно, путниками, прежде насъ тутъ бывшими, а также проруби во льду для лошадей и разные другіе признаки недавняго ночлега". Дорогу отъ Москвы до Вязьмы и, въ особенности, отъ Вязьмы до Смоленска Контарини совершалъ безостановочно, перемѣнивъ лишь даннаго великимъ княземъ проводника въ Вязьмѣ и въ Смоленскѣ. [50]) Если бы на пути встрѣчались ямскія учрежденія, такой наблюдательный путешественникъ непремѣнно отмѣтилъ бы ихъ, какъ впослѣдствіи это дѣлали всѣ путешественники. Нѣтъ извѣстій о ямской гоньбѣ также и у Барбаро, хотя онъ спеціально касается вопроса о томъ, какъ совершаютъ москвитяне свои путешествія. [51])

Если все это не доказываетъ еще съ очевидной несомнѣнностью, что до Іоанна III ямской гоньбы у насъ не было, то доказываетъ, во всякомъ случаѣ, что только Іоанномъ III было придано ей административное значеніе и что только съ этого времени она начала складываться въ систему. Слѣдовательно, если понимать подъ ямской гоньбой такой пріемъ регулярнаго сообщенія, при которомъ можно говорить хотя бы о нѣкоторыхъ признакахъ его устройства, то началомъ гоньбы слѣдуетъ считать годы великокняженья Іоанна III.

Такое объясненіе представляется тѣмъ болѣе убѣдительнымъ, что только со второй половины 15 вѣка начало завершаться объединеніе Москвой земли русской, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ чертахъ, какъ съ того-же времени начало централизоваться внутреннее управленіе—ямы-

---

[49]) Библ. иностр. писат. о Россіи, пер. Семенова, изд. 1836 г., т. I, стр. 116—118. Въ изданіи (гаесскомъ, 1735 г.) Бержерона, стр. 56, 57.

[50]) Ямы въ Смоленской землѣ были учреждены около 1514 г. Г. Г. Д, I, 148.

[51]) Библ. Иностр. пис. о Рос., т. I, стр. 58—59.

же, между тѣмъ, не были учрежденіемъ, созданнымъ народомъ или для народа; ихъ создавало правительство и для себя. Герберштейнъ, напримѣръ, называетъ ямы учрежденіемъ для княжескихъ гонцовъ. [52]) Даніилъ Принцъ изъ Бухова прибавляетъ, что занимающіеся торговлей и ѣдущіе въ Московію частнымъ образомъ терпятъ большія непріятности и большія затрудненія. [53]) Когда въ 1603 г. къ Борису Годунову явилось посольство отъ Ганзы, которое въ своей челобитной, между прочимъ, просило, чтобы подъ товары ганзейскихъ купцовъ было разрѣшено нанимать ямскихъ лошадей, царь приказалъ отвѣтить, что ямы учреждены въ Россіи не для купечества, а единственно для гонцевъ правительства и для пословъ чужеземныхъ. [54]) Такой-же взглядъ на ямы господствовалъ еще и во времена Олеарія. [55]) Мы знаемъ также, что въ то время, какъ важнѣйшіе торговые пути долго еще остаются необезпеченными или плохо обезпеченными ямской гоньбой, другіе пути, разъ только опредѣлялось ихъ значеніе, какъ путей посольскихъ или путей, по которымъ шла казна въ Москву, вызываютъ усиленныя заботы. Такъ, мы читаемъ о затруднительности сѣверныхъ торговыхъ путей и у Герберштейна, [56]) и еще у Логана и Порсглова для 1611 г.; [57]) о томъ, въ какомъ положеніи были южные торговые пути въ концѣ 16 вѣка достаточно говоритъ Поссевинъ. [58]) Между тѣмъ отъ Новгорода до нѣмецкаго рубежа уже въ 1492 г. существовали ямы, хотя путь пролегалъ мѣстами пустынными и малонаселенными. [59])

---

[52]) Записки о Московіи, пер. Анонимова, стр. 87.

[53]) Чт. О. И. Д. 1876 г., 4, стр. 73.

[54]) Карамзинъ, т. XI, стр. 48.

[55]) Цитируемъ по перев. Барсова, стр. 226.

[56]) Герберштейнъ. стр. 119, 121, 122. Говоря здѣсь о пути Москва—Переяславль—Ярославль—Вологда, путешественникъ, со словъ бывалыхъ людей, замѣчаетъ, что въ этихъ странахъ нельзя сдѣлать вѣрнаго исчисленія пути по причинѣ частыхъ болотъ и лѣсовъ.

[57]) Гамель, Англичане въ Россіи, изд. 1865 г., стр. 194—196.

[58]) Moscovia, вилен. изд., 1586 г., стр. 4.

[59]) Шторхъ, Historisch-statist. Gemälde des Russisch. Reichs, ч. VII, стр. 241, думалъ, что ямы обязаны были своимъ происхожденіемъ частной промышленности. Но уже Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 366, справедливо отмѣтилъ, что если иногда политическіе и административные интересы правительства и торговыя выгоды населенія отъ существованія на иныхъ дорогахъ ямовъ совпадали, то это не больше, какъ случайность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить, что ямская гоньба, развившаяся, очевидно, на почвѣ подводной повинности, но получившая затѣмъ самостоятельную исторію, отнюдь не сдѣлала подводную повинность излишней. У насъ имѣется не мало данныхъ судить, что еще въ 17 вѣкѣ подводная повинность дополняла ямскую гоньбу, иногда шла параллельно съ ней. Съ точки зрѣнія управленія ямская гоньба была значительнымъ шагомъ впередъ, такъ какъ только со времени учрежденія этой гоньбы достигалась быстрота и правильность сношеній, что, конечно, представлялось весьма важнымъ для цѣлей управленія. Съ точки зрѣнія населенія, ямская гоньба вызывала необходимость лишь въ новыхъ жертвахъ.

Такимъ образомъ, мы не видимъ препятствій утверждать, что ямская гоньба съ самаго начала явилась учрежденіемъ, созданнымъ по извѣстному образцу властью, а не сложившимся само собой. Весьма возможно, далѣе, что уже нѣсколько раньше въ отправленіе подводной повинности былъ внесенъ извѣстный порядокъ (въ видѣ-ли замѣны выставленія подводъ по мѣрѣ надобности выставленіемъ подводъ въ очередь и въ опредѣленные пункты, въ видѣ-ли установленія нѣкотораго, намъ неизвѣстнаго, надзора за отправленіемъ подводной повинности), который облегчилъ устройство на почвѣ подводной повинности регулярной ямской гоньбы, но самый переходъ совершился не самъ собой, такъ какъ онъ былъ, во всякомъ случаѣ, вызванъ не народными потребностями, а потребностями централизовавшагося управленія. Всѣ свѣдѣнія, замѣтимъ при этомъ, о первыхъ ямахъ ведутъ насъ къ Москвѣ, какъ къ исходному пункту и къ Іоанну III, какъ къ учредителю.

МОТИВЪ ПРЕСТУПНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ

ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРАВѢ.

ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТА
Демидовскаго Юридическаго Лицея
М. П. ЧУБИНСКАГО.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Э. Г. ФАЛЬКЪ, Духовская ул., с. д.
1900.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *С. Шпилевскій.*

Незабвенной памяти

дорогаго отца своего

Павла Платоновича Чубинскаго

трудъ свой

посвящаетъ авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о томъ, какое значеніе должны придавать мотивамъ преступной дѣятельности наука уголовнаго права и уголовные кодексы за послѣдніе нѣсколько лѣтъ привлекъ къ себѣ особенно усиленное вниманіе криминалистовъ и вызвалъ довольно значительную литературу. Правда, на эту тему писали и раньше; напримѣръ, довольно подробно былъ разсмотрѣнъ данный вопросъ въ учебникахъ Гельшнера и Таганцева, въ работахъ Ферри и даже существовала отдѣльная, хотя и весьма слабо написанная, монографія (Hundhausen'а), посвященная вопросу о мотивахъ. Но это были лишь исключенія; другихъ монографій и обстоятельныхъ статей по данному вопросу не являлось, а въ учебникахъ обыкновенно говорили о мотивѣ лишь вскользь, признавая его элементомъ, который не имѣетъ существеннаго значенія для уголовнаго права (Бернеръ, Мейеръ, Шютце, Сергѣевскій и др.).

Теперь это положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось; подъ вліяніемъ новыхъ научныхъ теченій стали иначе смотрѣть на роль мотива, и это выразилось въ цѣломъ рядѣ новыхъ работъ Liszt'а, Lammasch'а, Rigaud, Garçon'а и др.), несмотря на появленіе которыхъ, ощущается необходимость, въ виду новизны и сложности затронутаго вопроса, разрабатывать этотъ вопросъ далѣе и сдѣлать, выражаясь нѣмецкимъ терминомъ, его новую и подробную „ревизію“.

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ профессора Вульферта, по словамъ котораго (Антропологопозитивная школа уголовнаго права въ Италіи, в. 1-й, стр. 232) „Гельшнеръ даетъ превосходнѣйшее и *исчерпывающее* изложеніе вопроса о мотивѣ и его значеніи“; въ работахъ, появившихся послѣ Гельшнера, сдѣланъ впередъ громадный шагъ, и все же многіе видные представители науки уголовнаго права думаютъ, что вопросъ еще мало разработанъ и что поэтому требуются дальнѣйшіе научные труды въ этомъ направленіи. „C'est une théorie en voie de formation“,—говоритъ профессоръ Poittevin; „вопросъ заслуживаетъ основательнаго изученія“,—говоритъ профессоръ Gautier; „это идея будущаго“,—замѣчаетъ извѣстный швейцарскій криминалистъ Correvon (R. P., 1896, № 7, p. 1100, 1118; № 8, p. 1417). Аналогичныя мнѣнія высказаны и многими другими авторами (Листомъ, Ферри, Фойницкимъ, Пржевальскимъ и др.). Справедливость такого рода указаній подтверждается и тѣмъ, что отношеніе положительныхъ законодательствъ къ вопросу о мотивахъ начинаетъ радикально измѣняться; въ новѣйшихъ кодексахъ и проэктахъ на мотивы преступной дѣятельности уже обращено весьма серьезное вниманіе; понятно, что наука должна зорко слѣдить за этими законодательными теченіями и давать теоретическое обоснованіе и разборъ новыхъ данныхъ, диктуемыхъ реальными жизненными условіями.

Убѣжденные по изложеннымъ соображеніямъ въ важности и настоятельной необходимости дальнѣйшей разработки вопроса о томъ значеніи, какое долженъ имѣть мотивъ преступной дѣятельности въ глазахъ науки и законодательства, мы и избрали этотъ вопросъ предметомъ своего изслѣдованія. Мы не претен-

дуемъ на полное и исчерпывающее изложенiе всего относящагося сюда матерiала. Наше желанiе заключается въ томъ, чтобы намѣтить, насколько сможемъ вѣрно, исходные пункты и важнѣйшiя общiя положенiя, дать общую систематику вопр са и опредѣлить въ какомъ направленiи должна идти его дальнѣйшая теоретическая и практическая разработка.

Такъ какъ рѣшенiе вопроса о значенiи мотива въ уголовномъ правѣ находится въ зависимости отъ пониманiя самаго термина „мотивъ“ и отъ взгляда на роль мотива въ психической жизни вообще, а это уже матерьялъ, разрабатываемый психологiей, то намъ приходится сдѣлать небольшую экскурсiю въ область этой науки. Мы думаемъ, что не-специалисту слѣдуетъ избѣгать при такой экскурсiи произвольныхъ построенiй, и потому въ данномъ отдѣлѣ своей работы стараемся выдѣлить изъ разсматриваемыхъ психологическихъ теорiй тотъ матерьялъ, который пользуется болѣе широкимъ признанiемъ, является менѣе спорнымъ, а потому можетъ дать твердую точку опоры при дальнѣйшемъ построенiи уже не психологической, а уголовно-политической теорiи.—

Мы пользуемся здѣсь удобнымъ случаемъ выразить свою искреннюю благодарность профессору Листу за любезное содѣйствiе и разрѣшенiе пользоваться богатой библiотекой его семинара, профессору Ляммашу—за совѣты и указанiе многаго по литературѣ занимающаго насъ вопроса и ассесору датскаго министерства народнаго просвѣщенiя доктору Францу Далю за предоставленiе намъ въ пользованiе нѣмецкаго рукописнаго конспекта недоступной намъ по языку датской работы доктора Грамма, посвященной вопросу о значенiи мотива въ уголовномъ правѣ.

При составленіи данной работы мы пользовались источниками и пособіями, указатель которыхъ слѣдуетъ далѣе съ обозначеніемъ сокращеній, которыя дѣлаются нами при цитированіи отдѣльныхъ сочиненій, кодексовъ и проэктовъ.

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБІЯ.

а) Литература:

1. Aschrott, Dr.: „Erhebung und Verwertung statistischer Daten auf dem Gebiete der Strafrechtspflege", Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft, B. V, 1885; цитируется: Aschrott, Erhebung, Z., B. V.

2. Баршевъ, проф.: „О мѣрѣ наказаній", 1840; цит.: Баршевъ, Мѣра наказаній.

3. Berner, Prof.: „Grundlinien der criminalistischen Imputationslehre", 1843; цит.: Berner, Imputationslehre.

4. Berner, Prof.: „Lehrbuch des deutschen Strafrechts", 18 Aufl.; цит.: Berner, Lehrbuch.

5. Бѣлогрицъ-Котляревскій, проф.: „Конспектъ курса уголовнаго права" (вмѣсто рукописи); цит.: Б.-Котляревскій, Конспектъ.

6. Бѣлогрицъ-Котляревскій, проф.: „Роль обычая въ уголовномъ законодательствѣ", 1888; цит.: Б.-Котляревскій, Роль обычая.

7. Бэнъ: „Психологія", перев. 1887; цит.: Бэнъ, Психологія.

8. Binding, Prof.: „Die Normen und ihre Uebertretung", B. 2, 1 Aufl.; цит.: Binding, Normen, 2.

9. Breitenstein, Dr.: „Einige principielle Bedenken gegen das neuen Strafgesetzentwurf für Oesterreich“, Wien, 1890; цит.: Breitenstein, Bedenken.

10. Birkmeyer, Dr.: „Gewinnsüchtliche Absicht“, Holtzendorffs Rechtslexicon, B. II; цит.: Birkmeyer, G. Absicht, H. R.

11. Bülow: „Willensfreiheit und Strafrecht“, Zeitschrift f. d. ges. Stafrechtswiss., 1896, B. XVI; цит.: Bülow, Willensfreiheit, Z., B. XVI.

12. Wahlberg, Prof.: „Das Princip der Individualisirung in der Strafrechtspflege, Wien, 1869; цит.: Wahlberg, Individualisirung.

13. Wahlberg, Prof: „Gesammelte kleinere Schriften und Bruchstücke“, Wien, 1875—77; B. I и II; цит.: Wahlberg, Schriften, B. I, B. II.

14. Wahlberg, Prof.: „Vergleichende Besprechung Ungarischen Strafgesetzentwurfes“, Wien, 1877; цит.: Wahlberg, Besprechung.

15. Wahlberg, Prof: „Die österreich. Strefgesetzgebung seit 1850“, Wien, 1889; цит.: Wahlberg, Strafgesetzgebung.

16. Weber: „Исторія европейской философіи“, перев. 1882 года, цит.: Weber, Философія.

17. Weinrich, Dr.: „Strafrecht und Kriminalpolitik“, Z., 1897, B. XVII; цит.: Weinrich, Strafrecht, Z., B. XVII.

18. Windelbandt: „Философія Канта“, пер. 1895; цит.: Windelb., Кантъ.

19. Владиміровъ, проф.: „Учебникъ русскаго уголовнаго права“, общ. ч., Харьковъ, 1889; цит.: Владиміровъ, Учебникъ.

20. Wundt: „Vorlesungen über die Menschen nnd Thierseele“, 1892; цит.: Wundt, Vorlesungen.

21. Вундтъ: „Очеркъ психологіи“, пер. 1897; цит.: Вундтъ, Очеркъ.

22. Вульфертъ, проф.: „Антропологo-позитивная школа

уголовнаго права въ Италіи", в. I. 1887, в. II, 1893; цит.: Вульфертъ, Антропол. школа, I, II.

23. Garçon, prof.: „Le projet de code pénal Suisse", Revue Pénitentiaire, 1894, № 1, 1896, № 7; цит.: Garçon, Projet suisse, R. P., 1894, 1, 1896, 7.

24. Garçon, prof.: „Le projet de code pénal Russe", R. P., 1896, № 4; цит.: Garçon, Projet russe, R. P., 1896, 4.

25. Garçon, prof.: „Les peines non dèshonorantes", R. P., 1896, № 6; цит.: Garçon, Peines n. d., R. P., 1896, 6; ibidem, а также въ №№ 7 и 8, 1896 и въ № 1, 1897— пренія и отзывы по этому докладу; цит.: Garçon, Peines n. d., Пренія, R. P., 1897, 1 и т. п.

26. Garraud, prof.: „Traité du droit pénal français", Paris, 1888, т. 1; цит. Garraud, Traité, 1.

27. Garraud. prof.: „Precis de droit criminel", 1898; цит.: Garraud, Precis.

28. Гольденвейзеръ: „Современная система наказаній и ея будущность", по трудамъ парижскаго пенитенціарнаго конгресса 1896 г.; цит.: Гольденвейзеръ, Ситема нак.

29. Гольцевъ: „Идея справедливости въ трудахъ французскихъ мыслителей XIX в.", Юридическій Вѣстникъ, 1892, № 1; цит.: Гольцевъ, Идея справ., Юр. В., 1892, 1.

30. Gramm: „Om Motivets Betydning i strafferetlig Henseende", 1889, въ рукописномъ изложеніи Даля; цит.: Gramm-Dahl, Motiv.

31. Gretener, Prof.: „Die Zurechnungsfähigkeit als Gesetzgebungsfrage", Berlin, 1897, цит.: Gretener, Zurechnungsfähigkeit.

32. Gretener, Dr.: „Begünstigung und Hehlerei", München, 1879; цит.: Gretener X, Begünstigung.

33. Günther, Prof.: „Die Idee der Wiedervergeltung in der Geschichte und Philosophie des Strafrechts", 3 Abt., 1 Hälf., Erlangen, 1895; цит.: Günther, Idee, III, 1.

34. Haus, prof.: „Principes généraux du droit pénal Belge“, 3 éd., B. I; цит.: Haus, Principes, I.

35. Hälschner, Prof.: „Das gemeine deutsche Strafrecht“, 1881, B. I; цит.: Hälschner, Strafrecht, I.

36. Hoegel, Dr.: „Straffälligkeit und Strafzumessung“, Wien, 1897; цит.: Hoegel, Strafzumessung.

37. Holtzendorff, Prof.: „Das Verbrechen des Mordes und die Todesstrafe“, Berl., 1875; цит.: Holtzendorff, Verbrechen d. M.

38. Holtzendorff, Prof.: „Die Psychologie des Mordes“, Berlin, 1875; цит.: Holtzendorft, Psychologie d. M

39. Hundhausen: „Das Motiv im Strafrecht“. 1877, цит.: Hundhausen, Motiv.

40. Дрилль: „Преступность и преступники“. Юридическая библіотека, № 5, цит.: Дриль, Преступность.

41. Durchholz: „Betrachtungen über die Strafzumessung nach dem deutschen Strafgesetzbuch“, въ Goltdammer'a Archiv für Strafrecht, 1887 B. XXXV; цит.: Durchholz, Strafzumessung, G. A., XXXV.

42. Джемсъ Уильямъ: „Психологія“ (Text Book of Psychology), пер., 1896; цит.: Джемсъ, Психологія.

43. Есиповъ, проф.: „Очеркъ русскаго уголовнаго права“, ч. общ., 1894; цит: Есиповъ, Очеркъ.

44. Jellinek: „Die socialethische Bedeutung von Recht, Unrecht und Strafe“, Wien, 1878; цит.: Jellinek, s. Bedeutung.

45. Janka, Oesterreichische Strafrecht. Aufl. 1894; цит. Janka, Strafrecht.

46. Кавелинъ: „Задачи этики“, 2-е изд., 1887; цит.: Кавелинъ, Задачи эт.

47. van Calker, Prof.: „Die strafrechtliche Zurechnungsfähigkeit“, Deutsche Juristen-Zeitung, 1897, № 2; цит.: Calker, Zurechnungsfähigkeit, J. Z., 1897, 2.

48. van Calker, Prof.: „Strafrecht und Ethik“, Leipzig, 1897; цит. Calker, Strafrecht.

49. Capitante, prof.: Le projet de code pénal Autrichien“, R. P., 1894, № 4; цит.: Capitante, Projet autr., R. P., 4.

50. Kirn, Prof.: „Die Criminal-Psychologie in ihrer Beziehung zum Gefängnisswesen“, въ Holtzendorff und Jagemann „Handbuch des Gefängnisswesens, B. I; цит.: Kirn, Crim.-Psychologie, H. u J. H. d. G., I.

51. Кистяковскій, проф.: „Элементарный учебникъ уголовнаго права“, Кіевъ, изд. 2-е; цит.: Кистяковскій, Учебникъ

52. Колоколовъ, проф.: „О соучастіи въ преступленіи“, 1881; цит.: Колоколовъ, Соучастіе.

53. Колоколовъ, проф.: „Къ ученію о покушеніи“, 1884; цит.: Колоколовъ, Покушеніе.

54. Компейрэ: „Основанія элементарной психологіи“, пер. 1896; цит. Компейрэ, Психологія.

55. von Kraft-Ebing: „Grundzüge der Criminalps chologie“, 2 Aufl., 1882; цит.: Kraft-Ebing, Criminalpsychologie.

56. Kraus, Dr.: „Das Motiv“, zur psychologisch-ethischen Grundlegung des Strafrechts, Z. 1897, B. 17; цит.: Kraus, Motiv, Z. 1897, B. 17.

57. Cornaz: „Notes concernantes un avant-projet de code pénal suisse“, Neuchatel, 1893; цит.: Cornaz, Notes.

58. Lammasch, Prof.: „Der Entwurf eines schweizer. Strafgesetzbuches“, Zeitschrift für schveizer Strafrecht, 1895, separ. Abdr.; цит.: Lammasch, Schw. Entw.

59. Lammasch, Prof.: „Criminalpolitische Studien“, Gerichtsaal, 1891, B. 44; цит.: Lammasch, Studien, G. 44.

60. Lammasch, Prof.: „Die Aufgaben der Strafrechtspflege“, Z. f. ges. Strafr. 1895, B. XV; цит.: Lammasch, Aufgaben, Z. B. 15.

61. Lammasch, Prof.: „Das Norvegische Strafgesetzentwurf“,

Z. f. d. ges. Strafr., 1894, B. 14; цит.: Lammasch, Norw. Entwurf, Z., B. 14.

62. Lammasch, Prof.: „Studien zum Strafgesetzentwurfe", Wien, 1891; цит.: Lammasch, Strafgesetzentw.

63. Lammasch, Prof.: „Das Werk des Strafgesetzausschusses. Wien, 1893; цит.: Lammasch, Werk.

64. Lammasch, Prof.: „Vorschläge zur Revision des Strafgesetzentwurfes", Wien, 1894; цит.: Lammasch, Vorschläge.

65. Laborde, prof.: „Cours de droit criminel", 2 éd., Par., 1898; цит.: Laborde, Cours.

66. Левенстимъ: „Суевѣріе и уголовное право", Спб., 1897, Юридическая библіотека № 15; цит.: Левенстимъ, Суевѣріе.

67. Левенстимъ: „Фанатизмъ и преступленіе", Журналъ Министерства Юстиціи, 1898. кн. 7; цит.: Левенстимъ, Фанатизмъ, Ж. М. Ю., 1898. 7.

68. Lepelletier, prof.: „Le projet de code pénal Norvegien, Revue Pénit., 1896, № 5; цит.: Lepelletier, Projet Norv., R. P., 1896, 5.

69. v. Lilienthal, Prof.: „Ueber die Frage des Verhältnisses zwischen Geld und Freiheitstrafe", Verhandlungen des XXII deutschen Juristentags; цит.: Lilienthal, Geld u. Freiheitstrafe, Juristentag XXII.

70. Liepmann: „Die Entstehung des Schuldbegriffes", 1891; цит.: Liepmann, Schuldbegriff.

71. Liepmann: „Die ethischen Grundlagen des Schuldbegriffes", Z. f. d. g. Strafr., B. XIV; цит.: Liepmann, Grundlagen, Z., B. 14.

72. v. Liszt, Prof.: „Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1899; цит.: Liszt, Lehrbuch.

73. v. Liszt, Prof.: „Die Forderungen der Kriminalpolitik und der Vorentwurf eines schweizerischen Strafgesetzbuchs" въ Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik, 1893; цит.: Liszt, Forderungen, Ar. G. 1893.

74. v. Liszt, Prof.: „Die Zweckgedanke im Strafrecht“, Z., 1883, B. 3; цит.: Liszt, Zweckgedanke, Z., 1883, B. 3.

75. v. Liszt, Prof.: „Die deterministischen Gegner der Zweckstrafe“, Z., 1893, B. 13; цит.: Liszt, D. Gegner, Z., 1893, B. 13.

76. v. Liszt, Prof.: „Die psychologischen Grundlagen der Kriminalpolitik“, Z., 1896, B. XVI; цит.: Liszt, Grundlagen, Z., 1896, B. 16.

77. v. Liszt, Prof.: „Die strafrechtliche Zurechnungsfähigkeit“, Z., 1897, B 17, 1898, B. 18 (Replik); цит.: Liszt, Zurechnungsfähigkeit, Z. 1897, B. 17, и т. д.

78. Листъ: „Задачи уголовной политики“, перев. Гурвича; цит.: Листъ, Задачи.

79. v. Lilienthal, Prof.: „Der Stoosssche Entwurf eines Schweizerischen Strafgesetzbuches“, Z., 1895, B. XV; цит.: Lilienthal, Stooss. Entw., Z., 1895, B. 15.

80. Loran: „Les habitués des prisons de Paris“, пер., Юр. Б. № 13; цит.: Loran, Habitués, перев.

81. Lucas: „Die subjective Verschuldung im heutigen deutschen Strafrechte“, 1883; цит.: Lucas, Verschuldung.

82. Mayer, Prof.: „Das ungarische Strafgesetzbuch“, Wien, 1878; цит.: Mayer, Ungar. Strafg.

83. Merkel, Prof.: „Ueber Strafzumessung und Strafänderung“, въ Allgemeine deutsche Strafrechtszeitung, 1864, H. 7.; цит.: Merkel, Strafzumessung, A. J. Z., 1864, 7.

84. Merkel, Prof.: „Lehrbuch des deutschen Strafrechts“, 1889; цит.: Merkel, Lehrbuch.

85. Merkel, Prof.: „Vergeltungsidee und Zweckgedanke im Strafrecht“, 1892; цит.: Merkel, Vergeltungsidee.

86. Meyer Hugo, Prof.: „Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 5 Aufl., 1888; цит.: Meyer H., Lehrbuch.

87. Meyer Placid von Schauensee: „Strafzumessung und Strafmilderung nach dem Vorentwurfe zu einem scheizer. Straf-

gesetz."; Z. f. Schweiz. Strafr. 1893, B. 7; цит.: Meyer P., Strafzumessung, Z. S. S., 1893, 7.

88. Merkel, Prof.: „Ueber Herrn Thurneysens Kritik des Vorentwurfes zu einem schweiz. Strafges.; цит.: Merkel, Thurn. Kritik, Z. S. S. 1893, 7.

89. Милль Дж. Ст.: „Система логики"; пер. Резенера; цит.: Милль, Логика.

90. Mischler, Dr.: „Die Criminalstatistik als Erkentnissquelle", Handb. des. Gefäng. Holtz. und Jagem., B. I; цит.: Mischler, Criminalstatistik, H. u J. H. d. G., B. 1:

91. Mischler, Dr.: Hauptergebnisse in moralischer Hinsicht, ibid., B. 2; цит.: Mischler, Hauptergebnisse, H. u. J. H. d. G., B. 2.

92. N. N.: „Ein sittliches Gesetzbuch", см. Der Elsässer, 1897, №№ 116--118; цит., N. N., Sittl. Gesetzb., Els., 1897, № 116 и т. д.

93. Неклюдовъ: „Уголовно-статистическіе этюды", эт. I, 1865; цит.: Неклюдовъ, Этюды, I.

94. Neumond: „Der Schutz des sittlichen und religiosen Gefühls durch Nothwer", Gerichts. 1898, B. 56; цит.: Neumond, Schutz, G. 1898, B. 56.

95. Olrik Eyvind, Prof.: „Studien über die strafrechtliche Zurechnungsfähigkeit", Zeitschr. f. d. ges. Str., 1898, B. XVIII; цит.: Olrik Eyv., Studien, Z. 1898, B. 18.

96. Піонтковскій, проф.: „Объ условномъ осужденіи", 1894; цит.: Піонтковскій, Усл. осужд.

97. Prins, prof.: „Causerie sur les doctrines nouvelles du droit penal", 1896; цит.: Prins, Causerie.

98. Пржевальскій В.: „Объединеніе уголовнаго законодательства въ Швейцаріи", Сборникъ правовѣденія и общественныхъ знаній"; 1895, т. IV; цит.: Пржевальскій, Объединеніе, С. П., т. 4.

99. Пржевальскій В.: „Профессоръ Францъ Листъ и его

основныя воззрѣнія на преступленіе и наказаніе", Сб. прав. и общ. зн., 1896, т. VI; цит.: Пржевальскій, Листъ, С. II., т. 4.

100. Пржевальскій В.: „Проэктъ уголовнаго уложенія и современная наука уголовнаго права", Журналъ Юридическаго Общества, 1896, Дек.; цит.: Пржевальскій, Проэктъ, Ж. Ю. О , 1896.

101. Ortolan, prof.: „Elements de droit pénal", 5 ed., 1886, т. I; цит.: Ortolan, Elements, I.

102. Rigaud: „De l'influence du motif en matière criminelle", Par., 1898; цит.: Rigaud, Motif.

103, Rolin: „Etude sur l'avant-projet du code pénal suisse", Revue de droit international et de legilation comparée, 1897, t. XXIX; цит.: Rolin, Etude, R. D. I. 1897, 29.

104. Sacker: „Der Rückfall", Abhandlungen des kriminal. Seminars, heransgeg. von Fr. v. Liszt, 1892, B. 3; цит.: Sacker, Rückfall, A. S., 1892, 3.

105. Saleilles: „L'individualisation de la peine", Paris, 1898; цит.: Saleilles, Individualisation.

106. Schmidt: „Die Aufgaben der Strafrechtspflege", 1895; цит.: Schmidt, Aufgaben.

107. Schopenhauer: „Свобода воли", перев. 1887; цит.: Schopenhauer, Свобода воли.

108. Schütze, Prof.: „Lehrbuch des deutschen Strafrechts", 2 Aufl., 1874; цит.: Schütze, Lehrbuch.

109. Schütze, Prof.: „Zur Kritik des neuesten . östereichischen Strafgesetzentwurfes, Wien, 1882; цит.: Schütze, Kritik.

110. Sichart: „Beiträge zur Lehre von der Schuld und von der Strafe", Z. f. die g. Strafr., 1898, B. XVIII; цит.: Sichart, Beiträge, Z. 1898, B. 18.

111. Simonson: „Der Begriff des Vortheils und seine Stellung im deutschen Strafrecht", Berlin, 1889; цит.: Simonson, Vortheil.

112. Синицкій: „Моралистическое направленіе въ уголов-

номъ правѣ“, Сб. прав. и общ. зн., 1895, т. IV; цит.: Синицкій, Морал. напр., С. П., т. 4.

113. Соловьевъ: „Право и нравственносгь“, Спб., 1897; цит.: Соловьевъ, Право.

114. Спасовичъ, проф.: „Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права“, Вѣстникъ Европы, 1891, кн. 10; цит.: Спасовичъ, Направленія, В. Е. 1891, 10.

115. Спасовичъ, проф.: „Учебникъ уголовнаго права“, т. I, Спб., 1863; цит.: Спасовичъ, Учебникъ.

116. Sternau Max: „Die Abschaffung des Strafmasses“, Z. f. d. ges. Strafr., 1893, B. XIII; цит.: Sternau, Abschaffung, Z., 1893, 13.

117. Sternau Max: „Eine Strafrechtstheorie“. Berl., 1893: цит.: Sternau, Theorie.

118. Strass: „Ueber die Ursachen der Verbrechen und die Mittel der Vermehrung derselben zu steuern“, 1841: цит.; Strass, Ursachen.

119. Stoos, Prof.: „Das Motiv im Entvurf zu einem schveizerischen Strafgesetzbuch, Z. für. schweiz. Strafr., 1896, H. 3.; цит.: Stoos, Motiv, Z. S. S., 1896, 3.

120. Stoos. Prof.: „Von Liszts Angriffe auf die Zurechnungsfähigkeit; Z. für schw. Str., 1896, H. 6; цит.: Stoos, Angriffe, Z. S. S., 1896, 6.

121. Stoos, Prof.: „Der Kamf gegen das Verbrechen, Bern, 1894; цит.: Stoos, Kamf.

122. Stoos, Prof.: „Die ethischen und socialen Grundlagen des Strafrechts“, Z. für schweiz. Str., 1893, B. 7; цит. Stoos, Grandlagen, Z. S. S., 1893, 7.

123. Таганцевъ, проф.: „О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву“, 1870—1871, т. I—II; цит.: Таганцевъ, Преступленія п. ж., т. I, т. II.

124. Таганцевъ. проф.: „Курсъ русскаго уголовнаго права“, кн. 1-я; цит.: Таганцевъ, Курсъ, I.

125. Таганцевъ, проф.: „Лекціи по уголовному праву", в. 3 и 4; цит.: Таганцевъ, Лекціи, 3, 4.

126. Тальбергъ, проф.: „Къ вопросу о наказаніи", Журн. Гражд. и Уг. Пр., 1884, № 5; цит.: Тальбергъ, Наказаніе, Ж. Г. и У. П., 1884, 5.

127. Tarde; „La philosophie pénale", 1892, цит.: Tarde, Philosophie

128. Thomsen: „Betrachtungen über ein Sammeln der verbrecherischen Motive nebst einem Vorschlage, das Motiv mit in das Strafurtheil aufzunehmen" Z. für die g. Str., 1897, B. XVII; цит.: Thomsen, Betrachtungen, Z., 1897, 17.

129. Thurneysen: „Zum Vorentwurf zu einem schweizer. Strafgesetzbuch", Z. S. S., 1893, B. VI; цит.: Thurneysen, Vorentwurf., Z. S. S., 1893, 6.

130. Ferri, prof.: „La sociologie criminelle", Paris, 1893; цит.: Ferri, Sociologie.

131. Ферри, проф.: „Преступленія и преступники въ наукѣ и въ жизни", перев. 1890; цит.: Ферри, Преступленіе.

132. Feuerbach: „Lehrbuch des peinlichen Rechts", 14 Aufl., 1847, herausgeg. von Mittermaier, цит.: Feuerbach Lehrbuch.

133. Фойницкій, проф.: „Русская карательная система", Сборникъ государств. знаній, 1874, т. I; цит.: Фойницкій, Карат. система, С. Г. З., 1874, 1.

134. Фойницкій, проф.: „Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ", 1889; цит.: Фойницкій, Наказаніе.

135. Фойницкій, проф.: „Курсъ уголовнаго судопроизводства", т. 2, 1897; цит.: Фойницкій, Курсъ, 2.

136. Fonsegrive: „Essai sur le libre arbitre", 1887; цит.: Fonsegrive, Essai.

137. Fouillé: „La liberté et le determinisme", 2 éd., Paris, 1884; цит.: Fouillé, Liberté.

138. Фулье: „Критика новѣйшихъ системъ морали", пер. 1898; цит.: Фулье, Критика.

139. Fuld: „Das Motiv im deutschen Strafgesetzbuch“, Archiv für Strafr. v. Goltdammer, 1883, B. XXXI; цит.: Fuld, Motiv, G. A., 1883, 31.

140. Zucker: „Der ursächliche Zusammenhang zwischen Delict und Strafe, Gerichts., 1891, B. 44; цит.: Zucker, Zusammenhang, G. 1891, 44.

141. Челпановъ, проф.: „О свободѣ воли“, Міръ Божій, 1897, № 11—12: цит.: Челпановъ, Свобода воли, М. Б., 1897, 11, 12.

142. Чубинскій: „Общая характеристика новыхъ ученій въ уголовномъ правѣ“, 1898; цит.: Чубинскій, Характеристика.

б) Законодательство и сборники:

1. Compte--rendu général des travaux du congres internationals de statistique dans ses séances, ténues à Bruxelles, Paris, Wien et Londres; Berlin, 1863; цит.: C. R. G., 1863.

2. Compte—rendu des travaux de la VI-me Section du congres international de statistique à Florence, 1867; цит.: C. R. F., 1867.

3. Code pénal français, éd. par Rivière, 1898; цит.: C. P. F.—R.

4. Code pénal français, annoté par Dalloz, 1882; цит.: C. P. F.—D.

5. Code pénal belge, éd. par Em. de Brandner, 1884; цит. C. P. B.—B.

6. Code pénal belge, interpreté par Nypls, t. I—III, 1896—1898; цит.: C. P. B.—N.

7. Code pénal hongrois des crimes et des délits, 1878 et code pénal des contraventions, 1879, traduits et annotés par C. Martinet et P. Darest, 1885; цит.: C. P. H.—M. D.

8. Das ungarische Strafgesetzbuch über Verbrechen und Vergehen, оффиціальный переводъ, сдѣланный на нѣмецкій языкъ Dr'омъ jur. Gust. Steinbach, 1878; цит.: D. U. S.—S.

9. Code pénal pour le royame d'Italie, traduit et annoté par P. Sarraut, 1890; цит.: C. P. I.—S.

10. Strafgesetzbuch für das Königreich Italien, übers. und erläutert von Dr. R. Stephan, 1890, цит.: S. K. I.—S.

11. Das italianische Strafgesetzbuch, übers. Von Prof. Dr. Teichmann, 1890; цит.: I. S.—T.

12. Strafgesetzbuch für das deutsche Reich, Text—Ausgabe mit Anmerkungen von Dr. H. Rüdorf, 18 Aufl., 1898; цит.: D. R. S.—R.

13. Das Strafgesetz über Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen, mit Entscheidungen des Kassationshofes, von Cramer besorgt, 18 Aufl., Wien, 1897; см. Taschenausgabe der österreichischen Gesetze, B. 4; цит.: O. S.—C.

14. Niederlandische Strafgesetzbuch, übers. von Prof. Dr. Dochow und Prof. Dr. Teichmann, 1881 (Z., B. I., Beilage); цит.: N. S.—D. T.

15. Нидерландское уложеніе отъ 3 Марта 1881; перев. В. Р. Лицкаго, 1882; цит.: Н. У.—Л.

16. Neuchatel, Graud Conseil, Bulletin concernant le code pénal, 1891; цит.: N. C. P.

17. Die schweizerischen Strafgesetzbücher, verf. von C. Stoos, 1890; цит. S. S.—S.

18. Уложеніе о наказаніяхъ, изд. проф. Таганцева: цит.: У. Н.—Т.

19. Die Strafgesetzgebung der Gegenwart, t. 1, Das Strafrecht der Staaten Europas, herausgeg. von Franz v. Liszt, Berl. 1894 (о Франціи—A. Rivière, Бельгіи—проф. Prins, Италіи—проф. Alimena, Австріи—проф. Hiller, Россіи—проф. Фойницкій, Венгріи—проф. Wlassicz, Голландіи—проф. van Hamel, Германіи—проф. Seuffert, Швейцаріи—проф.

Teichmann и проф. Gautier; цит.: S. d. S. E.—L., Fr.—R.; S. d. S. E.—L., Bel.—Pr. и т. д.

20. Матеріалы для пересмотра нашего уголовнаго законодательства, 1880, т. I, переводъ, сдѣланный Неклюдовымъ, уложеній французскаго, бельгійскаго, венгерскаго и германскаго; цит.: Мат. I, Фр.—Н., Мат. I, Бельг.—Н. и т. д.

21. Проэктъ уголовнаго уложенія съ объяснительной къ нему запиской, 1895; цит. Пр. У. У., Пр. Об. З.

22. Projet du code pénal français, см. Mitteilungen der internationalen criminalistischen Vereinigung или Rev. Pénit., 1893, № 2; цит.: Pr. C. P. F.

23. Entwurf 1889 und Bemerkungen zu dem Entwurfe des Strafgesetzes über Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen für Oesterreich, см. 822 Beilagen zu deu stenograf. Protokollen des Abgeordnetenhauses, Session 1889; цит.: O. E. S., O. E. S., B.

24. Entwurf 1891 und Bemerkungen zu dem Ertwurfe des Strafgesetzes über Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen für Oesterreich, см. 210 Beilagen zu den st. Prot. des Abgeordnetenhaus., Session 1891 (со своднымъ текстомъ предыдущихъ проэктовъ); цит.: O. E. S., O. E. S., B.

25. Entwurf eines allgemeinen bürgerlichen Strafgesetzbuches für das Königreich Norwegen, übers. von Dr. Ernst Rosenfeld und Andreas Urbye, Berl. 1898, см. Sammlung ausserdeutscher Strafgesetzbücher № 11; цит.: N. E. S.—R. U.

26. Entwurf zu einem Gesetze über Arbeitscheu, Bettlei und Trunksucht sowie über Zwangsarbeitshäuser, 1894, Anhang къ предыдущ. работѣ; цит.: N. E. S., A.—R. U.

27. Vorentwurf eines Schweizerischen Strafgesetzbuches, allg. Theil, Motive, verfass. von Carl Stoos, 1893; цит.: V. S. S.—S. I; V. S. S. M.—S. I.

28. Schweizerisches Strafgesetzbuch, Vorentwurf mit Motiven, ausgearb. von C. Stoos, 1894; цит.: V. S. S.—S. II; V. S. S. M.—S. II.

Сокращенія.

H. = Heft.

B. = Band.

T. = Tome, Theil.

C. = Страница.

S. = Seite.

P. = Page.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Общее ученіе о мотивахъ.

Глава 1-я.

Понятіе о мотивѣ.

Терминъ „мотивъ“ далеко не отличается новизной. Онъ былъ введенъ въ науку еще Вольфомъ[1]) и съ тѣхъ поръ постоянно встрѣчается въ работахъ какъ философовъ, такъ и юристовъ. Но, не смотря на столь почтенный возрастъ, этотъ терминъ до сихъ поръ не получилъ точнаго и окончательнаго опредѣленія, такъ что проф. Листъ справедливо называетъ его многозначащимъ (mehrdeutig).

Въ обыденномъ, обще-житейскомъ употребленіи этого слова подъ мотивомъ обыкновенно подразумѣваютъ побужденіе; что же касается болѣе точнаго и научнаго опредѣленія, которое необходимо, разъ мы желаемъ оперировать съ извѣстнымъ понятіемъ въ научномъ изслѣдованіи, то здѣсь господствуетъ большое разнообразіе взглядовъ. Это разнообразіе весьма неблагопріятно отражается на криминальныхъ теоріяхъ, относящихся къ вопросу о мотивѣ и его роли въ наукѣ и законодательствѣ; иногда лица, по существу сходныя въ воззрѣніяхъ, излагаютъ разные взгляды на значеніе мотива потому, что одно лицо понимаетъ этотъ терминъ совершенно иначе, чѣмъ другое; иногда, наоборотъ, лица, повидимому согласныя, въ дѣйствительности совершен-

[1]) См. Hundhausen, Motiv, s. 1.

но расходятся въ мнѣніяхъ, ибо, говоря о мотивѣ въ одинаковомъ духѣ, говорятъ о совершенно разныхъ вещахъ, каждый—сообразно своему пониманію термина „мотивъ“.

Мы потому считаемъ необходимымъ, прежде чѣмъ разсуждать о значеніи мотива, опредѣлено установить то значеніе, которое долженъ имѣть этотъ терминъ. Въ литературѣ встрѣчается и обратное мнѣніе, хотя, правда, оно стоитъ совершенно одиноко. По мнѣнію Томсена[1]), данное напередъ объясненіе того, что желаютъ подразумѣвать подъ мотивомъ, мало поможетъ дѣлу: „такъ какъ это слово существуетъ и приняло извѣстное значеніе, то съ этимъ, установившимся въ живой рѣчи (Sprachgebrauch) значеніемъ небходимо болѣе или менѣе согласовывать даваемое опредѣленіе, но все таки и тогда остается рискъ внесенія въ опредѣленіе чего либо неподходящаго“. Авторъ поэтому предпочитаетъ, не заботясь о томъ, что обыкновенно подразумѣваютъ подъ словомъ „мотивъ“, сперва фактически выяснить, какой матерьялъ должно классифицировать.

Очевидно, съ такимъ мнѣніемъ невозможно согласиться. Мы оставимъ въ сторонѣ то, что самъ авторъ далѣе отъ него отступаетъ и даетъ свое опредѣленіе мотива, хотя и съ оговоркой, что такимъ образомъ этому слову принудительно придается извѣстное содержаніе[2]). Но и самое мнѣніе, явно, основано на недоразумѣніи: 1) при выясненіи того, какой матерьялъ нужно брать для классификаціи, необходимо заручиться извѣстнымъ критеріемъ, а этого критерія мы лишаемся, разъ оставляемъ безъ опредѣленія основное понятіе; авторъ стремится къ классификаціи мотивовъ, а между тѣмъ, идя предложеннымъ имъ путемъ, можно только запутать классификацію, внося въ нее факты, ничего общаго съ мотивомъ не имѣющіе; 2) опредѣляя на основа-

---

[1]) Thomsen, Betrachtungen, s. 276.
[2]) Thomsen, Betracqtungen, s. 276.

ніи положительныхъ данныхъ понятіе, объемъ и содержаніе котораго еще невполнѣ точно установлены, мы вовсе не придаемъ этому понятію принудительнаго содержанія, ибо мы не дѣйствуетъ по произволу; мы раскрываемъ дѣйствительный смыслъ понятія, а не навязываемъ уже существующему понятію какой то вновь изобрѣтенный смыслъ; 3) мотивъ не составляетъ исключительной принадлежности уголовнаго права; это понятіе, съ которымъ давно уже оперируетъ психологія; криминалистъ же долженъ считаться съ опредѣленіями понятій, встрѣчаемыхъ имъ въ родственныхъ дисциплинахъ, хотя бы въ этихъ опредѣленіяхъ и не было полнаго единогласія.

Итакъ, мы прежде всего должны установить, что нужно подразумѣвать подъ мотивомъ.

Проф. Вульфертъ думаетъ, что понятіе о мотивѣ опредѣленностью не обладаетъ; онъ говоритъ: „Что такое мотивъ? Это понятіе, играющее низшую роль въ уголовномъ правѣ. Въ преступленіи можно различать вредъ и умыселъ, нарушеніе права и направленную на такое нарушеніе волю. Въ противуположность этимъ опредѣленнымъ элементамъ, мотивъ такою опредѣленностью не обладаетъ. Мотивомъ можетъ быть и представленіе, и чувствованіе, можетъ быть правило поведенія, выработанное твердымъ характеромъ, и мимолетное настроеніе. Мотивъ бываетъ первоначальнымъ звеномъ волеваго процесса, причемъ его значеніе перевѣшивается послѣдующими стадіями, чрезъ которыя проходитъ воля“[1]).

Далѣе мы разберемъ это мнѣніе по существу, пока же отмѣтимъ, что другіе авторы не раздѣляютъ этого мнѣнія, ибо связываютъ съ терминомъ „мотивъ“ хотя и неодинаковое, но всегда опредѣленное значеніе. Правда, есть писатели, которые, говоря о мотивѣ, не даютъ опредѣленія этого по-

---

[1]) Вульфертъ, Антроп. школа, I, с. 230—231.

нятія; но ближайшее изученіе ихъ работъ показываетъ, что и они, говоря о мотивѣ, имѣютъ въ виду величину, ясно для нихъ опредѣленную.

Но, прежде чѣмъ излагать относящіяся сюда теоріи и разбирать ихъ, мы считаемъ необходимымъ заручиться нѣкоторыми психологическими данными, которыя и дадутъ намъ точку опоры. Психологія говоритъ о мотивахъ въ ученіи о волѣ, поэтому намъ необходимо хоть въ общихъ чертахъ познакомиться съ сущностью этого ученія.

Нѣкоторые изслѣдователи (Liszt, Saleilles) идутъ другимъ путемъ; они прямо берутъ то или иное опредѣленіе мотива и разсматриваютъ, можетъ ли мотивъ, такимъ образомъ понимаемый, имѣть уголовно-правовое значеніе; рѣшивъ этотъ вопросъ отрицательно, они переходятъ къ другому опредѣленію мотива, отъ него къ третьему и т. д. Листъ такимъ путемъ приходитъ къ рѣшимости совершенно отказаться отъ „многозначущаго“ термина „мотивъ“, хотя и не отказывается отъ изученія данныхъ, обыкновенно окрещиваемыхъ этимъ терминомъ. [1])

Этого пути мы никоимъ образомъ одобрить не можемъ. Понятіе о мотивѣ существуетъ, и мы должны позаботиться о выясненіи его настоящаго содержанія. Вопросъ же о роли мотива въ уголовномъ правѣ,—это вопросъ второй, къ рѣшенію котораго слѣдуетъ приступать, уже заручившись указаннымъ матерьяломъ. Передѣлывать же значеніе термина, приспособляясь къ тому, можетъ ли понятіе выражаемое этимъ терминомъ играть ту роль, которую хочетъ придать мотиву тотъ или иной изслѣдователь, это значитъ вносить въ изслѣдованіе крайній субъективизмъ и рѣшать задачу, начиная съ конца. Поэтому мы предпочитаемъ для дѣйствительнаго уясненія вопроса предварительно установить исходные

---

[1]) Liszt, Grundlagen, s. 483—488, Saleilles, Individualisation, p. 213 ff.

пункты, почерпнувъ ихъ изъ науки, спеціально вѣдающей духовную жизнь, т. е. изъ психологіи.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда юристы говорятъ объ умыслѣ и намѣреніи, психологи обыкновенно говорятъ о сложившемся намѣреніи, объ обнаруженіи сложившейся рѣшимости выполнить преступное дѣйствіе. Какъ видно уже изъ самаго слова „сложившійся", умыселъ не можетъ быть первоначальнымъ звеномъ волеваго процесса; онъ является продуктомъ предыдущихъ элементовъ, ученіе о которыхъ и составляетъ центръ тяжести занимающаго насъ вопроса. Рѣшеніе послѣдняго обусловливается правильнымъ пониманіемъ закона причинности вообще и его проявленій въ области волеваго процесса, изъ котораго возникаютъ человѣческія дѣйствія,— въ частности.

Въ настоящее время люди самыхъ разнообразныхъ воззрѣній сходятся въ одномъ кардинальномъ пунктѣ: въ признаніи законосообразности человѣческихъ дѣйствій, т. е. подчиненія этихъ дѣйствій закону причинности. Данныя относительно этого закона подрываютъ возможность вѣры въ существованіе какого бы то ни было произвола всѣхъ міровыхъ явленій. Прежде всего, наблюденія надъ человѣческимъ разумомъ установили рядъ положеній, которыя у однихъ получили названіе законовъ или принциповъ разума (Лейбницъ, Кантъ), у другихъ—основныхъ формъ ума, у третьихъ-первичныхъ истинъ (Компейрэ) и т. д. Одно изъ этихъ положеній, всецѣло подтверждаемое опытомъ,—это законъ причинности. „Всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину", „нѣтъ дѣйствія безъ причины",—вотъ формулы, въ которыхъ выражается данный законъ. Какъ вѣрно указалъ Шопенгауеръ, только чрезъ посредство этого закона осуществляется нами созерцаніе реальнаго міра: „возбужденія и перемѣны, ощущаемыя нашими органами чувствъ, мы непосредственно понимаемъ какъ дѣйствія и тотчасъ-же безъ руководства, на-

ставленія и опыта дѣлаемъ переходъ отъ нихъ къ ихъ причинамъ, которыя теперь уже, именно вслѣдствіе этого умственнаго процесса, представляются объектами въ пространствѣ". [1]) Законъ этотъ присущъ уму каждаго человѣка и имѣетъ примѣненіе не только относительно фактовъ, совершающихся на нашихъ глазахъ, такъ что причины ихъ мы видимъ, но и относительно каждаго явленія, гдѣ бы, когда и при какой обстановкѣ оно ни имѣло мѣсто, мы утверждаемъ, что это явленіе имѣло причину.

„Всякое дѣйствіе есть необходимое, пропорціональное и неизбѣжное слѣдствіе совокупности причинъ; это законъ естественной причинности, который является основой и непремѣннымъ условіемъ мышленія („condition même de la pensée)." Такъ говоритъ Ферри, [2]) и подобныя опредѣленія мы найдемъ у цѣлаго ряда криминалистовъ и философовъ, старыхъ и новыхъ, начиная со Спинозы и Лейбница, продолжая Юмомъ и Кантомъ, и кончая Миллемъ, Вундтомъ, Таганцевымъ и другими. [3]) Такъ по Вундту, міръ явленій безъ изъятій подчиненъ закону причины; все, что случается, имѣетъ причину и, когда дана причина, необходимо наступаетъ извѣстное слѣдствіе; все происходящее такимъ образомъ имѣетъ подчиненіе закону достаточнаго основанія, такъ что противуположное для человѣческаго разума вообще невообразимо. Ту же мысль проводитъ и Бюловъ, подтверждая ее тѣмъ, что категоріи мѣста, времени и причинности суть a priori данныя функціи, посредствомъ которыхъ нашъ разумъ охватываетъ міръ; на нихъ основывается познаніе и опытъ. Также и по словамъ Кузена, мы признаемъ законъ причинности вслѣдствіе свойствъ нашего разума. „Попробуйте",

---

[1]) Schopenhauer, Свобода воли, с. 36.

[2]) Ferri, Sociologie, p. 268.

[3]) См. у Weber, Философія, с. 241, 256, 292, 319 и др.; Милль, Логика, с. 385; Таганцевъ, Лекціи, с. 410—411, и др.

говоритъ онъ: „думать иначе; попробуйте, разъ вамъ дано какое нибудь явленіе, не предполагать, что оно имѣло какую нибудь причину,—вы не сможете этого сдѣлать, ибо законъ причинности является не только всеобщимъ, но и необходимымъ". [1])

Итакъ, господство закона причинности пользуется въ наукѣ широкимъ признаніемъ; чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ это признаніе все болѣе и болѣе становится всеобщимъ; новыя научныя открытія и изслѣдованія способствуютъ торжеству указаннаго закона, неоспоримо доказывая, что все въ мірѣ подчинено ему, начиная съ космическихъ явленій и жизни неорганической и кончая сложною областью человѣческихъ дѣйствій. Распространеніе закона причинности на область человѣческихъ дѣйствій или, другими словами, утвержденіе, что эти дѣйствія совершаются не по произволу, а законосообразно,—сдѣлано уже очень давно. Это признавали еще Спиноза и Лейбницъ, а у Юма по данному вопросу мы находимъ уже вполнѣ развитое ученіе; послѣдній говоритъ: „Во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ человѣческіе поступки обладаютъ значительнымъ однообразіемъ и природа человѣческая до сихъ поръ не отклонилась отъ этихъ началъ своего обычнаго теченія. Одни и тѣ же побужденія всегда вызываютъ одно и то же поведеніе... Честолюбіе, скупость, самолюбіе, тщеславіе, дружба, великодушіе, патріотизмъ,—всѣ эти страсти отъ сотворенія міра были и остаются источникомъ всѣхъ нашихъ предпріятій и двигателями всѣхъ нашихъ поступковъ... Всѣ причины стоятъ въ необходимой связи со своими дѣйствіями и всякое колебаніе въ дѣйствіяхъ всегда проистекаетъ изъ скрытаго дѣйствія противодѣйствующихъ причинъ"... [2])

---

[1]) Цитата взята у Шопенгауера; Cousin, t. III, p. 154, ср. Кавелинъ, Задачи эт., с. 26.

[2]) см. Weber, Философія, с. 292.

И въ самомъ дѣлѣ, можно ли допустить, чтобы, въ то время какъ все въ мірѣ подчиняется постояннымъ законамъ, одна лишь волевая дѣятельность человѣка управлялась бы какимъ то произвольнымъ началомъ? Возможно ли, чтобы человѣческія дѣйствія вытекали изъ этого начала безъ достаточныхъ причинъ и ускользали отъ вліянія внутреннихъ и внѣшнихъ условій?

Отрицательный отвѣтъ на поставленные вопросы находитъ себѣ блистательное подтвержденіе въ работахъ статистиковъ. Изслѣдованія въ области т. наз. моральной статистики показали, что даже такія повидимому произвольныя человѣческія дѣйствія, какъ бракъ, эмиграція, самоубійство и т. п. изъ года въ годъ повторяются почти въ одномъ и томъ же количествѣ и слѣдовательно въ массѣ своей находятся въ зависимости отъ извѣстныхъ причинъ, а не отъ человѣческаго произвола. Съ измѣненіемъ этихъ причинъ измѣняются и цифры; такъ, съ обѣдненіемъ населенія и съ распространеніемъ сильныхъ эпидемическихъ болѣзней число браковъ падаетъ, а число имущественныхъ преступленій возрастаетъ; въ жаркія времена года увеличивается число преступленій противъ личности и противъ нравственности, а въ холодныя—противъ собственности. Особенно поразительно, что даже относительно самоубійствъ замѣчена столь же строгая законосообразность и не только вообще, но даже въ такихъ частностяхъ какъ, напримѣръ, выборъ способа самоубійства: въ близко другъ къ другу стоящіе годы приблизительно одинаковымъ является число прибѣгшихъ къ отравленію, повѣшенію, утопленію и т. п. [1])

Итакъ, законъ причинности распространяется на область человѣческихъ дѣйствій; намъ необходимо, считаясь съ этимъ

---

[1]) Челпановъ, Свобода воли, М. Б. 1897, 11, с. 22—23; Таганцевъ, Лекціи, 2, с. 410—411; Неклюдовъ, Этюды, I, с. 4 и сл.; Кавелинъ, Задачи эт., с. 58 и друг.

безспорнымъ фактомъ, разсмотрѣть ближе формы его проявленія.

Замѣтивъ разнообразіе этихъ формъ, Д. С. Милль призналъ какъ бы два рода причинности: необходимость въ мірѣ физическомъ и только безусловную послѣдовательность въ области человѣческихъ дѣйствій. Правы были тѣ (напримѣръ, Ферри), которые въ данномъ пунктѣ возражали знаменитому англійскому психологу, указывая на то, что, разъ даны всѣ необходимыя предыдущія, слѣдствіе появится неизбѣжно, касается ли дѣло явленія природы, или человѣческаго дѣйствія, и что такимъ образомъ законъ причинности единъ. Тѣмъ не менѣе съ основной мыслью Милля, хотя и неудачно формулированной, необходимо согласиться: законъ причинности, прибавимъ—единый, проявляется весьма неодинаково вслѣдствіе того, что матерьялъ, силы, комбинируемыя по этому закону, являются различными; свойства этихъ силъ и накладываютъ свой отпечатокъ на процессы, совершающіеся по закону причинности. А именно, въ то время, какъ въ мірѣ неодушевленномъ предметы не имѣютъ никакой силы сопротивленія и не могутъ противодѣйствовать внѣшнему толчку, въ мірѣ одушевленномъ, а особенно въ высшемъ его представителѣ—человѣкѣ, заключаются силы, благодаря которымъ онъ не является лишь пассивнымъ отразителемъ внѣшнихъ воздѣйствій. Силы эти—сознаніе человѣка, внутренняя энергія его мозговыхъ клѣтокъ. По справедливому замѣчанію Спасовича, иногда даже сильный толчекъ поглощается центромъ, а иногда и слабый является достаточнымъ для произведенія взрыва накопившейся энергіи. „Самъ резервуаръ энергіи колоссаленъ; это настоящій микрокосмъ, совокупность идей, чувствованій, воспоминаній даннаго лица, въ скрытомъ состояніи въ немъ пребывающихъ, но отъ всякаго толчка могущихъ проявиться и вихремъ пронестись... Прибавка припасенной энергіи къ движенію,

вызванному слабымъ стимуломъ, ощущается какъ несвязанная по необходимости съ этимъ стимуломъ и какъ автономія самосознанія, проявляющаяся въ волевомъ дѣйствіи". [1])

Но особенно отчетливо и подробно разработанъ вопросъ о причинности въ соотношеніи съ волевымъ процессомъ у Шопенгауера, который различаетъ троякое проявленіе закона причинности: причиненіе, возбужденіе и мотивицію [2]).

По опредѣленію Шопенгауера, причиной въ тѣснѣйшемъ смыслѣ называется то, въ силу чего происходятъ физическія, химическія, и механическія измѣненія предмета опыта. По причинамъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова происходятъ измѣненія во всѣхъ безжизненныхъ, т. е. неорганическихъ тѣлахъ; здѣсь дѣйствіе всегда равняется противодѣйствію и степень дѣйствія строго соотвѣтствуетъ степени причины. Затѣмъ, второй рядъ причинъ—это возбужденіе или раздраженіе. Этотъ родъ причинъ опредѣляетъ всѣ измѣненія организмовъ какъ таковыхъ, исключительная же опредѣляемость по раздраженіямъ характеризуетъ растенія. Особенность этого рода причинъ, т. е. раздраженій, заключается въ томъ, что раздраженія при своемъ воздѣйствіи не испытываютъ соотвѣтствующаго противодѣйствія, а также въ томъ, что между ихъ напряженностью и напряженностью возникающаго изъ нихъ дѣйствія не существуетъ никакой равномѣрности.

Но особенно своеобразнымъ является третій родъ движущихъ причинъ—мотивація, т. е. причинность, проходящая черезъ среду сознанія. Здѣсь является уже нѣчто высшее, чѣмъ движеніе по раздраженіямъ, а именно способность представленія и интеллектъ, получающій наиболѣе полное развитіе у человѣка. „Человѣкъ способенъ не только къ созер-

---

[1]) Спасовичъ, Направленія, В. Е., 1891, 10, с. 463.
[2]) Schopenhauer, Свобода воли, с. 40, 41—43, 43—44, 89.

цательному разумѣнію внѣшняго міра, какъ животное, но можетъ отвлекать изъ этого разумѣнія общія понятія... При помощи послѣднихъ онъ производитъ безчисленныя комбинаціи, которыя составляютъ то, что называется мышленіемъ, и благодаря чему становятся возможными великія преимущества человѣческаго рода передъ всѣми животными, а именно—рѣчь, обдуманность, наука и проч. Человѣкъ, въ силу своей способности къ несозерцательнымъ представленіямъ, посредствомъ которыхъ онъ мыслитъ и рефлектируетъ, имѣетъ безконечно обширнѣйшій кругозоръ, обнимающій отсутствующее, прошедшее, будущее, вслѣдствіе чего онъ имѣетъ гораздо болѣе просторную среду воздѣйствія мотивовъ... Его дѣянія опредѣляются обыкновенно не чувственнымъ созерцаніемъ окружающаго, наличнаго во времени и пространствѣ, а скорѣе одними мыслями, которыя онъ повсюду носитъ въ своей головѣ и которыя дѣлаютъ его независимымъ отъ впечатлѣній настоящаго. Отъ этого... прямо кажется, будто его движеніями управляютъ тонкія невидимыя нити, изъ однихъ мыслей состоящіе мотивы".

Такъ говоритъ Шопенгауеръ и затѣмъ указываетъ, что такая роль мыслей не уничтожаетъ значенія мотивовъ, ибо мысль, коль скоро она въ состояніи дѣйствовать на волю, сама становится мотивомъ.[1])

Въ томъ же духѣ высказывается, но еще болѣе подчеркиваетъ интеллектуальный характеръ мотивовъ Фулье. По его мнѣнію, вполнѣ отвлеченныхъ и инертныхъ мотивовъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ представляетъ вульгарная психологія, не существуетъ, ибо каждый мотивъ является въ то же время и двигателемъ. Такая т. сказ. потенціальность принадлежитъ и чисто интеллектуальнымъ мотивамъ: „умъ съ входящими въ него идеями можетъ самъ по себѣ пред-

---

[1]) Schopenhauer, Свобода воли, с. 47—50, 57; ср. Кавелинъ, Задачи эт., с. 31.

ставлять побуждающую причину... онъ можетъ точно также въ силу своихъ собственныхъ качествъ сдѣлаться и двигателемъ. Другими словами, это значитъ, что человѣкъ можетъ дѣйствовать, побуждаемый не только мотивами чувствъ, но также и повинуясь одному только уму, не нуждаясь при этомъ ни въ какомъ другомъ двигателѣ, потому что идея сама по себѣ есть дѣйствіе, привлекательность котораго заключается въ немъ же самомъ". [1])

Итакъ, мотивы могутъ быть на лицо только тамъ, гдѣ есть сознаніе; въ темной области, не озаренной сознаніемъ, установить мотивовъ нельзя, ибо отъ послѣднихъ нужно отличать тѣ первичныя явленія психической жизни, которыя являются лишь матеріаломъ для выработки мотивовъ, а также тѣ явленія (напримѣръ, болѣзнь), которыя, хотя и приводятъ къ извѣстнымъ результатамъ, т. е. стоятъ къ нимъ въ отношеніи причины къ слѣдствію, но не подходятъ подъ установленное выше понятіе о мотиваціи. Мы поэтому въ общемъ примыкаемъ къ изложеннымъ основнымъ положеніямъ Шопенгауера и Фулье и признаемъ важную роль въ мотиваціи интеллектуальнаго элемента, но, такъ какъ мысль Фулье не совсѣмъ точно выражена, то мы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя поясненія. Мы согласны, что идея можетъ быть мотивомъ, но не идея, взятая какъ нѣчто абстрактное, а идея, проявляющаяся въ дѣйствіи извѣстнаго человѣка; а такъ какъ человѣкъ въ психическомъ отношеніи есть величина сложная, состоящая не изъ одного интеллекта, то и *мотивъ нельзя разматривать какъ исключительно интеллектуальный моментъ*. Нельзя рѣзко обособить проявленія психической жизни, а слѣдовательно нельзя ограничиваться однимъ интеллектомъ, понятіе о которомъ психической жизни не исчерпываетъ.

---

[1]) Фулье, Критика, с. 30—31.

Объяснимся подробнѣе. Всѣ отправленія психической жизни, не смотря на ихъ крайнее разнообразіе сводятся къ категоріямъ троякаго порядка: разума или интеллекта, чувства и воли [1]). Эта классификація является въ настоящее время господствующей, и попытки дать болѣе сложныя или болѣе упрощенныя классификаціи признаются не удавшимися [2]). Точно также относительно взаимоотношенія явленій, входящихъ въ составъ приведенной классификаціи, почти общимъ признаніемъ пользуется то положеніе, что эти явленія соединяются другъ съ другомъ и оказываютъ другъ на друга вліяніе. Такъ, область чувствованій является по большей части тѣсно связанной съ дѣятельностью сознанія, ибо на появленіе и развитіе чувствованій имѣютъ сильное вліяніе представленія; чувство удовольствія или страданія обыкновенно заключаетъ въ себѣ въ большей или меньшей степени представленіе о томъ предметѣ, который вызываетъ данныя эмоціи чувства; если человѣкъ невполнѣ ясно сознаетъ источникъ своего чувства, онъ обыкновенно всѣми силами старается себѣ уяснить его. Если, напримѣръ, проходя ночью по лѣсу онъ ощущаетъ какой то неопредѣленный страхъ, то этому страху онъ ищетъ реальнаго объясненія въ представленіяхъ о томъ, что на него могутъ напасть разбойники, съ нимъ можетъ случиться галлюцинація и т. п. И наоборотъ, сознательныя явленія находятся въ зависимости отъ чувствованій, ибо этимъ явленіямъ предшествуютъ безсознательные процессы: ощущенія, рефлексы и т. п.

Если мы пойдемъ далѣе и обратимся къ проявленіямъ воли, то мы увидимъ, что эти проявленія также находятся въ тѣсной связи съ чувствованіями и сознаніемъ; отчасти

---

[1]) Бэнъ, Психологія, с. 2 и сл.; Компейрэ, Психологія, с. 23—24; Ferri, Sociologie, p. 271 и друг.

[2]) Разборъ этихъ попытокъ см. у Компейрэ, Психологія, с. 23 и у Колоколова, Покушеніе, с. 2, 8 и сл.

это вытекаетъ изъ сказаннаго о мотиваціи, а кромѣ того, можно сослаться на многократныя научныя наблюденія, которыми установлено, что воля человѣка имѣетъ вліяніе на цѣлый рядъ его психическихъ процессовъ; она способствуетъ тому, что механически усваиваемыя впечатлѣнія, отразившись въ сознаніи, становятся ощущеніями; она, по признанію психологовъ, оказываетъ воздѣйствіе и на вниманіе, и на разсудочную дѣятельность.

При такомъ взаимодѣйствіи психическихъ силъ трудно утверждать, что мотивомъ въ какомъ либо случаѣ была голая идея; въ дѣятельности, вызванной идеей, отразилась вся психика. Поэтому, соглашаясь съ Шопенгауеромъ, что мотивація есть причинность, проходящая черезъ среду сознанія, мы прибавили бы къ этому опредѣленію дополнительный признакъ и сказали бы: *мотивація есть причинность, проходящая черезъ среду сознанія и приводящая къ извѣстному результату при содѣйствіи всей психики даннаго индивида.*

Заручившись этими данными, мы можемъ приступить къ разбору различныхъ опредѣленій термина „мотивъ" и къ установленію его правильнаго, на нашъ взглядъ, значенія. Здѣсь прежде всего мы встрѣчаемся съ распространенными опредѣленіями двоякаго рода: согласно однимъ, мотивомъ является представленіе о результатѣ, согласно другимъ — чувство, вызывающее такое представленіе или вызываемое имъ.

По словамъ первыхъ, мотивъ есть представленіе о цѣли. Всякая волевая дѣятельность вызывается представленіемъ о результатѣ, который намѣтилъ себѣ дѣятель; это представленіе является двигателемъ по отношенію къ волѣ дѣятеля; мы и называемъ его мотивомъ. [1]) Нѣкоторые при этомъ еще

[1]) Ortolan, Eléments, § 375; p. 157; H. Meyer, Lehrbuch, s. 207 и др.; ср. Liszt, Grundlagen, s. 483—484; Saleilles, Individualisation, p. 213—214. Листъ относитъ въ эту группу и Биндинга, но, какъ увидимъ далѣе, неправильно.

смѣшиваютъ мотивъ съ намѣреніемъ, разсматривая оба эти элемента, какъ представленіе о намѣченномъ результатѣ. Оставимъ пока послѣднихъ въ сторонѣ и посмотримъ, правильно ли самое опредѣленіе. Намъ кажется, что нѣтъ. На односторонность такого опредѣленія указывалъ еще Янка, по словамъ котораго „голое представленіе не можетъ повліять на дѣйствіе человѣка, пока оно не соединится съ ощущеніемъ или съ впечатлѣніемъ и не произведетъ такимъ образомъ воздѣйствія на нервные двигательные центры“. [1]) На основаніи уже разобранныхъ нами психологическихъ данныхъ мы можемъ утверждать, что мысль Янка, которую онъ самъ не подкрѣпилъ доказательствами, совершенно вѣрна. Такъ какъ нельзя себѣ представить лишеннаго цѣли дѣянія, которое совершено было бы нормальнымъ человѣкомъ, и такъ какъ, преслѣдуя своимъ дѣяніемъ извѣстную цѣль, человѣкъ не можетъ себѣ не представлять ея, то, слѣдовательно, представленіе о цѣли является однимъ изъ двигателей и входитъ въ понятіе мотива; но оно не можетъ исчерпать всего объема понятія „мотивъ“. Въ данномъ случаѣ нѣкоторые, напримѣръ Пржевальскій, говорятъ не о мотивѣ вообще, а о мотивѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. [2]) Мы вполнѣ согласны съ указаннымъ авторомъ, что понятіе, обыкновенно соединяемое съ такимъ опредѣленіемъ, можетъ и должно имѣть значеніе для уголовнаго права; но мы въ то же время думаемъ, что можно давать такое опредѣленіе мотиву лишь какъ приблизительное, безъ погони за точностью, въ тѣхъ случаяхъ, когда интеллектуальная сторона, элементъ идейный, въ томъ или иномъ случаѣ, отодвигая на второй планъ элементъ чувственный, приводитъ къ совершенію преступнаго дѣянія. Исчерпывающимъ же такое опредѣленіе при-

---

[1]) Janka, Oesterreichische Strafrecht, § 29—33.

[2]) Пржевальскій, Проэктъ, Ж. Ю. О., 1896, 12, с. 33; Garçon, Peines u. d. Превія, R. P. 1897, 1, p, 184.

знать нельзя; оно не охватываетъ тѣхъ, напримѣръ, случаевъ, гдѣ на первомъ планѣ, ослабляя силу логическаго процесса, хотя и не уничтожая ея, стоитъ чувство: взрывъ страсти, жгучее ощущеніе отъ полученнаго оскорбленія и т. п.; въ этихъ случаяхъ человѣкъ стремится реагировать и сознаетъ двигающіе имъ стимулы, цѣль же ему рисуется лишь туманно и неопредѣленно.

Поэтому, принять за общее родовое опредѣленіе мотива то, которое разумѣетъ подъ мотивомъ представленіе о результатѣ, едва ли удобно: оно невполнѣ точно, ибо беретъ одинъ лишь логическій моментъ, и затѣмъ оно не подходитъ ко многимъ случаямъ.

Сказанное относится и къ опредѣленіямъ тѣхъ криминалистовъ, которые смѣшиваютъ мотивъ съ намѣреніемъ, разсматривая оба эти элемента какъ представленіе о намѣченномъ результатѣ. Такъ, Röder говоритъ о политическихъ преступникахъ, дѣйствовавшихъ „съ хорошимъ намѣреніемъ", [1]) тогда какъ по смыслу его рѣчи видно, что здѣсь собственно подразумѣваются мотивы, а не намѣреніе; Neumond, говоря о необходимой оборонѣ, выдѣляетъ дѣянія, „мотивомъ которыхъ in concreto является причиненіе вреда извѣстному лицу (Motiv-die Verletzung einer bestimmten Person ist)" [2]); онъ, слѣдовательно, говоритъ о мотивѣ тамъ, гдѣ надо было бы говорить о намѣреніи: стремленіе принести вредъ не можетъ быть мотивомъ, ибо само оно можетъ быть вызываемо различными мотивами, которые и являются двигателями человѣка въ его стремленіи вредить; само же стремленіе такимъ двигателемъ отнюдь не является. Затѣмъ Граммъ, расширяя понятіе о мотивѣ, смѣшиваетъ его съ намѣреніемъ; онъ относитъ къ мотиву не только „побужденіе къ дѣйствію", но и „представленіе о совокупности средствъ, необходи-

---

[1]) См. у M. Sternau, Abschaffung, Z. 1893, 13, s. 22.
[2]) Neumond, Schutz, G. 1898, B. 56, s. 47 - 48.

мыхъ въ конкретномъ случаѣ для достиженія цѣли“ [1]), а Гарро такъ даже прямо опредѣляетъ мотивъ какъ „отдаленное намѣреніе“. [2]) Наконецъ, смѣшанный характеръ носитъ и опредѣленіе Вундта. Онъ различаетъ въ мотивѣ двѣ части: основаніе, которое складывается изъ представленій, и побужденіе, складывающееся изъ чувствованій; изъ примѣровъ, приводимыхъ Вундтомъ, видно, что его основаніе совпадаетъ съ тѣмъ, что юристы обыкновенно называютъ намѣреніемъ; такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: „Основаніями преступнаго убійства могутъ быть: присвоеніе чужаго имущества, устраненіе врага и т. д., побужденіями-чувствованія нужды, ненависти, зависти и т. п.“ [3]).

Для рѣшенія вопроса, правильны-ли приведенныя опредѣленія, мы должны обратиться къ ученію о субъективной виновности, въ область которой входятъ оба интересующіе насъ элемента: мотивъ и намѣреніе, причемъ послѣднее находится въ тѣсной связи съ третьимъ элементомъ субъективной виновности,—умысломъ.

Мы отмѣтимъ здѣсь лишь болѣе существенныя черты вопроса, который рисуется намъ въ такомъ видѣ: бываетъ преступная дѣятельность, при которой для признанія ея законченной не требуется наступленія извѣстнаго результата. Если, напримѣръ, я курю въ запрещенномъ мѣстѣ, если я отсутствую на посту, на которомъ я обязанъ находиться по роду моей службы или моихъ занятій, то въ этихъ случаяхъ, безотносительно отъ наступленія какого либо вреднаго результата, разъ дѣятельность виновнаго была сознательной, мы называемъ ее умышленной, говоримъ, что умыселъ-на лицо. Иначе обстоитъ дѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда признаніе дѣятельности преступною обусловливается наступле-

---

[1]) Gramm-Dahl. Motiv.

[2]) Garraud, Précis, p. 294; Traité, p. 378.

[3]) Вундтъ, Очеркъ, стр. 126.

ніемъ извѣстнаго результата; въ этихъ случаяхъ для признанія чьей либо дѣятельности умышленной, недостаточно ея сознательности: сознаніе у дѣятеля можетъ быть на лицо по отношенію къ самой дѣятельности и въ то же время его можетъ не быть по отношенію къ наступившимъ результатамъ. Примѣръ: я сознательно стрѣляю изъ ружья въ мишень, но, если вылетѣвшій изъ ружья тлѣющій пыжъ произведетъ пожаръ, то еще нельзя сказать, что я умышленно произвелъ поджогъ. Сама по себѣ дѣятельность была сознательной, но, разсматривая эту дѣятельность во всей ея цѣлостности, въ связи съ наступившимъ результатомъ, мы можемъ назвать ее умышленной лишь тогда, когда и преступный результатъ вытекалъ изъ сознанія и воли дѣятеля, когда дѣятель желалъ этого результата или по крайней мѣрѣ, какъ выразился профессоръ Кистяковскій, соизволялъ на него. Вотъ это желаніе или соизволеніе результата мы и называемъ намѣреніемъ; намѣреніемъ, относящимся къ результату, въ приведенныхъ случаяхъ долженъ осложниться умыселъ, относящійся къ дѣятельности, для того, чтобы всю дѣятельность въ совокупности можно было назвать умышленной. Итакъ, мы получили понятіе о намѣреніи; оно, какъ мы видѣли, есть элементъ болѣе интенсивный, чѣмъ голое представленіе о результатѣ [1]);

---

[1]) Примѣчаніе: въ своемъ опредѣленіи понятія „намѣреніе" мы до нѣкоторой степени сходимся съ Лукасомъ (Lucas, Verschuldung, s. 8–9), который въ свою очередь приближается ко взглядамъ на умыселъ и намѣреніе Бернера, Биндинга и Гельшнера. Но, въ отличіе отъ Лукаса, мы думаемъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда умыселъ осложненъ намѣреніемъ, оба эти элемента слѣдуетъ разсматривать нераздѣльно; они сливаются; если А. выстрѣлилъ въ Б., чтобы убить его, то и умыселъ, и намѣреніе А.. составляетъ смерть Б. Лукасъ же, искусственно расчленяя выразившееся въ единомъ фактѣ субъективное отношеніе А. къ его дѣянію, говоритъ, что намѣреніе А.—смерть Б., а умыселъ направленъ на то, чтобы выстрѣлъ попалъ въ Б. Повидимому ближе къ вѣрному пониманію стоитъ Бернеръ (Imputationslehre, s. 226): „когда кто либо имѣетъ *умыселъ* перерѣзать горло Гаю, то сущность задуманнаго заключается въ *намѣреніи* убить Гая. Ср. Есиповъ, Очеркъ, стр. 189–190; Janka, Strafrecht, s. 30—32.

поэтому понятія „намѣреніе“ и „мотивъ“ не совпадутъ даже и въ томъ случаѣ, если понимать подъ послѣднимъ представленіе о результатѣ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые криминалисты, опредѣленія которыхъ уже разсмотрѣны нами выше. Но и помимо этого, отождествленіе намѣренія и мотива не можетъ быть правильнымъ уже потому, что намѣреніе знаменуетъ собою уже сложившійся волевой актъ, тогда какъ мотивъ начинаетъ собою этотъ актъ, составляя, какъ мы видѣли въ ученіи о мотиваціи, одно изъ первоначальныхъ его звеньевъ.

Сознавая такую разницу, нѣкоторые писатели говорятъ, что мотивъ есть *отдаленное* намѣреніе или *непрямое* намѣреніе [1]). Но это опредѣленіе только еще болѣе запутываетъ вопросъ; приведенныя ранѣе возраженія и въ этомъ случаѣ сохраняютъ свою силу, а прибавка къ слову „намѣреніе“ слова „отдаленное“ или „непрямое“ искомаго понятія благодаря своей полной неопредѣленности не уясняетъ. А между тѣмъ такое смѣшеніе понятій нерѣдко отражается и на законодательствѣ; напримѣръ, германское уложеніе нерѣдко, говоря о намѣреніи, подразумѣваетъ мотивъ, а также смѣшиваетъ эти понятія; такъ, въ объясненіяхъ къ ст. 167 проэкта (ст. 169 кодекса) сказано: „проэктъ различаетъ... возникло ли данное дѣяніе изъ корыстнаго *намѣренія* или изъ другихъ *мотивовъ* и, сообразно съ этимъ различіемъ, нормируетъ родъ и мѣру наказанія“ [2]).

Итакъ, въ интересахъ точности опредѣленія, мы не можемъ остановиться на тѣхъ толкованіяхъ понятія „мотивъ“, которыя нами выше разобраны. Обратимся ко второй категоріи опредѣленій, которая беретъ иной исходный пунктъ. Вмѣсто того, чтобы исходить въ опредѣленіи отъ интеллек-

---

[1]) Напримѣръ, Garraud, Précis, p. 299, Traité, p. 378.

[2]) Birkmeyer, G. Absicht, H. R., s. 181—182.

туальнаго момента, стараются захватить вопросъ глубже и разсуждаютъ такимъ образомъ; для того, чтобы представленіе о цѣли могло дѣйствительно подвинуть человѣка на преступленіе, необходимо, чтобы это представленіе затронуло соотвѣтствующія струны въ области нашихъ чувствъ, чтобы оно разбудило какую либо дремлющую склонность, потребность или страсть; послѣднія и являются истинными двигателями человѣка, мотивами его дѣянія. Представленіе о результатѣ является такимъ образомъ какъ бы внѣшнимъ толчкомъ по отношенію къ внутренней силѣ, и вотъ, вмѣсто того, чтобы говорить о толчкѣ, говорятъ о самой силѣ, опредѣляя мотивъ какъ влеченіе, какъ проявленіе чувства.

Такъ, Биндингъ говоритъ: „То, что побуждаетъ насъ къ дѣянію или задерживаетъ наше рѣшеніе совершить его,— есть всегда какое либо чувство. Это чувство возбуждается представленіемъ о гармоніи или дисгармоніи намѣченнаго дѣянія съ нашей сущностью (Wesen)... въ насъ побѣждаетъ то чувствованіе, которое по нашему представленію наиболѣе соотвѣтствуетъ нашему „я“ (Sein)... оно становится для насъ мотивомъ по отношенію къ тѣмъ дѣяніямъ, представленіе о которыхъ возбуждаетъ въ насъ относительно пріятнѣйшее ощущеніе“.[1]) Далѣе, Фульдъ опредѣляетъ мотивъ какъ „побуждающую волю наклонность“,[2]) Hundhausen—какъ „внутреннее побужденіе, связанное съ внѣшнимъ поводомъ“, причемъ изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что онъ имѣетъ въ виду чувство,[3]) и т. п.

Присматриваясь къ такого рода опредѣленіямъ, сперва необходимо выдѣлить изъ нихъ и отвергнуть тѣ частичные признаки, которые не подойдутъ ко всѣмъ случаямъ моти-

---

[1]) Binding, Normen, 2, s. 8.

[2]) Fuld, Motiv, G. A., 1883, 31, s. 321; cp. Schütze, Lehrbuch, § 39, s. 117

[3]) Hundhausen, Motiv, s. 3; cp. Liszt, Grundlagen, s. 486; Saleilles, Individualisation, p. 216—217.

ваціи, т. е. не годятся для родоваго опредѣленія. Первымъ изъ такихъ признаковъ является „внѣшній толчекъ", „внѣшній побудъ или поводъ" (Hundhausen). Несомнѣнно, что волевой процессъ очень часто возбуждается благодаря внѣшнему толчку, но послѣдній отнюдь не является необходимымъ. Какъ справедливо замѣтилъ проф. Еспповъ, „мотивъ... можетъ быть порожденъ внѣшними условіями среды и ихъ воздѣйствіемъ на внутренній міръ человѣка, но можетъ происходить и непосредственно изъ внутренняго міра человѣка" [1]), изъ этого внутренняго резервуара энергіи. Поэтому разбираемый признакъ, вѣрный для отдѣльныхъ случаевъ, долженъ быть исключенъ, если мы хотимъ найти общее опредѣленіе мотива. Пойдемъ далѣе; мотивъ опредѣляютъ какъ чувство или склонность; но всякое ли чувство или склонность можетъ быть мотивомъ? Какъ мы знаемъ уже, мотивація—это высшее проявленіе закона причинности, почти незнакомое нисшимъ организмамъ, которымъ тѣмъ не менѣе присущи чувственныя влеченія. Поэтому, говоря о чувствахъ, какъ о мотивахъ человѣка, необходимо помнить, что „взрослый и нормальный человѣкъ обладаетъ совокупностью наклонностей и чувствъ не въ смыслѣ звѣрскихъ инстинктовъ" [2]), а въ смыслѣ желаній, освѣщаемыхъ сознательнымъ процессомъ. Если чувство дѣйствуетъ какъ стихія, совершенно помрачая сознаніе, то мы, какъ по началамъ теоріи, такъ и по началамъ положительнаго права, не признаемъ въ такихъ случаяхъ разумнаго поступка, не признаемъ и мотиваціи. Отсюда вытекаетъ, что мотивомъ можетъ быть не всякое чувство вообще, а лишь чувство, движущее человѣкомъ въ его сознательной дѣятельности, т. е., чтобы быть точнымъ, нужно, говоря о моментѣ чувства, брать его въ связи съ моментомъ интеллектуальнымъ. При

[1]) Еспиовъ, Очеркъ, стр. 189—190; ср. Кавелинъ, Задачи эт., стр. 35.
[2]) Kraus, Motiv, Z. 1897, B. 17, s. 469.

такой постановкѣ вопроса, приведенное опредѣленіе („мотивъ есть чувство и т. д.“) несомнѣнно будетъ вѣрнымъ для цѣлаго ряда случаевъ; но и оно не можетъ быть признано всеобъемлющимъ. Мы уже видѣли ранѣе, что интеллектуальная сторона, элементъ идейный, можетъ отодвигать на второй планъ элементъ чувственный. Предположимъ, что у человѣка заговорила какая либо идея; для того, чтобы вызвать волевой актъ и проявиться въ какомъ либо дѣйствіи, она необходимо должна затронуть область его чувствъ; говоря другими словами, элементъ интеллектуальный проявляется въ связи съ элементами чувствъ. Но мы въ этихъ случаяхъ не имѣемъ никакого права переносить центръ тяжести съ перваго на послѣдніе и такимъ образомъ какъ бы отказывать идеямъ во внутренней потенціальности и отрицать тотъ фактъ, что идея можетъ сыграть доминирующую роль въ волевомъ процессѣ. Мы говорили въ своемъ мѣстѣ, что мотивъ нельзя разсматривать какъ элементъ исключительно интеллектуальный, но въ связи съ элементами чувствъ идея можетъ являться и является мотивомъ. У однихъ людей разсудочная дѣятельность беретъ перевѣсъ надъ чувственными влеченіями и держитъ послѣднія въ строгой уздѣ; у этихъ людей въ мотиваціи преобладаетъ идейный элементъ, а у другихъ наоборотъ. И тамъ, и тутъ психическій процессъ является сложнымъ, но въ немъ тѣмъ не менѣе всегда можно установить преобладаніе одного изъ указанныхъ элементовъ.

Итакъ, ни идея безъ связи съ чувствами, ни влеченіе или чувство безъ связи съ интеллектуальнымъ моментомъ — не могутъ быть мотивами; но доминирующую роль въ однихъ случаяхъ играетъ первый изъ указанныхъ элементовъ, а въ другихъ — второй. Для краткости мы можемъ указать поэтому на этотъ преобладающій элементъ, какъ на мотивъ; сказать, напримѣръ, что въ такомъ то дѣяніи мотивомъ

было сознаніе долга, а въ такомъ то-чувство ревности, но мы должны помнить, что полное опредѣленіе должно бы гласить въ первомъ случаѣ о сознаніи долга, прочувствованномъ даннымъ индивидомъ, а во второмъ—о чувствѣ ревности, имъ сознанномъ. Для общаго же опредѣленія мотива мы поэтому не воспользуемся ни первой, ни второй изъ разсмотрѣнныхъ формулъ, предложенныхъ разными криминалистами: ни та, ни другая не обнимаетъ всѣхъ относящихся къ вопросу случаевъ, хотя въ то же время, съ извѣстными оговорками, первая формула подойдетъ къ однимъ случаямъ, а вторая—къ другимъ. Для большей точности опредѣленія мы начнемъ съ буквальнаго смысла термина „мотивъ".

Несомнѣнно происходя отъ латинскаго moveo (motum), слово „мотивъ" должно въ дословной передачѣ значить „двигатель", т. е. то, что движетъ, приводитъ въ движеніе. Такой смыслъ обыкновенно придаетъ этому термину и психологія, которая подразумѣваетъ подъ мотивомъ движущую силу, но, правда, силу, отличающуюся извѣстными особенностями; объ этихъ особенностяхъ мы упомянемъ потому, что не всякая движущая сила можетъ быть названа мотивомъ; родовое названіе для движущей силы вообще есть моторъ (психо-моторные, бензино-моторные и т. д.); для понятія же „мотивъ" нужно указать нѣкоторые дополнительные признаки. Первый изъ этихъ признаковъ мы уже знаемъ; мотивъ можетъ имѣть мѣсто лишь тамъ, гдѣ есть налицо *сознательная дѣятельность*; ибо, какъ мы видѣли въ ученіи о мотиваціи, когда рѣчь идетъ о безсознательныхъ процессахъ, то можно говорить о причинности, о раздраженіи, но не о мотивахъ, а затѣмъ тамъ, гдѣ нѣтъ дѣятельности, внутренній процессъ мотиваціи останется скрытымъ и мотива нельзя будетъ найти.

Но и тогда, когда есть на лицо дѣятельность, мы можемъ

установить только тотъ мотивъ, который привелъ къ этой дѣятельности. Дѣятельности могла предшествовать борьба мотивовъ; одинъ изъ нихъ побѣдилъ; спрашивается, можемъ ли мы признать и побѣжденные мотивы-истинными мотивами? Съ абстрактной точки зрѣнія — да; всякое понятіе, отвѣчающее установленнымъ для мотива признакамъ, есть мотивъ. Но, если мы примемъ во вниманіе, что мотивы побѣжденные ничѣмъ не выражаются во внѣ, а потому остаются скрытыми, [1]) то мы можемъ съ ними и не считаться, устанавливая понятіе „мотивъ" съ цѣлями не абстрактными, а прикладными. Поэтому, какъ для психологіи, такъ и для уголовнаго права не будетъ никакого ущерба, если мы будемъ имѣть въ виду только мотивы распознаваемые, выразившіеся во внѣ, т. е. породившіе какое либо дѣйствіе.

Далѣе, переходя къ вопросу о содержаніи силы, именуемой мотивомъ, мы должны сказать, что это содержаніе единообразіемъ не отличается; мы знаемъ уже, что въ однихъ случаяхъ преобладаетъ элементъ чувства, въ другихъ – интеллекта, что на основаніи такого преобладанія мы и говоримъ въ первомъ случаѣ о мотивѣ, какъ о чувствѣ, а во второмъ — о мотивѣ, какъ идеѣ, но говоримъ лишь приблизительно, для краткости, чтобы не повторяться; слишкомъ долго было бы, если бы мы въ дальнѣйшемъ изложеніи, при разборѣ кодексовъ, каждый разъ повторяли бы: здѣсь мотивъ ревность, но не это чувство само по себѣ, а чувство, сознаваемое индивидомъ, тутъ мотивъ алчность, но не это чувство само по себѣ, а чувство, сознаваемое индивидомъ, тамъ мотивъ — идея долга, но не сама по себѣ, а въ связи съ чувствами, ею затрагиваемыми и т. д., и т. д. Всѣ эти осложняющіе признаки мы внесемъ въ общее родовое опредѣленіе мотива, но въ отдѣльныхъ случаяхъ мы будемъ ихъ

---

[1]) Ср. Wahlberg, Individualisirung, s. 69.

лишь подразумѣвать, а называть мотивомъ будемъ элементъ преобладающій.

Что же касается общаго родоваго опредѣленія мотива, то, въ виду указаннаго разнообразія силъ, являющихся мотивами, мы не будемъ вносить въ общее опредѣленіе упоминанія о качествѣ этихъ силъ; благодаря обратному образу дѣйствій и получилась односторонность выше разобранныхъ нами теорій.

О силѣ, являющейся мотивомъ, мы можемъ лишь сказать, что она непремѣнно должна быть силой внутренней. Необходимо отличать сознательную дѣятельность отъ безсознательной; первая не можетъ быть создана однимъ внѣшнимъ толчкомъ; разъ толчекъ на лицо, то необходимо, чтобы онъ вызвалъ сознательный волевой процессъ, чтобы онъ затронулъ тѣ внутреннія струны въ человѣкѣ, которыя вызовутъ аккордъ-дѣйствіе и такимъ образомъ явятся истинными мотивами. Теперь, сводя воедино всѣ ранѣе разсмотрѣнные нами признаки, мы приходимъ къ слѣдующему общему опредѣленію мотива: *мотивъ есть внутренняя сила, которая, порождая волевой процессъ, движетъ индивидомъ въ его сознательной дѣятельности и приводитъ при содѣйствіи всей его психики къ результатамъ, проявляющимся во внѣ.*

Сходныя по существу опредѣленія мы находимъ и у другихъ криминалистовъ; одни формулируютъ свои опредѣленія короче, выпуская многіе признаки; другіе выражаются иначе въ смыслѣ формы; третьи болѣе оперируютъ съ примѣрами, чѣмъ съ опредѣленіями; но, повторяю, по существу, по духу, многіе криминалисты смотрятъ на мотивъ сходно съ нами.

Такъ, Риго опредѣляетъ мотивъ, какъ импульсивную причину, детерминирующую дѣйствіе („la cause impulsive déterminante de l'acte“) и говоритъ, что, имѣя на лицо преступленіе и желая узнать его мотивъ, надо найти, поче-

му оно произошло (rechercher le pourquoi) [1]); далѣе, по мнѣнію Kraus'а, „важнѣйшее значеніе слова „мотивъ“ то, которое подъ мотивомъ понимаетъ движущую силу, движущую основу, сознательную причину желанія совершить дѣяніе или бездѣйствіе; такой же взглядъ проводитъ и психологія, когда она говоритъ о мотивѣ, детерминирующемъ волю“ [2]).

Липманъ признаетъ мотивами тѣ психическія явленія (относя сюда и чувства), которыя воздѣйствовали въ сознаніи дѣйствующаго лица на его волевую дѣятельность, приведшую къ совершенію преступленія [3]). Также и Ferri, возражая Fioretti, говоритъ, что слишкомъ узко понимаютъ мотивъ тѣ, которые берутъ его лишь какъ элементъ интеллектуальный (élément cogitatif synonime de raisonement); Ferri относитъ къ мотивамъ и чувства, которыя „даже болѣе важны, чѣмъ идеи, ибо всякій человѣкъ чаще дѣйствуетъ, слѣдуя тому, что онъ чувствуетъ, нежели тому, что онъ думаетъ“. Н ряду съ этимъ, Ferri не упускаетъ изъ виду и взаимодѣйствія психическихъ силъ, „дѣйствующихъ каждое мгновеніе въ раздумывающемъ субъектѣ“ [4]). Затѣмъ Гельшнеръ, опредѣляя мотивъ какъ „силу, приводящую въ движеніе волю“, имѣетъ въ виду и элементъ логическій, упоминая о психическихъ предыдущихъ, изъ которыхъ возникаетъ мотивирующее волю представленіе, и элементъ чувствъ, упоминая о страсти и другихъ чувствахъ и проявленіяхъ установившихся въ характерѣ наклонностей [5]). Равнымъ образомъ и Holtzendorff [6]) называетъ мотивомъ „первоначальный корень въ

---

[1]) Rigaud, Motiv, p. 9; ср. Фойницкій, Курсъ, II, стр. 284, 287.

[2]) Kraus, Motiv, Z. 1897, B. 17, s.468.

[3]) Liepmann, изъ лекцій, читанныхъ въ Галле въ 1898 году; ср. Liepmann, Grundlagen, Z. B. 14, s. 448.

[4]) Ferri, Sociologie, p. 413, 416.

[5]) Hälschner, Strafrecht, s. 512, 516, 521; ср. Wahlberg, Individualisirung, s. 69, 104.

[6]) Holtzendorff, Psychologie д. M., s. 12; Verbrechen д. M., s. 72.

исторіи внутренняго возникновенія преступленія", причемъ какъ о мотивахъ говоритъ съ одной стороны о честолюбіи и энтузіазмѣ, а съ другой—о сознаніи долга и религіозномъ убѣжденіи, т. е. относитъ сюда и моментъ интеллектуальный, и моментъ чувствъ, только къ сожалѣнію, не упоминая прямо (какъ и Гельшнеръ) о содѣйствіи всей психики индивида. Наконецъ, сюда примыкаютъ по существу своихъ опредѣленій Weinrich, Есиповъ и Владиміровъ, хотя ихъ опредѣленія являются крайне неполными, ибо Владиміровъ опредѣляетъ мотивъ какъ „внутреннее побужденіе", Есиповъ—какъ „стимулъ побуждающей дѣятельности, а Weinrich—какъ „внутреннюю причину дѣянія" [1]). Основная мысль этихъ опредѣленій сходится съ нашей; она только недостаточно развита и выяснена.

Мы видимъ теперь, что проф. Вульфертъ едва ли былъ правъ, утверждая, какъ мы выше видѣли, что понятіе „мотивъ" опредѣленностью не обладаетъ; разнообразныя свойства силъ, которыя могутъ входить въ это понятіе, не отнимаютъ тѣмъ не менѣе у изслѣдователя возможности подмѣтить общіе признаки, свойственные этимъ силамъ, систематизировать ихъ и такимъ путемъ получить вполнѣ опредѣленное искомое понятіе. Тогда неопредѣленность силъ, не соотвѣтствующихъ этому понятію, насъ уже смущать не можетъ; силы же соотвѣтствующія будутъ отвѣчать извѣстнымъ общимъ требованіямъ, а потому неопредѣленности породить не могутъ.

Но изложенными соображеніями вопросъ о томъ, что считать мотивомъ, не исчерпывается. Существуетъ еще одна теорія, которая идетъ въ разрѣзъ съ пониманіемъ мотива въ психологіи и хочетъ конструировать это понятіе совершенно своеобразно для цѣлей уголовнаго права. Уже a priori

---

[1]) Weinrich, Strafrecht, Z. B. 17, s. 852; Есиповъ, Очеркъ, стр. 189; Владиміровъ, Учебникъ, стр. 88.

противъ этой теоріи говоритъ то соображеніе, что ея исходный пунктъ страдаетъ искусственностью: то, что она хочетъ понимать подъ мотивомъ, можетъ быть весьма полезнымъ для уголовнаго права, но отсюда еще не вытекаетъ полномочія искажать значеніе термина, уже получившаго право гражданства въ другихъ наукахъ. Вызываетъ, далѣе, сомнѣнія эта теорія и по существу. Сторонники ея, Листъ и Салейль, говорятъ, что подъ мотивомъ нужно понимать саму психическую индивидуальность дѣятеля (Eigenart, la qualité essentielle de l'individualité psychologique); при этомъ Листъ имѣетъ въ виду эту индивидуальность, поскольку ею „при воздѣйствіи внѣшнихъ побужденій опредѣляется преступное поведеніе субъекта“, [1]) а Салейль говоритъ о той сторонѣ индивидуальности, „удовлетвореніе которой являлось конечной цѣлью совершеннаго преступленія“.

Такого рода оговорки являются весьма существенными и, какъ увидимъ далѣе, совершенно измѣняютъ характеръ самого основнаго положенія, но мы прежде всего должны считаться съ этимъ послѣднимъ. Психическая индивидуальность—это ничто иное какъ самъ субъектъ. Спрашивается, можно ли отождествлять мотивъ преступленія съ субъектомъ этого послѣдняго? Мы глубоко убѣждены, что нельзя.

Если бы даннаго субъекта не существовало, то не существовало бы и преступленія; если бы данный субъектъ былъ другимъ, то другимъ явилось бы его дѣяніе; эти положенія безспорны, но они недоказываютъ справедливости оспариваемаго опредѣленія. Еще грамматика учитъ насъ различать подлежащее отъ обстоятельства причины; подлежащее отвѣчаетъ на вопросъ, кто? Въ области преступленія этимъ подлежащимъ будетъ личность преступника въ ея цѣломъ. Обстоятельство при-

---

[1]) Liszt, Grundlagen, Z. 1896, B. 16, s. 487.

[2]) Saleilles, Individualisation, p. 223.

чины отвѣчаетъ на вопросъ, почему? Въ области конкретнаго преступнаго факта этимъ обстоятельствомъ будетъ мотивъ преступленія, т. е. сила, приведшая субъекта къ преступленію, а не самъ субъектъ; точно также въ области преступности вообще этимъ обстоятельствомъ явится сумма факторовъ преступности, но никакъ не сумма всѣхъ преступниковъ. Да и личность преступника въ ея цѣломъ уже потому не можетъ быть разсматриваема какъ мотивъ преступленія, что въ послѣднемъ могутъ отразиться лишь ея отдѣльныя стороны.

Намъ могутъ возразить, что мы напрасно останавливаемся на разборѣ положенія въ чистомъ видѣ, разъ его защищаютъ лишь съ оговорками. На это мы отвѣтимъ, что, во-первыхъ, оговорки, дѣлаемыя Листомъ и Салейлемъ, не уничтожаютъ перваго родового признака, которымъ смѣшивается субъектъ и мотивъ, а, во-вторыхъ, не провѣривъ исходнаго пункта чужого опредѣленія, трудно критиковать это опредѣленіе въ его цѣломъ. Поэтому мы и указываемъ, что, хотя безъ содѣйствія психики индивида дѣянія не получится, но отсюда еще не слѣдуетъ, что силу, движущую въ сферѣ психики при содѣйствіи этой послѣдней, можно отождествлять съ самой психикой, т. е. смѣшивать элементъ временный (проявленіе) съ элементомъ постояннымъ (личностью).

Теперь мы можемъ перейти къ оговоркамъ, къ которымъ прибѣгаютъ защитники оспариваемаго опредѣленія. Листъ признаетъ мотивомъ психическую индивидуальность не цѣликомъ, а лишь постольку, поскольку ею было опредѣлено преступное поведеніе субъекта. Мы думаемъ, что такимъ образомъ понятіе „мотивъ" не только не выясняется, а даже становится совершенно шаткимъ и неопредѣленнымъ. Какъ рѣшить въ отдѣльномъ случаѣ, хотя бы и приблизительно, *поскольку* психикою было опрдѣлено совершеніе извѣстнаго

дѣянія? Какими данными мы будемъ при этомъ руководствоваться, и гдѣ тѣ ясные отчетливые признаки, которыми могъ бы воспользоваться юристъ, прилагая такое опредѣленіе къ практикѣ? Отвѣта на поставленные вопросы мы не находимъ. Если же для рѣшенія вопроса мы будемъ искать ту силу, которая вызвала дѣяніе въ конкретномъ случаѣ, то мы уклонимся съ пути, указываемаго разбираемымъ опредѣленіемъ, и перейдемъ на путь, по которому должно идти съ точки зрѣнія нашего опредѣленія, во многомъ несходнаго съ оспариваемымъ.

Салейль даетъ формулу, нѣсколько отличающуюся отъ формулы Листа. Онъ признаетъ мотивомъ то „основное качество (la qualité essentielle) психической индивидуальности, удовлетвореніе котораго составляло финальную цѣль осуществленнаго преступленія". Но вѣдь дѣяніе человѣка далеко не всегда является средствомъ удовлетворенія какого либо основнаго качества, т. е. какой либо изъ существенныхъ склонностей, коренящихся въ характерѣ индивида. Какъ справедливо указалъ Липманъ, дѣянія могутъ возникать изъ мотивовъ, которые можно назвать случайными: изъ моментальной вспышки чувствъ, напримѣръ; въ этомъ случаѣ воздѣйствовавшіе на волю мотивы вовсе не являются характеризующими наше „я", какъ личность [1]). Отсюда слѣдуетъ, что, создавая общее опредѣленіе мотива, нельзя, какъ это дѣлаютъ Листъ и Салейль, вводить въ него какъ основной и постоянный элементъ индивидуальность преступника. Недаромъ самъ Листъ, во-первыхъ, не находитъ возможнымъ вполнѣ удовлетвориться своимъ опредѣленіемъ, а, во-вторыхъ, въ своей же собственной классификаціи мотивовъ имѣетъ въ виду и такіе случаи, которые не соотвѣтствуютъ данному имъ опредѣленію.

---

[1]) Liepmann, Grundlagen, Z. B. XIV, s. 449.

Если же мы прослѣдимъ, по какому пути Листъ (а за нимъ и Салейль) пришелъ къ этому опредѣленію, то окажется, что оно отчасти явилось результатомъ одного невѣрнаго положенія. Листъ говоритъ: „Когда, напримѣръ, какъ мотивъ подлога разсматриваютъ корыстолюбіе, то вмѣстѣ съ тѣмъ переносятъ центръ тяжести съ отдѣльнаго представленія, возбуждающаго корыстное стремленіе къ достиженію чего либо, на психическую индивидуальность дѣятеля“. Послѣднюю, думаетъ онъ, имѣютъ въ виду, можетъ быть и безсознательно, и тѣ, которые „говорятъ о настроеніи (Gesinnung) дѣятеля, настроеніи, изъ котораго дѣяніе возникло, и которое, въ силу этого, отражается въ дѣяніи“ [1]). Спрашивается, можно ли на основаніи этихъ соображеній создать то общее опредѣленіе мотива, которое дано Листомъ? Мы думаемъ, что нѣтъ. Листъ взялъ примѣръ такого рода, гдѣ, выражаясь терминомъ Липмана, мотивъ является характернымъ, типичнымъ для индивида, т. е. относится къ категоріи тѣхъ мотивовъ, которые „обязаны своимъ существованіемъ не какому либо внезапному чувству, несродному съ общимъ содержаніемъ (Inhalt) нашихъ чувствъ“ [2]), чуждому нашей личности, какъ опредѣленному цѣлому, а болѣе или менѣе постояннымъ свойствамъ этой личности. Обобщая данныя, подходящія къ этому примѣру, Листъ и перешелъ отъ конкретной силы, вызвавшей дѣяніе, къ самой индивидуальности, тогда какъ такой переходъ оказался бы сразу же невозможнымъ, если бы онъ принялъ во вниманіе и мотивы случайные. Да и при мотивахъ типичныхъ нельзя вполнѣ согласиться съ опредѣленіемъ Листа: и въ приведенномъ имъ примѣрѣ нельзя говорить объ индивидуальности преступника вообще; одною стороною еще не характеризуется вся личность, слѣ-

---

[1]) Liszt, Grundlagen, Z. B. XVI, s. 487, 489; въ его классификаціи ср. и V, s. 490, 492.

[2]) Liepmann, Grundlagen, Z. B. XIV, s. 449

довательно, когда говорятъ объ этой сторонѣ (въ данномъ примѣрѣ—о корыстолюбіи), то этимъ еще вовсе не переносятъ центра тяжести на психическую индивидуальность дѣятеля въ ея цѣломъ. Если же и здѣсь Листъ имѣлъ въ виду психическую индивидуальность не цѣликомъ, а лишь „*поскольку* ею опредѣлено преступное поведеніе индивида“, то, кромѣ уже ранѣе сдѣланнаго возраженія о неопредѣленности и непригодности такого количественнаго масштаба, мы можемъ указать и на то, что и въ приведенномъ имъ примѣрѣ мотивомъ является не часть или сторона индивидуальности *сама по себѣ*, а *ея проявленіе* въ видѣ сознаваемаго субъектомъ чувства; послѣднее было бы мотивомъ и въ томъ случаѣ, когда бы оно съ индивидуальностью преступника дисгармонировало.

Далѣе, Листъ думаетъ, что тѣ, которые говорятъ о настроеніи преступника (Gesinnung) имѣютъ въ виду индивидуальность преступника; но мы и съ этимъ толкованіемъ согласиться не можемъ. Болѣе подробно говоритъ о настроеніи изъ нѣмецкихъ криминалистовъ van Calker, но послѣдній отнюдь не смѣшиваетъ мотива съ индивидуальностью преступника; настроеніе онъ опредѣляетъ какъ „Inbegriff мотивовъ“; если же, при разборѣ германскаго законодательства, Calker и употребляетъ, какъ равнозначущіе, термины „мотивъ“ и „настроеніе“, то онъ дѣлаетъ такъ потому, что беретъ не настроеніе преступника вообще, а настроеніе, отразившееся въ конкретномъ дѣяніи, силу, вызвавшую это дѣяніе, т. е. то, что разумѣемъ подъ мотивомъ мы; van Calker руководствуется въ такомъ пониманіи тѣмъ справедливымъ соображеніемъ, что „законодатель, говоря о настроеніи преступника, несомнѣнно имѣетъ въ виду, чтобы судъ принялъ во вниманіе мотивъ, опредѣлившій данное конкретное дѣяніе“ [1]).

---

[1]) Calker, Strafrecht, s. 23, 25; ср. 32.

Итакъ, съ попыткою расширить понятіе мотива за тѣ предѣлы, въ рамкахъ которыхъ говоритъ о мотивѣ психологія, мы согласиться не можемъ по соображеніямъ теоретическаго характера, но существуютъ и важныя, связанныя съ ней, неудобства практическаго свойства. Возьмемъ, напримѣръ, преступника рецидивиста-вора; онъ много разъ судился за кражи, совершенныя внѣ смягчающихъ обстоятельствъ, по лѣни и отвращенію къ правильному труду, такъ что индивидуальность его рисуется въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Предположимъ, далѣе, что онъ снова совершилъ кражу, но на сей разъ потому (какъ это твердо установлено на судѣ), что онъ хотѣлъ помочь голодному и больному товарищу, а работы при всемъ стараніи не нашелъ. Съ нашей точки зрѣнія, мотивъ даннаго преступленія чисто альтруистическій; мотивомъ является чувство любви къ ближнему, выразившееся въ сознательной дѣятельности виновнаго и бросающее благопріятный свѣтъ на его дѣяніе. Если же мы будемъ понимать подъ мотивомъ „индивидуальность преступника, поскольку она отразилась въ дѣяніи“, то вопросъ о мотивѣ явится трудно разрѣшимымъ, ибо мы будемъ имѣть дѣло со скверной индивидуальностью, хорошо отразившеюся; индивидуальность здѣсь одного свойства, а мотивъ—другаго; отождествляя эти два понятія, мы придемъ къ бросающейся въ глаза несообразности.

Въ виду изложеннаго, мы остаемся при своемъ прежнемъ пониманіи мотива и сдѣлаемъ только испытаніе практической пригодности такого пониманія. Случаи простые, гдѣ мы видимъ, что порожденный извѣстной внутренней силою волевой актъ непосредственно выразился въ опредѣленномъ дѣяніи,—не представляютъ затрудненія; таковы, напримѣръ, убійство изъ ревности, поджогъ изъ мести, совращеніе кого либо, сдѣланное въ силу горячаго религіознаго убѣжденія и т. п. Такъ, если мы имѣемъ передъ собой случай, когда кто

либо убиваетъ другое лицо, чтобы завладѣть его деньгами, мы должны опредѣлить, чѣмъ было вызвано желаніе имѣть деньги; въ зависимости отъ того, какая сила вызвала это желаніе и такимъ образомъ натолкнула виновнаго на путь убійства, мы и скажемъ, что мотивомъ была корысть, была идея несправедливости существующаго распредѣленія богатствъ, любовь къ близкимъ, находящимся въ крайней нуждѣ и т. п.

Но бываютъ и случаи болѣе сложные, на анализѣ которыхъ необходимо остановиться; главнымъ образомъ это тѣ случаи, гдѣ или цѣль не даетъ еще яснаго представленія о мотивѣ, или между мотивомъ и дѣяніемъ стоитъ не одно волепіе, а цѣлая цѣпь воленій. Разсмотримъ эти случаи по порядку.

Интересный примѣръ перваго рода мы находимъ у Салейля [1]). Кассиръ совершаетъ похищеніе изъ кассы извѣстной суммы денегъ, чтобы заплатить свои долги по игрѣ. Цѣль его преступленія,—уплата карточнаго долга, по знанія этой цѣли еще недостаточно для того, чтобы найти мотивъ преступленія. Чтобы объяснить и освѣтить это послѣднее, мы должны узнать, почему виновный хотѣлъ уплатить этотъ долгъ и почему для уплаты онъ избралъ преступный путь; мы должны найти причину дѣянія, ту силу внутри виновнаго, которая направила волевой актъ въ данную сторону. Въ дѣлѣ такого рода, при разборѣ его на судѣ, могутъ быть открыты особыя обстоятельства, которыя могутъ повліять и на рѣшеніе вопроса о мотивѣ; но, рѣшая вопросъ въ предѣлахъ изложенныхъ данныхъ, мы должны прежде всего сказать, что какого либо идейнаго двигателя (понимая, какъ мы дѣлали это и раньше, подъ идеей силу, господствующую надъ чувственными влеченіями и оттѣсняющую ихъ на второй планъ)—мы здѣсь не находимъ. Мы отказываемся также признать моти-

[1]) Saleilles, Individualisation, p. 214—215.

вомъ даннаго дѣянія сознаніе, что это долгъ чести, и чувство глубокаго уваженія къ этому долгу: настоящаго уваженія не было, ибо, идя безчестнымъ путемъ, человѣкъ такое уваженіе подрываетъ. Вѣроятнымъ мотивомъ является здѣсь сила мелкая, эгоистическая: или трусость передъ тѣмъ, что скажутъ, — „вотъ человѣкъ, не заплатившій карточнаго долга", или ложный стыдъ (мы говоримъ—ложный потому, что нельзя же признать истиннаго стыда въ томъ случаѣ, когда виновный стыдился неуплаты карточнаго долга и не стыдился совершенія растраты) и т. д.

Но приведенный примѣръ можетъ быть усложненъ и представленъ въ нѣсколько иномъ видѣ и тогда онъ будетъ типичнымъ для второй категоріи, выше нами указанной,— когда между мотивомъ и дѣяніемъ стоитъ цѣпь промежуточныхъ воленій. Мы брали кассира лишь съ момента совершенія имъ преступленія, признавая предыдущіе моменты безразличными, какъ это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда кассиръ началъ играть безъ какихъ либо особыхъ побужденій, а просто для препровожденія времени; но представимъ себѣ картину иначе, напримѣръ, такъ: у кассира, получающаго весьма скромное жалованье, опасно заболѣваетъ мать; его просьбы у начальства о пособіи не встрѣчаютъ удовлетворенія, а между тѣмъ требуются дорого стоющія лекарства и доктора прямо говорятъ, что для спасенія жизни горячо любимой кассиромъ больной, ее необходимо отправить на югъ, заграницу. Въ отчаяніи кассиръ рѣшается взять небольшую сумму изъ кассы и пойти въ игорный домъ попробовать счастья; онъ надѣется выиграть большой кушъ и такимъ образомъ спасти больную и пополнить взятое; но онъ проигрываетъ и еще остается должнымъ; происходитъ, для уплаты долга и продолженія игры, въ той же надеждѣ на улыбку фортуны, второе позаимствованіе изъ кассы: опять проигрышъ, но путь къ дальнѣйшимъ заим-

ствованіямъ преграждается внезапной ревизіей кассы и преданіемъ виновнаго суду за разстрату.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, непрерывную замкнутую цѣпь воленій, причемъ одно изъ нихъ послѣдовательно вытекаетъ изъ другаго, а сила, вызвавшая весь волевой процессъ, отодвигается нѣсколько въ отдаленіе. Было бы съ нашей стороны произволомъ, если бы мы разорвали эту цѣпь и признали какое либо изъ звеньевъ мотивомъ: каждое отдѣльное воленіе получало потенціальную силу изъ предыдущаго, безъ него оно не могло бы вызвать дальнѣйшаго движенія; каждое, если позволено будетъ такъ выразиться, не создавало толчекъ, а лишь его отражало; создателемъ же толчка, истинною причиною и творческою силою всего процесса было чувство, начавшее этотъ процессъ и вызвавшее въ сознаніи виновнаго комбинацію преступнымъ способомъ получить удовлетвореніе. Этимъ чувствомъ, этимъ мотивомъ совершеннаго преступленія, является въ данномъ примѣрѣ любовь къ матери.

Аналогично могутъ быть разрѣшаемы и другіе болѣе сложные примѣры [1]): если не произошло явнаго перерыва цѣпи воленій, если не вторгся въ эту цѣпь какой либо созданный измѣнившимися обстоятельствами новый двигатель, который измѣнилъ первоначальный, послѣдовательно развивающійся ходъ событій,—то мотивомъ будетъ первоначальная сила, вызвавшая самый волевой процессъ; если же перерывъ произошелъ, то у насъ будетъ два мотива: первый мотивъ будетъ относиться къ дѣятельности до ея перерыва и имъ будетъ сила первоначальная, а вторымъ мотивомъ, характеризующимъ дѣятельность виновнаго послѣ перерыва, явится сила привзошедшая. Вопросъ же о томъ, произошелъ или нѣтъ перерывъ, не можетъ быть рѣшенъ апріорно; рѣшить его можно,

---

1) См., напримѣръ, у Thomsen'a, Motiv, Z. B. XVII, s. 273—276.

только зная подробно всѣ обстоятельства дѣла, характерныя для внѣшней и внутренней стороны преступленія,—это quaestio facti.

Итакъ, общее значеніе термина „мотивъ" нами установлено; въ уголовномъ правѣ мы будемъ понимать подъ мотивомъ то же, что понимаетъ подъ нимъ психологія. Но такъ какъ уголовное право обнимаетъ не всю область человѣческихъ дѣйствій, а лишь часть ея,—дѣйствія преступныя, то, не измѣняя опредѣленія мотива по существу, мы все же далѣе будемъ, говоря о мотивѣ, вносить въ опредѣленіе дополнительный признакъ. Для уголовнаго права *мотивъ есть внутренняя сила, которая, порождая волевой процессъ, движетъ индивидомъ въ его сознательной дѣятельности и приводитъ при содѣйствіи всей его психики къ совершенію преступнаго дѣянія.*

Переходя теперь къ вопросу о значеніи мотива въ уголовномъ правѣ, мы прежде всего должны на основаніи психическихъ данныхъ уяснить себѣ значеніе мотива для волевой дѣятельности человѣка; тогда мы поймемъ и волевой процессъ преступника и получимъ исходный пунктъ для сужденія о его субъективной виновности въ связи съ мотивами, создавшими эту виновность. Такого рода данныя необходимы, если мы не желаемъ строить произвольныхъ построеній, за которыя такъ много и подчасъ справедливо упрекали т. наз. классическую школу уголовнаго права, а, наоборотъ, желаемъ класть въ основу данныя, провѣренныя опытнымъ путемъ.

Затѣмъ, обращая вниманіе не только на дѣяніе, но и на его мотивъ, мы становимся на тотъ путь, по которому въ оцѣнкѣ дѣяній уже давно идетъ этика, и который нѣкоторыми признается чуть ли не исключительнымъ ея достояніемъ; мы должны рѣшить вопросъ, важна ли для уголовнаго права этическая оцѣнка дѣянія, и въ частности, должно ли уго-

ловное право считаться съ этическою оцѣнкой дѣянія, основанной на изученіи мотивовъ.

Но, руководясь добытыми такимъ образомъ данными, мы получимъ только канву, а не готовый узоръ. Уголовное право, соприкасаясь съ психологіей и этикой, и считаясь съ данными, добытыми этими науками, имѣетъ свои собственныя задачи и потребности. Только исходя изъ соображеній о послѣднихъ, можно установить границы изслѣдованія о мотивахъ и построить теорію мотивовъ, которая бы имѣла жизненный характеръ и могла служить для прикладнаго употребленія.

Поэтому, въ дальнѣйшемъ разборѣ общаго значенія мотива, мы будемъ говорить сперва о его значеніи психологическомъ, затѣмъ о моралистическомъ и наконецъ о юридическомъ, понимая юриспруденцію въ широкомъ смыслѣ, который будетъ установленъ далѣе, въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ.

Глава 2-я.

Психологическое значеніе мотива.

Разбирая данныя, необходимыя для установленія понятія „мотивъ", мы уже видѣли, что гдѣ есть мотивы, тамъ есть и сознаніе, но мы должны разсмотрѣть и обратную комбинацію, т. е. рѣшить, всегда ли тамъ, гдѣ на лицо сознаніе, присутствуютъ и мотивы, мыслима или нѣтъ сознательная дѣятельность внѣ мотивовъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти предрѣшается ранѣе разсмотрѣннымъ матеріаломъ, но имъ не исчерпывается, ибо существуютъ попытки рѣшить вопросъ въ томъ смыслѣ, что вызванная волевымъ актомъ сознательная дѣятельность человѣка можетъ имѣть мѣсто и безъ мотивовъ.

Таково прежде всего уже почти отжившее, выработанное средневѣковой философіей, ученіе о свободѣ безразличія (liberum arbitrium indifferentiae), которое утверждало, что человѣкъ способенъ принимать то или иное рѣшеніе помимо всякихъ мотивовъ. Для подтвержденія этого ученія существуетъ примѣръ, приписываемый схоластику Буридану: вообразимъ осла, поставленнаго на одинаковомъ разстояніи отъ двухъ одинаковыхъ вязанокъ сѣна; оселъ, мучимый голодомъ, выберетъ одну изъ этихъ вязанокъ, а такъ какъ въ данномъ случаѣ мотива для выбора той или другой вязанки у него нѣтъ, ибо онѣ равно привлекательны, то значитъ его выборъ сдѣланъ произвольно, внѣ всякихъ мотивовъ. Примѣняя этотъ примѣръ къ человѣческимъ дѣйствіямъ, рѣшили, что и человѣкъ можетъ дѣйствовать вполнѣ сознательно и въ то же время безъ мотивовъ.

Въ болѣе позднее время сходное ученіе защищалъ Ридъ. Ссылкой на наше самосознаніе онъ доказывалъ, что человѣкъ можетъ дѣйствовать по произволу въ какомъ угодно направленіи. Его примѣръ таковъ: предположимъ, что вамъ подаютъ нѣсколько монетъ одинаковой стоимости и совершенно одинаковаго вида, предлагая взять изъ нихъ какую угодно; вы берете какую нибудь изъ нихъ безразлично. Въ данномъ случаѣ мы будемъ имѣть фактъ выбора, не опредѣленнаго никакими причинами, слѣдовательно воля можетъ дѣйствовать помимо причинъ (мотивовъ), совершенно произвольно [1]).

Разбирая изложенное ученіе, нельзя прежде всего не отмѣтить его крайней искусственности. Въ приведенныхъ примѣрахъ берутся абсолютно одинаковыя вязанки сѣна, монеты, разстоянія и т. п.; такого абсолютнаго тождества въ дѣйствительности не существуетъ; его можно скорѣе измыслить, чѣмъ наблюдать. Но и по существу эта теорія несостоятельна. Ходъ разсужденія идетъ такъ: человѣкъ въ приведенныхъ примѣрахъ беретъ одну изъ совершенно равныхъ величинъ; мотива для того, чтобы взять такую именно величину, а не другую, у него нѣтъ, слѣдовательно онъ дѣйствовалъ безъ мотива. Здѣсь силлогизмъ построенъ явно неправильно и выводъ не соотвѣтствуетъ посылкамъ, ибо изъ того, что у человѣка не было мотива взять извѣстную, а не иную монету, нельзя еще выводить, что у него не было мотива взять *вообще* одну изъ монетъ. А именно этотъ послѣдній мотивъ и будетъ мотивомъ дѣятельности человѣка въ данномъ случаѣ. Что же касается выбора, то онъ могъ бы быть мотивированнымъ только тогда, если бы человѣкъ принялъ сознательное рѣшеніе взять именно такой предметъ, а не другой, а это въ свою очередь зависѣло бы отъ какихъ

---

[1]) О свободѣ безразличія см. Schopenhauer, Свобода воли, стр. 10, 51 и др.; Компейрэ, Психологія, стр. 173; Спасовичъ, т. III, стр. 462; Челпановъ, Свобода воли, стр. 10—11; Вульфертъ, Антроп. школа, в. I, стр. 154 и сл.

либо преимуществъ выбраннаго предмета надъ другими; разъ же всѣ предметы равны, то сознательный процессъ направляется лишь на то, чтобы взять одинъ изъ предметовъ *безразлично*; актъ же взятія совершается механически и не можетъ служить примѣромъ безмотивнаго сознательнаго рѣшенія.

Поэтому свобода безразличія, безмотивная сознательная дѣятельность, является чѣмъ то совершенно непонятнымъ. Ее можно было бы получить только вычтя изъ воли все ея содержаніе, но тогда, по справедливому замѣчанію Спасовича, это будетъ уже не воля, а нуль или ничто.

Но ученіемъ о свободѣ безразличія не исчерпываются попытки доказать возможность сознательнаго волепія безъ мотивовъ; въ новѣйшее время явились теоріи, которыя защищаютъ такую возможность, основываясь на данныхъ изъ области механики; это теоріи французскихъ ученыхъ Cournot, Saint-Venant и Boussineq. Первый изъ нихъ доказываетъ, что сила, необходимая для начатія движенія, для толчка, не только можетъ быть минимальной, но даже можетъ быть сведена къ нулю. Путемъ, напримѣръ, послѣдовательныхъ усовершенствованій какой либо машины можно сдѣлать ничтожной и едва ли не равной нулю силу, затрата которой со стороны рабочаго необходима для приведенія этой машины въ движеніе.

Saint-Venant называетъ разряжающей работой (travail décrochant) работу, при которой незначительная затрата энергіи создаетъ значительное количество движенія. Напримѣръ, если мы возьмемъ шаръ какой угодно тяжести, поставленный на вершинѣ произвольной величины конуса, то нужно весьма ничтожное количество энергіи, чтобы заставить шаръ упасть. Чѣмъ совершеннѣе будетъ шаръ по формѣ и массѣ, чѣмъ острѣе вершина конуса, тѣмъ меньшее потребуется количество энергіи, такъ что, если относительно

шара и конуса мы достигнемъ предѣловъ совершенства, то разряжающая сила по минимальности своей также дойдетъ до крайняго предѣла и практически будетъ равна нулю. Если такой эффектъ можетъ быть достигнутъ въ области чистаго искусства, то тѣмъ болѣе его можетъ достигнуть природа, гораздо болѣе совершенная: она можетъ свести къ нулю въ организмахъ количество необходимой для разряженія энергіи, и мы увидимъ, что воля можетъ создавать движеніе или измѣнять его направленіе, не затрачивая вовсе энергіи.

Ту же идею проводитъ и Boussineq, пользуясь аналогичными доказательствами. Сущность его ученія состоитъ въ томъ, что въ извѣстныхъ мѣстахъ нашего организма нематеріальный принципъ можетъ создавать механическія дѣйствія, или, говоря другими словами, наше сознаніе или воля можетъ непосредственно вызывать тѣ или иныя движенія организма, совершенно не затрачивая энергіи [1]).

Такимъ образомъ утверждаютъ, что воля можетъ вызывать движеніе, не затрачивая энергіи, можетъ начинать сама отъ себя рядъ дѣйствій, не нуждаясь ни въ какихъ мотивахъ.

Но можно ли признать такого рода утвержденіе доказаннымъ? Мы думаемъ, что нѣтъ. Для того, чтобы принять это утвержденіе, разрывающее цѣпь причинности, сковывающей все въ мірѣ, необходимы ясныя, неопровержимыя доказательства, которыхъ его авторы не дали. Они ясно доказали, что сила, разряжающая энергію и возбуждающая работу, можетъ быть весьма малой, но отнюдь не доказали, что она можетъ быть равна нулю. Правда, въ математикѣ величина безконечно малая признается равной нулю, но 1) это опредѣленіе, принятое для практическаго удобства, а не безу-

[1]) См. объ этихъ ученіяхъ Fonsegrive, ук. с., стр. 293—297; Челпановъ ук. с., стр. 12—15, 22—24.

словно строгій научный принципъ, а 2) сила, которая можетъ вызывать разряженіе энергіи, никоимъ образомъ не можетъ быть признана даже приблизительно равной нулю: противъ такого признанія говоритъ т. сказ. потенціальность этой силы, ея внутренняя мощь, какъ бы ни была она мала по величинѣ, сравнительно съ произведеннымъ эффектомъ. Мы всецѣло придерживаемся стараго принципа ex nihilo nihil и думаемъ, что, если бы движеніе могло развиваться безъ затраты энергіи, то perpetuum mobile было бы давно уже осуществившимся фактомъ, а не праздной мечтой фантазеровъ.

Мы приходимъ, поэтому, къ выводу, что всѣ попытки доказать возможность воленія и сознательной дѣятельности помимо мотивовъ потерпѣли полное крушеніе. Если мы имѣемъ передъ собой такую дѣятельность, то мы можемъ утверждать, что она была вызвана къ жизни мотивомъ.

Итакъ, каждое сознательное человѣческое дѣйствіе, а въ томъ числѣ и преступленіе, неизбѣжно бываетъ связано съ мотивомъ. Какого же рода эта связь? Изъ того, что дѣйствіе связано съ мотивомъ и изъ него вытекаетъ, можно ли вывести, что оно зависитъ отъ мотива, и каковъ будетъ, въ случаѣ положительнаго рѣшенія, характеръ этой зависимости? По вопросу о зависимости, казалось бы, не должно ыть сомнѣнія: какъ не признать ея, когда мы видимъ, что одно данное является предыдущимъ другаго, и что второе изъ нихъ не можетъ возникнуть помимо перваго. Но тѣмъ не менѣе сомнѣнія существуютъ и приводятъ къ отрицательному рѣшенію поставленнаго вопроса.

Оригинально конструировано это ученіе у Гегеля. Противъ детерминистическаго указанія Спинозы, по ученію котораго слѣдствіе безусловно зависитъ отъ причины, а поэтому и каждое человѣческое дѣйствіе является зависимымъ отъ мотива, Гегель замѣтилъ, что въ силу необходимой реакціи

слѣдствіе всегда въ свою очередь является причиной своей причины; дождь, напримѣръ, есть причина влажности, а влажность въ свою очередь — причина дождя. Такого рода реакція слѣдствія на причину, по мнѣнію Гегеля, устанавливаетъ между ними взаимодѣйствіе, которое возвышаетъ важность слѣдствія и даетъ ему печать свободы и независимости. Отсюда выводъ—отрицаніе принудительной связи между мотивомъ, какъ волевымъ факторомъ, и дѣйствіемъ, какъ волевымъ актомъ [1]).

Спрашивается прежде всего, чѣмъ доказывается реакція слѣдствія на причину, въ силу которой дѣйствіе становится независимымъ? Доказательствъ у Гегеля мы не находимъ, а видимъ лишь сравненіе,—взаимодѣйствіе дождя и влажности. Но сравненіе еще не доказательство, да и по существу оно несостоятельно: Гегель взялъ случай, когда и предыдущее и послѣдующее однородны, а потому и могутъ служить взаимно одно другому матерьяломъ; но даже и въ этомъ случаѣ его положенія принять нельзя; если дождь есть причина влажности, а влажность въ свою очередь причина дождя, то мы имѣемъ право вывести изъ этого факта лишь то, что слѣдствіе изъ данной причины въ свою очередь можетъ сдѣлаться причиной явленія, однороднаго или даже тождественнаго съ тѣмъ, изъ котораго оно произошло; сказать же, что оно оказало реакцію *на то самое* явленіе, изъ котораго оно произошло, по меньшей мѣрѣ неправильно: это игра словъ и смѣшеніе понятій.

Еще болѣе ясной сдѣлается несостоятельность оспариваемаго положенія, если мы возьмемъ явленія разнородныя, напримѣръ, ударъ молніи и послѣдовавшую отъ него смерть, нанесеніе кому нибудь удара въ ухо—и вызванную этимъ глухоту и т. п. Несомнѣнно во всѣхъ подобныхъ случаяхъ

---

1) См. Weber, Философія, стр. 348—349, ср. Bülow, ук. ст., стр. 587 и сл.

и рѣчи быть не можетъ о возможности реакціи слѣдствія на причину и о независимости слѣдствія, вытекающей изъ такой реакціи.

Итакъ, дѣйствіе человѣка находятся въ зависимости отъ мотивовъ, подобно тому какъ и всякое слѣдствіе находится въ зависимости отъ своей причины. Мы должны теперь опредѣлить характеръ этой зависимости.

Въ построеніяхъ лицъ, являющихся сторонниками чистаго индетерминизма, эта зависимость сводится къ нулю. Они признаютъ, что человѣческія дѣйствія вытекаютъ изъ мотивовъ (и такимъ образомъ какъ бы отвергаютъ liberum arbitrium indifferentiae), но въ то же время утверждаютъ, что мотивы не имѣютъ никакой вынуждающей силы, ибо духъ человѣческій господствуетъ надъ мотивами и управляетъ ими. Нельзя дѣлать оцѣнки этихъ попытокъ, не затронувъ вопроса о свободѣ воли, съ которымъ онѣ тѣсно связаны; но мы не будемъ пускаться въ глубины этого, по прекрасному опредѣленію Спасовича, „безбрежнаго какъ море" вопроса; мы коснемся его лишь постольку, поскольку это необходимо для выясненія роли мотивовъ.

Старая, но опредѣленно формулированная, попытка отрицать значеніе мотивовъ сдѣлана Бернеромъ. Онъ признаетъ, что вся природа слѣдуетъ неизмѣннымъ вѣчнымъ законамъ механическимъ, психическимъ и органическимъ, такъ что все въ ней совершается съ необходимостью. Сюда же отнесены и животныя, которыя, повинуясь своимъ инстинктамъ, слѣдуютъ неизмѣннымъ законамъ (necessitirenden Gesetzen). „Только человѣкъ пользуется высокой честью быть свободнымъ отъ необходимости, только человѣкъ свободенъ... Наше непосредственное сознаніе говоритъ намъ, что каждый самъ себя опредѣляетъ, что онъ можетъ хотѣть (и не хотѣть), и что стоящій въ послѣдней инстанціи духъ человѣческій

даетъ ему возможность опредѣлять себя внѣ всякой необходимости“ [1]).

Еще опредѣленнѣе говорятъ Компейрэ и Вульфертъ. Компейрэ признаетъ, что человѣкъ зависитъ отъ природы, но утверждаетъ, что человѣкъ въ самомъ себѣ находитъ точку опоры, чтобы противостоять внѣшнимъ вліяніямъ и поддерживать свою личную независимость. Онъ допускаетъ, что волевая дѣятельность зависитъ отъ причинъ—мотивовъ, но въ то же время говоритъ, что именно „воля и составляетъ причину, дѣйствующую въ нашихъ свободныхъ рѣшеніяхъ и эта дѣйствующая причина *опредѣляется сама собой* въ виду другой причины, которая составляетъ цѣль нашихъ стремленій, обдуманно преслѣдуемую цѣль, однимъ словомъ, конечную причину нашего дѣйствія... Свобода принимаетъ извѣстныя рѣшенія сообразно съ мотивомъ, но этотъ мотивъ становится сильнѣе только потому, что воля его избираетъ“ [2]).

Вульфертъ отстаиваетъ нравственную свободу, заключающуюся въ томъ, что „нормальному человѣку приписывается способность сомоопредѣленія къ дѣйствію, согласно внутреннихъ мотивовъ, соотвѣтствующихъ предписаніямъ нравственнаго закона и открываемыхъ ему разумомъ“. Авторъ принимаетъ положеніе Рида, который утверждалъ, что мотивы „не отмѣняютъ самодѣятельности воли, не опредѣляютъ насъ, а только побуждаютъ насъ опредѣлять себя“ [3]).

Итакъ, по взгляду указанныхъ авторовъ, не мотивы причина человѣческихъ дѣйствій; истинная и постоянная причина дѣйствія каждаго индивида его воля, надъ которой мотивы не властны. Очевидно, что подобный взглядъ на волю допустимъ только въ томъ случаѣ, когда ее признаютъ

---

[1]) Berner, Imputationslehre, s. 1–4.

[2]) Компейрэ, Психологія, стр. 180–181.

[3]) Вульфертъ, Антрополог. школа, в. 1, с. 154 и 161.

сущностью. Вульфертъ прямо и дѣлаетъ такое признаніе и говоритъ иронически о противоположномъ взглядѣ, что „это ходячее положеніе позитивизма ничѣмъ достаточно не обосновывается“ [1]). Мы же, наоборотъ, съ его утвержденіемъ согласиться не можемъ; оно насквозь проникнуто метафизикой, ибо признавать волю сущностью можно лишь тогда, если мы согласимся съ метафизиками, что воля можетъ быть безпредметной, лишенной всякаго содержанія; иначе откуда же будетъ у нея содержаніе, разъ его не даютъ отдѣльныя воленія? Уже Гартманъ твердо установилъ, что „въ дѣйствительности никто не можетъ просто хотѣть безъ того, чтобы не хотѣть чего либо болѣе или менѣе опредѣленнаго; воля, которая не желаетъ чего нибудь, не существуетъ; она получаетъ возможность существованія только посредствомъ опредѣленнаго содержанія“ [2]). Воля, лишенная содержанія, (какъ мы уже видѣли, разбирая вопросъ о свободѣ безразличія) равняется нулю. Современная психологія сознаетъ это, а потому совершенно отказывается говорить о способностяхъ, какъ о сущностяхъ. „Въ настоящее время не можетъ быть, какъ это было нѣкогда, вопроса о томъ, чтобы принимать способности за сущности независимыя и раздѣльныя... Способности суть не что иное, какъ общія и отвлеченныя наименованія, посредствомъ которыхъ психологи обозначаютъ группы аналогичныхъ явленій, различаемыхъ нами въ сознаніи“. [3])

Такимъ образомъ, исходный пунктъ разбираемой теоріи является неправильнымъ. Мы не понимаемъ, какъ могъ защищать ее Компейрэ, не признававшій воли сущностью въ словахъ, только что нами процитированныхъ; по нашему

---

[1]) Idem, с. 194—195.

[2]) Hartmann, Philosophie des Unbewussten, t. I, s. 101; цитата взята нами у Колоколова.

[3]) Компейрэ, Психологія, стр. 22; ср. аналогичный, ядовитый и остроумный взглядъ Ferri, Sociologie, p. 271—272.

мнѣнію, онъ впалъ въ неразрѣшимое самопротиворѣчіе, разсматривая волю какъ постоянную причину нашихъ свободныхъ рѣшеній: воля не можетъ быть такой причиной, если она не сущность, а лишь отвлеченное наименованіе для группы аналогичныхъ явленій.

Но и помимо этого, отрицая зависимость воли отъ мотивовъ, сторонники оспариваемаго возрѣнія должны были показать, на чемъ зиждется приписываемая человѣку возможность опредѣлять себя. Нельзя не спросить, какая сила создаетъ эту возможность, и что же опредѣляетъ дѣйствія человѣка, если мотивы не опредѣляютъ насъ, а только побуждаютъ насъ опредѣлять себя. Какая же разница будетъ по существу между формулами сторонниковъ этой самоопредѣляющейся воли и сторонниковъ liberum arbitrium indifferentiae? А вѣдь этихъ послѣднихъ первые упрекаютъ въ игнорированіи закона причинности и значенія мотивовъ.

Говорятъ, что мотивъ получаетъ силу вслѣдствіе нашего акта воли,—хотѣнія; но вѣдь и хотѣніе нельзя разсматривать какъ что то отвлеченное и ничѣмъ не опредѣляемое, ибо иначе „мы должны допустить существованіе силы, которая могла бы проявляться вопреки совокупности страстей и идей, а такой силой можетъ явиться только свобода безразличія“, дѣйствіе въ присутствіи мотивовъ, но не на основаніи ихъ [1]). Такъ говоритъ Фулье и въ такомъ же смыслѣ высказываются Кавелинъ и Закревскій. Кавелинъ замѣчаетъ: „Нигдѣ и никогда не открыто факта, который бы существовалъ безъ сочетанія условій, при которыхъ онъ можетъ проявиться и быть. Человѣкъ органическая часть природы. Какъ же можетъ въ немъ существовать сила, создающая явленія помимо всякихъ условій, или хотя бы только способная сдѣлать выборъ между различными предметами самопроизвольно, по-

---

[1]) Fouillée, Основы морали, стр. 278–279.

мимо всякихъ условій? Это невозможно и немыслимо". [1]) По словамъ же Закревскаго, „эта именно изъятая изъ-подъ дѣйствія закона причинности способность самоопредѣленія, на которую г. Вульфертъ смотритъ какъ на нѣчто само собою разумѣющееся, и составляетъ сущность спорнаго вопроса въ теченіе вѣковъ". Нельзя допустить силы, ничѣмъ внѣ себя неопредѣляемой и ни отъ какой причины независящей [2]).

На основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что зависимость воли отъ мотивовъ не призрачна, а реальна, и что, поэтому, каждое сознательное дѣйствіе человѣка стоитъ въ прямой связи съ вызвавшимъ его мотивомъ. Пытаясь оспаривать это положеніе, его иногда невольно подтверждаютъ. Такъ, тотъ же Кавелинъ, правильно отрицавшій возможность произвольнаго выбора, утверждалъ, что, благодаря дѣятельности сознанія „къ механическому закону, управляющему мотивами въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ привходитъ извнѣ нѣчто такое, что ихъ регулируетъ, усиливаетъ одни и задерживаетъ или ослабляетъ другіе"; эти направляющіе элементы — соображенія „лежатъ въ основѣ того, что мы называемъ идеалами"; ихъ, по мнѣнію автора, нужно отличить отъ мотивовъ: „идеалъ служитъ камертономъ дѣйствительности", а лежащія въ его основѣ соображенія „не даютъ сами по себѣ мотивовъ; они только дѣйствуютъ на нихъ, направляютъ ихъ сообразно съ потребностями, которыя мотивами не объясняются, лежатъ внѣ и выше ихъ" [3]).

Въ приведенныхъ словахъ есть много вѣрнаго; они прекрасно разъясняютъ намъ роль идейныхъ побужденій, но

---

[1]) Кавелинъ, Задачи эт., стр. 26.

[2]) Закревскій, Ученія угол. антропол. школы, стр. 81—82.

[3]) Кавелинъ, Задачи эт., стр. 66—70.

они не только не доказываютъ отсутствія прямой зависимости дѣйствія отъ мотива, а напротивъ вполнѣ ее подтверждаютъ.

Въ основаніи всей теоріи Кавелина лежитъ такое разсужденіе: идейныя побужденія должны быть отличаемы отъ мотивовъ; они дѣйствуютъ на мотивы и направляютъ ихъ, слѣдовательно, дѣйствія человѣка находятся въ прямой зависимости не отъ мотивовъ, а отъ идейныхъ побужденій. Мы должны будемъ принять эту теорію лишь тогда, если мы признаемъ вѣрнымъ ея исходный пунктъ, что идейное побужденіе не есть мотивъ. Но такого признанія сдѣлать нельзя. Кавелинъ не далъ намъ критерія для различія между мотивомъ и идейнымъ побужденіемъ, да и не могъ его дать; онъ утверждаетъ, что идейныя побужденія лежатъ внѣ мотивовъ и выше ихъ, но этого ничѣмъ не доказываетъ. Спрашивается, что же такое представляли бы изъ себя въ дѣйствительности мотивы, какое бы даже минимальное значеніе имѣли бы они въ психической жизни, если бы ими управляли побужденія, не являющіяся мотивами? Уже значитъ борьба велась бы не между мотивами, а между мотивами и побужденіями. Мотивъ является у Кавелина чѣмъ то непонятнымъ; если все, имѣющее идейную окраску, исключать изъ понятія „мотивъ", то окажется, что мотивами будутъ лишь грубыя проявленія инстинктовъ, а мы знаемъ уже, что подобное пониманіе мотива и неправильно, и совершенно произвольно; мы видѣли, устанавливая понятіе „мотивъ", что и силы низшаго, и силы высшаго порядка одинаково могутъ являться двигателями; разъ они были таковыми въ сознательномъ процессѣ и вызвали извѣстное дѣйствіе, то мы и должны признать ихъ мотивами. Качество силы, являющейся мотивомъ, можетъ быть весьма важнымъ и интереснымъ для изслѣдованія, но оно не можетъ служить базисомъ для рѣшенія вопроса, мотивъ передъ нами или не мотивъ.

По теоріи Кавелина какъ будто выходитъ, что мотивы

низшаго порядка всегда отступаютъ передъ идейными побужденіями; но практика жизни часто показываетъ примѣры совершенно обратнаго. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда побѣждаетъ идейное побужденіе, мысль Кавелина вѣрна, но выводъ неправиленъ: въ этихъ случаяхъ дѣйствіе находится въ прямой зависимости отъ идейнаго побужденія, но мы должны признавать послѣднее мотивомъ, а тогда мы получимъ подтвержденіе, а не отрицаніе выше поставленнаго нами тезиса о прямой зависимости каждаго дѣйствія отъ мотива.

Продолжая дальнѣйшее изслѣдованіе характера этой зависимости, мы встрѣчаемся съ признаніемъ этой зависимости фатальною. Мотивировка здѣсь бываетъ весьма разнообразной, ибо ссылаются на данныя статистическія, психологическія, механическія и т. д.

Мы уже говорили о значеніи статистическихъ данныхъ въ томъ смыслѣ, что они, показывая закономѣрность человѣческихъ дѣйствій, подрываютъ возможность вѣры въ человѣческій произволъ, но мы сомнѣваемся въ возможности вывести изъ этихъ данныхъ, будто каждое человѣческое дѣйствіе фатально зависитъ отъ мотива [1]). Дѣло въ томъ, что статистика разсматриваетъ преступленіе только какъ внѣшнее дѣйствіе въ его связи съ другими внѣшними же явленіями; она не содержитъ въ себѣ данныхъ для оцѣнки преступленія, какъ внутренняго акта, а, слѣдовательно, не можетъ освѣщать и чисто внутренняго процесса мотиваціи. „Статистика... не можетъ ничего сказать объ отдѣльномъ человѣкѣ, а не можетъ она сказать этого потому, что разсматриваетъ не отдѣльное преступленіе, не преступленіе какъ единицу, а какъ родовое понятіе, какъ идею, слѣдовательно

---

[1]) Въ новѣйшей литературѣ мы не встрѣчаемъ защитниковъ такого фатальнаго опредѣленія въ его чистомъ видѣ; но нѣчто родственное защищаетъ Ferri, см. Sociologie, p. 274.

она и не можетъ заключать въ конкретной частности". Приведенная мысль подтверждается тѣмъ примѣромъ, что, на основаніи показанія статистики о болѣе частомъ совершеніи кражъ бѣдняками рабочими, чѣмъ капиталистами банкирами, нельзя говорить, что каждый изъ первыхъ воръ или имѣетъ наклонность къ воровству, а каждый изъ вторыхъ—честный человѣкъ [1]).

И въ самомъ дѣлѣ, причины общія, внѣшнія, раскрываются передъ нами, когда мы разсматриваемъ коллективную дѣятельность, т. е. идемъ въ научномъ изслѣдованіи путемъ исторіи и статистики, а причины внутреннія изучаются путемъ психологіи и физіологіи и, какъ путемъ послѣднихъ наукъ нельзя прійти къ общимъ причинамъ, такъ и по даннымъ статистики нельзя установить мотивовъ дѣйствій отдѣльнаго лица, а тѣмъ болѣе нельзя утверждать, что зависимость дѣйствія отъ мотива фатальна. Нужно строго различать съ одной стороны *факторы преступности*, а съ другой—*мотивы отдѣльныхъ преступленій*. Факторъ—это родовая причина группы явленій, разсматриваемыхъ въ массѣ и притомъ причина внѣшняя, тогда какъ мотивъ—это причина индивидуальная и внутренняя отдѣльно разсматриваемаго дѣянія. Упуская изъ виду это различіе, создаютъ, опираясь на статистику, фатальныя построенія въ области мотивовъ и такимъ образомъ дѣлаютъ крупную ошибку.

Дѣло въ томъ, что, когда мы, напримѣръ, смотримъ на статистическія таблицы браковъ, мы видимъ колебаніе ихъ числа и можетъ установить причины этого колебанія вообще, но мы ничего не можемъ сказать въ частности относительно того или иного брака; каждый отдѣльный бракъ, входившій въ число наблюдаемыхъ, болѣе или менѣе находился въ зависимости отъ причины, роль которой констати-

---

[1]) Неклюдовъ, Этюды, I, стр. 33—34.

рована для браковъ даннаго періода вообще, но была ли эта причина преобладающей, а тѣмъ болѣе единственной,—этого мы изъ статистическихъ таблицъ не увидимъ; внутреннія причины ускользаютъ отъ статистическаго ока: одинъ женится по страсти, другой по разсчету, третій — исполняя долгъ чести; у одного рѣшеніе сопровождалось долгими колебаніями, у другаго—нѣтъ, а между тѣмъ обо всей этой внутренней картинѣ, о характерѣ и содержаніи процесса мотиваціи, таблицы ничего говорятъ: „Причины, являющіяся выраженіемъ особенностей характера даннаго индивида и вліяющія на его рѣшеніе, отсутствуютъ въ статистическихъ данныхъ... различныя индивидуальныя вліянія, дѣйствовавшія на индивида въ моментъ его рѣшенія, въ статистику войти не могутъ“ [1]).

Итакъ, если бы даже былъ доказанъ фатальный характеръ зависимости явленій въ ихъ массѣ отъ тѣхъ или иныхъ факторовъ, то даже и тогда еще нужно было бы доказывать фатальный характеръ зависимости отдѣльнаго дѣйствія отъ мотива; утверждать же послѣднее о мотивѣ, ссылаясь на данныя, относящіяся къ факторамъ, мы, въ виду установленной выше разницы между факторомъ и мотивомъ, не имѣемъ никакого права [2]).

---

¹) Wundt, Vorlesungen, s. 470.

²) Примѣчаніе. Какъ блистательно доказалъ Неклюдовъ и многіе другіе, зависимость явленій въ ихъ массѣ отъ ряда факторовъ, указываемыхъ статистикой, также отнюдь не является фатальной (Неклюдовъ, Этюды, I, стр. 12 - 13, 31—32, 14—30; Binding, Normen, 2, s. 20 ff.; Вульфертъ, Антропологическ. школа, I, стр. 210 и сл.; Таганцевъ, Курсъ, I, № 30—32, Лекціи, 2, стр. 411, 421; Челпановъ, Свобода воли, М. Б., 1897, 12, стр. 43 и сл.; и др.). Но мы оставляемъ этотъ вопросъ безъ разсмотрѣнія, ибо онъ не имѣетъ прямаго отношенія къ нашей темѣ.

Равнымъ образомъ мы не будемъ останавливаться на ученіяхъ о свободѣ умозрительной, трансцедентальной и т. п. Правда, этими ученіями отвергается важность роли мотивовъ, но мы обязаны считаться лишь съ тѣми построеніями, которыя основываются на данныхъ, подлежащихъ провѣркѣ; возражать же на теоріи, построенныя метафизически и пропитанныя всякаго рода абсо-

Но есть теоріи, приводящія иныя доказательства въ опору отвергаемаго нами фаталистическаго взгляда. Такова теорія, которую мы бы позволили себѣ назвать механической. Ея сторонники говорятъ, что зависимость человѣческаго дѣйствія отъ мотивовъ фатальна, ибо при борьбѣ мотивовъ всегда по закону борьбы за существованіе побѣждаетъ сильнѣйшій мотивъ. Такъ, напримѣръ, Кавелинъ (впрочемъ, впадая въ явное противорѣчіе съ основными положеніями своего отнюдь не фаталистическаго труда) признавалъ сознательное дѣйствіе человѣка результатомъ борьбы мотивовъ и утверждалъ, что борьба эта рѣшается по законамъ механики. „Который мотивъ сильнѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ надъ другими и формулируется въ цѣль и задачу, которая разрѣшается дѣйствіемъ или поступкомъ. Въ такомъ преобладаніи болѣе сильныхъ мотивовъ надъ слабыми есть нѣчто роковое, неотразимое. Моралисты не могутъ примириться съ такимъ неизбѣжнымъ исходомъ столкновенія мотивовъ и указываютъ на разныя средства, которыя будто бы имѣютъ силу и власть отвратить его. Тщетныя усилія! Противъ него нѣтъ ни заклинаній, ни чаръ. Единственное средство отклонить нежелаемыя фатальныя послѣдствія борьбы мотивовъ,—это измѣнить взаимныя отношенія самихъ мотивовъ, усилить одни, ослабить другія, словомъ измѣнить условія ихъ борьбы“ [1]).

Въ такомъ же родѣ (и также, по моему, противорѣча своимъ основнымъ идеямъ) высказывается и Шопенгауеръ.

лютами, — безполезно: для вѣрующихъ въ эти теоріи - онѣ являются непререкаемымъ догматомъ, не допускающимъ критики и опроверженія на основаніи положительныхъ данныхъ; не вѣрующіе-же въ абсолюты не потребуютъ отъ насъ научнаго опроверженія теорій, не подкрѣпленныхъ никакими реальными и убѣдительными данными (Примѣры такихъ теорій см. у Weber, Философія, стр. 319—320; у Фулье, Основы морали, стр. 80—81, 121, 155 и др., особенно же разборъ теоріи Ренувье; Windelbandt, Философія Канта, стр. 122 - 125 и друг. ср. Tarde, Philosophie pénale, p. 15—18 и др.).

[1]) Кавелинъ, Задачи эт. стр. 36.

Указавъ на способность обдумыванія въ человѣкѣ, онъ прибавляетъ, что эта способность „не даетъ на самомъ дѣлѣ ничего иного, кромѣ весьма частаго мучительнаго конфликта мотивовъ... При этомъ мотивы, чередуясь и повторяясь, пробуютъ другъ передъ другомъ свою силу надъ его волей, черезъ что она попадаетъ въ положеніе того тѣла, на которое дѣйствуютъ разныя силы въ противоположномъ направленіи, пока наконецъ сильнѣйшій мотивъ оттѣснитъ всѣ прочіе и опредѣлитъ волю. Такой исходъ называется рѣшеніемъ и, какъ результатъ борьбы, наступаетъ съ полнѣйшей необходимостью“ [1]).

Разсматривая эти положенія, сразу приходится замѣтить, что въ нихъ вѣрное перемѣшано съ невѣрнымъ. Несомнѣнно, что когда есть на лицо всѣ предыдущія, вызывающія дѣйствіе человѣка, и это дѣйствіе совершится, то оно совершилось съ необходимостью и, если угодно, даже съ полнѣйшей необходимостью. Но судить о объ этомъ мы можемъ только post factum; до совершенія дѣйствія весьма трудно предсказать, совершится ли дѣйствіе и въ какомъ направленіи; такъ откуда же берется утвержденіе, что роль мотива фатальна, что воля—это нѣчто въ родѣ вѣсовъ, а мотивы—нѣчто въ родѣ гирь, падающихъ на чашки и немедленно вызывающихъ нарушеніе равновѣсія? Мы этого не постигаемъ. Фатальнымъ можно было бы признать дѣйствіе какой либо внѣшней силы, которая, благодаря какой либо особой власти, стоя внѣ явленія, направляла бы это послѣднее. Но мы знаемъ, что мотивъ есть сила внутренняя и, когда мы говоримъ о необходимости, съ какою мотивъ вызываетъ дѣйствіе, то здѣсь не deus ex machina, не что либо роковое, а простое констатированіе того факта, что „каждый изъ со-

---

[1]) Колоколовъ. Покушеніе, стр. 37; ср. Компейрэ, Психологія, стр. 15—16.

вершающихся передъ нами феноменовъ опредѣляется извѣстными предыдущими по закону причинной связи" [1]).

Переходимъ къ вопросу о побѣдѣ сильнѣйшаго мотива. Это положеніе (если мы выразимся съ помощью выше установленной нами терминологіи) [2]) утверждаетъ, что сильнѣйшее изъ побужденій, дѣйствующихъ въ человѣкѣ, всегда оттѣсняетъ другія и вызываетъ дѣйствіе этого человѣка во-внѣ, т. е. становится мотивомъ, и что въ такомъ результатѣ есть что-то роковое, неотразимое. Какъ видимъ, здѣсь говорится *о сильнѣйшемъ* побужденіи *вообще*, тогда какъ приведенное положеніе для доказательства своей состоятельности должно было бы говорить о побужденіи *сильнѣйшемъ объективно*: если бы для побужденій, становящихся мотивами, существовала какая либо объективная мѣрка, какой либо объективный масштабъ, на основаніи котораго можно было бы безошибочно предсказать напередъ побѣду извѣстнаго побужденія надъ другими, тогда мысль о роковомъ характерѣ мотивовъ въ психической жизни получила бы подтвержденіе. Но все дѣло въ томъ, что такой объективной и безусловной мѣрки не существуетъ; мотивы могутъ быть измѣряемы по ихъ объективной силѣ, но безусловнаго въ такомъ измѣреніи нѣтъ ничего, а слѣдовательно падаетъ и фатальный характеръ всего построенія, а также его сущность.

Объяснимся подробнѣе. Нельзя отрицать объективной силы мотивовъ: чѣмъ сильнѣе объективно извѣстное побужденіе, тѣмъ скорѣе оно возьметъ верхъ надъ другими болѣе слабыми объективно побужденіями; люди средніе, которыхъ большинство, склонны одинаково дѣйствовать при одинаковыхъ побужденіяхъ, что особенно ясно сказывается въ установленномъ у Тарда законѣ подражанія; проявленіе индивидуализма людей идетъ сходными путями; поэтому объективная

---

[1]) Schopenhauer, Свобода воли стр. 50.

[2]) См. выше, стр. 24

оцѣнка силы мотивовъ имѣетъ большое значеніе, но она не имѣетъ значенія исчерпывающаго; она ничего не предрѣшаетъ безусловно. Какимъ сильнымъ съ объективной стороны является мотивъ самосохраненія, сохраненія своей жизни, а между тѣмъ у нѣкоторыхъ индивидовъ и этотъ мотивъ смолкаетъ передъ мотивомъ выполненія долга, любви къ ближнему, отчаянія, преданности извѣстной идеѣ и т. п. Точно также и съ другими мотивами; бываютъ случаи, когда, благодаря особенностямъ характера даннаго индивида, у него довольно слабое съ общей точки зрѣнія побужденіе побѣдитъ другія побужденія и сдѣлается мотивомъ его дѣянія и наоборотъ—болѣе сильное потерпитъ фіаско.

Итакъ, признать зависимость дѣйствія отъ мотива фатальной—нѣтъ никакихъ основаній. Мы можемъ сказать, что, чѣмъ сильнѣе объективно извѣстное побужденіе, тѣмъ скорѣе оно станетъ мотивомъ, т. е. и субъективно сильнѣйшимъ побужденіемъ, но это правило допускаетъ очень много исключеній, а потому никакихъ формальныхъ, безусловныхъ утвержденій доказать не можетъ.

Разборъ двухъ предыдущихъ фаталистическихъ теорій облегчаетъ намъ оцѣнку третьей и послѣдней изъ нихъ, которую иногда называютъ теоріей физіологическаго фатализма. Ея сторонники утверждаютъ, что появленіе дѣйствія *фатально* предрѣшается воздѣйствіемъ извѣстнаго мотива на характеръ лица, *прирожденный* и *неизмѣнный*. Фаталистическій характеръ всего построенія создается послѣдней прибавкой, въ него входящей: признаніемъ характера прирожденнымъ и неизмѣннымъ; если бы эта прибавка была вѣрна по существу, то оказалось бы, что дѣйствія лица предопредѣляются такими факторами, борьба съ которыми невозможна, и что слѣдовательно здѣсь дѣйствуетъ роковая, фатальная сила.

Такъ, Шопенгауеръ говоритъ: „Характеръ испытываетъ кажущіяся видоизмѣненія лишь въ направленіи и въ матері-

алѣ, что бываетъ слѣдствіемъ возраста и его потребностей. Подъ измѣнчивой оболочкой своего возраста, своихъ отношеній, даже своихъ познаній и воззрѣній, скрывается, какъ ракъ въ своей скорлупѣ, тождественный и истый человѣкъ, вполнѣ неизмѣнный и постоянно тотъ же самый. Человѣкъ никогда не мѣняется: какъ поступилъ онъ разъ, такъ при совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ онъ всегда будетъ поступать и впредь.“ Къ этому прибавляется утвержденіе, что характеръ человѣка прирожденъ, а слѣдовательно прирождены добродѣтели и пороки. [1])

Казалось бы, что столь серьезныя утвержденія слѣдуетъ мотивировать особенно подробно, а между тѣмъ у ихъ автора мы встрѣчаемъ лишь заявленіе, что высказанная имъ „истина“ подтверждается ежедневнымъ опытомъ; напримѣръ, что, встрѣтивъ послѣ 20—30 лѣтней разлуки знакомаго, подмѣчаешь въ немъ тѣ же особенности и выходки, что и прежде; что истинная честь, будучи разъ утрачена, никогда не возстанавливается впредь, и пятно единственнаго недостойнаго поступка на всю жизнь остается на человѣкѣ и клеймитъ его по пословицѣ—„кто разъ укралъ, весь вѣкъ свой воръ.“ Въ заключеніе авторъ столь же голословно утверждаетъ, что угрызенія совѣсти бываютъ и чрезъ много лѣтъ послѣ поступка только потому, что характеръ человѣка неизмѣненъ и т. п. [2])

Итакъ, доказательствъ мы не видимъ. Приведенные случайные примѣры ничего доказать не могутъ, ибо имъ можно противопоставить тысячу другихъ примѣровъ, говорящихъ совершенно обратное. Исторія и литература, отражающая жизнь, указываютъ на многіе случаи радикальнаго нравственнаго перерожденія людей: блудница, отличавшаяся безстыд-

---

[1]) Шопенгауеръ, Свобода воли, стр. 73—77; ср. теорію Молешотта, у Компейрэ, Психол., стр. 179—180.

[2]) Шопенгауеръ, Свобода воли, стр. 73—77.

ствомъ, становится кроткой и смиренной христіанской подвижницей, ростовщикъ и скупецъ раздаетъ имущество и отправляется собирать на построеніе храма и т. п. (Марія Магдалина, Власъ у Некрасова и др.). Затѣмъ, вопреки Шопенгауеру, послѣ долголѣтней разлуки, мы обыкновенно видимъ предъ собой совершенно иного человѣка; мы даже поражаемся, когда видимъ, что характеръ давняго знакомаго мало измѣнился, какъ ни ломала его жизнь, и что кроткій не сдѣлался озлобленнымъ, а пылкій—равнодушнымъ.

Далѣе, объясненіе факта угрызеній совѣсти тѣмъ, будто мы сознаемъ неизмѣнность нашего характера, представляется намъ крайне натянутымъ; фактъ этотъ можетъ быть объясняемъ гораздо проще, напримѣръ такъ: человѣкъ исправился, но послѣдствія его давняго дурнаго поступка во многихъ случаяхъ не поправимы, причиненное другому зло выстрадано этимъ послѣднимъ, и нѣтъ возможности стереть прошлое, уничтожить давнюю ошибку,—отсюда внутреннія муки. Недаромъ человѣкъ, мучимый угрызеніями совѣсти, находитъ обыкновенно облегченіе въ альтруистической дѣятельности и испытываетъ особую отраду, если удается сдѣлать что нибудь доброе по отношенію къ лицу, нѣкогда отъ него потерпѣвшему, или по отношенію къ близкимъ этого лица.

Оставивъ въ сторонѣ голословныя и странныя утвержденія Шопенгауера, будто одинъ дурной поступокъ клеймитъ человѣка на всю жизнь, обратимся къ его утвержденію относительно прирожденности характера. Здѣсь мы имѣемъ передъ собой разновидность теоріи наслѣдственности, которая пользуется въ наукѣ широкимъ кредитомъ, но не въ той ея крайней постановкѣ, которую защищаютъ нѣкоторые ея партизаны. [1])

---

1) Подробнѣе объ этомъ см. мою брошюру „Новыя направленія въ уголовномъ правѣ,“ стр. 19—20, ср. Prins, Causerie, p. 20 ff.

Дѣйствіе закона наслѣдственности ослабляется и измѣняется дѣйствіемъ не менѣе важнаго закона приспособленія къ средѣ. Человѣкъ несомнѣнно раждается съ извѣстными задатками, но эти задатки не есть что либо окончательное, разъ навсегда опредѣляющее его будущую личность; въ громадномъ большинствѣ случаевъ прирожденные задатки подъ вліяніемъ образованія, воспитанія и различныхъ жизненныхъ условій развиваются, измѣняются, а порой и атрофируются, что доказывается повседневнымъ опытомъ, ибо иначе былъ бы невозможенъ успѣхъ, даже относительный, различныхъ воспитательныхъ и исправительныхъ системъ.

Итакъ, положеніе фаталистовъ, что характеръ прирожденъ и неизмѣненъ, мы отвергаемъ, какъ несостоятельное; [1]) вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и послѣднее фатальное построеніе въ области мотивовъ, которое приведено нами выше. Мы признаемъ, что ничего фатальнаго въ связи между мотивомъ и дѣйствіемъ лица нѣтъ, ибо указаніе на роль характера не даетъ опоры для такого утвержденія. [2])

Характеръ можетъ измѣняться и дѣйствительно измѣняется; природа даетъ только его задатки; въ его измѣненіяхъ нѣтъ ничего фатальнаго, ибо такимъ измѣненіямъ можетъ способствовать и личность своими усиліями. [3])

Но, отвергая фатальную окраску разобраннаго утвержденія, отвергая ту прибавку, которая была привнесена Шопенгауеромъ, мы отнюдь не присоединяемся къ мнѣнію тѣхъ лицъ, которыя путемъ разсужденій, аналогичныхъ съ

---

[1]) По словамъ Gretener'а (Gretener, Zurechnungsfähigkeit, s. 87), оспариваемый и нами тезисъ Шопенгауера отвергается почти единогласно; сюда относятся мнѣнія Hebler'а, Horn'а, Fischer'а и др. Ср. Милль, Логика, гл. 2, §§ 2—3.

[2]) Это признаетъ даже Ферри, въ общемъ весьма склонный къ фаталистическимъ построеніямъ. Вопреки Шопенгауеру, онъ допускаетъ для личности возможность развиваться „à sa façon personelle". Ferri, Sociologie, p. 279.

[3]) Подробное развитіе послѣдняго положенія см. у Милля, Логика, кн. 6, гл. 2, §§ 2—3.

нашимъ, приходятъ къ выводу, что изъ способности характера къ измѣненію усиліями лица вытекаетъ его нравственная свобода, возможность господствовать надъ мотивами нисшей категоріи, и что поэтому зависимость дѣйствія индивида отъ мотива является отнюдь не безусловной и не необходимой.

Дѣло въ томъ, что человѣкъ *вообще*, человѣкъ какъ нѣчто представляемое абстрактно, безъ сомнѣнія *можетъ* сдерживать нисшія побужденія, можетъ въ жизни руководствоваться главнымъ образомъ идейными мотивами. Но, какъ справедливо замѣтилъ Соловьевъ, въ дѣйствительности, т. е. когда дѣло идетъ не о человѣкѣ вообще, а о данномъ конкретномъ, индивидуальномъ лицѣ, то, задаваясь вопросомъ, *всегда* ли и *всякій* ли человѣкъ можетъ дѣйствовать по нравственному принципу, вопреки естественнымъ стремленіямъ и желаніямъ, то мы увидимъ, что опытъ даетъ намъ *отрицательный* отвѣтъ, и что упомянутая способность имѣетъ свои необходимыя предыдущія. [1]) Отсюда вытекаетъ, что для объясненія себѣ дѣйствія нужно принимать въ соображеніе и характеръ лица, совершившаго дѣйствіе, а не только мотивъ, вызвавшій это дѣйствіе; отрицать же безусловность и необходимость связи между мотивомъ и проистекшимъ изъ него дѣйствіемъ мы не имѣемъ никакихъ основаній. Для фаталиста необходимо доказать безусловную объективную силу мотива, а этого, какъ мы видѣли, доказать нельзя; если же мы будемъ понимать подъ необходимой связью между дѣйствіемъ и мотивомъ не что иное, какъ тотъ объясняемый закономъ причинности фактъ, что, разъ на лицо всѣ необходимыя предыдущія, то неизбѣжно появляется результатъ,—мы должны признавать въ каждомъ случаѣ мотиваціи наличность таковой связи. Такая постановка вопро-

---

[1]) Соловьевъ, Право, стр. 145; ср. Колоколовъ, Соучастіе, стр. 142—143.

са. придавая мотиву высокое психологическое значеніе, въ то же время находится въ полной гармоніи съ тѣмъ опредѣленіемъ мотива, которое было установлено нами выше, ибо мы говорили о мотивѣ, какъ о силѣ, приводящей къ дѣйствію при содѣйствіи всей психики даннаго индивида, т. е. мы принимали во вниманіе и индивидуальныя свойства личности и стояли за изученіе и оцѣнку мотива не какъ элемента совершенно изолированнаго, а какъ элемента, который дѣйствуетъ въ связи съ другими, начиная волевой процессъ и накладывая на него свой необходимый отпечатокъ.

Мы только протестуемъ противъ переноса центра тяжести съ мотива на личность, которое выражается въ признаніи характера единственной сознаваемой причиной нашихъ дѣйствій, [1]) вслѣдствіе чего роль мотивовъ ослабляется. Кромѣ ранѣе изложенныхъ нами соображеній [2]), мы сошлемся и на то, что человѣкъ, когда его дѣйствіе вызвано объективно сильнымъ мотивомъ, можетъ справедливо утверждать, что почти всякій также поступилъ бы на его мѣстѣ, т. е. можетъ вполнѣ правильно отнести свое дѣйствіе на счетъ мотива, а не на счетъ характера.

Итакъ, участіе въ волевомъ процессѣ характера и абстрактно мыслимая способность человѣка, представляемаго какъ отвлеченное понятіе, подчинять себѣ во имя идеала низшія влеченія, не уничтожаютъ реальной и необходимой зависимости дѣйствія отъ мотива [3]). Но мы, сознавая, какъ мы уже

---

[1]) Такое признаніе мы, повидимому, встрѣчаемъ у проф. Челпанова, Свобода воли, М. Б. 12, стр. 45—51; 56—61.

[2]) См. у насъ стр. 28—29.

[3]) На стр. 9—10 мы цитировали безъ возраженій слова Спасовича, который, указывая на роль сознанія, признавалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отсутствіе необходимости. Чтобы не дать повода къ недоразумѣніямъ, оговариваемся, что въ цитированныхъ словахъ говорится о внѣшнемъ толчкѣ, а не о мотивѣ, и кромѣ того возраженіе Спасовича направлено противъ необходимости въ смыслѣ фаталистическомъ, а не въ смыслѣ, защищаемомъ нами.

говорили, необходимость изучать мотивы не изолированно, а въ связи съ психикой индивида, должны въ заключеніе очерка о психологическомъ значеніи мотива остановиться на разсмотрѣніи процесса мотиваціи въ его цѣломъ, ибо иначе нашъ очеркъ будетъ страдать неполнотой.

Мы знаемъ, что мотивація есть причинность, проходящая черезъ среду сознанія. Мы знаемъ, что человѣку принадлежитъ способность дѣйствовать не только по созерцательнымъ объектамъ, но и по мотивамъ: вотъ эту то способность и должно разсмотрѣть подробнѣе. Возникаетъ она не сразу, а приходитъ съ годами, т. е. не является прирожденной; она годами развивается и функціонируетъ правильно лишь у людей, которыхъ можно назвать нормальными. Такъ, когда интеллектъ человѣка помраченъ, человѣкъ теряетъ самосознаніе, т. е. сознаніе своего „я" какъ единой личности; мотивы поступаютъ въ его сознаніе въ извращенномъ видѣ, весь логическій процессъ протекаетъ неправильно, однимъ словомъ о правильной мотиваціи не можетъ быть и рѣчи. Равнымъ образомъ, при разстройствѣ сферы чувствованій мотивы высшаго порядка, мотивы чувственные говорятъ такъ сильно и стремительно, что интеллектъ не можетъ съ ними справляться, существующіе въ мозгу задерживающіе центры не могутъ выполнять своей работы. Кромѣ того, постоянное разстройство сферы чувствованій обыкновенно бываетъ связано и съ разстройствомъ интеллекта, ибо сферы чувства, интеллекта и воли тѣсно переплетены между собой и оказываютъ, какъ мы ранѣе видѣли, другъ на друга воздѣйствіе; поэтому въ данныхъ случаяхъ правильный ходъ процесса мотиваціи является нарушеннымъ. То же самое необходимо сказать и о временныхъ разстройствахъ сферы чувствованій. Въ этой сферѣ могутъ происходить „бури и потрясенія, влекущія за собою сходъ съ рельсовъ... вторгающіяся въ область сознательнаго, разстраивающія

наши постановленія и заставляющія насъ дѣйствовать нецѣлесообразно". У человѣка иногда бываютъ „необъяснимые эмоціи и взрывы чувства, слѣпые импульсы, съ которыми нелегко совладать и для осмысленія которыхъ мы выдумываемъ post factum небывалые мотивы, оказывающіеся только предлогами"[1]. Понятно, что и въ этихъ случаяхъ нѣтъ настоящей мотиваціи, нѣтъ дѣятельности, основанной на сознательномъ побужденіи.

Переходимъ къ волевымъ проявленіямъ. Они не всегда замѣтны въ человѣческихъ дѣйствіяхъ: волевое напряженіе является минимальнымъ въ дѣйствіяхъ, привычныхъ для человѣка, когда его нервные токи идутъ по хорошо протореннымъ путямъ; спрашивается, измѣняется ли въ этихъ случаяхъ характеръ процесса мотиваціи. Мы думаемъ, что нѣтъ. Дѣйствительно, по ученію психологовъ, большая часть нашихъ дѣйствій совершается по привычкѣ, безъ постоянно возобновляемыхъ усилій; привычка часто облегчаетъ намъ совершеніе тѣхъ или иныхъ дѣйствій и изощряетъ умъ, но та же привычка можетъ ослаблять сознаніе, ослаблять ощущеніе удовольствія и страданія и увеличивать силу влеченій; чѣмъ больше укрѣпляется въ насъ привычка, тѣмъ труднѣе становится борьба съ нею. Однимъ словомъ, привычка въ нашей жизни имѣетъ громадное значеніе и, зная привычки человѣка, мы можемъ со значительной вѣроятностью предсказать, какъ онъ поступитъ при воздѣйствіи тѣхъ или иныхъ мотивовъ. Но, при оцѣнкѣ роли привычекъ въ процессѣ мотиваціи, мы должны помнить, что привычки лишь мало по малу становятся автоматическими, первоначально же онѣ были волевыми рефлексами. Затѣмъ, характеръ мотиваціи измѣнился бы, если бы въ привычкѣ лежало что либо роковое, неодолимое; такія свойства привычка дѣйствительно

[1]) Спасовичъ, Направленія, В. Е. 1891, 10, стр. 464.

можетъ пріобрѣтать въ человѣкѣ, но лишь въ томъ случаѣ, если нарушена правильность функцій его чувствъ или его интеллекта, а въ этихъ случаяхъ, какъ мы знаемъ, уже нельзя говорить о мотиваціи; внѣ же этихъ случаевъ привычка лишь увеличиваетъ субъективную силу извѣстнаго мотива, но не создастъ изъ него неодолимой силы и не уничтожаетъ разсудочной дѣятельности, слѣдовательно процессъ мотиваціи остается тѣмъ же самымъ.

Теперь мы должны обратиться къ противоположнымъ случаямъ,—тѣмъ, гдѣ замѣтно проявляется волевое напряженіе, гдѣ предстоящее дѣйствіе не относится къ разряду привычныхъ, а потому намъ предстоитъ остановиться на одной изъ представляющихся нашему сознанію или вызываемыхъ имъ альтернативъ, которыя могутъ или благопріятствовать, или противодѣйствовать одна другой. Здѣсь рѣшимость дѣйствовать тѣмъ или инымъ образомъ является плодомъ извѣстнаго волеваго усилія. Для пониманія сущности послѣдняго и его роли въ процессѣ мотиваціи прежде всего необходимо помнить, что *волевыя движенія составляютъ производную, а не первичную функцію организма*: нервные центры такъ устроены, что опредѣленные стимулы вызываютъ разряженіе въ извѣстныхъ частяхъ ихъ, разряженіе, независящее отъ нашей воли: отсюда рефлексы, инстинктивныя и эмоціальныя движенія, которыя и являются первичными функціями организма. Но мы путемъ опыта научаемся тому, какъ совершаются извѣстныя движенія; извѣстные способы движенія оставляютъ слѣдъ въ нашей памяти, и вотъ, вызывая въ своей памяти извѣстный способъ, мы можемъ произвести движеніе уже преднамѣренно. „Первымъ условіемъ для возникновенія волевыхъ произвольныхъ движеній является такимъ образомъ предварительное накопленіе идей о различныхъ возможныхъ движеніяхъ, идей, которыя остаются въ нашей памяти послѣ того, какъ мы

неоднократно произведемъ соотвѣтствующія имъ движенія непроизвольнымъ образомъ.“ [1]) Отсюда вытекаетъ, что сознательныя волимыя дѣйствія основываются на моторныхъ идеяхъ. Чтобы моторная идея проявила свою силу, достаточно было бы одного ея появленія въ сознаніи, но, такъ какъ въ немъ по ассоціаціи возникаютъ и сходныя и противоположныя идеи, то первоначальная моторная идея можетъ дѣятельностью того же сознанія быть задержана. Вопросъ объ этой задержкѣ и является центральнымъ, если мы хотимъ рѣшить нормально или ненормально протекалъ процессъ мотиваціи.

Вообще состояніе сознанія по отношенію къ способности вызывать движеніе бываютъ весьма различны и зависятъ отъ разныхъ условій: отъ привычекъ (въ данномъ случаѣ—въ формѣ привычныхъ остановокъ въ дѣятельности), отъ извѣстной инертности нервныхъ центровъ, дѣлающей разряженіе невозможнымъ, пока дѣйствующая сила не достигла извѣстнаго напряженія, и т. п. Но, по наблюденіямъ психологовъ, *существуетъ „извѣстная нормальная степень импульсивной силы въ различныхъ психическихъ мотивахъ, которая характеризуетъ здоровое состояніе человѣческой воли, а отклоненія отъ этой степени являются уже признакомъ ненормальности.*“ [2]) Поэтому для нормальнаго хода процесса мотиваціи необходимо извѣстное здоровое состояніе не только области интеллекта и области чувствъ, какъ мы это видѣли выше, но и области воли.

Степень этого здороваго состоянія не поддается апріорному точному опредѣленію, но въ каждомъ конкретномъ случаѣ ее можно установить путемъ сравнительной оцѣнки даннаго мотива и проистекшаго изъ него дѣйствія съ мотивами

---

[1]) Уильямъ Джемсъ, Психологія, стр. 344—345.
[2]) Уильямъ Джемсъ, Психологія, стр. 360—363.

и дѣйствіями другихъ людей. Возьмемъ примѣръ; представимъ себѣ человѣка, который совершаетъ очень тяжкое дѣяніе вполнѣ сознательно, но лишь благодаря тому, что ко лбу его приставили дуло револьвера съ угрозой спустить курокъ, если онъ не поступитъ такъ, какъ онъ въ данномъ случаѣ поступилъ. Мы не затруднимся признать въ данномъ случаѣ процессъ мотиваціи вполнѣ нормальнымъ: „coactus voluit“, говорили римляне; да, дѣйствительно разсматриваемый субъектъ „пожелалъ“, т. е. поступилъ сознательно и волимо; но, чтобы поступить иначе, надо было бы быть героемъ, а мѣрять нормальность процесса мотиваціи, основываясь на героическихъ образцахъ,—это значило бы руководствоваться соображеніями, почерпнутыми не изъ психологіи людей вообще, а изъ психологіи исключеній между людьми.

Подводя теперь итоги всему сказанному о процессѣ мотиваціи, мы приходимъ къ слѣдующимъ положеніямъ, на которыя мы будемъ опираться въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ нашей работы.

1) Дѣятельность человѣка можетъ быть раздѣлена на сознательную и безсознательную: характернымъ признакомъ первой является то, что она совершается не по слѣпымъ, безотчетнымъ импульсамъ, а по мотивамъ.

2) Подъ мотивомъ мы подразумѣваемъ внутреннюю силу, которая, пораждая волевой процессъ, движетъ индивидомъ въ его сознательной дѣятельности и приводитъ къ результатамъ, проявляющимся во внѣ, при содѣйствіи всей его психики.

3) Человѣкъ не можетъ дѣйствовать безпричинно, по произволу; всякая сознательная дѣятельность безусловно бываетъ связана съ мотивами.

4) Зависимость каждаго дѣйствія отъ вызвавшаго его мотива отнюдь не призрачна; она реальна, безусловна и необходима; но ничего фатальнаго въ такой зависимости

нѣтъ; отрицаніе такой фатальности намъ важно потому, что признавая ее пришлось бы смотрѣть на мотивъ, какъ на единственный и исключительный критерій при оцѣнкѣ дѣянія.

5) Чѣмъ сильнѣе объективно побужденіе, борющееся въ человѣкѣ съ другими побужденіями, тѣмъ скорѣе оно побѣдитъ, т. е., по нашей терминологіи, сдѣлается мотивомъ; тѣмъ не менѣе прямой пропорціональности здѣсь нѣтъ, ибо субъективная сила мотива, его значеніе для даннаго индивида, не всегда совпадаетъ съ его объективной силой, съ его значеніемъ для массы людей.

6) Свойства личности налагаютъ свой отпечатокъ на процессъ мотиваціи, а поэтому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изученіе и оцѣнку мотива нужно производить не изолированно, а въ связи съ изученіемъ личности.

7) Существуетъ извѣстная нормальная степень отзывчивости на мотивы, которая характеризуется извѣстнымъ соотношеніемъ между качествомъ и импульсивностью мотива и свойствами и значеніемъ дѣянія, вызваннаго этимъ мотивомъ.

8) Нормальный ходъ процесса мотиваціи нарушается при поврежденіи каждой изъ способностей, въ совокупности составляющихъ психику индивида, т. е. равнымъ образомъ при поврежденіи интеллекта, чувствъ и воли.

9) При нормальномъ ходѣ процесса мотиваціи изученіе мотива можетъ дать намъ ключь къ пониманію вытекшаго изъ него дѣйствія и освѣтить послѣднее; при неизвѣстности мотива дѣяніе является психологической загадкой.

10) Налагая свой отпечатокъ на дѣяніе и давая послѣднему извѣстное освѣщеніе, мотивъ дѣянія даетъ намъ возможность судить и о дѣятелѣ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда мотивъ является типичнымъ, характернымъ для даннаго индивида. т. е. когда послѣдній обычно дѣйствуетъ по подобнымъ мотивамъ.

Глава 3-я.

Моралистическое значеніе мотива.

Если мы займемся вопросомъ, какимъ образомъ производится этическая оцѣнка дѣяній, то мы встрѣтимся съ распространеннымъ взглядомъ такого рода, будто моралисты обращаютъ исключительное вниманіе на мотивъ и оцѣниваютъ дѣяніе по его мотиву, не обращая вниманія на свойства самого дѣянія. Въ этомъ усматриваютъ, далѣе, полную противоположность между моралистической и юридической точками зрѣнія. Напримѣръ, по словамъ Бернера, юристъ смотритъ на дѣяніе и интересуется вопросомъ, что́ совершилъ человѣкъ, тогда какъ моралистъ идетъ глубже и задаетъ себѣ вопросъ, почему данный человѣкъ совершилъ данное дѣяніе. Еще далѣе идетъ Кавелинъ, предоставляя праву внѣшнее, а этикѣ—внутреннее; онъ даже употребляетъ выраженіе „внутренній поступокъ", подъ которымъ понимаетъ вылившееся въ опредѣленную форму помышленіе; по его словамъ „мѣрка для внѣшнихъ поступковъ одна, для нравственныхъ, внутреннихъ, душевныхъ—другая. Какъ же мѣрить тѣ и другіе на одинъ аршинъ? Внѣшнее дѣйствіе взвѣшивается и оцѣнивается по тому значенію, какое оно имѣетъ для общества, государства или для другихъ людей; душевныя движенія, помыслы, намѣренія по ихъ отношенію къ сознанію, пониманію и внутреннему убѣжденію того, въ комъ они зрѣютъ и совершаются. Отсюда различный характеръ правилъ для нравственныхъ поступковъ и для внѣшнихъ дѣйствій." [1]) Но авторъ упускаетъ изъ виду, что

---

[1]) Кавелинъ, Задачи ст. стр., 11

оцѣнка „внѣшняго поступка,“ т. е. дѣйствія можетъ быть чисто моралистической и тогда она должна производиться по другому, а не указанному имъ масштабу и не можетъ уже рѣзко отличаться отъ оцѣнки „внутреннихъ поступковъ.“

Чтобы разобраться въ интересующемъ насъ вопросѣ, мы должны расчленить его и послѣдовательно рѣшить: 1) можетъ ли моральная оцѣнка дѣянія основываться исключительно на его мотивѣ и 2) въ какомъ взаимоотношеніи стоятъ юридическая и моральная оцѣнка, т. е. другими словами, каково должно быть взаимоотношеніе между уголовнымъ правомъ и моралью.

Въ свое время существовалъ іезуитскій принципъ, коренной принципъ іезуитской морали: цѣль оправдываетъ средства. Видоизмѣняя и нѣсколько расширяя этотъ принципъ, мы можемъ сказать, что существовало ученіе, въ силу котораго моральная оцѣнка дѣянія и аттестатъ ему могли быть даны на основаніи изученія одного лишь мотива. Вспоминая данныя изъ нашего очерка психологической роли мотивовъ, мы должны признать это ученіе прежде всего невѣрнымъ психологически: изъ одинаковыхъ мотивовъ могутъ возникать неодинаковыя дѣянія; мотивъ освѣщаетъ дѣяніе, даетъ ключъ къ его пониманію, но онъ не уничтожаетъ и не можетъ уничтожить значенія самого дѣянія, не говоря уже о томъ, что мотивъ нужно брать не изолированно, а въ связи со всей психикой данняго индивида. Но и чисто моралистическая точка зрѣнія не можетъ выпускать изъ виду дѣянія; послѣднее, проявляясь во внѣшнемъ мірѣ и будучи въ большинствѣ случаевъ сопряжено съ извѣстными результатами, не можетъ быть совершенно игнорируемо: моралистъ долженъ принимать его въ разсчетъ, ибо для него не безразлично, наступило извѣстное зло или нѣтъ, а слѣдовательно не равны помыслы и дѣла.

Въ силу іезуитскаго принципа, при наличности хоро-

шихъ побужденій самое гнусное дѣяніе должно быть оправдываемо; но такое положеніе, будучи поставлено безъ всякихъ ограниченій, подрываетъ самыя основы этики. Какъ справедливо указалъ Бернеръ (хотя и въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ выше цитированнымъ нами его положеніемъ объ оцѣнкѣ дѣянія моралистомъ исключительно по мотивамъ), „нравственный міръ зиждется на принципѣ нравственности и долженъ рушиться, если будетъ поколебленъ самый принципъ“ [1]); отсюда вытекаетъ, что не только по началамъ практическимъ, но и „по началамъ этики человѣкъ долженъ судиться не за мотивы отдѣльныхъ своихъ поступковъ, но за все свое поведеніе.“ [2])

Когда приводятъ въ примѣръ св. Криспина, Шарлоту Кордэ и т. д., то при этомъ нужно помнить, что не одинъ мотивъ, ими двигавшій, ведетъ къ тому, что ихъ дѣянія обособляются отъ группы безнравственныхъ дѣяній: принимается во вниманіе соотношеніе между зломъ совершоннымъ и зломъ предотвращеннымъ, возможность или невозможность достигнуть намѣченной цѣли безъ причиненія зла и т. п. Предусмотрѣть напередъ всѣ эти комбинаціи нѣтъ возможности, равно какъ и нѣтъ возможности принципіально утверждать, что отвращеніе большаго зла путемъ совершенія меньшаго оправдывается моралью; это значитъ, какъ показываетъ историческій опытъ доктрины іезуитовъ, дать поводъ къ невѣроятнымъ злоупотребленіямъ, въ родѣ разрѣшенія для блага другихъ проливать кровь невиннаго.

Иногда дѣятель, совершая зло во имя общественнаго блага, одновременно жертвуетъ и собой; иногда онъ не считаетъ совершаемаго имъ зла—дѣйствительнымъ зломъ; въ этихъ случаяхъ онъ можетъ считать себя правымъ передъ своею совѣстью, но 1) такую правоту создаетъ не одинъ

---

[1]) Berner, Grundlinien, s. 225—227.
[2]) Спасовичъ, Сочиненія, т. III, стр. 189.

изолированно взятый мотивъ и 2) при объективной моральной оцѣнкѣ дѣянія, разъ оно было зломъ, мы можемъ дѣяніе *при исключительныхъ условіяхъ* понять и простить, мы можемъ иногда удивляться самоотверженности дѣятеля, но не можемъ, если позволено будетъ такъ выразиться, возводить въ догматъ право дѣлать зло во имя чего бы то ни было, ибо иначе мы внесемъ какую то коммерческую ариѳметику въ область идей, наиболѣе важныхъ для нравственнаго прогресса человѣчества.

Если же мы исключимъ разсмотрѣнныя крайнія положенія, то мы должны будемъ признать, что мотивъ, хотя и не можетъ самъ по себѣ оправдывать дѣянія съ моралистической точки зрѣнія и быть единственнымъ мѣриломъ его нравственной цѣнности, тѣмъ не менѣе является однимъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ для оцѣнки такого рода. Моральная оцѣнка требуетъ проникновенія въ глубь человѣческой совѣсти, отвѣта на вопросъ, чѣмъ было вызвано извѣстное дурное или хорошее дѣяніе, гдѣ лежатъ его (по прекрасному выраженію проф. Штосса) „нравственные корни.“ [1]). Какъ вѣрно замѣтилъ проф. Спасовичъ, при вмѣненіи нравственномъ сужденіе наше главнымъ образомъ основывается на мотивахъ. „Мѣрою величины человѣка служатъ самые мотивы; смотря по чистотѣ мотивовъ, смотря по тому, дѣйствовало ли лицо ради одного только добра или изъ—за мелкихъ, эгоистическихъ разсчетовъ, мы говоримъ, что это лицо великій гражданинъ или подлецъ. Когда храбрецъ бросается отважно въ батальный огонь, на непріятельскіе штыки, намъ хочется знать, одушевляла ли его любовь къ отечеству или онъ хотѣлъ только отличиться и получить георгіевскій крестъ. Когда филантропъ жертвуетъ часть состоянія на госпиталь или школу, когда меценатъ сыплетъ

[1]) Stoos, Motiv, Z. S. S., 1896, H. 3, s 171.

золото щедрою рукой литераторамъ и артистамъ, намъ любопытно знать, дѣлаетъ ли онъ это изъ любви къ человѣчеству, наукѣ, искусству или просто для того, чтобы о немъ говорила публика. При видѣ грязнаго, нехорошаго поступка мы невольно бываемъ озадачены вопросомъ: дѣйствовало ли такъ лицо по глупости или по подлости характера; мы извиняемъ многое неразумному убѣжденію, но остаемся неумолимы въ отношеніи къ недобросовѣстности. По мотивамъ мы узнаемъ какія были у дѣятеля потребности, какъ относился онъ къ этимъ потребностямъ; которымъ изъ нихъ онъ отдавалъ преимущество, въ чемъ полагаетъ онъ свой идеалъ блаженства."... [1])

Не зная побужденій человѣка, мы не можемъ дать и моральной оцѣнки его дѣянія. Хорошій поступокъ можетъ быть вызванъ дурнымъ побужденіемъ и наоборотъ. Народная мудрость говоритъ: „не все то золото, что блеститъ,"—и дѣйствительно не все то хорошо внутри, что хорошо снаружи, иначе ханжество и лицемѣріе должны были бы стоять на первомъ планѣ въ спискѣ добродѣтелей.

Подводя теперь итоги всему сказанному мы можемъ установить три такихъ положенія:

1) Нельзя дать полной этической оцѣнки дѣянія, основываясь *исключительно* на изученіи его мотива; для достиженія такой оцѣнки, мы должны считаться со свойствами самого дѣянія.

2) Дѣяніе не можетъ быть одобрено съ этической точки зрѣнія только на томъ единственномъ основаніи, что мотивъ этого дѣянія былъ хорошъ; если само по себѣ дѣяніе есть зло, оно можетъ быть оправдано въ силу хорошаго мотива и другихъ сопровождающихъ обстоятельствъ,

[1]) Спасовичъ, Учебникъ, стр. 154–155.

но принципіальнаго одобренія этика такому дѣянію дать не можетъ.

3) Но въ то же время изученіе и оцѣнка мотива дѣянія составляютъ наиболѣе важный и вѣрный пріемъ для этической оцѣнки этого дѣянія; послѣдняя требуетъ всесторонняго разсмотрѣнія, но мотивъ даетъ указанія для важнѣйшей части задачи: правильно освѣтить дѣяніе, опредѣливъ его нравственные корни.

Итакъ, моральная оцѣнка дѣянія не можетъ упускать изъ виду мотива, вызвавшаго это послѣднее. Теперь, если мы докажемъ, что уголовное право должно имѣть связь съ этикой, должно считаться съ понятіями въ обществѣ о добрѣ и злѣ и съ проистекающей отсюда моральной оцѣнкой дѣяній, то eo ipso мы докажемъ, что уголовное право должно считаться съ мотивами преступленій по крайней мѣрѣ постольку, поскольку оно вообще должно считаться съ этикой. Мы этимъ еще не предрѣшаемъ вопроса, въ какой мѣрѣ уголовное право должно обратить вниманіе на мотивъ и въ какой формѣ должно выразиться это вниманіе: для отвѣта на эти вопросы мы воспользуемся и уже разобранными психологическими данными, и соображеніями о спеціальныхъ задачахъ и цѣляхъ правосудія; теперь же мы установимъ лишь то, поскольку уголовное право должно считаться съ мотивами по соображеніямъ исключительно этическаго свойства.

Большинство криминалистовъ стоитъ за то, чтобы уголовное право принимало во вниманіе этическій моментъ, но на сторонѣ противоположнаго взгляда стоятъ хотя и не многіе, но весьма авторитетные криминалисты и, что особенно важно, криминалисты столь разныхъ воззрѣній, какъ напримѣръ Биндингъ и Листъ. Вопросъ поэтому долженъ быть разбираемъ съ особой тщательностью и осторожностью.

Прежде всего, нѣкоторый поводъ къ недоумѣніямъ можетъ

подать теорія Ферри. Послѣдній разсматриваетъ наказаніе какъ голую реакцію противъ индивида, исключая элементъ нравственной оцѣнки; онъ признаетъ, что отвѣтственность за дѣйствіе зиждется исключительно на томъ, что человѣкъ живетъ въ обществѣ, и приводитъ въ доказательство то соображеніе, что *во многихъ случаяхъ* индивидъ и общество реагируютъ противъ дѣянія, не взирая на то, заключается ли въ немъ какая либо нравственная вина. [1]) Ясно, изъ того, что что либо бываетъ во многихъ случаяхъ, еще нельзя выводить, что оно должно имѣть мѣсто *во всѣхъ* случаяхъ; отсутствіе моральной оцѣнки *иногда* не можетъ дать почвы для ея принципіальнаго исключенія *всегда*; поэтому съ приведеннымъ положеніемъ Ферри можно не согласиться. Но оказывается, что самъ онъ, одной рукой изгоняя моральный элементъ изъ уголовнаго права, другой рукой его вводитъ, ибо именно онъ къ общему критерію (опасности преступника для общества) присоединяетъ дополнительный критерій,—свойство мотивовъ, которые онъ раздѣляетъ на соціальные и антисоціальные или же на моральные и антиморальные. [2])

Такимъ образомъ, теорія Ферри не отвергаетъ категорически значенія для уголовнаго права моральнаго элемента, хотя послѣдній и изгнанъ изъ принадлежащей указанному автору теоріи вмѣненія.

Гораздо опредѣленнѣе въ своихъ воззрѣніяхъ на этотъ вопросъ Листъ. Утверждая, что происхожденіе наказанія стоитъ внѣ всякой связи съ этикою, онъ стоитъ за полное отдѣленіе наказанія отъ этики и говоритъ, что „подобное отдѣленіе представляетъ громадныя выгоды: оно освобождаетъ науку уголовнаго права отъ опасностей, связанныхъ съ еще неразрѣшеннымъ споромъ отно-

---

[1]) Ferri, Sociologie, p. 323—347.
[2]) Ferri, Sociologie, p. 346 и др.

сительно обоснованій этики и отъ обязанности постоянно указывать на тотъ юридическій титулъ, на которомъ она (уголовная наука) обосновываетъ свое существованіе." [1]) Подобные взгляды Листъ проводитъ систематически, но однажды онъ сдѣлалъ интересную попытку, изъ которой можно вывести, что онъ чувствуетъ, хотя и прямо не высказываетъ, неудобство полнаго развода между правомъ и моралью; а именно, Листъ утверждалъ, что идею возмездія при ея болѣе глубокомъ пониманіи можно примирить съ идеей цѣлеваго наказанія; по его словамъ, тяжесть вины не можетъ быть опредѣляема лишь по внѣшнему результату дѣянія; онъ считаетъ нужнымъ говорить и о справедливости и видитъ послѣднюю въ томъ, чтобы мѣра наказанія соотвѣтствовала тяжести вины. [2]) Правда, для опредѣленія такой тяжести Листъ беретъ лишь одинъ признакъ: дѣленіе преступности на привычную и случайную, но здѣсь онъ уже поступаетъ совершенно произвольно: справедливость не есть понятіе, которое можно кроить по какому угодно шаблону, взявъ какой либо одинъ признакъ; это этическое понятіе неразрывно связано съ цѣльной этической оцѣнкой дѣянія. Сохраненіе идеи справедливости, на нашъ взглядъ, должно неизбѣжно соединяться съ признаніемъ важной роли для права этическаго момента. Листъ не сдѣлалъ такого вывода, но создалъ для него почву; поэтому для насъ его попытка является весьма цѣнною и мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Пржевальскаго, который думаетъ, что эта попытка „нужна лишь для тѣхъ, кто цѣпко держится за старыя отжившія формы, ни мало не заботясь о ихъ внутреннемъ содержаніи..." [3])

---

[1]) Liszt, Zweckgedanke, Z. III, H. 1, s. 13 ff.
[2]) Liszt, Lehrbuch, 6 Aufl., s. 67.
[3]) Пржевальскій, Листъ, Сб. Пр. и Об. Зн., т. VI, стр. 114.

Но правъ ли Листъ въ своихъ основныхъ взглядахъ на значеніе для уголовнаго права моральнаго элемента? Далѣе мы постараемся доказать, что—нѣтъ, а пока обратимся къ другимъ сходнымъ теоріямъ.

Главная попытка конструировать право совершенно независимо отъ морали была сдѣлана Биндингомъ, который выразилъ желаніе „строить науку права не на произвольномъ и шаткомъ фундаментѣ моральныхъ воззрѣній какъ общества, такъ и отдѣльныхъ индивидовъ, а на прочномъ внушительномъ фундаментѣ правоположеній (нормъ).“ Построеніе это Биндингъ основалъ на томъ, что, игнорируя сложный характеръ преступленія и наказанія, затрогивающихъ самые разнообразные жизненные интересы отдѣльныхъ лицъ и общества и зависящихъ отъ весьма разнообразныхъ факторовъ, онъ призналъ эти элементы простыми до примитивности; по его словамъ, „преступленіе есть не что иное какъ непослушаніе, а наказаніе не что иное—какъ право на послушаніе, выражающееся въ правѣ принужденія за непослушаніе“. Этическія обоснованія Биндингъ считаетъ непригодными на томъ основаніи, что „въ области этики нельзя дать никакихъ обязательныхъ нормъ, ибо нравственность дѣянія заключается въ его согласіи съ индивидуальной совѣстью и.. царство нравственности невозможно безъ признанія суверенитета индивидуальной совѣсти.“ Не останавливаясь, онъ идетъ до крайнихъ выводовъ изъ своей формальной теоріи и утверждаетъ, что „по нѣмецкому праву преступникомъ является только нарушитель нѣмецкой нормы;“ онъ изолируетъ такимъ образомъ уголовное право отдѣльныхъ государствъ и, повидимому, ни мало этого не страшится. [1])

[1]) Binding, Normen, B. I., s. 311—321, 425 и др. Необходимо отмѣтить, что на эту точку зрѣнія никогда не становились даже тѣ изъ русскихъ криминалистовъ, которые высоко цѣнятъ Биндинга и во многомъ раздѣляютъ его взгляды. Такъ, проф. Сергѣевскій признаетъ значеніе моральнаго элемента,

Нѣсколько иными аргументами оперируютъ другіе сторонники разбираемой теоріи. Они отвергаютъ важность для права моральной оцѣнки на томъ основаніи, что „всякое преступленіе одинаково составляетъ нарушеніе моральнаго закона и посягательство на общественный порядокъ, заслуживающее репрессіи“ [1]), а другіе утверждаютъ, что прежде всего нужно считаться съ тѣмъ фактомъ, что государство строитъ свои уголовные законы вовсе не на основѣ морали и нравственности и притомъ такъ, чтобы наказывались только тѣ дѣянія (но за то уже всѣ безъ исключенія), которыя нарушаютъ общественную мораль и нравственность. Государство караетъ значительное число дѣяній и бездѣйствій, которыя отнюдь не проистекаютъ изъ безнравственнаго настроенія, и въ то же время оно оставляетъ и должно оставлять ненаказуемыми тяжкія нарушенія нравственнаго закона“ [2])

Наконецъ, иногда встрѣчаются утвержденія, будто нравственная оцѣнка дѣянія есть дѣло общества, государственная же власть должна оцѣнивать дѣяніе исключительно по его значенію для правопорядка или по степени его соціальной опасности. [3]).

Разберемся теперь во всѣхъ приведенныхъ доводахъ и постараемся установить взаимоотношеніе уголовнаго права и морали.

считая необходимымъ для законодателя сообразоваться съ народными правовоззрѣніями, а также, внося въ слѣдъ за Баромъ въ понятіе наказанія элементъ порицанія (см. Сергѣевскій, Учебникъ, введеніе); проф. Таганцевъ смотритъ на вопросъ еще шире, ибо неоднократно и въ „Курсѣ“ и въ „Лекціяхъ“ указываетъ, что моральная оцѣнка дѣянія не является безразличной при его правовой оцѣнкѣ.

[1]) Petit, см. R. P., 1896, № 6, Garçon, Peines n. d., Пренія, p. 852—853 ср. H. Meye, Lehrbuch, s. 207—208.

[2]) Sternau, Abschaffung, Z. B. 13, s. 21; ср. M. Sternau, Strafrechtstheorie, s. 11—17, 39.

[3]) См., напримѣръ, prof. Thiry, R. P, 1897, № 1, Garçon, peines n. d., Пренія, p. 167.

Прежде всего необходимо помнить, что одно дѣло смѣшеніе и отождествленіе права и морали, а другое—признаніе связи между ними. Съ доводами, приводимыми противъ первой постановки вопроса, мы вполнѣ согласны. Правосудіе имѣетъ свои задачи и цѣли, оно не можетъ ограничиваться однимъ элементомъ безнравственности, а потому и не можетъ совпасть съ этикой. Прежде всего изъ его сферы исключается вся область личной безнравственности: право нормируетъ лишь отношенія людей другъ къ другу и не можетъ признавать юридическихъ отношеній человѣка къ самому себѣ. Нравственность стремится къ достиженію идеала, право—лишь къ установленію закономѣрныхъ отношеній. Поэтому, какъ справедливо указываютъ нѣкоторые сторонники разбираемой теоріи, многое безнравственное не подпадаетъ карѣ закона и наоборотъ. Человѣчество на опытѣ извѣдало опасность смѣшенія морали съ правомъ: масса жертвъ была принесена на алтарь морали религіозной, которая хотѣла заполнить собою едва ли не все содержаніе карательной дѣятельности. Кара за помыслы, чтеніе въ сердцахъ,—вотъ были послѣдствія смѣшенія морали и права, существовавшія до тѣхъ поръ, пока человѣчество не пришло къ сознанію, что задачи права и морали далеко не вполнѣ совпадаютъ, и что никого не должно карать за предполагаемыя въ немъ дурныя намѣренія, если они не выразились во внѣшнемъ, распознаваемомъ дѣяніи, стоящемъ въ противорѣчіи съ закономъ.

Но, сознавая несовпаденіе права съ моралью и ихъ раздѣльность, мы не имѣемъ еще права выводить отсюда (какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ M. Sternau), что изъ права долженъ быть изгнанъ моральный элементъ, что оно не должно считаться съ этическимъ характеромъ дѣянія, съ его общественно-моральной оцѣнкой. Доводы, представленные въ пользу такого рѣшенія, не представляются намъ убѣдитель-

ными. Такъ, прежде всего, историческій аргументъ Листа, будто происхожденіе наказанія стоитъ внѣ всякой связи съ этикою,—едва ли можетъ быть принято. Не касаясь моментовъ доисторическихъ, которые покрыты непроницаемой тайной, мы можемъ сказать, что наказаніе, наоборотъ, всегда стояло въ связи съ этикою, этикой своего времени, которая можетъ рѣзко отличаться отъ современной, но вслѣдствіе этого еще не перестаетъ быть этикой истинной. Вопреки теоріямъ, утверждающимъ отсутствіе этическаго момента въ древнемъ правосудіи, Вильда и послѣдовавшіе за нимъ ученые блистательно доказали, что и въ давнія времена оцѣнка дѣяній не могла быть исключительно объективной, что и тогда человѣчество считалось съ субъективной стороной, въ которую входилъ и моральный элементъ. Интересны филологическіе доводы, приводимые въ защиту сходнаго взгляда Соловьевымъ; какъ справедливо указываетъ послѣдній, „слово человѣческое на всѣхъ языкахъ непреложно свидѣтельствуетъ о коренной внутренней связи между правомъ и нравственностью; понятіе права и соотносительное съ нимъ понятіе обязанности настолько входятъ въ область идей нравственныхъ, что прямо могутъ служить для ихъ выраженія. На всѣхъ языкахъ нравственныя и юридическія понятія выражаются словами или одинаковыми, или производимыми отъ одного корня. Русское „долгъ“, также какъ и латинское debitum,—откуда французское devoir, а равно и нѣмецкое Schuld, Schuldigkeit имѣютъ и нравственное и правовое значеніе; jus и justitia, также какъ по русски право и правда, по нѣмецки Recht и Gerechtigkeit, по англійски right righteousness различаютъ эти два значенія только приставками (ср. также еврейскія цéдек и цедекá). Нѣтъ такого нравственнаго отношенія, которое не могло бы быть правильно и общепонятно выражено въ терминахъ правовыхъ...

Въ двухъ терминахъ (правда и законъ) одинаково воплощается существенное единство юридическаго и этическаго началъ.“[1])

Но авторъ не сливаетъ права и морали; онъ только отстаиваетъ ихъ органическую связь, указывая и на „существенное между ними различіе.“

На сходной точкѣ зрѣнія стоитъ и Jellinek, утверждающій, что право есть не что иное какъ этическій minimum. Онъ вѣрно указываетъ, что такой нравственный характеръ права ясно видѣнъ въ старинныхъ законодательствахъ, какъ декалогъ Моисея и пять главныхъ заповѣдей буддистовъ. [2])

Итакъ, мы должны заключить, что, стоя на исторической почвѣ, нельзя изгонять изъ уголовнаго права моральнаго элемента.

Но можетъ быть дѣйствительно (какъ это думаетъ Биндингъ и отчасти Листъ) этическія обоснованія непригодны, и для права выгоднѣе совершенно разобщить наказаніе съ одной стороны и этику—съ другой?

Мы этого не думаемъ. Не забудемъ, что для обоснованія такой теоріи Биндингъ былъ вынужденъ свести преступленіе исключительно къ моменту непослушанія, т. е. дать построеніе чисто формальное и несостоятельное; законодатель въ этомъ случаѣ, чтобы быть послѣдовательнымъ, долженъ былъ бы карать всѣ преступленія одинаково, ибо всѣ они равнымъ образомъ являются непослушаніемъ; „интенсивность выраженнаго въ деликтѣ непослушанія не зависитъ отъ тяжести причиненнаго вреда и необходимость возстановить авторитетъ нарушенной нормы одинакова при всякомъ преступленіи.“ [3]) Затѣмъ, при такой постановкѣ вопроса совершенно разобщается уголовное право различныхъ государствъ, что ни

---

[1]) Соловьевъ, Право, стр. 23—24; ср. Kraus, Motiv, s. 478.

[2]) Jellinek, s. Bedeutung, s. 42—44.

[3]) Lammasch, Studien, s. 159; ср Merkel, Lehrbuch, s. 15—16.

мало не пугаетъ Биндинга, стоящаго на узко-національной точкѣ зрѣнія и признающаго преступникомъ лишь нарушителя нѣмецкой нормы, но что должно пугать всѣхъ, кто дорожитъ культурнымъ единеніемъ государствъ и стремится по возможности устранять все, препятствующее прогрессу въ этой области.

Биндингъ доказываетъ, что нравственность субъективна и что въ этой области нельзя дать никакихъ обязательныхъ нормъ, но эти ходячія положенія нельзя признать состоятельными по существу. Мы видимъ здѣсь отголосокъ того ученія, что право есть сила и что не существуетъ неизмѣнныхъ принциповъ, слѣдованіе которымъ обязательно для человѣка вообще; отсюда—преклоненіе передъ совершившимся фактомъ и приниженіе каждой смѣлой мысли передъ дѣйствительностью. Моральныя понятія людей дѣйствительно разнообразны, но, какъ справедливо замѣтилъ Гольцевъ, внимательное изученіе можетъ открыть общее и неизмѣнное въ воззрѣніяхъ людей, устранить случайные наросты и временныя колебанія и придать извѣстнымъ идеямъ бо́льшую практическую важность, чѣмъ они имѣли ранѣе. [1]) Существуютъ мыслители, отстаивающіе независимую мораль, которая, по словамъ Куанье, „является результатомъ многовѣковой борьбы за освобожденіе человѣка, за права его личности... личность опирается на право и на обязанности, общество—на равенство правъ и взаимность обязанностей... тотъ имѣетъ бо́льшую нравственную цѣну, кто больше размышлялъ, больше желалъ, больше боролся... Мораль коллективная... раскрывается въ общественномъ мнѣніи и осуществляется въ учрежденіяхъ... Основныя начала справедливости однообразны и постоянны у всѣхъ народовъ... Съ теченіемъ времени нравственный строй все болѣе и болѣе покрываетъ строй при-

---

[1]) Гольцевъ, Идея справедл., Юр. В. 1892, 1, стр. 4.

роды, регулируетъ и подчиняетъ себѣ наши интересы и страсти.“ [1])

Столь же сильно отстаиваетъ значенiе морали и связь ея съ правомъ и Тардъ, убѣдительно рисуя картину эволюцiоннаго развитiя морали, ея общественнаго значенiя и того кризиса, который замѣчается теперь въ уголовномъ правѣ, вслѣдствiе кризиса, переживаемаго моральными ученiями. [2]).

Намъ кажется, что и этихъ соображенiй достаточно было бы для того, чтобы признать необходимой связь уголовнаго права съ этикой; но есть соображенiя еще болѣе важныя. Если мы даже признаемъ справедливость мысли Листа, что полное отдѣленiе права отъ этики представляетъ для права выгоду, освобождая его отъ нерѣшеннаго спора относительно обоснованiй этики, то эта выгода совершенно поблѣднѣетъ передъ массой другихъ существенныхъ невыгодъ. Дѣло въ томъ, что народныя правовоззрѣнiя и общественная оцѣнка дѣянiй главнымъ образомъ зиждутся на моральныхъ основахъ; разрывая связь уголовнаго права съ этикою, мы порываемъ одновременно и съ общественной оцѣнкой, со взглядами общества. Биндинговская теорiя повиновенiя зиждется на томъ ложномъ положенiи, будто страхъ наказанiя—это главное сдерживающее начало. Но, какъ давно и прекрасно замѣтилъ Спасовичъ, грозою и страхомъ можно господствовать только надъ рабами; въ наше же время „страхъ наказанiя въ ряду удерживающихъ причинъ занимаетъ послѣднее мѣсто... правопорядокъ главнымъ образомъ поддерживается крѣпостью и общераспространенностью нравственныхъ мотивовъ... предписанiе—ты не долженъ убивать!—всегда разсматривалось бы какъ одна изъ важнѣйшихъ нравственныхъ обязанностей, даже если бы оно не получило опредѣленнаго выраженiя въ

---

[1]) Coignet, La morale indépendante, 1869 г; цитата взята нами у Гольцева, стр. 7—12.

[2]) Tarde, Philosophie, p. 10—12 ff.; ср. Sacker, Rückfall, s. 19—20.

уголовномъ законѣ.“ [1]) Не общество для права, а право для общества, а между тѣмъ, порывая съ моральнымъ элементомъ, право рветъ съ моральными общественными воззрѣніями, а слѣдовательно и съ самымъ обществомъ. Недаромъ многіе представители науки уголовнаго права (а особенно проф. Lammasch) признаютъ одной изъ важнѣйшихъ причинъ неудовлетворительности современнаго уголовнаго права—забвеніе этическихъ началъ. Lammasch очень интересными примѣрами доказываетъ, что писанное право во многихъ отношеніяхъ расходится съ воззрѣніями народа на нравственное и правовое значеніе того или иного дѣянія, откуда проистекаетъ вредное для авторитета права и ведущее къ увеличенію преступленій недовѣріе народа къ закону и суду. Онъ считаетъ важнѣйшей задачей будущаго — реформу уголовнаго права, соображающуюся съ принципами этики и требованіями соціальнаго прогресса. [2]) Но и этого мало; вопросъ имѣетъ еще одну важную сторону, которую нельзя игнорировать: мы подразумѣваемъ разработанную проф. Петражицкимъ теорію относительно психическаго значенія и вліянія права.

Сущность этой теоріи заключается въ томъ, что гражданамъ каждой страны постоянно приходится встрѣчаться и сообразоваться съ предписаніями права, которыя постоянно направляютъ въ ту или иную сторону мышленіе и поведеніе гражданъ, возбуждая мотивы одного рода и подавляя или предупреждая мотивы и поведеніе другаго рода. Такимъ образомъ право неминуемо упражняетъ и укрѣпляетъ однѣ струны народной души, ослабляетъ и атрофируетъ другія; оно, являясь продуктомъ психическихъ факторовъ, въ свою

---

[1]) Holtzendorff, Verbrechen d. M., s. 71—72.

[2]) Lammasch, Norv. Entwurf, Z. B. 14, s. 505—506.; сходныя положенія у Torp, R. P., 1896, 8, Преніа, p. 1409, а также у Kalker, Strafrecht, s. 16 Подробно разбираетъ вопросъ о необходимости для законодателя считаться съ народной оцѣнкой дѣяній проф. Б.—Котляревскій; см. его „Роль обычая,“ стр. 4, 11. 14.

очередь производитъ новыя психическія явленія и, путемъ воздѣйствія на психику гражданъ, производитъ измѣненія даже въ этикѣ народа. „Разумное право представляетъ своего рода нравственную школу для народа, укрѣпляя и развивая его этику въ желательномъ направленіи. Неудачное право можетъ распостранять деморализацію или, во всякомъ случаѣ, противодѣйствовать здоровому этическому прогрессу, тормозить развитіе и расцвѣтъ этическихъ силъ гражданъ.“ Такое воздѣйствіе права сразу не бросается въ глаза, но оно несомнѣнно отражается на дальнѣйшихъ поколѣніяхъ; поэтому, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія задачъ человѣческой культуры и прогресса, то будетъ непростительной ошибкой игнорировать тѣ прочныя этическія отложенія, которыя образуетъ воздѣйствіе права въ характерѣ народа. „Если тѣ мотивы, которые возбуждаютъ неудачные законы или недостатки извѣстныхъ необходимыхъ постановленій права, противны нравственности, то менѣе стойкіе и крѣпкіе въ этическомъ отношеніи люди, подчиняясь искушенію, терпятъ нравственный ущербъ, который не ограничивается минутою и не остается безъ слѣда на ихъ нравственномъ характерѣ вообще.“ Но на этомъ дѣло не останавливается. „Подъ народной этикой можно разумѣть и совокупность объективно признанныхъ правилъ поведенія, признанный въ народѣ или въ извѣстномъ его классѣ нравственный катехизисъ. И вотъ вредное дѣйствіе недостатковъ права можетъ экстенсивно и интенсивно проявиться въ такомъ размѣрѣ, что изъ этого катехизиса будутъ вырваны драгоцѣннѣйшія и необходимѣйшія для нравственнаго здоровья народа страницы... Въ народѣ или въ соотвѣтственномъ классѣ людей можетъ потеряться сознаніе безнравственности извѣстнаго рода поступковъ, можетъ быть предана забвенію та глава народнаго катехизиса, которая клеймитъ и называетъ нечестнымъ такое поведеніе.“ [1])

---

[1]) Л. Петражицкій: „Предстоящая реформа акціонернаго законодатель-

Итакъ, законодатель, который желаетъ имѣть въ виду не только ближайшее будущее, но и болѣе отдаленное, долженъ неминуемо считаться съ соображеніями этическаго характера, долженъ принимать во вниманіе не только большую или меньшую вредоностность извѣстнаго дѣянія, но и его моральное значеніе—и долженъ считаться съ народными этическими воззрѣніями. Уяснивъ себѣ эти положенія, мы можемъ отвергнуть и тѣ вышеприведенные аргументы сторонниковъ полнаго разобщенія права и морали, въ силу которыхъ всѣ преступленія являются одинаковыми нарушеніями моральнаго закона, а нравственная оцѣнка должна совершенно расходиться съ юридическою на томъ основаніи, что первая принадлежитъ обществу, государство же должно интересоваться исключительно значеніемъ дѣянія для правопорядка или степенью его опасности. Всѣ приведенные здѣсь доводы, какъ мы видѣли, являются несостоятельными.

Поэтому мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что для права сохраненіе связи съ моралью не только полезно, но и необходимо. Эта связь сохраняется, если право считается съ мотиваціей гражданъ въ двухъ направленіяхъ: 1) путемъ созданія законовъ, которые не приносили бы вреда народной этикѣ и по возможности способствовали бы ея улучшенію. Какъ справедливо замѣтилъ проф. Петражицкій, „законъ, полезный съ точки зрѣнія непосредственнаго своего вліянія, можетъ быть вреднымъ съ точки зрѣнія этической культуры.“ [1]) Напримѣръ, если законодатель, заботясь о предупрежденіи и раскрытіи преступленій, стремится къ этой похвальной цѣли, изрекая кары за недонесеніе, а доносы поощряя денежными или иными наградами, хотя бы такими, какъ освобожденіе отъ наказанія соучастника въ преступномъ

ства въ Россіи“, Экон. Обозр. 1897, 5, стр. 13—18 и др.; подробнѣе тѣ же положенія были развиты въ капитальномъ трудѣ того же автора „Lehre v. Einkommen,“ B. II, s. 437—628.

[1])Петражицкій, ук. ст., стр. 23.

сообществѣ, донесшаго на своихъ товарищей, то такой образъ дѣйствія, способствуя развитію ябеды и доноса, весьма вредно отражается на народной этикѣ, а въ будущемъ и на дѣятельности самого правосудія, хотя сразу, въ ближайшемъ будущемъ такіе результаты и не бросаются въ глаза. Равнымъ образомъ, если законодатель, не считаясь съ тѣмъ, что общество уже достигло извѣстнаго культурнаго уровня и способно къ воспріятію мотиваціи высшаго порядка, расточаетъ суровыя кары, соотвѣтствующія лишь грубому состоянію нравовъ, то такое забвеніе этическихъ началъ также самымъ вреднымъ образомъ отражается на правосудіи.

2) Связь права и морали должна выражаться въ томъ, что законодатель долженъ предоставить судьѣ возможность принимать въ соображеніе и этическую сторону преступнаго дѣянія, а для такого соображенія, какъ мы уже знаемъ, главнымъ образомъ нужно считаться съ мотивомъ этого дѣянія.

Говоря короче и резюмируя всѣ вышеизложенныя соображенія, мы утверждаемъ, что не должно смѣшивать права съ моралью, не должно отождествлять элементовъ, имѣющихъ каждый свою область; но и безъ такого отождествленія можно признать, что для права (особенно же уголовнаго) необходима живая, органическая связь съ моралью, выражающаяся въ томъ, что оно, въ ряду другихъ соображеній, считается съ этическими воззрѣніями общества и оцѣниваетъ дѣяніе не только съ внѣшней стороны, но и со стороны его моральныхъ свойствъ, для уясненія которыхъ необходимо обратить вниманіе на ученіе о мотиваціи вообще и на мотивъ, вызвавшій данное конкретное дѣяніе,—въ частности.

Установивъ эти положенія, мы можемъ уже приступить къ своей главной задачѣ: установленію роли мотива въ уголовномъ правѣ; мы имѣемъ теперь почву для этого установленія, но добытыхъ данныхъ еще недостаточно: уголовное

право, сохраняя живую связь съ этикой и психологіей, не сливается съ ними; оно имѣетъ свою самостоятельную природу, свои задачи и цѣли, при осуществленіи которыхъ оно, считаясь съ реальными жизненными условіями, часто бываетъ вынуждено къ компромиссамъ, къ отступленію отъ вѣрныхъ теоретически построеній въ виду препятствій практическаго свойства и т. п.

Вотъ мы и должны теперь дать въ общихъ чертахъ теорію мотивовъ, соотвѣтствующую основнымъ началамъ и задачамъ уголовнаго права; затѣмъ, путемъ сравнительнаго изученія кодексовъ и проэктовъ, провѣрить ея практическую пригодность и наконецъ, на основаніи всего добытаго матеріала разсмотрѣть въ деталяхъ вопросъ о значеніи мотива и о связи ученія о мотивѣ съ отдѣльными институтами уголовнаго права.

Глава 4-я.

Юридическое значеніе мотива.

Для того, чтобы опредѣлить роль мотива съ юридической точки зрѣнія, необходимо прежде всего установить, какова должна быть эта послѣдняя. Какъ ни простъ, казалось бы, этотъ вопросъ, но онъ принадлежитъ къ числу весьма спорныхъ, и разногласія, имъ возбуждаемыя, невыгодно отражаются на ученіи о роли мотива въ уголовномъ правѣ. Предметъ и задачи послѣдняго понимаютъ весьма различно: одни—болѣе широко, другіе—болѣе узко. Въ то время, какъ первые утверждаютъ, что они, оперируя извѣстными аргументами, стоятъ на юридической почвѣ, вторые—или не придаютъ такимъ аргументамъ никакого значенія, или самое большее—говорятъ, что такіе аргументы не лишены вѣрности, но что при пользованіи ими споръ переходитъ съ юридической на политическую почву. [1]).

Разногласія такого рода объясняются тѣмъ, что послѣдняя четверть нашего вѣка выдвинула цѣлый рядъ ученій, которыя пошатнули прежнее криминальное міросозерцаніе и внесли радикальный переворотъ въ пониманіе уголовно—юридической точки зрѣнія. До послѣдняго времени уголовное право разсматривали какъ юридическую дисциплину, которая изучаетъ преступленіе и наказаніе какъ отвлеченныя юридическія понятія; эта наука имѣла строго очерченный характеръ и опредѣленное содержаніе. Въ послѣднее же время

---

[1]) Такъ, напримѣръ, высказывается проф. Таганцевъ, Лекціи, т. I, ученіе о дѣйствіи закона во времени, с. 239.

существовавшій взглядъ поколебленъ; отъ науки уголовнаго права потребовали, чтобы она включила въ себя данныя, вырабатываемыя вспомогательными дисциплинами, изучающими какъ органическій міръ преступниковъ, такъ и тѣ соціальныя условія, благодаря которымъ возникаютъ преступленія, чтобы такимъ путемъ уголовное право отрѣшилось отъ своего главнаго недостатка,—оторванности отъ жизни и апріорныхъ построеній. [1])

Уголовное право нынѣ уже не можетъ оставаться чисто абстрактной наукой и покоиться на одпихъ логическихъ конструкціяхъ. Какъ наука, тѣсно связанная съ общественной жизнью и имѣющая громадное значеніе для многихъ отраслей этой жизни, уголовное право должно считаться съ реальными жизненными условіями, должно видѣть въ преступленіи и наказаніи пе абстрактныя формулы, а нѣчто живое, облеченное въ плоть и кровь. Мы не хотимъ этимъ сказать, что вѣковая работа мысли, направленная на изученіе преступленія, какъ отвлеченнаго юридическаго понятія, была безплодной. Прежняя точка зрѣнія требуетъ расширенія, но отнюдь не полнаго забвенія; преступленіе, являющееся посягательствомъ на охраняемый правомъ интересъ, можетъ быть разсматриваемо и съ формально технической точки зрѣнія, ибо такимъ образомъ формулируется цѣлый рядъ общихъ принциповъ и получаются весьма полезные результаты для техники въ области судебной практики и законодательства. Если это и пытались оспаривать нѣкоторые изъ антропологовъ, если они и выражали желаніе выбросить за бортъ все, до сихъ поръ сдѣланное въ уголовномъ правѣ, то это было лишь увлеченіе, имѣвшее мѣсто на первыхъ порахъ. Теперь же криминалисты разныхъ лагерей (за исключеніемъ

---

[1]) Подробнѣе этотъ вопросъ разобранъ въ нашей брошюрѣ „Новыя направленія въ уг. правѣ.“

самаго ограниченнаго круга лицъ) признаютъ полезными прежнія изслѣдованія формальнаго характера, хотя и указываютъ дружно, что до сихъ поръ разрабатывалась лишь одна сторона задачи, а другая — оставалась открытой.

Но вотъ эта именно другая сторона и требуетъ теперь усиленнаго вниманія. Нѣтъ нужды ломать все старое во что бы то ни стало, но нужно расширить кругъ дѣйствія, ввести новые научные пріемы, освѣжить науку уголовнаго права притокомъ новыхъ идей и такимъ образомъ видоизмѣнить ея содержаніе. Что такая реформа необходима, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. До сихъ поръ, какъ справедливо указалъ Принсъ, „для науки уголовнаго права преступникъ былъ абстрактнымъ типомъ, а не живымъ, дѣйствующимъ человѣкомъ, преступленіе было не актомъ реальной жизни, а юридической формулой, внесенной въ кодексъ, наконецъ, наказаніе являлось теоретической системой, принятой учеными, которые не считались съ природой преступленія.“ [1]) Еще ярче проводитъ подобную мысль Lammasch. Онъ говоритъ: „Классическая криминальная юриспруденція, избирая предметомъ своихъ изслѣдованій преимущественно юридическія понятія преступленія и наказанія и ихъ логическую конструкцію, упускала изъ виду, что преступленіе и наказаніе существуютъ и проявляются въ мірѣ реальномъ (der Thatsachen) благодаря этому отдѣльные изслѣдователи, доводя до крайности ошибку своихъ предшественниковъ, дошли до современной схоластики, такъ мѣтко окрещенной Іерингомъ „юриспруденціей понятій. [2]) Авторъ настаиваетъ на необходимости изучать факты физической и психической жизни, лежащіе въ основѣ понятій преступленія и наказанія, ибо только тогда исчезнетъ односторонность въ изученіи преступности,

---

[1]) Prins, Causerie, p. 2—4.

[2]) Lammasch, Studien, G. 1891, B. 44, s. 148 150.

и послѣдняя сдѣлается извѣстной въ совокупности ея проявленій, такою, какою она является въ дѣйствительности.

И въ самомъ дѣлѣ, оперируя надъ преступленіемъ, какъ надъ исключительно абстрактнымъ понятіемъ, мы неизбѣжно впадаемъ въ односторонность и схоластику; наши выводы въ этомъ случаѣ висятъ въ воздухѣ и могутъ оказаться эфемерными, не взирая на стройность построенія и послѣдовательность отвлеченно-логическаго разсужденія: жизненная, реальная подкладка изучаемыхъ явленій можетъ оказаться совсѣмъ другой, чѣмъ мы это воображали, не прибѣгая къ непосредственному ея изученію. Отсюда и проистекаютъ такого рода факты, что юстиція въ своихъ отправленіяхъ часто являлась формальной и безличной, а рядъ абстрактныхъ, хотя и весьма глубокомысленныхъ, научныхъ системъ потерпѣлъ крушеніе при столкновеніи съ жизнью.

Когда новыя научныя изслѣдованія пошатнули вѣру въ цѣлебную силу существующей карательной системы и въ рецепты теоретиковъ, когда былъ констатированъ непрерывный ростъ преступности вообще и страшное усиліе рецидива въ частности,—передъ обществомъ и передъ наукой уголовнаго права сталъ роковой вопросъ, что дѣлать?.

Уголовное право въ прежней его постановкѣ не могло дать отвѣта на этотъ вопросъ: оно привыкло считаться съ преступленіемъ, какъ съ готовымъ фактомъ, и оцѣнивать лишь его послѣдствія, а тутъ потребовалось обратить вниманіе на причины факта и поработать съ помощью методовъ, которые до сихъ поръ были чужды уголовному праву. Реформа въ области уголовнаго права такимъ образомъ сдѣлалась необходимой, и для ея осуществленія энергично стали работать криминалисты, особенно же принадлежащіе къ т. наз. соціологическому направленію.

Намъ кажется, что девизомъ этой работы является положеніе: „необходимо вникать въ глубь явленій, не

ограничиваясь изученіемъ ихъ внѣшней стороны."

Безспорныя положенія, что нѣтъ ни дѣйствія, ни явленія безъ причины, и что, не зная причинъ и не воздѣйствуя на нихъ, нельзя измѣнить и слѣдствій легли въ основу стремленія опредѣлить ту сумму разнообразныхъ взимодѣйствующихъ причинъ, результатомъ которыхъ является измѣняющаяся и сильно возрастающая въ наши дни преступность. Эти причины или т. наз. факторы преступности оказались весьма разнообразными; ихъ различно классифицировали, но статистическія данныя съ несомнѣнностью установили, какіе это факторы, а также то, что одни изъ нихъ лежатъ внѣ индивида, а другіе внутри его. Для успѣшной борьбы съ преступностью, несомнѣнно, необходимо бороться какъ со вторыми, такъ и съ первыми. Наказаніе направляется исключительно на личность виновнаго, оно можетъ, слѣдовательно, воздѣйствовать на личные факторы преступности, но оно не оказываетъ никакого дѣйствія на другія категоріи факторовъ,—значитъ для уголовнаго права необходимо обратить вниманіе на систему другихъ мѣръ, мѣръ предупредительныхъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова; только путемъ этихъ мѣръ оно можетъ воздѣйствовать на факторы преступности, лежащіе внѣ личности. Такимъ образомъ, не ограничиваясь репрессіей, уголовное право должно принять въ свое вѣдѣніе и превенцію. [1]).

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. нашу брош. „Новыя направленія," стр. 9—15, гдѣ изложены выводы изъ трудовъ лицъ, наиболѣе потрудившихся въ дѣлѣ изученія факторовъ преступности (Листа, Ферри, Фойницкаго, Тарда и др.). По вопросу о включеніи превенціи въ область уголовнаго права особенно обстоятельно высказался Штоссъ (Stoos, Kampf g. d. Verbrechen, s. 19): „Превенція и репрессія, хотя между ними есть и существенная разница, тѣмъ не менѣе не составляютъ никакой противоположности... ибо Generalprävention правильно признается одной изъ важнѣйшихъ цѣлей наказанія... Бываютъ случаи, когда наказаніе и превенція такъ тѣсно соединены, что невозможно рѣшить, преобладаетъ въ нихъ превентивный или репрессивный характеръ... Превенція и репрессія преслѣдуютъ одинаковую цѣль, —дѣйствительную борьбу съ преступ-

Но и понятіе репрессіи въ послѣднее время значительно видоизмѣнилось: сюда отнесено не только наказаніе, но и всѣ мѣры, родственныя наказанію, поскольку эти мѣры, направляясь на личность, имѣютъ въ виду подавленіе и измѣненіе коренящихся въ личности преступныхъ наклонностей (условное осужденіе, изолированіе невмѣняемыхъ, помѣщеніе алкоголиковъ въ спеціальныя лѣчебницы, бродягъ и нищихъ въ рабочіе дома, малолѣтнихъ въ исправительныя учрежденія и т. п.). Затѣмъ и относительно наказанія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова взгляды измѣнились: на сущность и организацію послѣдняго начинаютъ смотрѣть иначе, чѣмъ прежде Для уголовнаго права прежняго времени преступникъ былъ отвлеченнымъ понятіемъ; оно, налагая наказаніе за то или иное преступное дѣйствіе, мало интересовалось личностью преступника, ибо всѣ преступники одинаково въ его глазахъ являлись носителями злой воли, требующими возмездія; если, напримѣръ, и налагалось болѣе высокое наказаніе при рецидивѣ, то и въ этомъ случаѣ требовался лишь голый фактъ повторенія преступленія послѣ отбытія наказанія вполнѣ или въ части, тогда какъ, если бы обращалось должное вниманіе на личность преступника, прежде всего долженъ былъ бы ставиться вопросъ о томъ, какія причины побудили данное лицо снова впасть въ преступленіе, что́ это за лицо, и является ли оно особенно опаснымъ для общества ремесленникомъ, спеціалистомъ преступленія.

леніемъ. Государство, ведущее борьбу съ преступностью, чтобы обезпечить себѣ побѣду, дѣйствуетъ то однимъ, то другимъ оружіемъ, то ими обоими. Теоретики, которые желали бы тщательно „очистить“ уголовное право отъ превентивныхъ мѣръ, изгоняютъ эти мѣры изъ уголовныхъ кодексовъ и изъ уголовной юстиціи, но они забываютъ о реальной связи (Zusammengehörigkeit) превенціи и репрессіи. Кто потребовалъ бы отъ врача, чтобы онъ занимался только лѣченіемъ, а мѣры гигіены предоставилъ санитарной полиціи, - тотъ сдѣлался бы предметомъ смѣха, а между тѣмъ тщательное отдѣленіе превенціи отъ репрессіи еще и нынѣ въ уголовномъ правѣ почитается классическимъ.“ Сходная теорія съ необычайной силой и убѣдительностью ранѣе была развита у Ферри, см. Ferri, Sociologie, p. 248—258.

Новое время выдвинуло на первый планъ идею цѣлесообразности наказанія, оттѣснивъ теорію возмездія. Идея эта существовала и раньше у сторонниковъ т. наз. относительныхъ теорій; она создала великій принципъ индивидуализаціи наказанія, но развитіе этого принципа и его расширеніе составляетъ заслугу новѣйшихъ теченій въ уголовномъ правѣ, которыя отстаиваютъ индивидуализацію наказанія не только по соображеніямъ о важности и свойствахъ учиненнаго дѣянія, но и по соображеніямъ главнымъ образомъ о свойствахъ личности виновнаго, узнать которыя легче, имѣя свѣдѣнія о преступникахъ вообще. Правосудію въ достиженіи этой задачи должна помочь наука, изучая міръ преступниковъ и его особенности. Труды въ этомъ направленіи уже сдѣланы и главнымъ образомъ представителями т. наз. антропологической школы; критика доказала, что во многомъ эти работы поспѣшны и ошибочны, но важно уже то, что положено начало изученію преступнаго міра, причемъ выяснилось, что этотъ міръ не представляетъ единства и однообразія, что преступники не могутъ быть разсматриваемы по одному и тому же шаблону, какъ ошибочно ихъ разсматривали прежде. Появилась идея классификаціи преступниковъ и организаціи репрессивныхъ мѣръ, сообразно съ этой классификаціей. Единства классификаціи еще нѣтъ, но важность этого дѣла признана, и уже теперь строго различаютъ преступность острую, называемую также случайной, и преступность хроническую (привычную, профессіональную). Не останавливаясь на дальнѣйшихъ менѣе существенныхъ пріобрѣтеніяхъ науки уголовнаго права, сдѣланныхъ за послѣднее время, мы, оганичиваясь уже изложенными фактами, находимъ возможнымъ утверждать, что теперь карательная дѣятельность государства должна имѣть главною цѣлью охрану общественныхъ интересовъ путемъ цѣлесообразной борьбы съ преступностью, и что въ достиженіи этой цѣли государству дол-

жна помогать наука уголовнаго права, которая должна расширить свои рамки для включенія въ себя уже добытаго и добываемаго новаго матерьяла. Подробно этотъ матерьялъ могутъ разрабатывать другія научныя дисциплины по принадлежности, но уголовное право должно зорко слѣдить за этой разработкой, критически къ ней относиться, воспринимать добытые результаты и считаться съ ними на каждомъ шагу, памятуя, что такимъ расширеніемъ своихъ задачъ и своего содержанія она пріобрѣтаетъ подъ ногами твердую эмпирическую почву, которой доселѣ почти не имѣла.

До тѣхъ же поръ, пока воспомогательныя дисциплины еще не выработались и не установились, на уголовномъ правѣ лежитъ обязанность и самостоятельной разработки новыхъ данныхъ.

Далеко не всѣ ещѣ криминалисты согласны съ такого рода расширеніемъ области уголовнаго права; противъ этого расширенія раздавались и раздаются голоса сторонниковъ формальнаго пониманія права, отстаивающихъ т. наз. строго юридическую точку зрѣнія. Но не будемъ забывать, что за расширеніе рамокъ науки уголовнаго права говоритъ не какая нибудь кабинетная теорія, а сама жизнь: она выдвинула на сцену вопросъ о факторахъ преступности и о цѣлесообразной постановкѣ борьбы съ ней; она дала цѣлый рядъ новыхъ и важныхъ научныхъ данныхъ. Все дѣло сводится къ двумъ простѣйшимъ положеніямъ: 1) можно ли оставить безъ вниманія вновь добытыя научныя данныя и 2) какой наукѣ ближе всего вѣдать эти данныя?.

Перваго никто изъ противниковъ защищаемой нами постановки вопроса не утверждаетъ. Второй же вопросъ или оставляютъ безъ отвѣта, или отсылаютъ къ антропологіи, соціологіи и т. д. Но вѣдь общая антропологія и общая соціологія имѣютъ свои болѣе широкія задачи; вопросъ о преступности имѣетъ для нихъ лишь второстепенное зна-

ченіе и стоитъ въ ряду съ цѣлой массой другихъ вопросовъ; необходимы, слѣдовательно, отдѣльныя спеціальныя вѣтви этихъ наукъ,—уголовная антропологія, уголовная соціологія и т. д. Когда эти науки будутъ широко разработаны, тогда можетъ найти себѣ мѣсто прекрасный принципъ раздѣленія труда, но и тогда не уничтожится необходимость для криминалиста пользоваться всѣми добытыми данными; на немъ не будетъ лишь лежать обязанность самостоятельной ихъ разработки. Но, пока вспомогательныя уголовному праву дисциплины еще не выработались, отсылать во имя пурификаціи уголовнаго права и охраны его формальнаго характера къ соціологіи и др. наукамъ,—это во многихъ случаяхъ будетъ равносильно погребенію самыхъ жизненныхъ и серьезныхъ вопросовъ. Намъ дѣло представляется въ такомъ видѣ: уголовное право каждаго момента можетъ быть обсуждаемо съ точки зрѣнія настоящаго и съ точки зрѣнія будущаго. Съ точки зрѣнія настоящаго, въ правовыхъ государствахъ для защиты индивидуальнаго интереса и гражданской свободы выдвинутъ принципъ „nullum crimen, nulla poena sine lege;“ уголовные законы, указывая, какія дѣянія могутъ подлежать карѣ и до какихъ предѣловъ можетъ идти карательная власть, являются, по справедливому замѣчанію Листа, своего рода magna charta преступника и охраняютъ не только правовой порядокъ и общество, но и индивида, посягающаго на правопорядокъ, служа ему оплотомъ противъ всемогущества государства, противъ „Левіафана.“ Высшая задача всякаго организованнаго общества заключается въ согласованіи интересовъ общежитія со свободой индивида. „И въ будущемъ государствѣ его карательная власть будетъ ограничена извѣстными условіями и предѣлами, установленными въ законѣ... Уголовное право останется, а вмѣстѣ съ нимъ и наука уголовнаго права и уголовное правосудіе“. [1])

[1]) Liszt, D. Gegner, Z. 1893, B. 13, s. 356 – 358; подробное и обстоятельное изложеніе взглядовъ Листа по этому вопросу см. Пржевальскій, Листъ, стр. 80 – 85.

Для того, чтобы наказать кого либо, всегда нужно будетъ доказать, что извѣстное лицо совершило преступленіе, т. е. дѣяніе, за которое законъ грозитъ наказаніемъ, нужно будетъ установить составъ такого именно, а не иного преступленія и опредѣлить, соображаясь съ закономъ, карательныя послѣдствія. Наукѣ здѣсь открывается широкое поприще, на которомъ она нѣсколько вѣковъ уже и подвизается,—разрабатывать и разъяснять дѣйствующее законодательство и, освѣщая и облегчая такимъ образомъ работу суда, устанавливать руководящія положенія общаго характера и развивать ихъ. Все это и дѣлаетъ наука уголовнаго права въ тѣсномъ, или, если угодно, въ строго юридическомъ смыслѣ. Но, очевидно, такой работы не достаточно. Жизнь неустанно движется впередъ и наука должна поспѣвать за ней. Выдвигаются новыя проблеммы, дѣлаются открытія въ другихъ областяхъ знанія, съ которыми необходимо считаться, и т. п. Настоящее оказывается неудовлетворительнымъ, приходится думать о будущемъ; а между тѣмъ для разрѣшенія возникающихъ жгучихъ вопросовъ юристъ напрасно будетъ искать отвѣта въ догматикѣ, въ уголовномъ правѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, которое тѣсно связано съ настоящимъ и почерпаетъ въ немъ критеріи; необходимо выйти за эти предѣлы, необходимо прислушаться къ голосу реальной жизни, новымъ идеямъ, новымъ фактамъ. И вотъ юристъ это дѣлаетъ; для прогресса своей науки онъ внѣ ея почерпаетъ данныя, онъ требуетъ реформъ, онъ стремится, чтобы догматика будущаго была иной, чѣмъ догматика настоящаго, онъ разрабатываетъ новые факты,—однимъ словомъ онъ работаетъ для уголовнаго права будущаго. Спрашивается, юридическія ли это работы? Отвѣтъ не легокъ; благодаря бурному и стремительному реформаторскому потоку новыхъ ученій въ уголовномъ правѣ, терминологія еще не установилась: одни называютъ такого рода изслѣдованія соціо-

логическими, другіе—уголовно-политическми, третьи—политико-юридическими и т. п. Наиболѣе часто въ такихъ случаяхъ говорятъ объ уголовной политикѣ (и это названіе намъ кажется наиболѣе подходящимъ); но нерѣдко о ней говорятъ какъ о чемъ то новомъ, упуская изъ виду, что всѣ реформаторы прошлаго были такими политиками, и что не въ современной имъ догматикѣ, а внѣ ея почерпали они идеи, производившія переворотъ въ уголовномъ правѣ (Беккарія, Вольтеръ, Говардъ и др.). Нѣтъ, уголовная политика—наука далеко не новая; это давній спутникъ науки уголовнаго права въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, это источникъ прогресса и совершенствованія послѣдняго; новѣйшее время не создало эту науку, а только расширило ея горизонты и дало ей твердую точку опоры; оно указало ей благодарную задачу слѣдить за прогрессомъ въ области родственныхъ праву наукъ, слѣдить за жизнью и отовсюду почерпать матеріалъ для обновленія уголовнаго права.

Мы такимъ образомъ различаемъ науку уголовнаго права въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (догматику) и уголовную политику, но мы видимъ и живую связь между ними и думаемъ, что въ виду служенія одной и той же высокой цѣли,—дѣлу правосудія, обѣ эти науки могутъ быть объединены въ въ понятіи науки уголовнаго права въ широкомъ смыслѣ слова. [1]) Связь ихъ прочна и органична, ибо, какъ прекрасно выразился Листъ,,, безъ точнаго знанія дѣйствующаго права во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, безъ полнаго обладанія законодательною техникой, безъ строгой узды логически юридиче-

---

[1]) Самый терминъ и основная идея принадлежатъ Листу; но онъ нѣсколько иначе, чѣмъ мы, смотритъ на уголовную политику, ставя ей болѣе тѣсныя рамки, см. Liszt, Krimin. -polit. Aufgaben, Z., IX, s. 453; за расширеніе уголовнаго права за предѣлы формальнаго элемента также стоятъ Ferri и Garofalo, но у нихъ слишкомъ мало обращено вниманія на формально-юридическій элементъ. Ближе другихъ къ нашему пониманію взаимоотношенія уголовнаго права и политики Weinrich, Strafrecht, Z. 1897, s. 858—865.

скаго мышленія, уголовная политика вырождается въ поверхностный, безъ руля носящійся по волнамъ раціонализмъ. Уголовное же право превращается въ чуждую жизни безплодную игру формулъ, коль скоро оно не проникнуто и не руководится тѣмъ сознаніемъ, что преступленіе есть не только понятіе, но и явленіе чувственнаго міра, чреватое послѣдствіями событіе въ жизни индивида и общества, и что наказаніе существуетъ не ради самого себя, а находитъ свое обоснованіе и назначеніе въ охранѣ жизненныхъ интересовъ людей.“ [1])

Вотъ эта неразрывная связь уголовнаго права и уголовной политики и создаетъ объединяющее оба эти элемента понятіе уголовнаго права въ широкомъ смыслѣ. Въ такомъ же смыслѣ мы будемъ понимать и юридическую точку зрѣнія: и соображенія формальнаго характера, и соображенія уголовно-политическія, разъ ими пользуются для работы на пользу правосудія, — мы будемъ признавать юридическими и не согласимся со взглядомъ, что какія либо изъ этихъ соображеній юристъ можетъ игнорировать. Какъ мы и ранѣе однажды высказывались, мы не можемъ понять стараній свести жизненную науку уголовнаго права къ голой конструкціи логическихъ понятій, ибо при этомъ самыя жгучія, самыя животрепещущія положенія отвергаются и приносятся въ жертву неумолимому божку, именуемому строго юридической точкой зрѣнія, а отъ этой жертвы не выигрываютъ ни наука, ни правосудіе.

Поэтому, говоря о юридическомъ значеніи мотива, мы будемъ разумѣть этотъ терминъ въ широкомъ смыслѣ, обнимая ими и уголовно-политическое значеніе мотива, а для установленія юридическаго значенія мотива мы будемъ поль-

---

[2]) Liszt, Lehrbuch, 5 Aufl., s. 6—7; ср. 6 Aufl., 2—3; сходная теорія была изложена Листомъ уже въ третьемъ изданіи его учебника.

зоваться всякимъ пригоднымъ матерьяломъ, хотя бы онъ былъ и не формально-юридическаго свойства. Поэтому, если мы убѣдимся, что въ интересахъ правосудія, въ интересахъ какъ общества, такъ и индивида, уголовное право, опираясь на твердыя эмпирическія данныя психологіи и этики, должно считаться съ мотивомъ,—мы должны настаивать на томъ, что мотивъ имѣетъ важное юридическое значеніе.

Мы видѣли, что психологическія и этическія данныя говорятъ въ пользу значенія мотива. Мы знаемъ, что уголовное право не можетъ игнорировать психологіи, ибо пониманіе внутренней стороны преступленія, пониманіе всего вопроса о субъективной виновности—обусловливается знаніемъ духовныхъ процессовъ, т. е. психологическими свѣдѣніями. Мы знаемъ далѣе, что уголовное право находится въ тѣсной связи съ этикой, и что пренебреженіе этической оцѣнкой дѣяній, главнымъ образомъ зиждущейся на мотивахъ, пагубно для общественныхъ интересовъ, пагубно для самого уголовнаго права, ибо оно такимъ образомъ можетъ превратиться въ механическій безжизненный аппаратъ, дѣйствующій не для общества, а для самоуслажденія формалистовъ. Эти соображенія для насъ являются рѣшающими; они, какъ мы говорили, даютъ намъ канву, а узоръ, т. е. болѣе подробную юридическую теорію, должны дать соображенія о задачахъ и цѣляхъ правосудія. Но, основываясь на уже разсмотрѣнныхъ данныхъ, мы должны отмѣтить, что въ пользу важности мотива говорятъ весьма вѣскія соображенія, такъ что для ея отрицанія необходимо установить наличность какихъ либо особо важныхъ и существенныхъ препятствій, грозящихъ ущербомъ правосудію, если оно обратитъ вниманіе на мотивъ.

Поищемъ же этихъ препятствій, а для этого обратимся къ разсмотрѣнію по существу преступленія и наказанія. Въ преступленіи имѣются двѣ стороны,—субъективная и объ-

ективная; понятіе „мотивъ“ всецѣло относится къ субъективной сторонѣ, а потому рѣшеніе вопроса о важности этого понятія въ значительной мѣрѣ находится въ зависимости отъ того, какую сравнительную цѣнность мы придадимъ каждой изъ упомянутыхъ сторонъ.

Мы знаемъ, что прежде въ уголовномъ правѣ главное вниманіе обращалось на объективный моментъ, но что реакція новаго времени, наоборотъ, стала рѣзко подчеркивать сторону субъективную и главное вниманіе перенесла съ учиненнаго дѣянія на личность виновнаго. Отсюда до сихъ поръ продолжающійся споръ о томъ, на чемъ долженъ криминалистъ сосредоточиваться, на преступленіи или на преступникѣ. Намъ представляется, что такая постановка вопроса въ значительной мѣрѣ основывается на недоразумѣніи, и что нельзя игнорировать ни того, ни другаго изъ упомянутыхъ моментовъ. Мы не боимся упрека въ эклектизмѣ, обыкновенно дѣлаемаго сторонникамъ одинаковой съ нами точки зрѣнія по этому вопросу. Мы сами противъ эклектическихъ теорій, которыя представляютъ изъ себя пеструю амальгаму, составленную изъ наудачу взятыхъ обломковъ и кусковъ разныхъ теорій; но можетъ быть эклектизмъ другаго рода: когда сложность отвѣта является органически необходимой, ибо вызывается сложностью поставленнаго вопроса, и вотъ именно съ эклектизмомъ такого рода мы имѣемъ дѣло въ настоящемъ случаѣ: преступленіе является фактомъ чрезвычайно сложнымъ, и эта сложность необходимо должна отразиться на организаціи и задачахъ наказанія..

Не забудемъ прежде всего, что о преступникѣ нельзя говорить до тѣхъ поръ, пока мы не имѣемъ передъ собой преступленія и не докажемъ, что извѣстный индивидъ совершилъ это преступленіе; въ правовомъ государствѣ, которое въ интересахъ гражданской свободы охраняетъ принципъ „nullum crimen, nulla poene sine lege,“ только совершеніе

извѣстнаго конкретнаго дѣянія создаетъ право примѣнять къ виновному наказаніе. Преступленіе такимъ образомъ является опорнымъ пунктомъ, исходною точкой, которую нельзя игнорировать. Съ нимъ, далѣе, связывается понятіе объективнаго элемента въ уголовномъ правѣ.

Не преувеличивая значенія этого элемента, мы тѣмъ не менѣе признаемъ его важность: 1) для общества далеко не безразлично количество причиненнаго извѣстнымъ дѣяніемъ вреда, ибо во многихъ случаяхъ, чѣмъ болѣе значительное благо нарушено, тѣмъ значительнѣе и степень внушаемой дѣяніемъ обществу опасности; 2) мы не можемъ совершенно игнорировать интересовъ потерпѣвшаго, а послѣднему главнымъ образомъ важна объективная сторона, т. е. не столько свойства личности, причинившей ему вредъ, сколько количество этого вреда и притомъ не только вреда матерьяльнаго, но и вреда моральнаго; совсѣмъ не считаясь съ послѣднимъ при назначеніи наказанія, мы открываемъ дорогу нежелательному самосуду и самоуправству; 3) объективная сторона весьма важна для преступника, интересы котораго мы не имѣемъ права игнорировать, ибо виновный, совершая преступленіе, еще не становится въ силу этого безправнымъ; никто не гарантированъ въ томъ, что онъ никогда не совершитъ дѣянія, воспрещеннаго закономъ, но что̀, спрашивается, сдѣлалось бы съ гражданской свободой, если бы власть не была связана въ кодексѣ рамками извѣстнаго дѣянія и могла по усмотрѣнію поступать съ „опасными и подозрительными"? Исторія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ съ достаточной убѣдительностью.

Итакъ, для уголовнаго права важна и объективная сторона, важно и преступленіе, а не только преступникъ. Этотъ выводъ имѣетъ прямое отношеніе и къ вопросу о значеніи мотива, ибо, какъ это ни странно, игнорированіе преступленія иногда вредно отражается и на ученіи о мотивѣ. Такъ,

Ферри, тотъ самый Ферри, который не разъ высказывалъ, будто онъ признаетъ извѣстную важность и значеніе за трудами прежняго направленія, недавно рѣзко возсталъ противъ „переходныхъ попытокъ между старымъ и новымъ пониманіемъ сущности и задачъ уголовной юстиціи.“ Онъ и слышать ничего не желаетъ о преступленіи, „ибо вся юстиція будущаго будетъ сосредоточиваться на преступникѣ, какъ біопсихической личности, которая живетъ и дѣйствуетъ въ той или иной соціальной средѣ.“ Отсюда онъ, одинъ изъ инпціаторовъ идеи о важности мотива, отрицаетъ попытки возвысить значеніе мотива, сдѣланныя не по тому пути, который ему нравится, т. е. попытки, берущія исходнымъ пунктомъ преступное дѣяніе; безъ доказательствъ онъ утверждаетъ, что при современной организаціи юстиціи эти попытки не могутъ „пустить живыхъ корней,“ [1]) т. е. другими словами, Ферри выступаетъ даже противъ идей, ему симпатичныхъ, если ихъ хотятъ проводить безъ коренной ломки уголовнаго права, безъ отказа отъ понятія „преступленіе.“ Не желая впадать въ столь предвзятую односторонность, мы будемъ, какъ предполагали и ранѣе, имѣть въ виду и преступника, и преступленіе; признаніе важности послѣдняго выяснится въ нашей работѣ и далѣе, когда къ преступленію будетъ отнесено то, что въ предыдущихъ отдѣлахъ нашей работы было сказано о дѣяніи вообще.

Итакъ, признаніе важности объективнаго момента отчасти отражается и на ученіи о значеніи мотива, но это послѣднее ученіе, очевидно, находится въ главной зависимости отъ выясненія того, какую роль въ уголовномъ правѣ долженъ играть моментъ субъективный: мотивъ — есть одна изъ частей послѣдняго.

---

[1]) Ferri, см. Garçon, Peines n. d., Пренія, R. P. 1896, 8, p. 1411—1412; здѣсь Ферри рѣзко отступаетъ отъ примирительныхъ взглядовъ, ранѣе имъ изложенныхъ; см. Ферри, Преступленіе, стр. 1—10.

Мы знаемъ, что моментъ субъективный особенно энергично выдвинутъ на первый планъ сторонниками новаго направленія въ уголовномъ правѣ; мы излагали уже и тѣ основанія, по которымъ реакцію прежнему направленію мы признаемъ полезной и необходимой, а потому можемъ прямо обратиться къ существу вопроса. Разъ мы признаемъ объединеніе уголовнаго права и уголовной политики, разъ мы утверждаемъ, что важнѣйшей задачей законодательной и карательной дѣятельности является maximum цѣлесообразной борьбы съ преступностью, вопросъ о необходимости усилить значеніе субъективнаго момента перестаетъ уже быть вопросомъ. Невозможно выбрать мѣру наиболѣе цѣлесообразную, наиболѣе пригодную для даннаго индивида, если мы не уяснимъ себѣ, кто совершитель преступленія, упорный ли врагъ общества или робкій новичекъ на преступномъ пути, каковы его качества, его прошлое, его настроеніе относительно правопорядка, степень его опасности и каковы, наконецъ, тѣ стимулы, подъ вліяніемъ которыхъ онъ дѣйствовалъ. Вопросъ заключается лишь въ томъ, какіе предѣлы нужно поставить изслѣдованію этихъ пунктовъ, дабы оно не затянулось до безконечности, во—первыхъ, а во - вторыхъ, дабы мы не стали терять времени на разсмотрѣніе того, что не имѣетъ никакого значенія для карательной дѣятельности, хотя по существу и является весьма интереснымъ. Для насъ главнымъ образомъ при этомъ важно рѣшить, въ предѣлахъ криминальнаго изслѣдованія или внѣ его долженъ остаться вопросъ о мотивѣ преступной дѣятельности.

Многіе рѣшаютъ вопросъ во второмъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ игнорированія мотива. Такъ, Биндингъ говоритъ: „Достиженіе извѣстной гармоніи (между наличнымъ и желаемымъ) есть цѣль всѣхъ дѣяній... Ощущеніе дисгармоніи въ связи съ представленіемъ о наиболѣе для насъ соотвѣтствующемъ способѣ ея устраненія является мотивомъ къ тому,

чтобы дѣйствовать именно въ извѣстномъ направленіи (*wie* gehandelt werden soll)... Но и цѣль и мотивъ являются чисто внутренними, скрытыми моментами (rein innere Thatsachen) въ человѣкѣ, а поэтому, какъ таковые, праву должны быть безполезны." [1]).

Еще подробнѣе нѣкогда высказался по данному вопросу Спасовичъ, по словамъ котораго „при вмѣненіи юридическомъ главное основаніе для сужденія есть намѣреніе непосредственное, съ которымъ совершено дѣяніе. Судья не можетъ и не долженъ продолжать въ безконечность свой анализъ; изъ безконечной цѣпи онъ долженъ взять лишь нѣсколько звеньевъ... Что же касается причинъ дѣянія, то ему достаточно удостовѣриться въ наличности преступнаго намѣренія, рѣдко ему придется доискиваться цѣли, которую преступникъ имѣлъ въ виду, наконецъ первоначальные мотивы почти и не принимаются въ разсчетъ...... Нѣтъ надобности пятиться назадъ и отходить къ мотивамъ, потому что: а) мотивы сокровенны и во многихъ случаяхъ открыть ихъ нельзя, б) что благородствомъ мотивовъ нисколько не извиняется подлое дѣло... Никому не дано попирать законъ и общественный порядокъ, каковы бы ни были его убѣжденія. Кража всегда остается кражею, хотя бы она была учинена съ цѣлью раздать покраденное нищимъ. Убійство не перестанетъ быть убійствомъ, не смотря на то, совершено ли оно простымъ разбойникомъ, или Шарлоттою Корде, или Орсини; можно съ чистой совѣстью, *сочувствуя даже мотивамъ*, подать голосъ въ пользу *полнаго* осужденія обвиняемаго въ подобныхъ случаяхъ." [2])

---

[1]) Binding, Normen, 2, s. 74.

[2]) Спасовичъ, Учебникъ, с. 156—157. Позже уважаемый авторъ, повидимому, измѣнилъ свой взглядъ въ смыслѣ болѣе благопріятномъ для важности мотива; онъ высказалъ положеніе, что и по началамъ *юридическимъ*, а не только по началамъ этики, человѣкъ долженъ судиться за все свое поведеніе, включая сюда и мотивы; см. Спасовичъ, Сочиненія, т. III, с. 189. Ср. Hälsch-

Мы подчеркиваемъ это слово „полнаго", ибо отсюда вытекаетъ, что авторъ не согласенъ допустить въ широкихъ размѣрахъ индивидуализацію наказанія во вниманіе къ мотиву.

Не особенно значительныя отличія во взглядахъ на разсматриваемый вопросъ мы находимъ и у другихъ противниковъ теоріи мотивовъ. Такъ, прежде всего, одни особенно упираютъ на трудность установленія мотива. „Моральстатистиками", говоритъ Ашроттъ: „выставлено требованіе, чтобы былъ устанавливаемъ мотивъ дѣянія... для нихъ мотивъ имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ само дѣяніе.... Однако существуетъ ли возможность съ опредѣленностью указать рѣшающій мотивъ, который вызвалъ преступленіе? Всегда ли заслуживаетъ довѣрія въ этомъ отношеніи даже показаніе обвиняемаго? Всегда ли будетъ въ состояніи судья (а только ему можетъ быть предоставлено установленіе мотива [1]) высказать рѣшеніе по этому вопросу въ случаяхъ, разбираемыхъ судомъ присяжныхъ?... Представляется ли возможность безчисленные мотивы, которые могутъ оказывать вліяніе на волю отдѣльнаго лица, обнять въ ихъ цѣлости и подвести подъ общія рубрики, особенно принимая во вниманіе многочисленные случаи одновременнаго воздѣйствія на индивида мотивовъ совершенно разнородныхъ." Авторъ думаетъ, что указаніе того или иного мотива часто будетъ основываться на голыхъ презумпціяхъ, и ссылается на тотъ фактъ, что статистическій конгрессъ во Флоренціи въ 1867 г. („anerkennenswerte Gründlichkeit hatte) основательно поступилъ, ибо,

---

ner, Lehrbuch, s. 510; Berner, Lehrbuch, §. 66; H. Meyer, Lehrbuch, s. 207—208 и др. Указанные авторы держатся взгляда, сходнаго съ изложеннымъ нами взглядомъ Спасовича въ его учебникѣ.

[1]) Примѣчаніе. Мы разберемъ далѣе мнѣніе Ашротта по существу, пока же отмѣтимъ, что его утвержденіе, будто установленіе мотива не можетъ быть предоставлено присяжнымъ, совершенно бездоказательно; мы считаемъ это мнѣніе неправильнымъ уже потому, что вопросъ о томъ, каковъ былъ мотивъ дѣянія, есть вопросъ чисто фактическій,

указавъ 13 группъ мотивовъ, какъ 14-ю указалъ группу „causes diverses ou inconnues.“ [1])

На ту же трудность указываютъ Гардейль, Нормандъ и Вульфертъ. По словамъ перваго (который въ общемъ отстаиваетъ значеніе мотива), „мотивы ускользаютъ отъ насъ почти цѣликомъ; кто можетъ льстить себя надеждой успѣшно браться за изслѣдованіе мыслей и сердецъ?“ [2]) Нормандъ къ этому прибавляетъ, что критерій мотивовъ недостаточенъ и не всегда вѣренъ [3]), а проф. Вульфертъ говоритъ слѣдующее: „Если мы не знаемъ всѣхъ мотивовъ будущаго человѣческаго дѣйствія, то точно также отъ совершеннаго дѣйствія нельзя безошибочно заключать къ побуждавшимъ человѣка мотивамъ. Значитъ мы можемъ узнать только нѣкоторые мотивы, а такъ какъ.. дѣйствіе есть послѣдствіе всѣхъ вліявшихъ мотивовъ, то никогда нельзя составить ясной оцѣнки дѣйствія по предполагаемымъ мотивамъ. [4])

Присматриваясь къ изложеннымъ доводамъ, нельзя не сказать, что они частью бездоказательны, а частью основываются или на невѣрномъ пониманіи процесса мотиваціи, или на преувеличеніи трудностей, связанныхъ съ распознаніемъ мотива. Прежде всего, почему мы должны остановиться, констатировавши намѣреніе, и не идти дальше? Это можно было бы сказать, признавая, что воля господствуетъ надъ мотивами; но мы уже знаемъ, что не только не существуетъ такого господства, а, наоборотъ, констатирована реальная

---

[1]) Aschrott, Erhebung, Z. B. 5, s. 346—347.

[2]) Gardeil, см. Garçon, Peines n. d., Пренія, R. P. 1896, 7, p. 1104.

[3]) Normand, ibidem p. 1105.

[4]) Вульфертъ, Антроп. школа, I, с. 234. Но самъ авторъ допускаетъ, что мотивъ долженъ вліять на мѣру наказанія, а чтобы было осуществимо хотя бы послѣднее, установленіе мотива все же необходимо. Насъ особенно удивляетъ отрицательное отношеніе В. къ вопросу о мотивѣ потому, что именно онъ весьма вѣрно и отчетливо смотритъ на значеніе въ уголовномъ правѣ моральнаго элемента (ibid., с. 386 и др.), съ точки зрѣнія котораго мотивъ, какъ мы знаемъ, имѣетъ большое значеніе.

зависимость воленія (и проистекающаго изъ него дѣянія) отъ мотива; если вышеприведенное положеніе проистекаетъ изъ взгляда, что юристъ можетъ смотрѣть на преступленіе, какъ на готовый фактъ, не заботясь о его источникѣ, то мы также знаемъ, что это формальное утвержденіе не сотвѣтствуетъ широко понимаемой юридической точкѣ зрѣнія и вредно для задачъ правосудія. [1]) Мы прибавимъ къ ранѣе нами сказанному, что источникъ преступленія, какъ конкретнаго факта, подлежащаго разбору суда, именно и есть мотивъ. При дѣятельности превентивной изучаютъ факторы преступности, т. е. родовыя, внѣшнія причины группы явленій, разсматриваемыхъ въ массѣ; безъ знанія этихъ причинъ разумная превенція является невозможной: она будетъ дѣйствовать ощупью, наугадъ, какъ бы съ завязанными глазами и никогда не добьется плодотворныхъ результатовъ. При дѣятельности карательной передъ судомъ стоитъ виновникъ извѣстнаго дѣянія; этотъ виновникъ, какъ единица, входящая въ составъ обширной коллективной единицы (преступники данной мѣстности или данной народности), подчиняется дѣйствію общихъ, родовыхъ причинъ, но констатировать воздѣйствіе этихъ причинъ (факторовъ) въ отдѣльномъ конкретномъ случаѣ не представляется возможности; эти причины, какъ мы уже говорили, [2]) раскрываются передъ нами, когда мы разсматриваемъ коллективную дѣятельность, т. е. идемъ въ научномъ изслѣдованіи путемъ исторіи и статистики, но опредѣлить ихъ вліяніе на дѣйствія извѣстнаго индивида нельзя за отсутствіемъ подходящаго научнаго аппарата.

Итакъ, для карательной дѣятельности необходимо знать причины не общія и внѣшнія, а индивидуальныя и внутреннія, а такой причиной и является мотивъ преступленія. Если насъ спросятъ, почему не идти еще дальше, почему

---

[1]) См. выше, стр. 92—93 и сл.

[2]) См. выше, стр. 52—53.

можно винить человѣка за дѣяніе, вызванное извѣстнымъ толчкомъ, отъ котораго оно зависѣло можетъ быть фатально, почему, наконецъ, не обратить вниманіе на унаслѣдованныя дурныя наклонности и прочія особенности индивида, благодаря которымъ волевой процессъ протекалъ такъ, а не иначе,—то мы отвѣтимъ, что всѣ эти вопросы вполнѣ законны при установленіи того, должно ли данное лицо быть признано вмѣняемымъ или не должно, вопросъ же о мотиваціи появляется лишь тамъ, гдѣ есть на лицо сознаніе, есть способность мыслить и не быть лишь пассивнымъ орудіемъ внѣшнихъ воздѣйствій, [1]) т. е. есть на лицо то, что Шопенгауэръ назвалъ интеллектуальной свободой.

Намъ остается отвѣтить теперь на утвержденія, что распознать мотивъ очень трудно, а иногда и невозможно, что такое распознаніе гадательно, позволяетъ залѣзать въ душу и пр.

Оставивъ въ сторонѣ аргументъ, будто дѣйствіе есть результатъ сложной сѣти мотивовъ, а потому нельзя останавливаться на отдѣльномъ, предполагаемомъ мотивѣ, [2]) мы замѣтимъ обо всѣхъ остальныхъ аргументахъ, что они далеко не новы, ибо ихъ выдвигаютъ всякій разъ, какъ только не хотятъ выйти за предѣлы узкаго формализма и рутины. Развѣ не возражали противъ широкаго изслѣдованія личности на судѣ, что оно даетъ возможность копаться въ душевныхъ тайникахъ этой личности, ея религіозныхъ и политическихъ убѣжденіяхъ и т. п.?

То же самое происходитъ и съ вопросомъ о мотивѣ; но не будемъ забывать того прекраснаго замѣчанія проф. Фойницкаго, что, если изслѣдованія, о которыхъ идетъ рѣчь, не нужны

[1]) См. выше, стр. 63—68.

[2]) Этотъ аргументъ зиждется на смѣшеніи съ мотивомъ всякаго побужденія, впечатлѣнія и толчка; несостоятельность его видна изъ соображеній, изложенныхъ нами на стр. 10—11, 20—21, 24—25 и 27 нашей работы.

ни для установленія виновности, ни для опредѣленія наказанія, то они, какъ не относящіяся къ дѣлу, не будутъ допущены, если же они нужны для одной изъ этихъ цѣлей, то они становятся необходимыми. [1]) Мы видѣли въ психологической части нашей работы, что изученіе мотива можетъ дать намъ ключъ къ пониманію вытекшаго изъ него дѣйствія и освѣтить послѣднее; оно можетъ дать намъ возможность судить и о дѣятелѣ, тогда какъ при неизвѣстности мотива дѣяніе является психологической загадкой; [2]) мы знаемъ, далѣе, что безъ знанія мотива невозможна нравственная оцѣнка дѣянія, столь важная для криминалиста, желающаго сообразоваться съ воззрѣніями общества; но есть и еще важныя соображенія: 1) Установленіе на судѣ мотива нерѣдко является безусловно необходимымъ для рѣшенія вопроса о виновности. „Центръ тяжести уголовныхъ дѣлъ обыкновенно лежитъ въ рѣшеніи вопроса—cui interest; но мотивъ—обстоятельство внутреннее, сокровенное, которое можетъ быть распознаваемо по внѣшнимъ его проявленіямъ или по его условіямъ; если ставится вопросъ о самомъ существованіи даннаго мотива и для рѣшенія его необходимо установить, имѣлась ли реальная почва для образованія его, то нѣтъ никакого основанія устранять отъ судебнаго изслѣдованія и вопросъ о наличности такой почвы; уклоненіе отъ него, напротивъ, можетъ грозить неполнотой и неточностью отвѣта.“ [3]) Въ томъ же духѣ высказывается и Владиміровъ: „Мотивъ въ уголовномъ процессѣ всегда долженъ быть изслѣдованъ, ибо преступленіе, мотивъ котораго не разъясненъ, остается загадочнымъ. Кромѣ того, мотивъ въ процессѣ имѣетъ значеніе важнаго доказательства и весьма

---

[1]) Фойницкій, Курсъ, 2, стр. 285.

[2]) См. у насъ стр. 68, пп. 9 и 10.

[3]) Фойницкій, Курсъ, 2, стр. 286 - 287; сходное положеніе высказалъ, но не разработалъ Lammasch, см. Lammasch, Studien, s. 191.

часто служитъ ключемъ для разъясненія душевной нормальности или нормальности подсудимаго. Безмотивное преступленіе всегда внушаетъ подозрѣніе, что субъектъ преступленія страдаетъ душевной болѣзнью" [1]). 2) Въ виду ранѣе установленной нами неразрывной связи между дѣйствіемъ и мотивомъ, [2]) мы можемъ утверждать, что наказаніе, не принимающее въ соображеніе мотивовъ, стремилось бы къ раздѣленію недѣлимаго; сверхъ того, игнорированіе мотива сдѣлало бы невозможнымъ исполненіе закона, который уже въ наше время отводитъ при опредѣленіи наказанія извѣстную роль и мотиву, ибо сознаетъ, что наказаніе есть реакція не только противъ внѣшней физической стороны дѣянія, но и противъ его стороны внутренней, психической и моральной, а внѣ мотива опредѣленіе послѣдней едва ли является вѣрнымъ и полнымъ. 3) Всѣ утвержденія о невозможности найти мотивъ дѣянія разбиваются тѣмъ, что наука и практика давно уже ищутъ ихъ и успѣшно находятъ. Одна изъ первыхъ попытокъ такого рода принадлежитъ Штрассу; [3]) въ томъ же духѣ работали Гольцендорфъ, Вальбергъ [4]) и др., а въ послѣднее время обстоятельное изслѣдованіе отдѣльныхъ мотивовъ и классифицированіе ихъ были сдѣланы Листомъ. [5]) Затѣмъ, уже статистическій конгрессъ 1853 года въ Брюсселѣ въ одной изъ своихъ резолюцій потребовалъ, чтобы въ уголовно статистическія данныя вносились свѣдѣнія о мотивахъ преступленій; конгрессъ 1855 года въ Парижѣ рекомендовалъ установить однообразную статистическую систе-

---

1) Владиміровъ, Учебникъ, стр. 88; сходно мнѣніе Gramm'a.

2) См. у насъ стр. 67—68, п. 4; ср. Sacker, Rückfall, s. 2.

3) Strass, Ursachen, s. 3—23; хотя Штрассъ собственно занимался вопросомъ о факторахъ, а не вопросомъ о мотивахъ, но онъ говорилъ и объ отдѣльныхъ мотивахъ, ибо не проводилъ отчетливаго разграниченія между факторомъ и мотивомъ.

4) Holtzendorff, Psychologie d. M., s. 14—30; Wahlberg, Individualisirung, s. 100—106.

5) Liszt, Grundlagen, Z. 16, s. 490—494.

му, внося въ нее и указаніе на мотивы; Лондонскій конгрессъ 1860 года одобрилъ выработанные образцы однообразныхъ статистическихъ таблицъ, въ которыя, между прочимъ, было внесено требованіе, чтобы указывались „les causes les plus proches et les motifs des crimes," причемъ въ числѣ мотивовъ были указаны алчность, гнѣвъ, мстительность и др.; на конгрессѣ же 1867 года во Флоренціи вопросъ о мотивахъ былъ поставленъ вполнѣ отчетливо: этому вопросу было посвящено два доклада и была установлена 14—тичленная классификація мотивовъ. [1]) Наконецъ, суды постоянно стремятся найти мотивъ каждаго отдѣльнаго преступленія и успѣваютъ въ этомъ, чему свидѣтельствомъ служатъ статистическія данныя о мотивахъ въ Италіи и особенно во Франціи, гдѣ разрабатываются свѣдѣнія, даваемыя судебной практикой. [2])

Правда, статистическій конгрессъ во Флоренціи въ число мотивовъ внесъ и рубрику „мотивы неизвѣстные," но развѣ этимъ можно доказывать невозможность вообще найти мотивъ? Въ исключительныхъ случаяхъ такая невозможность можетъ имѣть мѣсто, ибо человѣчество, ограниченное въ способахъ изысканія истины, не всегда можетъ утверждать, что именно такой мотивъ лежалъ въ основѣ такого то преступленія. Но нельзя исключительныхъ случаевъ обобщать; вѣдь точно также иногда бываетъ невозможно установить, что человѣкъ совершилъ преступленіе, что онъ дѣйствовалъ умышленно и т. п. Если, упирая на невозможность иногда найти мотивъ, можно отрицать его значеніе въ уголовномъ правѣ, то нужно отрицать и значеніе умысла, значеніе преступленія и т. п.

4) Сознавая, что нельзя убѣдительно доказать невозмож-

---

[1]) Compte-rendu génér., p. 18—19, 65, 158—160; C. R. F., 1867 г.

[2]) См. объ этомъ подробнѣе Holtzendorff, Verbrechen d. M., прим. 28 къ стр. 101; ср. Holtzendorff, Psychologie d. M., s. 13.

ность найти мотивъ, иногда, какъ мы видѣли, стараются отвергнуть значеніе мотива, указывая на трудность установленія его въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Но и это возраженіе не выдерживаетъ критики. Трудность найти мотивъ иногда несомнѣнно имѣетъ мѣсто; какъ справедливо замѣтилъ Гольцендорфъ, „мотивы по ихъ существу не являются простыми явленіями (Naturthatsache), но представляютъ собой нѣчто условное, развивающееся благодаря условіямъ общественной жизни и трудно находимое. Мы можемъ въ этомъ убѣдиться на собственномъ опытѣ, болѣе внимательно наблюдая за собой. То, что для насъ самихъ является внутреннимъ стимуломъ къ дѣйствію, то же самое оставляетъ другихъ вполнѣ спокойными; что для другихъ является побудомъ, ни мало не оказываетъ воздѣйствія на насъ.“ [1])

Не будемъ только забывать, что трудность, о которой идетъ рѣчь существуетъ далеко не всегда, ибо въ этомъ мы имѣли возможность убѣдиться, разсматривая объективную силу мотива и аналогичность дѣйствій большинства людей при наличности одинаковыхъ мотивовъ. [2]) Часто эту трудность преувеличиваютъ, упуская изъ виду, что судья для установленія мотива имѣетъ передъ собой много данныхъ, выясняющихся на судѣ, относительно характера и наклонностей подсудимаго, его обычнаго способа дѣйствій, его отношеній къ потерпѣвшему и т. п. Поэтому судьѣ лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ трудно опредѣлить истинный мотивъ дѣянія, но эта трудность требуетъ преодолѣнія въ виду вышеустановленной нами необходимости для суда знать мотивъ, да она преодолима и по существу: „Человѣческіе характеры во многихъ отношеніяхъ одинаковы; въ нихъ дѣйствуютъ одни и тѣ же мотивы... То раздробленіе и та многосторонность (Mannigfaltgkeit) нашего я, на которое указываютъ психо-

---

[1]) Holtzendorff, Psychologie d. M., s. 12.

[2]) См. у насъ, стр. 56—57.

логія и психіатрія, являются по своимъ внѣшнимъ проявленіямъ болѣзненымъ состояніемъ, но это состояніе встрѣчается довольно рѣдко, главнымъ образомъ у индивидовъ, которые стоятъ на болѣе высокой степени духовнаго развитія, а участіе такихъ лицъ въ преступности весьма не велико... Большинство преступленій возникаетъ изъ несложныхъ мотивовъ; классъ преступниковъ бѣденъ всѣмъ,—представленіями, чувствованіями, мыслями, мотивами. [1]) То же обстоятельство, что преступное дѣяніе иногда является результатомъ сложныхъ мотивовъ, только еще настоятельнѣе указываетъ на необходимость ихъ изученія.“ [2]).

Да развѣ мало трудностей приходится преодолѣвать судьѣ? Развѣ мало такихъ случаевъ, когда законодатель допускаетъ наказуемость дѣянія лишь тогда, когда констатирована наличность не легко распознаваемыхъ внутреннихъ душевныхъ проявленій, напримѣръ, предумышленія? Судья долженъ быть въ силахъ рѣшать такіе вопросы, а въ ихъ число входитъ и вопросъ о мотивѣ; прогрессивный ходъ науки рисуетъ весьма сложную картину преступленій и разные типы виновниковъ, и судья, разъ онъ не умѣетъ разбираться въ наблюдаемыхъ имъ явленіяхъ и идти въ глубь ихъ, долженъ быть признанъ неспособнымъ. [3])

Безспорно, что при установленіи мотива возможна ошибка, и что соображенія, высказываемыя по этому поводу Ашроттомъ, не лишены извѣстнаго значенія; но, какъ свидѣтельствуетъ судебная практика, возможны и ошибки въ коренномъ вопросѣ о виновности; недаромъ существуетъ рядъ законовъ и рядъ теоретическихъ работъ, посвященныхъ судебнымъ ошибкамъ и мѣрамъ ихъ предотвращенія и за-

1) Относительно этого пункта ср. Дриль, Преступность, стр. 79-81; Loran, Habitués, перев., стр. 25, 37, 41.

2) Sacker, Rückafall, s. 23.

3) ср. Lammasch, Studien, s. 191; Hundhausen, Motiv, s. 4.

глаженія. Если изъ боязни ошибокъ отвергать значеніе мотива въ уголовномъ правѣ, то, исходя изъ тождественнаго основанія, слѣдуетъ отрицать правосудіе вообще. Ошибки неразлучны со всякой человѣческой дѣятельностью, ибо намъ недоступна абсолютная истина; въ судебной сферѣ мы стремимся лишь къ достиженію относительной истины, мы должны довольствоваться высшей степенью достижимой вѣроятности, исключающей возможность разумнаго сомнѣнія *при нормальномъ ходѣ вещей*, а между тѣмъ бываютъ исключительныя комбинаціи, которыхъ положительно невозможно предвидѣть и которыя приводятъ къ ошибкамъ вообще и къ ошибкамъ относительно мотива—въ частности. [1])

Вопросъ о трудности узнать мотивъ и о возможности ошибокъ, такимъ образомъ, не можетъ служить препятствіемъ къ приданію мотиву важнаго уголовно-правоваго значенія.

Мы не будемъ теперь останавливаться на возраженіяхъ, построенныхъ или на отрицаніи моральнаго элемента въ уголовномъ правѣ (Биндингъ), или на утвержденіи, будто всякое преступленіе *одинаково* составляетъ посягательство на правопорядокъ и на моральный законъ, заслуживающее репресіи: [2]) подобныя возраженія нами уже разсмотрѣны при изученіи моралистическаго значенія мотива. Обращаемся къ предпослѣдней группѣ возраженій, построенныхъ на томъ, что вниманіе къ мотиву можетъ поколебать репрессію. Такъ, Турнейзенъ высказывается противъ расширенія вниманія къ субъективной сторонѣ преступленія вообще, а къ мотиву—въ частности, основываясь почти исключительно на

---

[1]) На вѣрной точкѣ зрѣнія по этому вопросу стоитъ Sacker, см. его Rückfall, s. 23; подробное же и обстоятельное изложеніе этого, затронутаго нами лишь въ общихъ чертахъ, интереснаго вопроса см. у проф. Фойницкаго, Курсъ, 2, стр. 200—216.

[2]) Petit; см. Garçon, Peines n. d., Пренія, R. P. 1896, 6, p. 852—853.

опасеніи, что судебные приговоры будутъ излишне мягки [1]), а Мари боится, что такомъ случаѣ даже наступитъ крушеніе правосудія. Онъ говоритъ: „Въ наше время моральная энергія падаетъ... репрессія теряетъ свое спасительное дѣйствіе на массы; ее нужно укрѣлять, а не ослаблять... Если же при такомъ положеніи вещей начать принимать во вниманіе мотивы, то это кончится тѣмъ, что все будутъ объяснять мотивами, а вслѣдствіе этого будутъ смягчать наказаніе или даже совсѣмъ отъ него освобождать. Романисты могутъ одобрять эти теоріи, но юристы и государственные люди должны считаться съ другими соображеніями.“ [2])

Черствостью и бездушностью вѣетъ отъ этихъ разсужденій. Видно, что ихъ творцы не въ силахъ поколебать представляемые имъ вѣскіе доводы въ пользу значенія мотива, и вотъ они начинаютъ говорить „жалкія слова.“ Такъ и чувствуется запахъ теоріи устрашенія въ этихъ іеремiадахъ на предстоящій упадокъ репрессіи, но замѣчается и нѣчто бо̀льшее: кто будетъ назначать и смягчать накананія?— Судъ. Плохъ онъ и некомпетентенъ?—Этого наши оппоненты не утверждаютъ. Почему же судъ будетъ придавать для наказуемости столь важное значеніе мотиву? Потому, говорятъ, что ему будетъ позволено обратить вниманіе на мотивъ. Но вѣдь такой отвѣтъ ничего не разъясняетъ, ибо мы не видимъ изъ него, *почему* судъ будетъ энергично пользоваться даваемымъ ему полномочіемъ и притомъ во вредъ репрессіи. Нѣтъ, оппоненты сами сознаютъ, что теорія мотивовъ нѣчто жизненное и справедливое, они чувствуютъ, что судьи, которые не превратились въ машинъ или автоматовъ, будутъ рады приблизиться въ своихъ приговорахъ къ жизненной правдѣ, иногда можетъ быть въ ущербъ правдѣ фор-

---

1) Thurneysen, Vorentwurf, Z. S. S., 1893, 6, p. 383—385.

2) Marie, см. Garçon, Peines n. d., Пренія, R. P. 1896, 6, p. 1103.

мальной, они видятъ, что выдвигаются новые критеріи, новая точка зрѣнія, стремленіе идти внутрь явленія, не ограничиваясь его формой; все это грозитъ той рутинѣ, съ которой они сжились, и за фразами, которыми они прикрываютъ свои опасенія, виденъ страхъ новыхъ путей, страхъ реформъ— и ничего болѣе. Что же касается до опасеній ослабить репрессію, то мы должны помнить, что „ничто ее не можетъ болѣе ослабить, какъ существующее всюду разногласіе между опредѣленіями закона и общественнымъ мнѣніемъ.“ [1])

Намъ остается теперь разсмотрѣть послѣднюю группу возраженій противъ защищаемой нами теоріи, выдвинутыхъ главнымъ образомъ Листомъ и Салейлемъ.

Первое изъ возраженій Листа заключается въ томъ, что невозможно составить обозрѣніе всѣхъ мыслимыхъ мотивовъ преступленій; нужно раздѣленіе мотивовъ, которое немыслимо иначе, какъ въ видѣ систематики ихъ; всякаго рода законодательныя попытки въ этомъ направленіи нуждаются въ твердой научной основѣ, а между тѣмъ искомой систематикой мы не обладаемъ. [2])

Что обозрѣть всѣ мотивы невозможно, —это вѣрно; что систематика или классификація мотивовъ важна,—это также вѣрно; но чтобы, не выработавъ законченной классификаціи, нельзя было придавать въ законахъ извѣстную роль мотиву, — въ этомъ мы сомнѣваемся. Никакое дѣло не можетъ быть сразу исполнено до деталей; когда является новая идея, ищутъ путей для ея проведенія въ жизнь, дѣлаютъ классификаціонныя попытки (какъ ихъ дѣлаетъ относительно мотивовъ въ цитируемой работѣ самъ Листъ), но центръ тяжести лежитъ не въ нихъ, а въ нахожденіи общихъ руководящихъ положеній, въ установленіи извѣстныхъ принци-

1) Prjevalsky, см. Garçon, ibidem, 1897, 1, p. 165, cp. Lammasch, Norw. Entwurf, Z., B. 14, s. 505—506.

2) Liszt, Grundlagen, Z. 1896, B. 16, s. 483.

повъ, имѣя которые можно приниматься за новое дѣло, даже не имѣя установившейся классификаціи. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о дѣленіи преступниковъ на классы: установившейся классификаціи еще нѣтъ; соціологи оспариваютъ правильность и практическую пригодность классификацій, сдѣланныхъ антропологами, антропологи думаютъ то же самое относительно классификацій, сдѣланныхъ соціологами, [1]) но уже установлены нѣкоторыя положенія принципіальнаго характера и ихъ отраженіе уже проникло въ законодательства. То же самое и съ мотивами. Пока дѣлаются лишь попытки ихъ классифицировать; вопросъ еще окончательно не разработанъ, но это не можетъ помѣшать намъ настаивать на его важности и на его возможно скоромъ проведеніи въ жизнь путемъ уже намѣченныхъ и намѣчаемыхъ наукою реформъ въ законодательствѣ.

Но Листъ выражаетъ сомнѣніе и относительно руководящихъ положеній. „По какому масштабу," спрашиваетъ онъ: „будетъ опредѣлять значеніе мотива законодатель или судья? Должно ли быть взято мѣриломъ этическое, правовое, или какое нибудь другое, напримѣръ, соціальное значеніе мотива?" Листъ настаиваетъ, что рѣшеніе такого вопроса необходимо, ибо иначе законодатель и судья будутъ блуждать въ потьмахъ, а между тѣмъ отвѣта онъ не нашелъ ни у кого и даже убѣдился, что самый вопросъ, имъ подымаемый, никогда не ставился опредѣленно. [2])

Наша работа о мотивѣ и является посильной попыткой рѣшенія вопроса, поставленнаго Листомъ, ибо мы старались установить взаимоотношеніе критеріевъ психологическаго, моралистическаго и юридическаго, обнимающаго собою и уго-

---

[1]) Напримѣръ, по поводу классификаціи преступниковъ Листа Дрилль замѣчаетъ, что она вовсе не исчерпываетъ разновидности группъ преступниковъ и что самая основа ея не существенна; см. Дрилль, Преступность, стр. 99.

[2]) Liszt, Grundlagen, Z. 1896, B. 16, s. 483.

ловно-политическій критерій, совпадающій по принятой нами терминологіи съ соціологическимъ. Но отдѣльныя указанія уже встрѣчались въ литературѣ, и ими былъ намѣченъ путь для разрѣшенія высказанныхъ Листомъ недоумѣній. Такъ, Пржевальскій указывалъ, что соціальный критерій нельзя противуполагать нравственному, ибо „съ правильной точки зрѣнія истинно-соціальный критерій всегда стоитъ на нравственной почвѣ“. [1]) Далѣе, Штоссъ доказалъ, что при соціальной оцѣнкѣ не уничтожается нравственная, ибо при назначеніи наказанія послѣдняя должна выразиться *вмѣстѣ* съ соціальной оцѣнкой. Онъ говоритъ: „Такая постановка вопроса соотвѣтствуетъ какъ справедливости и правовому чувству народа, такъ и правильному пониманію соціальной оцѣнки, ибо для государства менѣе опасенъ тотъ, который съ чистымъ сердцемъ совершаетъ наказуемое дѣяніе, чѣмъ тотъ, дѣяніе котораго свидѣтельствуетъ о низости его образа мыслей“ [2]). Еще подробнѣе объ искомомъ у Листа взаимоотношеніи критеріевъ Штоссъ говорилъ въ одной изъ своихъ прежнихъ работъ: „Уголовно правовая вина есть нравственная вина, но она одновременно является виною противъ общества, противъ общественной жизни и ея правоваго порядка, а слѣдовательно является виною соціальною, государственною, правовою... Философы уголовнаго права (Кантъ, Гегель, Гербартъ) отрицаютъ соціальное значеніе наказанія; соціологи уголовнаго права (иногда) отрицаютъ его этическое обоснованіе; только признаніе и этическаго, и соціальнаго значенія наказанія открываетъ намъ полное пониманіе его сущности“ [3]).

Наконецъ, Ферри уже давно и справедливо замѣтилъ, что, хотя и различны выраженія, употребляемыя для обоз-

---

[1]) Пржевальскій, Проэктъ, Ж. Ю. О., 1896, 12, с. 32.
[2]) Stooss, Motiv, Z. S. S., 1896, 3, s. 170.
[3]) Stooss, Grundlagen, Z. S. S., 1894, 7, s. 272—273.

наченія двухъ разныхъ категорій мотивовъ, но они всегда имѣютъ въ виду соотвѣтствіе или противуположность мотивовъ условіямъ, необходимымъ для соціальнаго существованія. „Наиболѣе яснымъ и общимъ является дѣленіе мотивовъ на соціальные и анти-соціальные; но ихъ можно также назвать нравственными и безнравственными, благородными и низменными, если въ области соціальнаго строя смотрѣть на нихъ съ моральной точки зрѣнія, и можно назвать законными и незаконными, юридическими и анти-юридическими, если въ области соціальнаго строя разсуждать болѣе спеціальнымъ образомъ и имѣть въ виду строго юридическую, легальную точку зрѣнія“. [1])

Правда, противъ такой постановки вопроса были сдѣланы обширныя возраженія проф. Вульфертомъ, но намъ кажется, что они являются не вполнѣ убѣдительными. Авторъ говоритъ, что правомѣрнымъ мотивомъ можетъ быть лишь мотивъ, согласный съ юридической нормой, но норма права не можетъ вести на путь преступленія, ergo не можетъ быть правомѣрнаго мотива; точно также, по мысли автора, не найдется примѣра и противуправнаго мотива; если же говорить о соціальныхъ мотивахъ, то „можетъ оказаться величайшее затрудненіе относительно истиннаго соціальнаго значенія мотивовъ. Слѣдуетъ ли подъ понятіе соціальныхъ мотивовъ подводить мотивы, коренящіеся въ дѣйствительномъ соціальномъ порядкѣ или въ идеальномъ?„ Соціалистъ и манчестерецъ будутъ разсуждать по этому вопросу совершенно различно; судья совершенно лишенъ критерія для рѣшенія, будетъ мотивъ соціальнымъ или нѣтъ. Столь же трудная задача ставится судьѣ, когда говорятъ о гуманныхъ мотивахъ *вообще* (при рѣшеніи же отдѣльныхъ вопросовъ авторъ находитъ возможнымъ принимать ихъ въ соображеніе), да къ тому же гуманитарный мотивъ можетъ оказаться антисоціальнымъ.

---

[1]) Ferri, Sociologie, p. 412, cp. 346.

Отсюда убѣжденіе автора въ непригодности теоріи мотивовъ Ферри [1]).

Мы далѣе остановимся на рѣшеніи вопроса о томъ, правъ ли проф. Вульфертъ, отрицая теорію Ферри, поскольку послѣдній беретъ мотивъ, какъ критерій для вмѣненія; теперь же намъ важно рѣшить, можно ли раздѣлить отрицательное отношеніе проф. Вульферта къ признанію за мотивомъ вообще важнаго значенія. Онъ основывается прежде всего на невозможности признать правомѣрнымъ какой либо мотивъ преступленія, но намъ эта невозможность представляется мнимой. Иногда и теперь законодатели вводятъ тотъ или иной мотивъ въ составъ преступленія: отсутствуетъ извѣстный опредѣленный мотивъ,—и преступленія нѣтъ; точно также и наоборотъ: законодателемъ можетъ быть признано, что наличность извѣстнаго мотива устраняетъ преступность дѣянія, которое во всѣхъ другихъ случаяхъ признается преступнымъ и наказуемымъ, какъ, напримѣръ, по нашему дѣйствующему праву (Улож. о нак. ст. 1474) самоубійство изъ побужденій патріотизма или для спасенія своего цѣломудрія со стороны женщины. Очевидно во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ передъ собой правомѣрный мотивъ; мы увидимъ въ слѣдующей части нашей работы, что число такихъ случаевъ не такъ ничтожно, какъ обыкновенно думаютъ, а въ будущемъ оно можетъ и должно расшириться.

Итакъ, правомѣрный мотивъ вполнѣ возможенъ, какъ возможенъ и противоправный. Но, возражаютъ далѣе, несостоятельно дѣленіе мотивовъ на соціальные и анти-соціальные. Здѣсь къ соображеніямъ проф. Вульферта, уже нами изложеннымъ, примыкаютъ Листъ и Салейль.

Мотивъ (въ установленномъ нами смыслѣ), по мнѣнію Листа, не можетъ быть признанъ *самъ по себѣ* соціальнымъ или анти-соціальнымъ; онъ не можетъ, по словамъ Салейля,

[1]) Вульфертъ, Антропол. школа, в. 1, с. 249—250.

имѣть самостоятельнаго значенія: если передъ нами мотивъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то онъ 1) *самъ по себѣ* не обнаруживаетъ ничего преступнаго и 2) если онъ и обнаруживаетъ преступный инстинктъ, то сущность и основу преступности составляетъ этотъ инстинктъ, а не мотивъ. [1])

Мы рѣшительно не понимаемъ, почему мотивъ нужно брать *изолированно* и строить такимъ образомъ неблагопріятные выводы. Мы оставляемъ эти выводы въ сторонѣ, ибо мы сами категорически утверждали, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изученіе и оцѣнку мотива нужно производить *не изолированно*, а въ связи съ изученіемъ личности для достиженія правильнаго освѣщенія какъ послѣдней, такъ и совершеннаго ею дѣянія. [2]) При такомъ изученіи мы можемъ опредѣлить, соціаленъ или не соціаленъ мотивъ, взвѣшивая соотношеніе между нарушеннымъ соціальнымъ благомъ и тѣмъ благомъ, для сохраненія котораго личность пошла на путь преступленія; здѣсь, между прочимъ, какъ справедливо замѣтилъ Пржевальскій, рѣшеніе вопроса о соціальности мотива можетъ быть получено по соображенію о пути, которымъ шелъ дѣятель, руководимый извѣстнымъ мотивомъ. [3]).

Проф. Вульфертъ думаетъ, что гуманитарный мотивъ можетъ оказаться антисоціальнымъ, но такое положеніе совершенно не соотвѣтствуетъ правильному пониманію того, что̀ нужно признавать соціальнымъ и не соціальнымъ. Авторъ самъ себѣ противорѣчитъ, ибо думаетъ, что судья лишенъ критерія для рѣшенія вопроса о соціальности мотива и о томъ, какой мотивъ нужно признавать гуманитарнымъ *вообще*, а между тѣмъ самъ допускаетъ, что мотивъ долженъ вліять на мѣру наказанія; для достиженія этой послѣдней задачи, судья, очевидно, долженъ будетъ составить себѣ мнѣніе о соціально-

---

[1]) Liszt, Grundlagen, s. 485; Saleilles, Individualisation, p. 216

[2]) См. у насъ стр. 61—64, 68 пп. 4 и 9.

[3]) Пржевальскій, Проэктъ, Ж. Ю. О., 1896, 12, стр. 33.

нравственномъ значенiи того или иного мотива; спрашивается, какимъ же критерiемъ онъ будетъ при этомъ руководствоваться? Вѣдь критерiй нуженъ, а онъ, по мнѣнiю проф. Вульферта, въ этой области судьѣ недоступенъ. [1])

Мы приходимъ такимъ образомъ къ убѣжденiю, что возраженiя, основанныя на невозможности будто-бы устанавливать моральный или соцiальный характеръ мотива, не являются убѣдительными, и что теорiя, придающая въ уголовномъ правѣ важное принципiальное значенiе мотиву, остается не поколебленной. [2]) Мы далѣе дадимъ подробное развитiе этой теорiи, въ заключенiе же нашего очерка относительно значенiя мотива *вообще* мы остановимся на тѣхъ доктринальныхъ построенiяхъ, авторы которыхъ въ большей или меньшей степени отстаиваютъ защищаемую нами постановку вопроса о мотивѣ.

Сознанiе того, что съ мотивомъ уголовному праву необходимо считаться, было уже у Фейербаха и у Бентама. Первый различалъ въ побудительныхъ причинахъ ихъ Intensität, Festigkeit und Umfang и утверждалъ, что со всѣми этими моментами должно считаться наказанiе. [3]) Бен-

---

[1]) Примѣчанiе. Мы согласны съ указанiемъ Бентама, что нужно быть очень осторожнымъ при опредѣленiи того, какой мотивъ въ наличности и каковы его свойства, дабы остроумiе не проявилось во вредъ правдѣ; но и этотъ авторъ впадаетъ въ чрезмѣрную требовательность, говоря, что мотивъ лишь тогда должно принимать въ соображенiе, когда онъ настолько ясенъ, что г. сказ. допускаетъ осязать себя руками: если бы подобная требовательность примѣнялась и къ другимъ вопросамъ уголовнаго права, то лишь немногiе приговоры могли бы состояться. Мы съ своей стороны не видимъ основанiй предъявлять по отношенiю къ мотиву бо́льшiя требованiя, чѣмъ къ другимъ моментамъ: это нерезонно и непослѣдовательно. Ср. Kraus, Motiv, s. 482.

[2]) Примѣчанiе. Мы оставляемъ безъ разбора теорiи и возраженiя, основанныя на томъ, что мотивы подчинены волѣ, что они только побуждаютъ ее опредѣлять себя и т. п. Отсюда выводятъ, что нужно смотрѣть лишь на волепiе, игнорируя мотивы, его вызвавшiе; но мы знаемъ, что психологическая основа этихъ выводовъ ложна, а потому и они сами не могутъ быть признаны состоятельными; см. у насъ стр. 43—50.

[3]) Feuerbach, Lehrbuch, s. 207—211; подробнѣе это же въ его „Revision.“

тамъ же въ своихъ „Очеркахъ гражданскаго и уголовнаго законодательства" обозначилъ мотивъ какъ тотъ моментъ, на который общество должно обратить вниманіе, чтобы уменьшить вѣроятность повторенія преступленій. [1])

Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ криминалисты говорятъ о мотивѣ вскользь и не отрицаютъ его значенія въ уголовномъ правѣ, но не входятъ въ подробное разсмотрѣніе вопроса, ограничиваясь шаблонной формулой: „мотивъ можетъ вліять лишь на мѣру наказанія". [2]) Въ своемъ мѣстѣ мы разсмотримъ эту формулу по существу, теперь же намъ важно лишь констатировать то, что юридическая мысль на этой формулѣ не остановилась, и что сознаніе необходимости обратить серьезное вниманіе на мотивъ за послѣднее время значительно укрѣпилось. Такъ, уже въ семидесятыхъ годахъ Hundhausen выступилъ съ монографіей о мотивѣ, въ которой онъ отстаивалъ важность мотива и не только возможность, но и необходимость находить мотивъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ; онъ ушелъ значительно дальше современныхъ ему шаблонныхъ взглядовъ на мотивъ и разсматривалъ вопросъ о мотивѣ въ связи съ такими отдѣльными, но по существу тѣсно связанными съ нимъ вопросами, какъ согласіе пострадавшаго, крайняя необходимость и т. п. Къ сожалѣнію, авторъ произвольно съузилъ границы своего изслѣдованія, не занялся выясненіемъ процесса мотиваціи и остановился исключительно на мотивахъ, роль которыхъ уже признавалась въ современномъ ему правѣ. Если мы прибавимъ къ сказанному, что изложеніе автора лишено связности, и что онъ любитъ не доказывать своихъ положеній и отклоняться въ

---

[1]) См. Kraus, Motiv, s. 467.

[2]) См. учебники Berner'a, Schütze, Meyer'a и др. Нѣсколько шире, повидимому, смотритъ на вопросъ Ortolan (Eléments, s. 157 -158), утверждающій, что мотивы могутъ и даже въ значительной степени вліять на виновность и наказуемость; но далѣе оказывается, что и онъ здѣсь подразумѣваетъ исключительно вліяніе на мѣру наказанія.

сторону для произнесенія сентенцій, въ родѣ „ohne Logik kein Recht“ или „Krieg ist kein Haturgesetz,“ [1]) то мы поймемъ, почему данная работа не оказала рѣшительно никакого вліянія на дальнѣйшую исторію вопроса, хотя исходный пунктъ ея былъ правиленъ и новъ для своего времени.

Затѣмъ, отдѣльныя стороны вопроса о мотивахъ были затронуты въ трудахъ Вальберга и Гольцендорфа. Первый, между прочимъ, задавался вопросомъ о болѣе часто встрѣчающихся мотивахъ преступленій вообще, [2]) а второй—о мотивахъ убійства; [3]) ни тотъ, ни другой не создали цѣльной законченной теоріи и даже не ставили себѣ задачи охватить вопросъ во всей его полнотѣ, но они оба прекрасно освѣтили матеріалъ, ими избранный, и указали на важное принципіальное значеніе мотива.

Дальнѣйшій шагъ былъ сдѣланъ Гельшнеромъ. Съ чрезвычайнымъ вниманіемъ относясь къ субъективной сторонѣ преступленія, онъ тщательно занялся вопросомъ о мотивѣ и первый въ литературѣ далъ цѣльную теорію вопроса, построенную на данныхъ психологическихъ, моралистическихъ и юридическихъ, а также первый систематизировалъ и поставилъ въ связь съ ученіемъ о мотивѣ ученіе объ аффектѣ, нуждѣ, угрозѣ, привычкѣ, рецидивѣ и т. п.

Авторъ—гегеліанецъ; его разсужденія полны метафизики; его опорные пункты взяты a priori и не имѣютъ корней въ мірѣ реальномъ; большинство его положеній выведено изъ идеи, развивающейся передъ его мысленнымъ взоромъ въ стройныхъ формахъ, имѣющихъ мало общаго съ пестрой картиной дѣйствительности, а потому въ большинствѣ случаевъ произвольныхъ и мало пригодныхъ практически;

---

[1]) Hundhausen, Motiv, особенно s. 4—5, 8—10, 19—24, 34, 44—45.

[2]) Wahlberg, Individualisirung, s. 99 ff.; Wahlberg, Schriften, II, особ. s. 151 - 152.

[3]) Holtzendorff, Verbrechen d. M., s. 101 ff.; Holtzezdorff, Psychologie d. M., s. 14 30.

но при всемъ этомъ разсматриваемый отдѣлъ книги Гельшнера имѣетъ большое значеніе; съ нимъ можно и должно во многомъ не согласиться, но необходимо признать, что онъ сильно двинулъ впередъ вопросъ о мотивахъ и проложилъ путь для его разработки на новыхъ началахъ. Онъ указалъ, что „одна объективная сторона и одно формальное волеопредѣленіе .. никогда не могутъ вполнѣ объяснить дѣянія; скорѣе можно сказать, что *мотивъ дѣятеля образуетъ въ этомъ отношеніи моментъ соопредѣляющій* (ein wesentlich mitbestimmende) *и необходимый для нравственной и правовой оцѣнки дѣянія.*" Онъ вывелъ отсюда, что мотивъ необходимо долженъ быть устанавливаемъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ, ибо иначе оцѣнка не можетъ быть полной и правильной. Въ этомъ его серьезная и неотъемлемая заслуга. [1])

Дальнѣйшая разработка вопроса о мотивахъ заключается въ небольшихъ статьяхъ, замѣткахъ и отдѣлахъ работъ Fuld'а, Hoegel'я, Durchholz'а, Mischler'а, Gautier, M. Couche, Calker'а, Sacker'а и др. Изъ нихъ Фульдъ, не ограничиваясь признаніемъ принципіальной важности мотива стремится къ установленію практическаго пути, по которому законодательство должно идти, дабы практически выразить такое признаніе; у него теорія мотивовъ развита ярче и опредѣленнѣе, чѣмъ у Hoegel'я и Durchholz'а, которые хотя и отстаиваютъ широкое вліяніе мотива на наказуемость, но вопросъ разсматриваютъ en passant и не даютъ цѣльной, органической теоріи. [2]) Также и Mischler, исходя главнымъ образомъ изъ соображеній моральнаго характера, стоитъ за необходимость изученія мотива и за важность его оцѣнки на судѣ, но, къ

---

[1]) Hälschner, Strafrecht, s. 508—550, особенно см. s. 511.

[2]) Fuld, Motiv, G. A., B., 31, s. 322-323, ср. Hoegel, Strafzumessung, s. 116, 170; Durchholz, Betrachtungen, G. A., B. 35, s. 268, 269. Во многомъ сходится съ Fuld'омъ Gramm.

сожалѣнію не развиваетъ своихъ положеній и не выясняетъ взаимоотношеній этической и юридической точекъ зрѣнія [1]. Новыя соображенія привноситъ въ разсмотрѣніе вопроса Gautier по словамъ котораго, теорія, отстаивающая значеніе мотива заслуживаетъ одобренія, ибо 1) всякое преступленіе въ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть вызвано хорошимъ мотивомъ и 2) нужно привѣтствовать всякую попытку, стремящуюся къ индивидуализаціи наказанія. [2]).

Затѣмъ, нашего главнаго вниманія заслуживаютъ работы, спеціально или преимущественно посвященныя вопросу о мотивѣ. Главное мѣсто здѣсь безспорно принадлежитъ трудамъ Stooss'а, Lammasch'а, Ferri, Saleilles'а и Liszt'а (причемъ послѣдній, хотя и является противникомъ теоріи мотивовъ, но обращаетъ на нее серьезное вниманіе и способствуетъ ея уясненію); но мы на этихъ трудахъ останавливаться не будемъ, ибо намъ уже приходилось не разъ цитировать названныхъ авторовъ и приводить ихъ доводы и соображенія въ подкрѣпленіе нашихъ положеній. Мы укажемъ только, что Ферри принадлежитъ инціатива созданія теоріи мотивовъ, построенной на твердомъ, позитивномъ основаніи психологическихъ данныхъ и требующей во имя цѣлесообразной дѣятельности правосудія и наибольшей охраны общества отъ преступленій—самаго широкаго и внимательнаго отношенія къ мотивамъ преступленій. Мы знаемъ, что Ферри не разработалъ вопроса въ деталяхъ, и что изъ-за уз-

---

[1]) Mischler, Criminalstatistik, H. u J. H. d. G., Bd. 1, s. 61, 75. На первый взглядъ можно подумать, что сюда же примыкаетъ Greteuer (Begünstigung, s. 167—168), который говоритъ, что дѣянія съ хорошимъ мотивомъ не должны раздѣлять юридической природы, т. е. подводиться подъ одинаковую категорію съ дѣяніями обратнаго характера; но далѣе оказывается, что практически онъ допускаетъ лишь вліяніе мотива на мѣру наказанія, т. е. полное подпаденіе подъ одинаковую юридическую природу дѣяній, совершенно разныхъ по мотивамъ.

[2]) Gautier., см. Garçon, Peines n. d., Пренія, R. P. 1896, 6, p. 1117—1118; ср. ibidem Couche, основная мысль котораго заключается въ томъ, что юридическое сужденіе о человѣкѣ и его дѣяніи должно сообразоваться съ моральнымъ свойствомъ мотива (d'après la valeur morale des motifs).

кой партійной нетерпимости онъ скептически отнесся къ попыткамъ, по духу родственнымъ его же теоріи, но исходящимъ изъ другаго основанія,—но все это не умаляетъ заслуги, выше нами указанной.

Точно также громадное значеніе принадлежитъ трудамъ о мотивѣ Ляммаша и Штосса. Первый въ цѣломъ рядѣ теоретическихъ работъ и критическихъ статей, посвященныхъ разбору новѣйшаго законодательства, отстаивалъ громадную важность для уголовнаго права моральнаго элемента вообще и вниманія къ мотиву въ частности; онъ сдѣлалъ рядъ цѣнныхъ предложеній и замѣчаній, съ которыми мы уже встрѣчались и не разъ встрѣтимся дальше. Штоссъ-же провелъ новый взглядъ на мотивъ въ швейцарскій проэктъ и въ рядъ статей, посвященныхъ имъ защитѣ этого проэкта; такимъ образомъ онъ далъ могучій толчекъ новой разработкѣ интересующаго насъ вопроса и проявилъ силу творческаго мышленія и законодательную энергію, благодаря которой ясно увидѣли, что давно пора выйти за предѣлы устарѣвшаго положенія, будто мотивъ это ничтожнѣйшій моментъ субъективной стороны преступленія, вліяніе котораго на наказуемость можно допустить лишь, изъ снисхожденія да и то въ незначительной степени.

За этими главными бойцами и иниціаторами послѣдовалъ рядъ лицъ, занявшихся дальнѣйшей разработкой вопроса о мотивахъ. Такъ, Заккеръ въ работѣ о рецидивѣ обратилъ главное вниманіе на мотивъ и внесъ его какъ основной моментъ въ свою теорію рецидива; онъ занялся и общей постановкой вопроса о мотивѣ, причемъ указалъ и моральное и соціальное значеніе послѣдняго; наиболѣе ярко онъ выразилъ свой взглядъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: „Нарушеніе нормы, посягательство на право должно быть основою для признанія дѣятельности преступною; опредѣляться же, объясняться и оцѣниваться эта дѣятельность должна въ связи съ условіями ея возникновенія. Главное вниманіе здѣсь должно быть обращено на мо-

тивы. Отдѣлять дѣяніе отъ его мотивовъ,—это значитъ стремиться къ раздѣленію недѣлимаго... Наказаніе, которое не принимало бы во вниманіе мотивовъ, было бы только реакціей противъ тѣла, противъ физической стороны, разъ оно не касалось бы стороны психической, моральной,—побужденій, которыя суть не что иное, какъ феномены, отъ которыхъ исходитъ все духовное развитіе.„ [1])

Не лишена значенія для теоріи мотивовъ и работа Калькера; авторъ главнымъ образомъ основывается на признаніи большаго значенія этическаго фактора въ уголовномъ правѣ и поэтому считаетъ необходимымъ, чтобы уголовное право считалось кромѣ значенія нарушеннаго интереса „прежде всего съ интенсивностью преступнаго настроенія (Gesinnung) и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ или меньшимъ недостаткомъ въ виновномъ этическихъ мотивовъ." Онъ отчетливо различаетъ „Motiv" и „Gesinnung", но во многихъ случаяхъ находитъ возможнымъ безразлично говорить о первомъ и о второмъ въ практическомъ приложеніи, причемъ справедливо указываетъ, что законодатель, говоря о „Gesinnung", несомнѣнно имѣетъ въ виду, чтобы судъ принималъ въ вниманіе мотивъ, опредѣлившій данное конкретное дѣяніе [2]).

Затѣмъ, мы должны упомянуть о работахъ Томсена, Крауса и Риго. Статьи о мотивѣ двухъ первыхъ и обстоятельная монографія послѣдняго находятся въ тѣсной связи съ тѣмъ толчкомъ, который былъ данъ разработкѣ вопроса о мотивахъ швейцарскимъ проэктомъ и литературой, которая была вызвана этимъ проэктомъ. Томсенъ ставитъ вопросъ своеобразно. Онъ задается цѣлью доказать, что классификація мотивовъ имѣетъ значеніе не только для классификаціи преступниковъ, какъ это высказалъ Листъ, но и значеніе гораздо болѣе широкое, а также указать наилучшій путь для

---

[1]) Sacker, Rückfall, s. 21.
[2]) Calker, Strafrecht, s. 16, 23—25.

полученія возможно полной классификаціи мотивовъ. Нельзя сказать, чтобы цѣль, намѣченная себѣ авторомъ была успѣшно достигнута; онъ сводитъ чуть не всю роль мотива къ тому, что законодатель своими опредѣленіями можетъ способствовать предупрежденію преступленій, обезцѣливая деликты, уничтожая ихъ мотивы (Zwecklosmachen des Delictes); онъ думаетъ, что такой методъ можетъ сдѣлаться незамѣнимымъ орудіемъ для законодателя въ борьбѣ съ преступностью и рекомендуетъ, чтобы въ каждомъ приговорѣ указывался мотивъ преступленія, дабы въ будущемъ можно было собрать и классифицировать весь этотъ матерьялъ и тогда уже безошибочно знать, куда направлять удары для обезцѣливанія деликтовъ. [1]) Очевидно, что здѣсь теорія мотивовъ не только не получила обѣщаннаго авторомъ широкаго признанія, но до чрезвычайности съужена. Выяснена роль мотивовъ для превенціи, о роли же для репрессіи не говорится ни слова, тогда какъ въ эту сторону направлена за послѣднее время главная работа научной мысли. Да и надежды автора на свой методъ очевидно преувеличены, ибо чрезвычайно оптимистична мысль, что единственно путемъ законовъ можно добиться значительныхъ превентивныхъ результатовъ: преступность зиждется на весьма разнообразныхъ факторахъ которыхъ одними предписаніями, какъ бы основательны и благожелательны они ни были, очевидно, не одолѣешь. Авторъ, видимо, не усвоилъ себѣ разницы между факторомъ и мотивомъ и того (вышеустановленнаго у насъ) соображенія, что превенція должна считаться съ факторами, а репрессія—съ мотивами. Все это вмѣстѣ взятое, а также лежащее въ основѣ работы Томсена странное пониманіе мотива, значительно ослабляютъ ея значеніе, хотя и позволяютъ намъ зачислить автора въ число сторонниковъ защищаемаго нами взгляда о важности мотива.

Еще болѣе изобилуетъ недостатками работа Крауса.

---

[1]) Thomsen, Betrachtungen, Z., 1897, 17, s. 272, 279 –284, 288, 302.

Она написана какъ бы двумя разными лицами; то идетъ ясное изложеніе, отчетливые доводы и выводы, то нѣчто совершенно невѣроятное. Авторъ строитъ свою теорію на психологическихъ и этическихъ данныхъ, заимствованныхъ у Брентано, и впадаетъ при этомъ въ такую метафизику, что его изложеніе является туманнымъ, запутаннымъ и, по отзывамъ нѣмецкихъ ученыхъ, даже для нѣмцевъ малопонятнымъ; онъ стремится метафизическимъ путемъ установить понятіе цѣннаго вообще, цѣннаго сравнительно—и такимъ путемъ прійти къ классификаціи мотивовъ по ихъ цѣнности. Къ классификаціи онъ приходитъ (и о ней у насъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ), но эта классификація—нѣчто никуда негодное практически и плохо постижимое теоретически. Чтеніе этой работы—тяжкій трудъ, и мы бы сказали трудъ напрасно потерянный, если бы въ работѣ не было страницъ, лишенныхъ экскурсій въ область психологіи: здѣсь авторъ проявляетъ прекрасное пониманіе того, что нужно подразумѣвать подъ мотивомъ и отчетливо устанавливаетъ, основываясь на этическихъ соображеніяхъ, важность мотива для наказуемости [1]).

Что же касается работы Риго, то она имѣетъ совершенно иной характеръ: это обстоятельная монографія, написанная прекраснымъ языкомъ и, если и весьма небогатая литературнымъ багажемъ, то богатая мыслью и стремленіемъ двигать впередъ науку; авторъ отрѣшился въ ней отъ обычной рутинности французскихъ криминалистовъ и поставилъ вопросъ о мотивѣ весьма энергично; онъ далъ отчетливое опредѣленіе мотива, отвергнувъ то расширеніе этого понятія, которое хотѣлъ ввести Листъ, онъ далъ прекрасный, хотя и весьма неполный, очеркъ нѣсколькихъ законодательствъ, разсматриваемыхъ въ ихъ отношеніи къ мотиву, онъ, наконецъ, рѣшительно высказался за самое широкое вниманіе къ

---

[1]) Kraus, Motiv, s. 471—477, а съ другой стороны 467—469, 481—484.

мотиву по соображеніямъ о задачахъ правосудія и о важности въ уголовномъ правѣ этическаго момента, а также обстоятельно уяснилъ, какіе мотивы нужно признать моральными и соціальными, а какіе нѣтъ, причемъ принялъ во вниманіе и тотъ путь, по которому шелъ преступникъ, побуждаемый извѣстнымъ мотивомъ [1]). Положенія автора не всегда являются достаточно обоснованными, онъ иногда съ излишней рѣшительностью высказывается тамъ, гдѣ для этого нѣтъ надлежащей почвы, но это не умаляетъ другихъ достоинствъ его труда, одного изъ первыхъ систематическихъ трудовъ по вопросу о мотивахъ.

Намъ остается теперь разсмотрѣть работы защитниковъ болѣе широкой постановки вопроса о мотивѣ въ нашей отечественной литературѣ, въ которой и до нашихъ дней мотиву отводится самое незначительное мѣсто, какъ элементу несущественному, и упоминаніе о немъ дѣлается лишь мимоходомъ.

Иное отношеніе къ разбираемому вопросу прежде всего мы находимъ у проф. Таганцева, какъ въ „Курсѣ“, такъ и въ „Лекціяхъ“; правда, авторъ думаетъ, что мотивъ „не заключаетъ въ себѣ рѣшительныхъ данныхъ для юридической характеристики поступка“ и „даже не можетъ служить основаніемъ классификаціи преступленій“; но онъ, во-первыхъ, допускаетъ отсюда исключенія, а во-вторыхъ, въ выводахъ идетъ гораздо далѣе; онъ утверждаетъ, что нельзя „ставить наравнѣ по отношенію къ отвѣтственности поступки, выходящіе изъ различныхъ побужденій, изъ какой бы теоріи наказанія мы ни выходили, за исключеніемъ развѣ принципа таліона или наиболѣе грубыхъ формъ теоріи устрашенія, такъ какъ и съ точки зрѣнія общественнаго вреда или опасности и по отношенію къ внутренней испорченности виновнаго нѣкоторые поступки *рѣзко выдѣляются* изъ общей

---

[1]) Rigaud, Motiv, особенно pp. 8—22, 49—63 и 86—118.

массы правонарушеній. Если поступки св. Криспина или Шарлоты Корде и могутъ быть подведены подъ понятіе кражи или убійства, то *ни одинъ законъ не можетъ приравнять ихъ къ обыкновеннымъ преступленіямъ*; особенность мотива не только *въ значительныхъ размѣрахъ уменьшаетъ отвѣтственность, но и можетъ низвести ее почти до нуля*". Авторъ указываетъ, что это значеніе мотива признаютъ и кодексы, хотя еще въ объемѣ, по его мнѣнію, незначительномъ, и что судебная практика вездѣ идетъ гораздо дальше; онъ приводитъ и весьма интересные примѣры: оправданіе убійства, явившагося послѣднимъ и единственнымъ средствомъ освободиться отъ страшнаго гнета, или бывшаго послѣднимъ средствомъ отмстить за поруганную честь [1]).

Какъ видимъ, здѣсь имѣются зачатки весьма радикальной теоріи по вопросу о мотивахъ, но авторъ не развилъ ея, хотя и далеко ушелъ отъ обычнаго шаблона, встрѣчающагося у другихъ криминалистовъ.

Иначе отнесся къ мотивамъ проф. Владиміровъ, который, подробно изслѣдовавъ роль мотива въ дѣйствующемъ русскомъ правѣ, не подвинулъ въ то же время впередъ теоретической разработки вопроса; важны лишь его указанія на уголовно-процессуальное значеніе мотива и на значеніе тѣхъ мотивовъ, которые отнесены закономъ къ составу преступленія [2]).

Дальнѣйшую разработку вопроса о мотивахъ мы находимъ у проф. Фойницкаго и у Пржевальскаго. Первый имѣлъ случай высказаться о мотивѣ лишь мимоходомъ, при изслѣдованіи другихъ вопросовъ права и процесса, но тѣмъ не менѣе успѣлъ дать рядъ цѣнныхъ замѣчаній. Авторъ не только, какъ мы ранѣе видѣли, указываетъ по процессуальнымъ соображеніямъ на необходимость въ каждомъ конкрет-

---

[1]) Таганцевъ, Курсъ, кн. 1, стр. 40—42; ср. Лекціи, в. 2, стр. 669.
[2]) Владиміровъ, Учебникъ, стр. 87—89.

номъ случаѣ установить мотивъ, но и придаетъ „огромную важность" уголовно-правовому значенію мотива, утверждая, что доктрина и законодательство будущаго обратятъ на этотъ вопросъ особое вниманіе. По его словамъ, „все болѣе и болѣе выясняется, что оцѣнкѣ суда должна подлежать личность виновнаго въ ея цѣломъ и въ качествѣ признаковъ для сужденія о ней съ особенной силой выдвигается характеръ мотивовъ дѣятельности... Несомнѣнно, что между дѣйствующими по мотивамъ нравственнымъ и безнравственнымъ, соціальнымъ и анти-соціальнымъ лежитъ цѣлая бездна, и, хотя бы они нарушили одинъ и тотъ же уголовный законъ, ихъ состоянія преступности далеко не одинаковы" [1]).

Наконецъ, Пржевальскій въ своихъ небольшихъ статьяхъ замѣчательно полно и отчетливо указалъ существенныя черты ученія о мотивахъ. По принципіальному вопросу о важности мотива въ уголовномъ правѣ онъ выяснилъ, что во вниманіи къ мотиву при репрессіи выражается вниманіе ко взглядамъ общества на степень безнравственности и позорности учиненнаго дѣянія и его виновника. Общество не будетъ одинаково смотрѣть на преступленія, совершенныя по разнымъ мотивамъ, „пока въ его сознаніи будетъ существовать моральный свѣточь чести и достоинства, озаряя его путь въ потемкахъ будущаго". Кромѣ этого, Пржевальскій указываетъ на значеніе соціальной оцѣнки дѣянія, включающей въ себя моральный элементъ; онъ требуетъ, чтобы уголовное право считалось съ мотивомъ, ибо думаетъ, что „наказаніе должно быть точнымъ выраженіемъ соціальной реакціи, вызываемой въ нѣдрахъ общества преступленіемъ. [2]).

---

[1]) Фойницкій, Ученіе о наказаніи, стр. 95; авторъ уже давно настаивалъ на громадномъ значеніи принципа индивидуализаціи; см. Фойницкій, Карат. система, Сб. П. и Г. З., т. I, стр. 34 и сл.

[2]) Пржевальскій, R. P., 1897, № 1, р. 179 – 180; ср. Пржевальскій, Проктъ, стр. 31 – 32; ср. Lammasch, Norw. Entwurf, Z., 14, s. 505.

Мы убѣдились такимъ образомъ, что новая постановка вопроса о мотивѣ имѣетъ не только враговъ, но также, и многочисленныхъ и не менѣе авторитетныхъ друзей. Признаніе принципіальной важности мотива и необходимости со вниманіемъ относиться къ нему въ уголовномъ правѣ является однимъ изъ кардинальныхъ пунктовъ новаго научнаго движенія. Теперь отъ принципіальной постановки мы должны перейти къ практической: разсмотрѣть какъ относятся къ мотиву современныя законодательства и установить въ какихъ формахъ должно выразиться принципіальное признаніе важности мотива въ уголовномъ правѣ. Обращаясь къ этой новой части нашей задачи, мы можемъ подвести итоги тому, что уже установлено, и сказать:

1) Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ все болѣе и болѣе возрастаетъ въ доктринѣ вниманіе къ мотиву и сознаніе важности послѣдняго.

2) Нѣтъ основаній говорить о невозможности находить мотивъ въ конкретномъ случаѣ. Часто эта задача является трудной, но эту трудность необходимо преодолѣть, ибо безъ выясненія мотива нельзя признать вполнѣ выясненнымъ разбираемое въ каждомъ конкретномъ случаѣ преступленіе.

3) Чрезвычайно важно уже то, что въ пользу серьезнаго значенія мотива говорятъ психологія и этика; рѣшающими же являются соображенія, которыя должны быть признаны юридическими, если мы станемъ на точку широкаго изученія и пониманія задачъ правосудія.

4) Эти соображенія доказываютъ намъ, что для успѣховъ науки и прогресса правосудія роль мотива должна быть значительно расширена.

5) Старая шаблонная формула, въ силу которой мотивы принимались во вниманіе лишь по снисхожденію и признавались несущественнымъ элементомъ въ уголовномъ правѣ — отжила и требуетъ упраздненія.

РУКОВОДЯЩІЯ НАЧАЛА

КЪ

ПРЕПОДАВАНІЮ РУССКАГО ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА.

В. А. Юшкевича

Профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1900.

Печатано по постановленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Необходимость повторять при началѣ каждаго академического года своимъ слушателямъ тѣ же самыя предварительныя свѣдѣнія о методахъ предстоящаго преподаванія и занятій объ источникахъ, руководствахъ и пособіяхъ по предмету и т. д. побудила меня собрать всѣ эти свѣдѣнія во-едино и предложить ихъ своей аудиторіи въ формѣ настоящей брошюры. Брошюра эта, такимъ образомъ, раньше всего предназначена для тѣснаго круга *моихъ слушателей.* Однако, допуская, что при скудости нашей литературы по вопросамъ о методахъ и пріемахъ академическаго преподаванія а главное вслѣдствіе сопоставленныхъ мною библіографическихъ данныхъ, она можетъ представить интересъ и для дальнѣйшаго круга нашихъ (въ особенности начинающихъ) юристовъ, я рѣшаюсь дать ей болѣе широкое общественное распространеніе.

Авторъ.

Ярославль, Мартъ 1900 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Лекціи, какъ пріемъ преподаванія.
II. Обзоръ программы курса.
III. Избранныя руководства и пособія.
IV. Изданія и сборники законовъ, сборники судебныхъ рѣшеній.
V. Практическія занятія.

I. Лекціи, какъ пріемъ преподаванія *).

Лекціи, какъ пріемъ академическаго преподаванія, имѣютъ цѣлью систематически раскрывать начинающимъ основныя начала той или другой дисциплины путемъ изустнаго ея изложенія. Той же самой цѣли можно было бы достигнуть и другимъ путемъ, предоставляя, напримѣръ, приступающему къ изученію предмета ознакомиться съ нимъ самому при помощи учебника Но особенное достоинство лекцій заключается въ томъ, что предлагая учащемуся извѣстное количество матеріала, такъ же точно, какъ и книга, онѣ даютъ ему въ руки еще и цѣлый рядъ способовъ усвоенія науки, которыхъ лишено самое совершенное произведеніе научно-дидактической литературы. Пріемы лектора, съ которыми онъ подступаетъ къ передачѣ и развитію той или иной мысли, интонація его голоса, большая или меньшая обстоятельность изложенія въ зависимости отъ трудности предлагаемыхъ положеній—все это обезпечиваетъ слушателю такую полноту пониманія предмета, которой нельзя достигнуть методомъ самообученія **) Однако слушаніе лекцій можетъ принести надлежащіе плоды лишь въ томъ случаѣ если онѣ посѣщаются аккуратно и слушаются со вниманіемъ.

Вѣрнымъ средствомъ сосредоточить свое вниманіе на читаемой лекціи является ея записываніе. Необходимость положить на бумагу услышанное живое слово поневолѣ заставляетъ относиться къ изложенію лектора со вниманіемъ. Кромѣ того записываніе укрѣпляетъ въ памяти содержаніе слышаннаго и постепенно образуетъ руководство для приготовленія къ экзамену. Въ виду этой важности записыванія лекцій нѣкоторые преподаватели, приспособляясь къ удобству своей аудиторіи, диктуютъ свои чтенія. Пріемъ этотъ (весьма распространенный въ Гер-

---

*) Вопросъ этотъ, равно какъ и вопросы о методахъ и организаціи преподаванія на юридическихъ факультетахъ вообще, къ сожалѣнію почти совсѣмъ не обсуждаются въ нашей литературѣ. Срвн. однако Карасевичъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1876 годъ кн. 8, стр. 81. Срвн. Сергѣевскій, веденіе къ казуистикѣ, Временникъ Демид. Юрид. Лицея 28, V стр.

**) Это преимущество лекцій совершенно упускается изъ виду тѣми представителями учено-педагогической литературы, которые предлагаютъ изгнать систематическія лекціи изъ числа пріемовъ академическаго обученія.

маніи) представляетъ нѣкоторыя выгоды: онъ обезпечиваетъ вполнѣ точное, а потому и правильное воспроизведеніе лекцій, однако онъ мало ведетъ къ цѣли. Слушатели очень скоро привыкаютъ записывать диктуемое чисто механически, безъ надлежащаго внутренняго участія, и главная цѣль записыванія—сосредоточить на лекціи вниманіе остается недостигнутой.

Гораздо болѣе раціональнымъ поэтому является способъ совершенно свободнаго изложенія лекцій, при которомъ слушателямъ приходится, схватывая лишь *смыслъ* словъ преподавателя, заносить ихъ вкратцѣ на бумагу. Но такъ какъ все-же и свободное изложеніе лекцій предполагаетъ, что онѣ будутъ записаны достаточно обстоятельно, чтобы служить пособіемъ для приготовленія къ экзамену, то удобству аудиторіи должны быть сдѣланы нѣкоторыя уступки, какъ то: диктовка собственныхъ именъ, названій, терминовъ и опредѣленій, поясненіе мыслей, представляющихъ трудности къ усвоенію, а по мѣрѣ надобности и— повторенія. Этотъ способъ чтеній мы и примемъ при прохожденіи курса русскаго гражданскаго права. Во избѣжаніе возможныхъ при этой системѣ ошибокъ, 2—3 слушателямъ предоставляется послѣ каждой прочитанной лекціи предлагать свои записки преподавателю для просмотра. Провѣренныя записки будутъ служить образцомъ для исправленія и всѣхъ остальныхъ

II. Обзоръ программы курса *).

Введеніе.

Взглядъ на дѣйствующее въ Россійской Имперіи гражданское право. Общее русское гражданское право. Источники познанія дѣйствующаго общаго русскаго гражданскаго права. Сводъ законовъ. Историческія основанія дѣйствующаго общаго русскаго гражданскаго права, отношеніе его къ праву римскому и иностраннымъ законодательствамъ. Предположенія и проэкты реформъ, наука русскаго гражданскаго права; литература общ. русск. гр. права. (См. ниже, стр. 8), система изложенія курса.

Право въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ. Публичное и частное право (критерій различія). Классификація частныхъ правъ.

---

*) Всѣ приведенные въ этомъ обзорѣ вопросы обязательны для экзамена, но гг. слушателямъ не можетъ быть возбранено руководствоваться при ихъ изученіи любымъ изъ существующихъ у насъ учебниковъ русскаго гражданскаго права (см. ниже „Избранныя руководства и пособія“) Сопоставленіе чиселъ §§ и страницъ этихъ учебниковъ по важнѣйшимъ вопросамъ гражданскаго права даетъ планъ лекцій С. П. Никонова.

Въ „обзорѣ“ при прохожденіи курса могутъ послѣдовать перемѣны, въ видѣ разбивки одного вопроса на нѣсколько подвопросовъ, соединенія нѣсколько вопросовъ въ одинъ, измѣненія порядка вопросовъ, могутъ быть сдѣланы незначительныя дополненія. Въ случаѣ неожиданныхъ потерь въ учебномъ времени по необходимости придется прибѣгнуть къ сокращеніямъ.

КНИГА ПЕРВАЯ:
ОБЩІЯ УЧЕНІЯ.
РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Право въ объективномъ смыслѣ, или нормы права.

Источники права: законъ, административное распоряженіе, статуты обычай; судебная практика. Прекращеніе дѣйствія нормъ права.

Разновидности и раздѣленія нормъ права: нормы принудительныя и расположительныя; нормы общія и особенныя, историческія аномаліи; нормы права мѣстныя (партикулярныя) и всеобщія (универсальныя), нормы мѣстнооособенныя въ общемъ русскомъ гражданскомъ правѣ; законы-дозволительные.

Толкованіе и пополненіе нормъ права; толкованіе и примѣненіе Свода законовъ.

Предѣлы дѣйствія нормъ права относительно лицъ времени и пространства (мѣсто жительства и мѣсто приписки).

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

О правѣ въ субъективномъ смыслѣ или о правахъ.

1) Общія замѣчанія. Опредѣленіе права въ субъективномъ смыслѣ; юридическое притязаніе, юридическое отношеніе, институтъ права, система юридическихъ отношеній.

2) О субъектѣ права, или о лицѣ. Право—и дѣе-способность. A. *Физическое лицо:* предѣлы существованія безвѣстное отсутствіе. *Видоизмѣненія правоспособности* физическихъ лицъ. *Видоизмѣненія дѣеспособности.* Акты личнаго состоянія. B. *Юридическое лицо:* понятіе, конструкія виды; важнѣйшія юридическія лица въ русскомъ гражданскомъ правѣ; возникновеніе, право—и дѣе-способность, прекращеніе.

3) Факторы образованія правъ въ субъективномъ смыслѣ: вообще. A. *Юридическія сдѣлки,* ихъ классификація, условія дѣйствительности сдѣлокъ. Основаніе (причина—causa) сдѣлокъ и ихъ мотивы. Составныя части сдѣлокъ побочныя опредѣленія воли. Соучастіе и представительство (отличіе послѣдняго отъ пособничества). Толкованіе и превращеніе юр. сд. Недѣйствительность юрид. сдѣлокъ B. *Недозволенныя дѣйствія:* неправомѣрныя состоянія, правонарушенія; вина, ущербъ. C. *Вліяніе времени на права:* вообще, давность. D. *Привилегіи.*

4) Осуществленіе, укрѣпленіе и обезпеченіе правъ: осуществленіе (столкновеніе—коллизія правъ). Укрѣпленіе правъ: I. письменность; общія черты русскаго нотаріата; II. вводъ во владѣніе. *Обезпеченіе* правъ, виды.

5) Защита правъ: a) внѣсудебная защита правъ (самооборона самоуправство). *Искъ,* виды, возникновеніе и прекращеніе. *Возраженіе, виды. Основные моменты въ движеніи процесса,* имѣющіе значеніе для матеріальнаго права.

КНИГА ВТОРАЯ:
ВЕЩНОЕ ПРАВО.
РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.
Общія ученія вещнаго права.

1) *Раздѣленіе вещей, юридически-важныя ихъ свойства:* понятія вещи и имущества, вещи движимыя и недвижимыя; вещи главныя и принадлежности; дѣлимость вещей; вещи замѣнимыя и незамѣнимыя; вещи потребляемыя и непотребляемыя; плоды-доходы; вещи изъятыя изъ обращенія: a) вещи внѣоборотныя, b) вещи относительно внѣоборотныя (изъятыя изъ оборота относительно субъектовъ и сдѣлокъ, относительно извѣстнаго времени); имущества наличныя и долговыя, тлѣнныя и нетлѣнныя

2) *Владѣніе:* Римскіе элементы ученія о владѣніи; владѣніе въ русскомъ правѣ.

3) *Собственность:* опредѣленіе ея въ теоріи и въ т. X ч. I.; общая собственность.

4) *Залогъ:* понятіе (опредѣленіе), анализъ понятія залога: общія черты историческаго развитія понятія залога въ русскомъ правѣ· дѣйствующее русское гражданское право, постановка вопроса о залогѣ въ законодательствѣ (залогъ общій и особенный), виды залога, общія условія залоговаго права.

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.
Вещное право на недвижимость.

1) A. *Собственность:* пространство права собственности на недвижимость (воздушное пространство, нѣдра и поверхность земли), межеваніе.

2) *Ограниченія права собственности:* право собственности неполное, права участія; прочія ограниченія.

3) *Способы пріобрѣтенія права собственности на недвижимость:* a) Первоначальное пріобрѣтеніе, право безхозяйной недвижимости; b) пріобрѣтеніе производное: aa)- независящее отъ воли прежняго собственника (несвязное преемство); bb) пріобрѣтеніе производное по согласію правопредшественника (договорное перенесеніе права собственности - связное преемство); акты укрѣпленія правъ на недвижимость. Защита права собственности на недвижимость (доказательство его).

4) B. *Сервитуты:* общія замѣчанія, возникновеніе и прекращеніе, виды сервитутовъ, защита ихъ.

5) C. *Вещныя права долгосрочнаго пользованія:* чиншевое право; прочія вещныя права долгосрочнаго пользованія.

6) D. *Залоговое право:* развитіе института залога на недвижимость въ Римѣ и въ западно-европейскомъ правѣ; современная ипотека; русское право: характеристика залоговаго права, элементы залоговаго отношенія, возникновеніе залога, права и обязанности сторонъ. коллизія нѣсколькихъ залоговыхъ правъ. сохраненіе старшинства. прекращеніе залога, защита залоговаго права; особенный (банковый) залогъ.

7) *Право особыхъ недвижимыхъ имѣній:* имѣнія, состоящія на правѣ собственности, ограниченномъ въ интересахъ рода: имѣнія родовыя,

благопріобрѣтенныя. Заповѣдныя имѣнія (новѣйшія временно—заповѣдныя имѣнія), имѣнія, жалуемыя подъ именемъ маіоратовъ въ западныхъ губерніяхъ.

8) *Общинная земля и общинное землевладѣніе.*

9) *Право на воды:* общія замѣчанія. Виды и различія водъ: публичныя и частныя воды; публичныя рѣки: право живой струи, право русла, ограниченіе правъ береговыхъ владѣльцевъ въ интересахъ судоходства и сплава, бечевникъ; измѣненіе русла, возникновеніе острововъ образованіе намывовъ et cet. Прочія публичныя воды (моря, озера, каналы, источники). Право на частныя воды (ограниченія въ пользованіи).

10) *Горное право.*

Прибавленіе къ вещному праву на недвижимость.

1) *Недостатки дѣйствующей системы укрѣпленія правъ на недвижимость, предполагаемыя реформы.*

2) Недостатки дѣйствующаго залоговаго права, общія черты предполагаемой ко введенію ипотеки.

3) Оцѣнка предполагаемыхъ реформъ.

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІИ:

Вещное право на движимость.

1) *Собственность:* характеристика постановленій X тома о правѣ собственности на движимость. Способы пріобрѣтенія: a) первоначальное пріобрѣтеніе: вещи безхозяйныя, кладъ, находка; право собственности на звѣрей рыбъ и птицъ, право охоты и рыбной ловли пріобрѣтеніе плодовъ насажденіе засѣвъ, застроеніе, сліяніе, смѣшеніе et cet ; b) пріобрѣтеніе производное: aa) независящее отъ воли прежняго собственника (несвязное преемство): bb) пріобрѣтеніе, зависящее отъ воли правопредшественника—договоръ. Искъ о правѣ собственности на движимость: римская виндикація, принципъ германскаго права, примыкающія къ нему новѣйшія кодификаціи, дѣйствующее русское гражданское право.

2) *Закладъ:* общія замѣчанія, субъектъ, и объектъ заклада, совершеніе заклада, дѣйствіе его, закладъ въ ссудныхъ кассахъ.

Прибавленіе ко второй книгѣ.

Права умственно-духовнаго творчества.

1) *Предварительныя замѣчанія:* терминологія, историческое возниковеніе этихъ правъ; общія положенія (юридическая природа правъ умственно-духовнаго творчества).

2) *Права авторскія:* субъектъ объектъ, движеніе авторскаго права формальныя условія пользованія имъ; нарушенія авторскаго права, порядокъ защиты.

3) *Права изобрѣтателя:* субъектъ, объектъ движеніе, нарушеніе и защита

4) *Право на фабричные рисунки и модели.*

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО.

Введеніе.

Понятіе обязательства, терминологія: современное и римское обязательство, постановка вопроса объ обязат. правѣ въ дѣйствующемъ общемъ русскомъ гражданскомъ правѣ; обязат. гражданское и торговое; общая классификація обяз.; система изложенія обязат. права.

Общая часть.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ:

элементы обязательственно-правового отношенія.

1) *Субъектъ об-ства:* субъектныя условія дѣйствительности об-ствъ; интересъ въ обязательствѣ; обязательство съ неопредѣленнымъ субъектомъ (бумаги на предъявителя); договоры въ пользу третьихъ лицъ.

2) *Объектъ об-ства:* вообще; объективныя условія дѣйствительности об-ствъ; денежная цѣнность въ об-ствѣ; опредѣлимость и опредѣленность обѣщаннаго дѣйствія, возможность его (физическая, юридическая, нравственная). Виды и различія об-ствъ по объектамъ, особые предметы обязат.: о-ства простыя и сложныя, дѣлимыя и недѣлимыя, родовыя и видовыя, альтернативныя; деньги, какъ предметъ об-ствъ, проценты, доставленіе пропитанія.

3) *Содержаніе об-ствъ и ихъ основаніе:* содержаніе об-ствъ: вообще; искъ и естественныя несовершенныя об-ства; основаніе (causa) об-ствъ: об-ства обстрактныя.

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ:

движеніе обязательственно-правового отношенія.

4) *Возникновеніе об-ствъ:* А. договоръ, его составленіе (предварительные переговоры, соглашенія о заключеніи договоровъ, запродажа, задатокъ), заключеніе договоровъ, договоры между отсутствующими; совершеніе договоровъ (ихъ форма); публичный торгъ; виды об-ствъ: поименованныя непоименованныя, вербальныя, литеральныя, реальныя и консенсуальныя, возмездныя и безмездныя, главныя и придаточныя, личныя и имущественныя, одностороннія и двустороннія. В. Одностороннее обѣщаніе (вызовъ).

5) *Вина ущербъ:* вообще: вина, какъ правопроизводящій моментъ об-ственнаго права; отвѣтственность за чужую вину; отвѣтственность до предѣловъ непреодолимой силы: ущербъ, его возмѣщеніе и виды.

6) *Измѣненіе об-ствъ:* вообще; умедленіе, просрочка (должника и кредитора); уступка требованій (cessio), извѣщеніе, отношенія участниковъ цессіи; переводъ долга.

7) *Прекращеніе об-ствъ:* а) исполненіе (отнесеніе его къ одному изъ нѣсколькихъ требованій); доказательство исполненія (предположенія исполненія); время исп. (срокъ, досрочное исп., исп. послѣ срока); мѣсто его; видоизмѣненія исполненія (конкурсъ, льгота посильной отвѣтственности). b) Суррогаты исполненія: замѣна исп., предоставленіе въ уплату,

обновленіе, зачетъ, вносъ платежа въ присутств. мѣсто. с) Прочіе способы прекращенія об-ствъ: отступленіе отъ требованія, отпаденіе субъекта об-ства; наступившая невозможность исполн., отпаденіе опредѣляющаго мотива.

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ:

Комплексы обязательствъ.

8) *Солидарныя об-ства:* вообще, корреальныя об-ства, солидарныя въ тѣсномъ смыслѣ; ассигновка; средства обезпеченія об-ствъ: поручительство (круговая порука), неустойка.

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ:

А. Договоры.

1) *Договоры, характеризующіеся своей особой цѣлью:* дареніе (виды), мировая сдѣлка.

2) *Договоры передаточные:* купля—продажа, поставка, мѣна, заемъ.

3) *Договоры о пользованіи имуществомъ:* имущ наемъ, аренда, ссуда.

4) *Договоры о личныхъ услугахъ:* личный наемъ, подрядъ, довѣренность.

5) *Прочіе договоры:* игра, пари, страхованіе, поклажа, товарищество (виды).

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ:

В. внѣдоговорныя обязательства.

6) *Правонарушенія,* возвращеніе обогащенія, безъ достаточнаго основанія полученнаго, недоговорное веденіе чужихъ дѣлъ et cet

---

7) *Средства кредиторовъ противъ обманныхъ договоровъ, заключенныхъ должникомъ.* Римская а. Paulana, современное французское и германское право, русское право.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Проектъ пятой книги гражданскаго уложенія: объ обязательствахъ, его обзоръ и критическая оцѣнка.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО.

Введеніе.

Область сем. отношеній; юридическія нормы и нравственный элементъ, бытовой элементъ; бракъ, семья, церковь и государство въ вопросѣ о бракѣ, родъ, родство; порядокъ изложенія.

1) *Союзъ супружескій* (брачное право). Общія положенія дѣйствующаго въ Россіи брачн. права; а) брачное право православныхъ, его характеръ, пространство церк юрисдикціи; препятствія къ браку, заключеніе или совершеніе брака; прекращеніе и расторженіе брака. б) Брач-

ное право раскольниковъ, иновѣрцевъ и нехристіанъ: 1) браки иновѣрцевъ—христіанъ другихъ исповѣданій, 2) браки христіанъ съ лицами, не принадлежащими къ христіанству, 3) положенія о бракѣ нехристіанъ между собою (вліяніе крещенія супруговъ на браки нехристіанъ). Личныя и имущественныя отношенія супруговъ.

2) *Союзъ родителей и дѣтей* Законность и незаконность рожденія, дѣти незаконнорожденныя иски о признанія состояніи дѣтей (подсудность дѣлъ о законности рожденія), узаконеніе, усыновленіе. Личныя и имущественныя отношенія родителей и дѣтей.

3) *Опека и попечительство:* понятіе, различіе опеки и попечительства; лица, призываемыя къ опекѣ; какъ она устанавливается; права и обязанности опекуновъ. Новый проэктъ объ опекахъ и его оцѣнка.

4) *Родство и свойство:* исчисленіе того и другого.

КНИГА ПЯТАЯ.

НАСЛѢДСТВЕННОЕ ПРАВО.

Введеніе: понятіе наслѣдованія и наслѣдственнаго права, оцѣнка последняго съ точки зрѣнія соціальной, особенность положенія наслѣдств. права въ системѣ права гражданскаго. Постановка вопроса о наслѣдственномъ правѣ въ дѣйствующихъ законахъ.

1) *Общія понятія:* преемство, универсальное и сингулярное преемство, отвѣтственность наслѣдника за долги наслѣдодателя.

2) *Открытіе наслѣдства и мѣры охраненія:* открытіе наслѣдства, его предположенія, призваніе къ наслѣдованію, его основанія. Мѣры охраненія (вызовъ, опись, утвержденіе въ правахъ наслѣдованія наслѣдниковъ по закону, вводъ во владѣніе).

3) *Наслѣдованіе по закону:* вообще, порядокъ наслѣдованія въ линіи нисходящей, въ линіяхъ боковыхъ; иррегулярныя наслѣдственныя права восходящихъ и супруговъ; порядокъ наслѣдованія въ имуществѣ выморочномъ; объ особенномъ порядкѣ наслѣдованія въ случаяхъ, изъ общихъ законовъ изъятыхъ (особенности по свойству субъекта, объекта et cet).

4) *Наслѣдованіе по завѣщанію:* понятіе завѣщанія, активная и пассивная правоспособность къ насл. по завѣщанію; форма завѣщанія: вообще; обыкновенное завѣщаніе (разновидности), завѣщанія особенныя; общія черты содержанія завѣщаній; отмѣна и недѣйствительность завѣщаній, исполненіе завѣщаній, душеприказчики et cet, вводъ во владѣніе по завѣщанію.

5) *Наступленія случая наслѣдованія:* пріобрѣтеніе наслѣдства, пріобрѣтеніе завѣщательнаго отказа; возможность раздѣленія имуществъ beneficium separationis — 1259 т. X, ч. I.). Трансмиссія, уступка наслѣдства (cessio hereditatis), приращеніе наслѣдственныхъ долей. Раздѣлъ.

6) *Иски изъ за наслѣдства:* типы (виды) ихъ, предположенія и сила.

III. Избранныя руководства и пособія.

Задачи образованнаго русскаго цивилиста чрезвычайно широки. Кромѣ непосредственнаго предмета изученія, дѣйствующаго отечественнаго права и его исторіи, онъ долженъ считаться еще съ теоріей римскаго права и иностранными законодательствами. Это объясняется тѣмъ закономъ исторіи, что народъ, выступившій на поприще извѣстнаго культурнаго круга позднѣе другихъ, пользуется результатами, добытыми его предшественниками; поэтому и мы русскіе, если мы желаемъ сберечь силы и время для несомнѣнно предстоящихъ намъ самостоятельныхъ задачъ въ области юриспруденціи и права, должны соображаться съ юридическимъ опытомъ, добытымъ римлянами и западно-европейскими народами.

Римское право при изученіи дѣйствующаго русскаго гражданскаго имѣетъ значеніе руководящей *теоретической канвы и орудія юридической конструкціи.* При компилятивномъ характерѣ нашего кодекса и при современномъ состояніи нашей науки пріемъ изученія отечественнаго законодательства съ помощью римскаго права совершенно неизбѣженъ, да онъ и пользуется уже у насъ общимъ признаніемъ (см. напр., руководства Мейера, Побѣдоносцева, Анненкова, Васьковскаго). Попытки построить систему современнаго русскаго гражданскаго права изъ самого себя неискренни или мертворожденны. Къ пріему сравнительной обработки современныхъ кодификацій съ римскимъ правомъ прибѣгаютъ и германскіе цивилисты, которымъ приходится оперировать съ гораздо болѣе совершеннымъ отечественнымъ законодательнымъ матеріаломъ, чѣмъ намъ (Wächter, Unger, Dernburg въ нижепоименов. трудахъ, стр. 9). Наконецъ методъ сравнительной обработки русскаго гражданскаго права съ правомъ римскимъ является цѣлесообразнымъ и съ точки зрѣнія дидактической: такъ какъ наши молодые юристы въ университетахъ получаютъ теоретическія основанія цивильной науки на лекціяхъ римскаго права, то этимъ методомъ сохраняется связь между отдѣльными цивильными дисциплинами и достигается единство при ихъ изученіи.

Знакомство съ иностранными западно-европейскими законодательствами необходимо, *) такъ какъ эти законодательства вліяли на образованіе нашего дѣйствующаго гражданскаго права въ XVIII и XIX вѣкѣ и продолжаютъ вліять на него, при все болѣе и болѣе увеличивающемся сближеніи быта культурныхъ народовъ, и теперь. **) Кромѣ того, доставляя лишній матеріалъ для сравненія, они способствуютъ лучшему уясненію отечественнаго права, а предлагая по многимъ вопросамъ гражданскаго права сооб-

---

*) См. по вопросу объ изученіи иностранныхъ законодательствъ мѣткія замѣчанія Гордона въ его книгѣ: представительство въ гражданскомъ правѣ, стр. 3, а также брошюру Лыкошина, о пользѣ изученія иностранныхъ законодательствъ.

**) Достаточно бѣгло взглянуть на объяснительную записку къ V книгѣ нашего новаго проэкта гражданскаго уложенія, объ обязательствахъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

разныя требованіямъ современности измѣненія и дополненія сравнительно съ правомъ римскимъ, они поучительны еще и de lege feranda.

Въ послѣдующемъ мы предлагаемъ выборку руководствъ и пособій по праву римскому, западно-европейскому и русскому гражданскому праву. Изъ западно-европейскихъ законодательствъ мы останавливаемся на правѣ французскомъ и германскомъ потому, что въ гражданскихъ кодексахъ этихъ народовъ выражается оригинальное законодательное творчество континента. Кромѣ того франц. Code civil прямо вліялъ на составленіе т. X. ч. I, а германскія законодательства интересны, такъ какъ въ нихъ выражаются идеи нынѣ передовой въ Европѣ германской юриспруденціи.

A. Римское право.

Savigny: System. Windscheid: Pandekten, 6 ое изданіе (часть „объ обязательствахъ по римскому праву“, имѣется въ переводѣ на русскомъ языкѣ Думашевскаго; переводъ сдѣланъ съ одного изъ старыхъ изданій). Dernburg: Pandekten, 5-е изданіе *) Regelsberger: Pandekten (появилась лишь общая часть; общія ученія ея имѣются и въ русскомъ переводѣ Базанова подъ редакціей Ю. С. Гамбарова).

Болѣе сжатое изложеніе даютъ: Arndts: Pandekten, 13-е изд. и Baron: Pandekten (руководство переведено на русскій языкъ Л. Петражицкимъ).

B. Западно-Европейское гражданское право.

(ГЕРМАНСКОЕ И ФРАНЦУЗСКОЕ).

а) ГЕРМАНСКОЕ ПРАВО.

1) Общія основанія германскаго права.

Stobbe: Handbuch des deutschen Privatrechts, I—V.

Beseler: System des gemeinen deutschen Privatrechts, I—II, Болѣе сжатое изложеніе даетъ: Gerber: System des deutschen Privatrechts.

*) Томъ II-ой этого руководства, объ обязательствахъ, переводится на русскій языкъ проф. Московскаго университета П. Э. Соколовскимъ.

2) *Германскія земскія законодательства.*

Dernburg: Lehrbuch des Preussischen Privatrechts I[5]. II[4]. III[4].

Wächter: Handbuch des in Königreich Würtemberg geltenden Privatrechts I—II.

Unger: System des Oesterreichischen allgemeinen Privatrechts I—II (общая ч.) и отдѣльный томъ, посвященный наслѣдственному праву.

Grützmann: Lehrbuch des Königlichen sächsischen Privatrechts I—II.

3) *Германское имперское уложеніе 1896 года.*

Kosack: Lehrbuch des deutschen bürgerlichen Rechts, Bd. I, Abtheil. 1. 2 и 2 выпуска 2-го тома. Болѣе сжатыя изложенія даютъ:

Gareis und Endemann: Einführung in das Studium des bürgerlichen Gesetzbuches für das deutsche Reich I—II.

Eck: Vorträge über das Recht des bürgerlichen Gesetzbuches (впрочемъ только введеніе и часть общихъ ученій).

b) ФРАНЦУЗСКОЕ ПРАВО.

Pothiers*: Oeuvr s complètes, annotées et mises en corrélation avec le code civil et les autres dispositions de la législation actuelle, par Bugnet 1861.

Zachariä von Lingenthal: Handbuch des französischen Civil-Rechts, послѣднее изданіе берлинскаго проф. Crome, 1895 г. (основное *систематическое* руководство, переведенное на французскій языкъ подъ заглавіемъ: Cours de droit français d' après la méthode de Zachariae. Имѣется и болѣе свободная переработка этого сочиненія на французскомъ языкѣ, принадлежащая Aubry и Rau).

Ludwig Schiffner: Lehrbuch des französischen allgemeinen Civil-Rechts, вып. I, (только введеніе и источники права).

Изъ многочисленныхъ комментаріевъ къ Code civil, большинство которыхъ къ сожалѣнію лишено истинно научнаго полета

---

*) Хотя труды Потье и появились задолго до изданія дѣйствующаго французскаго кодекса и нынѣ съ точки зрѣнія теоріи гражданскаго права представляются во многомъ устарѣвшими, однако они имѣютъ большое значеніе для пониманія Code civil, который составился подъ прямымъ ихъ вліяніемъ (особенно обязательственное право въ Code). Труды Потье имѣютъ непосредственный интересъ и для русскаго юриста, такъ какъ редакторъ нашихъ гражданскихъ законовъ, графъ Сперанскій, видимо пользовался ими при составленіи послѣднихъ.

мысли, отличается изобиліемъ общихъ мѣстъ и многословіемъ, вниманія заслуживаютъ:

Explication méthodique et raisonnée du C. c. par Marcadé, 7-ое изд. (1873), трудъ оконченъ г. Pont. Demolombe: Cours du Code civil.

Laurent: Principes, т.т. I—XXXIII. Онъ-же: Cours élémentaire du C. c. I—IV. Troplong: Droit civil expliqué, т.т. I—XXVII. *)

C. Русское гражданское право.

a) ОБЩІЯ РУКОВОДСТВА И ПОСОБІЯ.

Побѣдоносцевъ: Курсъ гражданскаго права, I—III и алфавитный предметный указатель 1896 (не даетъ общей части).**)

Анненковъ: Система, I—III (общая часть, вещное право и общая часть обязательственнаго права).***)

Дювернуа: Чтенія по гражданскому праву, т. I-ый, вып. 1 и 2 (курсъ пока далеко не оконченный).

Мейеръ: Русское гражданское право, курсъ первоначально изданный по лекціямъ автора г. Вицынымъ. Послѣднія изданія (7 и 8-ое) предприняты проф. А. Гольмстеномъ (ясное и сжатое изложеніе системы гражданскаго права, но нынѣ уже отсталое, какъ въ отношеніи объема предлагаемаго матеріала, такъ равно и въ отношеніи метода его обработки. Теоретическія основанія учебника, стоящаго на почвѣ германской цивилистической науки 40 хъ годовъ—одинаково въ большей своей части устарѣли****).

Васьковскій: Учебникъ гражданскаго права, вып. I ый—общая часть и вып. II-ой—вещное право (краткое и ясное изложеніе системы гражданскаго права, оріентирующее въ основ ныхъ положеніяхъ иностраннаго законодательства и опирающееся на данныя практики гражд. касс. Деп. Сената).*****)

Шершеневичъ: Учебникъ русскаго гражданскаго права, изд. 2 ое (краткое изъящное и необычайно легкое изложеніе предмета. Недостатокъ составляетъ отсутствіе обстоятельности и глубины******)

---

*) Значеніе иностранныхъ законодательствъ при изученіи дѣйствующаго общаго русскаго гражд. права см. курсъ

**) Рецензіи на первое изданіе: Юридическій Вѣстникъ 1868 г., кн. III. Журналъ гражданскаго и торговаго права 1871, кн. I и 1876, кн. II (См. Шершеневичъ: Наука гражданскаго права въ Россіи, стр. 99).

***) Рецензіи на I т.: Ж. М. Ю. 1894 г., № 1, Ж. Ю. О 1895 г., кн. 4-я, Кіевскія университетскія извѣстія 1896 г., № 1; на II т.—Ж. М. Ю. 96 г., № 2, и замѣтка въ Ж. Ю. О. 97, кн. 1-ая.

****) Рецензіи: Ж. Ю. О., 1895 года, кн. 2-ая, Ж. М. Ю. 96 г., № 3—(Башилова: весьма пространная и обстоятельная).

*****) См. замѣтку въ Ж. Ю. О. 97 г., кн. 1-ая.

******) Рецензіи на 1-ое изданіе: Ж. Ю. О. 1894, кн. 8-ая (Загоровскаго: на эту рецензію имѣется и отвѣтъ автора), Ж. М. Ю. 1894, № 2-ой; на 2-е изд. Ж. Ю. О. 97 г., кн. 1-ая.

Неоконченные курсы: *Цитовичъ*: Курсъ русскаго гражданскаго права, Одесса 1879 (содержитъ только введеніе и часть ученія объ источникахъ права, но долженъ быть рекомендованъ, какъ образчикъ тонкаго юридическаго анализа, содержащій много оригинальныхъ выводовъ). *Малышевъ*: Курсъ общаго гражданскаго права Россіи I (содержитъ только введеніе и ученіе объ источникахъ права), впрочемъ къ этому первому тому имѣется особое приложеніе (тоже 1 томъ). По вопросамъ исторіи русскаго гражданскаго права слѣдуетъ имѣть въ виду: Неволинъ: Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ (въ полномъ собраніи сочиненій т.т. 3—5). и Владимірскій-Будановъ: Обзоръ исторіи русскаго права (отдѣлъ гражданскаго права).

b) МОНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Спеціальныя монографическія изслѣдованія, касающіяся той или иной матеріи гражданскаго права существуютъ у насъ частью отдѣльными книжками, бо́льшее же ихъ количество разсѣяно по повременнымъ юридическимъ (а иногда и общимъ) изданіямъ.

Важнѣйшія монографическія изслѣдованія будутъ указываться по мѣрѣ прохожденія курса по поводу соотвѣтствующихъ вопросовъ. Полный и систематическій указатель литературы русскаго гражданскаго права даетъ книга Поворинскаго. Обнимая всю литературу русскаго гражданскаго права со 2-ой половины прошлаго вѣка, указатель этотъ доведенъ до второго полугодія 1885 го года.

Наши повременныя юридическія изданія суть: «Журналъ гражд. и торговаго права», издававшійся въ 1871—1873 годахъ Книримомъ и Туромъ. „Вѣстникъ права", издаваемый С.-Петербургскимъ Юридическимъ Обществомъ. Это изданіе составляетъ продолженіе прежнихъ изданій того-же Общества, выходившихъ подъ другими наименованіями, а именно: „Ж. гражданскаго и уголовнаго пр." (1873—1894), «Ж. Юридическаго Общ.» (1894—1898); свое новое, возрожденное существованіе органъ Спб. Юрид. Общ. получилъ такимъ образомъ лишь около года тому назадъ. „Журналъ Министерства Юстиціи", издавался въ 60 хъ годахъ, затѣмъ прекратилъ свое существованіе и вновь появился въ 1894-омъ году (№ 1 - Ноябрь).

„Сборникъ правовѣдѣнія", бывшій „Юридическій Вѣстникъ" (изданіе Московскаго Юридическаго Общества).

„Юридическая Лѣтопись", журналъ издававшійся въ 1890—1892 годахъ подъ редакціей профессора Сергіевскаго (нынѣ болѣе не существуетъ).

„Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея", начавшій свое существованіе вмѣстѣ съ преобразованнымъ Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ (первая книга 1872 году) и представляющій теперь весьма цѣнную коллекцію объемистыхъ юридическихъ изслѣдованій (всего до сихъ поръ 77 книгъ).

Затѣмъ къ нашимъ повременнымъ юридическимъ изданіямъ относятся также органы нашихъ университетовъ*) и „Журналъ Министерства Народнаго просвѣщенія“, дающіе съ большею или меньшею регулярностью крупныя изслѣдованія или солидныя статьи юридическаго характера.

Наконецъ на ряду съ перечисленными журналами слѣдуетъ упомянуть еще о нѣкоторыхъ спеціальныхъ юридическихъ изданіяхъ, ставящихъ себѣ менѣе глубокія цѣли, но все-же важныхъ, такъ какъ они посвящены текущимъ практическимъ вопросамъ нашей юридической жизни. Сюда относятся: «Юридическая газета», «Судебная газета» и газета: „Право“

Для того, чтобы орьентироваться въ монографической литературѣ по какому-либо вопросу слѣдуетъ раньше всего обратиться къ указателю Поворинскаго. Тамъ по каждому вопросу подъ соотвѣтствующей рубрикой системы (общую картину которой даетъ оглавленіе) можно найти не только библіографическія данныя о всѣхъ появившихся изслѣдованіяхъ и сочиненіяхъ; но и указанія на статьи и даже замѣтки, помѣщенныя въ періодическихъ изданіяхъ. Въ настоящее время прекрасною справочною книгою по литературѣ русскаго гражданскаго права является и „система“ Анненкова. Это почтенное сочиненіе съ необычайной тщательностью сопоставляетъ всѣ высказанныя у насъ въ литературѣ взгляды и разномнѣнія ученыхъ**). Система Анненкова представляетъ по сравненію съ Поворинскимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже еще и преимущества: во первыхъ, не ограничиваясь одними библіографическими данными (какъ Поворинскій), она знакомитъ нерѣдко и съ содержаніемъ цитируемыхъ сочиненія или статьи, а во 2-хъ система захватываетъ и литературу съ 1885 года за періодъ времени

---

*) А именно: Кіевскія Университетскія Извѣстія; Записки Харьковскаго Университета; Извѣстія и Ученыя Записки Казанскаго Университета (нынѣ просто Ученыя записки Каз. Унив.); Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета; Варшавскія Университетскія Извѣстія; Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета.

**) Этимъ „Система“ выгодно отличается отъ всѣхъ прежнихъ руководствъ по русскому гражданскому праву (не исключая и труда Побѣдоносцева). Анненкову можно, быть можетъ, поставить въ упрекъ недостаточно цѣлесообразный выборъ въ разбираемомъ имъ литературномъ матеріалѣ, (такъ напримѣръ сочиненія основныя слѣдовало-бы отдѣлить отъ второстепенныхъ), нѣсколько неуклюжую и компилятивную форму изложенія этого матеріала (многое, напримѣръ, могло быть вынесено въ подстрочныя примѣчанія и значительно сокращено). Но самый вводимый имъ у насъ пріемъ составленія общаго руководства по русскому гражданскому праву безусловно заслуживаетъ подражанія: наука гораздо быстрѣе двигается впередъ и изложеніе предмета ея представляется гораздо нагляднее и полнѣе, когда сочиненія, дающія общее ея обозрѣніе, постоянно основываются на трудахъ предшественниковъ. Эта максима, давно признанная въ Западно-европейской (особенно германской) литературѣ, должна будетъ впредь по примѣру Анненкова получить признаніе и у насъ.

приблизительно до год‹ появленія того или другого ея тома. Какъ поступить въ томъ случаѣ, если желаешь справиться съ литературою, появившимся послѣ окончанія сочиненія Анненкова или повѣрить полноту и безошибочность приведенныхъ въ этомъ послѣднемъ цитатъ? Здѣсь не остается ничего болѣе, какъ просмотрѣть библіографическіе списки, которые ведутся нашими спеціальными періодическими изданіями (Ж М. Ю и В. Пр.) и перелистать самыя эти изданія для повѣрки въ свою очередь полноты этихъ списковъ. Наконецъ полезнымъ можетъ оказаться и заглянуть въ каталоги книгопродавцевъ.

Чтеніе спеціальныхъ изслѣдованій и болѣе пространныхъ общихъ руководствъ помимо изученія обязательнаго курса составляетъ занятіе, которое всякій преподаватель можетъ только горячо рекомендовать своимъ слушателямъ; но полезнымъ чтеніе можетъ оказаться лишь тогда, когда оно ведется по опредѣленному плану и при помощи цѣлесообразныхъ пріемовъ.

Чтеніе безъ разбору сочиненій разныхъ авторовъ, сочиненій, относящихся до разныхъ областей предмета, къ сожалѣнію столь часто практикующееся начинающими, безусловно можетъ принести только вредъ: онъ даетъ лишь отрывочное, случайное знаніе, развиваетъ верхоглядство и мало способствуетъ истинному развитію штудирующихъ.

Ко всякому полезному чтенію мы предъявляемъ слѣдующія требованія: разумный выборъ сочиненій, методичность чтенія, его систематичность, наибольшая его производительность.

а) Выборъ сочиненій. Литература гражданскаго права, особенно если мы примемъ въ соображеніе и сочиненія по римскому праву и иностраннымъ законодательствамъ (съ которыми русскому юристу приходится считаться), растетъ съ невмовѣрною быстротою и переполняетъ соотвѣтствующія отдѣленія и шкафы библіотекъ.

Какъ разбираться въ столь обширномъ матеріалѣ—этому учатъ раньше всего время и опытъ. Собственная практика подскажетъ каждому соотвѣтствующіе пріемы Но если нѣкоторыя общія, какъ сказать апріорныя указанія въ этомъ отношеніи могутъ оказаться не безполезными, то они по нашему мнѣнію заключаются въ слѣдующемъ: изъ нѣсколькихъ сочиненій, трактующихъ одинъ и тотъ же вопросъ, должны быть выбираемы оригинальныя предпочтительно передъ компилятивными, такъ какъ вторыя воспроизводятъ содержаніе первыхъ. Изъ нѣсколькихъ оригинальныхъ сочиненій по одному и тому же вопросу, если желаешь основательно прослѣдить его развитіе въ литературѣ, слѣдуетъ начинать съ древнѣйшаго, ибо позднѣйшія, считаясь съ этимъ послѣднимъ, воспринимаютъ въ себя его содержаніе. Изъ нѣсколькихъ изслѣдованій по вопросу, болѣе сжатыхъ и болѣе подробныхъ, цѣлесообразнѣе начинать съ первыхъ. Хорошія компилятивныя сочиненія могутъ съ успѣхомъ служить для общей орьен-

тировки въ вопросѣ. Среди компилятивныхъ сочиненій наибольшую важность представляютъ тѣ, которыя даютъ сводку сырого матеріала, его группировку; по значенію своему для науки они сравниваются съ произведеніями оригинальными, вносящими въ нее новую мысль или новые методы и пріемы. Такъ какъ начинающіе обыкновенно не знаютъ, какія сочиненія оригинальныя, какія компилятивныя, которыя даютъ болѣе сжатое и которыя болѣе пространное изложеніе предмета и т. д., то имъ слѣдуетъ рекомендовать обращаться въ дѣлѣ выбора сочиненій для чтенія къ совѣту преподавателя или вообще опытнаго лица

b) Методичность чтенія, заключается въ переходѣ отъ простаго къ сложному, отъ понятій элементарныхъ къ понятіямъ составнымъ Поэтому всякому чтенію монографій, по нашему мнѣнію, строго говоря, должно предшествовать основательное изученіе какого-либо общаго (хотя бы самаго краткаго) курса и указываемыхъ въ немъ источниковъ (каковыми по отношенію къ русскому гражданскому праву являются напримѣръ статьи закона, кассаціонная практика и т. д.) Безъ знакомства съ начальными основаніями предмета чтеніе монографій представляетъ затрудненія, такъ какъ каждая монографія, помимо изслѣдуемаго въ ней подробно спеціальнаго вопроса, содержитъ рядъ общихъ данныхъ, которыя предполагаются извѣстными читателю.

Однако выдержать рекомендуемое нами здѣсь начало безусловно едва-ли возможно при существующемъ у насъ распредѣленіи предметовъ по курсамъ юридическихъ факультетовъ и при томъ ограниченномъ времени, которое большинство штудирующихъ могутъ отдать чисто теоретическимъ занятіямъ Въ виду этого мы рекомендовали бы *по крайней мѣрѣ* всегда предпосылать чтенію монографіи изъ какой либо области, основательное изученіе ея по общему руководству.

c) Систематичность чтенія будетъ заключаться въ томъ что, желая познакомиться съ тою или иною областью литературы, мы раньше всего ясно и опредѣленно поставимъ себѣ вопросъ, который насъ будетъ интересовать; тогда достоинство содержанія и значеніе каждаго сочиненія для нашей цѣли опредѣляется быстро и легко; иначе говоря, слѣдуетъ стремиться не къ тому, чтобы прочесть, проглотить какъ можно болѣе книгъ, а къ тому чтобъ освѣтить себѣ наибольшее число вопросовъ помощью разныхъ высказываемыхъ о нихъ тѣми или иными авторами сужденій *).

d) Производительность чтенія выражается въ двухъ направленіяхъ: во-1-хъ со стороны обогащенія нашего знанія новыми положительными данными; а во-2-хъ со стороны упражненія насъ въ тѣхъ особенныхъ пріемахъ и методахъ мышленія, которые свойственны данной наукѣ. Для достиженія наилучшихъ резуль-

---

*) См. Dernburg: Pandekten I, § 18, примѣч. 1-ое.

татовъ въ первомъ направленіи, произведенія особенно богатыя по содержанію и отличающіяся сжатостью изложенія надлежитъ читать по нѣсколько разъ или дѣлать изъ нихъ краткія извлеченія въ формѣ конспектовъ Вообще выписки при чтеніи всякого рода книгъ полезны, а Дарвинъ напримѣръ, такъ даже рекомендуетъ составлять по прочтеніи каждой книги краткій предметный указатель ея содержанія. Для того, чтобы читаемое сочиненіе оставило въ насъ слѣдъ и въ смыслѣ развитія нашего мышленія въ духѣ изучаемой науки, слѣдуетъ относиться къ нему со вниманіемъ, читать его критически, приводя все вновь усваиваемое въ связь съ уже извѣстнымъ Почему авторъ данной книги пришелъ къ тому, а не иному выводу, могли ли мы предугадать его, не противорѣчитъ ли этотъ выводъ тому, что мы уже знаемъ о предметѣ, а если противорѣчитъ, то почему и т. д. — это вопросы, на которыхъ всегда надлежитъ останавливаться.

IV. Изданія и сборники законовъ, сборники судебныхъ рѣшеній.

1) *Общее русское гражданское право:*

а) ИЗДАНІЯ ЗАКОНОВЪ.

Т. X. ч. 1, офиц. изд. 1887 года.

Новѣйшее текущее законодательство содержится въ собраніи Узаконеній и Распоряженій Правительства и въ продолженіяхъ къ Своду Законовъ, издаваемыхъ Государственной Канцеляріей.

Сопоставленіе текста послѣдняго офиціальнаго изданія т. X, ч. 1 съ новѣйшими узаконеніями (Продолженіями) къ нему даютъ неофиціальныя изданія Гаугера (т. X, ч. 1 со включеніемъ статей по продолженіямъ 1890, 1891. 1893 годовъ, позднѣйшихъ узаконеній и разъясненій Общ Собр. и Гражд. Кас Департамента Правит Сената, изд. III Спб. 1897) и т. X, ч. 1.— изданіе книжнаго магазина Ротенберга въ Екатеринославѣ *).

Полезныя пособія при изученіи т. X, ч. 1 составляютъ:

Шимановскій: Первая часть десятаго тома съ ея историческими основаніями (даетъ текстъ ссылокъ, значащихся подъ стт.

*) Неофиціальныя изданія, дающія лишь одинъ текстъ закона: Маньковскій (95) и Скоровъ (97).

X т., ч. 1). Авторъ довелъ свой трудъ только до 933 ст. Изданіе затѣмъ продолжено до 1373 ст. Грибовскимъ и Островскимъ (но не окончено).

Замѣчанія о недостаткахъ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ (изданіе Редакціонной Комиссіи) Это—сборникъ критическихъ замѣчаній практиковъ на дѣйствующіе гражданскіе законы.

Для обозрѣнія всего частноправоваго содержанія Свода, а именно и тѣхъ многочисленныхъ законовъ, которые помѣщаются внѣ т. X, ч. 1, слѣдуетъ рекомендовать: „Сборникъ гражданскихъ законовъ Гожева и Цвѣткова", въ трехъ томахъ (изъ которыхъ матеріальному гражданскому праву принадлежатъ только 2 первые). Впрочемъ, нынѣ сборникъ этотъ, изданный по почину Редакціонной Комиссіи по составленію гражданскаго уложенія въ 1885/6 годахъ, уже нѣсколько устарѣлъ. Многіе, цитированные въ немъ тома Свода Законовъ съ тѣхъ поръ были изданы вновь, вслѣдствіе чего при пользованіи „Сборникомъ" приходится переводить сдѣланныя въ немъ ссылки на соотвѣтствующія статьи новыхъ изданій.

Весьма важное пособіе для оріентировки въ содержаніи Свода Законовъ вообще представляютъ алфавитные указатели къ нему. Офиціальный алфавитный указатель къ Своду Законовъ (1857 года), изданный въ 1860 году, нынѣ устарѣлъ. Новаго офиціальнаго алф. указ. съ тѣхъ поръ издано не было. Зато слѣдуетъ указать на прекрасную частную работу этого рода: Чулковъ: Подробный алфавитный указатель къ своду законовъ Россійской Имперіи и т. д. (Москва, 95.). Систематическій и алфавитный указатели къ Своду Законовъ Палибина (1894), хотя тоже представляютъ полезное руководство, однако значительно уступаютъ указателю Чулкова по полнотѣ, ясности и наглядности изложенія (кромѣ того Чулковъ новѣе).

b) ИЗДАНІЯ И СБОРНИКИ СУДЕБНЫХЪ РѢШЕНІЙ.

Значеніе имѣютъ главнымъ образомъ рѣшенія высшей кассаціонной инстанціи.

Кассаціонныя рѣшенія Сената существуютъ у насъ какъ въ видѣ первоначальномъ (оригинальномъ, непереработанномъ), такъ равно въ формѣ переработокъ въ сборники.

Подлинный текстъ рѣшеній Гражд. Касс. Департамента Сената мы находимъ въ офиціальномъ ихъ изданіи, которое непрерывно, по годамъ, ведется Сенатской Типографіей. Къ этому изданію прилагаются алфавитные (къ сожалѣнію алфавитъ ведется по ничего неговорящимъ фамиліямъ участниковъ дѣла) и постатейные указатели рѣшеній (т. е. приводятся статьи закона, къ которымъ рѣшенія относятся).

Перепечатку этихъ рѣшеній даютъ: «Судебная газета», «Юридическая газета» и газета «Право» въ видѣ приложеній для своихъ подписчиковъ.

Существующія у насъ переработки рѣшеній Гражд. Касс. Д-та Сената въ форму сборниковъ суть двоякаго рода: или онѣ изображаютъ сенатскую практику изъ всей области гражданскаго права по т. X, ч. 1; или даютъ лишь изложеніе, коментировку и разъясненіе тѣхъ или другихъ статей или отдѣловъ гражданскаго законодательства по рѣшеніямъ Сената.

а) Къ первой категоріи принадлежатъ:

Думашевскій: Систематическій сводъ. *Москальскій*: Алфавитный указатель вопросовъ гражданскаго права...

Эти сборники однако нынѣ уже устарѣли.

Изъ новѣйшихъ слѣдуетъ указать:

Боровиковскій: Законы гражданскіе съ объясненіемъ по рѣшеніямъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената 9-ое изданіе (порядокъ выборокъ и извлеченій изъ кассаціонной практики постатейный).

Гражданская практика Кассаціоннаго Сената (изданіе офиціальное): I—за 1885—1892 гг.; II.—1892 и 1893 гг.; III—1894—1897 гг. Этотъ сборникъ раздѣленъ на двѣ части. Въ первой содержатся тезисы изъ сенатской практики въ порядкѣ болѣе или менѣе крупныхъ раздѣленій т. X. ч. 1; во 2-й части приводятся съ *подробною мотивировкою* самыя рѣшенія, подкрѣпляющія эти тезисы.

Алфавитный указатель къ рѣшеніямъ гражданскаго кассаціоннаго Департамента et cet. за 1885—1899 гг., составили Бриліантъ и Шкляверъ. (1889 года) *), **).

Меньшею распространенностью пользуются сборники:

Гаугеръ: Сборникъ рѣшеній Общ. Собр. Касс. и 1 и Касс. Д-овъ Сената за 30 лѣтъ (66—96), съ подробнымъ указателемъ et cet.

---

*) См. рецензію въ газ. „Право“, № 38 за 1899 г., стр. 1739.

**) Выше приведены только сборники, представляющіе кассац. практику за болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени. Кромѣ нихъ мы располагаемъ цѣлою серіею сборниковъ рѣшеній за небольшіе періоды времени; таковы: Берлинъ: хронол. сборникъ рѣшен. Гр. Касс. Д-та за 66 и 67 г., Боровиковскій и Герардъ: Систем. сборн. рѣшен. Гражд. Касс. Д-та за 78 г., Вербловскій: Систем. сборникъ рѣшеній Сената по гражд. праву и гражд. судопр. за 83—88, Гожевъ: Систем. сборн. рѣшен. Гражд. Касс. Д-та за 75 г. (т. I мат. право), Деникс: Сборн. рѣш. Гражд. Касс. Д-та и Общ. Собр. Сената за 86,—90 гг., Кипримъ и Боровиковскій: систем. сборникъ рѣш. гражд. касс. Д-та за 73 г., Кипримъ и Ковалевскій: Систем. сборн. рѣшен. Гражд. Касс. Д-та за 74 и 76 гг., Молчановъ и Ходоровскій: Систем. указ. рѣш. Сената за 66-71 гг., Поворинскій и Шайкевичъ: Систем. сборн. рѣшеній граж. касс. Д-та за 78 г. (I т. мат. право), Рудневъ и Кусаковъ: Алфавитный сборникъ положеній изъ рѣшен. Граж. Касс. Д-та за 81 и 82 гг.

Для краткаго обозрѣнія Сенатскихъ рѣшен. къ стт. т. X ч. 1 можно пользоваться съ успѣхомъ указанными выше изданіями X т., ч. 1, Гаугера и Ротенберга.

Орловъ: Алфавитный указатель вопросовъ гр. права и судопр., разрѣшен. Гр. Касс. Деп. за 78—95 годы.

Чернявскій: Систематическій сборникъ рѣшеній Сената за 66—86 гг.

b) Ко второй категоріи относятся (назовемъ лишь важнѣйшіе и новѣйшіе сборники):

Бертгольдъ: законы о душеприказчикахъ; онъ-же: законы о духовныхъ завѣщаніяхъ; Гаугеръ: положеніе о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ; Громачевскій: ограничительные законы по землевладѣнію въ Западномъ краѣ; „Договорное право по рѣшеніямъ Сената“; Фармаковскій: законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ; Кузисъ: сборникъ кассац. рѣшеній по дѣламъ о взысканіи пожарныхъ убытковъ; Лаго: практика Гр. Касс. Д-та по дѣламъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія; Мартыновъ: узаконеніе и усыновленіе дѣтей. Юрасовскій: о дѣтяхъ законныхъ, незаконныхъ, узаконенныхъ усыновленныхъ и приписанныхъ; Григоровскій: Сборникъ гражд. и церк. законовъ о бракѣ и разводѣ Канторовичъ; Законы о безвѣстномъ отсутствіи. Флексоръ: Право на воды.

Для тѣхъ частей нашего законодательства, которыя заключаются внѣ т. X. ч. 1. но все-же имѣютъ большее или меньшее отношеніе къ гражданскому праву, слѣдуетъ имѣть въ виду сборники:

По торговому праву: Носенко: „Уставъ торговый“.

По процессу: Гордонъ: „Уставъ гражданскаго судопроизводства“.

Положеніе о нотаріальной части:—Выдринъ: „сборникъ узаконеній по нотаріальной части“.

Законы межевые: Филипповъ.

Законы о состояніяхъ:—Нюренбергъ:

2) *Иностранныя законодательства:*

(здѣсь достаточно назвать лишь наиболѣе извѣстныя и распространенныя изданія иностранныхъ законовъ).

а) ГЕРМАНСКІЯ ЗЕМСКІЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Allgemeines Landrecht f. d. Preuss'schen Staaten (Прусское земское право): офиц. изд. Berlin 1863 г. (въ продажѣ не существуетъ); неофиц. съ примѣчаніями—Grotenfeld. Düsseldorf, 1879.

Das bürgerliche Gesetzbuch f. d. Königreich Sachsen et cet. (Саксонское земское уложеніе), неофиц. издан. съ примѣч.—Franke, изд. 3-е (Leipzig, 1892)

Das allgemeine bürgerliche Gesetzbuch f. Oesterreich, изд. 2 е (Prag 1884). Geller, Oesterreichische Justizgesetze.

b) ГЕРМАНСКОЕ ИМПЕРСКОЕ УЛОЖЕНІЕ.
18 Августа 1896 года.

Das bürgerliche Gesetzbuch f. d. Deutsche Reich, Berlin 1897 (y Karl Heymann) *).

e) ФРАНЦУЗСКОЕ ПРАВО.

Codes français, H. F. Rivière **), ***).

V. Практическія занятія.

Цѣль академическаго преподаванія не была бы вполнѣ достигнута, если бы оно ограничивалось однѣми лекціями: лекціи преимущественно дѣйствуютъ на рецептивныя способности слушателей, обогащая штудирующихъ фактическими данными; кромѣ того онѣ не представляютъ достаточныхъ стимуловъ къ самостоятельному размышленію надъ преподаннымъ, къ примѣненію усвоеннаго; наконецъ лекціи не даютъ и преподавателю никакихъ средствъ къ тому, чтобы слѣдить за развитіемъ и успѣхами своей

---

*) Существуетъ и офиц. и множество другихъ частныхъ изданій, частью содержащихъ сопоставленіе имперск. улож. съ земскими кодексами.

**) Среди всѣхъ современныхъ кодификацій французскому кодексу Наполеона (code civil) несомнѣнно, принадлежитъ самое видное мѣсто, какъ въ виду территоріи, на которой онъ дѣйствуетъ (въ первоначальномъ или переработанномъ видѣ), такъ равно вслѣдствіе того вліянія, которое этотъ кодексъ оказалъ на составленіе уложеній въ другихъ странахъ. Еще непосредственнымъ дѣйствіемъ власти эфемернаго повелителя Запада C. C. былъ введенъ: въ Нидерландахъ, герцогствѣ Варшавскомъ—1808 (отошедшемъ впослѣдствіи къ Россіи), въ Вел. Герц. Баденскомъ и во многихъ мелкихъ германскихъ княжествахъ и земляхъ, въ Италіи и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи. Въ другихъ государствахъ N. C. послужилъ въ той или иной мѣрѣ теоретическимъ образцомъ для появившихся въ нихъ кодификацій (таковы кантоны Французской Швейцаріи, Россія по отношенію къ X т. ч. 1.). Въ новѣйшее время кодексъ Наполеона былъ реципированъ: въ Греціи, Молдаво-Валахіи и Румыніи.

***) Изъ иностранныхъ сборниковъ судебныхъ рѣшеній достаточно указать: для Германіи—Entscheidungen d. Reichs-Gerichts in Civil-Sachen, а для Франціи—Dalloz, Répertoire.

аудиторіи. Въ виду всего этого нынѣ почти вездѣ сознается необходимость пополнять лекціи по юридическимъ наукамъ болѣе или менѣе развитою системою „практическихъ занятій". [1]). Практическія занятія для юристовъ ведутъ свои происхожденіе изъ германскихъ университетовъ эпохи возрожденія, когда на ряду съ традиціонными средневѣковыми «lecturae», отличавшимися безсодержательностью и однообразіемъ, впервые появились частныя собесѣдованія профессоровъ со своими слушателями, collegia (disputationes). Зародясь сначала въ Кельнѣ, перейдя затѣмъ въ Марбургъ collegia эти вскорѣ распространились по всей Германіи и дали толчекъ образованію цѣлой особой литературы, такъ называемыхъ disputationes, которыя представляютъ именно бесѣды профессоровъ со своею аудиторіей въ collegia, переработанныя въ научно-литературную форму [2]). Хотя впослѣдствіе наименованіе: „collegia" было перенесено въ Германіи и на лекціи однако практическія занятія продолжали являться пріемомъ преподаванія и обученія, по существу своему отличнымъ отъ послѣднихъ. Практическія занятія велись въ различныхъ германскихъ университетахъ въ разное время не съ одинаковымъ усердіемъ [3]). Однако послѣднюю четверть вѣка слѣдуетъ считать временемъ наиболѣе полнаго ихъ развитія и наилучшаго разцвѣта въ Германіи. Теперь германскимъ университетамъ несомнѣнно принадлежитъ руководящая роль въ дѣлѣ ихъ устройства и постановки. Практическія занятія, которыя и раньше были не чужды преподаванію на нашихъ юридическихъ факультетахъ и особенно стали развиваться въ послѣдніе годы, складывались и складываются по нѣмецкому шаблону Даже французы, столь охотно замыкающіеся отъ всякихъ иноземныхъ, особенно нѣмецкихъ примѣровъ, заговорили о необходимости введенія практическихъ занятій для юристовъ по германскому образцу [4]).

---

[1]) Сравни по вопросу о методахъ преподаванія на современныхъ юридическихъ факультетахъ мѣткія замѣчанія Stammler'а въ его Pandektenübungen, erster Theil, Plan der Uebungen; такъ же въ русской литературѣ: Сергѣевскій, введеніе къ казуистикѣ угол. права—Временникъ Дем. Юрид. Лицея 1882 г., книга XXVIII.

[2]) Ср. Stinzing: Geschichte d. deutschen Rechtswissenschaft I. 132—139 стр.. Disputationes времени возрожденія слѣдуетъ отличать отъ прежнихъ средневѣковыхъ диспутацій, которыя имѣли цѣлью публичное состязаніе въ діалектикѣ на какую либо схоластическую тему Объ этихъ диспутаціяхъ см. Суворовъ: Средневѣковые университеты, стр. 205 и слл..

[3]) Такъ, напр., Іерингъ сѣтуетъ въ предисловіи къ своимъ Civilrechtsfälle, что даже въ Берлинѣ, гдѣ всегда были собираемы лучшія силы, цѣлые годы не существовало одной изъ важнѣйшихъ формъ практическихъ занятій, а именно разбора казусовъ.

[4]) Revue génerale du droit, de la législation et de la jurisprudence 1896 Tome XX, pg. 56 et suiv.

Предлагаемыя нынѣ въ Германіи практическія занятія представляютъ 4 основныя формы: repetitoria (или conversatoria), exegetica, practica въ собственномъ смыслѣ и наконецъ—разборъ докладовъ и сочиненій на самостоятельныя темы въ семинаріяхъ.

1) Repetitoria или conversatoria, это—самая элементарная форма практическихъ занятій она заключается въ систематическихъ собесѣдованіяхъ преподавателя со своими слушателями на послѣдовательно проходимыя на лекціяхъ части курса [1]).

2) Exegetica, какъ показываетъ самое названіе, состоятъ въ толкованіи и объясненіи законодательства (шире источниковъ), или тѣхъ или иныхъ его частей. Эта форма практическихъ упражненій можетъ быть съ успѣхомъ рекомендуема въ началѣ прохожденія догматическаго курса, когда за отсутствіемъ у слушателей достаточнаго матеріала еще нельзя приступить къ рѣшенію съ ними практическихъ казусовъ Цѣль exegetica заключается въ томъ, чтобы пріучить штудирующихъ къ самостоятельному обращенію съ источниками и къ пріемамъ изученія предмета. Применительно къ курсу русскаго гражданскаго права экзегетическія занятія могли бы состоять въ чтеніи X т. ч. I. или того или иного его отдѣла въ разборѣ его статей по первоисточникамъ, [2]) критикѣ встрѣчающихся въ немъ положеній и конструкцій, въ развитіи содержанія стт. т. X ч. I. по рѣшеніямъ гражд касс. сената наконецъ въ оцѣнкѣ постановленій дѣйствующаго права съ точки зрѣнія цивильно политической и т. д.

3) Practica *въ тѣсномъ смыслѣ* состоятъ въ рѣшеніи казусовъ Они по преимуществу укрѣпляютъ въ памяти пройденный догматическій курсъ и научаютъ юридическому мышленію, показывая слушателямъ практическое значеніе усвоенныхъ отвлеченныхъ положеній. Необходимость держать наготове общія положенія, нужныя для рѣшенія частнаго случая, развиваетъ находчивость и умѣніе оріентироваться въ обильномъ и сложномъ ихъ матеріалѣ. Нельзя не пожалѣть, что настоящему развитію у насъ этой формы упражненій при преподаваніи русскаго гражданскаго права пока въ значительной мѣрѣ пре

---

[1]) Впрочемъ repetitoria происходятъ въ Германіи большею частью внѣ университетовъ и устраиваются частными репетиторами у себя на дому.

[2]) См. Калачевъ: программа разработки началъ русскаго гражданскаго права по Своду Законовъ, Юридическій Вѣстникъ 1868 май, кн. 11-я. Сознаюсь, однако опытъ убѣдилъ меня, что польза изученія первоисточниковъ Свода для новѣйшей исторіи дѣйствующаго права значительно меньше чѣмъ обыкновенно полагаютъ, вслѣдствіе крайне поверхностнаго и небрежнаго распредѣленія историческаго матеріала по отдѣламъ Свода.

пятствуетъ почти полное отсутствіе въ нашей литературѣ подходящихъ сборниковъ казусовъ и юридическихъ задачъ. [1]) Преслѣдуя практическія цѣли, разборъ и рѣшеніе казусовъ отнюдь не могутъ ставить себѣ задачею непосредственную подготовку штудирующихъ къ будущей ихъ практической (напр. судебной) дѣятельности. Для подобной задачи у юридическихъ факультетовъ нѣтъ средствъ. Всякая практическая дѣятельность вырабатываетъ такое обиліе и разнообразіе процедуръ и формъ, носящихъ нерѣдко чисто дѣлопроизводственный характеръ, что мало-мальски основательное и исчерпывающее усвоеніе ихъ не можетъ быть достигнуто иначе какъ именно путемъ болѣе или менѣе продолжительнаго упражненія въ *этой дѣятельности*. Кромѣ того непосредственное приготовленіе къ практической дѣятельности отвлекло бы юридическіе факультеты отъ ихъ прямой задачи—дать своимъ слушателямъ обобщенное теоретическое знаніе права [2]).

4 *Разборъ сочиненій на самостоятельныя темы въ семинаріяхъ*. Этого рода упражненія, по существу своему неразсчитанныя на среднюю, составляющуюся изъ большинства, массы, штудирующихъ аудиторію, практикуются въ семинаріяхъ, подъ каковымъ названіемъ въ Германіи извѣстны занятія преподавателя съ ограниченнымъ числомъ ставящихъ себѣ болѣе глубокія научныя цѣли слушателей. Въ современной организаціи нашихъ юридическихъ факультетовъ не знающихъ семинарій въ германскомъ смыслѣ, разборъ и обсужденіе сочиненій на самостоятельныя темы не находитъ себѣ такимъ образомъ мѣста, но эта форма упражненій могла бы быть съ успѣхомъ примѣняема при занятіяхъ съ лицами оставленными при университетѣ и магистрантами.

---

[1]) Дѣло въ томъ, что удачный выборъ матеріала для practica составляетъ далеко не послѣднее условіе успѣшности ихъ веденія. Мало пользы приносятъ наскоро ad hoc сочиненныя по учебнику вымышленные практическіе случаи. Заимствовать матеріалъ изъ нѣмецкихъ сборниковъ невсегда возможно, такъ какъ казусы въ нихъ подобраны въ соображеніи совершенно иного законодательства, а кромѣ того и житейская обстановка казусовъ не всегда представится естественною русскому студенту. Понятно, что не всякій преподаватель не всегда и не сразу можетъ обзавестись вполнѣ удовлетворительнымъ собственнымъ сборникомъ.

[2]) Вотъ почему мы не думаемъ, чтобы заслуживалъ одобренія пріемъ разбора подлинныхъ *судебныхъ дѣлъ*, къ которому у насъ иногда прибѣгали съ цѣлью практическихъ упражненій. Если такія дѣла и представляютъ иногда ядро интересное съ точки зрѣнія теоріи, то оно совершенно теряется за чисто внѣшней канцелярской оболочкой дѣла, которая и отвлекаетъ непроизводительно вниманіе штудирующихъ отъ настоящей цѣли.

1) Frédéric Lévy. Des Sentences indéterminées Paris. 1896.

(Окончаніе).

Наконецъ, въ четвертой и послѣдней главѣ своего труда г. Леви обращается къ организаціи системы неопредѣленныхъ приговоровъ. Онъ обрисовываетъ организацію этихъ приговоровъ въ С. Америкѣ, останавливаясь для этого на сравнительно подробной характеристикѣ извѣстнаго эльмирскаго исправительно-воспитательнаго института, и затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ моментовъ въ организаціи этихъ приговоровъ. Его интересуетъ въ особенности система мѣръ, могущихъ служить дѣлу контроля и ограниченія власти исполнительныхъ органовъ и тѣмъ самымъ дѣлу защиты свободы заключенныхъ отъ произвола. Система этихъ мѣръ выражается въ организаціи спеціальныхъ пенитенціарныхъ коммиссій (въ составъ этихъ коммиссій входятъ директоръ карательнаго учрежденія, судья, слѣдователь, прокуроръ и два выборныхъ лица). Хотя эти коммиссіи не могутъ не находиться въ своихъ рѣшеніяхъ фактически подъ вліяніемъ авторитетнаго голоса директора карательнаго учрежденія, тѣмъ не менѣе существованіе ихъ, по мнѣнію автора, имѣетъ серьезное значеніе и представляется вполнѣ подходящимъ средствомъ для устраненія возможнаго со стороны тюремной администраціи произвола.

Существеннымъ вопросомъ въ организаціи неопредѣленныхъ приговоровъ представляется опредѣленіе той группы лицъ, къ которымъ эти приговоры могли бы примѣняться. Въ этомъ отношеніи авторъ защищаетъ примѣненіе неопредѣленныхъ приговоровъ по отношенію къ тѣмъ преступникамъ, въ борьбѣ съ которыми преслѣдуются исправительныя цѣли. Къ группѣ этихъ преступниковъ онъ относитъ преступниковъ профессіональныхъ, совершающихъ, главнымъ образомъ, слѣдующія преступленія: кражи, мошенничества, посягательства на нравы и проч. Къ группѣ этихъ преступниковъ онъ от-

носитъ юныхъ преступниковъ вообще, нищихъ и бродяхъ. Онъ, наконецъ, отмѣчаетъ цѣлесообразность неопредѣленныхъ приговоровъ въ борьбѣ съ алкоголиками и душевно-больными преступниками.

Что касается формъ выраженія идеи неопредѣленности, то авторъ защищаетъ неопредѣленные приговоры въ ихъ относительно-неопредѣленной формѣ (maximum и minimum продолжительности заключенія, по его мнѣнію, долженъ быть установленъ законодателемъ). Онъ порицаетъ по соображеніямъ довольно сомнительнаго свойства систему, предложенную проф. Готье, сущность которой, какъ извѣстно, заключается въ созданіи возможности продленія назначеннаго наказанія на ряду съ возможностью его сокращенія (возможность такого продленія наказанія можетъ оказать, по его мнѣнію, крайне подавляющее воздѣйствіе на осужденнаго и парализовать въ немъ всякое стремленіе къ исправленію).

Изучая вопросъ о неопредѣленныхъ приговорахъ, авторъ приходитъ къ заключенію о необходимости ихъ включенія въ карательныя системы. Онъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе слѣдующими словами.

„Nous croyons qu'il convient de l'adopter, et nous sommes convaincu qu'elle aura sa place dans l'oeuvre d'amendement qu'il faudra enfin tenter".

Таковъ характеръ труда г. Леви. Неудачная система распредѣленія матеріала, поверхностное отношеніе къ многимъ сторонамъ вопроса, отсутствіе полной формулировки конечныхъ выводовъ — существенные недостатки этого труда.

Несмотря на это, трудъ этотъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Являясь первой въ современной французской литературѣ попыткой объективнаго изученія вопроса о неопредѣленныхъ приговорахъ, первымъ т. с. голосомъ, раздавшимся въ пользу этихъ приговоровъ, этотъ трудъ содержитъ въ себѣ не мало интересныхъ замѣчаній; онъ можетъ оказать значительную услугу дѣлу развитія идеи неопредѣленныхъ приговоровъ, содѣйствуя устраненію предразсудковъ, окружающихъ эту идею и мѣшающихъ правильной и

безпристрастной оцѣнкѣ ея значенія для дѣла борьбы съ преступностью.

А. Піонтковскій.

---

2. Louis Proal. Le Crime et La Peine. Paris. 1894.

Louis Proal—одинъ изъ представителей такъ называемой классической школы уголовнаго права во Франціи. Названный его трудъ, посвященный критикѣ позитивныхъ уголовно-правовыхъ доктринъ вообще и итальянской уголовно-антропологической школы въ частности, насквозь проникнутъ идеями, краснорѣчиво защищаемыми въ свое время извѣстнымъ Россіи.

Полемизируя съ новыми теченіями въ уголовно-правовой сферѣ, г Проаль противопоставляетъ имъ эти свои излюбленныя идеи, стараясь (но безъ успѣха) показать ихъ превосходство надъ новыми. Онъ сторонникъ относительной свободы воли и находитъ, что она представляется тѣмъ устоемъ, на которомъ покоится современное уголовное и гражданское право. Онъ тѣсно связываетъ уголовную отвѣтственность съ нравственной отвѣтственностью и признаетъ возможнымъ допущеніе уголовной отвѣтственности только при признаніи наличности свободы воли. „Человѣкъ можетъ быть наказанъ", говоритъ онъ, „только, если онъ виновенъ; онъ виновенъ только, если онъ нравственно отвѣтственъ; онъ нравственно отвѣтственъ только, если онъ свободенъ". (стр. 349-я). Карательная дѣятельность, по его мнѣнію, покоится на этическихъ и утилитарныхъ началахъ, оправдывается требованіями справедливости и общественной пользы. Преступленіе является, по его воззрѣніямъ, не дѣяніемъ, запрещеннымъ закономъ подъ страхомъ наказанія, а дѣяніемъ, которымъ нарушается общественный долгъ. Размѣръ наказанія долженъ соотвѣтствовать, думаетъ онъ, степени вины преступника, а не его испорченности и опасности для общества.

Исходя изъ этихъ воззрѣній, г. Проаль, весьма естественно, относится враждебно къ новымъ теченіямъ, на знамени которыхъ, вмѣсто блѣднаго эклектизма и бездоказательнаго индетерминизма, рельефно обрисовываются детерминистическія и утилитарныя начала.

Свое критическое изученіе новыхъ доктринъ г. Проаль начинаетъ съ теорій Ломброзо. Онъ оспариваетъ теорію о преступномъ типѣ и объ атавистическомъ происхожденіи этого типа. Типическія особенности (анатомическія и физіологическія), приписываемыя г. Ломброзо преступникамъ, по его мнѣнію, присущи и не преступнымъ людямъ, онѣ не всегда встрѣчаются и у преступниковъ, и относительно существованія ихъ существуютъ среди антропологовъ крайне противорѣчивыя воззрѣнія. Преступникъ, по его мнѣнію, не заблудшійся въ современномъ цивилизованномъ мірѣ дикарь; теорія атавизма несостоятельна (это положеніе защищается имъ ссылками на историческія и антропологическія данныя, показывающія, что и дикарямъ, и народамъ древности не свойственны черты, присущія, по мнѣнію г. Ломброзо, преступникамъ). Точно также, по его мнѣнію, несостоятельна и теорія (см. III-я глава) Деспина и Гарофало, приписывающая преступникамъ отсутствіе нравственнаго чувства (результаты непосредственнаго изученія преступнаго люда этой теоріи не подтверждаютъ), а равно и теорія, отождествляющая преступниковъ съ душевно-больными (большинство лицъ, совершающихъ преступленія, къ душевно-больнымъ не относится). Наконецъ, не вызываетъ симпатій автора и теорія вырожденія. Изъ того, что среди преступнаго люда встрѣчаются вырождающіеся субъекты, нельзя вывести, что вырожденіе представляется характерной особенностью этого люда (личныя наблюденія автора безусловно устраняютъ возможность такого вывода). Это отрицательное отношеніе къ индивидуалистическимъ теоріямъ, касающимся генезиса преступленій, не отличающееся, кстати замѣтить, оригинальностью, не можетъ вызвать противъ себя какихъ-либо серьезныхъ возраженій. Гипотезы Ломброзо, какъ это уже неоднократно было мною отмѣчено и на страницахъ юридической библіографіи, потеряли кредитъ предъ судомъ современной науки, но отъ этого позитивная доктрина ничего не проиграла, а напротивъ выиграла, такъ какъ она разъ на всегда освободилась отъ тѣхъ эксцессовъ, которые представляются прямымъ послѣдствіемъ чрезмѣрнаго преувеличенія значенія наслѣдственности въ процессѣ образованія преступныхъ наклонностей. Теорія же Гаро-

фало и теорія вырожденія не имѣютъ, и въ обрисовкѣ ихъ творцовъ, того всепоглощающаго значенія, противъ котораго возстаетъ г. Проаль.

Отъ индивидуалистическихъ теорій, г. Проаль переходитъ къ группѣ теорій соціологическихъ, останавливаясь попутно на уясненіи значенія физическихъ условій (климатъ, питаніе) въ процессѣ развитія преступленій.

Гольбахъ, Кетле, Бюхнеръ, Ликкасань, Ферри и др. придаютъ соціальнымъ условіямъ въ процессѣ образованія преступленій доминирующее значеніе. Эта теорія, по мнѣнію г. Проаля, заслуживаетъ преимущества предъ ломброзовской: она намѣчаетъ путь для защиты общества отъ гибельнаго развитія преступленій, путь соціальныхъ реформъ (улучшеніе положеніе бѣдныхъ, женщинъ, дѣтей и пр.); но и она одностороння. Хотя процессъ развитія преступленій и находится въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій внѣшней среды (городская жизнь сравнительно съ деревенской. напр., благопріятствуетъ развитію преступленій; благопріятствуютъ этому развитію нѣкоторыя профессіи, напр., профессіи нотаріусовъ, мясниковъ, врачей и проч.; содѣйствуетъ этому развитію бѣдность, хотя богатство въ то же время не предохраняетъ отъ преступной дѣятельности), хотя принятіе въ виду этого различнаго рода мѣръ съ цѣлью улучшенія этихъ условій представляется и желательнымъ (напр., реорганизація карательныхъ учрежденій, сокращеніе области примѣненія лишенія свободы путемъ введенія условнаго усужденія, штрафовъ и проч., забота о воспитаніи преступнаго и покинутаго юношества, борьба съ нищенствомъ и алкоголизмомъ, улучшеніе положенія трудящихся женщинъ, религіозно-нравственное воспитаніе подростающаго поколѣнія и проч.), тѣмъ не менѣе, по мнѣнію г. Проаля, преступленіе не есть соціальное явленіе, представляющееся результатомъ несовершенства условій общественной жизни; существенными причинами его представляются скорѣе такія индивидуальныя особенности преступниковъ какъ лѣнь, жадность, развратъ, любовь къ роскоши, наклонность къ алкоголизму, ненависть; при чемъ свобода воли (въ подтвержденіе ея существованія авторъ ссылается глав-

нымъ образомъ на присущее преступникамъ чувство раскаянья, и угрызенія совѣсти; какихъ-либо другихъ, болѣе убѣдительныхъ аргументовъ онъ не приводитъ, а равно и неоспариваетъ аргументовъ противниковъ защищаемаго имъ положенія), несмотря на эти вліянія, представляется главнымъ рычагомъ, направляющимъ дѣятельность человѣка въ ту или иную сторону. Злая воля — главная причина, порождающая преступленія.

Всѣ эти положенія и разсужденія автора, неотличающіяся желательной полнотой, представляются ничѣмъ инымъ какъ выраженіемъ эклектическихъ теорій, стремящихся примирить детерминистическія и индетерминистическія воззрѣнія путемъ созданія особой теоріи — теоріи относительнаго индетерминизма, являющейся, собственно говоря, нагляднымъ доказательствомъ побѣды новыхъ теченій надъ классическими доктринами.

Этими разсужденіями исчерпывается первая часть труда г. Проаля — Le Crime. Вторая часть его труда, озаглавленная „La Peine", посвящена уясненію природы карательной дѣятельности, нравственной отвѣтственности, значенію детерминистическихъ и утилитарныхъ доктринъ, критикѣ карательныхъ системъ, предложенныхъ Ломброзо и Гарофало, уясненію вопроса о возмѣщеніи вреда преступной дѣятельностью причиняемаго.

Эта часть еще слабѣе продъидущей. Не слѣдуя шагъ за шагомъ за авторомъ въ его скучныхъ и бездоказательныхъ разсужденіяхъ, сдѣлаемъ только нѣсколько замѣчаній.

Отрицательное отношеніе автора къ детерминизму доходитъ до того, что онъ, забывая элементарныя законы логики, произвольно приписываетъ детерминистической доктринѣ крайне странныя положенія. Съ точки зрѣнія детерминистической доктрины, по его мнѣнію, напр., добровольно остановленное покушеніе не можетъ быть признано ненаказуемымъ (стр. 417-я), съ точки зрѣнія этой доктрины условное осужденіе не можетъ быть принято (Почему? Авторъ забываетъ или незнаетъ, что противники этого крайне цѣлесообразнаго института представляются, главнымъ образомъ, лицами, принадлежащими къ тому научному лагерю, къ которому принадлежитъ и самъ авторъ).

Сравнительно съ критикой детерминизма значительно выигрываетъ его критика карательныхъ системъ Ломброзо и Гарофало. Крайнее увлеченіе дарвинистическими доктринами, приданіе культурнаго значенія смертной казни, устраненіе необходимости преслѣдованія исправительныхъ задачъ въ борьбѣ съ преступнымъ людомъ—недостатки этихъ системъ, не безъ основанія, вызывающія протестъ и порицаніе со стороны автора—сторонника гуманистическихъ и исправительныхъ началъ въ области карательной дѣятельности.

Нельзя, наконецъ, не признать положительными сторонами труда автора тѣ уступки, которыя онъ дѣлаетъ новымъ доктринамъ. Мы имѣемъ въ виду признаніе имъ необходимости созданія спеціальныхъ азилей для душевно-больныхъ преступниковъ и необходимости преподаванія на юридическихъ факультетахъ психіатріи.

Трудъ г. Проаля къ желательнымъ для него результатамъ не привелъ. Ему не удалось оживить умирающей индетерминистической доктрины. Онъ, напротивъ, представляется нагляднымъ доказательствомъ, что этой доктринѣ приходится дѣлатъ все болѣе и болѣе уступокъ быстро распространяющимся новымъ уголовно-правовымъ теченіямъ. Единственной его заслугой можетъ быть признана только критика положеній итальянской уголовно-антропологической школы и содѣйствіе устраненію изъ позитивной доктрины эксцессовъ этой школы.

А. Піонтковскій.

---

3. *Тарновскій* Е. Н. Вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ на движеніе преступленій противъ собственности въ Россіи. (Журналъ Министерства Юстиціи, 1898, октябрь, № 8).

Статья г. Тарновскаго заслуживаетъ особеннаго вниманія. Авторъ пытается провѣрить на данныхъ русской уголовной статистики зависимость развитія преступности отъ экономическихъ условій, провѣрить приложимость установленнаго западно-европейскими представителями уголовной статистики положенія о возрастаніи имуще-

ственныхъ преступленій и уменьшеніи личныхъ преступленій во время неурожаевъ и высокихъ цѣнъ на хлѣбъ.

Пользуясь обширнымъ статистическимъ матеріаломъ за періодъ съ 1874—1894 гг., сопоставляя добытыя изъ этого матеріала данныя съ цѣнами на хлѣбъ (рожь) въ этотъ періодъ, г. Тарновскій приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ: „колебаніе хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ въ Европейской Россіи оказываютъ несомнѣнное вліяніе на движеніе имущественной преступности, въ особенности, на колебанія числа возникшихъ дѣлъ о кражахъ и насильственномъ похищеніи. Вліяніе это сказывается въ повышеніи числа означенныхъ дѣлъ въ неурожайные или отличающіеся дорогими цѣнами на хлѣбъ годы и въ соотвѣтственномъ уменьшеніи въ годы благопріятные по цѣнамъ урожайности“. Встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ районахъ (Московскій, Южный степной) отклоненія отъ этого соотношенія между развитіемъ преступности и цѣнами на хлѣбъ не подрываютъ. по его мнѣнію, установленнаго общаго положенія, такъ какъ эти отклоненія легко объяснимы вліяніемъ спеціальныхъ мѣстныхъ условій (напр., наплывъ рабочихъ).

Такой результатъ уголовно-статистическихъ изслѣдованій приводитъ къ признанію, что не только съ экономической точки зрѣнія, но и общественно-нравственной для большинства русскаго населенія низкія цѣны на хлѣбъ и хорошіе урожаи крайне благодѣтельны. „Какъ бы ни были выгодны,“ замѣчаетъ справедливо г. Тарновскій, „и высокія цѣны на хлѣбъ для того или другаго класса производителей и продавцовъ хлѣба, для общей массы населенія высокія цѣны при плохомъ урожаѣ и въ Россіи составляютъ такое же бѣдствіе, какъ и во всякой другой странѣ, хотя бы и не производящей хлѣба на продажу. Бѣдствіе это оставляетъ глубокіе слѣды, наглядно выражающіеся въ ростѣ преступности среди экономически растроеннаго населенія“ (стр. 104). Эта зависимость развитія преступности отъ экономическихъ условій даетъ возможность автору подчеркнуть одно изъ основныхъ положеній современныхъ уголовно-соціологическихъ изслѣдованій, а именно: необходимость, въ интересахъ борьбы съ развитіемъ преступности, позаботиться объ экономическомъ благосостояніи народ-

ныхъ массъ, о поддержаніи этого благосостоянія на опредѣленномъ уровнѣ, о предотвращеніи всѣми мѣрами продовольственныхъ кризисовъ. „Помогая экономически нуждающемуся населенію“, замѣчаетъ г. Тарновскій, “мы въ тоже время предохраняемъ его отъ нравственнаго упадка и разложенія“ (стр, 105). Однако матеріальная нужда, по мнѣнію автора, не единственная причина развитія преступности. Преступленія личныя своимъ развитіемъ обязаны другимъ причинамъ. Причины эти—пьянство и народное невѣжество. Борьба съ этими причинами, конечно, крайне необходима, и, замѣтимъ, однимъ изъ могучихъ средствъ въ борьбѣ съ ними представляется школа—распространеніе народнаго образованія, но при этомъ не нужно забывать, какъ справедливо заключаетъ г. Тарновскій, что „необходимо извѣстное, хотя бы минимальное, экономическое обезпеченіе человѣка для того, чтобы можно было требовать отъ него твердости воли, соблюденія извѣстныхъ нравственныхъ принциповъ и уваженія къ правамъ имущихъ“.

Свою интересную статью г. Тарновскій заключаетъ слѣдующими словами: „Только принявъ всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы обезпечить нуждающемуся честному рабочему возможность заработать себѣ кусокъ хлѣба правильнымъ трудомъ, общество или государство можетъ со спокойной совѣстью отправлять дѣло правосудія и подвергать наказанію преступниковъ, въ увѣренности, что среди нихъ нѣтъ людей, которые были приведены къ преступленію безвыходной нуждой и отсутствіемъ какой бы то ни было помощи“. *А. Піонтковскій.*

I. *Книга о шибболетахъ:* прогрессъ, свобода, народъ, общественное мнѣніе, народное образованіе, права женщинъ. Изъ сочиненій Вилліама Самуэля Лилли. Заимствовалъ К. Н. Цвѣтковъ. Москва. 1898 135 стр.

Въ предисловіи къ этой книгѣ съ такимъ страннымъ заглавіемъ переводчикъ такъ объясняетъ, со словъ автора сочиненія, происхожденіе этого заглавія. Лилли напоминаетъ читателю биб-

лейскій разсказъ изъ книги судей о враждѣ между колѣномъ Ефремовымъ и сторонниками Іевфая, которые взяли верхъ надъ своими соперниками и приняли своеобразную форму расправы съ ними. Воспользовавшись тѣмъ, что ефремляне не могли твердо произносить еврейское слово шибболетъ (они выговаривали—сибболетъ), сторонники Іевфая убивали при переправѣ чрезъ Іорданъ каждаго, кто произносилъ неправильно это слово. Подобными шибболетами, произносимыми и понимаемыми невѣрно выраженіямия, являются въ глазахъ Лилли, поставленныя въ оглавленіи къ его книгѣ, слова: прогрессъ, свобода и пр. Благодаря тому, что эти термины понимаютъ неправильно, вожаки, господствующаго повсемѣстно въ Европѣ, большинства пользуются ими съ большимъ успѣхомъ въ виду своихъ личныхъ цѣлей. Для парламентскихъ дѣятелей, журналистовъ, адвокатовъ удачное произношеніе такихъ фразъ—шибболетовъ о прогрессѣ, свободѣ и пр. служитъ нерѣдко ключемъ къ ихъ популярности. Лилли беретъ на себя трудъ разъяснить истинный смыслъ всѣхъ этихъ словъ, а русскій переводчикъ считаетъ необходимымъ познакомить съ его комментаріями своихъ читателей. Послѣдуемъ за Лилли въ его интересныхъ попыткахъ возстановить истинное значеніе, употребляемыхъ часто и въ русскомъ обществѣ, словъ: прогрессъ, свобода, народъ и т. д.

Лилли начинаетъ съ прогресса. Этимъ словомъ выражается, по его мнѣнію, глубоко вкоренившееся въ умахъ общества, убѣжденіе въ несравненномъ превосходствѣ нашего времени предъ прошедшимъ и въ еще большемъ превосходствѣ временъ грядущихъ. Лилли согласенъ привѣтствовать прогрессъ—этотъ первый членъ вѣры большинства въ поступательное движеніе человѣческаго рода къ совершенству и постоянное повышеніе цѣнности человѣческой жизни. Лилли сильно сомнѣвается въ возможности такого оптимистическаго воззрѣнія на жизнь въ виду распространенныхъ издавна религіозныхъ и философскихъ ученій и пессимистическаго настроенія современнаго европейскаго общества. Только послѣднее или, по крайней мѣрѣ, одна индо—европейская раса участвуетъ въ прогрессѣ. А она составляетъ сравнительно ни-

чтожное меньшинство среди человѣческихъ племенъ, населяющихъ земной шаръ. Для большинства сыновъ человѣческихъ непрестанная, тревожная дѣятельность европейской жизни представляется просто безуміемъ. Лилли приводитъ слова вождя одного индѣйскаго племени, который удивлялся неустанной, кипучей дѣятельности европейцевъ, излишней для покойной, безмятежной жизни, наслажденій настоящими, доступными ея благами. Сомнѣваясь въ доступности прогресса для всѣхъ народовъ и особенно въ возможности его для племенъ съ низшей культурой, Лилли готовъ согласиться, что прогрессъ въ области физическихъ наукъ неоспоримый фактъ. Сравненіе между древнимъ и новымъ міромъ относительно знанія законовъ физической природы и подчиненія ея силъ человѣческимъ потребностямъ говоритъ ясно, на сколько умъ человѣка и его безпрерывное исканіе истины въ объясненіи окружающихъ явленій подвинулось впередъ въ новое время. Методъ естествознанія, отличающійся особенной точностью, далъ блестящіе результаты при своемъ примѣненіи въ другихъ отрасляхъ знанія, какъ напр., въ исторической наукѣ, въ которой такъ много теперь достигнуто въ пониманіи прошедшаго посредствомъ изученія его фактовъ. Лилли противъ взгляда, что исторія относится къ физическимъ знаніямъ. Представленіе объ исторіи, какъ исключительно естественной наукѣ, — обезсмысленіе исторіи, сведеніе ея къ повѣствованіямъ о звукахъ и порывахъ, ничего невыражающихъ. Несомнѣнно, что историческій ходъ событій подчиненъ всеобщимъ законамъ. Слово же „законъ“ влечетъ за собою представленіе, что міръ былъ устроенъ согласно разумному плану, ходъ міровыхъ событій управляется постоянной системой, а не капризомъ, неразуміемъ или бросаніемъ игральныхъ костей. Лилли также вооружается противъ господствующаго воззрѣнія, что естественныя науки могутъ объяснить всѣ міровыя явленія. Кромѣ вопроса „какъ“ происходятъ эти явленія, насъ неотвязно преслѣдуетъ и другой вопросъ, „почему“, вопросъ о цѣли и значеніи всѣхъ вещей. По словамъ Шопенгауера, „въ наши дни *шелуха природы* изслѣдуется съ величайшимъ тщаніемъ, но никто не хочетъ знать объ *ядрѣ природы*“, и это вполнѣ понятно, добав-

ляетъ отъ себя Лилли: люди, посвятившіе свой трудъ на изученіе низшихъ явленій, видимыхъ предметовъ, перестаютъ понимать высшія, невидимыя. Чрезмѣрное увлеченіе естественными науками всегда враждебно философіи. Несомнѣнно, однако, что самый умственный процессъ, безъ котораго физики не могутъ двинуться ни на шагъ, начинается съ прямого представленія о необходимости и всеобщности истины. Въ нашемъ умѣ существуютъ идеальныя представленія, соотвѣтствующія законамъ міра явленій. Но если внѣшняя природа была бы для насъ мертвой буквой безъ разъясненій, доставляемыхъ самопроизвольной дѣятельностью ума, то здѣсь заключается полный и рѣшительный отвѣтъ тому догматизму, который настаиваетъ на опытѣ и анализѣ, какъ единственныхъ орудіяхъ знанія. Сами естественныя науки служатъ лучшимъ опроверженіемъ догмата, что онѣ лишь могутъ объяснить весь доступный намъ міръ. Геній подымаетъ покрывало Майи и показываетъ намъ вселенную, не какъ однообразный и неизмѣнный механизмъ, но какъ организмъ, гдѣ всѣ движенія цѣлесообразны, всѣ силы повинуются разуму, сознательно или безсознательно. Лилли ссылается на труды великихъ современныхъ умовъ, которые одинаково признаютъ существованіе во вселенной Бога, хотя и называютъ его разными именами. Такъ Гёксли выражаетъ свое благоговѣніе предъ алтаремъ Невѣдомаго и Непознаваемаго. Г. Спенсеръ признаетъ существованіе Невѣдомой и Непознаваемой Силы. Литтре и вся новая школа позитивистовъ допускаютъ творческую Силу. Тиндаль вѣритъ въ трансцедентальный Идеалъ, какъ высшую реальность. Всѣ эти возвышенныя мысли о Богѣ составляютъ достояніе лишь небольшаго числа болѣе глубокихъ умовъ, отъ которыхъ далеко стоитъ толпа писателей и говоруновъ, проповѣдующихъ міру о своихъ открытіяхъ въ области физическихъ явленій природы.

Въ связи съ этимъ матеріалистическимъ ученіемъ находится развитіе утилитарнаго элемента въ жизни и приниженіе здѣсь элементовъ идеальнаго и нравственнаго. Прогрессъ общества представляется непремѣнно въ повышеніи счастья массы. Лилли сильно сомнѣвается въ томъ, чтобы въ настоящее время народныя массы были болѣе счастливы,

нежели ранѣе. Теперь потребностей у нихъ стало больше, а средствъ для ихъ удовлетворенія меньше. Населеніе умножилось, а радости его не увеличились. Крайняя нужда встрѣчается на ряду съ полнѣйшимъ изобиліемъ. Прежнія поколѣнія были счастливѣе современныхъ, не взирая на прогрессъ естественныхъ наукъ. Матеріальный прогрессъ не удовлетворяетъ нравственныхъ, умственныхъ и эстетическихъ потребностей нашей природы. Истинный прогрессъ заключается въ нравственномъ законѣ, развитіи въ людяхъ честности, благородства, справедливости, способности къ самопожертвованію, подчиненію себя высшимъ идеаламъ. Много было цивилизацій въ древности, но всѣ онѣ погибли одна за другой вслѣдствіе того, что въ нихъ сказался недостатокъ этого нравственнаго элемента. Египетская и Вавилонская цивилизаціи пали вслѣдствіе оскуденія источниковъ мужественной твердости и геройскихъ дѣяній и развращающаго дѣйствія роскоши и распущенности. Греческая цивилизація была подточена избыткомъ софистическаго умозрѣнія, подорвавшаго всѣ общественныя и частныя отношенія и обязанности. Основой римской цивилизаціи была преданность идеѣ законности, правдѣ, справедливости, долгу. Римъ погибъ потому, что въ немъ не стало условій для осуществленія благороднаго идеала простоты жизни и возвышенности мысли, мужественной и гражданской энергіи. Лилли опасается, что подобная участь грозитъ и современной европейской цивилизаціи, въ которой многое напоминаетъ состояніе упадка римской имперіи. Повсюду замѣчается тоже поклоненіе мамонѣ, матеріи, механизму, наклонность оправдывать все парадоксами, низкая покорность силѣ большинства, разслабленіе нравовъ, упадокъ вѣрованій, скептицизмъ по отношенію къ основнымъ вопросамъ нравственности. Послѣдняя не можетъ быть только индивидуальною: ея существенный признакъ—всеобщность и обязательность ея правилъ, какъ предписаній долга, для всѣхъ членовъ общества. Есть, однако, по словамъ самого-же Лилли, большая разница между древнимъ, римскимъ міромъ и тѣмъ, въ которомъ мы живемъ. Въ новой европейской цивилизаціи есть важная сила, которая служитъ неизсякаемымъ источникомъ возрожденія. Это—христіанство, кото-

рое дало міру новую нравственность, измѣнило для Европы идеалъ и уровень моральныхъ требованій отъ человѣка. Лилли увѣренъ, что только христіанская религія и составляетъ существенную черту новѣйшей цивилизаціи и самый ея прогрессъ. Всѣ чудесныя физическія открытія, безчисленныя механическія изобрѣтенія, громадныя накопленія богатствъ не имѣютъ близкаго отношенія къ понятію истиннаго прогресса. Христіанство представляетъ собою высочайшій образецъ духовнаго вдохновенія и житейскаго пониманія, фактъ, доказанный, между прочимъ, сравнительнымъ изслѣдованіемъ міровыхъ религій. Не смотря на господство матеріализма, христіанство имѣетъ руководящее нравственное вліяніе въ современномъ обществѣ, составляетъ источникъ и опору всего самого возвышеннаго, благороднаго и благодѣтельнаго въ нашей цивилизаціи, палладіумъ нашего прогресса. Лилли употребляетъ большія усилія для того, чтобы доказать, что христіанская религія дѣйствительно главное орудіе прогресса человѣка, прибѣгая при этомъ къ пріемамъ, неимѣющимъ научнаго характера. Желая возвеличить высшее, нравственное достоинство Евангелія, ревностный не по разуму его защитникъ намѣренно унижаетъ философію Платона, которому вмѣняется въ вину, что онъ спокойно взиралъ на огромныя массы рабовъ, томившихся въ ужасныхъ страданіяхъ. Какъ будто какая—либо философія могла помочь измѣнить въ корнѣ всѣ условія быта древняго міра, въ которомъ рабство было однимъ изъ главныхъ элементовъ всѣхъ жизненныхъ отношеній! И какое смягчающее вліяніе могла имѣть древняя религія на римскіе суровые законы XII таблицъ (о должникахъ), которые образовались въ силу господствовавшаго въ древности презрѣнія къ отдѣльной личности, раздѣляемой и самими древними религіями? Также не убѣдителенъ примѣръ, заимствованный нашимъ апологетомъ изъ эпохи первой революціи, когда національный конвентъ во главѣ съ Робеспьеромъ установили культъ Высшаго Существа. Лилли приводитъ въ доказательство недостаточности этого культа, возникшаго, кстати замѣтить, въ видѣ протеста противъ безумствъ революціи и полнаго разрушенія всего стараго, феодальнаго быта, постановленіе конвента о введеніи гражданскаго брака

и приравненіи незаконныхъ дѣтей къ законнымъ по ихъ положенію въ обществѣ. Наконецъ, Лилли полагаетъ, что деизмъ, отрицающій христіанскую религію, возвращаетъ женщину снова въ роль „простой забавы мужчины“, а не равнаго съ нимъ, самостоятельнаго члена семьи. Трудно понять, путемъ какихъ заключеній пришелъ Лили къ этому послѣднему выводу объ отрицательномъ отношеніи къ женщинѣ деизма, который представляетъ собою религію, основанную на однихъ началахъ разума и отверженіи въ религіи божественнаго элемента (откровенія). Но всего курьезнѣе связывать съ деизмомъ—мимолетнымъ фактомъ конца XVIII в.—установившійся въ европейскомъ обществѣ XIX ст., гражданскій бракъ, въ которомъ оно справедливо видитъ гарантію свободы личности противъ излишней конфессіональной замкнутости и религіозныхъ стѣсненій въ дѣлѣ заключенія брака. XIX вѣкъ видитъ въ институтѣ гражданскаго брака важное пріобрѣтеніе культуры и залогъ будущаго правильнаго развитія семейныхъ отношеній, обязательная нерасторжимость которыхъ является на нашихъ глазахъ источникомъ самыхъ прискорбныхъ случаевъ насилія и возмутительнаго издѣвательства обыкновенно мужчины—сильной стороны—надъ женщиной—слабой и по своей организаціи и особенно правовому состоянію. Наконецъ, уравненіе незаконныхъ дѣтей съ законными по ихъ правамъ—актъ величайшей общественной справедливости по отношенію къ безвиннымъ жертвамъ историческихъ ошибокъ въ жизни человѣческихъ обществъ. Къ освобожденію ихъ отъ этого позорнаго пятна на блестящемъ фонѣ цивилизаціи XIX ст. стремятся всѣ европейскія государства и въ числѣ ихъ также и Россія, гдѣ за послѣднее время законодательствомъ сдѣланъ рѣшительный шагъ въ томъ-же направленіи признанія за незаконными дѣтьми одинаковыхъ гражданскихъ правъ съ законными. А между тѣмъ, едва-ли кто усомнится въ православіи русскаго народа, отличающагося въ Европѣ развитымъ религіознымъ чувствомъ, которое, однако, не мѣшаетъ ему „жалѣть“ несчастныхъ дѣтей, родившихся отъ внѣбрачныхъ связей, и съ радостью привѣтствовать предпринятую правительствомъ реформу въ ихъ положеніи въ обществѣ.

Отводя такую большую роль христіанству въ дѣлѣ установленія прогресса общества, Лилли подходитъ съ тою-же мѣрой и къ другому „шибболету“ нашего времени—свободѣ. Христіанство открыло, говорятъ онъ, истинное значеніе идеи человѣческой личности, того этическаго, „долженъ“, которое выражается въ цѣнности человѣка, какъ нравственнаго существа. Существеннѣйшая принадлежность личности *свобода*, которая въ глазахъ панегеристовъ нашего просвѣщеннаго вѣка составляетъ нашу гордость и преимущество. Лилли думаетъ, что эти, презираемые имъ, панегеристы нашего столѣтія (напр., Г. Спенсеръ) понимаютъ свободу только въ смыслѣ „дѣлать, что кому вздумается“. Согласно съ такимъ пониманіемъ свободы и самое государство, по распространенному о немъ ученію, есть механизмъ, обезпечивающій людямъ эту личную независимость и господство. Руссо разсматриваетъ свободу, какъ „отсутствіе закона“. А самый законъ по общему мнѣнію лишь „сочетаніе интереса и силы“. Вотъ противъ такого „шибболета“ свободы, съ которымъ въ умѣ Лилли соединяется представленіе о какомъ-то чуть не безусловномъ произволѣ, и борется, повидимому, самый горячій защитникъ свободы личности, а на самомъ дѣлѣ едва-ли не одинъ изъ числа неумолимыхъ противниковъ истинной свободы человѣка. Лилли утверждаетъ, что она немыслима безъ закона, который является существеннымъ условіемъ положительной свободы. Повсюду признаніе закона и повиновеніе ему—единственный путь къ свободѣ. Самое понятіе науки невозможно безъ понятія закона. Наука изучаетъ законы вселенной, гдѣ они царятъ одинаково въ органическомъ и неорганическомъ мірѣ. Величайшее пріобрѣтеніе физики за послѣднее время было именно доказательство непрерывности естественнаго закона. Важное пріобрѣтеніе XIX в.—обнаруженіе тѣсной связи во всѣхъ частяхъ безграничнаго міра и единства его законовъ. Въ мірѣ физическихъ явленій нѣтъ свободы для человѣка. Здѣсь онъ долженъ только повиноваться законамъ природы, вѣчно истиннымъ и всегда неизбѣжнымъ. Точно также и въ области нравственной жизни человѣка существенное условіе нравственной свободы есть повиновеніе нравственному закону. Лилли думаетъ, что этотъ взглядъ

теперь подвергается большимъ нападкамъ со стороны учителей гедонизма, утилитаризма, сенсуализма: всѣ они доказываютъ, что нравственнаго закона, доступнаго общему пониманію, нѣтъ вовсе на дѣлѣ. Но никакія „обобщенія изъ опыта“ Джона Морлея, никакія соображенія, исходящія изъ „полезности“ Д. С. Милла, „пріятныхъ ощущеній“ Г. Спенсера или „законовъ комфорта“ Гексли не выражаютъ существа нравственной обязанности. Лилли приводитъ взглядъ Канта на нравственный законъ, съ которымъ неразлучно понятіе о нравственной свободѣ человѣка: послѣдній самъ, по собственной волѣ, изъ сознанія необходимости добровольнаго выбора между нравственнымъ идеаломъ и низкимъ рабствомъ чувственности повинуется нравственному закону, голосу своей совѣсти. Этотъ законъ является жизненнымъ закономъ для человѣка, его развитія.

Наконецъ, и въ общественномъ строѣ свобода покоится также на правильномъ разумѣніи условій общежитія, но не на „сочиненныхъ конституціяхъ“. Лилли не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ, чтобы заклеймить современный конституціонный строй западно-европейскихъ государствъ. „Ученики Руссо, опьяненные его фразами, уничтожили, говоритъ Лилли, въ одну краткую ночь почти всѣ историческія учрежденія своей страны, чтобы дать просторъ своей, свѣже отлитой конституціонной машинѣ—государству, построенному въ видѣ нѣкотораго сочетанія инквизиціи и полиціи, на основѣ ничѣмъ несвязанныхъ, человѣческихъ единицъ, неорганическихъ атомовъ, неосязаемыхъ безплодныхъ пылинокъ, насмѣшливо одаренныхъ титулами и аттрибутами суверенитета“. Лилли обрушивается со всей силой своей логики на приводимое имъ представленіе „либераловъ“ XIX в. о политической свободѣ, доказываетъ съ убѣдительной ясностью, что человѣкъ родится и живетъ не въ безвоздушномъ пространствѣ, что нельзя обрекать людей на рабство страстямъ, что право и произволъ не одно и тоже, что ассоціація въ духѣ идей Руссо не болѣе, какъ химера, что всегда и во всемъ человѣкъ ограниченъ законами разныхъ областей его жизни и т. д. Новый проповѣдникъ истинной свободы, попираемой современными „либералами“ всякихъ лагерей и оттѣн-

ковъ, провозглашаетъ съ мудрою важностью, что свобода есть состоянiе соотвѣтственныхъ правъ и обязанностей, что „состоянiе свободы—состоянiе нравственнаго ограниченiя человѣка“ и что государство не есть сила, чуждая и враждебная управляемымъ, стѣсняющая ихъ свободу лишь ради защиты ихъ личности и собственности, а вся нацiя въ своей цѣлости и охрана личной свободы, безъ которой невозможно личное усовершенствованiе человѣка. Лилли самого лучшаго мнѣнiя о достоинствахъ индивидуальной свободы; но только онъ полагаетъ, что она состоитъ не въ „правѣ вотировать, подворной и поголовной подачѣ голосовъ“.

Такъ, заключаетъ нашъ авторъ, законъ и свобода—неразлучныя понятiя въ мiрѣ физическомъ, нравственномъ и политическомъ и представительныя учрежденiя не „сама свобода, а ея орудiе“. Лилли рѣшается на это послѣднее, „либеральное“ замѣчанiе съ осмотрительною оговоркой, „если эти учрежденiя истинны“ и сейчасъ же спѣшитъ возстановить свое настоящее о нихъ мнѣнiе, приводя рѣзкiя слова Карлейля о „лживости“ свободныхъ учрежденiй, что „пара ручныхъ кандаловъ была бы много полезнѣе, чѣмъ баллотировочный ящикъ“. Лилли прибавляетъ къ этимъ словамъ Карлейля свое не менѣе знаменательное замѣчанiе, что „разумный читатель найдетъ болѣе глубокiй смыслъ въ этихъ жестокихъ словахъ Карлейля, чѣмъ во всѣхъ когда-либо напечатанныхъ томахъ парламентскаго краснорѣчiя“.

Въ этихъ послѣднихъ словахъ Лилли выражается настоящее его мнѣнiе о свободѣ политической, о современномъ конституцiонномъ строѣ. Лилли пользуется словами Карлейля, высказанными имъ въ порывѣ увлеченiя партiйными интересами, чтобы заклеймить ненавистную ему политическую свободу современныхъ западно-европейскихъ народовъ. Да вообще и самое слово „свобода“ является въ глазахъ непримиримаго ея противника какимъ-то жупеломъ, а Лилли не знаетъ, какъ-бы лучше доказать, что европейскимъ народамъ нужна не свобода, которой они пользуются, а полное ея упраздненiе подъ предлогомъ неописуемаго вреда отъ нея. Лилли не стѣсняется искажать существующiя представленiя о свободѣ, навязываетъ современному европейскому обществу взглядъ на нее,

который созданъ услужливымъ воображеніемъ Лилли. Едва-ли кто не только изъ современныхъ ученыхъ, но и просто образованныхъ людей понимаетъ свободу въ смыслѣ права „дѣлать то, что вздумается“. Ни Милль, ни Спенсеръ, ни даже самъ, особенно гонимый Лилли, Руссо не отождествляютъ свободы съ произволомъ, отсутствіемъ всякаго закона Руссо желалъ создать общественный строй, гдѣ законъ выходилъ-бы изъ согласія всѣхъ членовъ общества, связанныхъ общимъ сознаніемъ необходимости постояннаго общенія для обезпеченія свободы всѣмъ членамъ общества. Милль и Спенсеръ—сторонники принципа невмѣшательства государственной власти въ область индивидуальной свободы личности, но это не значитъ, что они требуютъ полной, ничѣмъ и никѣмъ нестѣсняемой ея свободы. Оба эти знаменитыхъ писателя лишь опасаются, чтобы свобода людей не стѣснялась излишней регламентаціей общественныхъ отношеній, примѣрами которой такъ богата исторія новаго европейскаго, такъ называемаго полицейскаго государства. Вся современная наука уже отрѣшилась отъ представленія раціоналистической школы о свободѣ, какъ о полной независимости человѣка отъ внѣшнихъ и внутреннихъ вліяній. Теперь съ понятіемъ свободы, все равно, въ мірѣ нравственныхъ или общественныхъ явленій неразрывно связывается и представленіе о законахъ этихъ явленій, какъ на это вѣрно указываетъ и Лилли. Его замѣчаніе о томъ, что въ мірѣ физическомъ человѣкъ не свободенъ, совершенно правильно; но слова Лилли, что въ физическихъ наукахъ необходимость не имѣетъ мѣста являются прямымъ противорѣчіемъ только что приведенному его взгляду на полное отсутствіе свободы и, слѣдовательно, непремѣнную наличность необходимости въ физическомъ мірѣ, который изучается естественными науками. Послѣдовательность или координація физическихъ явленій и есть форма, въ которой выражается здѣсь необходимость, которая, по мнѣнію Милля, означаетъ въ физическомъ мірѣ неизбѣжность слѣдствія, вызываемаго причиной; или проще, роковую послѣдовательность одного явленія за другимъ, изъ которыхъ одна—причина, а другое его слѣдствіе.

Совершенно другимъ характеромъ отличаются нравственные и

вообще психическія явленія въ жизни человѣка,—истинной области его[1] свободы. Ученіе Канта о нравственной свободѣ человѣка останется въ этикѣ вѣчно истиннымъ понятіемъ о сущности этой важнѣйшей части человѣческой жизни. Но и взгляды Спенсера и Милля на этотъ предметъ не могутъ быть отброшены только потому, что Лилли презрительно называетъ ихъ „обобщеніями изъ опыта“, „полезностями“ и проч. Новѣйшая школа морали выяснила путемъ примѣненія эволюціонной теоріи къ изученію нравственныхъ явленій зарожденіе и послѣдующее развитіе въ общественной жизни людей идеи долга или обязанности, такъ что тутъ, какъ нельзя кстати, пригодились, такъ нелюбимыя Лилли, „обобщенія изъ опыта“ Спенсера и „полезности“ Милля. Спенсеръ даже доказываетъ, что идея долга взойдетъ со временемъ въ сознаніе всѣхъ людей на столько, что альтруистическое поведеніе станетъ обычнымъ явленіемъ въ жизни людей. Значитъ, Спенсеръ допускаетъ, что теперь на пути къ осуществленію идеи нравственнаго закона стоятъ низшія стремленія человѣческой природы, ея инстинкты, съ которыми человѣку приходится бороться въ своей нравственной жизни.

Лилли допускаетъ свободу и въ общественной жизни людей, на этотъ разъ примыкая къ установившемуся въ государственной наукѣ взгляду, что свободой долженъ пользоваться каждый лишь на столько, на сколько это требуется благосостояніемъ всего общества. Но прежде, чѣмъ высказать это воззрѣніе, которое Лилли почему-то присваиваетъ себѣ, онъ, какъ мы видѣли, бросаетъ громъ и молніи по адресу „сочинителей конституцій“. Какъ будто бы люди, обладающіе свободой, въ тоже время не могутъ сочинить конституцію для обезпеченія той же свободы! Почему современный конституціонный строй представляется Лилли какимъ-то „сочетаніемъ инквизиціи и полиціи“, на это можетъ отвѣтить развѣ самъ онъ, какъ видно, первый врагъ всякой свободы, притворяющійся мнимымъ ея защитникомъ лишь для того, чтобы еще лучше и безпощаднѣе напасть на всякія формы свободы, кромѣ той, какую заблагоразсудится отвести гражданамъ, или точнѣе, подданнымъ представителямъ власти. Лилли такъ и говоритъ, что

въ политической жизни людей можетъ идти рѣчь только о „свободѣ подданныхъ“, о подчиненіи ихъ закону. Онъ забылъ при этомъ одно, что такая свобода, какъ и подчиненіе закону со стороны гражданъ необходимое условіе для развитія индивидуальной свободы,—всѣхъ правъ личности, которыя обезпечиваются ей обществомъ или, точнѣе, государствомъ въ виду достиженія разнообразныхъ жизненныхъ цѣлей, удовлетворенія потребностей человѣческой природы. Лилли слишкомъ много говоритъ о томъ, что человѣка на каждомъ шагу подстерегаютъ какіе-либо законы. Онъ забываетъ, что узнавая законы однихъ явленій (физическихъ), человѣкъ тѣмъ самымъ подчиняетъ себѣ, своимъ цѣлямъ внѣшнюю природу, становится въ ней свободнымъ. Нравственный законъ—это законъ личнаго совершенствованія человѣка, невозможнаго безъ его свободы въ выборѣ пути, по которому онъ идетъ въ жизни и оцѣнкѣ средствъ, годныхъ для намѣченной цѣли. Наконецъ, создаваемые самимъ человѣкомъ, юридическіе законы и политической строй общества преслѣдуютъ также тѣже цѣли свободы личности, которая такъ не люба ярымъ защитникамъ отжившаго порядка въ родѣ Лилли и К°.

Третій не менѣе ужасный для Лилли шибболетъ—*народъ*, въ понятіи котораго воплотился предразсудокъ, что политическая свобода есть необходимое послѣдствіе правленія большинства. Лилли отмѣчаетъ различный смыслъ, въ какомъ употребляется понятіе „народъ“. Оно означаетъ или всю націю или же особую ея часть, то, что называется простонародьемъ. Ему принадлежитъ на Западѣ Европы все политическое вліяніе. Форма правленія большинства—поголовное, всеобщее голосованіе. Суть народнаго евангелія „считать каждаго за единицу и не болѣе, какъ за единицу“ Это чисто отвлеченное ученіе вытекаетъ изъ положенія, что каждый гражданинъ призванъ къ участію въ верховной власти. Народная воля большинства взрослыхъ мужчинъ—начало и источникъ всякой власти. Лилли находитъ, что это „народное евангеліе“ вышло изъ ученія Ж. Ж. Руссо, или, точнѣе, заимствовано имъ у Гоббса. Оно было въ духѣ XVIII в., когда такой нечистый мечтатель, „какъ Руссо, былъ прославленъ, какъ учитель нравственности“. Нашъ

авторъ грустить о томъ, что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ приходится доказывать несостоятельность доктрины Руссо. Всѣ эти доказательства сводятся къ подобраннымъ Лилли фактамъ, изъ которыхъ должны заключить, что большинство не можетъ участвовать въ управленіи: оно слишкомъ для этого развращено и глупо и въ немъ, кромѣ того, всѣ слишкомъ похожи другъ на друга. Въ массѣ нѣтъ тѣхъ различій, несходствъ во взглядахъ, характерѣ, которыя отличаютъ развитыхъ, культурныхъ людей. Истинный типъ человѣка—не благородный дикарь, а культурный человѣкъ съ своими силами, возможно развитыми и дисциплинированными. Государства никогда не возникали путемъ сознательнаго соглашенія между людьми, какъ это утверждаетъ Руссо: они—продуктъ цѣлаго ряда историческихъ условій. Руссо ставитъ во главѣ всего численный перевѣсъ голосовъ. Это апоѳеозъ грубой силы; проповѣдь одинаковыхъ правъ для всѣхъ означаетъ упраздненіе правъ меньшинства. Лилли заявляетъ съ апломбомъ, что источникъ политическихъ правъ—не контрактъ, не полезность, не баллотировочный ящикъ, а справедливость. Матеріальной силѣ большинства, происхожденію власти отъ народа Лилли противопоставляетъ старую доктрину, по которой „власть была ограничена идеей о неприкосновенности личности и гражданскій правитель былъ ставленникомъ Всевышняго“.

Лилли указываетъ и на плоды примѣненія къ жизни этого пресловутаго „народнаго евангелія“. Его попытались осуществить во Франціи въ періодъ революціи и послѣ нея въ XIX вѣкѣ. Послѣ столѣтнихъ усилій представителямъ власти государства во Франціи удалось достичь „полной распущенности мысли, поставить всѣ классы въ антогонизмъ между собою, сдѣлать всѣ интересы предметомъ зависти и вражды“. Не менѣе разительный примѣръ представляютъ въ томъ же отношеніи Соединенные С. А. Штаты, которые не есть нація въ смыслѣ общества людей, связанной единствомъ происхожденія, языкомъ и особенно единствомъ національнаго сознанія. Вмѣсто всего этого Лилли находитъ въ С. А. Штатахъ одну „анархію плюсъ полисменъ“. Его возмущаетъ особенно, какъ тамъ отправляется правосудіе: судьи—по большой части ставленники

партійнаго большинства. Правосудіе не обставлено никакими гарантіями формъ и обрядностей, низведено, подобно законодательному сословію, до крайней вульгарности. Вся общественная жизнь въ Америкѣ отличается низкимъ уровнемъ развитія. Америка—это, по словамъ Гейне, страшная тюрьма свободы. Лилли ставитъ въ вину тому же примѣненію „народнаго евангелія" извѣстный актъ Макъ-Кинлея, который произвелъ огромный и вредный для населенія переворотъ въ американской промышленной политикѣ. Такого акта никогда не послѣдовало бы, если бы въ президенты не попадали, благодаря всеобщей подачѣ голосовъ, всякіе люди. Вся власть находится въ Америкѣ въ рукахъ богатыхъ спекулянтовъ, которые распоряжаются безконтрольно мелкими чиновниками и трактирщиками. Всемогущій долларъ является двигательной силой въ законодательствѣ и администраціи. Такой плачевный результатъ примѣненія „народнаго евангелія" естественъ тамъ, гдѣ государствомъ управляетъ масса съ неразвитыми понятіями объ общественномъ благѣ и съ полною готовностью слѣпо идти за тѣми, кто съумѣлъ затронуть и угодить низкимъ ея инстинктамъ. Всеобщая подача голосовъ ведетъ въ лучшемъ случаѣ къ правленію посредственностей, господству „негодяевъ", изгоняетъ культуру, свободу, независимость, приводитъ къ военному деспотизму. Въ народовластіи якобинскаго типа армія служитъ естественной защитой порядка, сохраняетъ силу авторитета, религію дисциплины и честь повиновенія. Лилли ссылается на авторитетъ Шиллера и Флобера, называющихъ большинство „безсмысленной кучей" и всеобщую подачу голосовъ „стыдомъ человѣческаго рода", называетъ, въ свою очередь, баллотировочный ящикъ курьезнымъ идоломъ и символомъ человѣческой глупости. Нелѣпо говорить объ естественномъ правѣ каждаго человѣка на подачу голоса, какъ и о прирожденныхъ правахъ большинства на власть. Эгалитарная теорія якобинцевъ вмѣсто дѣйствительнаго равенства личностей предъ закономъ, соединеннаго съ признаніемъ необходимыхъ различій между отдѣльными личностями по степени всего ихъ развитія, вызываетъ коммунистическую анархію, недовольство, отвращеніе и враждебное настроеніе въ массахъ. Въ заключеніе Лилли называетъ глупѣйшимъ

предразсудкомъ мнѣніе, что представительныя учрежденія, выработанныя теоріей въ Англіи, могутъ служить всеобщей панацеей для всѣхъ народовъ, что не нужна особенная привычка къ гражданской свободѣ для самоуправленія, которое возможно съ помощью однихъ механическихъ приспособленій. Отсюда вышли „поистиннѣ безсмысленныя конституціи, пародіи на англійскій оригиналъ, наводнившія весь міръ“. Личная свобода возможна и въ неограниченной монархіи, если здѣсь наслѣдственный монархъ думаетъ о благѣ подданныхъ, а не своихъ личныхъ выгодахъ. При такомъ условіи возможно въ такомъ государствѣ и самоуправленіе.

Въ такихъ мрачныхъ краскахъ изображаетъ Лилли всѣ послѣдствія господства въ западно-европейскомъ обществѣ ученія Руссо о народѣ, которое Лилли называетъ „народнымъ евангеліемъ“. Онъ никакъ не можетъ помириться съ основнымъ, по его мнѣнію, принципомъ этого евангелія—признаніемъ каждаго человѣка отдѣльной личностью, способною распоряжаться собою и участвовать въ управленіи государствомъ. Такъ Лилли объявляетъ войну основному принципу всей современной европейской цивилизаціи, построенной именно на такомъ признаніи каждаго человѣка за особый, самостоятельный индивидуумъ. Этотъ принципъ далеко не одного только ученія Руссо, въ которомъ личность изчезла почти безъ остатка въ представленіи о народѣ, какъ источникѣ верховной власти, но и цѣлаго ряда разныхъ научныхъ теорій XIX ст., построившихъ свой взглядъ на личность, какъ центръ всей общественной жизни, не, какъ Руссо, на отвлеченномъ умозрѣніи школы естественнаго права, а на изученіи фактовъ дѣйствительной жизни общества. Таковы воззрѣнія представителей органической, особенно-же современной реалистической школы права, о которыхъ Лилли и не подозрѣваетъ въ своей страстной полемикѣ противъ „народнаго евангелія“. Онъ съ какимъ-то ужасомъ говоритъ, что на Западѣ Европы каждый гражданинъ призванъ къ участію въ верховной власти. Этотъ фактъ власти большинства окрашивается въ напуганномъ воображеніи Лилли въ революціонной колоритъ, и онъ спѣшитъ стряхнуть се себя этотъ мучающій его кошмаръ тѣмъ, что пускается въ доказательство

порочности и непроходимой глупости народныхъ массъ. Можетъ быть, Лилли и поняли и выразили бы ему полное сочувствіе у насъ въ Россіи нѣкоторые представители реакціонной печати, убѣжденные въ совершенной неспособности русскаго народа къ отправленію даже ничтожной части мѣстныхъ дѣлъ безъ постояннаго руководства. Но на Западѣ Европы, гдѣ „простой народъ", къ которому такъ презрительно относится Лилли, состоитъ изъ массы интеллигентныхъ лицъ, прекрасно сознающихъ и необходимость участія въ государственныхъ дѣлахъ и пользу отъ этого участія для собственныхъ интересовъ, всѣ выходки Лилли противъ общепринятаго взгляда объ этомъ участіи народа могутъ вызвать одно только сожалѣніе о напрасно потраченномъ времени на пустыя доказательства положенія, которыя не могутъ убѣдить никого, исключая самого ихъ автора. Едва ли кому придетъ въ голову теперь вѣрить въ прирожденную добродѣтель человѣка по Руссо; но, съ другой стороны, не менѣе странно слышать увѣреніе Лилли, что большинство людей не руководится разумомъ. Да, людей, которке, по его представленію, не далеки отъ дикарей по своей культурности, но не лицъ, изъ которыхъ состоитъ значительная часть низшихъ, рабочихъ классовъ западно-европейскаго населенія. Кому неизвѣстно, на сколько среди рабочихъ массъ на Западѣ распространено даже высшее образованіе, не говоря о среднемъ и низшемъ? Кто также не знаетъ, какъ поэтому развито въ рабочихъ классахъ тамъ сознаніе своего права на участіе въ благахъ культуры, добываемыхъ ихъ же усиленнымъ и непрерывнымъ трудомъ, и какъ гарантіи этого права, политической свободы? Европейскій конституціонализмъ потому возникъ въ XVIII ст. въ Англіи и привился въ XIX в. на всемъ западно-европейскомъ континентѣ, что европейскіе народы нашли въ немъ обезпеченіе своимъ общимъ стремленіямъ къ равенству, гражданскому и политическому, и свободѣ личной и также политической. Конечно, въ политической жизни Западной Европы есть немало темныхъ сторонъ, какъ еще болѣе ихъ въ отношеніяхъ между общественными классами. Лучшіе публицисты Запада (напр., Д. С. Милль) давно сознали всю искусственность довольно сложной системы парламентаризма и такія слабыя его стороны, какъ

нацр., необезпеченность правъ меньшинства отъ давленія на него со стороны большинства. Были въ свое время указываемы и разнообразныя мѣры не менѣе искусственнаго характера, мѣры относительно охраненія правъ меньшинства при выборѣ депутатовъ въ народныя собранія. Сама жизнь, однако, сильнѣе всякихъ, хотя бы глубоко научныхъ, искусственныхъ теорій. Голоса меньшинства проникаютъ тѣмъ или другимъ путемъ въ общественную жизнь. Если они принадлежатъ людямъ съ выдающимися личными качествами, имъ заранѣе обезпечено видное мѣсто въ парламентахъ; въ крайнемъ случаѣ, такимъ лицамъ удается вліять на общественное мнѣніе путемъ печати, собственной дѣятельности на томъ или другомъ поприщѣ общественной жизни. Если же меньшинство изъ числа ничтожныхъ по своему развитію и вліянію въ мѣстности людей, то естественно, что ему нѣтъ резона попадать въ депутаты; и они обыкновенно туда и не попадаютъ.— Народному правленію современныхъ западно-европейскихъ государствъ Лилли противопоставляетъ государство съ представленіями о божественномъ происхожденіи власти, давно уже пережитыми Западомъ. Только воображенію Лилли можно приписать его наивное замѣчаніе, что по старой доктринѣ власть въ человѣческомъ обществѣ необходимо ограничена идей о неприкосновенности личности. Лилли забываетъ, а можетъ быть и совсѣмъ не знаетъ, что страницы западно-европейской исторіи, даже близкой къ нашему вѣку (XVI—XVIII ст.), испещрены многочисленными фактами самого грубаго и дикаго насилія надъ личностью представителей власти и даже нерѣдко второстепенныхъ. Розовая идиллія горячаго заступника стараго режима разбивается о такіе возмутительные факты необузданнаго ничѣмъ произвола, предъ которыми блѣднѣютъ всѣ іереміады Лилли на „распущенность массы, зависть, вражду и антогонизмъ“ между современными общественными классами на Западѣ, кажутся какой-то невинной сказкой, способной позабавить праздный досугъ такого архивнаго политика, какъ нашъ политикъ. Едва ли онъ можетъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, какое отношеніе имѣетъ его пресловутое „народное евангеліе“ къ этому антагонизму, корень котораго въ чисто экономи-

ческихъ условіяхъ европейской общественной жизни XIX в. Но особенно курьезны разсужденія Лилли о результатахъ примѣненія „народнаго евангелія“ въ Америкѣ. С. А. С. Штаты даже не удостоиваются именемъ націи; это просто, на его взглядъ, какой-то случайный сбродъ самыхъ разноплеменныхъ лицъ безъ всякихъ признаковъ какого-либо національнаго объединенія. Очевидно, нашъ авторъ увлекается картиной сильнаго эмиграціоннаго движенія въ Америку, куда стремится масса недовольныхъ европейскими общественными порядками. Лилли совсѣмъ незнакома первоначальная исторія образованія С. А. С. Штатовъ въ XVII в. и прошломъ столѣтіи, когда туда направились люди, соединенные общимъ стремленіемъ къ личной свободѣ и одинаковою культурой. Пріобрѣтенные на мѣстѣ также одинаковые экономическіе интересы, особенно же всѣми чувствуемая нужда обезпечить интересы колонистовъ, освободиться изъ подъ тяжелой зависимости отъ метрополіи —Англіи, откуда вышла большая масса эмигрантовъ, были тѣмъ духовнымъ, связавшимъ ихъ въ одно неразрывное цѣлое, цементомъ, который положилъ прочный фунтаментъ образованію американскаго народа.

Для европейцевъ съ ихъ вѣковыми традиціями общественнаго и политическаго устройства, въ которомъ такъ много еще слѣдовъ угнетенія личности подъ разными формами, американскіе порядки кажутся странными, необычными и во многомъ непонятными. Европейцу прямо жутко очутиться въ водоворотѣ американской жизни, гдѣ каждый долженъ полагаться лишь на самого себя, а не ждать постоянно опекающей помощи со стороны разныхъ органовъ государственной власти. Въ Америкѣ вслѣдствіе, правда, слишкомъ широкаго развитія принципа личной свободы замѣчаются нѣкоторыя ненормальныя явленія общественной жизни, которыхъ, однако, еще больше въ старой Европѣ. Если американскій судъ иногда недостаточно обезпечиваетъ права личности, въ законодательномъ сословіи попадаются люди съ мало развитымъ чувствомъ общественности, то пусть Европа вспомнитъ о своихъ панамахъ всякаго рода, безконечномъ процессѣ Дрейфуса, обнаружившемъ всю продажность высшей французской администраціи, не исключая и суда. На взглядъ европейца и даже не такого

отъявленнаго противника всякаго развитія личной свободы, какъ Лилли, актъ Макъ—Кинлея представляется вреднымъ, прежде всего, для европейскихъ, торгово-промышленныхъ интересовъ. Въ самой Америкѣ этотъ актъ выгоденъ только крупной промышленности и торговлѣ и, какъ вѣрно замѣчаетъ на этотъ разъ Лилли, разоряетъ населеніе всей страны, подчиняетъ цѣну продуктовъ промышленности произволу производителей. Но и старая Европа не можетъ похвалиться своими свободными взглядами въ дѣлѣ международныхъ торговыхъ отношеній. Давно-ли она переживала пору господства покровительственныхъ тарифовъ, когда, напр., Германія объявляла войну русскому хлѣбу, вводила „боевыя пошлины" на него при ввозѣ, обезцѣнивала особыми мѣрами русскія деньги и т. д. А ужъ Германію едва-ли кто упрекнетъ въ увлеченіи „народнымъ евангеліемъ" Лилли, его основнымъ догматомъ о святости личности у каждаго человѣка и признаніи за нимъ права на свободное распоряженіе своими силами, свободную дѣятельность, сообразную съ этими силами человѣческой природы: Нашъ новоявленный публицистъ приходитъ въ ярое негодованіе при одномъ имени „большинства", которое у него слѣдуетъ непремѣнно, какъ это было въ древности, за демагогами, идолами, посредственностями, даже „негодяями", военными деспотами и глупцами.

Нельзя идти далѣе въ такомъ не только не научномъ, но прямо недобросовѣстномъ освѣщеніи фактовъ, какъ это дѣлаетъ Лилли, который для доказательства самой простой политической истины въ родѣ того, что не можетъ быть и нѣтъ полнаго равенства людей въ обществѣ, гдѣ только есть равенство гражданъ предъ закономъ, или что личная свобода непремѣнно неразлучна съ различіями природы и силъ каждаго человѣка, прибѣгаетъ къ цѣлому потоку оскорбительныхъ выраженій, назначенныхъ къ униженію ненавистнаго Лилли, конституціоннаго режима. Только такой государственный младенецъ, какъ этотъ англійскій консерваторъ—обломокъ эпохи Стюартовъ или даже Тюдоровъ, можетъ еще не знать до сихъ поръ, что въ государственной наукѣ давно уже оставленъ „глупый предразсудокъ", что введеніе представительственныхъ учреж-

деній возможно во всякомъ государствѣ или что для гражданской свободы нуженъ лишь одинъ внѣшній аппаратъ механическаго выбора депутатовъ. Чтобы какъ-либо избавиться отъ угрожающаго фантома „безсмысленныхъ конституцій“ Лилли соглашается допустить, что личная свобода вполнѣ возможна и въ неограниченной монархіи. Не сомнѣваясь въ этомъ послѣднемъ фактѣ, мы, все-таки, видимъ въ этихъ словахъ Лилли только неудачную диверсію въ сторону отъ пути, по которому въ XIX ст. движется политическая мысль на Западѣ Европы. Для насъ русскихъ заявленіе Лилли о возможности самоуправленія въ неограниченной монархіи особенно важно въ данный моментъ, когда раздаются голоса противъ земства и нѣкоторые его противники готовы доказывать противъ всякой очевидности, что земство противорѣчитъ правамъ самодержавной власти и вредно благосостоянію всей страны. Этимъ ревнителямъ давно отжитыхъ взглядовъ и старинныхъ порядковъ, которые plus royalistes, que le roi, не мѣшало-бы на этотъ разъ поучиться у англійскаго консерватора—противника политической свободы, но въ тоже время допускающаго, что безъ личной свободы человѣку нельзя жить ни въ какомъ болѣе или менѣе благоустроенномъ обществѣ.

Впрочемъ, наши противники всякаго проявленія общественной самодѣятельности могутъ утѣшиться, если прочтутъ разсужденія Лилли по поводу слѣдующаго „шибболета“—общественнаго мнѣнія, его необыкновеннаго вліянія на жизнь современнаго европейскаго общества. Этотъ шибболетъ—послѣдствіе усилившагося въ нынѣшнемъ столѣтіи политическаго вліянія народныхъ массъ, ихъ появленія у власти. Изъ этихъ словъ Лилли объ общественномъ мнѣніи можно заключить, какъ относится онъ къ этому новому страшилищу и погубителю людей въ наше время. Лилли преклоняется предъ этимъ шибболетомъ, бывшимъ всегда великой силой въ мірѣ, съ надлежащимъ почтеніемъ, какъ оракуломъ „и всемірнымъ божествомъ“ для того только, чтобы сейчасъ же развѣнчать его съ помощью искусно подобранныхъ мнѣній разныхъ авторитетныхъ писателей и собственныхъ къ нимъ комментарій. Такъ онъ приводитъ слова Милля о томъ, что общественное мнѣ-

ніе враждебно индивидуальности, и затѣмъ, что ложные пророки награждаются всеобщимъ признаніемъ, что народовластіе враждебно всякому прогрессу. Самъ Лилли опредѣляетъ общественное мнѣніе, какъ „согласіе нѣкотораго количества личныхъ мнѣній о предметѣ общаго интереса“, и удивляется тому, какимъ образомъ „изъ большаго числа сравнительно неразумныхъ, частныхъ мнѣній можетъ составиться мудрое общественное мнѣніе“. Лилли предпринимаетъ попытку представить, какъ образуется это мнѣніе въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ при безпрерывной борьбѣ политическихъ партій, которыя пускаютъ въ ходъ всѣ дозволенныя и еще чаще недозволенныя средства, лишь-бы достигнуть своей цѣли. Таковы, напр., чудовищные митинги въ лондонскомъ Гайдъ-паркѣ, на которыхъ раздаются даже вопли громаднаго скопища, всякаго уличнаго сброда, не слышно, что говорится разными ораторами, а только несутся подчасъ наглыя угрозы толпы по адресу тѣхъ или другихъ политическихъ дѣятелей или партіи. Другимъ орудіемъ общественнаго мнѣнія является ежедневная печать, которая въ наше время приняла на себя заботу руководить народными массами въ пониманіи ими государственныхъ и общественныхъ задачъ. Журналисты наслѣдовали тѣ функціи, которыя въ прежніе дни исполнялись духовенствомъ, а въ древней іерархіи пророками. Лилли думаетъ, что права журналистовъ, называемыя обыкновенно свободой печати, состоятъ не въ печатаніи всего, что только не взбрело имъ въ голову, а въ свободѣ заявлять предъ читателями объ извѣстныхъ, установленныхъ ими фактахъ, обсуждать ихъ, обнаруживать злоупотребленія и защищать реформы. Печать должна быть подчинена дѣйствію нравственнаго закона, истинѣ, правдѣ. Но какъ разъ правды-то и недостаетъ въ современной ежедневной печати: для журналиста правда—послѣдняя вещь, о которой онъ думаетъ. Его этика состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться событіями и обстоятельствами съ цѣлью направлять ихъ въ сторону своихъ личныхъ интересовъ. Лилли увѣренъ, что журналисты съ намѣреніемъ содѣйствуютъ процвѣтанію безнравственности въ жизни большихъ и малыхъ городовъ. Они или защищаютъ принципы, въ которымъ вся-

кій изъ нихъ вполнѣ равнодушенъ, или-же нападаютъ на учрежденія, которыя на самомъ дѣлѣ полезны и заслуживаютъ поддержки. Съ теченіемъ времени журналистъ становится вполнѣ индифферентнымъ въ своихъ мнѣніяхъ. Журналисты сначала лгутъ для того, чтобы пріобрѣсти репутацію, а затѣмъ уже изъ любви ко лжи, приниженія къ своему низкому нравственному уровню всякаго, кто выше ихъ въ нравственномъ отношеніи. Свои разсужденія о вредѣ печати Лилли заключаетъ замѣчаніемъ, что ежедневная печать въ качествѣ главнѣйшаго орудія общественнаго мнѣнія въ послѣднюю четверть года содѣйствуетъ болѣе, чѣмъ что-либо другое, пониженію уровня общественной нравственности. „Она положила сѣкиру у самыхъ корней долга, самопожертвованія, всѣхъ элементовъ нравственнаго величія націй, которое есть истинное величіе“.

Нисколько не сомнѣваясь въ справедливости этого послѣдняго заявленія о качествахъ національнаго величія, мы, все-таки, не видимъ основаній, заставляющихъ непредубѣжденнаго наблюдателя общественной жизни относиться такъ презрительно къ общественному мнѣнію и способамъ его выраженія—митингамъ и печати. Лилли самъ признаетъ за общественнымъ мнѣніемъ громадное значеніе, но только онъ находитъ, что вредъ, какой приноситъ оно людямъ, не оправдываетъ его чрезмѣрнаго вліянія на теченіе событій. И такой взглядъ Лилли вполнѣ понятенъ: разъ онъ такъ рѣзко вооружается противъ господства народа, большинства въ политической жизни, онъ долженъ осудить безповоротно и общественное мнѣніе, какъ органъ этого большинства. Но если признаніе народа за великую общественную силу въ современной европейской жизни составляетъ одно изъ основныхъ убѣжденій культурныхъ народовъ, то и общественное мнѣніе, какъ выраженіе этого народнаго авторитета, также не можетъ быть отвергнуто на томъ основаніи, что оно враждебно индивидуальности, всякому превосходству личности. Быть можетъ, то общественне мнѣніе, которое представляется Лилли, и оказываетъ большое давленіе на личность. Едва-ли только кто согласится съ нимъ, что общественное мнѣніе выражается въ простомъ согласіи сравнительно нера-

зумныхъ частныхъ мнѣній. Это опредѣленіе годится къ тому, чтобы охарактеризовать общее мнѣніе какого-либо отдѣльнаго кружка людей съ ограниченнымъ умственнымъ кругозоромъ. Но оно не приложимо къ настоящему общественному мнѣнію, которое составляется не такимъ искуственнымъ путемъ, какъ это изображаетъ Лилли, и не одними политиками въ своихъ собственныхъ интересахъ. Истинное общественное мнѣніе создается лучшими народными элементами, представителями ума, знанія, таланта, обладающими разумѣніемъ настоящихъ потребностей народныхъ массъ, которыя идутъ за своими дѣйствительными вожаками потому, что эти послѣдніе воплощаютъ въ себѣ живые, жгучіе интересы времени и указываютъ толпѣ вѣрный путь, по которому ей слѣдуетъ идти, чтобы достигнуть большей степени благосостоянія. Лилли, наоборотъ, думаетъ, что лучшіе люди на посылкахъ у слѣпой толпы, всегда впечатлительной, легковѣрной и даже дикой массы. Очевидно, только предвзятое намѣреніе опошлить, пренебречь всѣми ея вопіющими нуждами заставляетъ Лилли—англичанина представить родное ему учрежденіе, которымъ справедливо гордится Англія,— публичные митинги представить ихъ въ видѣ какихъ-то нелѣпыхъ сборищъ необузданной толпы, всякаго сброда, опаснаго для общественнаго спокойствія Лилли также лучше знать, чѣмъ комулибо, все важное, руководящее значеніе ежедневной печати для общественной жизни, которая вся съ ея насущными потребностями отражается, какъ въ зеркалѣ, въ прессѣ. Лилли предъявляетъ къ ней строгія нравственныя требованія, но затѣмъ неожиданно заявляетъ, что вся современная печать продажная, лживая клика журналистовъ, которые поставили себѣ единственною цѣлью извращать всѣ факты общественной жизни и пользоваться текущими событіями и обстоятельствами только для достиженія своихъ цѣлей. Не отрицая подобныхъ явленій въ европейской печати, мы въ тоже время должны замѣтить, что совершенно нелогично выдавать ненормальныя отклоненія въ какомъ либо кругу явленій за обыкновенныя, нормальныя. Кому, какъ не ежедневной печати европейское общество обязано громаднымъ прогрессомъ во всѣхъ сторонахъ своей общественной жизни? Каждое въ немъ событіе обык-

новенно обсуждается газетами съ точки зрѣнія его важности для общественныхъ интересовъ и весь ходъ общественной жизни направляется сообразно выясненнымъ печатью взглядамъ на желательное направленіе тѣхъ или другихъ общественныхъ явленій. Поэтому-то свобода печати, понимаемой, конечно, не какъ право каждаго печатать все, что ни вздумается, драгоцѣнное благо для всякой страны, которая хочетъ быть истинно культурной. И такимъ благомъ обладаютъ западно-европейскія страны въ большой мѣрѣ и пользуются ею какъ для обнаруженія разныхъ недостатковъ въ общественной жизни, такъ для исцѣленія ея золъ и развитія всѣхъ сторонъ, всѣхъ областей человѣческой дѣятельности, въ которой проявляются коренныя потребности человѣческой природы.

Лилли обрушивается и еще на шибболетъ новѣйшаго времени—*народное образованіе*. Подъ нимъ обыкновенно понимаютъ развитіе ума, котораго одного недостаточно для образованія характера, какъ истинной цѣли воспитанія. Лилли приводитъ слова Г. Спенсера, что идеалъ воспитанія состоитъ въ правильномъ развитіи всѣхъ человѣческихъ силъ и способностей съ цѣлью приготовить насъ къ полнотѣ жизни. Поэтому развитіе тѣхъ и другихъ должно быть одновременнымъ и гармоническимъ. Человѣкъ не только умственное. но и нравственное существо. Нравственный идеалъ занимаетъ среди другихъ идеаловъ человѣка первое мѣсто: человѣкъ является личностью лишь въ качествѣ нравственнаго существа. Высшая-же цѣль воспитанія ребенка заключается въ томъ, чтобы сдѣлать изъ него человѣка ,развить въ немъ личность. Воспитаніе въ человѣкѣ воли необходимое условіе для того, чтобы онъ могъ дѣйствовать согласно съ нравственнымъ закономъ. Истинно воспитанный человѣкъ тотъ, кто научился понимать свой долгъ и у кого всѣ силы дисциплинованы и развиты до высшаго совершенства. Лилли вооружается противъ ходячаго представленія о воспитаніи, которое отождествляется съ образованіемъ ума. Теперь знаніе выставляется, какъ реорганизующая сила по отношенію къ отдѣльному индивиду и цѣлой націи; односторонне развитый умъ ведетъ къ большому самомнѣнію, въ силу котораго каждый считаетъ себя въ правѣ произносить рѣшительные при-

говоры обо всѣхъ вещахъ на свѣтѣ. Развитіе ума не сопровождается непремѣнно и нравственнымъ развитіемъ человѣка. Послѣдствіемъ пріобрѣтенія знаній можетъ быть лишь то, что хорошій человѣкъ будетъ имѣть больше силъ для добра, а дурной—для зла. Лилли приписываетъ возникновеніе въ европейскомъ обществѣ чрезмѣрныхъ надеждъ на школьнаго учителя развитію въ немъ утилитарныхъ взглядовъ, упраздняющихъ нравственную идею, нравственный законъ, на мѣстѣ котораго утилитаристы ставятъ одинъ просвѣщенный эгоизмъ. Лилли противъ вмѣшательства государства въ воспитаніе дѣтей, которое есть исключительно дѣло родителей, особенно-же отца—по божественному праву священника, судью и царя въ своей семьѣ. Patria potestas поэтому коренится въ самой природѣ вещей, а не устарѣлый предразсудокъ. Особенно необходимо настаивать на святости и ненарушимости родительскихъ правъ въ нашъ вѣкъ всеразъѣдающаго, отрицательнаго индивидуализма. Лилли требуетъ, чтобы само государство вмѣшалось въ воспитаніе гражданъ путемъ особеннаго вниманія къ религіи, какъ важнѣйшей его части, необходимой для усовершенствованія общественнаго организма.

Лилли правъ, указывая на односторонность въ воспитаніи молодыхъ поколѣній въ современномъ европейскомъ обществѣ, гдѣ и на самомъ дѣлѣ на первомъ планѣ ставятъ развитіе ума, снабженіе его какъ можно большею массою знаній. Никто не будетъ спорить, что если цѣль воспитанія въ развитіи всѣхъ силъ природы человѣка, то нужно, чтобы въ равной мѣрѣ были развиты какъ физическія, такъ и умственныя и нравственныя силы человѣческой природы. Только какъ неправильно преувеличивать развитіе ума въ воспитаніи, то также невѣрно и умалять его роль въ дѣлѣ воспитанія юношества. Несомнѣнно, что умъ и развитое нравственное чувство не одновременныя явленія: нерѣдко случается, что умные люди въ тоже время безнравственные субъекты, способные на ужасныя злодѣянія, но, съ другой стороны, тоже фактъ, что истинно образованные люди скорѣе могутъ понимать требованія долга и сознательно предпочитать дѣятельность, проникнутую альтруистическими началами, господству въ своей жиз-

ни темныхъ инстинктовъ человѣческой природы, которымъ мѣсто среди невѣжественной массы. Лишь явное желаніе выставить въ превратномъ видѣ современную утилитарную школу морали заставляетъ Лилли утверждать, что утилитаристы упраздняютъ нравственный законъ и возводятъ личный интересъ въ нравственный долгъ человѣка. На самомъ дѣлѣ утилитаристы помогли всестороннему освѣщенію всего великаго значенія въ жизни человѣчества нравственнаго закона, указали на условія появленія и развитія альтруистическаго стремленія въ исторической жизни общества и далеки отъ мысли отождествлять „просвѣщенный эгоизмъ“ съ альтруизмомъ. Напротивъ, они, какъ напр., Спенсеръ, признаютъ за послѣднимъ главную роль въ нравственной жизни людей, гдѣ усиленіе альтруистическаго элемента онъ объясняетъ изъ цѣлаго ряда историческихъ условій (воспитанія, вліянія государства, науки, нравовъ и пр.).

Послѣдній шибболетъ—*права женщинъ*—результатъ, по словамъ Лилли, всѣхъ другихъ шибболетовъ: „онъ взываетъ къ *общественному мнѣнію*, во имя *прогресса*, о *свободѣ* части человѣческаго рода, находящейся въ подчиненіи, требуетъ для нея мѣста, какъ для одного изъ элементовъ *народа* и опирается на силу и вліяніе *образованія*“. Можно представить себѣ, какое негодованіе вызываетъ у Лилли этотъ шибболетъ! Въ нападкахъ на сторонниковъ женской равноправности Милля, Пирсона и др. Лилли доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ. Презрительно насмѣхаясь надъ самой идеей, что женщина можетъ быть въ чемъ—либо равна мужчинѣ, Лилли доказываетъ, что на пути къ ихъ равенству лежатъ непреодолимыя различія всякаго рода между обоими полами (физическія и психическія). Лилли признаетъ спеціальныя мужскія добродѣтели, отличныя отъ женскихъ, приходитъ въ ужасъ отъ мысли о политической эманципаціи женщинъ и готовъ допустить одно лишь равенство ихъ съ мужчинами въ области личныхъ и имущественныхъ правъ. Женщины неспособны отъ природы къ адвокатской дѣятельности, такъ какъ у нихъ умъ не обладаетъ юридическимъ складомъ: существо чувствующее не можетъ обратиться въ существо разсуждающее. Бур-

ныя судебныя пренія и пыльные свитки законовъ созданы не для женщины. Профессія медика и хирурга наноситъ ущербъ скромности женщины, которая составляетъ лучшее ея украшеніе. Лилли убѣжденъ, что цѣломудріе спеціальная добродѣтель женщинъ. А мужчинѣ позволительна и незаконная связь съ женщиной: „подобный грѣхъ не подрываетъ нравственныхъ основъ его бытія, не лишаетъ его непоправимо самоуваженія или права на уваженіе другихъ“ Лилли своебразныхъ взглядовъ и относительно воспитанія женщины, которое должно имѣть въ виду ея исключительную женственственность. Женщина—вѣчная жрица идеала, какого, объ этомъ Лилли благоразумно умалчиваетъ. Но онъ очень опредѣленно говоритъ, что женщины должны воспитываться особо отъ мужчинъ въ виду будто-бы доказаннаго въ Америкѣ вреда совмѣстнаго воспитанія обоихъ половъ: тогда женщина перестаетъ быть женщиной. Лилли предпочитаетъ этому гибельному для женщинъ и всего будущаго человѣческаго рода состоянію переспективу вѣчнаго пребыванія всѣхъ женщинъ въ роли „модныхъ куколъ“. Только-бы не было передовыхъ женщинъ! Легкомысленная „молодая кукла“, все таки, женщина, не та передовая женщина, которая лишена способности дѣторожденія. Ратоборцамъ женскихъ правъ хотѣлось-бы разрушить чудную работу спецификаціи половъ. Но природа могущественнѣе самыхъ передовыхъ женщинъ и ихъ защитниковъ. Лилли увѣренъ, что шумъ женскаго движенія скоро уляжется и громадное большинство женщинъ окажется довольнымъ своею участію существа добраго и кроткаго, охотно примѣняющагося къ нашимъ привычкамъ, хотя-бы даже онѣ противорѣчили склонностямъ женщины, которая цивилизуетъ и облагораживаетъ мужчину.

Какъ женщина, поставленная въ обществѣ ниже мужчины, можетъ цивилизовать его-же, это секретъ Лилли, которому просто хочется осудить женщину на вѣчную роль, подчиненной вкусамъ мужчины, его подруги, несмѣющей даже мечтать о возможности, хотя-бы въ отдаленномъ будущемъ, сравняться съ нимъ въ сознаніи одинаковаго человѣческаго достоинства и права на одинаковую-же съ мужчиной степень развитія своей человѣческой личности. Лил-

ли имѣетъ, какъ мы видѣли, смутныя понятія объ ея свойствахъ и условіяхъ, необходимыхъ для развитія въ человѣкѣ его индивидуальности. Поэтому-то всѣ современныя понятія, съ которыми неразрывно связана вся жизнь человѣческой личности, кажутся ему шибболетами, неправильно, по его мнѣнію, понимаемыми терминами. Мы, однако, убѣдились, что шибболеты какъ разъ его представленія о прогрессѣ, свободѣ и пр., такъ что если-бы Лилли жилъ во времена вражды между колѣнами Ефремовымъ и Іевфаевымъ, то ему не миновать бы участи людей изъ перваго колѣна. Но теперь мнѣнія Лилли, на которыя едва-ли кто обращаетъ вниманіе на его родинѣ, у насъ пользуются особеннымъ вниманіемъ среди извѣстной части русской прессы. Мы остановились на книгѣ Лилли такъ долго именно потому, чтобы предостеречь довѣрчивыхъ читателей изящно изданнаго его произведенія отъ ея пріобрѣтенія или-же, если такой грѣхъ случился, то отъ извращеннаго пониманія Лилли важнѣйшихъ явленій въ современной общественной жизни.

В. Щегловъ.

---

3. *М. О. Меньшиковъ*: „Думы о счастьѣ“ Спб. 1898. 176 стр.

Эта книжка Меньшикова—даровитаго сотрудника извѣстнаго журнала „Недѣля“—вызвала при своемъ появленіи самые оживленные и, кромѣ того, ожесточенные толки въ лагерѣ журналистовъ, которымъ взгляды ихъ собрата по профессіи показались слишкомъ узкими, односторонними. Нападали на Меньшикова, главнымъ образомъ, за то, что онъ заявилъ себя откровенно горячимъ послѣдователемъ философскихъ взглядовъ гр. Л. Н. Толстаго на смыслъ жизни и необходимыя условія достиженія счастья. Поставили въ вину слишкомъ прямому сторóннику міровоззрѣнія нашего знаменитаго писателя—моралиста глубокую вѣру въ возможность осуществленія нравственныхъ воззрѣній Толстого на семью, народъ, отношеніе человѣка къ природѣ, труду, суть цивилизаціи и прогресса. Но не отвергая извѣстнаго, подчасъ чрезмѣрнаго

увлеченія Меньшикова ученіемъ Толстого, мы въ тоже время должны отдать дань попыткѣ вѣрнаго его послѣдователя показать на дѣлѣ, какъ могутъ быть примѣнены къ жизни возвышенные нравственные идеалы Толстого о его человѣческомъ счастьи. Что-бы ни говорили противники, а самый вопросъ о счастьи, условіяхъ его достиженія и самомъ содержаніи этого понятія одинъ изъ самыхъ жгучихъ жизненныхъ вопросовъ, надъ разрѣшеніемъ котораго ломали голову цѣлые вѣка наиболѣе знаменитые мыслители. И до сихъ поръ этотъ вопросъ въ числѣ „проклятыхъ“ и роковыхъ вопросовъ человѣческой жизни; разрѣшеніе его все болѣе и болѣе отдаляется и затрудняется по мѣрѣ увеличенія и осложненія общественныхъ отношеній, расширенія личныхъ запросовъ человѣка къ окружающему соціальному быту и ясно сознаваемой интеллигентной частью современнаго общества трудностью обезпечить счастье всѣмъ людямъ. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманіе работа Меньшикова, задавшагося цѣлью изслѣдовать вѣчную загадку человѣческой жизни, отравленной въ современныхъ поколѣніяхъ ядомъ отрицанья, разочарованья, несказанной муки и тоски, мрачнаго отчаянія. Автора „Думъ о счастьи“ поражаетъ фактъ постоянно увеличивающагося числа самоубійствъ среди людей самыхъ разнообразныхъ возрастовъ и состояній, иногда даже среди самыхъ завидныхъ условій богатства, молодости, красоты и всякихъ успѣховъ въ личной жизни. Что-же такое счастье, спрашиваетъ Меньшиковъ, и замѣчаетъ сейчасъ-же, что въ современномъ обществѣ недостаетъ основнаго его элемента—любви человѣка къ человѣку. Любить можно кого угодно, только не себя. Больно и страшно самому страдать, но видѣть страданія любимаго существа невыносимо. Меньшиковъ убѣжденъ, что какъ ни дорога безсознательно каждому своя собственная жизнь, жизнь искренне любимаго человѣка еще дороже и что въ сущности любить, какъ и ненавидѣть, можно только другихъ,—тотъ маленькій міръ близкихъ, въ которыхъ живешь душою. И вотъ эта—то любовь и есть основное психическое условіе счастья. „Счастливые“ самоубійцы—невольные узники, лишенные любви человѣческой.

Но кто-же мѣшаетъ человѣку достигать такимъ путемъ своего

счастья, любить другихъ людей? Слѣдуя Толстому, Меньшиковъ отвѣчаетъ, что главное препятствіе для человѣческаго счастья въ этомъ отношеніи культурная жизнь современныхъ европейскихъ городовъ, гдѣ невозможно настоящее *единеніе* между людьми, чуждыми здѣсь другъ другу. Жителей городовъ раздѣляетъ не одна обособленная ихъ жизнь, но также и рѣзкое различіе въ образованіи; культурныя профессіи слишкомъ ограничились, отдѣлились до мелочей другъ отъ друга. Для поддержанія общественной жизни на Западѣ Европы существуютъ политическіе интересы, у насъ общественныя развлеченія. Меньшиковъ утверждаетъ, что современная цивилизація убиваетъ истинное, живое общество, которое создается ежедневнымъ общеніемъ: это общество состоитъ изъ массы атомовъ, механически связанныхъ между собою, оно не организмъ, а машина, толпа, гдѣ каждый среди чужихъ.

Свою мысль о преимуществахъ деревенской жизни предъ городскою Меньшиковъ развиваетъ далѣе, разсматривая условія семейной жизни въ городахъ по сравненію съ деревнями. Искусственный городской бытъ затрудняетъ семейную жизнь, подрываетъ основное условіе счастья человѣка имѣть родное гнѣздо, стихію горячей любви и дружбы. Искренняя семья невозможна въ городахъ, гдѣ всѣ члены семьи живутъ разнородными интересами и между ними существуютъ обостренныя, натянутыя отношенія. Глава семьи видитъ въ женѣ и дѣтяхъ паразитовъ, которые не благодарны ему за „каторгу“ службы, не выражаютъ своей горячей любви, чуждой, впрочемъ, и самому мужу и отцу. Семейная жизнь кажется всѣмъ какой-то ненужной обузой, дѣти—дармоѣды въ глазахъ отца, которые, однако, оскорбляются такимъ отношеніемъ къ нимъ отца, сознавая, что въ хорошей, счастливой семьѣ не можетъ быть вопроса о кускѣ хлѣба. Но и внѣ семьи въ городѣ нельзя утолить жажду въ дружескихъ отношеніяхъ съ людьми: здѣсь устанавливаются обыкновенно оффиціальныя отношенія (служебныя, корпоративныя и др.). Неудивительно поэтому, что за отсутствіемъ общей жизни, вызываемой общими духовными интересами, люди такъ часто встрѣчаются за зеленымъ столомъ, гдѣ находитъ нѣкоторое удовлетвореніе жажда людей въ

общей, совмѣстной, болѣе тѣсной жизни. Такое-же значеніе призрака настоящей, духовной жизни имѣетъ любовь женщинъ къ кошкамъ и старыхъ холостяковъ къ собакамъ: старая дѣва съ ея мопсами, лижущими её въ въ губы, представляетъ болѣе нормальную семью, чѣмъ многія человѣческія семьи съ исчезнувшей поэзіей семьи—любовью. Въ тоскѣ по человѣку гибнутъ прекрасные, чуткіе люди; изъ нихъ спасаются отъ пули иногда тѣ, кто пытаются уйти въ работу гуманнаго, самоотверженнаго характера. Неправда отношеній къ людямъ заставляетъ многихъ несчастныхъ отказаться отъ жизни, которая могла-бы сдѣлаться для нихъ радостною, если-бы они пошли въ міръ униженныхъ и оскорбленныхъ, простыхъ, чистыхъ сердцемъ. Глыба эгоизма можетъ раствориться состраданіемъ къ обездоленному человѣчеству. Меньшиковъ увѣренъ, что всюду можно пріобрѣсти общество умныхъ и развитыхъ людей, кружокъ которыхъ каждый въ состояніи создать путемъ энергіи, капитала сердца и ума, указаній опыта и науки. Даже въ деревнѣ мыслима такая работа интеллигента въ темной, окружающей его средѣ, гдѣ нерѣдко попадаются прекрасныя личности съ правдивой душой, тонко чувствующіе и оригинально мыслящіе люди. Въ нравственномъ отношеніи, въ знаніи природы и людей, въ силѣ пониманія народъ даже выше насъ. Меньшиковъ совѣтуетъ интеллигентамъ въ деревнѣ попробовать заняться образованіемъ крестьянскихъ даровитыхъ юношей, которые останутся вѣчно признательными своимъ учителямъ. А послѣдніе найдутъ приложеніе своимъ остававшимся безъ употребленія силамъ, уму, знанію. Въ итогѣ-же получится духовный разцвѣтъ народа, отъ котораго останется у его виновниковъ счастливое сознаніе инициативы этого великаго дѣла. Меньшиковъ допускаетъ, что и въ городской жизни при всѣхъ затрудненіяхъ въ выборѣ друзей ихъ можно найти: стоитъ только отбросить ложную скромность, отрѣшиться отъ призрачныхъ, условныхъ отличій, имѣть мужество признать въ себѣ человѣка, родного брата всѣмъ людямъ. Значитъ нужно, прежде всего всего, потрудиться надъ собственнымъ пересозданіемъ, совершенствомъ: тогда къ намъ, какъ солнцу, потянется все живое. Вѣдь недаромъ святымъ молятся цѣлыя ты-

сячелѣтія послѣ ихъ смерти: даже одинъ мыслимый образъ *настоящаго* человѣка имѣетъ непобѣдимое очарованіе.

Итакъ Меньшиковъ скорбитъ объ упадкѣ семейной и всей остальной жизни въ современномъ обществѣ и всю вину настроеній и несогласій между членами семьи сваливаетъ на сложный и искуственный городской бытъ. Не отвергая многихъ, указанныхъ авторомъ книги, печальныхъ явленій въ жизни современныхъ европейскихъ городовъ, нельзя, однако, приписать причину разъединенія въ семьѣ и общественныхъ отношеніяхъ одному только внѣшнему образу городской жизни. Европейцы находятъ здѣсь удовлетвореніе своему неудержимому стремленію къ всестороннему развитію всѣхъ силъ человѣческой природы и полному удовлетворенію всѣхъ ея потребностей: ни того, ни другаго не можетъ дать современная деревня съ ея примитивными условіями всей жизни. Не городъ виноватъ въ холодности и равнодушіи людей другъ къ другу въ семьѣ и остальныхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Современная цивилизація дѣлаетъ труднымъ постоянное, живое общеніе людей не оттого, что въ городахъ живутъ люди самыхъ разнообразныхъ профессій, а вслѣдствіе недостатка въ людяхъ взаимной симпатіи, готовности пожертвовать хотя-бы частью своихъ силъ на пользу другихъ, подумать не объ своихъ только интересахъ, отсутствія нравственнаго развитія въ большинствѣ интеллигентныхъ людей. Но его находится немного и въ деревенскихъ людяхъ, которыхъ Меньшиковъ такъ идеализируетъ. Во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ приняться за образованіе деревенскихъ юношей, нужно запастись знаніями въ городскихъ образовательныхъ учрежденіяхъ, которыхъ нѣтъ даже въ заграничныхъ деревняхъ.

Какъ настоящій толстовецъ, Меньшиковъ не знаетъ, какъ на—брать словъ для возвеличенія народа, какъ источника всякаго счастья для интеллигенціи. Ея разобщенность съ народомъ—историческое несчастье русскаго общества, въ которомъ господствуетъ недовольство своей страной, презрѣніе къ народу. Меньшиковъ сожалѣетъ о томъ времени, когда у русскихъ бояръ и крестьянъ была одна одежда, пища, пѣсни, сказки и былины, одинаковая вѣра въ домовыхъ, лѣшихъ, оборотней, заговоры, примѣты, одни и тѣже

суевѣрія и знанія и политическое міросозерцаніе. Дворяне, какъ и крестьяне, также брались за соху и хозяйничали въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ. Постоянный притокъ варварскаго народнаго міросозерцанія освѣжалъ верхи общества народнымъ здравымъ пониманьемъ дѣйствительности и коренныхъ нуждъ. И города и деревни имѣли одну и туже культуру. Вся современная интеллигенція разныхъ слоевъ не имѣетъ ничего общаго съ народомъ. Этимъ и объясняется совершенный упадокъ стариннаго самоуправленія, пышный расцвѣтъ крѣпостничества и бюрократизма послѣ Петра I, бироновщина, аракчеевщина. Современный русскій образованный человѣкъ тяготѣетъ къ Западной Европѣ читаетъ, вмѣсто Четь-Миней романы Золя, Бурже, Додэ, чувствуетъ себя за границей гораздо лучше, нежели дома. Собственная, родная общественная жизнь интересуетъ его гораздо менѣе, нежели иностранная. Ни русская печать, ни школа не знакомятъ съ русскимъ народомъ, а лишь съ жизнью иноземныхъ, современныхъ и исчезнувшихъ народовъ. Русскіе бродятъ за границей безъ всякой опредѣленной цѣли; выдающіеся наши профессора, художники, врачи, артисты начинаютъ получать приглашенія за границу. Средняя интеллигенція стремится къ домашней Европѣ—городамъ, къ казеннымъ окладамъ. Меньшиковъ приписываетъ этой полной разобщенности съ народомъ преобладаніе въ нашемъ юношествѣ холоднаго эгоизма, карьеризма и презрѣніе къ низшимъ классамъ. Изъ того-же факта вытекаетъ и пренебреженіе въ русской литературѣ, къ мужику, съ которымъ общество познакомилось лишь въ сочиненіяхъ Пушкина, Тургенева, Л. Толстаго, и душевная рознь интеллигенціи съ народомъ. Чтобы возстановить сродство съ нимъ, нужно возвратиться въ среду народа, усвоить его бытъ, трудъ, настроеніе, переѣхать въ деревню, однимъ словомъ, стать въ условія жизненнаго равенства съ мужикомъ. Чтобы убѣдить интеллигентовъ въ необходимости такого шага, Меньшиковъ открываетъ неслыханныя сокровища въ русскомъ народѣ; онъ оказывается, кромѣ невѣжества, обладаетъ въ удивительной иногда степени истиннымъ образованіемъ. Вы, говоритъ ultra народникъ, встрѣтите въ деревнѣ утонченную культуру души, ума, воображе-

нія, богатую неписанную литературу, богатую музыку, прекрасно разработанный языкъ, точнѣйшія знанія. Народу свойственно все великое, святое, вѣчное; всѣ безспорныя нравственныя истины ему извѣстны. Настроенному воображенію Меньшикова, который не можетъ, все-таки, отрицать народнаго невѣжества, самый миѳъ о трехъ китахъ, на которыхъ, по представленію темной массы народа, покоится земля, представляется не разительнымъ доказательствомъ непроглядной тьмы въ народѣ, а только „образнымъ символическимъ объясненіемъ, ни для кого необязательнымъ и притомъ свойственнымъ отдѣльнымъ, пылкимъ головамъ, поэтамъ среди мужиковъ". Меньшиковъ полагаетъ, что отдѣльныя суевѣрія не мѣшаютъ общей высокой интеллигентности какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и народа, и что у насъ не народное невѣжество отдѣляетъ интеллигенцію отъ народной жизни, а нашъ соціальный эгоизмъ. Только поселившись въ деревнѣ и сдѣлавшись крестьяниномъ, образованный человѣкъ искренно пожалѣетъ народъ, найдетъ сродство съ народной душой. „Лишніе люди, гамлетики, нытики" и прочая интеллигентная дрянь вышла изъ обособленія интеллигенціи отъ народа, которой поэтому надо „раствориться" въ немъ, слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы образованность не составляла спеціальности, а чтобы самъ народъ былъ достаточно просвѣщенъ Куда-же, спрашивается, дѣвались его культура и точнѣйшія знанія, о которыхъ Меньшиковъ заявляетъ такъ торжественно? Вѣдь, то образованіе, котораго теперь онъ требуетъ для народа, будетъ заимствовано изъ Западной Европы, откуда, повидимому, пришло все зло для русскаго народа и его интеллигенціи! Нисколько не смущаясь этимъ рѣзкимъ противорѣчіемъ въ своихъ взглядахъ, Меньшиковъ продолжаетъ говорить о необходимости слiянія образованнаго класса съ народомъ: онъ ждетъ отъ такого взаимнаго союза развитія въ обѣихъ сторонахъ живаго интереса къ политическимъ дѣламъ. Меньшиковъ понимаетъ политическую жизнь въ смыслѣ „участія разумомъ и совѣстью въ нравственныхъ интересахъ страны, возвышенныхъ всеобщихъ задачахъ". Вѣроятно, такое развитіе въ интеллигенціи политической жизни произойдетъ оттого, что народъ научитъ ее подобному разумѣнію долга гражданина и человѣка, его счастья. Пока-же не

совершился этотъ желанный союзъ народа съ своей интеллигенціей, она пребываетъ въ состояніи какого-то нравственнаго маразма, государственной приживалки съ давнимъ взглядомъ на казну, какъ дойную корову. Въ тоже время самъ народъ сознаетъ себя хозяиномъ въ странѣ, считаетъ себя правиломъ, а все остальное исключеніемъ, чувствуетъ свое достоинство и обладаетъ извѣстными нравственными правилами. Меньшиковъ убѣжденъ въ полномъ перерожденіи всей нашей страны отъ переселенія изъ городовъ ихъ населенія въ деревню, которое можетъ переродить печать, сдѣлать ее „изъ приживалки партій сильнымъ *народнымъ* учрежденіемъ". Образованное крестьянство не полѣнилось-бы внести во всевозможные общественные вопросы тотъ-же трудъ, какой оно вноситъ и въ свое хозяйство. Тоже оживленіе произойдетъ и съ наукой, теперь превращенной въ какое-то волхвованіе, жречество одного высшаго класса, и искусствомъ, оторваннымъ теперь отъ народной почвы и окаменѣвшимъ въ условныхъ манерахъ. Возвращеніе къ своему народу должно сдѣлаться завѣтной мечтой интеллигенціи; здѣсь взаимное спасеніе, если не жизни, то счастья обоихъ. Меньшиковъ не считаетъ фантазіей массовое переселеніе интелигенціи въ деревню: онъ думаетъ, что раздѣленіе людей на классы и сословія явленіе несовершенное и временное. Человѣчество стремится къ сліянію, а не къ обособленію; это міровой законъ, которому мы не должны препятствовать. Лишь одно обстоятельство огорчаетъ нашего идеалиста: большинство образованнаго общества слишкомъ испорчено для какого-либо великаго движенія. Онъ утѣшается лишь одною надеждой, что найдутся-же среди интеллигенціи честные люди, которые проникнутъ въ „землю отцовъ" и обрѣтутъ радость изгнанниковъ, примиренныхъ съ родиной. Дѣйствительная жизнь пока не оправдываетъ этихъ горячихъ пожеланій Меньшикова, да навѣрное они такъ и останутся въ области однихъ его мечтаній: ужъ слишкомъ фантастичны, идутъ въ разрѣзъ съ историческимъ прошлымъ всѣхъ культурныхъ странъ и настоящимъ ихъ состояніемъ всѣ планы нашего реформатора въ увлеченіи идеями своего знаменитаго учителя (гр. Л. Н. Толстаго). Меньшиковъ забываетъ объ условіяхъ жизни современнаго

общества и всѣхъ типическихъ особенностяхъ его быта, которыя не могутъ сразу измѣниться, хотя-бы и по инициативѣ благороднѣйшихъ и влiятельнѣйшихъ мыслителей.

Какъ и нужно ожидать, послѣ краснорѣчиваго описанiя Меньшиковымъ всѣхъ ужасовъ современной городской жизни и приглашенiя къ переселенiю изъ городовъ въ деревни, у нашего толстовца слѣдуетъ не менѣе обязательное изложенiе всѣхъ благъ, которыя можетъ дать въ деревнѣ природа. Человѣкъ находится въ опредѣленномъ отношенiи къ природѣ, которое извращается имъ самимъ къ своему собственному несчастiю. Онъ создаетъ себѣ смрадную атмосферу городовъ, вырубаетъ тѣнистые лѣса, превращаетъ благоуханную степь въ пустыню. Въ опустошенномъ и извращенномъ такъ человѣкомъ мiрѣ исчезаетъ равновѣсiе между нимъ и природой. Въ древности на просторѣ степей, среди лѣсовъ и горъ или на уединенныхъ островахъ океана иногда слагались удивительно разумныя отношенiя человѣка къ природѣ и истинно гуманныя отношенiя его къ ближнимъ, слагалась высокая и умственная и нравственная культура, дававшая здоровое, неотравленное счастье. Свѣжая, мощная раса отдавалась нетяжелому, живительному труду. Такимъ безпорочнымъ народамъ природа внушала великiя познанiя и безъ письменности. Простымъ умозрѣнiемъ древнiе греки и др. постигали истины, къ которымъ современная наука приходитъ ощупью. А это потому, думаетъ Меньшиковъ, что человѣкъ, выросшiй среди стихiй и неизувѣченный больной культурой, обладаетъ своего рода *ясновидѣнiемъ* природы. И даже теперь образцы богоподобной красоты, душевнаго мужества и величiя нужно искать не въ центрахъ современной цивилизацiи, а гдѣ нибудь на Востокѣ, въ нашихъ донскихъ степяхъ. Меньшиковъ думаетъ, что дикари не первозданный типъ человѣка, а выродки, продуктъ крайней порчи его природы. Первозданный типъ—это варваръ (древнiй грекъ, персъ, еврей, галлъ, германецъ, славянинъ) и современному человѣчеству грозитъ еще опасность зачахнуть въ неблагопрiятныхъ климатическихъ условiяхъ.

Стихiя человѣка *деревенская* природа. Не смотря на всѣ искусственныя условiя городской жизни, въ города стремятся изъ

провинціи массы народа: здѣсь живутъ люди образованія и таланта, власти, идетъ вѣчный праздникъ. Только въ городѣ дѣлается карьера, можно добиться извѣстности, богатства, вліянія. Сравнивая деревенскую и городскую жизнь, Меньшиковъ отдаетъ полное предпочтеніе первой предъ второй и предостерегаетъ современное общество, что отчужденіе отъ природы влечетъ за собою упадокъ цивилизаціи и глубокое разстройство въ человѣчествѣ. Въ городѣ подтачивается физическое и психическое здоровье расы. Жители города неизбѣжно вымираютъ отъ своего рода малярійнаго отравленія. Все населеніе городовъ состоитъ изъ уродливыхъ физически, малокровныхъ, дряблыхъ, развинченныхъ людей, которые носятъ въ себѣ зародыши или даже признаки „выродковъ" какъ ихъ рисуетъ Ломброзо. Въ городѣ взрослое поколѣніе, какъ и всѣ дѣти, лишены здоровья, безъ котораго немыслимо счастье. Нормальная жизнь возможна только въ деревнѣ—это основное убѣжденіе Меньшикова, который и переселенческое движеніе въ средѣ нашего крестьянства объясняетъ тоской его по природѣ, которой русскій крестьянинъ лишается съ водвореніемъ у насъ городской промышленной культуры. Теперь хлѣбъ превратился изъ дара Божьяго въ хозяйскій товаръ, спѣшно сбываемый за границу на шампанское и резиновыя шины. Нашъ публицистъ горячо возстаетъ противъ общераспространеннаго заблужденія, что лишь городъ вырабатываетъ истинную культуру и даетъ настоящее счастье людямъ. На самомъ дѣлѣ для него нужно не то, что производитъ городъ, а то, что даетъ деревня: чистый воздухъ, солнце, зелень, міръ живыхъ существъ, свѣжая пища и живой и осмысленный трудъ. Нашъ народъ смотритъ, по словамъ Меньшикова, правильно на счастье, избѣгая сумашедшихъ крайностей богатства, ненасытнаго знанія, неукротимаго честолюбія. Только деревня даетъ, кромѣ здоровья, беззаботность: городская жизнь, наоборотъ, сплошная, безвыходная забота, — истинный бичъ счастья, отравляющій всю радость человѣка.

Меньшиковъ краснорѣчиво доказываетъ весь вредъ развитія современныхъ европейскихъ городовъ въ явный ущербъ здоровью и счастью всего ихъ населенія. Онъ пророчитъ современному

обществу перспективу полнаго психическаго вырожденія. Теорія „недѣланія“ гр. Л. Н. Толстого означаетъ призывъ къ освобожденію людей отъ массы ненужныхъ, несносныхъ и вредныхъ хлопотъ, загромождающихъ теченіе жизни. Вмѣстѣ съ общимъ переутомленіемъ замѣчается быстрое умноженіе нейрастеніи, преступленій, помѣшательства, самоубійства и разныхъ нервныхъ болѣзней. Всѣ завалены чрезмѣрной работой, человѣкъ не имѣетъ нужнаго отъ нея отдыха. Оттого-то во всей Европѣ замѣчается упадокъ въ области науки, искуства и литературы. Рисуя идеалъ людскаго счастья въ духѣ идей гр. Л. Н. Толстаго, Меньшиковъ возстаетъ противъ всего современнаго общественнаго строя, его гнета надъ человѣческою личностью. Идеалъ закона—упраздненіе закона за ненадобностью. Меньшиковъ сожалѣетъ о прежней патріархальной деревнѣ и констатируетъ разореніе народной души фабрикой, казармой, отхожими промыслами. Въ городахъ господствуетъ анархія, нѣтъ ни настоящей собственности, ни истинной религіозности. Меньшиковъ увѣряетъ, что естественное состояніе деревни—не нищета, а зажиточность, что здѣсь есть налицо всѣ условія комфортабельной жизни. Сокровища науки и искуства, собранныя въ городахъ, не служатъ на пользу ихъ жителямъ, не даютъ имъ счастья. Истинное искусство возможно лишь въ деревнѣ. Также и истинная наука требуетъ непосредственнаго общенія съ природой, что возможно также только въ деревнѣ. Норма для человѣческаго счастья, легко здѣсь достижимая, это: кусокъ хлѣба и стаканъ воды, чистый воздухъ, легкій трудъ, любовь и свобода—положеніе, къ которому постоянно возвращается Меньшиковъ въ своихъ разсужденіяхъ о счастьи. Поэтому онъ отрицательно относится къ существующей эволюціонной теоріи прогресса, которая, по мнѣнію Меньшикова, упраздняетъ Бога, совѣсть человѣка и разумъ. Мысль о безконечномъ идеалѣ, недостижимомъ для человѣка кажется совсѣмъ праздною Меньшикову, которому нуженъ идеалъ „достижимый“, *человѣческій*. Современная теорія прогресса освобождаетъ человѣка отъ нравственнаго долга, отъ борьбы со зломъ. Истинный прогрессъ состоитъ въ обезпеченіи личности естественныхъ условій счастья, полной и со-

вершенной жизни. Въ тоже время нашъ непослѣдовательный толстовецъ напоминаетъ о Богѣ, вѣчности, стремленіи человѣка познать тайну міра, вселенной. Меньшиковъ говоритъ въ заключеніе своей книги, что жизнь съ Богомъ величайшее счастье и завершеніе счастья, но что разумѣетъ подъ божествомъ Меньшиковъ и въ чемъ, по его мнѣнію, заключается жизнь съ Богомъ, этого онъ не выясняетъ. Вообще всѣ представленія, „думы" о счастьи Меньшикова буквальное почти повтореніе взглядовъ графа Л. Н. Толстого и поэтому то, что относится къ міровозрѣнію этого послѣдняго писателя, въ равной мѣрѣ примѣнимо и къ разсужденіямъ о счастіи Меньшикова [1]). Оригинально лишь популярное изложеніе имъ своихъ воззрѣній, которое своей задушевностью и убѣдительностью, истекающими изъ искренняго убѣжденія, заставляетъ подчасъ забывать, что авторъ только распространяетъ мысли своего любимаго учителя.

В. Щегловъ.

---

1) См. мою брошюру: „Графъ Л. Н. Толстой и Фридрихъ Нитцше". Ярославль. 1898.

S0041289
СФ СПбГУ